Институт языкознания Российской академии наук
Сектор анатолийских и кельтских языков

На правах рукописи

Касьян Алексей Сергеевич

Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики

10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
д. филол. н., проф., акад. РАН
В. А. Дыбо

Москва — 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

0.1. Предмет исследования **5**
0.2. Материал исследования **6**
0.3. Цель и задачи исследования **8**
0.4. Актуальность работы 10
0.5. Теоретическая и практическая новизна работы 10
0.6. Методы исследования 11
0.7. Теоретическая значимость работы 12
0.8. Основные положения, выносимые на защиту 13
0.9. Практическая ценность 14
0.10. Апробация положений работы 14

РАЗДЕЛ I. ХАТТСКИЙ ЯЗЫК

Глава 1. Очерк грамматики хаттского языка

1.0. Название 16
2.0. Общие сведения 16
3.0. Генеалогическая атрибуция 18
4.0. Памятники 19
5.0.0. Лингвистическая характеристика 21
5.1.0. Фонологические сведения 21
5.1.1. Фонотактика 25
5.1.2. Чередования 25
5.2.0. Морфология 26
5.3.0. Синтаксис 38
5.4.0. Заимствования 41
6.0. Диалекты 41

Глава 2. Хаттский как сино-кавказский язык

1. Общие замечания 42
2. Предлагаемая ранее западнокавказская атрибуция 42
3. Предлагаемая ранее картвельская атрибуция 51
4. Гипотеза сино-кавказской атрибуции 51
4.1. Сино-кавказская (или дене-сино-кавказская) макросемья 52
4.2. Фонетические соответствия 55
4.3. Структура корня 73
5. Хаттско–сино-кавказские корневые сравнения 76
5.1. Хаттские корни с надежными сино-кавказскими этимонами 76
5.2. Заимствования, ненадежные этимологии, неэтимологизируемые корни 113
6. Хаттско–сино-кавказские сравнения грамматических морфем 151
6.1. Хаттские грамматические морфемы с надежными сино-кавказскими этимонами 151
6.2. Некоторые хаттские грамматические морфемы с сомнительными сино-кавказскими этимонами 156
7. Контакты с соседними языками 158
8. Заключение 161
8.1. *Л*ингвистическая классификация 161
8.2. Географическая проблема 176

РАЗДЕЛ II. ХУРРИТО-УРАРТСКИЕ ЯЗЫКИ

Глава 1. Хуррито-урартские языки с точки зрения лексикостатистики

1. Введение 198
2. *Л*ексикостатистический метод 199
3. Корпус 204
4. Список Сводеша для хурритского и урартского языков 205
5. Синхронная интерпретация 260
6. *Д*иахроническая интерпретация 261

Глава 2. Лексические схождения между хуррито-урартскими и шумерским: возможные исторические сценарии

1. Введение 271
1.1. Исторические сведения 271
1.2. Методологические положения 271
2. Проблема генеалогической аффилиации шумерского языка 274
2.1. Шумерско-мундская гипотеза И. М. Дьяконова 274
2.2. Шумерско–сино-кавказская гипотеза Дж. Бенгтсона 277
3. Шумерский и хуррито-урартские 279
4. Объяснение шумерско-хурритских схождений 285
4.1. Нулевая гипотеза 285
4.2. Лексические заимствования 291
4.2.1. Замечания по поводу т. н. «Leipzig-Jakarta wordlist» 293
4.3. Языковое родство 297
4.4. Прерванный языковой сдвиг 300
5. Выводы 304

РАЗДЕЛ III. **АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ**

1. Анатолийские лексические изоляты и данные ностратического сравнения 310
1.1. Предпосылки исследования 310
1.2. Надежные этимологии 313
1.3. Спорные этимологии 340
2. Анатолийское числительное **teyu-* ‘4’, его этимология и реконструкция праиндоевропейской системы числительных 348
3. Аннотированный 110-словный список базисной лексики хеттского языка с параллелями из других анатолийских 367

Заключение 395
Библиография 405
Сокращения 441

ВВЕДЕНИЕ

0.1. Предметом исследования являются хаттский, хуррито-урартские и хеттский (с другими анатолийскими) языки и наиболее существенные для нынешнего состояния науки вопросы их этимологии, а также синхронной грамматики (т. е. графики, фонетики, морфологии, синтаксиса, текстологии).

Хаттский представляет собой мертвый бесписьменный язык, известный только в хеттской клинописной передаче XVII–XIII вв. до н. э. Мы вынуждены считать хаттский этнос автохтоном северно-центральной части Анатолии (до хеттской инвазии), т. е. предполагать, что на этом языке говорили жители Анатолии по крайней мере в начале II тысячелетия до н. э., а скорее всего и раньше.

Хуррито-урартская языковая семья состоит из двух близких языков: хурритского (с несколькими диалектами) и урартского. Хурритский засвидетельствован клинописными и угаритскими алфавитными памятниками примерно с XXIII в. по конец 2-го тыс. до н. э. на территории юго-востока современной Турции, севера Сирии и севера Ирака, а урартский фиксируется как официальный язык Урартской империи (территория современной Армении и прилегающие юго-западные области) в 1-й пол. 1-го тыс. до н. э. Хуррито-урартские племена дописьменного периода естественно ассоциировать с куро-аракской археологической культурой (Южный Кавказ, 4—3 тыс. до н. э.).

Описание грамматики хаттского и хуррито-урартских языков, а затем и этимологический анализ лексики, обосновывающий гипотезы о генеалогической атрибуции этих идиомов, являются одной из приоритетных задач в исследовании социолингвистической ситуации Анатолии и Кавказа в доисторическую эпоху.

Хеттский язык, входящий в анатолийскую языковую группу, является древнейшим засвидетельствованным индоевропейским языком. Наряду с хеттским к древнейшему периоду архивов столицы хеттского государства Хаттусы (с XVII в. до н. э.) относятся и некоторые другие анатолийские

идиомы — палайский и лувийский, однако их данные достаточно скудны и двусмысленны. Следующая по древности фиксации индоевропейская группа — это греческие диалекты, но надежно дешифрованное крито-микенское линейное письмо B на несколько веков младше древнехеттских табличек и, кроме того, система линейного письма B на порядок хуже клинописи приспособлена для передачи индоевропейской фонетики и морфологии, да и корпус и жанровый состав памятников принципиально уступают анатолийским.

Всё это делает хеттский язык исключительно важным объектом исследований для индоевропеистов, историков и культурологов.

0.2. Материал исследования. Раздел I настоящей работы, посвященный хаттскому языку, построен на фронтальном анализе всего известного сегодня хаттского корпуса. До нас дошли не только монолингвальные тексты на хаттском языке, но и хаттско-хеттские билингвы. Именно материал последних служит базисом для грамматического и лексикографического описания данного языка. Монолингвальные же сочинения пока поддаются лингвистическому анализу значительно хуже, что связано в первую очередь с типологической нетривиальностью хаттского, грамматический строй которого характеризуется полисинтетизмом. Если для хеттского мы можем проследить его языковую эволюцию и по мере необходимости отсеивать поздние формы, распознавая их как вторичные, то в случае хаттского узость корпуса памятников лишает нас такой возможности. Мы вынуждены принимать во внимание материал всех текстов (от древнехеттских до выполненных новохеттским дуктусом), чтобы иметь возможность обосновывать свои грамматические гипотезы.

Раздел II, посвященный хуррито-урартским языкам, основан на полном анализе известных хурритского и урартского корпусов. Для хурритского учитывались как клинописные памятники различной диалектной привязки, так и менее понятные угаритские алфавитные тексты религиозного содержания.

Т.н. старо-хурритский период: царская надпись Тишаталя (эндана г. Уркеш), ок. 10 старовавилонских табличек с заклинаниями (вероятно, все из

Ларсы в южной Вавилонии), 6 табличек из Мари, хуррито-хеттская билингва «Песнь освобождения».

Т.н. ново-хурритский период: митаннийское письмо, тексты из хеттских архивов Богазкёя (помимо билингвы «Песнь освобождения»), тексты из архивов Угарита, тексты из Нузи, Катны, Тель-Мескене (Эмара), Ортакёя и Тель-Брака, «субарейские» глоссы в ассиро-вавилонских источниках.

Для урартского учитывались как монументальные надписи на камне, так и хозяйственно-бытовые документы на глине.

Раздел III, посвященный хеттскому языку, основан на сплошной росписи всего опубликованного древнехеттского корпуса, почти всего среднехеттского корпуса и широкой выборки из новохеттского корпуса.

По «средней хронологии» (общепринятой в настоящее время; см. Bryce 2005) древнехеттский период охватывает 1650–1500 гг. до н. э. (цари Хаттусилис I — Телибину), среднехеттский — 1550–1350 гг. до н. э. (цари Аллувамна — Тутхалия III), новохеттский — 1350–1200 гг. до н. э. (цари Суппилулиума I — Суппилулиума II).[1]

Множество факторов указывает на то, что после Суппилулиумы I (т. е. в н.-хет. период) хеттский язык начал вымирать. Языком общения стал лувийский, а хеттский получил статус официального письменного языка (в основном используемого в документах царского архива) и, видимо, сохранился как язык общения элиты хеттского общества; о социолингвистической ситуации новохеттского времени см. Yakubovich 2009. По этой причине памятники новохеттского периода (особенно тексты, составленные в новохеттскую эпоху, а не переписанные с более древнего протографа) учитывались выборочно.

Для периодизации табличек принимаются палеографические датировки т. н. марбургской школы — Э. Ной, Х. Оттен, Ф. Штарке, Й. Клингер; см. Košak Konkordanz.

---

[1] В последнее время делаются попытки радикально «умолодить» памятники хеттского языка, см. van den Hout 2009a, 2009b, 2010b. Ряд доводов Т. ван ден Хаута, безусловно, резонен, однако более конкретная разработка этой концепции — задача будущих исследований.

0.3. Цели и задачи исследования. Первоочередная цель работы — дать компактное изложение грамматики хаттского языка с учетом всех новейших достижений в этой развивающейся лингвистической области, а также лексикологическим и этимологическим анализом обосновать гипотезу о генеалогической атрибуции хаттского, выдвинутую автором.

Для хуррито-урартских языков — собрать, синхронно описать и этимологически проанализировать базисную лексику этих языков, обосновав таким образом гипотезу о генеалогической атрибуции хуррито-урартских, выдвинутую автором. Кроме того, сопоставительным анализом лексики хуррито-урартских и шумерского языков обосновать гипотезу доисторических миграций на Древнем Ближнем Востоке, выдвинутую автором.

Что касается хеттского языка, то тут одна из первоочередных целей работы — внешний (ностратический) этимологический анализ той части хеттского — и, шире, праанатолийского — лексикона, которую образуют слова, до сего момента признававшиеся исследователями «темными» с точки зрения их происхождения и этимологических связей. Вторая цель — составить подробный аннотированный лексический список Сводеша для анатолийских языков.

На основании такого целеполагания в диссертации удается поставить и решить следующие конкретные задачи.

Для хаттского языка:

1) дать компактное синхронное грамматическое описание идиома;
2) составить этимологический словарь хаттского языка; выявить иноязычные заимствования, а для существенной части оставшейся лексики предложить сино-кавказские этимологии и, таким образом, выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что хаттский не принадлежит к западнокавказской ветви северокавказской семьи, а, видимо, является отдельным кластером сино-кавказской макросемьи;
3) построить и обосновать как с лингвистической, так и с археологической точки зрения историческую схему расселения сино-кавказских племен.

Для хуррито-урартских языков:

4) составить 110-словный список базисной лексики этих языков в соответствии с высокими лексикографическими стандартами проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных», дать синхронный (графический, фонетический, морфосинтаксический, семантический) анализ сводешевской лексики хуррито-урартских языков и, отбросив иноязычные заимствования, предложить сино-кавказские этимологии для многих корней, обосновав таким образом гипотезу о том, что хуррито-урартская группа не принадлежит к восточнокавказской (нахско-дагестанской) ветви северокавказской семьи, а, видимо, является отдельным кластером сино-кавказской макросемьи;
5) Проанализировать сводешевские списки базисной лексики для хуррито-урартских и шумерского языков, выявить в них ряд совпадающих элементов, дополнить на широком типологическим материале теорию языковых контактов, за счет чего выдвинуть и обосновать теорию миграции хуррито-урартского племени в Южную Месопотамию в дописьменную эпоху с его последующей ассимиляцией шумерскими племенами (или же миграцию шумерского племени на Южный Кавказ с последующей ассимиляцией хуррито-урартскими автохтонами).

Для хеттского языка:

6) дать внешнюю (ностратическую) этимологию для более чем сорока хеттских лексем, преимущественно относящихся к базовой части лексики и не имеющих этимонов в остальных ветвях индоевропейской семьи;
7) пересмотреть традиционную реконструкцию праиндоевропейской системы числительных и объяснить этимологию хеттского числительного ‘4’;
8) составить 110-словный список базисной лексики хеттского языка со всеми возможными параллелями из других (более скудно засвидетельствованных) анатолийских языков в соответствии с высокими лексикографическими стандартами проекта «Глобальная лексикостати-

стическая база данных», дать синхронный (графический, фонетический, морфосинтаксический, семантический) анализ сводешевской лексики анатолийских языков и, отбросив иноязычные заимствования, разобрать индоевропейские этимологии для основной части лексем.

0.4. Актуальность работы. Актуальность проведенного исследования обусловлена исключительной важностью синхронных и этимологических изысканий, формулируемых в виде задач по анализу графики, фонетики, морфологии и семантики текстов древнего языка; данные получаемых построений служат фундаментом и отправной точкой для большинства работ в области исторического ближневосточного (а также сино-кавказского и индоевропейского) языкознания.

0.5. Теоретическая и практическая новизна работы состоит в том, что впервые публикуется компактное грамматическое описание хаттского языка, учитывающее как новейшие данные по этому языку, так и современные подходы к синхронному грамматическому анализу. Впервые проводится фронтальное этимологическое исследование хаттской лексики (оформленное в виде этимологического словаря) и грамматических морфем, на основании чего опровергаются предыдущие гипотезы, касающиеся генеалогической атрибуции хаттского, и обосновывается принадлежность данного языка к сино-кавказской макросемье. Впервые хаттский язык анализируется строго с позиций современной теории и методологии сравнительно-исторического языкознания и макрокомпаративистики.

Для хуррито-урартских языков впервые собрана сводешевская базисная лексика по имеющимся на сегодняшний день корпусам, эта лексика впервые проэтимологизирована с позиций современного сравнительно-исторического языкознания и исходя из современных представлений о сино-кавказской макросемье. Впервые дается содержательное объяснение фонетическим схождениям между базисной лексикой хуррито-урартских и шумерского языков, для чего впервые формулируются и типологически

обосновывают некоторые теоретические положения механизма языковых контактов.

Для нескольких десятков хеттских лексем, относящихся к базисной лексике, впервые обосновывается их праязыковой (ностратический) характер. Такой фронтальный разбор анатолийской базисной лексики в соответствии с теоретическими и методологическими положениями современной компаративистики осуществлен впервые.

Для ряда лексем, считавшихся ранее семантически «темными», устанавливаются их синхронные значения. На основании анализа праанатолийской системы числительных пересматривается реконструкция индоевропейской (индо-хеттской) системы счета.

Впервые составлен подробно аннотированный и проэтимологизированный 110-словный список базисной лексики хеттского с параллелями из остальных анатолийских языков. Такого качества списки являются необходимым условиям для точной филогенетической классификации языков индоевропейской семьи.

В отличие от большинства работ по анатолийскому языкознанию, в представленной диссертации хеттский материал строго структурирован по хронологическим периодам, а для датировки памятников используются жесткие палеографические критерии.

0.6. Методы исследования. В работе используется совокупность всех методов, применяемых как традиционной, так и современной компаративистикой и макрокомпаративистикой. В соответствующих разделах применяются современные методы синхронного грамматического описания языка. Используются и углубляются методы ареальной лингвистики. Статистический метод служит для формального разграничения ситуаций генеалогического родства языков и вторичных контактов. Филологический метод используется при анализе синхронных семантических и формальных характеристик форм. Он заключается в широком анализе контекстов, в которых релевантные формы употребляются, и элементах критики текста (для повреждённых памятников). Только к верифицированным таким образом данным может применяться сравнительно-исторический метод — внутрен-

няя реконструкция и сравнение результатов внутренней реконструкции с другими индоевропейскими, ностратическими и сино-кавказскими языками.

0.7. Теоретическая значимость работы. Оказывается, что грамматическая система хаттского языка (несмотря на свою сложность и типологическую нетривиальность) может быть описана рядом компактных таблиц. Это же касается и этимологических соответствий между засвидетельствованным хаттским языком и сино-кавказским праязыком: система фонетических соответствий проста и логична, а семантические переходы по большей части типологически тривиальны.

Хуррито-урартская лексика хорошо вкладывается в концепцию сино-кавказской атрибуции хуррито-урартской языковой группы при строгом лексикостатистическом анализе с учетом распределения между языковыми семьями, составляющими сино-кавказскую макросемью, и распределения этимологий между более стабильной и менее стабильной частями 110-словного списка.

Развитие теории языковых контактов позволило предложить новационный сценарий социолингвистического взаимодействия между носителями хуррито-урартских и шумерского языков в дописьменную эпоху.

Принятие бифуркационного генеалогического дерева индоевропейской (индо-хеттской) семьи позволяет возвести большое количество анатолийских лексем из базисной части словаря на ностратический прауровень.

Качественный анализ базисной лексики анатолийских языков оказывается необходимым инструментом для построения устойчивого филогенетического дерева индоевропейских язвков.

Представляется, что полученные нами результаты интересны не только для специалистов по анатолийскому, индоевропейскому и сино-кавказскому языкознанию, но и для исследователей по сравнительно-историческому языкознанию вообще и типологии как пример метода поиска системного развития в «несистемных» исторических и синхронных процессах.

0.8. Основные положения, выносимые на защиту:

1) Дешифрованный на сегодняшний день хаттский материал достаточен для того, чтобы составить относительно подробный очерк грамматики хаттского языка с рассмотрением как основных грамматических черт, так и ряда частных особенностей.

2) Хаттский язык может рассматриваться как отдельная ветвь внутри предполагаемой сино-кавказской макросемьи, причем вероятна близость хаттского к енисейско-бурушаски кластеру. Иногда высказываемая гипотеза о хаттском как о предке или близком родственнике абхазо-адыгских языков не находит подтверждений.

3) В хаттском словнике имеется ряд лексем, общих с аккадским, западносемитстким, хурритским, древнегреческим, возможно, шумерским языками. Это заимствования в ту или иную сторону и бродячие слова.

4) Майкопскую археологическую культуру следует отождествлять с носителями северокавказского праязыка.

5) Лексикостатистический анализ хуррито-урартской языковой группы подтверждает традиционную точку зрения о близости родства хурритского и урартского.

6) Хуррито-урартская группа может рассматриваться как отдельная ветвь внутри предполагаемой сино-кавказской макросемьи, причем вероятна близость хуррито-урартского языков к енисейско-бурушаски кластеру. Иногда высказываемая гипотеза о хуррито-урартском как о близком родственнике нахско-дагестанских языков не находит подтверждений.

7) Гипотеза хуррито-урартского субстрата шумерского языка (или же шумерского субстрата хуррито-урартского праязыка) является наиболее вероятной из ряда конкурирующих объяснений сводешевских лексических элементов, общих для хуррито-урартского и шумерского.

8) В хеттском и лувийском языках обнаруживаются несколько десятков корней и служебных морфем, представляющих ностратические архаизмы, утраченные в индоевропейской семье после отделения анатолийской ветви.

9) Индо-хеттский праязык обладал системой счета «1/2/3/много», после отделения анатолийской ветви произошел переход к четверичной системе, и только затем четверичная система начала вытесняться десятеричной.

10) Лексикостатистический анализ анатолийской языковой группы подтверждает традиционную точку зрения о близости родства хеттского и лувийского.

0.9. Практическая ценность. Данные проведённого исследования могут быть использованы (и используются автором) при составлении вузовских курсов по хеттскому, хурритскому и другим языкам Древней Передней Азии, а также по сравнительно-исторической грамматике сино-кавказских и индоевропейских языков и типологии систем письма.

0.10. Апробация положений работы. Основные положения диссертации были изложены на 12-й ежегодной конференции «Annual UCLA Indo-European Conference» (США, Вашингтон: 2001), конференциях памяти С. А. Старостина «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнее родство языков» (Москва, РГГУ: март 2006; март 2008; март 2009; март 2010; март 2011; март 2012; март 2013; март 2014), чтениях памяти И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН: июнь 1999, июнь 2000, июнь 2006; июнь 2009; июнь 2010; июнь 2011; июнь 2013; июнь 2014), чтениях памяти В. Н. Топорова (Москва, Посольство Литовской Республики в РФ / Институт славяноведения РАН: декабрь 2009), международной конференции «Indo-European Homeland and Migrations: Linguistics, Archeology and DNA. N. Ya. Merpert Memorial Round Table» (Москва, РГГУ, сентябрь 2012), а также на ряде заседаний Ностратического семинара им. В. М. Иллич-Свитыча (Москва, РГГУ, 2007–2014).

РАЗДЕЛ I

ХАТТСКИЙ ЯЗЫК

Глава 1
ОЧЕРК ГРАММАТИКИ ХАТТСКОГО ЯЗЫКА

1.0. Название. Хаттский язык (Х.я.), рус. устар. *протохаттский*, *протохеттский*, англ. *Hattic, Hattian*, нем. *Hattisch*.

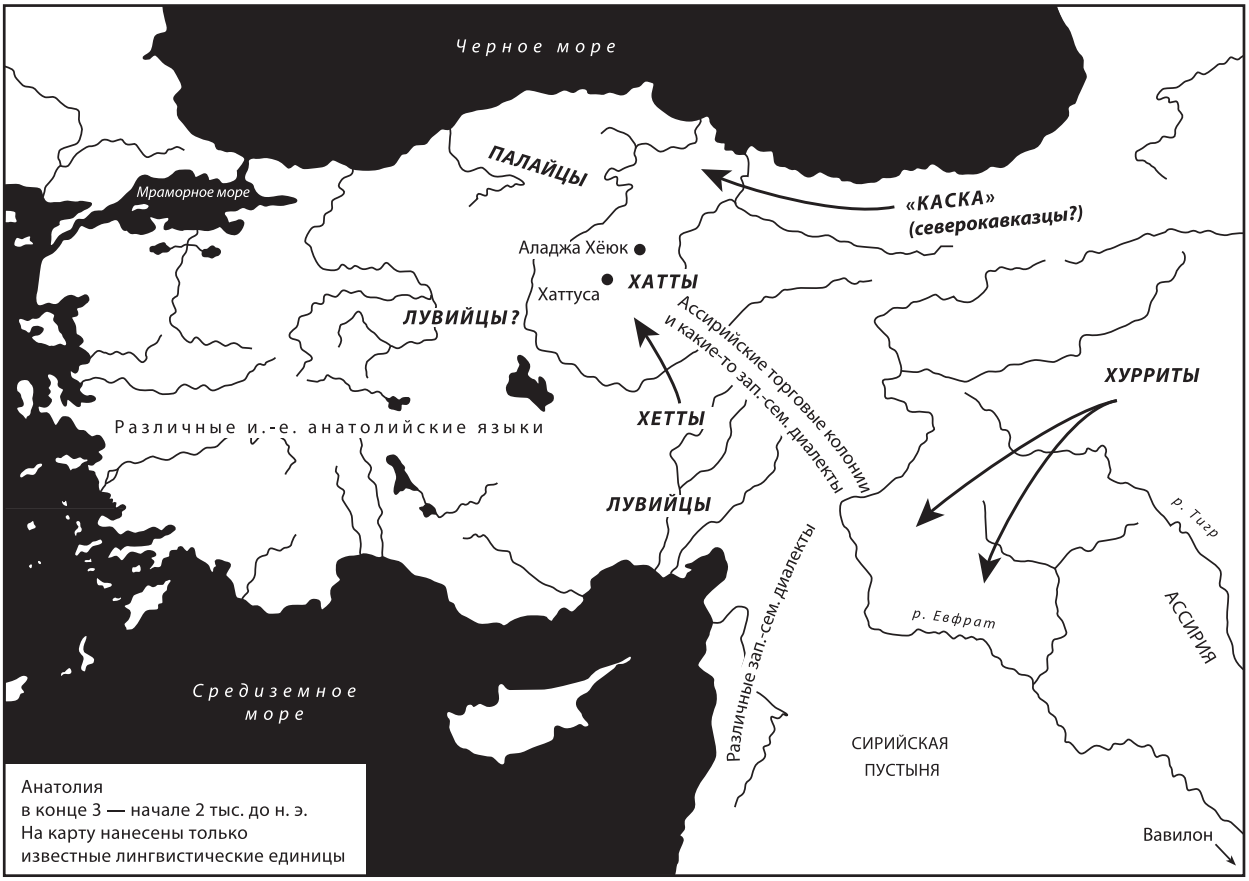
Видимо, *ḫatt-* — самоназвание хаттов (так как хетты называли этот язык *ḫattili* ‘по-хаттски’), которое позднее было перенесено на анатолийские этносы и языки (ср. хетт. KUR ^{URU}*ḫatti* ‘страна города Хатти’ и егип. *ḫt*’ по отношению к Хеттскому царству или более позднее библейское *ḥittī*).

2.0. Общие сведения.

Х.я. — мертвый бесписьменный язык, известный только по вторичным источникам, относящимся к XVII–XIII вв. до н. э. (здесь и далее все даты даются по «средней хронологии»), см. 4.0.

Был распространен на территории северной части центральной Анатолии (совр. Турция, районы севернее излучины р. Галис, совр. Кызылырмак) до прихода туда хеттов в XVII в. до н. э.; ареал распространения мог быть шире, но вряд ли южнее Галиса; староассирийские хозяйственные тексты из торгового центра Каниш (совр. Кюль-Тепе) содержат некоторое количество антропонимов, допускающих хаттскую атрибуцию (см., напр., Garelli AC: 152–154), но более поздние лувийские данные из южной Анатолии не показывают следов контакта с хаттами. (вторая половина III тыс. до н. э.), видимо, требуют хаттской атрибуции[1].

[1] Богатые захоронения в Аладжа-Хююке, а также аналогичные археологические пункты на территории т. н. «Hatti Heartland», относящиеся к 3-му тыс. до н. э., — Калинкая, Ресулогу и др. (см., напр., Zimmermann, 2009, Yildirim & Zimmermann, 2006) — требуют хаттской атрибуции. Остается неясным, на основании чего некоторые авторы (напр., Bryce, 2005, 14) приписывают захоронения Аладжа-Хююка хетто-лувийцам. Нам известно, что в хаттской культуре имелся институт царской власти, развитый пантеон, а кроме того, хатты были металлургами, — это хорошо соответствует археологической культуре Аладжа-Хююка. Однако, мы не можем сказать ничего аналогичного о доисторических хетто-



Судьба этноса доподлинно не известна, но все говорит о том, что хатты были не перебиты хеттами, а ассимилированы ими. Традиционно считается, что Х.я. вымер в древнехеттскую эпоху (ок. 1680–1500 гг. до н. э.), однако же в документах хеттского архива находятся некоторые свидетельства того, что отдельные группы носителей Х.я. существовали и в новохеттское время, см. HWHT: 15. Хатты оказали исключительно большое влияние на хеттскую культуру древнехеттского периода (ок. 1680–1500 гг. до н. э.), в частности почти весь культ оказался заимствованным у хаттов. Подробнее о социо-

---

лувийских племенах, известных нам. Традиционная (до эпохи радиокарбона) датировка помещает соответствующий слой Аладжа-Хююка во 2-ю пол. 3-го тыс. до н. э., хотя Ю. Ялчин (Ü. Yalçin, “New investigations on the royal tomb of Alacahöyük”, paper presented on May 27 at the “Meeting on the Results of Archaeometry” — session of the 32nd International Symposium of Excavations, Surveys and Archaeometry, organized by the Ministry of Culture and Tourism, Republic of Turkey, May 24–28, 2010, Istanbul) сообщил, что недавний радиоуглеродный анализ деревянного фрагмента из старых раскопок 1930-х годов показал дату между 2 500 и 10 000 гг. до н. э. [sic!], но этот результат не кажется надежным.

лингвистической ситуации в Анатолии нач. 2-го тыс. до н. э. см. Goedegebuure 2008.

Вследствие малого количества памятников, Х.я. очень плохо поддается изучению. Несмотря на то, что исследования ведутся уже около 100 лет, до сих пор невозможно произвести сколько-нибудь полный анализ и дать перевод какому-либо хаттскому тексту, если он не билингвальный.

Современное состояние изучения Х.я. отражает в первую очередь работа О. Сойсала HWHT, включающая в себя подробное исследование морфологии Х.я. с учетом новых текстов из Ортакёя, конкорданс засвидетельствованных форм и практически полную библиографию по Х.я. Общий краткий очерк культуры и языка можно найти в Klinger 2005. Важной вехой в изучении грамматики Х.я. явилась книга Girbal 1986. Монография Klinger 1996 представляет собой объемное культурологическое исследование с публикацией текстов, снабженных филологическим и лингвистическим комментарие. Основные хаттско-хеттские билингвы изданы в Schuster 1974 и Schuster 2002 (к сожалению, в работе Schuster 2002 фактически не учтены достижения хаттского языкознания последних десятков лет; ср. отрицательную рецензию Soysal 2004).

На русском языке имеются работы Дунаевская, Дьяконов 1979 и Камменхубер 1980, но они, к сожалению, существенным образом устарели.

3.0. Генеалогическая атрибуция.

Генеалогическая атрибуция Х.я. не установлена. Наиболее перспективным выглядит сопоставление Х.я. с языками сино-кавказской макросемьи и постулирование отдельной хаттской ветви внутри это макросемьи (причем Х.я. показывает специфическую близость скорее с енисейской и северокавказской ветвями, нежели с сино-тибетской; подробнее см. гл. 2 наст. раздела).

Следует иметь в виду, что в связи с введением в научный оборот новых хаттских текстов интерпретация лингвистами той или иной хаттской морфемы может меняться (иногда очень существенно); таким образом, значительное количество предлагаемых ранее этимологических сопоставлений сегодня необходимо отбросить.

4.0. Памятники.

Х.я. дошел до нас только на глиняных клинописных табличках, относящихся к XVII–XIII вв. до н. э. и написанных, видимо, не носителями хаттского языка, а хеттскими или лувийскими писцами. Основная часть памятников происходит из архива хеттской столицы Хаттусы (совр. Богазкёй), почти все эти документы (ок. 500 единиц) опубликованы; в конце 1980-х гг. был открыт хеттско-хурритский культовый центр Сапинува (совр. Ортакёй), где наряду с хеттскими и хурритскими текстами обнаружились и таблички по-хаттски (ок. 45 единиц; основная часть этого корпуса только готовится к публикации, см. Ünal 1998, Süel & Soysal 2007, Süel & Soysal forthcoming).

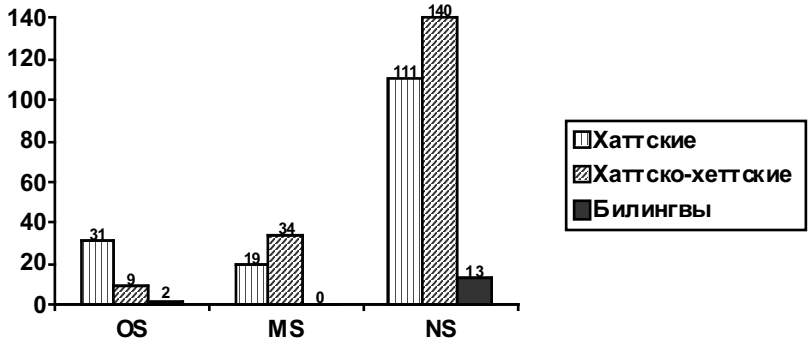
В каталоге *Л*ароша собственно хаттские тексты занимают диапазон CTH 725–745, причем большинство текстов известно сейчас в нескольких копиях и/или вариантах; ряд кратких хаттских пассажей (обычно прямая речь жреца) содержится в хеттских текстах, относящихся к другим номерам по *Л*арошу. Все документы дошли до нас битыми и фрагментарными (как и остальные части архивов Хаттусы и Сапинувы). Несколько десятков хаттских заимствований проникло в собственно хеттский язык (в основном это терминология, связанная с отправлением культа и институтом царской власти, а также, что важно, слово *ḫapalki* ‘железо’), список наиболее бесспорных хаттизмов в хеттском см. в Goedegebuure 2008: 146 сл.

Практически все известные тексты на Х.я. — это описания ритуалов и религиозных праздников (или же только рецитации внутри описаний ритуальных действий, составленных на хеттском), молитвы и мифы.

В числе дошедших до нас текстов есть ряд хаттско-хеттских билингв, только благодаря которым и возможно составить определенное представление о Х.я.

Палеографически хаттские тексты или хеттские тексты, содержащие хаттские пассажи, относятся ко всем датировочным периодам, т. е. начиная с древнехеттского времени до новохеттской империи (XVII–XIII вв. до н. э.). Ср. следующую диаграмму, суммирующую известные хаттские тексты (цит. по: Goedegebuure 2008: 140). Таблички разбиты на три датировочных периода (OS, MS, NS). «Хаттские» — монолингвальные тексты; «хаттско-хеттские» — хеттские тексты с пассажами на Х.я., не имеющими хеттского

перевода; «билингвы» — таблички, содержащие параллельные тексты на хеттском и Х.я.



Бóльшая часть табличек написана новохеттским дуктусом, но неясно, нужно ли считать, что всё это позднейшие копии оригиналов, относящихся к древнейшему периоду хеттской письменности, или же следует предполагать продолжение хаттской письменной традиции и в новохеттское время.

Если для древнехеттского периода предполагается, что хаттские тексты были понятны писцам, которые их записывали, то для позднейшего времени можно признать, что многие из хеттских писцов уже не владели хаттским (этот факт объясняется сменой общего культа под хурритским влиянием в среднехеттский период). Часто исследователи вынуждены считать, что текст был скопирован механически и с искажениями (иногда сам писец в колофоне упоминает об изменении исходного текста), что серьезно усложняет задачу и открывает возможность определенному научному произволу.

Сегодня удается постулировать уже порядка 300 хаттских лексем (или корней), но только менее чем у 200 из них устанавливается хотя бы примерное значение. Далеко не для всех засвидетельствованных форм мы можем дать хотя бы приблизительный морфологический анализ.

Для хаттских текстов использовались тот же тип клинописи и те же принципы и приемы письма, что и для собственно хеттских документов. Как и в хеттском, фонетические слова (тактовые группы) разделялись пробелами; только на основании этого графического эффекта возможно говорить о клитиках.

Кроме стандартного хеттского набора знаков, для записи хаттских текстов в клинописный инвентарь были введены специальные лигатуры с ма-

ленькими подписными знаками: wa_a, we_e, wi_i, wu_u, $wu_{ú}$, pu_u, $wi_{pí}$, wu_{pu} (т. е. /f/ с последующим гласным).

Формы в очерке приводятся в «стянутой» транслитерации, а знак дефиса «-» обозначает морфемную границу (в 5.1.0. встречается познаковая транслитерация, где дефис разделяет клинописные знаки).

О системе письма см. также 5.1.0.

5.0.0. *Л*ИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

5.1.0. Фонологические сведения

Г л а с н ы е

i		u
e(?)		
	a	

Существовала ли фонема /e/ или знаки серий I и E были графическими вариантами, неясно. Если /e/ и была, то графически она обозначалась непоследовательно (ср. многочисленные случаи чередований серий I и E в одних и тех же морфемах). В приводимых формах *e* и *i* могут взаимозаменяться (например, морфема *ti* — то же самое, что морфема *te*).

Предположение о фонеме /o/ (знак U, как противопоставленный знаку Ú, передающему /u/) пока не находит никаких подкреплений.

Неясно, можно ли *u* и *w* объединить в одну фонему; это же относится к паре *i* и *j*.

Гласные кластеры встречаются вида *ai*/*ae*, *ui*/*ue*, *au*, *eu*/*iu*: *ka-ne-e-un* ‘?’, *ša-i-il* ‘господин(?)’. Неясно, дифтонги ли это на *-u* и *-i*, бифонемные сочетания или же двуслоговые последовательности с глайдом ([aji, awu…]).

Сочетания вида *Cua*, *Cui*/*Cue*, *Cia* (*ku-a-at* от *ku* ‘хватать’, *du-e-it* ‘?’, *li-ja-li-ip* и *li-a-li-ip* от *alif* ‘язык’) можно трактовать как /wa, wi, ja/ или как /uwa, uwi, ija/.

Минимальная система консонантизма, которую мы можем постулировать, следующая:

Согласные

По способу образования		По месту образования			
		Губные	Передне-язычные	Палатальные	Гуттуральные
Шумные	Взрывные	p	t		k
	Аффрикаты		c	č	
	Фрикативные	f	s, š(?)		h
Сонорные	Носовые	m	n		
	Боковые		l		
	Дрожащие		r		
	Полугласные	w		j	

Число согласных фонем могло быть (и даже, скорее всего, было) бóльшим, а отсутствие графических указаний на это связано как с общем несовершенством используемого типа клинописи, так и со сложностью адаптации хеттской орфографической системы к фонетике Х.я., возможно принципиально отличавшейся от фонетики хеттского языка.

Взрывные. Для смычных употреблялись знаки обеих старовавилонских серий: *ba* и *pa*, *tu* и *du*, *ki* и *gi* и т. д., причем без какого-либо видимого распределения внутри пар, что совпадает с хеттским узусом. Таким образом, считается, что использование звонкой и глухой серий — графический феномен, не отражающий фонетику (как и в случае хеттского языка), ср. форму *ka-a-ar-**ka**-ra-a-at* — *kar-**ga**-ra-aš* от корня *karkar* ‘скоблить’.

В интервокале встречаются написания с удвоенными смычными типа *at-ta* как противопоставленные написаниям с одиночным смычным типа *a-ta*. В хеттском этим приемом в интервокале последовательно различались две серии смычных (условно: глухая и звонкая), можно ли это же проецировать на Х.я., не до конца ясно, т. к., в отличие от хеттского, в хаттских текстах удвоенные написания: (a) более редки, (b) как будто более непоследовательны, т. е. часто в одних и тех же морфемах чередуются с одиночными написаниями. Ср. форму *ta-aš-ši-e-**ga**-ra-a-am* ~ *ta-aš-ši-**ig-ga**-ra-a-am* от корня *karam* ‘(сорт вина)’.

Скорее всего Х.я. действительно различал несколько серий смычных, но, возможно, фонетически и фонологически это противопоставление было

иным, чем в хеттском, и хеттские писцы зачастую затруднялись перенести орфографический прием удвоения согласных на хаттские тексты.

Ниже в примерах могут употребляться знаки для звонких согласных (*b*, *d*, *g*), что отражает клинописный узус и не имеет отношения к фонетико-фонологической транскрипции.

Фрикативные, аффрикаты. Лигатуры с маленькими подписными знаками (*wa*$_a$, *we*$_e$, *wi*$_i$, *wu*$_u$, *wu*$_{ú}$, *pu*$_u$, *wi*$_{pí}$, *wu*$_{pu}$) встречаются уже в древнейших (древнехеттских) копиях и хаттских (и палайских) текстов и, видимо, были придуманы специально для Х.я.. Эти знаки, с одной стороны, противопоставляются знакам *wa* и *u*, *ú*, которые в интервокале выражали /w/ (хотя есть некоторое количество примеров, где вместо ожидаемой лигатуры *wa*$_a$ зафиксировано простое *wa*), с другой стороны, в одних и тех же морфемах они часто чередуются со знаками серии P (*pa*, *pí*, *pu*). Наиболее естественное решение — считать, что лигатуры *wa*$_a$ и подобные были изобретены для передачи /f/ (фонемы, отсутствовавшей в хеттском, аккадском и шумерском), но употреблялись непоследовательно, конкурируя с более привычными знаками серии P, ср. форму *ḫa-**pí**-**pu**-na-a-an* / *ḫa-**wi**$_i$-**wu**$_{ú}$-na-a-an* от *fun*(*a*) ‘человечество’. В примерах по возможности используется интерпретационное *f*, но иногда сохраняется клинописная транскрипция с *wa*$_a$, *we*$_e$…, или *p*.

Было ли фонетико-фонологическое противопоставление между /s/ и /š/, неясно. В фонетических написаниях встречаются знаки и серии S и серии Š, в то время как в хеттских текстах — практически только знаки серии Š, а серия S (наряду с Š) использовалась для шумерских и аккадских слов. Этот факт расширения инвентаря фонетических знаков как будто должен говорить о том, что Х.я. имел два сибилянта, а не один, как хеттский, однако употребление знаков серии S, с одной стороны, все-таки редко, а с другой стороны, те же морфемы часто засвидетельствованы и со знаками серии Š; ср. ***še**-e-it* — ***se**-e-it* ‘госпожа’, *ḫa-a-**ši**-mu-ú-i-li* — *ḫa-a-**si**-mu-ú-i-li*, значение неясно. Окончательного ответа на вопрос, сколько шипяще-свистящих было в Х.я., пока дать нельзя (см. также о дополнительных согласных).

Необходимо иметь в виду следующие сложности традиционной нотации: знаки серии Š в хеттском обозначали единственный сибилянт, т. е. /s/, и это же фонетическое значение серии Š необходимо предполагать для Х.я.

Если серия S выражала отдельную фонему, то типологически естественно считать, что это /š/. Серия Z передавала в хеттском аффрикату /c/ (= [ts]), и это же постулируется в Х.я. Ниже в очерке используются знаки в соответствии с клинописной транслитерацией, т. е. *š* для /s/, *s* для /š?/, *z* для /c/.

Характеристики гуттурального спиранта, который в данной работе условно обозначается буквой *ḫ*, неясны. Это клинописные знаки серии Ḫ, которые в аккадском обозначали звук, восходящий к прасемитскому глухому велярному или увулярному спиранту /x/~/χ/.

Дополнительные согласные. На основании графических вариаций внутри одних и тех же морфем или же различных адаптаций заимствований некоторые ученые предлагают постулировать дополнительные консонантные фонемы: ср. чередование знаков серий Š и T, что может отражать особую аффрикату (или межзубный), или чередование серий L и N и т. п. Некоторые из таких вариаций достаточно редки и двусмысленны, но свободное чередование *š* / *t* для определенных морфем фиксируется, по-видимому, достаточно надежно; ср. ^{D}***ša***-*a-ru-u-un* / ^{D}***ta***-*a-ru-u-un* ‘<бог> Тару’, 3 л. ед. ч. притяж. местоимение *te-* / *še-*. Графическое чередование *t* / *š* отражено в таблице консонантизма как /č/.

Единственным указанием на просодию гласных могут служить написания с дополнительным гласным знаком: *pa-la-**a*** ‘и’. Эти так называемые написания plene, во-первых, факультативны, во-вторых, встречаются довольно часто. Фонетическое (или графическое) значение plene в Х.я. не установлено. Для хеттского есть основания считать, что при помощи plene факультативно обозначались гласные в старых ударных слогах, но для Х.я. эта интерпретация была бы неудачной, так как есть много примеров на plene сразу в нескольких слогах одной тактовой группы (*li-**e**-wu$_u$-**u**-ur* от *fur* ‘страна’). Возможно, хаттские гласные противопоставлялись по долготе, что и отмечалось иконически при помощи дополнительного гласного. Другое решение — считать, что при переписывании табличек под диктовку чтец для ясности растягивал гласные в словах плохо известного ему языка и писец это фиксировал в виде удвоения.

5.1.1. Фонотактика.

В данной позиции рассматриваются фонетические слова (тактовые группы), т. е. последовательность знаков от пробела до пробела безотносительно к тому, как интерпретируются те или иные морфемы — как аффиксы или как клитики.

В анлауте возможно: #V- или #CV-; в ауслауте: -V# или -VC#. Необходимо иметь в виду, что клинопись не позволяет напрямую выразить консонантные кластеры в позиции рядом с пробелом; таким образом, возможно, что в Х.я. допускались начальные и конечные консонантные кластеры, но выявить какие-либо орфографические приемы для их передачи (как в хеттском) пока нельзя.

В инлауте возможны самые разнообразные кластеры -CC- (взрывной + взрывной, *ḫ* + шумный, шумный + *ḫ*, шумный + сибилянт, сибилянт + шумный, согласный + *j* или *w*, носовой + шумный, шумный + носовой, плавный + согласный, согласный + плавный и т. д.). Не исключено, что некоторые из этих графических кластеров передают самостоятельные фонемы, для которых не было отдельных знаков. Также возможны консонантные геминаты (передающиеся графически удвоенным согласным), которые получаются при морфемосложении. Правила ассимиляции (и диссимиляции?) носового последующему согласному нуждаются в дополнительном исследовании.

Напрямую передать инлаутные кластеры -CCC- в клинописи нельзя, но на такие кластеры могут указывать так называемые ломаные написания:]*x-aḫ-aš-ki-in* ‘?’ — фонет. /-hsk-/? Впрочем, ломаных написаний отмечено мало, и их можно считать ошибками (пропуск знака).

Фонема /r/ не встречается в начале морфем (и соответственно не встречается в анлауте тактовой группы).

О гласных кластерах см. 5.1.0.

5.1.2. Выделить какие-либо регулярные чередования в Х.я. не представляется возможным.

5.2.0. Морфология

5.2.1. Х.я. — агглютинативный. Это означает, что: 1) для одной служебной морфемы обычно характерно только одно грамматическое значение; 2) на стыке морфем фузия редка и, видимо, регулируется общими правилами фонотактики (например, ассимиляция носовых по месту образования).

Х.я. — синтетический с элементами полисинтетизма.

Принимается традиционная интерпретация строя Х.я. как номинативно-аккузативного (см. 5.3.1).

Для Х.я. в большей степени характерны префиксы, а не суффиксы. (Под префиксами понимаются аффиксы, произносимые до корня, а под суффиксами — аффиксы, произносимые после корня, безотносительно к их словообразовательному/словоизменительному статусу.) По имеющемуся материалу для многих морфем затруднительно сказать, аффиксы это или же скорее клитики.

5.2.2. Можно выделить четыре грамматических класса: глаголы, имена, местоимения, «неизменяемые». В имена попадают существительные и прилагательные. В «неизменяемые» — союзы, наречия и т. п. Один и тот же корень (или одна и та же основа) в принципе может быть как глаголом, так и именем, т. е. словоформы будут отличаться только словоизменительными аффиксами или служебными клитиками.

Глагольные основы в общем случае односложны, а основы имен часто многосложны. Вероятно, такие именные основы исконно представляют собой сложение нескольких морфем, но морфологический анализ в большинстве подобных случаев пока невозможен. Корни могут оканчиваться как на согласный, так и на гласный, а начинаются обычно на согласный.

Сейчас в Х.я. удается комбинаторно вычленить большое число служебных морфем, но о семантике или функциях некоторых из них пока нельзя выдвинуть никаких предположений. Значительная часть таких «темных» морфем в данном очерке не упомянута.

Нужно подчеркнуть, что морфология Х.я. отличается сложностью и, по всей видимости, типологической нетривиальностью, поэтому по причине скудости материала изучена крайне плохо; любое грамматическое описание Х.я. носит предварительный характер. В изложении морфологии Х.я. автор в основном следует интерпретациям, принятым в грамматике О. Сойсала.

И м я (существительное, прилагательное). Формальной разницы в словообразовательных или словоизменительных морфемах между существительными и прилагательными в Х.я., по-видимому, нет.

Выделяются грамматические категории: число, падеж.

Формально категория рода, видимо, отсутствует, но у существительных наличествуют суффикс *-l*, характерный для одушевленных мужского пола (LÚ*luizzi-l* ‘гонец’, *fa-zare-l* ‘люди; человечество’, где *fa-* — показатель множественного числа), и суффикс *-t*(*u*) — для одушевленных женского пола (примеров мало: *zuwa-tu* ‘жена’, *nimḫu-t*(*u*) ‘женщина’); но при этом далеко не все одушевленные существительные имеют показатель *-l* или *-t*(*u*), а с другой стороны, *-l* и *-t*, возможно, вычленяются у ряда неодушевленных основ (*ištarazil* ‘земля’, *kurkupal* ‘гвоздь’, *šafat* ‘яблоня’, *zilat* ‘сиденье’). Эти суффиксы занимают место перед словоизменительными суффиксами. Важно, что в каких-то случаях *-l* и *-t* могут дублироваться в прилагательном, стоящем при существительном (к сожалению, материала здесь слишком мало). О возможном выражении рода в притяжательном местоимении 3-го лица единственного числа см. в местоименном подразделе.

Общая схема фонетического слова, образуемого именной основой, такова:

–5 частица	–4 (?)	–3 предлоги	–2 притяж. мест.	–1 число	**0** **корень/ основа**	1 падеж	2 частицы
ma/fa	*a, i*	*fe, ḫa, ka, zi*	*u* *le, še/te* *ai*? *up* (*uf*?) *if*(*a*)	*fa/fi* *aš-/iš-*	√	*šu/tu* *n* *i*	

Числа обозначают позицию слота относительно корня.

Союзная частица *ma-* ‘и/же(?)’ (слот −5) и различные энклитические частицы из слота 2 (например, *-ḫu* показатель начала прямой речи) не относятся к системе имени.

О местоименных(?) морфемах из слота −4 см. в местоименном подразделе.

О предлогах (слот −3) см. в падежном подразделе ниже. Предлоги могут комбинироваться друг с другом, но для формального разделения их на несколько групп (т. е. слотов; ср. слоты −4, −3, −2 в глаголе) пока недостаточно материала.

О притяжательных местоимениях (слот −2) см. в местоименном подразделе.

Есть примеры, в которых предлог (слот −3) стоит, наоборот, после притяжательного местоимения (слот −2).

Число (слот −1). В Х.я. два числа: единственное и множественное. Единственное число никак не маркировано. Есть редкие случаи с префиксами *a-* или *i-* (слот −4), но лучше эти морфемы считать местоименными, нежели рассматривать их как маркер единственного числа; к тому же в некоторых примерах можно предполагать комбинацию *a-*/*i-* с показателем множественного числа *fa-*/*fi-*.

Множественное число выражается префиксом *fa-*/*fi-* в номинативе и в косвенных падежах и, видимо, префиксом *aš-*/*iš-* в аккузативе (под аккузативом понимается объект переходного глагола). Распределение между вариантами с *a* и *i* неизвестно, ср.: ном. *fa-pizil* и *fi-pizil* ‘ветры’, акк. *aš-fur* и *eš-fur* ‘стра́ны’.

Есть примеры, где семантическое множественное число никак не выражено. Возможно, что показатель множественности регулярно не используется, когда к имени присоединено притяжательное местоимение во множественном числе (т. е. при множественных посессорах): *ip-ḫa-kiš* ‘их головам’ (притяж. мест. 3 л. мн. ч. + предлог + ‘голова’).

Падеж (слот 1). Традиционно именные локативные проклитики (слот −3) рассматриваются как падежные показатели (А. Камменхубер, отчасти О. Сойсал и др.). Однако более удачным, видимо, было бы считать эти про-

клитики не префиксами, а клитическими предлогами (как предлагает И. М. Дунаевская).

Тогда получается система из четырех падежей:

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Ном.	*-Ø*	*fa-/fi-…-Ø*
Акк.	*-Ø, -šu/-tu*	*aš-/iš-…-Ø, aš-/iš-…-šu/-tu*
Ген.	*-n*	*fa-/fi-…-n*
Лок.	*-i*	*fa-/fi-…-i*

Дативное (в широком смысле) значение выражается генитивом с предлогами (слот −3) *pe-, ḫa-, ka-* (известны примеры, где предлог опущен). Аблативное значение — аккузативом с предлогами *ka-* или *zi-*.[2] При локативе отмечены предлоги *ḫa-, ka-*.

К не совсем обычному развитию грамматической функции аккузатив > инструменталь ср.

По-видимому, предлоги не употребляются, если эта же семантика выражена внутри глагольной словоформы специальными префиксами (которые этимологически совпадают с предлогами); когда семантика места и/или траектории выражается предлогом при имени, а когда префиксом глагола, неясно.

Рассмотрим эту систему более подробно с членением на падежи по О. Сойсалу. О. Сойсал условно выделяет следующие падежи: номинатив, аккузатив, генитив, датив, локатив и аблатив; при этом он рассматривает *-šu/-tu* и *-n* как показатели «косвенного падежа», а предлоги называет (локативными) префиксами.

Номинатив обычно никак не выражен.

---

[2] Т.к. грамматическое развитие аккузатива в аблатив типологически маловероятно (хотя ср. употребление аккузатива с пространственным аблативным значением в аккадском, Jacobsen 1960, Jacobsen 1963), такие хаттские формы можно считать еще одним доводом в пользу того, что традиционный анализ синтаксического строя Х.я. как номинативно-аккузативного не вполне соответствует действительности.

Аккузатив — суффикс *-šu/-tu* (свободное графическое чередование *š ~ t*, видимо, имеет фонетическую природу, см. 5.1.0.). Возможно, суффикс *-šu/-tu* характеризовал существительные, а прилагательные присоединяли вариант *-š/-t*, но материала здесь слишком мало; ср. *ure-š ḫuzzaššai-šu* ‘могучего кузнеца’ (‘могучий’ + *-š/-t* ‘кузнец’ + *-šu/-tu*). Во множестве (в большинстве?) случаев показатель аккузатива отсутствует, эта ситуация требует дополнительного изучения (ср. 5.3.1).

Генитив выражается суффиксом *-n* (с вариантами *-an*, *-in*, *-un*): *zari-un* ‘человека’ (‘человек’ + *-un*). В ряде примеров *-n* отсутствует.

«Датив». Под этим ярлыком объединяются предлоги *fe-/fi-* (*pe-/pi-*, *we$_e$-*), *ḫa-*, *ka-*, которые употребляются вместе с суффиксом *-n*. Суффикс *-n*, однако, может часто отсутствовать, т. е., когда предлога при имени нет (а семантика места и/или траектории выражена в глаголе), этот падеж оказывается никак не оформленным. Видимо, есть примеры, где выступают сразу два из перечисленных предлогов. Примеры: *ḫa-pi-puna-n* ‘человечеству’ (предлог + предлог + ‘человечество’ + *-n*), *pe-fil* ‘в дом’ (предлог + ‘дом’), *ḫa-le-kiš* ‘его голове’ (предлог + притяж. мест. 3 л. ед. ч. + ‘голова’), *ka-taru* ‘<божеству> Тару’ (предлог + ‘Тару’), *tabarna-n* ‘<царю->Табарне’ (‘Табарна’ + *-n*).

*Л*окатив. К этому падежу относят случаи комбинации предлогов *ḫa-* или *ka-* с суффиксом *-i*: *ḫa-fa-šḫaf-i* ‘среди богов’ (предлог + мн. ч. + ‘бог’ + *-i*). Как и в случае с «дативом», есть примеры, когда этот падеж морфологически никак не выражен.

На «аблатив» примеров мало. Он образуется комбинацией предлогов *ka-* или *zi-* с суффиксом *-šu/-tu*: *ka-jaḫ-šu* / *ka-jaḫ-tu* и *zi-jaḫ-šu* / *zi-jaḫ-tu* ‘с неба’ (предлог + ‘небо’ + *-tu/-šu*).

Выделяются личные и притяжательные м е с т о и м е н и я трех лиц и двух чисел посессора.

		Личные	Притяжательные
Ед. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	*we*	*u-*
	3 л.	*le-*?, *te-*?	*le-*, *še-*/*te-*
Мн. ч.	1 л.	?	*ai-*?
	2 л.	?	*up-* (= *uf-*?)
	3 л.	*te-…-p*?	*ip-* (= *if-*), *ifa-*

Из личных местоимений относительно надежно фиксируется только полноударная форма 2 л. ед. ч. *we* (при предикате в форме императива).

Примеры на притяжательные местоимения:

— *u-fa-zar* ‘твои овцы’ (притяж. + мн. ч. + ‘овца’);

— возможно, форма 3 л. ед. ч. притяжательного местоимения *le-* употреблялась в случае одушевленных посессоров мужского пола, а *še-*/*te-* — одушевленных женского пола и неодушевленных (однако такому распределению есть и контрпримеры): *le-fur* ‘его <т. е. царя> страна’, *le-eš-teraḫ* ‘его покровы’ (притяж. + мн. ч. вин. п. + ‘покров’), *te-pin* ‘ее <т. е. богини> сын’, *še-alep* ‘ее <т. е. богини> слово’, *te-šḫap* ‘ее <т. е. столицы> божество’, *te-fa-katti* ‘ее <т. е. страны> цари’ (притяж. + мн. ч. + ‘царь’), но также и *te-pin* ‘его <т. е. человека, мужчины> сын’ (= ’смертный’). Чередование *t* ~ *š* в *še-*/*te-*, видимо, графическое (передача особого согласного);

— *up-ḫa-pulupta*<*-n*> ‘вашим хлебам’ (притяж. + предлог + ‘хлеб’ <+ род. п.>; множественное число не выражено, но в местоимении выражена множественность посессоров);

— *ip-ḫa-kiš* ‘их головам’ (притяж. + предлог + ‘голова’; множественное число не выражено, но в местоимении выражена множественность посессоров).

Есть редкие случаи приименных проклитических морфем *a-* и *i-* (см. 5.2.2., в таблице слот −4). Возможно, это дейктические местоимения (*a-* ‘этот’, *i-* ‘тот’?).

О так называемых глагольных местоимениях (*fa-*, *u-*/*un-*, *ai-*/*e-*/*i-*, *Ø-*/*a-*) см. 5.2.2., в таблице слот −7.

Г л а г о л ь н а я морфология значительно менее ясна, чем морфология остальных частей речи. Это связано не только с тем, что хаттская глагольная система сложнее именной, но и с тем фактом, что глагольных словоформ из текстов известно меньше, чем именных или местоименных.

Видимо, можно говорить о формально выраженных:

— граммемах трех лиц и двух чисел субъекта;

— граммеме транзитивности (или даже граммемах числа прямого объекта);

— граммеме косвенного рефлексива(?) или интенсива(?);

— граммемах императива, оптатива и прохибитива;

— также о неясных аспектуально-временных граммемах и о показателях места и/или траектории.

Допустимо считать, что ряд перечисленных граммем выражается клитическими частицами, а не аффиксами.

Не рискуя давать эксплицитный анализ грамматических категорий глагола, приведем общую схему фонетического слова, ядром которого является глагольная словоформа, с комментариями. (Далее под индикативом понимается форма без примет императива, оптатива или прохибитива.)

–9 отрицание	–8 «оптатив»	–7 субъект	–6 «рефлексив»?	–5 прямой объект	–4 место	–3 место	–2 место	–1 ?	**0 корень**	1 время/ вид/ наклонение	2 частицы
taš/ šaš/ teš/ šeš	*ta/te*	*fa* *u, un* *a*? *ai, e, i*	*tu/šu*	*ḫ, k, m, n* *p, š, t, w*(*a*), *wa*$_a$	*ta, za, še, te, tu*	*ḫ*(*a*), *ḫaš, kaš, zaš*?, *pi, wa*	*k*(*a*), *zi*	*f*(*a*)	√	*u* *e* *a*	*ma, fa, pi* (=*fi*?), *aš/at*

Слот –9: *taš*/*šaš*/*teš*/*šeš* — проклитика отрицания ‘не’. Чередование *t~š*, видимо, графическое (передача особого согласного). Вокалическое варьирование *a~e* неясно, как неясно и то, используется ли эта морфема отрицания еще где-либо, кроме форм прохибитива (см. подраздел об императиве, оптативе и прохибитиве).

Слот −8: вокалическое варьирование *a~e* неясно. Морфема *ta*/*te* употребляется как будто только с формами императива (суффикс *-a*, слот 1), образуя оптатив (а комбинация *taš-ta-…-a* — прохибитив), см. подраздел об императиве, оптативе и прохибитиве. Формально *ta*/*te*/*tu* можно считать частицей, а не префиксом (ср. морфемы из слота −7).

Слот −7: показатели лица и числа субъекта:

	Ед. ч.	**Мн. ч.**
1 л.	*fa-*	*ai-, e-, i-*
2 л.	*u-, un-*	?
3 л.	*Ø-* (или *a-*?)	

Неясно, как толковать эти морфемы — как словоизменительные префиксы лица в глаголе или как проклитические личные местоимения. Если выделять морфему *a-* (показатель 3 ед. ч./мн. ч.), то необходимо считать их аффиксами лица, так как это *a-* присутствует и во фразах с неэксплицированным субъектом, и во фразах с субъектом, выраженным отдельной словоформой.

С другой стороны, *a-* отсутствует в достаточно многочисленных формах с косвеннообъектным рефлексивом(?) *tu*/*šu* (слот −6) и в непереходных формах — т. е. там, где следом за ней не стоит какая-либо морфема из слота −5 (показатели прямого объекта). Это заставляет предположить, что *a-* надо рассматривать как инициальную часть морфем из слота −5, которая проявляется в форме 3 ед./мн. ч. и пропадает (по каким-то вокалическим сандхи?) в остальных лицах. Таким образом, 3-е лицо оказывается формально немаркированным, и тогда морфемы из слота −7 можно описывать и как проклитические личные местоимения, находящиеся на пути к грамматикализации.

Этимологически обсуждаемые морфемы (кроме 3-го лица) совпадают с известными личными и притяжательными местоимениями.

Слот −6: чередование *t*/*š*, видимо, графическое (передача особого согласного). Семантика неясна. Возможно, что это косвеннообъектный рефлексив ‘для себя’ или же интенсив.

NB: неясно, насколько регулярно при этой морфеме употребление объектного показателя (слот −5).

Слот −5: скорее всего, это показатели прямого объекта при переходном глаголе (причем употребляющиеся не только в местоименной функции, т. е. не только в тех фразах, где прямой объект не выражен самостоятельным словом, но и во фразах с эксплицированным прямым объектом).

Показатели *ḫ*, *k*, *m*, *n* как будто употребляются в случае прямого объекта, стоящего в единственном числе, а показатели *p*, *š*, *t*, *w*(*a*), wa_a характеризуют прямой объект, стоящий во множественном числе. Весьма вероятно, что по крайней мере для единственного числа приведенные варианты могут сводиться к одной морфеме *n*, где [n] ассимилируется последующему согласному. В множественном же числе упомянутые *p*, *w*(*a*) и wa_a, возможно, следует просто трактовать как единый алломорф *f*(*a*).

Вероятно также, что эти морфемы и алломорфы надо записывать как (*a*)*ḫ*, (*a*)*k*, (*a*)*m*, (*a*)*n*, (*a*)*f*(*a*), (*a*)*š*, (*a*)*t* — см. о показателе субъекта 3 л. ед. /мн. ч. (слот −7).

В ряде фиксаций ожидаемый показатель прямого объекта отсутствует, что остается без объяснения.

Слоты −4, −3, −2: видимо, это аффиксы с семантикой места и/или траектории (об их возможном дополнительном распределении с именными предлогами внутри одной фразы см. падежный подраздел).

Формы из слота −4 (*ta*, *za*, *še*, *te*, *tu*), вероятно, значат ‘в, внутрь’; можно пытаться свести их к одной морфеме, где графические консонантные вариации передают особый согласный, а вокалические колебания остаются неясными.

Формы из слота −3 (*ḫ*(*a*), *ḫaš*, *kaš*, *zaš*?, *pi*, *wa*), вероятно, выражали идею движения ‘к’ или ‘пере-’; вариант *zaš* может быть графической ошибкой вм. *ḫaš*.

Формы из слота −2 значат что-то вроде ‘на, сверху’ (*k*(*a*)) и ‘под, внизу’ (*zi*).

Часть морфем из слотов −4, −3, −2 этимологически то же, что и предлоги *ḫa-, ka-, zi-* при именах (см. падежный подраздел).

Слот −1: морфема с неясным значением: аффикс места и/или траектории?

Слот 0: глагольный корень (обычно имеет вид CVC или CV).

Слот 1: суффиксы (или энклитики?), значение которых неясно. Часто их интерпретируют как показатели времени, причем считается, что *Ø* — показатель прошедшего, *u* — настоящего, *e* — будущего.

Такая интерпретация не представляется вероятной. Во-первых, системы с формально немаркированным прошедшим временем, противопоставленным маркированному настоящему (и будущему), — типологическая редкость. Во-вторых, в билингвах находится достаточно примеров, где хеттскому настоящему соответствует в Х.я. словоформа с нулевым показателем.

Видимо, *Ø*, *u*, *e* в этой позиции действительно являются аспектуально-временными показателями (так как других формальных кандидатов для граммем этого типа в Х.я. как будто нет), но семантика их отличается от наличествующего в хеттском противопоставления настоящего — прошедшего (в основном временно́го) и пока не может быть установлена.

Суффикс *a* — показатель императива; также в сочетании с другими морфемами образует оптатив и прохибитив (см. подраздел об императиве, оптативе и прохибитиве).

Слот 2: энклитические частицы, не входящие в грамматическую систему глагола.

Частицы *fa* и *pi* (=*fi*?) значат ‘и’ (обычно как показатель связи между предложениями); иногда с противительной семантикой ‘но, же’.

Значения частиц *ma*, *aš*/*at* неясны.

О частицах см. также 5.2.2. (подраздел о неизменяемых частях речи).

Переходность / непереходность. В научной литературе хаттские глаголы иногда делятся на три группы: переходные (наиболее многочисленная группа), переходно-непереходные, непереходные (глаголов этой группы известно меньше, чем двух других групп).

Под переходными (транзитивными) понимаются глаголы соответствующей семантики, в индикативных словоформах которых присутствует показатель прямого объекта, точнее, вероятно, согласователь по числу с прямым объектом (слот −5). Примеры таких корней: *pu* ‘делать’, *teḫ* ‘строить’, *fa* ‘сажать’, *tur* ‘бить’, *ḫer* ‘управлять’, (*w*)*aḫ* ‘приказывать’, *šul* ‘позволять’.

Под непереходными (интранзитивными) — глаголы соответствующей семантики без показателя прямого объекта в индикативных словоформах. Примеры таких корней: *nti* ‘стоять’, *nif*(*aš*) ‘садиться’, *wit* ‘становиться кислым(?)’, *nu* ‘идти’.

В «переходно-непереходные» включаются глаголы, в чьих словоформах отмечена морфема *tu*/*šu* (косвеннообъектный рефлексив ‘для себя’(?) или интенсив(?), слот −6). Сюда попадают глаголы из обеих упомянутых групп, причем у некоторых корней известны и формы с *tu*/*šu*, и без этого показателя. Примеры корней: *ḫil* ‘сыпать’, *šul* ‘позволять’, *tur* ‘бить’, *pu* ‘делать’, *fa* ‘сажать’, *karkar* ‘скоблить’, (*a*)*pnu* ‘наблюдать’, *nu* ‘идти’, *zik* ‘падать(?)’.

Примеры индикативных форм (корень выделен полужирным).

Транзитивы:

*ai-p-**pu*** (–7 −5 √) ‘мы сделали’;

*aš-**fa*** (–5 √) или *a-š-**fa*** (–7 −5 √) ‘они посадили’;

*e-š-ka-**ḫer**-pi* (–7 −5 −2 √ 2) ‘мы же управляем’;

*aḫ-ḫa-k-**šul**-fa* (–5 −3 −2 √ 2) или *a-ḫ-ḫa-…* (–7 −5 −3…) ‘и он пускает’;

*an-ta-ḫa-ka-**faḫ**-pi* (–5 −4 −3 −2 √ 2) или *a-n-ta-…* (–7 −5 −4…) ‘и он велел’;

*tu-p-**kargar**-aš* (–6 −5 √ 2) ‘он скоблил’;

*fa-tu-ḫaš-**tur**-u* (–7 −6 −3 √ 1) ‘я бью’.

Интранзитивы:

*ka-**nti*** (–2 √) ‘он стоит/стоял’;

*ḫa-**wit**-fa* (–3 √ 2) ‘он делается кислым(?) же’;

*wa-**nu**-fa* (–3 √ 2) ‘он пошел же’;

*un-tu-**nu*** (–7 –6 √) ‘ты идешь/шел’;

*tu-k-**zik*** (–6 –2 √) ‘он упал’.

И м п е р а т и в, о п т а т и в, п р о х и б и т и в. Как уже было сказано, императив выражается суффиксом *-a* (слот 1); иногда это *-a* отсутствует. Императив известен только при субъекте 2-го лица. Показатели лица и числа субъекта (слот –7) и прямого объекта (слот –5) в этих формах не употребляются, но есть примеры, где при императиве стоит полноударное личное местоимение субъекта *we* ‘ты’. Примеры немногочисленны:

***an**-a **miš**-a* (√ 1 _ √ 1) ‘приди (и) возьми!’;

*ka-**ti**-a* (–2 √ 1) ‘будь положенным(?)!’;

*ka-**mar*** (–2 √) ‘взрежь!’.

Оптатив выражается комбинацией *te-…-a* (слоты –8 и 1), а прохибитив — комбинацией *taš-te-…-a* (слоты –9, –8 и 1). В ряде фиксаций суффикс *-a* отсутствует. Показатели субъекта (слот –7) и прямого объекта (слот –5) используются. Примеры:

*te-**put*** (–8 √) ‘пусть они будут’,

*te-**kunkuḫu**-a* (–8 √ 1) ‘пусть живет’

*te-šu-t-**ḫil*** (–8 –6 –5 √) ‘пусть сыплет/сыплют’

*te-ka-**te**-a* (–8 –2 √ 1) ‘пусть лежит/лежат’

*te-k-za-**šul**-a* (–8 –5 –4 √ 1) ‘пусть пустит/ пустят’

*te-p-ka-**ḫil**-a* (–8 –5 –2 √ 1) ‘пусть моет’.

*t-un-tu-p-**tel**-a* (–8 –7 –6 –5 √ 1) ‘пусть ты/вы…’ (значение корня неясно; в первом слоге сандхи /e/+/u/>/u/);

*taš-te-ta-**nu**-a* (–9 –8 –4 √ 1) ‘пусть не идет’;

*taš-t-u-ta-**šul**-a* (–9 –8 –7 –4 √ 1) ‘пусть ты не пустишь’.

И м е н н ы е ф о р м ы у глагола выделить не удается.

В н е и з м е н я е м ы е ч а с т и р е ч и можно включить:

1) союзы, напр., *anna* ‘когда’, *lama* ‘?’ (фразовый), *ma* ‘но/же’ (?), *pala* ‘и’ (фразовый и словесный) и др.;

2) наречия, напр., *inta* ‘так, таким способом’ и др.;

3) клитические частицы, напр., *-ḫu*, показатель начала прямой речи, *-pa* ‘и’, *ma-* ‘и/же(?)’ и др.;

4) проклитические предлоги, см. 5.2.2., описание именной словоформы (слот −3), а также ср. 5.2.2., описание глагольной словоформы (слоты −4, −3, −2).

5.2.3. Для именного словообразования очень характерно корнесложение. Выделяются три основных типа:

1) «основа существительного + основа существительного»; напр., *ziḫar-tail* ‘плотник’ (‘дерево’ + ‘мастер’);

2) «основа существительного + показатель род. п. + основа существительного» или «основа существительного + показатель род. п. + притяж. мест. + основа существительного»; напр., ^{D}*fur-un-katte* ‘Царь страны (имя божества)’ (‘страна’ + род. п. + ‘царь’), *fur-un-še-mu* ‘Мать(?) страны (имя божества)’ (‘страна’ + род. п. + ‘её’ + ‘мать(?)’);

3) «основа прилагательного + основа существительного»; напр., *tittaḫ-zilat* ‘трон’ (‘большой’ + ‘сиденье’);

встречается редупликация: *šepšep* ‘обувь’, *pirpir*, часть тела.

О суффиксах существительных *-l* и *-t*(*u*) см. 6.2.2. (начало именного подраздела). Вычленяются и другие суффиксы, но об их семантике судить сложно.

Глагольные основы обычно представлены собственно односложным корнем. Показатели места и/или траектории (см. 5.2.2., слоты −4, −3, −2 в описании глагольной словоформы) можно рассматривать как словообразовательные префиксы.

5.3.0. Синтаксис

5.3.1. В настоящей работе, в соответствии с традицией, принимается, что грамматический строй Х.я. номинативно-аккузативный. Однако гипотеза

об активном строе Х.я. (или, по крайней мере, об элементах активности, как осторожно предполагает И. М. Дунаевская) заслуживает пристального внимания. П. Гудегебюре в своей пока еще не опубликованной статье (см. Goedegebuure 2007) обосновывает отнесение Х.я. к языкам активного строя (так называемая расщепленная активность с неясными правилами распределения). Хотя аргументация Гудегебюре опирается, по сути, только на один языковой пример, следует, однако, признать, что такая интерпретация помогает объяснить ряд форм, темных с точки зрения номинативно-аккузативной гипотезы. Достаточно убедительно выглядит и анализ П. Тарахи (Taracha 1988), при котором Х.я. предлагается считать эргативным.

Порядок слов в предложении с формальной точки зрения свободный. В переходных конструкциях последовательность V(S)O более частотна, чем последовательность с финальным предикатом. В непереходных конструкциях, напротив, превалирует SV.

Примеры предложений:

antuh lezuh lešterah pala lešepšep pala anneš kahanfašuittun

a-n-tuḫ	*le-zuḫ-Ø*	*le-eš-teraḫ-Ø*	*pala*	
–7 –5-брать	ПРИТЯЖ-платье-ВИН	ПРИТЯЖ-МН.ВИН-шкура-ВИН	и	
le-šepšep-Ø	*pala*	*a-n-eš*	*ka-ḫanfašuitt-un*	
ПРИТЯЖ-обувь-ВИН	и	–7 –5-класть	–3-трон-РОД	

‘(Он) взял свое платье, свои шкуры и свою обувь и положил их на трон’

Обе глагольные формы *a-n-tuḫ* и *a-n-eš* можно анализировать и как *an-tuḫ* и *an-eš*, т. е. «–5-брать», «–5-класть»; почему здесь присутствует показатель прямого объекта (*a*)*n*, т. е. ед. ч., а не мн. ч., — неясно (возможно, согласование по числу только с первым объектом в цепочке однородных членов).

fašhafma ešfur aškahhir

fa-šḫaf-Ø	*ma*	*eš-fur-Ø*	*a-š-kaḫ-ḫir*
МН-бог-ИМ	же	МН.ВИН-страна-ВИН	–7 –5 –2-править

‘Боги же правили странами’

zar šeštakur šeštahhumeme

zar-Ø	*šeš-ta-kur*	*šeš-ta-ḫḫu*	*meme*
овца-ИМ	–9 –8ʔ-стоять	–9 –8ʔ-говорить	бэ-э-э

‘Овца (на ногах) не стоит (и) не блеет’

В глоссировании данного примера принимается формальная интерпретация глагольных префиксов *šeš-ta-* как показателя прохибитива. В действительности же данный нарративный контекст как раз не допускает прохибитивного перевода. Таким образом, приведенный пассаж показывает, что глагольное отрицание *šeš-* (–9) может выражать не только запрет, но и утверждение, а также указывает на существование глагольного префикса *ta-* с неизвестной семантикой (Goedegebuure 2008 трактует здесь *ta-* как показатель агенса).

hanuwapa ^{D}hašammil

ḫa-nu-(w)a-pa	^{D}*ḫašammil-Ø*
–3-идти-?-и	бог Хасаммиль-ИМ

‘И бог Хасаммиль пошел’

В атрибутивных конструкциях определение обычно предшествует определяемому. Насколько регулярно грамматические показатели дублируются (или не дублируются или же вообще наличествуют только у первого члена конструкции, т. е. у прилагательного), т. е. как согласуется прилагательное с главным именем, судить сложно.

В генитивных именных конструкциях имя в родительном падеже предшествует главному имени. При посессивном генитиве к главному имени обычно присоединяется притяжательное местоимение: ^{D}UTU-*un te-pin* ‘сын Солнечной богини’ (‘Солнечная богиня’ + род. п. притяж. + ‘сын’), *fur-un te-fa-katti* ‘цари страны’ (‘страна’ + род. п. притяж. + мн. ч. + ‘царь’).

5.3.2. Об организации сложного предложения сказать что-либо определенное затруднительно.

5.4.0. Заимствования.

Надежно выделяются заимствования из семитских языков и из празападнокавказского языка. Ср. *kusim* ‘кресло, трон’ (акк. *kussû*, *kussiu* ‘кресло, трон’, имеющее в свою очередь шумерский источник) или *karam*(*u*), сорт вина (зап.-сем. **karm* ‘виноградник, виноград’), *ḫapalki* ‘железо’ < празап.-кавк. **ӄ́I^{w}ə-pəƛ̓ə* ‘медь’ с передачей заднеязычного латерала как *lk* (несмотря на семантическую разницу, этот источник заимствования фонетически предпочтительнее, нежели празап.-кавк. **ӄ́I^{w}ə-ƛ̓^{w}V* ‘железо’).

6.0. *Диалекты.*

О диалектах Х.я. ничего не известно.

Глава 2
ХАТТСКИЙ КАК СИНО-КАВКАЗСКИЙ ЯЗЫК[1]

1. Генеалогическая атрибуция хаттского языка является предметом научных дискуссий. Известны две основные теории, защищаемые различными учеными — западнокавказская и картвельская.[2]

2. Предлагаемая ранее западнокавказская атрибуция

Западнокавказскую подсемью составляет относительно небольшое число языков: 1) абхазский, абазинский; 2) адыгский, кабардинский; 3) убыхский.

Современная реконструкция зап.-кавк. праязыка была выполнена С. А. Старостиным (см. NCED, Caucet.dbf, Abadet.dbf), позднее старостиновская система соответствий была верифицирована Вяч. А. Чирикбой (Chirikba 1996). Ряд важных деталей и уточнений содержится в более поздней публикации S. Starostin 1997/2007.

По глоттохронологической процедуре северокавказский праязык разделился на восточнокавказскую и западнокавказскую ветви около 3800 г. до

---

[1] В настоящей работе хаттский материал приводится по изданию HWHT, если не указано другое. Все формы из сино-кавказских языков в общем случае цитируются по этимологическим базам данных Tower of Babel Project (Abadet.dbf, Caucet.dbf, Sccet.dbf, Stibet.dbf, Yenet.dbf — см. список литературы), если не указано другое. Я принимаю реконструкцию празападнокавказской фонологической системы в том виде, в котором она была предложена С. А. Старостиным (она слегка отличается от реконструкции Вяч. А. Чирикбы, завершающую дискуссию см. в S. Starostin 1997/2007). Некоторые адыгско-кабардинские и убыхские формы приводятся по словарям Карданов 1957, Шагиров 1977, Шаов 1975, Vogt 1963, обычно без специальных ссылок.

[2] Иногда выдвигаются и более экзотические гипотезы. Напр., Fähnrich 1980 пытается показать специфическую связь между хаттским и касситским или хурритским языками, однако я вынужден присоединиться к критике этимологий Фенриха, выдвигаемой О. Сойсалом (см. HWHT: 34 ff.).

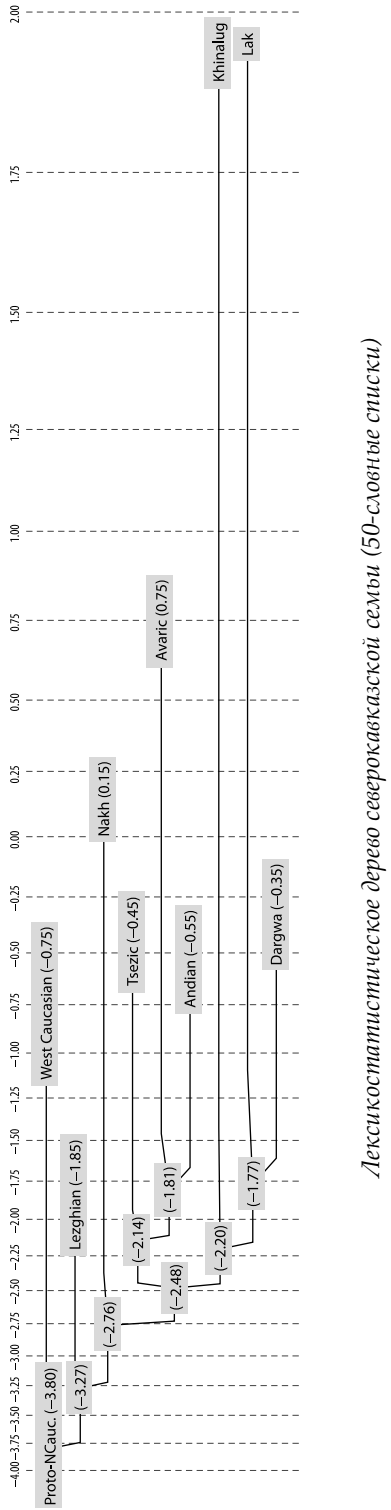
н. э. В свою очередь зап.-кавк. праязык разделился на абхазо-абазинскую и убыхскую и адыго-кабардинскую ветви около 650 г. до н. э.

Нижеприведенные глоттохронологические деревья были построены мной в рамках проектов «Evolution of Human Language» и «The Global Lexicostatistical Database» (Москва / Санта-Фе).[3]

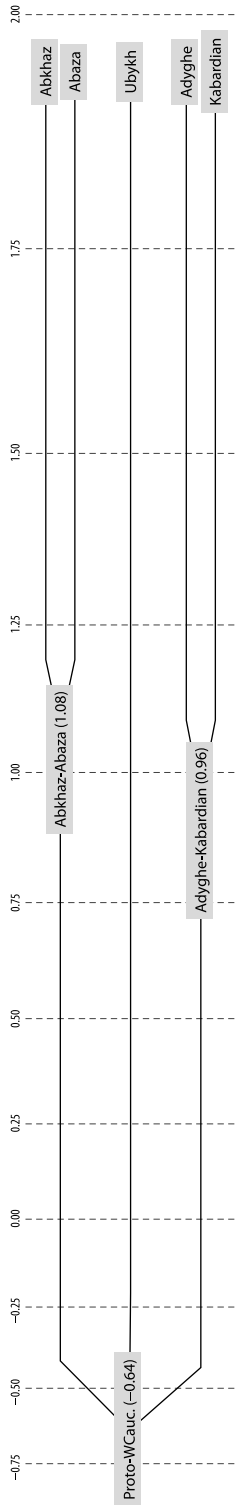
Первый раз структурное сходство между хаттским и зап.-кавк. языками было отмечено Э. Форрером (Forrer 1921: 25; Forrer 1922: 229). Затем Й. фон Месарош (von Mészáros 1934: 27 ff.) дал список грамматических и лексических изоглосс между хаттским и убыхским. Позднее идея зап.-кавк. атрибуции хаттского была поддержана И. М. Дунаевской (Дунаевская 1960; Дунаевская 1961: 134 f. — грамматические особенности), И. М. Дьяконовым (Дьяконов 1967: 172 ff. — хат. аффиксы), Вл. Г. Ардзинбой (Ардзинба 1979 — грамматические особенности), Вяч. Вс. Ивановым (в ряде публикаций; сводный список хат. корней и аффиксов с зап.-кавк. этимонами см. в Иванов 1985), Вяч. А. Чирикбой (Chirikba 1996: 406 — хат. корни и аффиксы, системные особенности) и Я. Брауном (Браун 1994 — хат. корни; Браун 2002 — хат. локальные префиксы). Необходимо указать, что после фон Месароша с его уже безнадежно устаревшим списком Вяч. Вс. Иванов был первым, кто предпринял попытки обосновать зап.-кавк. гипотезу с научных позиций. Не разделяя идею о зап.-кавк. атрибуции хаттского, я должен подчеркнуть, что работы Вяч. Вс. Иванова, без сомнения, сдвинули хаттскую этимологию с мертвой точки и послужили хорошей опорой в дальнейших изысканиях в этой области.

При сравнении хаттского с зап.-кавк. языками перед исследователем возникают следующие трудности.

[3] О глоттохронологической процедуре вообще см. S. Starostin 1989/1999. Об уточнении и формализации процедуры см. G. Starostin 2010a.



Лексикостатистическое дерево северокавказской семьи (50-словные списки)



Лексикостатистическое дерево западнокавказской группы (100-словные списки)

2.1. Общие замечания.

2.1.1. Зафиксированная форма хаттского языка древнее предполагаемой даты распада зап.-кавк. праязыка на 1000 лет. Отсюда следует, что мы должны сравнивать хат. формы **только** с зап.-кавк. праформами (которые при этом могут быть надежно реконструированы для данного прауровня).

П р и м е р. Chirikba 1996: 414 сравнивает хат. *zi-* (именной аффикс с аблативной семантикой; напр., ‘сверху вниз’) с абхаз.–абазин. **ҫa-* ‘under’, **ҫə-* ‘from down’. В действительности же абхаз.–абазин. **ҫa-*/**ҫə-* имеет надежные этимоны в других зап.-кавк. языках: адыг.–кабард. **ҫ̌a-* ‘under’, убых. *-ҫ́a* ‘bottom, lower part’ и т. д., таким образом, в данном случае мы должны реконструировать зап.-кавк. **ӀV* ‘bottom, lower part; under (preverb)’ (< сев.-кавк. ***НӀӧnŭ** ‘bottom’), что сразу делает сравнение с хат. *zi-* фонетически невозможным (о регулярном соответствии сев.-кавк. **Ӏ* ~ хат. *l* см. ниже).

2.1.2. Как известно, первые индоевропеисты XVIII в. оперировали странными с нынешней точки зрения этимологическими сравнениями. Ср., напр., их русско-немецкие сопоставления: *принеси ~ bringen Sie* или *убил ~ übel* и т. п. К сожалению, некоторые этимологи из упомянутых выше иногда попадают в ту же методологическую ловушку.

П р и м е р. Хаттская хорошо зафиксированная лексема *š(a)ḫaf* ‘бог’ имеет регулярную форму мн. ч. *fa-šḫaf* ‘божества’. Von Mészáros 1934: 32 (за которым некритически следуют Иванов 1985: №37 и Chirikba 1996: 425) форму *fa-šḫaf* сравнивает с адыг.–кабард. и убых. композитами, состоящими из зап.-кавк. **wa* ‘sky; god’ + **š^{w}əχ^{w}a* ‘grey; powder’: адыг.–кабард. **wa-šχ^{w}a* ‘небо’ (< ‘серое небо’), убых. *wa-šχ^{w}a* ‘гром и молния’[4] (< ‘небесный порох’). Подобное сравнение вряд ли может быть принято.

2.1.3. Известно старое сопоставление слав. **medv-ědъ* ‘медведь’ (< ‘медоед’) и др.-инд. *madhv-ád-* ‘Süßes essend’ (о птицах в Ригведе). Однако, несмотря на идеальные фонетические соответствия, вряд ли мы обязаны реконструировать такой композит на праиндоевропейском уровне, т. к. татпуруша *madhv-ád-* образована по синхронно регулярной и очень продуктивной модели и нет никаких оснований подозревать здесь праиндийскую основу, нежели окказиональное словообразование в поэтическом тексте. К сожалению, такой же подход мы видим и в некоторых ранее предлагаемых хаттско-западнокавказских этимологиях.

П р и м е р. Хат. глагол *tuḫ* ‘to take’ сравнивается в Chirikba 1996: 419 с абхаз. **tə-χə* ‘to take from inside’, где **tə* — это стандартный локативный пре-

[4] Не ‘бог’, см. Шагиров 2: 89 f.

фикс, а *$\chi\partial$ значит собственно ‘to take’ (< зап.-кавк. *$x\partial$ ‘to take’). Такое сопоставление не представляется убедительным, т. к. хаттский язык отстоит от даты распада абхазо-абазинского праязыка более чем на 3000 лет, а мы знаем, что локальная превербация — живая и продуктивная модель образования глагольных основ в современных абхаз.–абазин. диалектах.

2.1.4. Значительная часть ранее предлагаемых сравнений сегодня должна быть отброшена, т. к. эти этимологии основаны на неверной и устаревшей интерпретации хаттского материала. С другой стороны, иногда исследователи оперируют и некорректными зап.-кавк. формами.

П р и м е р ы. Дьяконов 1967: 173 сравнивает хат. *fa-/fi-* (именной показатель мн. ч.) с абхаз. *-wa* (именной показатель мн. ч. одушевленного класса), однако в реальности абхаз. *-wa* образует названия племен (как в ед. ч., так и в мн. ч.), см. Hewitt 1979: 149. В свою очередь, Браун 1994: 20 сравнивает хат. *malḫip* ‘good, favorable’ с адыг. *məλk^w* ‘имущество, состояние’, последнее же на самом деле представляет собой недавнее заимствование из арабского (араб. *mulk* ‘владение’, см. Шагиров 1: 272).

2.2. Структурные особенности и морфосинтаксис.

2.2.1. Все вышеупомянутые лингвисты отмечают сходство между хаттской полисинтетической глагольной словоформой, где превалирует префиксация, и аналогичным явлением в зап.-кавк. языках (ср., напр., схему абадзехской глагольной словоформы в Paris 1989: 196 ff.). В действительности же реконструкция празападнокавказского морфосинтаксиса — задача будущих исследований, сегодня мы можем оперировать только современными абхазо–адыгскими парадигмами.

2.2.2. Во-вторых, совершенно ясно, что хаттская глагольная словоформа не совпадает напрямую известным зап.-кавк. схемам. Мы можем говорить только о типологическом сходстве и предлагать монофонемные сопоставления между некоторыми хат. и зап.-кавк. аффиксами.

2.2.3. В-третьих, полисинтетический глагольный морфосинтаксис характеризует и некоторые другие ветви сино-кавказской макросемьи. См. Решетников 1999 о праенисейской глагольной реконструкции, Berger 1998 1: 104 о глагольной словоформе в бурушаски (диалект Hunza-Nager) и, напр.,

Holton 2000: 163 ff. о языке танакросс, который обладает типичной для надене глагольной структурой. Енисейская, бурушаски и на-дене схемы также весьма напоминают хаттскую глагольную словоформу, следовательно, мы не можем говорить об эксклюзивном хаттско-западнокавказском схождении в этом случае. Напротив, мы должны предположить, что полисинтетический глагольный морфосинтаксис с преимущественной префиксацией был характерен и для сино-кавказского праязыка (эта черта была почти полностью разрушена в языках сино-тибетской семьи под влиянием изолирующих австрических языков[5] и оказалась серьезно перестроена в восточнокавказской ветви[6]).

2.2.4. В-четвертых, нельзя сказать, что бóльшая часть хаттских аффиксов обнаруживает свои предполагаемые этимоны в зап.-кавк. языках. Напротив, вышеуказанные авторы оперируют отдельными аффиксальными сравнениями и терпят фиаско при попытке реконструировать гипотетические прахаттско-западнокавказские наборы грамматических морфем[7]. Заметная часть хаттско-западнокавказских аффиксальных сравнений, ранее предлагавшаяся, должна быть сегодня отброшена, т. к. эти этимологии базируются на некорректной интерпретации хаттской грамматической системы. С другой же стороны, для большей части удовлетворительных хаттско-западнокавказских аффиксальных сравнений обнаруживаются этимоны

---

[5] Ср. Benedict 1972 о морфологических реликтах в языках сино-тибетской семьи.

[6] Ср., напр., Чикобава 1960 о следах префиксального полисинтетизма в вост.-кавк. языках.

[7] Chirikba 1996: 412 ff. и Браун 2002 предприняли попытки интегральной этимологизации хаттских локальных префиксов. Фактически же единственной надежной эксклюзивной хат.–зап.-кавк. изоглоссой в их списках является сравнение: хат. глагольный префикс *ta-* ~ зап.-кавк. преверб **tV-* ‘in; super’. Напротив, общесеверокавказские этимологии для хат. *ḫa-* и *ka-* представляются не менее вероятными, чем узкие западнокавказские этимологии. Значение и функции хат. *ni-*/*nu-* неизвестны (см. HWHT: 232 f.). Глагольной морфемы *li-* не существует. Именные *zi-*/*za-* и *fe-* не могут быть сопоставлены с зап.-кавк. **χ̣V-* и **Ł^{w}a-* по фонетическим причинам. Морфему *šta-* предлагается видеть только в совершенно неясном композите *ištarrazil* ‘earth’ [22’]; то же касается морфемы *kil*, которую Браун произвольно вычленяет из основы *kiluḫ* ‘runner-spy’ [33’].

и в языках восточнокавказской ветви северокавказской семьи или даже в других семьях сино-кавказской макросемьи, следовательно, в этих случаях мы опять не можем говорить об эксклюзивных хаттско-западнокавказских изоглоссах.

Пример. Хат. показатель генитива *-n* стандартно сравнивается с зап.-кавк. **-nə* (показатель эргатива, посессива и трансформатива). В действительности же зап.-кавк. **-nə* восходит к общему сев.-кавк. суффиксу генитива **-**nV**: нах. **-n* (генитив; суфф. прилагательных и причастий; инфинитив), ав.-анд. **-nV* (аблатив; транслатив), лак. *-n* (датив I, латив, инфинитив), лезг. **-n* (генитив; элатив; суфф. прилагательных и причастий; терминатив; эргатив).

2.2.5. В. Чирикба (Chirikba 1996: 407 ff.) приводит обобщенный список структурных параллелей между хаттским и зап.-кавк. языками, однако, к сожалению, почти все они не кажутся убедительными.

a) Характер грамматического строя хаттского языка является предметом дискуссии. Был ли хаттский языком номинативно-аккузативного строя (как традиционно предполагается), эргативного (Taracha 1988) или даже активного (об идее расщепленной активности см. Goedegebuure 2007) — вопрос открытый.

b) Падежная система хаттского вовсе не столь «рудиментарна» с типологической точки зрения.

c) Роль словосложения в хаттском сопоставима скорее с ситуацией в вост.-кавк. языках и некоторых других сино-кавказских[8], нежели с картиной в зап.-кавк. диалектах.

d) О глагольном полисинтетизме см. выше, 2.2.3.

e) Невыраженность множественного числа в именах (что иногда отмечается в хаттских текстах) представляет собой тот же случай, что и полисинтетизм, — это не эксклюзивное хаттско-западнокавказское схождение. Феномен формальной немаркированности мн. ч. в имени известен и из других сино-кавказских языков: о енисейских см. Castrén 1858: 16 ff., Топоров & Цивьян 1968: 235 ff.; о на-дене — Holton 2000: 157 ff. (язык танакросс).

[8] Напр., в енисейских (см. Цивьян 1968).

f) Запрет на анлаутное *r-* представляет собой общую ареальную особенность, распространявшуюся в то время от территории восточнокавказских языков до древнегреческого.

g) Некоторые перечисленные особенности хаттской фонетики не могут быть включены в сравнение, т. к. несовершенство хеттской клинописи не дает достаточных оснований для подобного анализа, и, во-вторых, мы вообще знаем слишком мало про хаттскую морфонологию и фонетические сандхи.

2.3. Хаттско-западнокавказские корневые этимологии.

Как известно, нормальный прасев.-кавк. именной корень реконструируется в виде *CVCV*, где *C* — согласный или комбинация согласных; стандартный прасев.-кавк. глагольный корень выглядел как *=VCV(R)*, где «=» — классный показатель, *C* — шумный или кластер с сонорным, *R* — сонорный (см. NCED: 82 ff.). Эти структуры были существенно перестроены в зап.-кавк. праязыке, где преимущественный вид именных и глагольных корней — это *CV*.[9]

В свою очередь, стандартный хаттский корень (как именной, так и глагольный) выглядит как *CVC* (где *C* может быть кластером).

Таким образом, сравнивать хаттский с западнокавказским праязыком можно тремя гипотетическими способами.

2.3.1. Мы могли бы предположить, что редукция корневой структуры в зап.-кавк. праязыке осуществилась уже после отделения хаттского. Однако в таком случае хаттский следует сравнивать напрямую с сев.-кавк. праязыком, а не с зап.-кавк. праязыком, как он сегодня реконструируется на основании известных зап.-кавк. диалектов.

2.3.2. Мы можем вычленять в хаттских корнях «корневые ядра» вида *C-* или *CV-*, оформленные консонантными расширениями неясной природы. Такой метод демонстрируется в ряде этимологий Вяч. Иванова и Й. Брауна

[9] По беглому статистическому анализу зап.-кавк. корней, приводимых С. Л. Николаевым и С. А. Старостиным в Abadet.dbf (т. е. тех корней, которые имеют вост.-кавк. параллели), можно утверждать, что соотношение одноконсонантных корней к дву- и более консонантным составляет примерно 2:1.

(напр., Иванов 1985: №11, 20, 22, 50, 58 и т. д.; Браун 1994), однако понятно, что это путь в никуда.

2.3.3. Наконец, хаттские корни мы можем сравнивать с композитами или грамматически оформленными формами из современных зап.-кавк. языков. Конечно же, при таком подходе мы рискуем немедленно угодить в методологические ловушки, описанные в 2.1.2–2.1.3 выше.

П р и м е р. Иванов 1985: №45 сравнивает хат. *šul* ‘to let, to let in’ с убых. *čə̆-wə-la* ‘to let, release exhaustively’, где *čə̆-* — преверб при глаголах движения (Vogt 1963: 104), *wə* — частотный глагольный корень ‘to enter, go’ (< зап.-кавк. **Ł^{w}V* ‘to enter’ < сев.-кавк. ***=ərƛ̮̆Ŭ** ‘to go, walk, enter’), в то время как *-la* является регулярным суффиксом окончательности действия.

2.4. Выводы.

2.4.1. Хаттский не может напрямую сравниваться с зап.-кавк. праязыком по причине принципиальной разницы в структуре корня. Грамматические хат.–зап.-кавк. изоглоссы также достаточно слабы.

2.4.2. Хаттский обладает рядом моноконсонантных корней, которые можно было бы сравнивать с зап.-кавк. материалом, однако практически во всех таких случаях предлагаемые зап.-кавк. корни имеют надежные сев.-кавк. этимоны, следовательно, подобные этимологии не доказывают эксклюзивного хаттско-западнокавказского родства.

П р и м е р. Браун 1994: 19 сопоставляет хат. корень *zuwa-* в суффигированной основе *zuwa-tu* ‘wife’ с зап.-кавк. **pə-zV* ‘female; bitch’ (абхаз.–абазин. **pəsə*, адыг.–кабард. **bzə*, убых. *bza* с частым празап.-кавк. префиксом **pə-)*. В действительности же зап.-кавк. **-zV* не является изолированной формой: этот корень восходит к сев.-кавк. ***ҫwŏjV** (~ **-ɨ̆-**) ‘woman, female’ (далее к сино-кавк. ***ҫwŏ́jV** (~ **sṭ-**, ~ **-ɨ̆-**) ‘female’), и прямое сравнение хаттского слова с сев.-кавк. или сино-кавк. данными самоочевидно.

2.4.3. Даже если мы предпримем монофонемную этимологизацию хаттских корней *CVC*, генетическое родство хаттского с зап.-кавк. ветвью не может быть доказано, т. к. регулярность фонетических соответствий должна демонстрироваться на объемном корпусе этимонов, что в нашем случае не так.

2.4.4. Значительная часть хаттско-западнокавказских этимологий, ранее предлагаемых, должна быть отброшена, т. к. эти сравнения основаны на устаревшей и неверной интерпретации хаттского материала.

2.4.5. Необходимо отметить, тем не менее, небольшое число хаттских слов, которые, вероятно, представляют собой заимствования из зап.-кавк. праязыка, см. ниже, раздел 7.

3. Предлагаемая ранее картвельская атрибуция

Хр. Гирбал (Girbal 1986: 160–163) предлагает четыре хаттско-картвельских корневых этимологии, две из которых примечательны: хат. *tumil* ‘rain’ ~ картв. ***ċ̣wim**- ‘to rain’ и хат. *šam(a)* ‘to hear (vel sim.)’ ~ картв. ***sem**- ‘to hear’. Конечно же, генетическая атрибуция не может обосновываться всего двумя сравнениями, даже если это лексемы из списка Сводеша. Отметим, что хат. *tumil* и *šam(a)* обладают и вполне надежными сино-кавк. этимонами. В Gabeskiria 1998 предпринимается попытка предложить новые картвельские этимологии для ряда хаттских лексем, впрочем без особого успеха — см. критику этих сравнений в HWHT: 33 f.

4. Гипотеза сино-кавказской атрибуции

Хотя западнокавказская атрибуция хаттского не выглядит правдоподобной, весьма вероятно, что хаттский язык представляет собой отдельную ветвь внутри сино-кавказской макросемьи. Ниже я привожу ряд хаттских корней и аффиксальных морфем с предполагаемыми сино-кавк. этимонами. Важно подчеркнуть, что доля так называемой базисной лексики в этом списке относительно высока. Конечно, **регулярность** постулируемых фонетических соответствий между хаттским и сино-кавказским праязыком не может быть **доказана** ввиду скудости хаттского корпуса, однако отметим, что:

а) основная часть предполагаемых соответствий тривиальна (напр., сино-кавк. **p* ~ хат. *f*, сино-кавк. **ç̣* ~ хат. *t*, сино-кавк. **č* ~ хат. *t*~*š* (/č/), сино-кавк. **ƛ̌* ~ хат. *l*, сино-кавк. **k* ~ хат. *k* и т. д.);

b) некоторые специальные типы фонетического развития (напр., упрощение консонантных кластеров) очень типичны для других дочерних сино-кавказских языков и, таким образом, могут рассматриваться как общие инновации.

4.1. Сино-кавказская (или дене-сино-кавказская) макросемья. Впервые генетическое родство трех языковых семей — северокавказской, енисейской и сино-тибетской — было показано на материале регулярных фонетических соответствий в С. Старостин 1982/2007. Другие публикации этого же автора, посвященные сино-кавказской проблематике, содержатся в сборнике С. Старостин 2007. Скетч сравнительной фонетики сино-кавказской макросемьи см. в SCC (С. А. Старостин не успел закончить эту работу, так что рукопись остается неопубликованной). Предварительная версия сино-кавказского этимологического словаря доступна в виде электронной базы данных, см. Sccet.dbf. Сравнительный грамматический обзор семей сино-кавказской макросемьи см. Bengtson & G. Starostin forthc. Формальная (лексикостатистическая) верификация сино-кавказской теории в данный момент подготавливается к публикации в рамках проектов «Global Lexicostatistical Database» и «Tower of Babel» и более широкого проекта «Evolution of Human Language» (Москва / Санта-Фе). Принципиальные результаты проекта «Evolution of Human Language» описаны в Gell-Mann et al. 2009.

Три праязыка служат основой сино-кавказской реконструкции: северокавказский, сино-тибетский и енисейский. Для этих семей предложены относительно разработанные сравнительные грамматики (особенно в части фонетики) и этимологические словари. Сев.-кавк. семья — Caucet.dbf, база данных была опубликована как NCED (с лит.). Сино-тиб. семья — Stibet.dbf, база данных на основе Peiros & Starostin 1996 (с лит.), но серьезно переработанная. Енис. семья — С. Старостин 1982/2007 и Yenet.dbf, база данных на основе С. Старостин 1995 и Werner 2002, с дополнениями и исправлениями.

Кроме того, в сино-кавказскую макросемью входят баскский язык[10], бурушаски[11] и, видимо, на-дене[12].

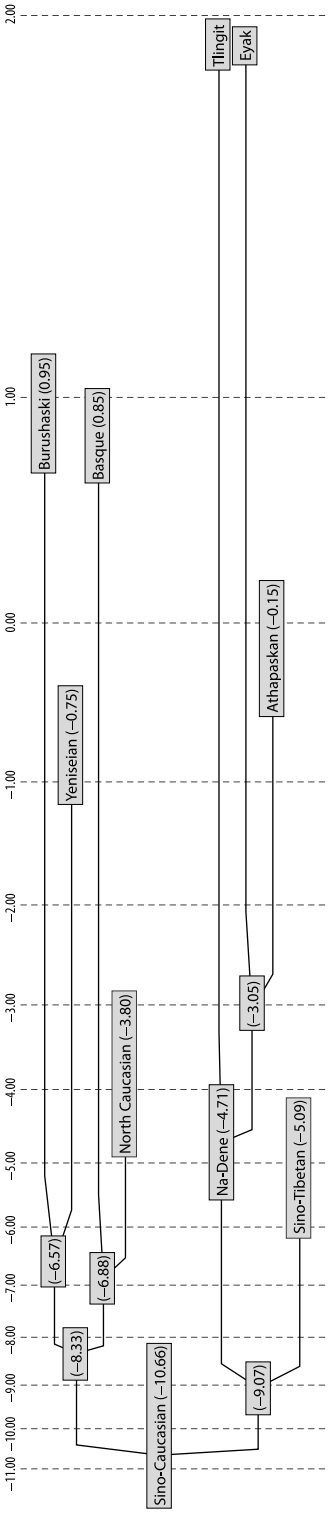
Прана-дене реконструкция пока не введена в научный оборот, так что я не использую материал этой семьи в этимологической части настоящей главы. Изолированные бурушаски и баскский языки также почти не помогают в реконструкции, по естественным причинам.

Нижеприведенное глоттохронологическое дерево предполагаемой сино-кавказской макросемьи было построено Г. С. Старостиным (устн. сообщ.) в рамках проектов «Evolution of Human Language» и «The Global Lexicostatistical Database» (Москва / Санта-Фе).

[10] См. этимологическую базу данных Basqet.dbf и соответствующие разделы в Bengtson 2008.

[11] См. этимологическую базу данных Buruet.dbf и некоторые недавние публикации, напр., Bengtson 2008a; Bengtson & Blažek 2011.

[12] Полноценная на-дене реконструкция еще не сделана (или, по крайней мере, не опубликована). Ср. некоторые весьма предварительные статьи, обосновывающие вхождение семьи на-дене в сино-кавк. макросемью: Nikolaev 1991; Bengtson 2008b. Критику т. н. дене-енисейской гипотезы см. в G. Starostin 2010b.



Лексикостатистическое дерево сино-кавказской макросемьи (50-словные списки)

Необходимо подчеркнуть, что это дерево не может рассматриваться как окончательное. В процессе продолжающихся исследований сино-кавказских дочерних семей схема, безусловно, будет уточняться.

4.2. Фонетические соответствия.

Ниже я привожу таблицу фонетических соответствий из SCC: 24 ff. с добавлением хаттской колонки, содержащей предполагаемые рефлексы синокавказских фонем. Как было сказано выше, С. А. Старостин, к несчастью, не успел завершить SCC — в частности, это касается и цитируемой ниже таблицы, ячейки которой иногда содержат недостаточную информацию, а иногда, напротив, избыточную. Несмотря на это, таблица приводится в том виде, в котором она была составлена С. А. Старостиным, за исключением нескольких ячеек, важных для настоящего раздела, которые я уточняю (эти ячейки снабжены сносками).

Соответствия иллюстрируются хаттскими примерами, взятыми из пп. 5.1 и 6.1.

4.2.1. Вокализм (крайне предварительная схема).

SCauc.	NCauc.	STib.	Yen.	Burush.	Hattic
***i**	*i, e*	*e, i (ɨ)*	*i*	*i*	*i/e, (ae, a)*
***e**	*e, i*	*a, ə*	*a, e (ä), ə*	*a, e*	
***ä**	*ä*	*a, i, e*	*e (ä), ə*	*i, a, e*	*a, (i/e)*
***ɨ**	*ɨ, ə*	*ɨ, i*	*i, ɨ*	*i*	*i/e*
***ə**	*ə, ɨ*	*a, ə, e*	*a, ə, o*	*o, a*	*a, i/e*
***a**	*a*	*e, a, ə*	*a (ɔ), e (ä), ə*	*a, e (i)*	*a, (u)*
***u**	*o, u*	*u, o*	*o (ɔ), u*	*u, o*	*u*
***o**	*o, u*	*ə, a*	*u, ə, o*	*a, o (u)*	

Упрощение консонантного кластера может каузировать изменение предшествующего гласного:

Сино-кавк. ***χ̣ānpV́*** > *alef* ‘tongue’ [1]

Сино-кавк. ***xḳəlčwí*** > *kaiš* ‘horn’ [14]

Енис. ***t[e]mb-VÍ-*** ~ *tup* ‘root’ [63]

4.2.2. Консонантизм. Ниже для хаттского используется клинописная транскрипция: *š* для /s/, *z* для /ʦ/, *t~š* для [č].

SCauc.	NCauc.	STib.	Yen.	Burush.	Hattic
***p**	*p*	*ph, -p*	*p*	*ph-, p*	*f/p/w*
***ṗ**	*ṗ, b*	*p-, -p*	*b*	*p*	
***b**	*b*	*p, ph, -p*	*p*	*b*	
***m**	*m*	*m*	*b-/p-/w-, m*	*m*	*f-/p-/w-, m*
***w**	*w (u̯)*	*w/∅*	*∅-, w/∅*	*b-, ∅(u)*	*w-, -u-, -f-, (-m-)*
***t**	*t*	*th, -t*	*d*	*th*	*t, z (_i)*
***ṭ**	*ṭ*	*t, -t*	*d*	*t, ṭ (ḍ)*	
***d**	*d*	*t, th, -t*	*t*	*t, ṭ (ḍ)*	
***n**	*n*	*n*	*d-, n*	*n*	*n*
***r**	*r*	*r*	*ʔ-/t-, r, r*$_1$	*d-, r*	*š-, -r-, (-l-)*
***c**	*c*	*ch/s, -t*	*s*	*s*	*t-, z- (_i/e), z-, -š-*
***ç**	*ç*	*C, -t*	*c, s*	*ś- ~ ṣ-, s*	
***ʒ**	*ʒ*	*ch, ʒh*	*ʒ, s*	*s*	
***s**	*s*	*s (/ch), -∅*	*s, d-(Vʔ)*	*d-, s*	*š-*
***z**	*z*		*ʒ*	*ʒ́*	
***ć**	*ć*	*ć, ʒ́h, -t*	*š̌-, s*	*s/ś, ć/ç, -ź*	*t-, -t-, -z- (_i)*
***ḉ**	*ḉ*	*ć, ʒ́h, ś, -t*	*s, c*	*ć(h), ʒ́/ʒ, -ź*	
***ʒ́**	*ʒ́*	*ć, -t*	*š̌-, s* [13]	*ʒ́-/ʒ-, s/ś(/ṣ)*	
***ś**	*ś*	*s (/ch), -∅*	*s, d-(Vʔ)*	*d-, ś/ṣ(V́)*	
***ź** ?	*ź*		*š̌*		

[13] Исправленная ячейка.

SCauc.	NCauc.	STib.	Yen.	Burush.	Hattic
***č**	*č*	*ć, ʒ́h*	*č-(/ǯ-), s*	*ś/ṣ, ć/ç, -ź*	*š-~t-, t-, z- (_i), -š-*
***č̣**	*č̣*	*ć, ʒ́h*	*č, ǯ*	*ś/ṣ, ć/ç, -ź*	
***ǯ**	*ǯ*	*ć, ʒ́*	*ǯ*	*ć/ç, ʒ́*	*št*
***š**	*š*	*ś-, -∅*	*s, d-(V?)*	*s/ś/ṣ*	*š*
***ŕ**	*r*	*rj*$_1$*, r*	*ŕ*	*d-, r*	
***ń**	*n*	*ń-, ŋ*	*ń, n*	*n*	
***j**	*j*	*j*	*j, ∅*	*j, ∅*	*-∅-*
***ƛ**	*ƛ*	*r(..L), -k*	*j-, χ*	*lt-, lt/l*	*l*
***ƛ̣**	*ƛ̣*	*ƛ, l, r(..L), -k/-ŋ*	*j-, l, Ĺ*	*lt-, lt/l*	
***Ł**	*Ł*	*ƛ, l, -k*	*r, r*$_1$	*lt-, lt/l*	
***ƛ**	*ƛ*	*l, ƛ*	*j-, l, Ĺ*	*lt- (lṭ-), ld*	
***ł**	*ł*	*l-, -ł, -l*	*d-, l, r*$_1$*, r* [14]	*l*	*r, (l)*
***l**	*l*	*r*	*d-, l ~ r, r*$_1$	*l*	*l*
***k**	*k*	*k-, -k*	*g, -k-*	*k(h)*	*k*
***ḳ**	*ḳ*	*kh, gh, -k*	*g-, -k, -g-*	*k*	
***g**	*g*	*k-, -k*	*k*	*g*	
***x**	*x*	*χ-, -∅*	*x, χ ~ G*	*h*	*ḫ*
***ɣ**	*ɣ*	*g*	*q ~ χ*		
***ŋ**	*n*	*ŋ*	*b-, ŋ*	*∅-, ŋ*	*f-, n*

[14] Исправленная ячейка.

SCauc.	NCauc.	STib.	Yen.	Burush.	Hattic
***q**	*q*	*qh-, G-, x-, ɣ-; -k/-ŋ*	*q-, q/G*	*q(h), ɣ*	*k*
***q̇**	*q̇*	*Gh-, q; -k, -ŋ*	*q-, q/G*	*q(h), ɣ*	
***G**	*G*	*q, qh-, [G(h)-], k/-ŋ*	*x-/χ-, q/G*	*q(h), ɣ*	
***χ**	*χ*	*χ, ɣ, qh^{w}-, -∅*	*χ, x*	*h*	*ḫ*
***ʁ**	*ʁ*	*G-, q-, -j/-w*	*χ, G*	*∅/ɣ*	
***ʔ**	*ʔ*	*∅ (ʔ); ʔw > ʔ^{w}- ~ ɣ-*	*ʔ-, j; ʔw > h/x*	*∅/h/j*	
***ʔ̣**	*ʔ̣*	*∅; ʔ̣w > χ(^{w})-*	*ʔ-, j, ∅; ʔ̣w > h/x*	*∅/h/j*	
***ʕ**	*ʕ*	*∅; ʕw > ʔ^{w}-*	*ʔ; ʔw > h/x*	*∅/h/j*	
***h**	*h*	*∅; hw > ʔ^{w} (/ɣ-, w-)*	*ʔ-, j; hw > h/x*	*∅/h/j*	*∅*
***ɦ**	*ɦ*	*∅; ɦw > j-, w- (/ʔ^{w}-)*	*ʔ-, j, χ* [15]	*∅/h/j*	*ḫ, (∅)*
***ħ**	*ħ*	*∅; ħw > ʔ*	*ʔ-, j; ħw > h/x*	*∅/h/j*	*(∅)*
***xm** ʔ	*f*	*m*	*w-*		
***xŋ** ʔ	*x*	*ŋ*			
***ŋw**	*m*	*ŋ*	*b-, ŋ*	*˙m-, -n/-m*	
***xŋw**	*f*	*ŋ*	*b-, ŋ*	*h-*	
***xg**	*g*	*k~q, -ŋ, -k*	*q, x, χ*	*g*	*k, ḫ*
***xk**	*χ*	*k-,-k*	*q-, q/G (ʔχ)*	*h-,-q-,-ɣ*	
***xḳ**	*ḳ*	*k-, kh- ~ gh- ~ qh-, -k*	*q, G, χ*	*qh, ɣ, -q*	*k, ḫ*

[15] Исправленная ячейка.

SCauc.	NCauc.	STib.	Yen.	Burush.	Hattic
***xq**	*q*	*k, g, -k*	*q, χ, x* [16]	*qh, ɣ, -q*	*ḫ*
***xqw**	*qw*	*k, g, -k*	*x, g*	*k, g*	*k*
***xq̇**	*q̇*	*gh, (k)*	*q, χ, x*	*qh, ɣ*	*ḫ*
***xq̇w**	*q̇w*	*k, kh*	*x, g*	*k, g*	*k*
***xG**	*G, (ʁ)*	*g, kh*	*q, χ, x*	*qh, ɣ, q*	
***xG*w**	*Gw*	*ghw, kw*	*k*	*k, g*	
***sd**	*ʒ*	*c(h)*	*t*	*c (~ ch, ch)*	
***st**	*c*	*ch/s, -t(s), -s*	*t*	*c*	
***sṭ**	*ç*	*ch/s*	*t*	*c (~ ç)*	*t*
***śd**	*ʒ*	*ś ~ ʒ́h*	?	*ch*	
***śt**	*c*	*ć*	?	?	
***śṭ**	*ç*	*ć, Ćh*	*t*	?	
***šd**	*ǯ*	*ć*	*t*	*ć(h), ʒ́*	
***št**	*č*	*ʒ́*	*t*	?	*t-, -z- (_i)*
***šṭ**	*č̣*	?	*t*	*ćh*	

4.2.2.1. *Лабиальные.* Сино-кавк. **p, *ṗ, *b* совпадают в хат. *f/p/w* — по всей видимости, это была более чем одна фонема, однако рефлексы разграничить затруднительно по причине несовершенства и непоследовательности клинописной транскрипции:

Сино-кавк. ***ʔ̣ānpV́** > *alef* ‘tongue’ [1]

Сино-кавк. ***q[ä]pV** > *kip* ‘to protect’ [18]

Сино-кавк. ***[p]ārē** > *paru* ‘bright’ [33]

Сино-кавк. ***ʕapālxq̇wĔ** > *puluku* ‘leaves’ [39]

Сино-кавк. ***[p]ūHV̆** (сино-тиб. ***bŭt**) > *puš-an* ‘to blow on’ [43]

[16] Исправленная ячейка.

Сино-кавк. ***[ṗ]VrV** > *fara-ya* ‘priest’ [32]

Сев.-кавк. ***bēĻV̆** ~ *fael* ‘house’ [30]

Сино-тиб. ***bhăr** ~ *far* ‘thousand’ [31]

Сино-кавк. ***bh̆ĕrc̣ḯ** > *praš* ‘leopard’ [37]

Сино-кавк. ***[ć]əmbi** > *tafa-r-na* ‘lord’, *tawa-nanna* ‘lady’ [52]

Енис. ***t[e]mb-VÍ-** ~ *tup* ‘root’ [63]

Енис. ***bot-** ~ *fute* ‘long (in temporal meaning)’ [44]

Енис. ***ǯīp** ~ *štip* ‘gate’ [49]

Сино-тиб. ***Pr-V̄ŋ** ~ *fur* ‘country; population’ [41]

Сино-тиб. ***tĕp** (~ **d-**) ~ *tafa* ‘fear’ [53]

Сино-тиб. ***cV̄p** (~ **ć-**) ~ *zipi-na* ‘sour’ [66]

Yen. ***q[e]p** (~ **χ-**) ~ *kap* ‘moon’ [15]

Ситуация с хат. *f*/*p*/*w* напоминает енисейские рефлексы сино-кавк. лабиальных взрывных, о которых см. С. Старостин 1982/2007: 149 f. Енис. **p* дает *p*/*p*^{h}/*p*^{f}/*h* в известных языках, а енис. **b* > *b*/*p*/*v*. Точной параллелью хаттской графике являются ранние записи коттского, аринского и пумпокольского, где *f*, *p*^{h}, *p*^{f}, *p* и даже *b* свободно чередуются.

Сино-кавк. носовой **-m-* в медиальной позиции сохраняется:

Сев.-кавк. ***=a(m)sV** ~ *šam(a)* ‘to hear’ [48]

Губной *m* > *n* перед дентальным согласным, что, без сомнения, поздний (синхронный?) процесс в хаттском:

Сино-кавк. ***=V́mć́V(r)** > **(a)mti* > *(a)nti* ‘to stand’ [28]

Однако в начальной позиции сино-кавк. **m-* совпадает с сино-кавк. губными взрывными и дает хат. *f*-/*p*-/*w*-:

Сино-кавк. ***ɦmV́jć́wV** > *wet* (*fet*?) ‘sour’ [34]

Сино-кавк. ***mĭlć́wV** > *pezi-l* ‘wind’ [35]

Сино-тиб. ***mVn** ~ *pnu* ‘to look’ [36]

Сино-тиб. ***mor** ~ *fula* ‘bread’ [38]

Сино-кавк. ***HmoŋV** > *fun(a)* ‘mortality’ [40]

Сино-тиб. ***mV̄t*** ~ *puš* ‘to devour’ [42]

Этот процесс анлаутной деназализации находит соответствие в енисейской ветви, где сино-кавк. **m-* > енис. **b-/p-/w-* (о дистрибуции см. SCC: 37 f.).[17] Синхронно в хаттском есть ряд основ с анлаутным *m-*: *ma* / *fa* ‘and’ [47’], *mai(u)* ‘a valuable cloth’ [48’], *malḫip* ‘good, favorable’ [49’], *mar* or *kamar* ‘to slit, slash’ [50’], *maššel* or *paršel* ‘comedian, performer’ [51’], *milup* or *lup*[??] ‘bull, ox’ [52’], *miš* ‘to take (for oneself)’ [53’], *mu* / *fu* ‘mother, lady, mistress (vel sim.)’ [54’], *muḫ(al)* ‘hearth’ [55’], *muna-muna* ‘foundation, base, bed stone’ [56’], *muš* ‘smth. relating to tree, fruit[?]’ [57’]. Ни для одного из этих корней не удается предложить удовлетворительной сино-кавк. этимологии, при этом в списке явно преобладает культурная лексика, так что мы можем предположить, что все приведенные слова представляют собой иноязычные заимствования. По крайне мере для двух из приведенных слов устанавливается источник заимствования: *malḫip* ‘good, favorable’ [49’] < зап.-кавк. **maɬ́ʷV* ‘good, luck’ (где *lḫip* передает палатализованный лабиализованный латерал **ɬ́ʷ*); *maššel* ‘comedian, performer’ [51’] < зап.-сем. *mṣl* (*māṣilu*) ‘cymbal player’.

Интересный случай представляет собой хат. *miš* ‘to take (for oneself)’ [53’], относящееся к слою базисной лексики. Его сино-кавк. этимоном может быть енис. ****ma(ʔ)*** ‘take!’ (сравнение допустимо, если мы предположим падение конечного согласного в енисейской аллегровой форме) — исключительный случай сохранения *m-* в праенисейском.

С другой стороны, хаттский обладает несколькими грамматическими префиксами на *m-* (список см. в HWHT: 230 f.). Этот факт, однако, не противоречит нашей теории, т. к. ситуация, когда служебные морфемы нарушают общие правила фонотактики, не так редка в языках мира. Во-вторых, некоторые из этих префиксов имеют варианты с анлаутным *f-* (см. HWHT: 165, 230 f.), то же касается и союза *ma* ‘and’ [47’] и имени *mu* ‘mother, lady, mis-

[17] Корни на *m-*, синхронно имеющиеся в енисейских языках, представляют собой заимствования из русского, ненецкого и т. п. Второй источник анлаутного *m-* в енисейских языках — это поздняя дистантная ассимиляция **bVN-* / **wVN* > *mVN*, происходящая в некоторых служебных морфемах.

tress (vel sim.)' [54'], которые чередуются с вариантами *fa* и *fu* соответственно (NB: *mu/fu* 'mother, lady, mistress (vel sim.)' [54'] зафиксировано только как второй элемент композитов).

В завершение отметим хат. божество ^{D}*fazulla*, которое, видимо, тот же член пантеона, что и ^{D}*mezulla*, известное из хеттских текстов (HWHT: 911 с лит.).

Сино-кавк. **w* в общем случае сохраняется:

Сино-кавк. ***wV** 'thou' > *we* 'thou' (личн. местоим. 2-го л.), *u-* 'thy' (притяж. местоим. 2-го л.) [77]

Сино-кавк. ***čVwV** > *tefu* 'to pour' [57]

Сино-тиб. ***lə̆w** ~ *lu* 'to be able' [25]

Сино-кавк. ***=ā̆ḳĂw** > *ku* 'to seize' [19]

В одном примере мы наблюдаем диссимилятивную(?) назализацию **-uw-* > *-um-* (что напоминает сходный процесс хеттской фонотактики):

Сино-кавк. ***cōjwīlɦV** > **tuwil* > *tumil* 'rain' [62]

4.2.2.2. Дентальные. Сино-кавк. **t*, **ṭ*, **d* совпадают в хат. *t* (~ *tt*). Ср.:

Сино-кавк. ***=ătV** > *ti* 'to lie, put' [55]

Сино-кавк. ***dV́HV** > *te* 'big' [54]

Также с неидентифицируемым дентальным:

Сино-тиб. ***tĕp** (~ **d-**) ~ *tafa* 'fear' [53]

Енис. ***kaʔt** (~ **g-**, **-c**) ~ *katte* 'king' [17]

Енис. ***bot-** ~ *fute* 'long (in temporal meaning' [44]

Енис. ***t[e]mb-VÍ-** ~ *tup* 'root' [63]

Важным случаем является хат. *z* на месте сино-кавк. дентального взрывного:

Енис. ***də(ʔ)q-** (~ ***dək-**) ~ *zik* (< **tik*) 'to fall' [65]

Представляется, что /ti/ переходит в /ʦi/ (графич. *zi*) в хаттском, т. к. последовательность *ti* относительно редка в известных нам текстах (в противоположность последовательности *zi*) и иногда формы на *zi* имеют дублеты с *zi* (напр., *tiuz ~ ziuz* ‘rock’). Поскольку ассибиляция /ti/ > /ʦi/ была регулярна для хеттского (по крайней мере на ранней стадии развития языка), мы не обязаны постулировать такой же фонетический переход и для хаттского. Возможно, мы имеем здесь дело с общей особенностью хеттской передачи хаттской фонетики. Эти же соображения применимы и к рефлексации сино-кавк. аффрикат, см. ниже.

Сино-кавк. носовое **n* является устойчивой фонемой:

Сино-кавк. ***hV̌nV́** > *anna* ‘when’ [2]

Сино-кавк. ***=HV̋ʒ̄V̄(-n)** > *eštan* ‘sun’ [5]

Сино-кавк. ***xa̋n̊ẖ̆** (-**ŭ**) > *ḫan* ‘sea’ [7]

Сев.-кавк. ***=aχwVn** ~ *ḫan* ‘to open’ [8]

Сино-кавк. ***=axgwV(n)** > *kun* ‘to see’ [21]

Сино-тиб. ***mVn** ~ *pnu* ‘to look’ [36]

Сино-тиб. ***nŭ** ~ *nu* ‘to come, go’ [29]

Сев.-кавк. *-**nV** ~ *-n*, genitive [74]

В одном примере мы наблюдаем переход **n* > *m* перед лабиализованным гуттуральным:

Сев.-кавк. ***ƛɨnẖV** > **limḫu-t* > *nimḫu-t* ‘woman’ [27]

Сино-кавк. неначальное *-*r*- регулярно дает хат. *r*:

Сино-кавк. ***ẖV̌rq̇wĚ** > *ḫarki-* ‘wide’ [9]

Сино-тиб. ***bhăr** ~ *far* ‘thousand’ [31]

Сино-кавк. ***[ṗ]VrV** > *fara-ya* ‘priest’ [32]

Сино-кавк. ***[p]ārē** > *paru* ‘bright’ [33]

Сино-кавк. ***bẖĕrć̣** > *praš* ‘leopard’ [37]

Сино-тиб. ***Pr-V̄ŋ** ~ *fur* ‘country; population’ [41]

Сино-кавк. ***štẖə́rV** > *tera-ḫ* ‘leather covering’ [58]

В одном примере сино-кавк. *-*r*- > хат. -*l*-:

Сино-кавк. ***xq̇(w)VrV́*** > *ḫel* ‘to ripen’ [11].

Ближайшую аналогию предоставляет енис. праязык, где сино-кавк. *-*r*- > енис. *r/r_1 с неизвестными правилами дистрибуции, в свою очередь енис. *r_1 дает *l*-образные рефлексы в большинстве зафиксированных языков (С. Старостин 1982/2007: 156).

Начальное *r*- строго запрещено в хаттских корнях и каких-либо служебных морфемах (за исключением застывшего суффикса -*r*, этимологически вычленяемого в некоторых именных и глагольных основах). Я предполагаю, что сино-кавк. **r*- > хат. *š*-.

Сино-кавк. ***rěḳwí̯*** > *šaki*- ‘heart’ [47].

Эта этимология представляется надежной, несмотря на тот факт, что стандартным для сино-кавказских языков способом элиминации анлаутного **r*- является переход *r*- > *t*-/*d*-.

4.2.2.3. Альвеолярные, постальвеолярные и палатальные аффрикаты.

Рефлексы сино-кавк. глухих альвеолярных (**c*, **ç*) и палатальных (**č*, **č̣*) аффрикат схожи: хаттский взрывной или аффриката в анлауте и хаттский сибилянт -*š*- в других позициях. Этот процесс фрикативизации в неначальной позиции параллелен праенисейскому развитию, ср., напр., сино-кавк. **č* > енис. **č*-, **s*.

Сино-кавк. глухие альвеолярные аффрикаты **c*, **ç* дают хат. *t*- в анлауте и хат. -*š*- в остальных позициях.

В анлауте:

Сино-кавк. ***cōjwɨ̄lɦV*** > *tumil* ‘rain’ [62]

Сино-кавк. ***=V́çV*** > *tu* ‘to eat’ [59]

Неначальная позиция:

Сино-кавк. ***=ěçǍ*** > *eš* (~ *et*?) ‘to put’ [4]

Сино-кавк. ***bɦěrçí̯*** > *praš* ‘leopard’ [37]

Сино-тиб. *$\mathbf{m\bar{V}t}$ ~ *puš* ‘to devour’ [42]

Сино-кавк. *$\mathbf{[p]\bar{u}H\check{\acute{V}}}$ (сино-тиб. *$\mathbf{b\check{u}t}$) > *puš-an* ‘to blow on’ [43]

Некоторые хат. корни показывают *z*, что, видимо, результат вторично «хеттской» ассибиляции /ti/ > /tsi/, см. выше 4.2.2.2:

Сев.-кавк. *$\mathbf{\acute{c}\bar{e}\chi V}$ ~ *zeḫa-r, ziḫa-r* ‘wood’ [64]

Сино-тиб. *$\mathbf{c\bar{V}p}$ (~ $\mathbf{\acute{c}}$-) ~ *zipi-na* ‘sour’ [66]

В одном случае хат. рефлекс *z* на месте сино-кавк. *$\acute{c}$ остается без объяснения. Несмотря на эту нерегулярность, сравнение вряд ли может быть отвергнуто:

Сино-кавк. *$\mathbf{\acute{c}w\acute{o}jV}$ (~ $\mathbf{s\acute{t}}$-, ~ $\mathbf{-\check{\imath}}$-) > *zuwa-tu* ‘wife’ [68]

Сино-кавк. глухие палатальные аффрикаты *$\check{c}$, *$\acute{c}$ дают хат. *t*~*š* (/č/) или *t*- в анлауте, но хат. -*š*- в других позициях. Конечно, хаттское *t*- может передавать в данных случаях /č/, т. к. вполне вероятно, что орфографический вариант с *š*- случайно не зафиксирован для некоторых морфем.

В анлауте:

Сино-кавк. *$\mathbf{\acute{c}\ddot{a}\l H u}$ > *šaḫḫu ~ taḫḫu* ‘earth’ [45]

Сино-тиб. *$\mathbf{\acute{c}\bar{\imath}H}$ ~ *šai-l ~ tai-l* ‘lord’ [46]

Сев.-кавк. *$\mathbf{\check{c}[\check{u}]}$ ~ *tu- ~ šu-*, глагольный косвеннообъектный рефлексив (‘for oneself’) [80]

Сино-кавк. *$\mathbf{\check{c}\acute{V}xqV}$ > *taḫa-ya* ‘barber’ [50]

Сино-кавк. *$\mathbf{\check{c}VwV}$ > *tefu* ‘to pour’ [57]

Сино-кавк. *$\mathbf{=\acute{\check{a}}\check{c}w\check{V}}$ (сино-тиб. *$\mathbf{\acute{C}\check{o}H}$) > *tuḫ* ‘to take’ [60]

Сино-тиб. *$\mathbf{\acute{c}\check{a}H}$ ~ *teḫ* ‘to build’ [56]

Сино-кавк. *$\mathbf{\check{C}\acute{V}QV}$ > *tuk* ‘to step’ [61]

В неначальной позиции:

Сино-кавк. *$\mathbf{x\d{k}\ə l\check{c}w\acute{\imath}}$ > *kaiš* ‘horn’ [14]

Енис. *$\mathbf{ʔ\bar{e}\check{c}}$- (< сино-кавк. *$\acute{c}$) ~ *aš* ‘to come (here)’ [3]

В некоторых случаях мы наблюдаем «хеттскую» ассибиляцию /ti/ > /tsi/:

Сино-кавк. *$\mathbf{\acute{c}\dot{\imath}\check{s}V}$ (~ $\mathbf{\check{c}}$-) > **tiš* > *ziš* ‘mountain’ [67]

Сино-кавк. звонкая палатальная аффриката *ǯ̌ > хат. *št* как в анлаутной, так и в неначальной позициях:

Сино-кавк. ***=HV́ǯ̌V̄(-n)*** > *eštan* ‘sun’ [5]

Енис. ***ǯ̌īp*** ~ *štip* ‘gate’ [49]

В отличие от вышеупомянутых фонем, сино-кавк. постальвеолярные глухие аффрикаты **ć, *ḉ́* дают хат. *t* во всех позициях:

Сино-кавк. ***=V́mḉV(r)*** > **(a)mti* > *(a)nti* ‘to stand’ [28]

Сино-кавк. ***ɦmV́jḉwV*** > *wet* (*fet*?) ‘sour’ [34]

Сино-кавк. ***[ḉ]əmbi*** > *tafa-r-na* ‘lord’, *tawa-nanna* ‘lady’ [52]

В одном примере мы наблюдаем вторичную «хеттскую» ассибиляцию /ti/ > /tsi/:

Сино-кавк. ***mɬlćwV*** > **peti-l* > *pezi-l* ‘wind’ [35]

4.2.2.4. Остальные переднеязычные согласные.

Сино-кавк. **s, *š* сохраняются как хат. *š* (/s/):

Сев.-кавк. ***=a(m)sV*** ~ *šam(a)* ‘to hear’ [48]

Сино-кавк. ***ḉišV*** (~ **č-**) > *ziš* ‘mountain’ [67]

Сев.-кавк. ***-š:w*** ~ *aš-/iš-*, показатель мн. ч. в аккузативе [70]

Сино-кавк. **j* падает в интервокальной позиции:

Сино-кавк. ***ṣwő̆jV*** (~ **sṭ-**, ~ **-ĭ-**) > *zuwa-tu* ‘wife’ [68]

4.2.2.5. *Л*атеральные.

Сино-кавк. латеральные аффрикаты **ƛ, *ƛ̓, *Ł* совпадают в хат. *l*:[18]

Сино-кавк. ***ƛ̆ajV*** > *liš* ‘year’ [24]

---

[18] Интересно, но не удивительно, что в западнокавказских заимствованиях хаттский передает латеральные аффрикаты как *lɦ/lk*: хат. *malɦip* ‘good, favorable’ [49’] < зап.-кавк. **maƛ́ʷV* ‘good, luck’; хат. *ɦapalki* ‘iron’ [12’] < зап.-кавк. **ʁ́Iʷə-ƛ̓ʷV* ‘iron’ или скорее **ʁ́Iʷə-pəƛ́ə* ‘copper’.

Сино-кавк. ***ƛ̓āпрV́** > *alef* ‘tongue’ [1]

Сев.-кавк. ***bēŁ̦V̆** ~ *fael* ‘house’ [30]

Сино-тиб. ***lə̆w** ~ *lu* ‘to be able’ [25]

Сино-тиб. ***rołH** ~ *leli* ‘light’ [23]

В одном примере мы предполагаем окказиональную дистантную ассимиляцию:

Сев.-кавк. ***λɨnɦV** > **limḫu-t* > *nimḫu-t* ‘woman’ [27]

Сино-кавк. **l* > хат. *l*:

Сино-кавк. ***hilštwĒ** ‘to run (away)’ > *luizzi-l* ‘runner’ [26]

Сино-кавк. ***ʕapālxq̇wE̋** > *puluku* ‘leaves’ [39]

Сино-кавк. ***cōjwɨlɦV** > *tumil* ‘rain’ [62]

Сино-тиб. ***q(h)ʷār** ~ *ḫel* ‘to strew’ [10]

Сино-тиб. ***re** ~ *le* ‘to envy’ [22]

Сино-тиб. ***mor** ~ *fula* ‘bread’ [38]

Сино-кавк. **ł* дает как хат. *l*, так и *r*. Ср. сходную ситуацию в праенисейском, где сино-кавк. **ł* > енис. **l* ~ **r*$_1$ ~ **r* с неизвестными правилами дистрибуции.

Сино-кавк. ***=ígwVł** (***gwV́łV**) (~ **xgw-)** > *ḫer* ‘to hide’ [12]

Сино-кавк. ***ḳVłV** (~ **xḳ-)** > **ḫalu* ‘bolt, lock’ [6]

Сино-тиб. ***rołH** ~ *leli* ‘light’ [23]

4.2.2.6. Велярные и увулярные согласные.

Сино-кавк. велярные и увулярные глухие взрывные **k, *ḳ, *q, *q̇* совпадают в хат. *k*.

Велярные взрывные:

Сино-кавк. ***HōkV́** > *ḫukur* ‘to see’ [13]

Сино-кавк. ***rěḳwɨ́** > *šaki-* ‘heart’ [47]

Сино-кавк. ***=ā̄ḳĂw** > *ku* ‘to seize’ [19]

Енис. ***ʔaKsV-** (~ **x-**) ~ *kaš* ‘head’ [16]

Енис. ***kaʔt*** (~ **g-**, **-c**) ~ *katte* ‘king’ [17]

Увулярные взрывные:

Сино-кавк. ***q[ä]pV*** > *kip* ‘to protect’ [18]

Сино-кавк. ***sṭa̋nq̇V*** > *take-ḫa* ‘lion’ [51]

Сино-кавк. ***ɦV̌rq̇wĚ*** > *ḫarki-* ‘wide’ [9]

Сино-тиб. ***q(h)ʷār*** ~ *ḫel* ‘to strew’ [10]

Сино-кавк. ***ČV́QV*** > *tuk* ‘to step’ [61]

Енис. ***də(ʔ)q-*** (~ ***dək-***) ~ *zik* ‘to fall’ [65]

Енис. ***q[e]p*** (~ **χ-**) ~ *kap* ‘moon’ [15]

Сино-кавк. велярные и увулярные глухие фрикативные **x*, **χ* дают хат. *ḫ*:

Сино-кавк. ***xa̋nɦĭ*** (**-ŭ**) > *ḫan* ‘sea’ [7]

Сев.-кавк. ***ç̣wēχV*** > *zeḫa-r, ziḫa-r* ‘wood’ [64]

Сев.-кавк. ***=aχwVn*** ~ *ḫan* ‘to open’ [8]

В анлауте сино-кавк. носовой **ŋ-* > **m-* > хат. *f-* (развитие в точности повторяет праенисейское):

Сино-кавк. ***ŋV*** > *fa-* ‘I’, 1-е лицо ед. ч. субъекта [75]

В других позициях сино-кавк. **ŋ* > хат. *n*:

Сино-кавк. ***HmoŋV*** > *fun(a)* ‘mortality’ [40]

4.2.2.7. Ларингалы.

Сино-кавк. **ɦ* падает:

Сино-кавк. ***ɦV̌nV́*** > *anna* ‘when’ [2]

Сино-кавк. **ɦ* стандартно дает хат. *ḫ*:

Сино-кавк. ***ɦV̌rq̇wĚ*** > *ḫarki-* ‘wide’ [9]

Сев.-кавк. ***ƛɨnɦV*** > *nimḫu-t* ‘woman’ [27]

Однако сино-кавк. **ɦ* падает в анлаутных и ауслаутных кластерах, см. ниже 4.2.2.13.

Единственный пример на сино-кавк. **ħ*:

Сино-кавк. ***bħěrçḯ** > *praš* ‘leopard’ [37]

Примером на развитие сино-кавк. **ħw* > ∅ может быть:

Сино-кавк. ***ħwirɨ́** > *ur(i)* ‘spring, well’ [109’],

если сравнение правильное.

Сино-кавк. **H* (неидентифицируемый ларингал) > хат. *ḫ*:

Сино-кавк. ***HōkV́** > *ḫukur* ‘to see’ [13]

Сино-кавк. ***ç̆ăɬHu** > *šaḫḫu ~ taḫḫu* ‘earth’ [45]

Сино-тиб. ***ćəH** ~ *teḫ* ‘to build’ [56]

Сино-кавк. ***=ǎčwV̌** (сино-тиб. ***ĆŏH**) > *tuḫ* ‘to take’ [60]

Сино-кавк. **H* (неидентифицируемый ларингал) > хат. ∅:

Сино-кавк. ***=HV̋ǯV̄(-n)** > *eštan* ‘sun’ [5]

Сино-кавк. ***dV́HV** > *te* ‘big’ [54]

Сино-тиб. ***ćīH** ~ *šai-l ~ tai-l* ‘lord’ [46]

Сино-кавк. ***HmoŋV** > *fun* ‘mortality’ [40]

4.2.2.8. Консонантные сочетания с **w*.

Сино-кавк. лабиализованные согласные (трактуемые С.А. Старостиным как кластеры вида *Cw*) теряют в хаттском свой лабиальный элемент. Они дают рефлексы, совпадающие с соответствующими нелабиализованными согласными:

Сино-кавк. ***xḳəlčwí** > *kaiš* ‘horn’ [14]

Сино-кавк. ***ɦmV́jć̣wV** > *wet* (*fet*?) ‘sour’ [34]

Сино-кавк. ***mɬlćwV** > *pezi-l* ‘wind’ [35]

Сев.-кавк. ***ç̣wēχV** ~ *zeḫa-r, ziḫa-r* ‘wood’ [64]

Сино-кавк. ***ç̣wŏ̋jV** (~ **sṭ-**, ~ **-ɨ̆-**) > *zuwa-tu* ‘wife’ [68]

Сино-кавк. ***hilštwĒ** ‘to run (away)’ > LÚ*luizzi-l* ‘runner’ [26]

Сев.-кавк. ***-š:w** ~ *aš-/iš-,* plural of the accusative case [70]

То же с велярными и увулярными:

Сино-кавк. ***rěḳwǐ́*** > *šaki-* ‘heart’ [47]

Сино-кавк. ****ɦV̌rq̇wĚ*** > *ḫarki-* ‘wide’ [9]

Сев.-кавк. ****=aχwVn*** ~ *ḫan* ‘to open’ [8]

Сино-тиб. ****q(h)ʷār*** ~ *ḫel* ‘to strew’ [10]

Сино-кавк. ****=ígwVł*** (****gwV́łV***) (~ ***xgw-***) > *ḫer* ‘to hide’ [12]

В нескольких примерах с велярным или увулярным хаттский демонстрирует немотивированную огласовку /u/:

Сино-кавк. ****=axgwV(n)*** > *kun* ‘to see’ [21]

Сино-кавк. ****HŭxqwĂ*** > *(a)ku* ‘escort’ [20]

Сино-кавк. ****ʕapālxq̇wḚ*** > *puluku* ‘leaves’ [39]

Конечно, можно было объяснять этот феномен влиянием старого огубленного согласного. В действительности же пять вышеприведенных примеров, где огубленные велярные/увулярные бесследно теряют свой лабиальный элемент, говорят против такого предположения.

4.2.2.9. Консонантные сочетания *xK(w)*.

Сино-кавк. кластеры вида **xK(w)* (где *K* — велярный/увулярный) дают хат. *k* или *ḫ* без прозрачных правил распределения.

Сино-кавк. **xgw* > хат. *ḫ, k*:

Сино-кавк. ****=ígwVł*** (****gwV́łV***) (~ ***xgw-***) > *ḫer* ‘to hide’ [12]

Сино-кавк. ****=axgwV(n)*** > *kun* ‘to see’ [21]

Сино-кавк. **xḳ* > хат. *ḫ, k*:

Сино-кавк. ****ḳVłV*** (~ ***xḳ-***) > **ḫalu* ‘bolt, lock’ [6]

Сино-кавк. ****xḳəlčwí*** > *kaiš* ‘horn’ [14]

Сино-кавк. **xq* > хат. *ḫ*:

Сино-кавк. ****čV́xqV*** > *taḫa-ya* ‘barber’ [50]

Сино-кавк. **xqw* > хат. *k*:

Сино-кавк. ***HŭxqwĂ** > *(a)ku* ‘escort’ [20]

Сино-кавк. **xq̇* > хат. *ḫ*:

Сино-кавк. ***xq̇(w)VrV́** > *ḫel, ḫil* ‘to ripen’ [11]

Сино-кавк. **xq̇w* > хат. *k*:

Сино-кавк. ***ʕapālxq̇wE̋** > *puluku* ‘leaves’ [39]

4.2.2.10. Консонантные сочетания *ST*.

Сино-кавк. кластеры вида *ST* дают хат. *t*, что совпадает с праенисейской рефлексацией (сино-кавк. **ST* > енис. **t*).

Сино-кавк. **sṭ*:

Сино-кавк. ***sṭa̋nq̇V** > *take-ḫa* ‘lion’ [51]

Сино-кавк. **št*:

Сино-кавк. ***štɬőrV** > *tera-ḫ* ‘leather covering’ [58]

Сино-кавк. **štw* (с вторичной «хеттской» ассибиляцией /ti/ > /ʦi/):

Сино-кавк. ***hilštwĒ** ‘to run (away)’ > **luiti-l* > *luizzi-l* ‘runner’ [26]

4.2.2.11. Консонантные сочетания *lC* и *rC*.

Сино-кавк. **l* падает в сочетаниях с постальвеолярными и палатальными аффрикатами (это стандартный процесс для большинства сино-кавк. дочерних семей, за исключением северокавказской, SCC: 87 f.):

Сино-кавк. ***mɬlćwV** > *pezi-l* ‘wind’ [35]

Сино-кавк. ***xḳəlčwí** > *kaiš* ‘horn’ [14]

Касательно *r* в сочетании с **ç* см. комм. к *p(a)raš* ‘leopard’ [37] (< сино-кавк. ***bɦĕrçi̋**).

Сюрпризом является факт сохранения сино-кавк. **l* и **r* в сочетаниях с велярным/увулярным (NB: все сино-кавк. дочерние семьи, за исключением сев.-кавк., стандартно утрачивают сонант в подобных кластерах).

Сино-кавк. ***ʕapālxq̇wĔ** > *puluku* ‘leaves’ [39]

Сино-кавк. ***ħV̆rq̇wĔ** > *ḫarki-* ‘wide’ [9]

В комбинации с **ħ* сино-кавк. **l* сохраняется:

Сино-кавк. ***cōjwɨ̄lħV** > *tumil* ‘rain’ [62]

Однако сино-кавк. **ɬ* падает в комбинации с каким-то неидентифицируемым ларингалом:

Сино-кавк. ***c̱ăɬHu** > *šaḫḫu ~ taḫḫu* ‘earth’ [45]

Такое развитие параллельно сино-тибетскому, где сино-кавк. **ɬħ*, **lħ* > **ħ*, **ħ* > сино-тиб. **∅* (SCC: 19, 191). NB: енисейский регулярно имеет **r*/r_1 < сино-кавк. **lH/ɬH* (SCC: 84).

4.2.2.12. Консонантные сочетания *NC*.

Сино-кавк. носовые падают в сочетаниях с губным:

Сино-кавк. ***X̱ānpV́** > *alef* ‘tongue’ [1]

Сино-кавк. ***[c̱]əmbi** > *tafa-r-na* ‘lord’, *tawa-nanna* ‘lady’ [52]

Енис. ***t[e]mb-VÍ-** ~ *tup* ‘root’ [63]

Подобное упрощение кластеров стандартно для сино-кавк. дочерних семей, за исключением северокавказской, однако есть довольно значительный список примеров, где енис., буруш. и сино-тиб. сохраняют носовой, см. SCC: 39 ff., 48 ff.

В комбинации с постальвеолярной аффрикатой **mc̱* > **mt* > **nt*:

Сино-кавк. ***=V́mc̱V(r)** > **(a)mti* > *(a)nti* ‘to stand’ [28]

NB: сохранение носового в подобном кластере нетипично для сино-кавк. языков.

В комбинации с гутуральным носовой падает (стандартное развитие для сино-кавк. дочерних семей, за исключением северокавказской):

Сино-кавк. ***sṭa̋nq̇V** > *take-ḫa* ‘lion’ [51]

В сочетании с **ḥ* хаттский сохраняет сино-кавк. носовой:

Сино-кавк. ***xa̋nḥĭ** (-**ŭ**) > *ḫan* ‘sea’ [7]

Сев.-кавк. ***λɨnḥV** > *nimḫu-t* ‘woman’ [27]

4.2.2.13. Консонантные сочетания с ларингалами.

В анлаутных и ауслаутных кластерах хаттский теряет ларингалы:

Сино-кавк. ***ḥmV́jćwV** > *wet* (*fet*?) ‘sour’ [34]

Сино-кавк. ***štḥə́rV** > *tera-ḫ* ‘leather covering’ [58]

Сино-кавк. ***bħĕrc̣ĭ́** > *praš* ‘leopard’ [37]

Сино-кавк. ***HmoŋV** > *fun* ‘mortality’ [40]

Сино-кавк. ***cōjwɨ̄lḥV** > *tumil* ‘rain’ [62]

Сино-кавк. ***xa̋nḥĭ** (-**ŭ**) > *ḫan* ‘sea’ [7]

В срединных кластерах ларингал может сохраняться:

Сев.-кавк. ***λɨnḥV** > *nimḫu-t* ‘woman’ [27]

Сино-кавк. ***c̱ä̆ɬHu** > *šaḫḫu ~ taḫḫu* ‘earth’ [45]

4.3. Структура корня.

Общее обсуждение вопроса см. в SCC: 1 ff. Стандартный вид сино-кавк. именного корня был *CVCV* (где *C* может являться консонантным кластером). В нормальном случае хаттский сохраняет эту структуру как *CVCV* или *CVC* (с неясными правилами отпадения конечного согласного). Ср. следующие выборочные примеры:

CVCV:

Сино-кавк. ***rĕk̩wĭ́** > *šaki-* ‘heart’ [47].

Сино-кавк. ***k̩VɬV** (~ **xk̩-)** > **ḫalu* ‘bolt, lock’ [6]

Сино-кавк. ***[p]ārē** > *paru* ‘bright’ [33]

Сино-кавк. ***štḥə́rV** > *tera-ḫ* ‘leather covering’ [58]

CVC:

Сино-кавк. ***xə̆̆nɦ̆** (-**ŭ**) > *ḫan* ‘sea’ [7]

Сино-кавк. ***xḳ̣əlčwí** > *kaiš* ‘horn’ [14]

Ситуация с сино-кавказскими глагольными корнями более запутана, т. к. современная сино-кавкавказская реконструкция в общем случае северокавказоцентрична, однако же ясно, что некоторые модели глагольных корней были серьезно перестроены в сев.-кавк. праязыке.

Я предполагаю, что основные сино-кавк. глагольные типы были таковы:

CVCV

CVC

VCV(R)

CV,

где *C* может быть шумным, сонантом или кластером. Очень часто северокавказский (или скорее его восточнокавказская ветвь?) добавляет начальное *=V-* или *=HV-*, которое служит «прокладкой» между вост.-кавк. классным показателем (“=”) и корнем. В большинстве таких случаев С. А. Старостин проецирует эту «прокладку» на сино-кавказский прауровень (напр., С. А. Старостин реконструирует сино-кавк. *=*VCVR* вместо простого **CVR*). Т. к. анализ сев.-кавк. и сино-кавк. морфосинтаксиса — не цель данной работы, а задача будущих исследований, для конкретных корней я принимаю ту реконструкцию, которую предлагает С. А. Старостин. Необходимо указать, что хаттский никогда не показывает следов этой «прокладки» *=V- / =HV-*, согласуясь в данном пункте с сино-тиб., енис., буруш. и баск. семьями.

В стандартном случае хаттский сохраняет вид сино-кавк. глагольных корней, однако иногда в многосложных структурах конечный гласный может отпадать (как и в случае с именными корнями, правила падения финального гласного не ясны).

Сино-кавк. *CVCV* > хат. *CVCV*:

Сино-кавк. ***HōkV́*** ‘to look, search’ > сев.-кавк. ***H[o]kV*** ~ сино-тиб. ***ku*** ~ енис. ***b-[ə̄]k-*** ~ хат. *ḫuku-r* [13]

Сино-кавк. ***[ṗ]VrV*** ‘to speak, pray’ > сино-тиб. ***p(r)ɨwH*** ~ енис. ***baŕ-*** ~ буруш. ***bar*** ~ хат. *fara-ya* [32]

Сино-кавк. ***čV́xqV*** ‘to scratch, scrape’ > сев.-кавк. ***ç̌VqV*** ~ енис. ***ǯ[e](ʔ)χV*** ~ хат. *taḫa-ya* [50]

Сино-кавк. ***čVwV*** ‘to pour’ > сев.-кавк. ***=ā̄wčĂ*** ~ сино-тиб. ***ćəw*** ~ буруш. ***ṣáo*** ~ хат. *tefu* [57]

Сино-кавк. *CVCV* > хат. *CVC*:

Сино-кавк. ***xq̇(w)VrV́*** ‘old, ripe’ > сев.-кавк. ***=ĭrq̇wĂ*** ‘to ripen’ ~ сино-тиб. ***grĭ*** ‘old, large’ ~ хат. *ḫel* ‘to grow, ripen’ [11]

Сино-кавк. ***q[ä]pV*** ‘to cover’ > сино-тиб. ***Gāp*** ~ енис. ***qepVn-*** ~ хат. *kip* [18]

Сино-кавк. ***ČV́QV*** ‘to step, run’ > сино-тиб. ***ćek*** ~ енис. ***čɔʔq-*** ~ хат. *tuk* [61]

Сино-кавк. *=V-CVR* > хат. *CVR*:

Сев.-кавк. ***=aχwVn*** ‘to open’ ~ хат. *ḫan* [8]

Сино-кавк. ***=ígwVł*** (***gwV́łV***) (~ ***xgw-)*** ‘to lose, hide’ > сев.-кавк. ***=igwVł*** ~ сино-тиб. ***koj*** (~ ***-l***) ~ баск. ***gal-*** ~ хат. *ḫer* [12]

Сино-кавк. ***=ā̄ḳĂw*** ‘to take’ > сев.-кавк. ***=ā̄ḳĂw*** ~ сино-тиб. ***Khu*** ~ хат. *ku* [19]

Сино-кавк. ***=axgwV(n)*** ‘to look, see’ > сев.-кавк. ***=agwV*** ~ сино-тиб. ***kʷēn*** ~ енис. ***qo*** ~ хат. *kun* [21]

Сино-кавк. *VCV* > хат. *VCV*:

Сино-кавк. ***=V́mć̣V(r)*** ‘to stand, stay’ > сев.-кавк. ***=Vmć̣Vr*** ~ сино-тиб. ***ćhi-əH*** ~ хат. *(a)nti* [28]

Сино-кавк. *VCV* > хат. *VC*:

Сино-кавк. ***=ĕç̣Ắ*** ‘to put’ > сев.-кавк. ***=iç̣Ă*** ~ енис. ***ʔes-*** ~ баск. ***ecan*** ~ хат. *eš* [4]

Сино-кавк. *=V-CV* > хат. *CV*:

Сино-кавк. ***=ătV*** ‘to put, leave’ > сев.-кавк. ***=ătV-r*** ~ сино-тиб. ***dhăH*** ~ енис. ***di(j)*** ~ хат. *ti* [55]

Сино-кавк. ***=V́ç̣V*** ‘to eat, drink’ > сев.-кавк. ***=Vç̣V*** ~ сино-тиб. ***ǯha-H*** ~ енис. ***sī-*** ~ буруш. ***śi/*ṣi/*ṣu*** ~ хат. *tu* [59]

5. Хаттско–сино-кавказские корневые сравнения

Вокабулы сортированы в следующем алфавитном порядке: *a, e/i, ḫ, k, l, m, n, f/p/w, š/s, t, u, z*. Нумерация в подразделе 5.1 (надежные корневые сравнения) продолжается в подразделе 6.1 (надежные грамматические сравнения). То же касается нумерации с апострофом (’) в подразделе 5.2 (сомнительные корневые сравнения), которая продолжается в 6.2 (сомнительные грамматические сравнения).

5.1. Хаттские корни с надежными сино-кавказскими этимонами

1. *alef* (*alep, alip, aliw*) ‘tongue; word; to say?’, ‘язык (анатом.)[19]; слово; говорить?’

= Хет. EME.

√ Сино-кавк. ***ʔ̣āпрV́** ‘tongue; lip; to lick’ >

Сев.-кавк. ***ʔ̣ānpV** ‘lip’ > цез. **ʔ̣ipu* (~ *-i-*, *-˜ -), лезг. **ʔ̣amp-* (~ *ḳ-*).

Сино-тиб. ***ʔep** ‘tongue, to lick’ > тиб. *gźab* ‘to lick’, качин (H) *šiŋlep* ‘tongue’.

Енис. ***ʔalVp** (~ **-Í-**, **-r$_1$-**, **-b**) ‘tongue’ > котт. *alup*, арин. *áĺap, elep*.

→Енис. **ʔa-* (старый классный показатель?) точно соответствует хаттскому анлауту.

Сходно Иванов 1985: №1 (хат. + енис.). Неприемлемо Браун 1994: 21 (хат. + зап.-кавк. **(a)č:^{w}V* ‘word, speech; to say; to swear’).

2. *anna* ‘when’, ‘sobald, als’, ‘когда, как только’

= Хет. *mān*.

√ Сино-кавк. ***hV̌nV́** ‘now’ >

Сев.-кавк. ***h[ä]nV** ‘now’ > нах. **hin-ca* / **hin-ʒa* ‘now’, цез. **hin-čV* ‘today’, даргин. **han-* ‘now’, лезг. **hin-* ‘now’, зап.-кавк. **nə-* ‘today’, хурр. *henni*, урарт. *hini* ‘now’

[19] Анатомическое значение надежно фиксируется в контексте KBo 37.1 Rs.: ритуал против наговора, где молотом избиваются модели «злых языков» (имитативная симпатическая магия).

Сино-тиб. ***n[ə]*** ‘time or place of, when’ > кит. 而 **nə* particle by verbalizing, ‘as, and yet, and’ (?), тиб. *na* ‘year(?); stage of life, age; when’, качин (H) *na, čəna* ‘to extend in time’, *na* ‘loc. or abl. suffix’, лушаи *nia?* ‘at the time of; when’, *-na* ‘the place of or where, instrument of or for’.

Енис. ***ʔen*** ‘now’ > кет. *ēn*, юг. *en*. Аблаутная форма ***ʔan-*** в композитах > юг. *an-es*[5,6] ‘morning’ (*an-* + ‘God, sky’), *an-bɔksɨ*[5] ‘tomorrow’ = кет. *anɔkś*[5,6] ‘tomorrow’ (*an-* + **pVk-* ‘morning’); вероятно, базовое значение *an-* в перечисленных композитах — это ‘when’, не ‘now’. ***ʔen-ŋa*** > котт. *eaŋa* ‘now’, арин. *iŋni* ‘today’.

→Удвоенное *nn* в хат. форме может указывать на старый консонантный кластер. Если так, то енис. ***ʔen-ŋa*** представляется ближайшей параллелью, несмотря на семантическую разницу и вокалическое чередование.

Иванов 1985: №2 сравнивает хат. *anna* с некоторыми зап.-кавк. наречными и местоименными формами вида *an-*, покрывающими широкий спектр указательных значений. Напр., убых. *aná-* ‘here (là); then, at that time (alors)’ (Vogt 1963: 85), абхаз. *aná* ‘there’, *ani* ‘that’, инфикс *-an-* ‘when’ и т. д. По NCED, эти зап.-кавк. морфемы восходят к зап.-кавк. **nV* ‘(a demonstrative stem)’, далее к сев.-кавк. ***nV*** ‘this, that’. Поскольку их временно́е значение не имеет соответствий в вост.-кавк. местоимениях/наречиях, вполне вероятно, что часть зап.-кавк. форм, перечисленных выше, происходит из сев.-кавк. основы ***h[ä]nV*** ‘now’.

3. *aš* ‘to come (here)’, ‘(при)ходить’, imp. *aša* ‘komm (herein)!’.

= Хет. *eḫu*.

√ Енис. ***ʔēč-*** ‘to let come, let enter’ > кет. *ɛ:te*, юг. *-ɛ:hť*.

→Эксклюзивная хат.-енис. изоглосса, хотя вокалические соответствия не очень ясны. Енис. **-č-* должно восходить к сино-кавк. **ç̌*.

Браун 1994: 21: к зап.-кавк. **ća* (~ **č-*) ‘to go, walk’ < сев.-кавк. ***=āčĂn*** ‘to go, to lead’ < сино-кавк. ***=āčA̋ŋ-*** ‘to pull, lead’ (сев.-кавк. + сино-тиб. ***ćăŋ*** ‘to bring, arrange’ + енис. ***čāŋ-*** ‘to pull, drag’). Падение **-n* в хат. остается в этом случае без объяснений.

4. *eš, iš* (и, возможно, *et, it*) ‘to put’, ‘класть’.

= Хет. *dai-*.

√ Сино-кавк. ***=ĕçḰ*** ‘to put’ >

Сев.-кавк. ***=içĂ*** ‘to give, compensate; to put’ > ав.-анд. *=*iç-* ‘to compensate, reimburse’, лезг. **ʔiça-* ‘to give’, зап.-кавк. **çV* ‘to lay eggs; to put (with preverbs)’.

Енис. ***ʔes-*** ‘to put’ > кет. *ɛśa*[6], юг. *ɛsiɛ-saŋ*[6], котт. *śi-ćei*.

Баск. ***ecan*** ‘to lie down, rest (tr.) to put down’.

→Хаттское значение соответствует енис., зап.-кавк. и баск. фиксациям.

5. *eštan, aštan* ‘sun, Sun-goddess; day[?]’, ‘солнце, богиня Солнца; день[?]’.

= Хет. ^{D}UTU.

√ Сино-кавк. ***=HV̀ǯV̄(-n)*** ‘clear (of weather)’ >

Сев.-кавк. ***=HuǯV-n*** (~ ***-ʒ́-***) ‘to clear up (of weather)’ > ав.-анд. *=*Vč̣:Vn-* (~ *-ç:-*), лезг. **ʔoč̣:Vn-*, ? хурр. *ḫešmi* ‘clear, bright’.

Сино-тиб. ***Ćəj*** (~ ***-l***) ‘clear (of weather)’ > кит. 霽 **ćājs* ‘clearing sky’, бирм. *ćajh* ‘to stop, as raining or sound; to clear, as weather’.

Енис. ***ʔēǯ-*** ‘clear, quiet (of weather)’ > кет. *ɛt*[4] / *ɛŕ*[4], юг. *ɛ:hŕ*. Видимо, с анлаутной редукцией ***ǯin*** ‘bright day’ в кет. *dīń* ‘bright day’, *qä-diń* ‘holiday’, юг. *χɛ́dī́n* ‘holiday’ и т. д.

Буруш. ***ç̣āŋ***, ***ç̣ān***, ***ʒ́aŋ*** ‘clear (of sky); half-clear (of sky); to stop (of rain)’.

→Вокалическое соответствие между хат. и енис., в противоположность сев.-кавк.

Неверно Иванов 1985: №11: к сев.-кавк. ***ʔămṣa*** (~ ***-ə***, ***-i***) ‘sky, cloud; soul, breath; god’ < сино-кавк. ***ʔắmsi*** ‘soul, breath; god, sky’.

6. **ḫalu* в редуплицированной основе *ḫalu-ḫalu* ‘wooden bolt, lock’, ‘засов’.

= Хет. *ḫattalwaš* GIŠ-*ru*.

√ Сино-кавк. ***ḳVɬV*** (~ ***xḳ-***) ‘lock’ >

Сев.-кавк. ***ḳuɬī*** / ***ɬīḳu*** ‘lock, bolt; key’ > ав.-анд. **ḳulV*, лак. *ḳula*, лезг. **ḳul* (~ *-o-*), зап.-кавк. **ləḳ^{w}ə*.

Сино-тиб. ***kălH*** ‘bolt, lock’ > кит. 楗 **garʔ* ‘door bar, bolt’, лушаи *kalʔ* ‘to be locked or fasten’.

→Сравнение надежно, если сино-кавк. анлаут был **xḳ-*. NB: вокалическое соответствие первого слога между хат. и сино-тиб. формами, в отличие от сев.-кавк.

Сходно Иванов 1985: №17 (хат. + сев.-кавк.).

7. *ḫan* ‘sea’, ‘море’.

= Хет. *aruna-*.

√ Сино-кавк. ***xa̋̆nɦĭ** (-**ŭ**) >

Сев.-кавк. ***x̲a̋̆nɦĭ** ‘water’ > нах. **χi*, ав.-анд. **λ:inʔi*, цез. **λ:ĩ*, лак. *š:in*, даргин. **xin*, лезг. **λ:än:*, хинал. *xu*, ? хурр. *šiye* ‘water, river’

Сино-тиб. ***χĭw(s)** ‘water, moisture’ > тиб. *hus* ‘moisture, humidity’, качин *khoʔ*[2] ‘to spill’, лушаи *huʔ* ‘wet’, киранти **kù* ‘water’.

Енис. ***xäń** (~ **ʔ-**) ‘wave’ > кет. *āńbɔk*[1], котт. *en*, **ēn*.

Буруш. ***hán-chil** ‘water from a wound; watery (tea, soup)’.

Баск. ***u-hin** ‘wave’.

→Фонетически хат. точно соответствует енис.

8. *ḫan* ‘to open’, ‘открывать’.

= Хет. *ḫaš-* ‘to open’.

√ Сев.-кавк. ***=aχwVn** ‘to open’ > ав.-анд. **=aχ*^{w}*Vn*; цез. **=[ã]ʁ:-*.

9. *ḫarki-maḫ* ‘to be(come) wide’, ‘быть широким’.

= Хет. *palḫi- eš-*.

√ Сино-кавк. ***ɦĂ̆rq̇wĔ** ‘wide’ >

Сев.-кавк. ***ɦă̆rq̇[w]Ĕ** ‘wide’ > ав.-анд. **q̇a-b-*, цез. **q̇eq̇-*, лак. *u-t:a-*, даргин. **-aʕu-*, лезг. **hIarq̇ɨ-*, зап.-кавк. **bəǵ*(^{w})*V*.

Сино-тиб. ***q**$^{\mathbf{w}}$**āŋH** ‘wide, broad’ > кит. **廣** **k*^{w}*āŋʔ* ‘wide, broad, large’, качин *(ə)wuŋ*[2]*-waŋ*[2], ‘be wide, ample’, лушаи *vāŋ* ‘be broad, wide’ и т. д.

Енис. ***χiGVĺ** (~ ***χiχVĺ**) ‘wide, broad’ > кет. *qīĺ*, юг. *xe:ĺ* / *xejĺ*[3], котт. *hīgal*.

→Енис. показывает суффикс *ĺ*.

Элемент *maḫ* в хат. основе, видимо, та же морфема, что и *maḫ* в *kazue-maḫ* < *kazue* ‘cup, bowl’, *ḫikkir-maḫ* ‘?’, *ḫer-maḫ* ‘?’.

10. *ḫel, ḫil* ‘to strew, pour, scatter’, ‘рассыпать, разбрасывать’.

= Хет. *išḫuwai-*.

√ Сино-тиб. ***q(h)ʷār*** ‘to throw (into water), scatter’ > кит. 澼 *g̱ʷārʔ* (~ *w̱-*?) ‘to wash’, тиб. *skjur-ba* ‘to throw, throw into water, cast’, лушаи *vorʔ* ‘to scatter, throw up, toss’.

→Сино-тиб. **q(h)ʷ-* может восходить к сино-кавк. **qw, Gw-, χw-, ʁw-* и т. д. (SCC: 89–93), в то время как **-r-* < сино-кавк. **-l-* и **-r-*.

11. *ḫel, ḫil* ‘to grow, ripen’, ‘расти, зреть’.

= Хет. *mai-*.

√ Сино-кавк. ****xq̇(w)VrV́*** ‘old, ripe’ >

Сев.-кавк. ****=ĭrq̇wĂ*** ‘to ripen’ > ав.-анд. **=iq̇-*, цез. **=iq̇-*, лак. *=ija-*, даргин. **=iq̇ur-*, лезг. **ʔi(r)q̇ʷV*, зап.-кавк. **ṭəʁʷa-* (~ *-Gʷ-*).

Сино-тиб. ****grĭ*** ‘old, large’ > кит. 耆 **grij* ‘old’, 祁 **grij* ‘great, large’, тиб. *bgre* ‘to grow old’, бирм. *krih* ‘be old; be big’.

→Соответствие хат. *l* ~ сино-кавк. **r* выглядит странно; ср., однако, енис. **r/r*$_1$ в качестве рефлекса сино-кавк. **r* с неизвестными правилами распределения (енис. **r*$_1$ дает *l*-образные фонемы в большинстве дочерних языков).

12. *ḫer* (also *ḫert*?) ‘to hide, conceal’, ‘прятать’.

= Хет. *munnai-*.

√ Сино-кавк. ****=ígwVł*** (****gwV́łV***) (~ **xgw-)** ‘to lose, hide’ >

Сев.-кавк. ****=igwVł*** ‘to lose, get lost; to steal’ > ав.-анд. **golV* (~ *-a-*) ‘thief’, цез. **gʷVl-* ‘thief’, лезг. **ʔik:ʷäl-* ‘to lose; to get lost; hidden, secret’, хинал. *dugun-* ‘to lose’.

Сино-тиб. ****koj*** (~ **-l**) ‘to hide’ > бирм. *kwaj* ‘to conceal, keep out of sight’, качин *məkoi*[1] ‘hide, conceal’.

Баск. ****gal-*** ‘to lose, corrupt, spoil’.

→Sccet.dbf реконструирует сино-кавк. основу с **gw*, однако в действительности мы не можем различить **gw* и **xgw* без енис. данных. К сино-кавк. **ł* ~ хат. *r*, ср. сино-кавк. **ł* > енис. **r/r*$_1$ с неизвестными правилами распределения.

Хаттское значение ближе к сино-тиб., скорее чем к сев.-кавк.

Иванов 1985: №7 сопоставляет хат. *ḫer(t²)* с изолированной зап.-кавк. формой: убых. *qarda-* ‘être assis, caché’ (Vogt 1963: 164).

13. *ḫukur* ‘to see, look, notice’, ‘видеть, замечать’.

= Хет. *auš-*.

√ Сино-кавк. ***HōkV́*** ‘to look, search’ >

Сев.-кавк. ***H[o]kV*** ‘to look, search’ > цез. **hak-* (~ *ħ-*), лак. *uI=či-*, лезг. **ʔakV-* / **ʔokV-*.

Сино-тиб. ***ku*** (~ **g-**) ‘to seek, choose, understand’ > кит. 求 **gu* ‘to seek, ask for’, тиб. *sko, bsko* ‘to choose’, *go* ‘to know, understand’, бирм. (Naxi) **kh[ua]* ‘hear’.

Енис. ***b-[ə]k-*** (~ **w-**) ‘to find’ > кет. *bʌ:ɣə*⁴, *bʌɣ*⁴, юг. *bʌ:hk*, котт. *bapukŋ*.

→Суффикс *-rV* (особенно глагольный) весьма частотен в сино-кавк. языках, особенно в сев.-кавк. ветви. В синхронном хаттском анлаут *r-* запрещен для любых морфем (как корневых, так и служебных), и *ḫuku-r* представляется единственной глагольной основой, где можно подозревать суффикс *r*. В некоторых именных основах, однако, вычленяется сходная застывшая морфема: *zeḫa-r* ‘building wood’ [64]. О предполагаемом хат. ***tafa-r* ‘to rule’ см. *tafarna* [52].

Girbal 1986 сравнивает хаттскую основу с груз. *ġur-* ‘to look’ — изолированным грузинским корнем, который теоретически может восходить к картв. *ġur-* ‘ear; to hear’, см. Schmidt 1962: 141.

14. *kaiš* ‘horn (anatomic)’, ‘рог (анатом.[20])’.

= Хет. SI.

√ Сино-кавк. ***xḳəlčwí*** ‘forelock; horn’ >

Сев.-кавк. ***ḳəlčwi*** ‘forelock, plait; horn’ > нах. **ḳuč̣* ‘forelock, tuft of hair; mountain top’, ав.-анд. **ḳʷič̣* (~ **ḳič̣ʷ*) ‘forelock’, лезг. **ḳalč* / **kalč* ‘horn; plait, woman’s hair’.

[20] O. Soysal, устное сообщение.

Сино-тиб. ***khaj*** ‘horn, a pair of horns’ > кит. 觭 *khaj* ‘one horn turning up and one down’, лушаи *ki* ‘horn’.

Буруш. ***ɣuy̯*** ‘hair’.

→Падение *l* в сочетаниях с аффрикатами регулярно для всех сино-кавк. подсемей, кроме сев.-кавк. (SCC: 87 f.). Хаттский, возможно, показывает здесь интересное развитие **l* > *i̯*.

15. *kap* ‘moon’, ‘луна’.

= Хет. ^{D}*SÎN*.

√ Енис. ***q[e]p*** (~ **χ-**) ‘moon’ > кет. *qīp*, pl. *qi:ń*[3], юг. *xep*, pl. *xejfɨn*[1].

→О значении хаттского термина см. Schuster 2002: 173, 412 f., 416 ff., 464 fn. 948 и Soysal 2004: 364.

Важная хат.–енис. изоглосса. Второе енисейское слово для луны — это ***(ʔV)suj*** (котт., арин., пump.), которое, вероятно, обладает внешней этимологией (сино-кавк. ***wə̆ŋc̣ŏ*** ‘moon’), в то время как ***q[e]p*** кажется внутриенисейской инновацией.

16. *kaš, kiš* ‘head’, ‘голова’.

= Хет. *ḫaršan-*, SAG.DU

√ Енис. ***ʔaKsV-*** (~ **x-**) ‘temple (part of head)’ > котт. *axšei*, далее см. Yenet.dbf #11 и CCE: 180 с вероятными кет.–юг. этимонами и общим обсуждением этимологического гнезда.

→Эксклюзивная хат.–енис. изоглосса.

Енис. ***ʔa-***, видимо, является застывшим классным показателем, каузирующим вторичную редукцию корневого гласного, как, напр., в енис. ***saq-*** ~ ***ʔa-sq-*** ‘guilty’ (< сино-кавк. ***cVrqV***).

17. *katte* ‘king’, ‘царь’, *katta-ḫ* ‘queen’, ‘царица’.

= Хет. LUGAL, MUNUS.LUGAL.

√ Енис. ***kaʔt*** (~ **g-**, **-c**) ‘old (attr.)’ > кет. *kaʔt*, pl. *kateŋ*[5], юг. *kaʔt*, pl. *kateŋ*[5].

→Эксклюзивная хат.–енис. изоглосса. Хаттский показывает типологически частотный сдвиг значения ‘old’ > ‘elder’.

Chirikba 1996: 424 сравнивает хат. *katte* с абхаз.–абазин. композитом **qa-da* ‘chief (adj.)’, элементы которого не ясны.

18. *kip* ‘to protect’, ‘защищать’.

= Хет. *paḫš-*.

√ Сино-кавк. ***q[ä]pV** ‘to cover’ (в Sccet.dbf реконструируется как ***q̇HápE**) >

Сино-тиб. ***Gāp** ‘to cover’ > кит. 蓋 **kāts* (< **kāps*) ‘to cover, conceal; a cover (of a car)’, **gāp* ‘to thatch, to cover’, тиб. *bkab* ‘to cover’, *gab* ‘to hide’, качин *məgap*[2] ‘to cover’, лушаи *hup* (*hu?*) ‘cover, put over’, лепча *kap* ‘to cover over, to envelop, to wrap round as garment’, киранти **ʔkə́p* ‘cover’.

Енис. ***qepVn-** (~ **χ-**) ‘to close (door)’ > кет. *qeńgej*[6], юг. *di-χéfɨnābdi ʔ* ‘ich mache es zu’, imper. *χéfɨne*.

→Sccet.dbf добавляет в это гнездо сев.-кавк. ***q̇HapE** ‘hat, cap’ (ав.-анд., цез., лак., даргин., лезг., зап.-кавк.), что неубедительно, т. к. формы вида *KAPV* (/*PAKV*) со значением ‘шапка’ скорее надо трактовать как известное общеевразийское бродячее слово.

Хаттский показывает тривиальное семантическое развитие ‘to cover/wrap’ > ‘to protect’.

Ср. также сино-кавк. ***ɦĭxŋwV** ‘to graze; guard’ > сев.-кавк. ***ɦĭfV** ‘to guard, to graze’ ~ сино-тиб. ***ŋ[u]a** ‘gamester, guard’. Сравнение с хаттским семантически интересно, но фонетически неудовлетворительно (*k* ~ **ɦ*).

19. *ku* ‘to seize’, ‘хватать’.

= Хет. *epp-*.

√ Сино-кавк. ***=ə̈̄ḳĂw** ‘to put; to take’ >

Сев.-кавк. ***=ə̈̄ḳĂw** ‘to put (together), take; to lie, fall’ > нах. **=ēḳ-* ‘to fall down; crumble’, ав.-анд. **=Vḳ-* / **ḳV-b-* ‘to put together; to lie; to fall down; to take, collect’, цез. **=oḳ*^{w}- B ‘to fall; to gather, to (be) put together’, лак. *l-i=čḳi-* ‘to put in; establish’, даргин. **=aḳ-* / **=iḳ-* ‘to put’, лезг. **ʔeḳ*^{w}*i-* ‘to steal, conceal; to hide; to choose; to put’, хинал. *l-i=ḳ-* ‘to hide, conceal’, зап.-кавк. **ḳə* ‘to catch, hold, grab’, хурр.-урарт. **ḳew-* ‘to put’.

Сино-тиб. ***Khu*** (~ **-ua**, **-əw**) ‘take out, extract’ > кит. 述 **gu* ‘to assemble, accumulate’ (?), тиб. *bku* ‘to extract (to make an extract of a drug by drawing out the juice)’, бирм. *khuh* ‘to take out (e. g., boiled rice out of a pot)’.

→Представляется, что на самом деле сев.-кавк. формы отражают более чем один пракорень (‘to take’ и ‘to put, to lie’). Семантически хаттский глагол ближе к зап.-кавк. и сино-тиб. фиксациям.

Альтернативной этимологией для хаттского глагола является сев.-кавк. ***=iqwV*** ‘to hold, catch’ (> ав.-анд. **=ik:ʷ-*, цез. **=oχ:-*, даргин. **=ujk:-*, лезг. **ʔiqɨ-*, зап.-кавк. **q́:Iʷa* (~*q̲́ʷ-*, *q̇ʷ-*)), однако это сравнение не объясняет хаттской огласовки *и*.

Иванов 1985: №23 & Chirikba 1996: 421 (хаттский + зап.-кавк. **q́:Iʷa*). Браун 1994: 21 (хат. + зап.-кавк. **ḳə*).

20. *ku* (or *aku*) ‘soldier, escort (vel sim.)’, ‘солдат, сопровождающий’. Только в форме мн. ч.: *faku* (*paku*, *wa$_a$ku*).

√ Сино-кавк. ****HŭxqwĂ*** ‘to preserve, guard’ >

Сев.-кавк. ****HŭqwĂ*** ‘to graze, guard, preserve’ > цез. **=oχ-* (~ *-в:-*) ‘to graze, feed’, лезг. **ʔoχIʷɨ* ‘to guard, preserve’, зап.-кавк. **χIʷV* ‘to graze (intr. & trans.)’.

Сино-тиб. ****kŭ*** ‘to help; friend, companion’ > кит. 仇 **gu* ‘mate, companion’, 救 **kus* ‘help, save, relieve’, бирм. *ku* ‘help’, качин *khuʔ*^{2} ‘to become friends’, (H) *məkhu* friend, *ləkhu* ‘to guard, protect’, лушаи **ku* ‘help’, киранти **ku* ‘look after’.

→Семантически хат. корень ближе к сино-тиб. формам, нежели к сев.-кавк.

21. *kun* ‘to see’, ‘видеть’.

= Хет. *auš-*.

√ Сино-кавк. ****=axgwV(n)*** ‘to look, see’ >

Сев.-кавк. ****=agwV*** ‘to see’ > нах. **gu-* / **=ag-*, ав.-анд. **-Vg-*, цез. **=[e]gʷ-* А, лак. *k:ʷa=k:ʷa-*, даргин. **gʷ-* / **=irg(ʷ)-*, лезг. **ʔak:ʷä-*.

Сино-тиб. ****kʷēn*** (~ **gʷ-**) ‘to glance at; to regard’ > кит. 睨 **kʷēn* ‘to glance at’, лушаи *khon* ‘to regard, pay attention to’.

Енис. ****qo*** (~ **χ-**) ‘to see’ > кет. *d-ba-ŋ-sɔ-кɔ*, юг. *di-ba-ŋ-s-ɔ*, пумп. *ja-xa-ldi* ‘I see’.

→Морфологически хаттская форма близка к сино-тиб. фиксациям.

Иванов 1985: №21 сравнивает хат. *kun* с неясным адыг.–кабард. **ʁʷə-* (вычленяемым в некоторых композитах), для которого ‘смотреть’ является одной из допустимых семантических интерпретаций.

22. *le* или *ale* ‘to envy (vel sim.)’, ‘завидовать’.

= Хет. *aršaniya-* ‘to be angry (at); to envy’.

√ Сино-тиб. ***re** ‘to dislike’ > качин *nri*[4] ‘to be annoyed, displeased’, (H) *gəri* ‘to regard as undesirable’, лушаи *hre?* ‘to dislike, object to’.

→Хат.–сино-тиб. изоглосса (сино-тиб. **r* восходит к сино-кавк. **r* или **l*).

23. **leli* в основе *leliyaḫ* или *leliyaḫu* ‘source of light; lustre, brilliance’, ‘светоч’. Эпитет богини Солнца.

= Хет. *lalukkima-*.

√ Сино-тиб. ***rołH** ‘light’ > кит. 孌 **ron?* ‘to be beautiful, handsome’, тиб. *khrol-khrol* ‘bright, shining’, *khrol-po* ‘sparkling, glistening, dazzling’, бирм. *hrwanh* ‘to be clear, bright, shining’.

→По всей видимости, в хаттской основе вычленяются суффикс *-ya*, образующий имена деятеля, и женский суффикс *-aḫ* [125’]. Эта же суффиксальная цепочка *-ya-aḫ* обнаруживается и в квазисинонимичном эпитете *kašparuyaḫ* ‘source of light’ [33] (= Hitt. *lalukkima-*).

Вокалическое соответствие между хат. и сино-тиб. остается, однако, неясным.

Sccet.dbf #570 предположительно включает сино-тиб. основу в этимологическое гнездо сино-кавк. ***Łűli** ‘skin, colour’ (> сев.-кавк. ***Ł̲ŏli** ‘colour; to paint’, енис. ***ʔoʔĺ** ‘hull, suffusion’, баск. ***larū** ‘skin’), что представляется не обоснованным семантически.

24. *liš, leš* ‘year’, ‘год’.

= Хет. MU(.KAM).

√ Сино-кавк. ***ƛ̆ăjV** ‘time, season’ >

Сев.-кавк. ***ƛ̆ăjV** ‘year, day’ > ав.-анд. **ƛaji-* (**ƛaHi-*) ‘year; in the daytime; today’, зап.-кавк. **ƛ́V* ‘year; day’.

Сино-тиб. ***lə̆H*** ‘year, season’ > кит. 祀 **lhəʔ* ‘sacrificial cycle, year’, тиб. *lo* ‘year’, качин *khra*[1] ‘time, season’, киранти **l[o]* ‘time’.

→Элемент *-š*, видимо, суффикс (известный и из некоторых других хаттских именных основ).

25. *lu* ‘to be able’, ‘быть способным’.

= Хет. *-za tarḫ-*.

√ Сино-тиб. ***lə̆w*** ‘to be able’ > тиб. *blo* ‘mind, intellect; to be able’, качин *lu*[2]*-na*[3] ‘can’, (H) *lu*, *thu* ‘to be able, can’, киранти **lù* ‘to feel, be affected, present, be experienceable’.

→Эксклюзивная хат.–сино-тиб. изоглосса.

Sccet.dbf #705 добавляет сюда кит. 喻 **los* ‘to understand; to instruct, enlighten’ (если не к сино-тиб. ***jə̆w*** ‘to understand, consider’) и объединяет все эти сино-тиб. формы в одном этимологическом гнезде с сев.-кавк. ***ʔolʁwA*** ‘to think’. По всей видимости, это два разных корня: ‘to think’ и ‘to be able’, смешивающихся в некоторых языках.

26. [LÚ]*luizzi-l* ‘runner, messenger’, ‘скороход’.

= Хет. [LÚ]KAŠ$_4$.E.

√ Сино-кавк. ****hilštwĒ*** ‘to run (away)’ >

Сев.-кавк. ****hilčwĒ*** ‘to run (away)’ > цез. **=[ũ]č-* ‘to run (away)’, лак. *liI=ča-* ‘to run’, лезг. **hišʷä-* ‘to run (away)’, хинал. *čä=p-* ‘to run away’, зап.-кавк. **č́:ʷa* ‘to run; to walk uncertainly’.

Сино-тиб. > кит. **ćhoʔ*, **ćhōʔ* ‘to run, drive’, 走 **ćōʔ* ‘to run, make run, gallop’.

Енис. ****tut-*** ‘to flee, hide’ > кет. *tutɨŋ*[5] / *tutiŋ*[5].

→Хаттская основа показывает хорошо известный «мужской» суффикс *-(i)l*.

Общий вид хаттской основы (эпентеза *u* между **l* и шумным кластером) напоминает енис. праформу.

27. *nimḫu-t* (или *nimḫu-tu*), *nimḫu-š* ‘woman’, ‘женщина’.

√ Сев.-кавк. ****λɨnɦV*** (~ ***-i̲-***) ‘woman, female’ > даргин. **x:unul* ‘woman’, лезг. **λ:ɨn:(ol)* ‘woman; female’.

→ *-t(u)/-š(u)* является «женским» суффиксом. Хотя хаттский показывает ассимилированное *n-* на месте ожидаемого ***l-*, сравнение представляется надежным. NB: хат. *-m-* вместо *-*n-* перед лабиализованным *ḫ*.

Неубедительно Браун 1994: 19 (хат. + зап.-кавк. **pə-χ́ʷA-śʷə* ‘woman’, где **pə-* — застывший классный показатель, а *-śʷə* — диминутивный суффикс).

28. *(a)nti* ‘to stand; to stay’, ‘стоять’.

= Хет. *ar-*.

√ Сино-кавк. ***=V́mć̣V(r)*** ‘to stand, stay’ >

Сев.-кавк. ***=VmḾc̣Vr*** ‘to stand, stand up’ > нах. **-ātt-*, ав.-анд. **=ič̣:- / *ħi(r)č̣:-*, цез. **=arč-* / **=eč-*, лак. *=iza-n*, даргин. **=ic:Vr-* / *=ilc:-*, лезг. **ʔec:ʷär-*.

Сино-тиб. ****ćhiəH*** (~ ***ʒ́h-***) ‘to be at, sit, stay’ > кит. 在 **ʒ́hāʔ* ‘to be at, in, on’, тиб. *gźes* ‘to sit, stay, wait’.

→ Хат. **mt* > *nt* регулярно.

Иванов 1985: №29 сравнивает хат. *(a)nti* с изолированным убых. *nt°á* ‘door’, что явно неудачно.

29. *nu* ‘to come, go (intr.); to bringʔ (trans.)’, ‘приходить, идти’.

= Хет. *pai-, uwa-*.

√ Сино-тиб. ****nŭ*** ‘to tread, trace’ (> кит. 蹂 **n̲u*, **n̲uʔ*, **n̲us* ‘to tread, trample’, качин *kənu*[4] ‘a pattern of carving or embroidery’, лушаи *hnu* ‘to print, a mark’).

→ Браун 1994: 21 & Chirikba 1996: 421 сравнивают хат. *nu* с абхаз.–абазин. **nə-q̇ʷa-* ‘walk, move’ (преверб **nə-* + корень **q̇ʷa* ‘to walk’ < сев.-кавк. ****=HuqU̇̆n*** ‘to go, come’), что неприемлемо как фонетически, так и морфологически.

Не более удачно и сравнение в Иванов 1985: №58: убых. *bayna-wə* ‘to move off/away’, содержащее неясный элемент *bayna* и корень *wə* ‘to enter, go’ (< зап.-кавк. **Ł̣ʷV* ‘to enter’ < сев.-кавк. ****=ərƛ̣̆***̆ ‘to go, walk, enter’).

30. *fael, fel, fil* (*wa$_a$el, we$_e$l, wi$_i$l*, also *pailʔ*, *pelʔ*, *pilʔ*) ‘house’, ‘дом’, вероятно также и глагольное значение ‘to dwell’, ‘(be)hausen’, ‘проживать’.

= Хет. É(-*ir*).

√ Сев.-кавк. ***bēŁ̲V̆*** ‘cattle-shed’ > ав.-анд. **biɬ̣:i* ‘cattle-shed’, цез. **buɬu* A (~ *-ə*) ‘cattle-shed; pub’, лак. *p:al* ‘cattle-shed’, даргин. **bik:* ‘cattle herd’.

→Сравнение кажется надежным как фонетически, так и семантически. Отнесение хаттского слова к сино-кавк. ***bŏ̆lɬ̣V*** ‘house’ (> сев.-кавк. ***bŭlɬ̲V*** (~ ***-i̱-***) ‘house’ ~ сино-тиб. ***[b]ōk*** ‘dwelling’ ~ буруш. ***baltí*** ‘veranda, outside room’) более соблазнительно семантически, но не фонетически по причине вокалической нерегулярности сино-кавк. **o* vs. хат. *ae/i* (что касается редкого сино-кавк. кластера **lɬ̣*, необходимо иметь в виду, что его стандартные рефлексы — это сино-тиб. **k* и енис. **ĺ*, см. SCC: 81 ff.).

Иванов 1985: №62 разбивает хаттскую основу как *fe-l* и сравнивает с зап.-кавк. **ӄI^{w}ənа* ‘house’ (< сев.-кавк. ****G̲winʔV*** (~ ***-ħ-***, ***-ʕ-***) ‘village; house’), что явно не оправдано.

31. *far* (*par, wa$_a$r*) ‘thousand’, ‘тысяча’.

= Хет. *LĪM*.

√ Сино-тиб. ****bhăr*** ‘abundant, numerous’ > кит. 繁 **b̲ar* ‘abundant’, 蕃 **b̲ar* ‘to be prosperous, rich, numerous’, тиб. *dpar* ‘glory, splendour; wealth, abundance; welfare, happiness’, лушаи *bar* ‘very, much’.

→Интересная хат.–сино-тиб. изоглосса.

32. *fara-ya* (*paraya, parayu, perayu, wa$_a$rai, wa$_a$rayu*) ‘priest’, ‘жрец’.

= Хет. ^{LÚ}SANGA.

√ Сино-кавк. ****[ṗ]VrV*** ‘to speak, pray’ >

Сино-тиб. ****p(r)ɨwH*** ‘speak’ > кит. 報 **pūʔs* ‘respond, announce’, бирм. *prawh* ‘to speak’, лушаи *pau* ‘speech, word’, киранти **brə(-n/-t)* ‘speech, word’.

Енис. ****baŕ-*** (~ ***-r$_1$-***) ‘to pray’ > кет. *baĺbɛt*^{6}, *baĺvɛt*^{6}, юг. *barbɛt́*^{5} (букв. ‘to make a prayer’); кет. *baĺbe-ś*^{6} ‘cross’ (“object of prayer”).

Буруш. ****bar*** ‘speech, word’.

→К хаттским nomina agentis на *-ya* ср. *taḫa-ya* ‘barber’ [50].

Семантически хаттский корень точно соответствует енисейскому.

33. **paru* ‘bright, shining’, ‘сияние’ в основе *kašparuyaḫ* (*ka-aš-paru-ya-ḫ*) ‘source of light’, ‘светоч’. Эпитет богини Солнца.

= Хет. *lalukkima-* ‘source of light’.

√ Сино-кавк. ***[p]ārē** ‘lightning; brilliance’ >

Сев.-кавк. ***pārē** ‘lightning’ > ав.-анд. **piri* ‘lightning’, цез. **pɨr* ‘lightning; thunder’, лак. *par* ‘lightning; lustre’, даргин. **paIr* ‘lightning’, лезг. *par / *rap ‘lightning’. Также в композите с корнем **ç̣ăjɬ̌* ‘fire’: **ç̣ăjɬ̌-pārē* ‘lightning’ (ав.-анд., лак., лезг.).

Сино-тиб. ***prɨăŋH** ‘bright; morning’ > кит. 炳 **praŋʔ* ‘bright, clear’, бирм. *prauŋ* ‘be brilliant, blazing, glorious’.

→По всей видимости, хаттскую основу следует членить как *ka-aš-paru-ya-ḫ*. Префиксы *ka-aš-* нередки для именных основ, хотя их значение и функция остаются пока неизвестными. Суффикс *-ya* образует nomina agentis (как в *para-ya* ‘priest’, *taḫa-ya* ‘barber’), в то время как *-(a)ḫ* является «женским» суффиксом [125’]. Эту же суффиксальную цепочку мы видим в квазисинонимичном *leliyaḫ* ‘source of light’ (= Hitt. *lalukkima-*) — другом эпитете Солнечной богини.

Семантически хаттский ближе к сино-тиб., нежели к сев.-кавк.

34. *wet, wit* (вероятно, также *pet, pit*, т. е. *fet/fit*) ‘to be(come) sour/bitter’, ‘быть кислым, горьким’.

= Хет. *šammalešš-, šammalliya-*.

√ Сино-кавк. ***ɦc̣wV́jmV** / ***ɦmV́jc̣wV** ‘sour, salty’ >

Сев.-кавк. ***ɦmVjc̣wĂ** ‘sour’ > нах. **musṭi-n* ‘sour’, цез. **čača-lu* ‘sour’, лак. *q̇určˌi-* ‘sour, bitter’, даргин. **q̇anç̣a* ‘vinegar’, лезг. **ʔimčˌʷV-r-/ʔirčˌʷV-m-* ‘sour; salty’, хинал. *miç̣* ‘sour’, зап.-кавк. **çˌʷV* ‘to get sour; sour’.

Сино-тиб. ***[ʒh]ɨam** ‘salt’ > кит. 鹼 **ćham* (~ *ch-*, *-e-*) ‘buck, lye’, качин *ǯum*[2] ‘salt’, лушаи (KC) **tśhum* ‘sour, salty’.

Буруш. ***ćhémil** ‘poison’.

→Хет. глагол *šammalešš-, šammalliya-* зафиксирован почти исключительно в текстах, переведенных с хаттского (CHD Š: 111 ff.). Поскольку нам известно хаттское слово *šafat* ‘apple’/’apricot’ [83’] и хеттское слово *šamalu* с тем же значением, единственное осмысленное решение — трактовать

хет. *šammalešš-, šammalliya-* как калькированный перевод с хаттского со значением ‘to be(come) like an apple/apricot’ — об установлении более точного значения ‘to be sour/bitter’ см. Soysal 1989 и Soysal 2004a: 88–92 (во второй указанной статье также обсуждается дальнейшее семантическое развитие в ‘to be crabby, anger’). Важно отметить, что в хаттском деривация *wet* (**fet*) ‘to be sour’ → *ša-fat* ‘a k. of apple/apricot’ типологически нормальна (о префиксе *ša-* см. HWHT: 238), в то время как хеттский показывает деривацию в противоположном направлении *šamalu* ‘apple/apricot’ → *šammalešš-/šammalliya-* ‘to be(come) sour/bitter’, что может быть объяснено только калькированным характером хеттского глагола.

Хаттский показывает ту же консонантную метатезу, что и сев.-кавк. праформа.

Ср. хат. *witanu* ‘cheese’ [75’], которое вероятно произведено от этого же глагола.

35. *pezi-l, pize-l, pizi-l* ‘wind’, ‘ветер’.

= Хет. *ḫuwant-* ‘wind’.

√ Сино-кавк. ***mɬ̌lćwV** ‘to blow, wind’ >

Сев.-кавк. ***mɬ̌lćwV** ‘wind’ > ав.-анд. **moč^{w}i* (/**mič^{w}i*), цез. **muš:ə* A, лак. *marč*, лезг. **muč*.

Сино-тиб. ***mŭt** ‘to blow’ > бирм. *hmut* ‘to blow’, качин (Ben) *mut* ‘to blow’, лушаи (KC) **hmut*, лепча *măt, mŭt* ‘to blow, to breathe at’, *sŭŋ-mut* ‘wind’, киранти **mùt* ‘to blow’.

→ Хаттская основа содержит «мужской» суффикс *-l*.

Утрата *l* в сочетаниях с аффрикатами регулярна для всех сино-кавк. подсемей, кроме сев.-кавк. (SCC: 87 f.).

Интересно, что вокалически хаттская основа ближе к сев.-кавк. праформе, нежели к сино-тиб.

Неубедительно Иванов 1985: №63, где хаттский элемент *zil* сравнивается с неясным кабард. *ṩə-* ‘rain(?)’ (отмечено в композитах).

Неубедительно Браун 1994: 20: к зап.-кавк. **pəλ:^{w}a* ‘wind; to blow’ (< сев.-кавк. ***λwəɬʔV** ‘wind, to blow’ с зап.-кавк. префиксом **pə-*).

36. *pnu* ‘to observe, look’, ‘наблюдать, смотреть’.

= Хет. *ušk-*.

√ Сино-тиб. ***mVn** ‘to perceive; to think’ > кит. 聞 **mən* ‘to hear; to perceive, to get to know; to smell’, киранти **min* ‘to think’.

→Хаттский корень, вероятно, имел вид ***pVnu* с редукцией медиального гласного в префиксальных формах.

Интересная хат.–сино-тиб. изоглосса, хотя и не слишком надежная ввиду слишком общей семантики.

Невероятно Иванов 1985: №33 & Chirikba 1996: 421 (к зап.-кавк. **bA ~ *p:A* ‘to see’).

37. *praš* or *paraš* ‘leopard’, ‘леопард’ (зафиксированная форма: *ḫa-praš-un*).

= Хет. PÌRIG.TUR.

→Сино-кавк. ***bħĕrc̣ĭ́*** (~ **-ĕ**) ‘a k. of predator’ >

Сев.-кавк. ***bħĕrc̣ĭ*** (~ **-ĕ**) ‘wolf’ > нах. **bħorç* ‘wolf’, ав.-анд. **boço* ‘wolf’, цез. **bɔçə* A ‘wolf’, лак. *barç* ‘wolf’, даргин. **beç* ‘wolf’, зап.-кавк. **bVgV-bVʒV* ‘jackal, hyena’ (празап.-кавк. композит: сев.-кавк. ***bVga*** ‘fox, jackal’ + ‘wolf’).

Енис. ***pe(ʔ)s-tap*** (~ **-b**) ‘wolverine’ > котт. *feštap, fēštap, pheštap*, арин. *ṕhjástap*.

Баск. ***oćo*** ‘wolf’.[21]

→Весьма интересный случай. Хаттский корень мог иметь вид *paraš* (с окказиональной редукцией *paraš* > *praš* в префиксальной форме) или же *praš*.

В случае *paraš* в хаттском можно предполагать сохранение сонанта в сино-кавк. кластере *r* + аффриката. Если так, то процесс разбивания старого кластера вставкой *a* параллелен аналогичному анаптиксису *u* в старом кластере *lxq̇*, что иллюстрирует корень *puluku* ‘leaves’ [39] < сино-кавк. ***ʕapālxq̇wE̊***.

[21] К семантическому переходу между псовыми и кошачьими ср., напр., сино-тиб. **riāŋ*, что значит ‘волк’ в китайской ветви и ‘кошка’, ‘леопард’ и даже ‘медведь’ в тибето-бирманских языках.

В случае же *praš* хаттский показывает развитие **CVRC > CRVC*, что является эксклюзивной чертой сино-тиб. семьи (см. SCC: 58, 88).

Хаттское слово не может быть сев.-кавк. заимствованием по причине разницы корневой структуры и значения: семантический переход ‘wolf’ <> ‘leopard’ возможен в случае длительного независимого развития, но кажется маловероятным при заимствовании названия хорошо известного животного (мы предполагаем, что хатты были анатолийскими автохтонами и, следовательно, были знакомы с леопардами).

Эта северокавказско-хаттская основа широко распространена в Евразии в качестве бродячего слова со значением ‘леопард’, однако точный источник заимствования установить затруднительно. Др.-греч. παρδ-/πορδ- в слове πάρδᾰλις, πόρδᾰλις ‘leopard’ (Hom.+) и иранские формы вроде согд. *pwrδnk-* с фонетической точки зрения говорят в пользу сев.-кавк. источника (с регулярной передачей сев.-кавк. **ç* > Grk. δ, см. Николаев 1985: 68 ff. №№8, 11, 12, 33), но семантически соответствуют хаттской основе. Хет. *parš-* в *paršna-, paršana-* ‘leopard’, также ‘leopard-man (a cult functionary)’ (OS+) очень похоже на хаттскую форму, за исключением структуры корня *CVRC*. Персидское *pārs* ‘leopard. panther’ и многочисленные тюркские формы *bărs, pars* ‘tiger, leopard, etc.’, вероятно, происходят из какого-либо анатолийского постхеттского языка.

38. **fula* ‘bread’ в композите *fula-šne* ‘bread, used in ritual action; bread offering’, ‘хлеб, используемый в ритуале; жертвование хлеба’.

√ Сино-тиб. ***mor** (~ **-u-**) ‘grain’ > бирм. *mun*? ‘bread’, лушаи *hmor-hāŋ* ‘name of a sp. of rice’, лепча *jă-mór-zo* ‘a spec. of zo (rice)’.

→Хаттская основа *fulašne* должна анализироваться как *fula-šne*, где *šne* [89’] значит ‘offering’ (ср. *tefu-šne* ‘libation’ [57]).

По всей видимости, сино-тиб. корень не связан с сино-кавк. ***HmérV** ‘a k. of berry’.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

39. *puluku* ‘leaves, foliage, greenery’.

= Хет. *laḫḫurnuzziyant-*.

√ Сино-кавк. ***ʕapālxq̇wĔ́*** ‘leaf’ >

Сев.-кавк. ***ʕapālq̇wĔ*** (~ **ɦ-**) ‘burdock; leaf(?)’ > ав.-анд. **HabuḳV* ‘burdock’, цез. **ʕemuq̇(a)* ‘burdock’, даргин. **heq̇ul(i)* ‘burdock’, лезг. **palq̇I^{w}* ‘burdock’, ? зап.-кавк. **p:əǴə* (~ *b-*) ‘leaf; to open (of leaves)’.

Сино-тиб. ***phak*** (~ **bh-**) ‘leaf’ > бирм. *phak* ‘leaf (of tree)’, качин *pha?^{2}-lap^{2}* ‘tea, tea-leaf’, киранти **phàk* ‘leaf’.

Буруш. ***bilágur*** ‘a k. of weed’

→К анаптиксису между *l* и велярным ср. *praš* ‘leopard’ [37].

40. *fun* (*pun, wu$_{u}$n*) or *funa* (*puna, wu$_{u}$na*) ‘mortality, mortals’, ‘смертные, человечество’.

= Хет. *dandukeššar*.

√ Сино-кавк. ***HmoŋV*** ‘die, dead’ >

Сино-тиб. ***māŋ*** ‘to die’ > кит. 薨 **smāŋ* ‘to die (of king)’, бирм. (LB) **mhaŋ* ‘corpse’, качин *maŋ^{1}* ‘a corpse, carcass’, лушаи *maŋ* ‘to die’, лепча *mak* ‘to die (said of man, animal, tree, fire, dispute); dying’.

Енис. ***boŋ*** ‘dead man’ > кет. *bōŋ*, юг. *boŋ*.

→Интересная хат.–сино-тиб.–енис. изоглосса.

Неубедительно Иванов 1985: №66 & Браун 1994: 20, которые сравнивают хаттский корень с зап.-кавк. **wV* ‘person; people, persons’ и зап.-кавк. **ʁ^{w}V* ‘person; self’.

41. *fur* (*wu$_{u}$r, pur, pu$_{u}$r*) ‘country; population’, ‘страна; население страны’.

= Хет. *utne*, KUR(*-e*), *utniyant-*.

√ Сино-тиб. ***PrV̄ŋ*** ‘country’ > кит. 邦 **prōŋ* ‘country, state’, бирм. *prań* ‘country’.

→Эксклюзивная хат.–сино-тиб. изоглосса. Сино-тиб. праформа показывает частотную редукцию срединного гласного и обычный суффикс *-Vŋ*.

42. *puš* или *puše* ‘to devour, swallow’, ‘пожирать, проглатывать’.

= Хет. *ed-*.

√ Сино-тиб. ***mV̄t*** ‘to eat, swallow’ > кит. 秣 **mhāt* ‘to feed grain to horses’, тиб. *mid* ‘to swallow’, ? бирм. *mwat-sip* ‘to be thirsty’.

→Сино-тиб. *-*t* может восходить к сино-кавк. *-*t*/-*ṭ*/-*d* или же к сино-кавк. *-*c*/-*ç* и *-*ć*/-*ć̣*/-*ʒ́*.

43. *puš-an* ‘to blow on, fan (a fire or burning materials)’, ‘раздувать (огонь)’.

= Хет. *parai-*.

√ Сино-кавк. ***[p]ūHV̆́*** ‘to blow’ >

Сев.-кавк. ***pūHV*** ‘to blow, blowing’ > нах. **hu(:)p* ‘to blow, blowing’, ав.-анд. **puʔ-* ‘to blow’, цез. **pɨ-ƛ̓*ʷ- ‘to blow; to swell, blow up; to whistle’, хинал. *pɨ* ‘air; to blow’, зап.-кавк. **p:Vwa* (~ *b-*) ‘to breathe; breath’.

Сино-тиб. ***bŭ***, ***bŭt*** > кит. 弗 **pət* ‘gust of wind’, тиб. *ãbud* ‘to blow’, *sbud* ‘bellows’, бирм. *phəwʔ* ‘bellows’, качин *əphot*[2] ‘to blow in puffs’, лушаи *phuʔ* ‘to blow out of the mouth’.

Енис. ***pV(j)*** ‘to blow’ > кет. *ugij*, юг. *duap-pē*, котт. *śifu*.

Буруш. ***phu*** ‘to blow’.

→Хаттская основа содержит суффикс *-an*, известный и из некоторых других глагольных лексем (напр., *šam ~ šaman* ‘to hear’, далее см. HWHT: 210).

Несмотря на ономатопоэтический характер сино-кавк. корня, хаттский terminus technicus точно соответствует сино-тиб. формам как фонетически (сино-тиб. *-*t* может восходить к сино-кавк. *-*t*/-*ṭ*/-*d* или же сино-кавк. *-*c*/-*ç* и *-*ć*/-*ć̣*/-*ʒ́*), так и семантически.

См. также *p(a)šun* ‘breath[?]; soul[?]; lung[?]’ [71’].

44. *fute, futi* (*wu*$_u$*te, wu*$_u$*ti, puti*) ‘(to be) long (in temporal meaning)’, ‘долгий, длительный’ (обычно в выражении «долгие годы»).

= Хет. *talugi-* (*eš-*).

√ Енис. ***bot-*** ‘often’ > кет. *bōt*.

→Интересная хат.–енис. изоглосса.

45. *šaḫḫu* / *taḫḫu* ‘earth, ground’, ‘земля’.

= Хет. *tekan-*.

√ Сино-кавк. ***ǩ̲Häłu***/***ǩ̲älHu*** ‘earth, sand’ >

Сев.-кавк. ***č̲Häłu/*č̲älHu** ‘earth, ground, sand’ > нах. **č(ḥ)il* (~ *-ī-*) ‘ashes, dust’, ав.-анд. **š:VlV* ‘silt, slime’, лак. *š:aIlu* / *š:aI-* ‘earth, ground’, лезг. **č:il* ‘earth; floor’.

Баск. ***śorho** ‘meadow; field; field (prepared for sowing)’.

→Caucet.dbf в качестве сев.-кавк. праформы предлагает ***č̲Häłu**, ссылаясь на фарингализацию в лак. *š:aIlu* как на свидетельство сев.-кавк. **H*. В действительности же лакский имеет дублеты *š:aIlu ~ š:aI-*, где *š:aI-* указывает на праформу ***č̲älHu** (о фонетическом развитии см. NCED: 69–70). Баск. ***śorho** также говорит в пользу варианта ***č̲älHu**.

NB: в хаттском упрощение кластера **łH* > *ḫḫ*.

46. *šai-l* / *tai-l* ‘lord, master’, ‘хозяин’, также в композитах *ziḫar-tail* ’Holz-Meister’ (= плотник), *ḫuzza(n)-šai(l)* ‘Herd-Meister’ (= кузнец), *fur(un)-šail* ‘Land(es)-Herr’. Вероятно, эта же основа, но без «мужского» суффикса *-l*: *šai(u)* ‘lord’; с «женским» суффиксом *-t/š*: *še-t, se-t, si-t* ‘lady?’

√ Сино-тиб. ***ćīH** ‘to govern, rule; lord’ > кит. 宰 **cāʔ* (~ *ć-*) ‘steward; minister’, тиб. *rʒe*, *ʒo* ‘lord, master’, бирм. *ćəwh* ‘to govern, direct’, *ćawh* ‘king, queen, royalty’, качин (H) *ʒau* ‘to rule’.

→Хат.–сино-тиб. изоглосса. Сино-тиб. **ć-* может происходить из сино-кавк. **ć/ḉ/ʒ́* и **č/ḉ/ʒ*.

47. *šaki-l, ški-l, ašk*i-*l* ‘heart’, ‘сердце’, также без «мужского» суффикса *-l*: *ašk*i.

= Хет. ŠÀ(-*ir*).

√ Сино-кавк. ***rĕḳwĭ** ‘breast, heart’ >

Сев.-кавк. ***jĕrḳwĭ** ‘heart’ > нах. **doḳ*, ав.-анд. **roḳʷo*, цез. **rɔḳʷə* A, лак. *daḳ*, даргин. **ʔurḳi*, лезг. **jirḳʷ*, хинал. *ung*, зап.-кавк. **ǵʷə*, хурр. *egi, igi* ‘inside’.

Сино-тиб. ***ʔrəŋ** / ***ʔrək** ‘breast’ > кит. 臆 **ʔ(r)ək* ‘bosom’, тиб. *braŋ* ‘chest, breast’, бирм. *raŋ* ‘breast’, лушаи *eŋ* ‘breast’.

Енис. ***tə(ʔ)ga** ‘breast’ > кет. *tʌga*^{5} / *tʌɣa*^{5}, юг. *tʌga*^{5}, пумп. *tíke*.

Буруш. ***dak** ‘hope, belief’.

→Сино-кавк. анлаутное **r-* > хат. *š-*.

48. *šam(a)* (и, видимо, *sam-an*) ‘to hear, listen (vel sim.)’, ‘слышать, слушать’.

√ Сев.-кавк. ***=a(m)sV*** ‘to be silent, listen (> to talk)’ > ав.-анд. **sVs(Vn)-* ‘to be quiet, silent’, даргин. **=urs-* (/ *=us-)* ‘to say, tell’, лезг. **ʔasV* ‘to be silent; to listen’.

→Сев.-кавк. праформа может происходить из виртуального сино-кавк. корня ****sVmV*** (с регулярными морфонологическими процессами в сев.-кавк. глагольной основе: редукция срединного гласного и метатеза *-CR-* > *-RC-*, см. SCC: 1 f.). Хат.–сев.-кавк. сравнение слегка сомнительно по причине скудости сев.-кавк. материала.

Girbal 1986: 162 сравнивает хат. *šam(an)* с картв. ***sem-*** ‘to hear’, ***sm-en*** ‘to listen (to)’, обладающим надежными ностратическими и афразийскими этимонами (см. Kartet.dbf; Afaset.dbf; Klimov EDKL: 163, 167). Такое сравнение, конечно, полностью удовлетворительно как фонетически, так и семантически, однако, исходя из общих соображений, мы должны рассматривать это схождение как случайное совпадение (ср. аналогичную ситуацию с хат. *tumil* ‘rain’ [62]).

Заимствование подобного базисного слова из аккад. *šemû* ‘to hear’ (< семит. ***šVmaʕ-*** ‘to hear’ < афраз. ***sim-*** ‘ear’) невероятно.

49. *štip* (probably not *tip*) ‘gate’, ‘ворота’.

= Хет. KÁ.

√ Енис. ***ǯīp*** ‘to cover; to plug; to close’ > кет. *-dɔp* ‘to plug’, *-dup* ‘to close’, юг. *ɗi:ʰp*[4] ‘to cover, close’, котт. *ha-čīp* ‘to cover’.

→Хат.–енис. изоглосса. Хаттский показывает очень частый семантический переход ‘закрывать’ > ‘дверь’. Енис. **ǯ-* может восходить к сино-кавк. **ć/ʒ́* и **č/č̣/ǯ*.

50. *taḫa-ya* ‘barber’, ‘цирюльник’.

= Хет. ^{LÚ}ŠU.I.

√ Сино-кавк. ***čV́xqV*** ‘to scratch, scrape’ >

Сев.-кавк. ***č̱VqV*** / ***qVčV*** ‘to scratch, rub’ > ав.-анд. **χ:Vč-* ‘to scrape’, цез. **čãχ:-* (~ *-в-*) ‘to write’, даргин. **=išq-* ‘to scratch, scrape; to tear’, лезг. **č̣iχ:an-* ‘to scrape, rub; to fidget; to peel; to tear’.

Енис. ***ǯ[e](ʔ)χV** ‘to shave’ > кет. *dɔ:*[3], юг. *ɗou*[3] // *ɗo:*, котт. *hāran-čex* ‘to hack, bevel’.[22]

Буруш. ***qhaṣ*** ‘to rub’.

→К хаттским nomina agentis на *-ya* ср. *para-ya* ‘priest’. Хаттское значение точно соответствует енис. корню. Sccet.dbf реконструирует сино-кавк. праформу как ***čV́qV*** (~ ***-xq-***), что кажется неоправданным.

Иванов 1985: №50 сравнивает хат. *ta-ḫa-ya* с зап.-кавк. **ɣ́V* ‘to comb; to scrape’ (< сев.-кавк. ***hrĕgwē*** ‘comb’), что представляется неубедительным как фонетически, так и морфологически.

51. *takeḫa, takiḫa*, также с «мужским» суффиксом *l*: *takeḫa-l, takiḫa-l* ‘lion; hero’, ‘лев; герой’.

= Хет. UR.MAH, UR.SAG(*-i-*).

√ Сино-кавк. ***sṭa̋nq̇V*** ‘panther, leopard’ >

Сев.-кавк. ***ṣa̋nq̇V*** ‘lynx, panther’ > нах. **ṣōq̇* ‘ounce, snow leopard’, ав.-анд. **ṣirq̇:V* ‘lynx; ounce, snow leopard’, лак. *ṣiniq̇* ‘tiger, leopard’, даргин. **ṣirq̇* ‘panther’.

Сино-тиб. ***chi(ə)k*** ‘leopard’ > тиб. *gzig* ‘leopard; porcupine’, бирм. (*kjah*)*-sać* ‘leopard’, киранти **sík-ba* ‘tiger, leopard’.

→Суффикс *-(e)ḫa* в *take-ḫa* остается без очевидных параллелей среди известных хаттских основ (он вряд ли может быть идентифицирован с «женским» *-(a)ḫ* [125’], как в *katta-ḫ* ‘queen’ и т. д.). Несмотря на это, сравнение надежно и фонетически, и семантически. Упрощение **nK* > *K* кажется регулярным для хаттского, как и для остальных сино-кавк. дочерних языков, за исключением сев.-кавк. ветви.

Sccet.dbf реконструирует сино-кавк. праформу как ***ṣa̋nq̇V*** (~ ***sṭ-***), но **sṭ-* предпочтительнее ввиду сино-тиб. **ch-*.

[22] В ряде композитов в енисейских языках этот глагольный корень показывает значение ‘to split, hack, make notches, etc.’, но базовое значение неоформленной основы именно ‘to shave’ (см. Yenet.dbf #836; Werner 2002 1: 205).

52. *tafarna* (*tabarna, tawa$_a$rna*) ‘lord’, титул хеттского царя; $^{(MUNUS)}$*tawananna* ‘lady’, ‘Herrscherin’, титул хеттской царицы.

= Хет. *labarna-*, *tabarna-* и ^{MUNUS}*tawananna*.

√ Сино-кавк. ***[ḉ]ə̄mbi*** ‘superpower’ >

Сев.-кавк. ***ç̣ə̄mbi*** ‘god; mercy’ > нах. **ç̣ēbV* ‘idol, god; heathen deity; priest’, ав.-анд. **ç̣:VbV* ‘mercy, grace’, лак. *ç̣imi* ‘grace, mercy, pity’, даргин. **ç̣um* ‘pity’, ? хурр. *azammi* ‘image, figure’ (= ‘idol’).

Сино-тиб. ****ć̄ūm*** ‘honour, authority’ > кит. 宗 **ć̄ūŋ* ‘to honour, go to pay court; ancestor; master’, тиб. *gćom, bćom* ‘pride, haughtiness, arrogance’, качин *čum* ‘authority’.

→Широко обсуждаемые в научной литературе слова, см. Soysal 2005 с лит. и EDHIL с лит. (оба ученых защищают теорию неиндоевропейского, scil. хаттского происхождения *tabarna*) vs. Yakubovich 2009: 229 ff. с лит. и Melchert 2003a: 18 ff. (о хетто-лувийском генезисе *tabarna* и *tawananna*).

Идея заимствования подобного термина царской власти из лувийского или хеттского в хаттский (и палайский) не слишком правдоподобна по общим причинам. Нам известно несколько десятков хаттских заимствований в хеттском[23] (и как раз особенно это касается терминологии царской власти и отправления культа), но ни одного хетто-лувийского заимствования в хаттском до сих пор не обнаружено.[24]

Если термин *tabarna* функционировал в хаттском как экзотизм, относящийся именно к хеттскому царю (как термин Καῖσαρ по отношению к римским императорам в древнегреческих текстах), странно, что мы обнаруживаем этот титул в хаттских архаичных формульных пассажах. Формальные же трудности, связанные с хетто-лувийским генезисом *tabarna*, более серьезны.

1) Лувийский атематический глагол *tabar-* ‘to rule’ не имеет и.-е. этимологии. Сравнение с герм. прилагательным **đapraz* ‘heavy; sad, downcast’

[23] Список см. в Goedegebuure 2008: 146 f. с предшествующей литературой.

[24] Единственным кандидатом является культурный термин *zinar* [118’] ‘lyre’, который действительно может идентифицироваться как лувийское заимствование (см. обсуждение sub v.).

(Orel 2003: 68) или со слав. прилагательным *dobrъ* ‘хороший, добрый’ (ЭССЯ 5: 45) неудачно как семантически, так и морфологически[25]. Этимологический анализ *tawananna*, предлагаемый в Melchert 2003a: 18 ff. (к и.-е. ***stā***-, ***stāu̯***- ‘to stand’), также малоубедителен.

2) Лувийская морфологическая модель имени деятеля на *-na* (*tabar-* ‘to rule’ > *tabar-na-* ‘one who rules’) оказывается уникальной. Постулирование гипотетического лувийского прилагательного ***tabra-* ‘mighty’ (ср. предыдущий абзац), от которого произведено прилагательное *tabar-na-* ‘mighty’ (так Melchert 2003a: 18 ff.), и объяснение атематического глагола *tabar-* ‘to rule’ как вторичного аналогического образования («back-formation») никак не доказуемы. Несколько иначе Yakubovich (2002; 2009: 229 ff.), предполагающий не прилагательное, а лувийское существительное ***tabara-* /daβara/ или /δaβara/ ‘power’ в качестве исходной точки для образования *t/labarna*, что также недоказуемо.[26] Необходимо отметить, что И. Якубович вынужден постулировать две уникальные лувийские фонемы (/δ/, /β/), чтобы объяснить обсуждаемые формы. Далее Якубович обращается к каппадокийской ономастике начала 2-го тыс. до н. э. в попытке найти определенные свидетельства существования лувийского ***tabara-* /daβara/ или /δaβara/ ‘power’. Он приводит четыре личных имени — *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-*, *Waša-tapra*, *Šupi-lapra-* — и атрибутирует их как лувийские. В действительности же первый элемент имен *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-* необъясним на лувийском материале (как правильно отмечает сам автор: Yakubovich 2009: 216). Есть два пути анализа каппадокийских *Wa-dapra-*, *Wa-lapra-*. Во-первых, это могут быть хаттские имена с частым хаттским префиксом *wa-*. Во-вторых,

---

[25] Нужно подчеркнуть, что лув. *tabar-* само по себе не выглядит как «нормальная» анатолийская глагольная основа.

[26] Якубович вставляет «эпентезу» между губным и *r* из-за лик. имени собственного *dapara* = др.-греч. Λαπαρας (имя Λαπαρας известно и из некоторых других древнегреческих источников, см. Neumann 2007: 36). Однако значение, происхождение и морфологическая структура лик. *dapara* неизвестны, и я сильно сомневаюсь, что эта форма может о чем-либо свидетельствовать.

альтернативным и более вероятным решением было бы членить эти формы как *Wada-pra-*, *Wala-pra-* (к их второму компоненту ср., напр., морфологически прозрачное каппадокийское имя *Šupi-pra*, Garelli AC: 146). Третье имя *Waša-tapra* может быть как лувийским, так и нет, поскольку *waša* представляется элементом, не этимологизируемым внутри лувийского; с тем же успехом *Waša-tapra* может быть, напр., хурритским именем: ср. хурр. *tabri* 'attribut de divinités' (GLH: 247). Наконец, четвертое имя *Šupi-lapra-* выглядит как хеттское, т. к. хорошо зафиксированный каппадокийский элемент *šupi* может быть вполне надежно идентифицирован с хет. (не лув.!) прилагательным *šuppi-* 'clear'. Подытоживая ономастическую дискуссию. С некоторым трудом в каппадокийских личных именах мы можем вычленить морфемы *tapra* и *lapra*, чьи происхождение и значение остаются неизвестными. При этом нет никаких указаний на то, что *tapra* и *labra* представляют собой одну и ту же морфему. Конечно, можно пытаться связывать *lapra* со средиземноморским элементом *λαβρ-*, известным из некоторых божественных эпитетов 1-го тыс. до н. э.[27], или с более древним термином *λαβύρινθος* = Мус. *da-pu*$_2$*-ri-to-* (см. Yakubovich 2002). С другой стороны, *tapra* может быть идентифицирована с лув. глаголом *tabar-* 'to rule', что, однако, не обязательно ввиду отсутствия гласного между губным и *r* в *tapra* (ср. также выше возможный хурритский этимон *tapra*). В любом случае постулирование лув. /δaβar/ с уникальной фонемой /δ/, которая передавалась как *t-* в лув. *tabar-* 'to rule' (с различными хет.-лув. производными), но как *l* в титуле *labarna* и ономастическом элементе *lapra*, вряд ли является обоснованным, с моей точки зрения. Это же касается и идеи, что [δ] — когда гипотетическое [δ]*apra* стало бродячим ономастическим корнем в Средиземноморье — могло сохранять свои уникальные фонетические характеристики в течение тысячелетия и

[27] Карийский город и святилище Зевса *Labraunda*, известный из некоторых античных авторов, таких как Геродот и Страбон (*Λάβραυνδα*, *Λάβρανδα*), кипрский эпитет Зевса *Λαβράνιος* или же гипотетическое линейное A *-du-pu*$_2$*-re* 'master' (о последней форме см. Valério 2007).

продолжать писаться то как *l*, то как *d* в неклинописных традициях (ср. примеры Якубовича: микен. *da-pu*$_2$*-ri-to-* = др.-греч. λαβύρινθος; лик. антропоним *dapara* = др.-греч. Λαπαρας).

3) Лувийская глагольная основа *tabar-* и ее производные, а также соответствия в хеттском (*tabarija-* 'order, injunction' и т. д.) никогда не показывают вариативности *t~l*, в то время как *t/labarna* устойчиво пишется как *labarna*, а не ***tabarna* в клинописных лувийских текстах.
4) Вариативность *tabarna ~ labarna* вряд ли может быть объяснена в рамках хетто-лувийской фонологии. Умозрительный сценарий перехода хет. *l-* < лув. *t-* в заимствованиях из лувийского, иллюстрирующийся единственным примером, предложенный в Melchert 2003a: 18 ff., не подтверждается никакими данными и выглядит слишком сложным и искусственным (NB: устойчивое написание *labarna* в клин.-лув. текстах явным образом противоречит фонетической теории Мелчерта). Напротив, нам известен прямо противоположный окказиональный процесс анатол. **T-* > лув. *l-*, о чем см. ниже.
5) Наличие фонемы /f/ (*wa*$_a$) в хат. *tafarna* затруднительно объяснить, если мы принимаем заимствованный характер этой лексемы в хаттском.[28]

Почти все эти проблемы снимаются, если трактовать *tafarna* и *tawananna* как исконные хаттские основы. Несмотря на то, что лексема *tawananna* ни разу не зафиксирована в написании через *wa*$_a$ или *pa*, я полагаю, что мы можем рассматривать хат. *tafarna* и *tawananna* как однокоренные образования, выделяя таким образом хаттский корень *tafa-*/*tawa-*, чья сино-кавк. этимология (см. выше) полностью удовлетворительна как фонетически, так и семантически. При этом даже если мы исключаем

[28] Yakubovich 2009: 230 fn. 29, защищая лувийское происхождение хаттского *tafarna*, постулирует для этого случая новую лувийскую фонему /β/ (/daβarna/), которая передавалась знаком BA хеттами в хеттском и знаком WA$_A$ хеттами в хаттском. Для меня осталось неясным, на каких подтверждающих фактах основана теория Якубовича. Функция знака BA в хеттской клинописной традиции — тема будущих исследований, но, насколько мы можем судить, BA использовался хеттскими писцами просто как окказиональный графический индикатор заимствованных слов (хурритских, лувийских, аккадских, хаттских и т. д.).

tawananna из сравнения, это не влияет на мои итоговые выводы. Морфема *-r-* в *tafa-r-na* представляет собой весьма обычный для сино-кавк. языков суффикс, известный и из некоторых других хаттских основ, как глагольных (*ḫuku-r* ‘to see’ [13] < сино-кавк. ***HōkV́*** ‘id.’), так и именных (*zeḫa-r* ‘building wood’ [64] ~ сев.-кавк. ***ç̣wēχV*** ‘stick; timber’). Именной суффикс *-na* также фиксируется в хаттском: ср. *zipi-na* ‘sour’ [66] (~ синотиб. ***cV̄p*** ‘bitter’) и, вероятно, *kurkupal* [39’] ~ *kurkufen-na* [40’] (если *nna* < *lna*).

Лямбдацизированная форма *labarna*, которая не известна хаттскому, но достаточно частотна в хеттских текстах (где она на равных конкурирует с исконным вариантом *tabara*, см. статистику в Soysal 2005: 191 ff.), может представлять собой результат ложной этимологизации. Допустимо предположение, что хетты и лувийцы восприняли *ta-* в *tafarna* как морфему женского рода и попытались заменить ее мужским *la-* по модели ^{D}*ḫalipinu* ‘(мужское божество из хаттско–хеттского пантеона)’ vs. ^{D}*ḫatipinu* ‘(женское божество из хаттско–хеттского пантеона)’ — см. об этом Soysal 2005: 199 ff. (хотя и с противоположными выводами). Конечно же, титул царицы *tawananna* (никогда не фиксирующийся в лямбдацизированной форме) не подвергается подобному морфологическому переразложению.

Лямбдацизированной форме *labarna* можно попробовать предложить и фонетическое объяснение, т. к. мы знаем, что в некоторых случаях анатол. **T-* дает лув. *l-*. Условия этого фонетического изменения неизвестны, но соответствие хет. *ta-* ‘to take’ ~ клин.-лув. *la-* ‘id.’ вряд ли может быть отвергнуто.[29] Дополнительные и менее обязательные примеры: хет. *tuḫḫuessar* ‘smoke-substance, incense(-resin)’ ~ лувоид? *lu(y)essar* ‘incense(-wood)’ и хет. *tuwarna-* ‘to break’ ~ лувизм ≈*lawarriya-* ‘id.’.[30] Исходя

[29] Вопреки Yakubovich 2008: 21_{24}.

[30] Melchert 2003b: 181 утверждает, что хетты при заимствовании из лувийского передавали начальное *t-* как *l-*. Его примеры таковы: хет. *allappaḫḫ-* ‘to spite’ ~ клин.-лув. *tappa-* ‘id.’ (возможно, из IE ***lap**- ‘to lap, lick’, однако следует обратить внимание, что хеттский термин, используемый в архаичных ритуалах хаттского происхождения, также напоминает

из указанного фонетического феномена можно предложить только один простой сценарий: хаттское *tafarna* было заимствовано в хеттский и палайский как *tabarna*, а в лувийский как **tabarna* > *labarna* (*labarna* — единственный вариант, известный лувийским текстам); далее хеттский заимствует *labarna* из лувийского и начинает употреблять этот вариант наравне с исходной формой *tabarna.* Конечно, оба объяснения (морфологическое и фонетическое) вариативности *t~l* в хеттском не самоочевидны[31], однако они кажутся намного более вероятными, чем объяснение Мелчерта (о котором см. выше).

Что же касается второго элемента в *tawa-nanna*, по всей видимости, *nanna* отражает универсальное детское слово ‘мать’ — ср., напр., сино-кавк. ***nə̄nV** ‘female breast; mother’. Предполагаемый композит ‘honoured/powerful mother’ как титул царицы хорошо укладывается в хаттскую матриархальную традицию.

Факт, что *tabarna*/*labarna* являлось тронным именем первого хеттского царя (основателя династии), нам ничем не помогает, т. к. оба решения эквивалентны. Во-первых, можно предположить, что исходно слово *tabarna*/*labarna* было личным именем, а стало царским титулом в Анатолии (ср. лингвистическую судьбу лат. *Caesar*). Однако и второй сценарий не менее вероятен: *tafarna* было хаттским царским титулом, который впоследствии оказался заимствован хеттами в качестве тронного

и хаттское слово *alef* ‘tongue’) и имя собственное хет. ^{m}*alalimi* ~ иер.-лув. *ta*/i_5-*ta*/i_4-*mi*. Во-первых, мне непонятно, почему хет. *allappaḫḫ-* является лувийским заимствованием. Во-вторых, иер.-лув. антропоним *ta*/i_5-*ta*/i_4-*mi* должен читаться как *ala-ali-mi* (см. Hawkins 2005: 289–90; Rieken & Yakubovich 2010; Yakubovich 2008a). В-третьих, даже если мы примем эти примеры, обсуждаемая форма — это *labarna*, а не ***alabarna*.

[31] Ср. критику морфологического сценария Сойсала в Yakubovich 2009: 231. И. Якубович прав в том, что в случае морфологического переразложения заимствованной основы этот процесс стандартно основывается на моделях языка-реципиента (как гол. *zondek* > рус. *зонтик* > *зонт-ик* > *зонт*). Однако типологии известны случаи и переразложения по морфологическим моделям языка-источника. Напр., название американской кампании «Keds» было заимствовано в русский как *кед, кеды*, где *-s* оказалось понято как показатель плюралиса и отброшено.

имени у царя, типологически ср. немецкие фамилии *Kaiser*, *Herzog* и т. д. (необходимо отметить, что в основном хеттские тронные имена Древнего царства были этимологически хаттскими и только два или три имени из них допускают лувийскую атрибуцию, см. Goedegebuure 2008: 165, Yakubovich 2009: 251).

Итак, с моей точки зрения, предположение о деривации *tabarna*/*labarna* от лув. *tabar-* ‘to rule’ выглядит как народная этимология. С другой стороны, я не могу исключать, что хаттская основа *tafa-r* с вероятным значением ‘to have honour/authority/power’ могла быть заимствована в хетто-лувийские диалекты как *tabar-* ‘to rule’ вместе с другими хаттскими терминами царской власти. Вторым гипотетическим источником лувийского глагола мог бы быть зап.-сем. глагол **dbr* ‘to lead, force to walk’ (угар., др.-евр., оф. арам., пальм. и т. д., также, возможно, араб.; см. DUL: 263, HJ: 239). Природа и источник средиземноморского ономастического элемента *laB(a)r* / *TaB(a)r* остаются темной. Вполне удовлетворительная этимология микен. *da-pu*$_2$*-ri-to-* = др.-греч. λαβύρινθος была недавно предложена Яцемирским (2009: 110): Hsch. λάβιρος · βόθυνος ‘hole, trench, or pit dug in the ground’.[32]

---

[32] О греческих субстратных суффиксах -υρ и -ινθ см. Beekes 2007 (§C.2). За исключением λάβιρος, ясных примеров на суффикс -ιρ нет (ср. βαλλιρός / βάλερος / βαλῖνος [Arist.] ‘a kind of carp’ и κίσιρνις [Hsch.] ‘a bird’ ~ κίσσιρις · εἶδος ὀρνέου [Suid.], примеры предложены С. А. Яцемирским, уст. сообщ.), однако тут можно провести параллель с догреческими суффиксами -ιλ/-υλ и -ινθ/-υνθ, которые хорошо засвидетельствованы в обоих вариантах: ср. такие дублеты, как τόρδῡλον ~ τόρδιλον ‘hartwort, *Tordylium officinale*’ и, вероятно, μυστίλη ~ μιστύλη ‘crust of bread scooped out to the form of a spoon’ (примеры предложены С. А. Яцемирским, уст. сообщ.).

Что касается колебания *d~l* в догреческой (т. е. «минойской») лексике, этот феномен не является эксклюзивной особенностью лексемы λαβύρινθος. Ср. другие примеры в Beekes 2007 (§B.5.7): микен. *ka-da-mi-ta* ~ др.-греч. κᾰλᾰμίνθη ‘name of “a good-smelling plant”’, δάφνη (Hom.+) ~ пергийское λάφνη (Hsch.) ‘sweet bay (*Laurus nobilis*)’, ἄβλαροι (Hsch.) ‘wood; tree’ ~ βδαροί (Hsch.) ‘tree’, Ὀδυσσεύς ~ Ὀλυσσεύς, также δίσκος (Hom.+) ~ λίσκος (Hsch.) ‘quoit’. Очень похоже на то, что первичной функцией звонкой серии линейного

Совершенно иначе в Soysal 2005 (по следам старой идеи Г.-С. Шустера): *ta-far-na* производится от хаттских корней *far* ‘thousand’ [31] и *na* ‘?’, т. е. *tafarna* как ‘(lord of) thousand *na*-s’. Подобный анализ представляется достаточно искусственным. Во-первых, эллиптическая конструкция ‘(lord of) …’, видимо, не имеет параллелей в известном хаттском материале. Во-вторых, виртуальная конструкция *ta-far-na* не имеет ожидаемого суффикса мн. ч. *fa-*, отмечаемого в схожем композите *far-fa-šḫaf* / *ta-far-fa-šḫaf* ‘thousand deities’ (от *šḫaf* ‘god’). В-третьих, корень *na* не зафиксирован где-либо еще в хаттском (кроме сойсаловского теоретического *ta-wanan-na* ‘(lady of) *wanan na*-s’), что делает такой моноконсонантный анализ крайне сомнительным.

Иванов 1985: №53 анализирует хаттское *tawananna* как композит *tawa-nanna*, сравнивая хат. *tafa* с адыг. & кабард. *nə-wa, nə-wa-ź* (*ныо, ныожъ, наужъ*) ‘old woman’, а *nanna* с зап.-кавк. **nanV* ‘mother, mummy; old woman, granny’ (< сев.-кавк. ***nän̄V*** ‘female breast; mother’). Хотя элементы адыг. композита *nə-wa* не до конца ясны, ивановские этимоны для хат. *tawa-* неудачны как фонетически, так и семантически.

53. *tafa* (*tauwa*$_a$) ‘fear, fright’, ‘страх’.

= Хет. *weridema-*.

√ Сино-тиб. ***tĕp*** (~ **d-**) ‘fear, to be confused’ > кит. 慴 *****tep, *tip* ‘scared stiff, stupefied’, 慴 *****tep* ‘to fear’, тиб. *rtab* ‘to be confused, frightened; to be in a hurry’.

→Хат.–сино-тиб. изоглосса. Этимологическая связь между хат. *tafa* ‘fear’ и *tufi* ‘fear’ [102’] неясна.

Иванов 1985: №52 сравнивает хаттский композит *tafa-tufi* ‘fear and horror’ с зап.-кавк. **ɣ́ə* ‘cold; to get cold, freeze’ > абхаз.–абазин. **ɣ́ə-ta* ‘cold (adj.)’, адыг.–кабард. **šə́tə-* ‘to get cold’, показывающим дальнейшее семантическое развитие в ‘fear’ в некоторых зап.-кавк. формах, напр., кабард. *ś-tə* ‘frightened’. Сравнение неудовлетворительно.

письма B (т. е. серии *d*) была передача какой-то особой фонемы «минойского» языка (напр., это могла быть латеральная аффриката).

54. *te, *ti ‘great, big’, ‘большой, великий’ в формах *te-li* (masc.) и *te-te, te-ti* (fem.).

√ Сино-кавк. ***dV́HV** ‘to grow; big’ >

Сев.-кавк. > зап.-кавк. **dA* ‘big; most, at all; much, very’.

Сино-тиб. ***tajH** ‘big, much’ > кит. 多 **taj* ‘much, many’, 哆 **thajʔ, *thiajʔ, *trājʔ, *thrājʔ* ‘be great’, бирм. *taj* ‘very’, *təiʔ* sign of the plural, качин *theʔ*[2] ‘and’, лушаи *teʔ* (< **teiʔ* ?) ‘much, very much’, *-te* suffix denoting plurality, лепча *tí, tɨ́-m* ‘to be great, large, big’, киранти **dV* ‘big’.

Енис. ***tɨʔj-** ‘to grow’ > кет. *tɨjiŋ*[5], *-tij*, юг. *tɨjiŋ, -tɨj*.

→Фонетически хаттская форма близка к сино-тиб. и енис. фиксациям.

Сходно Браун 1994: 20 & Chirikba 1996: 428 (хат. + зап.-кавк.). Girbal 1986 сравнивает хаттскую форму ж. р. *tete* с картв. ***did-** ‘big’ (только юж.-картв.: груз., мегр., лаз.), которая, однако, может быть зап.-кавк. заимствованием (ср. редуплицированную основу: адыг.–кабард. **dá-da* / **dá-də* ‘most, at all’).

55. *ti, te*, также *ziʔ* ‘to lie; to layʔ’, ‘лежать; класть?’.

= Хет. *ki-*.

√ Сино-кавк. ***=ătV** ‘to put, leave’ >

Сев.-кавк. ***=ătV-r** ‘to let, leave; to stay’ > нах. **=it-* ‘to leave’, ав.-анд. **=it-* ‘to leave, let; to stay, be there’, лак. *=ita-* ‘to leave’, даргин. **=atVr-* ‘to leave’, лезг. **jatär-* ‘to let, leave’, хинал. *at-* ‘to be there, be available’, зап.-кавк. **tV* ‘to be inside; to stand; to be’ (абхаз. *-ta-/-t(ə)-* и т. д.).

Сино-тиб. ***dhăH** (/***thăH**) ‘to put, place’ > кит. 署 **ḍa(ʔ)s* ‘to place, position’, 處 **thaʔ* ‘dwell, stay, place’, тиб. *gda* ‘to be, to be there’, *gtad* ‘lean upon, deliver up’, *stad* ‘put on, lay on’, бирм. *thah* ‘to put, place’, качин *da*[3] ‘to put, place’, лушаи *daʔ* ‘to put, place, set’, лепча *tho-m* ‘to place’.

Енис. ***di(j)** ‘to put down’ > кет. *dij* ‘to put, load’, юг. *di* / *diʔ* ‘to put, load’.

Буруш. ***ʴ́-t-** ‘to do, make, set up’.

→Хаттский фонетически соответствует енисейскому.

Chirikba 1996: 421 сравнивает хат. *ti* с зап.-кавк. **ƛ:ʷA* ‘to sleep’ (< сев.-кавк. ***=HVwχ̱̄An**), что невозможно фонетически. Сомнительно Браун 1994:

21 (хат. + зап.-кавк. **ẹV* ‘to lay eggs; to put (with preverbs)’, о котором см. хат. *eš* ‘to put’ [4]).

56. *teḫ, tiḫ* ‘to build’, ‘строить (здание)’.

= Хет. *wede-*.

√ Сино-тиб. ***ćəH** > кит. 仕 **ʒrəʔ* ‘to work, serve, office’, 事 **ʒrəʔs* ‘affair’, тиб. *ãćha* ‘to make, prepare’, качин (H) *ča* ‘to pile or lay, as stones; to build, as stone-wall, to build, as scaffold’, ? лушаи *sa* (*sak*) ‘to build or erect (as house etc.)’

→Хат.–сино-тиб. изоглосса (к семантике ср. формы качин и, вероятно, лушаи). Сино-тиб. **ć-* может происходить из сино-кавк. **ć/ḍ/ʒ* и **č/ḍ/ž*.

57. **tefu* ‘to pour’, ‘лить’ в *tefu-šne* ‘libation, offering’, ‘возлияние’.

= Хет. *išpantuzzi-*, *malt*[*eššar*].

√ Сино-кавк. ***čVwV** ‘to pour; wet’ >

Сев.-кавк. ***=ā̆wčĂ** ‘to emit, pour; to vomit’ > нах. **l-ēbč-* ‘to bathe; to be scattered about’, ав.-анд. **=ač^{w}-* (~ *-o-*) ‘to splash; to rinse; to wash; to bathe; to flow; liquid’, цез. **ʔeč-* ‘to vomit’, лак. *=i=či-* ‘to to pour, strew; to throw’, лезг. **ʔäča-* ‘to flow, pour; to jump, fly; to vomit’, зап.-кавк. **ž^{w}ə* ‘to vomit’.

Сино-тиб. ***ćəw** (**-t**) ‘water, wet; to scoop’ > тиб. *ćhu* ‘water’, *bćud* ‘moisture, juice, sap’, *ãćhu* ‘to ladle or scoop (water)’, бирм. *ćəw* ‘to be wet, moist’, качин *ǯo*^{3} ‘to pour into’, *čo*^{2} ‘spoon’, лушаи *čiau* ‘wet and dirty’, киранти лимбу *cwaʔl* ‘water’.

Енис. ***ʔa-č-** ‘to pour’ > кет. *átij*, юг. *atčej* / *ačej*.

Буруш. ***ṣáo** ‘to wash’.

→Хаттское *tefu-šne* должно анализироваться как композит *tefu-šne*, где *šne* [89’] значит ‘жертвоприношение’ (ср. *fula-šne* ‘жертвование хлеба’ [38]).

Фонетически и морфологически хаттская основа близка к сино-тиб. и сев.-кавк. формам, а семантически — к сев.-кавк. и енис.

58. *tera-ḫ* (вероятно, не *štera-ḫ*) ‘leather covering, fell-cloak’, ‘плащ из шкуры животного’.

= Хет. ^{KUŠ}NÍG.BÀR.

√ Сино-кавк. ***štɬ̄ħ̄ərV*** ‘crust, incrustation’ >

Сев.-кавк. ***ʦ̌ɬ̄ħ̄ərV*** ‘skin, shell’ > нах. **ʦ̌ɬ̄ʔōr* ‘skin, envelope; shell, peel’, цез. **šɔrV* (~ *š:*-) ‘lamb's skin (for making hats); a k. of цез. shoes’, лезг. **č:ar(a)* ‘(milk) skin; sour cream; cream; mould’, хинал. *ǯar* ‘sour cream’, хурр. *šari(y)-anni* ‘coat of mail’.

Енис. ***təʔlap***- (~ ***-r***-) ‘bread crust’ > кет. *tʌla:*[3], pl. *tʌlaŋ*[5], юг. *tʌlap*[5] / *tʌla:p*[3], pl. *tʌlaɬin*[5].

→NB: упрощение **štɬ̄-* > *t-* в хаттском, тот же процесс, что и в праенисейском. О хаттском суффиксе *-(a)ḫ* см. HWHT: 216.

Енис. показывает дальнейшее семантическое развитие, в то время как сев.-кавк. и хаттский сохраняют первичное значение ‘leather covering, envelope’.

Иванов 1985: №41 сравнивает *teraḫ* с сев.-кавк. ***ʦ̌ĭrqā*** ‘carpet; coverlet’, что менее удовлетворительно как семантически, так и фонетически.

59. *tu* ‘to eat’, ‘есть’.

= Хет. *ed-*.

√ Сино-кавк. ***=V́ʦ̣V*** ‘to eat, drink’ >

Сев.-кавк. ***=VʦV*** ‘to drink; to gulp, to eat’ > ав.-анд. **ʦ:a-* ‘to drink’, цез. **=aʦ̣-* ‘to eat’, лезг. **ʔVʦV* (~ *-ʦ:-*) ‘to drink’.

Сино-тиб. ***ʒhaH*** ‘to eat’ > тиб. *za* ‘to eat’, *gzan* ‘to eat, devour’, *zan* ‘fodder, porridge’, бирм. *ćah* ‘to eat’, качин *ša*[3] ‘eat’, *šat*[2] ‘boiled rice, rice for eating’, лушаи *fa* ‘rice’, *faʔ* ‘to feed with the mouth’, киранти **ʒo* (?/**ʒə*) ‘to eat’.

Енис. ***sī***- ‘to eat’ > кет. *sī* ‘to eat’, юг. *sī* ‘to eat’, котт. *šig* ‘Speise’, арин. *šau* ‘Speise’, пумп. *sogo* ‘to eat’.

Буруш. ***śi*** / ***ṣi*** / ***ṣu*** ‘to eat’.

→Хаттская огласовка *u* не ясна. Несмотря на это, сравнение выглядит надежным.

Неправдоподобно Иванов 1985: №59, который выделяет хаттский корень *u[f]* и сравнивает его с зап.-кавк. **fV* ‘to eat’ (возможно < сев.-кавк. ***ɦĭfV*** ‘to guard, graze’).

60. *tuḫ* ‘to take; to keep?’, ‘брать; держать?’.

= Хет. (*-za*) *da-*; ? *ḫar(k)-*.

√ Сино-кавк. ***=ǎčwV̌** >

Сев.-кавк. ***=ǎc̱wV̌** > ав.-анд. **=ač-* (~ *-o-*) ‘to carry’, цез. **=aš(:)-* ‘to find’, даргин. **=uč-* ‘to gather, collect; to take’, лезг. **ʔačʷɨ-* ‘to take; to take away; to bring’, зап.-кавк. **čʷV* ‘to take, carry’.

Сино-тиб. ***ĆŏH** ‘to seize’ > кит. **取** **ćhoʔ* ‘to take’, тиб. *ãʒu* ‘to seize’.

Баск. ***eući** ‘to take, hold, seize, grasp’.

→Бросается в глаза согласованность хаттского и сино-тиб. корней.

Иванов 1985: №48 сравнивает хаттский корень с зап.-кавк. **tA-* ‘to give’ (< сев.-кавк. ***=VtV̌** ‘to give’), что неубедительно. Chirikba 1996: 419 сравнивает *tuḫ* с абхаз.–абазин. **tə-xə* ‘to take from inside’ (где **tə* является локальным префиксом, а **xə* значит ‘to take’), что также неприемлемо. Несостоятельно Браун 1994: 22 (хат. + абазин.).

61. *tuk* ‘to step’, ‘hintreten; beistehen?’, ‘ступать’.

= Хет. *tiya-*.

√ Сино-кавк. ***ČV́QV** ‘to step, run’ >

Сино-тиб. ***ćek** (~ ***ʒ́-**) ‘to tread, trample’ > кит. **蹟**, **跡** **ćek* ‘footprints, trample’, тиб. *(ã)ćhags* ‘to tread, to walk, to move’.

Енис. ***čɔʔq-** ‘to run’ > кет. *tɔq-tət*[5] ‘to run’, юг. *čat-tat*[5] ‘to trot’, котт. *čag-anthak* ‘running’, *čāganthagākŋ* ‘to run’.

→Фонетическая схожесть хаттской и праенисейской форм.

62. *tumil*, со вторичной ассимиляцией *tumin* (также *šumin*?) ‘rain’, ‘дождь’.

= Хет. *ḫeyu-*.

√ Сино-кавк. ***cōjwɨ̄lɦV** ‘rainy season’ >

Сев.-кавк. ***c̱ōjwɨ̄lɦV** ‘autumn, winter (rainy season)’ > нах. **sṭab(ʔ)V* / **bʔastV* ‘autumn; spring’, ав.-анд. **c:ibirV* ‘autumn; winter’, цез. **s:ɨbə(rV)* A ‘autumn’, лак. *s:u-t* ‘autumn’, лезг. **cowɨl:* ‘autumn’, хинал. *cuwa-ž* ‘autumn’, зап.-кавк. **ć:ə* (~ **ʒ́ə*) ‘autumn; winter’.

Сино-тиб. > кит. **秋** **ćhiw* ‘autumn’.

Енис. ***sir$_1$-** ‘summer’ > кет. *śīĺi*[1], юг. *sīr*, котт. *šilpaŋ*, арин. *šil*.

Баск. *__asaro__ ‘November, (Sal.) autumn’.

→Назализация *-*w*- > -*m*- в хаттском неясна, но сравнение вряд ли может быть отвергнуто (диссимиляция *uw* > *um* напоминает схожий феномен хеттской морфонологии).

Иванов 1985: №56 анализирует хаттскую основу как *tu-mil* и сравнивает первый элемент с неясным убых. *t*^{w}*á-* в *t*^{w}*á-šx* ‘hail’ (*šx* восходит к зап.-кавк. **čəx*^{w}*ə* ‘to urinate; to rain’), что неубедительно.

Girbal 1986: 162 сравнивает *tumil* с картв. ***ć̣wim-*** ‘to rain’, ***ć̣wim-a-*** ‘rain’ (только юж.-картв.: груз., мегр., лаз.; см. Kartet.dbf; Klimov EDKL: 312). Это было бы вполне удовлетворительно как фонетически, так и семантически (если в хат. основе выделять частотный суффикс *-l*), но, по всей видимости, мы имеем здесь дело со случайным совпадением — тот же случай, что и хат. *šam* ‘to hear’ [48].

63. *tup* (вероятно, не *štup*) ‘root’, ‘корень’.

= Хет. *šurki-*.

√ Енис. ***t[e]mb-Vĺ-*** ‘root’ > котт. *thempul*, **thēmpul*, арин. *ťēmbirgaŋ, ťēmbiŕaŋ, tenbir*.

→Хат.–енис. изоглосса. Необходимо отметить окказиональное сохранение **m* в енис. и регулярное упрощение кластера в хат. (о таком «неисчезающем» **m* см. SCC: 41).

64. *zeḫar, ziḫar* ‘(building) wood, timber’, ‘строевой лес’.

= Хет. GIŠ-*ru*.

√ Сев.-кавк. ****ç̣wēχV*** ‘stick, chip; piece of wood, beam; timber’ > цез. **ç̣iχ:* (~ *-i̵-*, *-и*) ‘chip, small piece of wood’, даргин. **c:eχ:eni* ‘beam, cross-beam’, лезг. **ç̣oχ:an* (~ **ç̣Vχ:*^{w}*an*) ‘perch, pole, log; wood, timber’.

→Хаттская основа содержит суффикс *-(V)r*, который весьма частотен в синокавк. языках, особенно в сев.-кавк. ветви. К суффиксу *-(V)r* ср. хат. *ḫuku-r* ‘to see, look, notice’ [13].

Семантически неудовлетворительно Иванов 1985: №72 & Chirikba 1996: 423, которые сравнивают хат. *zeḫar* с адыг.–кабард. композитом **č:ə́-γə* ‘tree’ < зап.-кавк. **č́:*^{w}*ə* ‘a k. of tree’ (< сев.-кавк. ****Hă(r)ǯwī*** (~ ***-ē***) ‘a k. of

tree’) + зап.-кавк. *ŁA ‘male; testiculus’ (< сев.-кавк. ***lĭwŁĚ** / ***ŁĭwlV̆** ‘man, male’). Исходное значение адыг.–кабард. **č:ə́-γə*, видимо, было ‘acorn’ (см. Caucet.dbf).

65. *zik* ‘to fall’, ‘падать’.

= Хет. *mauš-*.

√ Енис. ***də(ʔ)q-** (~ ***dək-** ?) ‘to fall’ > кет. *dʌkŋ*[5], юг. *dʌkŋ*.

→Важная хат.–енис. изоглосса.

Енис. **d-* может происходить из сино-кавк. **t-/ṭ-*, **l-/ɬ-*, **n-* и (в случае енис. тона **ʔ*) из сино-кавк. **s-/ś-/š-*. Праформа с анлаутным **t-/ṭ-* представляется наиболее естественным решением. О хаттском вторичном *z* < *t* перед *i* см. фонетический раздел выше.

Sccet.dbf #865 с сомнением сопоставляет енис. ***də(ʔ)q-** ‘to fall’ с сев.-кавк. ***=[a]rkVr** ‘to fall’ и сино-тиб. ***k(h)rīl** (~ **-ł**) ‘to fall, drop’, предлагая сино-кавк. праформу ***łVkVrV** / ***rVkVłV**, что возможно только теоретически: мы должны предположить ассимиляцию *ł-r* > *r-r* в сев.-кавк. и двойную метатезу в сино-тиб.

Иванов 1985: №73 сравнивает хат. *zik* с неясной убыхской формой, состоящей из двух морфем.

66. *zipina* ‘sour’, ‘кислый’ (субстантивировано?).

= Хет. *EMṢU*.

√ Сино-тиб. ***cV̄p** (~ **ć-**) ‘bitter, pungent’ > бирм. *ćap* ‘be hot, pungent’, *ćhip* ‘poison’, качин *žap*[2] ‘be hot, pungent, peppery’, *məžap*[3] ‘red pepper’, лушаи *thīp* ‘to smart, be bitter (as egg-fruit)’.

→Интересная хат.–сино-тиб. изоглосса.

Хотя хаттский суффикс *-na* не до конца ясен, разложение *zipi-na* представляется естественным. К суффиксу *-na* ср., напр., *kurkufenna* ‘wooden stand (vel sim.) in rituals’ [40’] vs. *kurkupal* ‘peg’ [39’] и, возможно, *tafarna* ‘lord’ [52].

Иванов 1985: №81 сравнивает хат. *zipina* с зап.-кавк. композитом **ç^{w}V-q̇^{w}V* ‘to get sour; sour’ (< сев.-кавк. ***ɦmVjć̣wĂ** ‘sour’ + ***=ə̆q̇wVn** ‘to be sufficient, enough’), что неудовлетворительно фонетически.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

Хаттское слово могло быть заимствовано в хурритский как термин культа, ср. хурр. (Богазкёй) ^{NINDA}*zippinni* ‘a k. of pastry used in rites’ (GLH: 305).

67. *ziš* ‘mountain’, ‘гора’.

= Хет. HUR.SAG.

√ Сино-кавк. ***ʗɨšV** (~ **č**-) ‘stone, mountain’ >

Енис. ***čɨʔs** ‘stone’, pl. ***čəʔ-ŋ** ‘rock’ > кет. *tɨʔś*, pl. *tʌʔŋ* / *tʌŋa:n*^{3}, юг. *čɨʔs*, pl. *čʌʔŋ*, *čʌŋa:n*^{3} ‘rock’, котт. *šīš*, pl. *šeŋ*, арин. *kes*, пумп. *kit*.

Буруш. ***ćhiṣ** ‘mountain’.

→Хат.–енис.–буруш. изоглосса.

Синхронно *-*s* в енис. ***čɨʔs** может являться как сингулярный суффикс (ср. праформу мн. ч.), однако, по всей видимости, праенисейская парадигма представляет собой результат вторичного морфологического переразложения.

Sccet.dbf #140 объединяет енис. и буруш. формы с сев.-кавк. ***ʗ̌ǎʗ̌wV** ‘small stone’ (реконструируя сино-кавк. корень как ***ʗ̌ǎʗ̌wV** ‘stone’), что кажется возможным, но не слишком удачным как семантически, так и фонетически.

68. *zuwa-tu* ‘wife’, ‘жена’ или, скорее, ‘concubine’, ‘наложница’.

= Хет. DAM.

√ Сино-кавк. ***ʗwŏ́jV** (~ **sṭ**-, ~ **-ɨ̌**-) ‘female’ >

Сев.-кавк. ***ʗwŏjV** (~ **-ɨ̌**-) ‘woman, female’ > нах. **psṭuw* ‘wife; princess’, ав.-анд. **ʗ:^{w}ijV* ‘female’, лак. *c:u*- ‘female’, зап.-кавк. **pə-zV* ‘female; bitch’.

Сино-тиб. > кит. 雌 **ćhej* ‘female’.

Баск. ***a-ćo** ‘old woman, (Sal) grandmother’.

→Хаттское *-tu* репрезентирует «женский» суффикс *-t(u)*/*-š(u)*.

Сходно Иванов 1985: №83 (хат. + вост.-кавк. + неправильно зап.-кавк. **s^{w}ə(mə)ʗV* ‘woman’) & Браун 1994: 19 (хат. + зап.-кавк. **pə-zV*).

5.2. Заимствования, ненадежные этимологии, неэтимологизируемые корни

1’. *aḫ* и/или *faḫ* (*wa$_a$ḫ*, *paḫ*, *waḫ*) ‘to set, set in order; to command’, ‘ставить (по порядку); командовать’.

= Хет. *dai-*, *watarnaḫḫ-*.

2’. *an* ‘to come (here?)’, ‘приходить’, imp. *ana* ‘приди (сюда?)!’

= Хет. *eḫu*.

√ Сино-кавк. ***=V?wV́ŋ*** ‘to go, travel’ >

Сев.-кавк. ***=V?wVn*** ‘to go’ > нах. **ʔo-*, ав.-анд. **=VʔVn-*, цез. **=əʔ-*, лак. *na-*, хурр. *un-*, урарт. *nun-* ‘to come’.

Сино-тиб. ****ʔʷă*** (**s-**, **-ŋ**) ‘to go’.

Енис. ****hejVŋ*** ‘to go’ > кет. *ējeŋ*[1] / *ɛjeŋ*[5]; юг. *ejiŋ*[1]; котт. *hejaŋ*. Вероятно, ****hejVŋ*** получилось в результате развития из раннепраенисейского ****ʔwVʔwVŋ*** < ****ʔVʔwVŋ*** (SCC: 29).

Буруш. ****né-*** ‘to walk (go)’.

Баск. ****e-oHa-n*** ‘to go’.

→Если сравнение правильно, хаттский демонстрирует фонетическое развитие **ʔw* > ∅, что не имеет параллелей среди сино-кавказских праязыков.

3’. *ašti* или *šti* ‘bird’, ‘птица’.

= Хет. MUŠEN.

4’. **aw* ‘to come’, ‘приходить’ в imp. *awa* ‘приди!’

= Хет. *eḫu*.

5’. *ḫaifenamul* (*ḫaipinamul*, *ḫaiwe$_e$namul*) ‘manhood, virility, courage’, ‘мужественность’.

= Хет. *pišnatar*, LÚ-*tar*.

→Морфологически темное образование. Естественно было бы выделять «мужской» суффикс *-l*: *ḫaipinamu-l*. С другой стороны, в этой форме можно видеть композит *ḫaipina-mul*. К его первому элементу ср. хоро-

шо зафиксированное существительное *ḫaippin* с неизвестным значением (вероятно, абстрактное имя от *fin* ‘child, son’). В таком случае вторая часть — *-mul* — может соответствовать:

Сино-кавк. ***mōr[Ł]V*** ‘male’ >

Сев.-кавк. ***mōrŁV*** ‘male (subst.)’ > нах. **mār* ‘husband’, даргин. **marga* ‘male’, лезг. **morƛ:ɨl* / **uorƛ:ɨl* ‘man; male; male child; brave man, hero’;

Сино-тиб. > кит. 牡 **m(h)(r)ūʔ* ‘male animal’.

Если так, то необходимо отметить сохранение **m-* в хаттском *-mul* в неначальной позиции.

6’. ^{LÚ}*ḫakazue-l* ‘drinker, toaster’, ‘кравчий’.

= Хет. ^{LÚ}*eguttarra-* (< *egu-* ‘пить’).

→Основа, без сомнения, произведена от хаттского существительного *kazue* ‘bowl’ [32’] (семитское заимствование) с частотным префиксом *ḫa-* и «мужским» суффиксом *-(i)l*.

Иванов 1985: №82 неубедительно разлагает хат. *ḫakazuel* на *ḫa-ga-zu-el*, сравнивая *zu* с зап.-кавк. **zwA-* ‘to drink’. По Caucet.dbf, зап.-кавк. **zwA-* ‘to drink’ соответствует вост.-кавк. форме со значением ‘to milk’, восходя к сев.-кавк. ****=āmʒŬ***, далее к сино-кавк. ****=āmśdʓ̆Ŭ*** ‘milk, to milk’.

7’. *ḫamuruwa* ‘beam, rafter’, ‘(Dach)balken’, ‘балка’.

= Hitt. GIŠ.ÙR.

→Видимо, *ḫa-muru-a* с именным префиксом *ha-*.

Иванов 1985: №5 сравнивает хат. *hamuruwa* с зап.-кавк. корнем **pə̃q́^{w}a* (~ *p:-*, *χ́^{w}*) ‘wood, timber’ (< сев.-кавк. ****mħěrqwě*** (~ ***-ʕ-***, ***-ɨ̌***) ‘birch; timber’), используемым в композитах, обозначающих различные деревянные инструменты. Фонетически неудовлетворительно.

Ардзинба 1983: 17 и Chirikba 1996: 423 приводят абхаз.–абазин. композит **q^{w}ə(m)bələra* ‘beam over the hearth, cross-beam’, который теоретически может быть источником заимствования хаттского термина.

Хаттский terminus technicus был заимствован в аккадский *amrû* (OB, Nuzi) ‘beam, timber (in construction of house, ship)’ (CDA: 15; CAD A2: 78), ви-

димо, через хурритское посредство и с той же утратой *ḫ-*, что мы наблюдаем в хурр. *abalgi* ‘iron’ < хат. *ḫapalki* ‘id.’ [12’].

О сходных др.-греч. γέφῡρα (~ β-, δ-) ‘dyke, dam; bridge’, армян. *kamurǰ* ‘bridge’, тюрк. **köper* ‘id.’ см. развернутое обсуждение в Martirosyan 2010: 351 ff.

8’. **ḫana* в *ḫanal, ḫanail, ḫanau* ‘Essen?, Speise?”, ‘еда?”.

→Ср. сев.-кавк. ***ħānħV** ‘fat’.

9’. *ḫanti* (*ḫant*?) ‘to summon up’, ‘взывать’.

= Хет. *galliš-* ‘to summon up’.

→Ср. сино-кавк. ***=alg[w]Ăn** >

Сев.-кавк. ***=alg[w]Ăn** ‘to speak’ > ав.-анд. **g*^{w}*Vl-*, лак. *=uk:i-*, даргин. **=[a]lgwVn*, лезг. **ʔalga(n)*, зап.-кавк. **ga*, ? хурр. *kul-* ‘to say, to pronounce solemnly’.

Сомнительно сино-тиб. ***khān** (~ ***gh-**) ‘to see, look, know’.

Сравнение возможно, если мы отбросим сино-тиб. этимон, реконструируем сино-кавк. **xg[w]* вместо **g[w]* и интерпретируем *-ti* в хаттской основе как суффикс неясной природы.

10’. $^{(D)}$*ḫanfašuit* ‘Throne-goddess, throne’, ‘трон (также обожествленный)’.

= Хет. ^{GIŠ}*ḫalmaššuitta-*, ^{GIŠ}DAG.

→Видимо, композит: *ḫanfa-šuit*.

11’. ^{LÚ}*ḫantipšufa* ‘cook’, ‘повар’.

= Хет. ^{LÚ}MUHALDIM.

→Неясный композит.

12’. *ḫapalki* ‘iron’, ‘железо’.

= Хет. AN.BAR.

→Это же слово фиксируется в хеттском (*ḫabalki* ‘iron’) и хурритском (*ḫabalgi* / *abalgi* ‘iron’), где оно, по всей видимости, должно трактоваться как хаттское заимствование. Далее ср. ср.-асс. *ḫabalginnu* ‘a k. of metal’ (Reiter

1997: 399 f.), что отражает тот же термин, заимствованный, видимо, через хурритское посредство.

Если слово собственно хаттское, тогда, наверное, оно должно члениться как *ḫa-palki* от гипотетического корня **palk*.[33]

С другой стороны, Caucet.dbf (опираясь на ивановскую гипотезу западнокавказской атрибуции хаттского) связывает хат. *ḫapalki* с зап.-кавк. композитом **ǵI*^{w}*ə-ƛ̓*^{w}*V* ‘iron’, букв. ‘metal + blue’: “it seems very tempting to

---

[33] Ср. Valério & Yakubovich 2010: fn. 17, где осторожно предполагается, что хат. ***palki* ‘iron (ore?)’ было заимствовано в лувийский как *parza* ‘iron ore’, а затем лувийская форма была воспринята соседними семитскими диалектами: аккад. *parzillu* ‘iron’, угар. *brḏl* ‘iron’ и т. д. (первый раз идея о связи между хат. *ḫa-palki* и семитскими словами была высказана в Ancillotti 1975, но без фонетического объяснения по причине отсутствия лувийского звена). Однако теория хаттского происхождения лувийского термина представляется достаточно смутной. Действительно, развитие *ki* > лув. *z* может быть теоретически объяснено в рамках пралувийского процесса и.-е. *k’* > анатол. *k’* > лув. *z*, но переход *l* > *r* совершенно немотивирован (поздние топонимические свидетельства с колебанием *l~r* вряд ли могут здесь что-либо подтверждать, с моей точки зрения). Надо добавить, что кроме *parza* единственный случай, где мы можем подозревать *ki* > лув. *z* в заимствовании, — это виртуальное лув. ***zinar* ‘lyre’ < зап.-сем. **kinnar* (см. ниже sub *zinar* ‘lyre’ [118’]), но и эта этимология аналогичным образом весьма гипотетична. С другой стороны, ср. лув. ^{GIŠ}*kišḫit-* ‘chair, throne’ < хурр. *kešḫi* без ассибиляции. В любом случае, если принять теорию Якубовича о пути заимствования из хаттского в лувийский, то по всей видимости, мы имеем здесь дело с поздним переразложением (*ḫa-palki*), т. к. западнокавказский источник хаттского термина представляется очень вероятным.

Другим проблемным случаем является микен. *pa*/*pa*$_2$*-ra-ku*, которое может обозначать какой-то металл. Его традиционный конъектурный перевод — ‘серебро’ или ‘олово’, однако Казанскене & Казанский 1986: 66 предлагают значение ‘железо’, связывая *pa-ra-ku* с хат. *ḫapalki.* Несмотря на факт, что морфологически и фонетически связь микен. *pa*/*pa*$_2$*-ra-ku* и хат. *ḫapalki* неясна (кластеры типа /lkV/, /rkV/ должны передаваться в линейном письме B как *kV*, а не *ra-kV*), идея Казанских была принята некоторыми исследователями. Однако альтернативная интерпретация этого «минойского» корня — ‘смарагд’, ‘синевато-зеленоватый’ (ср. Hsch. βαρακίς · γλαύκινον ἱμάτιον ‘bluish-grey cloth’ и т. д.) — кажется более удачной, см. Melena 1987: 224 ссл.

relate **ӄI^{w}ə-ɬ̣^{w}V* to the attested Hatti name for ‘iron’, *χap/walki* (with *χV*w- rendering **ӄI^{w}-* and *-lk-* rendering the lateral affricate *-ɬ̣-*)”.

Т. к. предлагаемые фонетические соответствия между хаттским и праза-паднокавказским никак не поддерживаются остальным материалом, единственное, что мы можем здесь обсуждать, это идея заимствования зап.-кавк. **ӄI^{w}ə-ɬ̣^{w}V* > хаттский/хеттский/хурритский. Необходимо подчеркнуть, что зап.-кавк. языки имеют и другую форму, которая фонетически представляется более вероятным кандидатом на источник заимствования термина *ẖapalki*, несмотря на разницу в значении: адыг.–кабард. **в^{w}а-рлӀа́* ‘(red) copper’ (букв. ‘metal + red’) < виртуальное зап.-кавк. **ӄI^{w}ə-рəӀə*, где палатализованный латерал *Ӏʲ* передается хаттским *lki* (ср. хат. *malẖip* ‘good, favorable’ [49’] < зап.-кавк. **маӀ^{w}V*).

Зап.-кавк. **ӄI^{w}ə-ɬ̣^{w}V* ‘iron’ было независимо заимствовано в хетто-лувийские как лувоид *kiklu(b)-/kikli(b)-* ‘iron’ (об этой основе см. HED K: 174 f. с лит. и обсуждением) с альтернативной передачей «экзотических» фонем: зап.-кавк. палатализованный увулярный фрикативный **ӄI^{w}ə* > *ki*, а зап.-кавк. лабиализованная латеральная аффриката **ɬ̣^{w}V* > *klu(b)*. Затем слово проникло (через хетто-лувийцев?) в др.-греч. как Χάλυψ / Χάλυβος — ‘the Chalybes (a tribe in north Anatolia, who was famous for the preparation of steel)’, также аппелятив ‘hardened iron, steel’ (A.Pr., Hdt. и т. д.).

Что касается др.-греч. χαλκός (микен. *ka-ko*) ‘copper’, этот термин может независимо происходить из зап.-кавк. **ӄI^{w}ə-ɬ̣^{w}V* ‘iron’ (так в С. Старостин 1985/2007: 304, №49), однако семантически более предпочтительным источником представляется зап.-кавк. форма **ӄI^{w}ə-лʲ^{w}V* ‘copper, bronze’, букв. ‘metal + white’, которая может быть реконструирована на основе убых. *wə-s^{w}а́* ‘id.’.

В конечном итоге, один (или более) из трех зап.-кавк. металлургических терминов, обсуждаемых выше, — ***ӄI^{w}ə-ɬ̣^{w}V*** ‘iron’ (‘metal + blue’), ***ӄI^{w}ə-рəӀə*** ‘(red) copper’, ***ӄI^{w}ə-лʲ^{w}V*** ‘(white) copper’ — распространился по всей Евразии: ср. балто-слав. **geleǵ-* ‘железо’, тайское **hlek* ‘iron’ и т. д., см. С. Старостин 1985/2007: 304 (№49), Kun Chang 1972.

13’. *ḫatti* в хет. *ḫatti-li* ‘in Hattian language (adv.); Hattic (adj.)’, экзоэтноним ‘хатты’, используемый хеттами (а также староассирийцами: ср. *kārum Hattuš*); вероятно самоназвание хаттов.

√ Сино-кавк. ***[k]wV̆n[ṭ]V*** ‘man’ >

Сев.-кавк. ***kwV̆nVṭV*** (/ ***ḳwV̆nVtV***) > нах. **ḳanat* ‘young man, boy; hero’, ав.-анд. **kʷinṭa* ‘husband; male’.

Енис. ***keʔt*** ‘man, person’ > кет. *kɛʔt* (также самоназвание кетов[34]), кот. *hit*, арин. *ḱit*, пump. *kit*.

→Семантически очень соблазнительно, но фрикативизация сино-кавк. **k* > хат. *ḫ* нерегулярна (это же касается и упрощения кластера *NT*).

14’. *ḫer, ḫir* ‘to allocate, assign; to entrust; to hand over, assign; to administer’, ‘назначать; вверять; вручать; администрировать’.

= Хет. *maniyaḫḫ-, tapariya-*.

√ Сино-кавк. ****χV̆ɬHé*** ‘arm, sleeve’ >

Сев.-кавк. ****χěɬHe*** (~-**a**) > ав.-анд. **kʷo-χ:al* (~ *-ol*), лак. *ka-χ:a*, лезг. **χäla* (~ *-l:-*).

Енис. ****xɨre*** ‘arm’ > кет. *ɨ̄ĺ, ɨ̄ĺi*[1] ‘arm’, арин. *karam-pat* ‘elbow’.

→Сравнение возможно, если мы предположим для хаттского глагола тот же семантический переход, что отмечается и для хеттского *maniyaḫḫ-*. Хет. глагол *maniyaḫḫ-* является деноминативным фактитивом от незафиксированной именной основы **mani-*, которая соответствует лат. *manus* ‘hand’.

15’. *ḫu* ‘to exclaim, pronounce’, ‘восклицать, произносить’, также функционирует как энклитическая частица — показатель прямой речи.

= Хет. *ḫalzai-* ‘to cry out’, *-war*.

→Ср. сино-кавк. ****HarχÚ*** ‘to speak, shout’ >

Сев.-кавк. ****HarχU*** ‘to sound, shout’ > нах. **ʔaχ-*, ав.-анд. **=aχ-*, цез. **=eχ-* (~ *-ʁ:-*), лезг. **raχa-*, зап.-кавк. **χʷV* ‘to shout’.

---

[34] Слово ‘человек, люди’ нередко выступает в качестве эндоэтнонима, ср., напр., общее атапаскское слово *dene* ‘people’, используемое как самоназвание некоторых атапаскских племен (отсюда название языковой семьи *на-дене*).

Сино-тиб. *$\boldsymbol{\chi^{w}V}$ ‘to speak’ > кит. 云 **wən*, 曰 **wat*, 謂 **wəts* ‘to say, speak’, бирм. *hu* ‘to speak, talk’, качин *hɔ* ‘to preach’ (нерегулярный анлаут в китайском).

Енис. ***huxV**- ‘to cry, shout’ > кет. *dūɣə*[1], юг. *dūɣ*, котт. *hujei* ‘shouting’ (*d*-префикс в кет.–юг.?).

Буруш. ***ha-n**- ‘to call’

Баск. ***er̄an** ‘to say’.

Вероятно, ономатопоэтический экспрессивный корень с неясной утратой конечного кластера *$r\chi$ в хаттском.

Альтернативно Иванов 1985: №8, Браун 1994: 21 и Chirikba 1996: 422 сравнивают хаттский корень с зап.-кавк. *$*\underline{q}́Ia$- ‘to say’, показывающим в некоторых дочерних языках лабиализацию (абхаз.–абазин. $ħ^{w}a$, адыг. $ʔ^{w}a$ vs. кабард. *ʔa*, убых. *q̇a*-), которая, возможно, вторична вследствие контаминации с некоторыми другими лабиализованными корнями (см. Abadet.dbf). Зап.-кавк. *$*\underline{q}́Ia$- не имеет вост.-кавк. этимонов, но может быть включено в сино-кавк. этимологическое гнездо ***=V́xq̇V** (~ ***xq̇V́HV**) ‘word’ (> сино-тиб. ***k(h)a** ‘word’, енис. ***qäʔG** ‘word’).

16’. **ẖun* ‘big[?]’, ‘большой[?]’ в *ẖun-zinar* ‘вид лиры’, ‘großes[?] Ištar-Instrument’

= Хет. $^{GIŠ(.D)}$INANNA.GAL.

→Ср. сино-кавк. ***jonHV** > енис. ***ʔōn**- (~ x-) ‘many’ ~ сино-тиб. ***jə̆w** ‘all’ ~ буруш. ***jőn** ‘all’. Сравнение с хаттским возможно, только если мы предположим развитие сино-кавк. **j*- > хат. **ẖ*-, однако синхронно анлаутное *y*- хаттскому известно.

Ср. также енис. ***qo** (~ *$\boldsymbol{\chi}$-) ‘full, enough’ (без сино-кавк. этимонов).

Маловероятно Иванов 1985: №9 (см. ниже *zinar* [118’]). Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

17’. *ẖut* ‘to get free, move (intr.)[?]’, ‘освобождаться, двигаться[?]’

=[?] Хет. *nini(n)k*- ‘to set in motion’.

18’. *imallen, imallin* ‘this (demonstrative pronoun)’, ‘этот’, также функционирует как наречие ‘таким способом[?]’.

= Хет. *ka-* ‘this’.

→Элемент *-llin* неясен, но *ima-* может быть сложением двух сино-кавк. указательных основ: сино-кавк. ***ʔi*** ‘this’ [> сев.-кавк. ***ʔi*** ‘this’ ~ сино-тиб. ***ʔĭ*** ‘this’ ~ буруш. ***i-*** ‘that’] и сино-кавк. ***mV*** ‘he; demonstr. stem’ [> енис. ***wV*** ‘he, she’ ~ сев.-кавк. ***mV*** ‘this, that’ ~ сино-тиб. ***mV*** ‘(demonstrative pronoun)’]

19’. *inta, ita*, союз и наречие ‘so, in this way’, ‘так, таким образом’.

= Хет. *kinišša*n, *QĀTAMMA*.

20’. **ippi* ‘small?’, ‘малый?’ в *ippi-zinar* ‘вид лиры’, “kleines? Ištar-Instrument”.

= Хет. $^{GIŠ(.D)}$INANNA.TUR.

→Иванов 1985: №13 переводит *ippi* как ‘палец’ или ‘рука’ (*ippi-zinar* ‘finger-lyre, hand-lyre’), сравнивая *ippi* с адыг.–кабард. *ʔa-pa* ‘hand, finger’, что неправдоподобно фонетически (см. *zinar* [118’]).

21’. *išpel* ‘evil man’, ‘злодей’.

=!? Hitt. *idaluš* UN-*aš*.

→Анлаутное написание *iš-pí-* может выражать фонетический кластер /SP-/.[35]

Ср. сино-кавк. ***šVłV́*** (~ ***ḉ-***) ‘bad; to assault’ >

Сино-тиб. ***ś(r)uał*** > кит. **篡** **chrōns* ‘take by force, usurp’ (< **t-srōns*?), качин *gəšun*[3] ‘to coerce, extort, take by force’, лушаи *sual* ‘bad, naughty, wicked, sinful; to criminally assault (a woman); be in trouble to others through ill health; to sufficiently poison (a pool)’.

Енис. ***sel-*** (~ ***-r-***) ‘bad’ > кет. *śēĺ*, *śēĺi*[1], юг. *sel* / *sejl*[1].

Вероятно, сино-тиб. **ua* должно указывать на старый губной согласный. Уникальный пример на сино-кавк. кластер *SP-*?

С другой стороны, в хаттской основе естественно выделять «мужской» суффикс *-l*: *išpe-l*.

[35] См. Kassian & Yakubovich 2002 об этом орфографическом правиле в хеттском.

22’. *ištarrazi-l* ‘(dark/black) earth, soil; terrestrial, earthly(?)’, ‘(schwarze) Erde, Erdboden; der Irdische(?)’, ‘(черная) земля; земной, смертный(?)’.

= Хет. *daganzipa-, dankui- tagn-*.

→Исход *-l*, вероятно, является «мужским» суффиксом, а остальная часть основы может представлять собой композит по модели «прилагательное + существительное», как, напр., *tittaḫ-zilat* ‘throne’ < ‘great’ + ‘seat’.

Двойное *-rr-* должно указывать на старый кластер; таким образом, основу можно разложить как *ištar-Cazi-l* ‘dark earth’ с неизвестным сандхи *rC* > *rr*.

Ко второму элементу *-Cazi-* ‘earth’ ср. сино-кавк. ***jV́mćV*** ‘earth, sand’ [> сев.-кавк. ***jōmć̣V*** ‘earth, sand’ ~ енис. ***ʔeʔǯ-*** (~ **x-**, **-ʒ-**) ‘damp sand’ ~ баск. ***hauć*** ‘ashes’]. В этом случае ср. такой же фонетический процесс *r* + *i̯* > *rr* в хеттском.

Soysal 2004: 365 предлагает принципиально другой анализ: *is-ta-araz-il* ‘earth’ от **araz* ‘earth’, сравнивая хат. **araz* с семит. **ʔrṣ̂-* ‘earth’ (аккад. *erṣetu*, угар. *ʔarṣ*, др.-евр. *ʔereç*, араб. *ʔarḍ* и т. д., см. Semet.dbf). В качестве альтернативного решения Soysal 2006: 112 пытается связать хат. *is-ta-arazil* с хет. *arzili-* ‘олово’.

Иванов 1985: №40 членит эту основу как *išta-razil* и сопоставляет *išta* с зап.-кавк. **ç^{w}a* ‘black’ (< сев.-кавк. ***ṣ̌wnV*** ‘dark’); также автор предлагает альтернативную сегментацию *ištar-azil*, сравнивая *ištar* с сев.-кавк. ***ć̣VndV*** (~ **-m-**) ‘black, dark’. Оба решения кажутся маловероятными.

Неубедительно Браун 1994: 20, Браун 2002: 56 и Chirikba 1996: 414, которые вычленяют элемент *(i)šta-*, связывая его с абхаз.–абазин. превербом **šḭ̆a-* ‘on the ground’. Сам преверб **šḭ̆a-*, вероятно, происходит из абхаз.–абазин. глагольной основы **šə̆-ṭa-* (или **šə̆-ta-*, если абазинская глоттализация вторична), где **šə̆* восходит к зап.-кавк. **ƛ́ə-* ‘to lie’ < сев.-кавк. ***=äƛĔw*** ‘to lie, to put; to lead’, см. Caucet.dbf, Abadet.dbf.

23’. *izzi* ‘favorable, good’, ‘хороший, благоприятный’, также в ^{D}*izzištanu* ‘god of the Good Day’, ‘божество Благого Дня’ < *izzi* ‘хороший’ + *eštan* ‘солнце; день?’ [5].

= Хет. DUD.SIG$_5$.

√ Сино-кавк. ***ʔV(n)ʒV*** ‘good, big’ >

Сев.-кавк. ***ʔV(n)ʒV*** ‘good’ > цез. **hõže* (~ *-ž:-*) ‘well, all right’, лезг. **ʔič:V-* ‘good’.

Сино-тиб. **ća* ‘great, big’ > тиб. *ćhe* ‘great’, бирм. *ćah* ‘to be big (compared to smth.)’, качин (H) *tiŋ-ža* ‘great’.

Баск. **onća* ‘well, good, benefit’.

→Ненадежно ввиду слишком общей семантики.

Иванов 1985: №80 сравнивает хат. *izzi* с зап.-кавк. **ç^{w}ə* ‘good’ (вероятно, из сев.-кавк. ****mǐʒV*** ‘sweet’).

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк. **ṗə-źA* ‘clean; good’).

24’. *yaḫ* ‘sky’.

= Хет. *nebiš*.

→Ср. енис. ****ʔa-j[a]k*** (~ **x-**, **-g**) ‘thunder’ > кет. *ēkŋ*^{1} / *ɛkkiń*^{5} / *ɛkŋ*^{5}, юг. *ekŋ*^{1}, котт. *ajak*, pl. *ajakan*.

Сравнение фонетически приемлемо (енис. **-g* может происходить из сино-кавк. кластера **xQw*), но семантически формы слишком далеки друг от друга.

Более удачным сравнением могло бы быть на-дене (эяк-атапаскское) **jā* ‘sky’.

Иванов 1985: №15 сравнивает хат. *yaḫ* ‘sky’ с зап.-кавк. **(mV)-rəʁa* ‘sun’ (< сев.-кавк. ****wirə̄ą̇Ă̆*** ‘sun’), что невероятно фонетически.

25’. *yay, ya, ay* ‘to give’, ‘давать’.

= Хет. *piya-*.

26’. *kait* ‘grain, corn, grain-crop(?)’, ‘зерно?’ (также обожествленное).

=? Хет. *ḫalki-*.

→Ср. сев.-кавк. ****qHwōʒĀ̆*** ‘corn, wheat’ (> цез. **qečV*, даргин. **q:I^{w}ač:*, зап.-кавк. **k:^{w}ač:ə* (~ *-c:-*)). Соответствия сев.-кавк. **ʒ* ~ хат. *t* и сев.-кавк. **o* ~ хат. *ai* представляются, однако, нерегулярными.

Сходно Chirikba 1996 (хат. + зап.-кавк.).

Как было справедливо отмечено в Haas & Thiel 1976, хур. *kade* ‘grain, barley’ (= шум. ŠE; также обожествленное: ^{D}*kade-na*; см. GLH: 133) не может быть отделено от данной хаттской основы. Для хур. *kade* Diakonoff & Starostin 1986: 28 предлагают сев.-кавк. этимологию — сев.-кавк. ***Ļ̲ədwi** / ***Ļ̲əŁədwi** ‘corn’, что представляется убедительным. Ввиду этого я склоняюсь к предположению, что хат. *kait* ‘grain’ является хурритским заимствованием[36].

27’. *karam* ‘wine’, ‘вино’, также в ^{LÚ}*fintu-kkaram* ‘cupbearer’, ‘кравчий’.

→ Давно распознанное культурное слово. Хаттский термин был заимствован из какой-то зап.-сем. формы, восходящей к зап.-сем. **karm*: угар. *krm* ‘vineyard’, арам. *karm* ‘vineyard’, араб. *karm-* ‘vine, grapevine’ и т. д. (см. Semet.dbf), далее, вероятно, к аккад. *karmu* ‘heap, mound’ (Bab. ‘ruin mound’, M/NAss. ‘grain heap’, см. CDA: 149), мехри *karmaym* ‘mountain’, харсуси *kermaym* ‘mountain’ с внешней афразийской этимологией, о чем см. Afaset.dbf.

Не к сев.-кавк. ***k̲wərV** ‘a k. of vessel’, как предлагается в Иванов 1985: №18.

28’. *karkar* ‘to rake, scrape’, ‘сгребать, скрести’.

= Хет. *ḫaḫḫariya-* ‘to rake, scrape’ (деноминатив от *ḫaḫ(ḫa)r(a)-* ‘rake’).

→Может быть редуплицированной основой (*kar-kar*). В действительности же *karkar* весьма напоминает ав.-анд. **q:Vrχ:V* — второй элемент ав.-анд. композита **ƛ̣:iχ:^{w}V-q:Vrχ:V* ‘rake’ [где первое **ƛ̣:iχ:^{w}V* восходит к сев.-кавк. ***X̲̣VχwV** (~ **Ļ̲-**) ‘rake’].

Также нельзя отделать от этих форм хет. *ḫaḫ(ḫa)r(a)-* ‘rake’. Вероятно, бродячее слово с неизвестным источником. Николаев 1985: 61 предлагает путь заимствования праав.-анд. > Hitt.

---

[36] Миграционный путь этого термина мог быть и более длинным. Ср. догреческое кобо- ‘поджаренный ячмень’ (κοδομεία ‘barley-roasting’ [Poll.], κοδομεῖον/κοδομήϊον ‘vessel for roasting barley’ [Poll., Hsch., Suid.], κοδομεύς ‘one who roasts barley’ [Hsch.; -εύτρια, Poll., Phot.], κοδομεύω ‘to roast barley’ [Hsch.]) или же Hsch. καδρεμα · σίτου φρυγμός. Вопреки Иванов 1978: 158 сл., темное лик. *χθθα-* вряд ли сюда относится, ср. Neumann 2007: 135 сл. с литературой и обсуждением..

Ср. угар. *krk*, *ku-re-ku* ‘a k. of instrument, pick?’ (DUL: 455).

29’. (D)*kašku* ‘(deified) gate building, gatehouse’, ‘воротный комплекс, привратные постройки’.

= Хет. KI.LAM.

→О новом переводе ‘gate-building’ (не ‘Moon god’, ср. выше *kap* ‘луна’ [15]) см. Soysal 2004: 370.[37]

30’. *katakumi* ‘witchcraft, sorcery; magical?’, ‘колдовство; волшебный?’.

= Хет. *alwanzena-*.

→Неясный композит?

31’. *kazza* ‘blood red?, red?’, ‘кроваво-красный?, красный?’.

=? Хет. *išḫarweškiya-*.

32’. *kazue* ‘goblet, cup’, ‘кубок, чаша’.

→Давно распознанное семитское заимствование: аккад. *kāsu* ‘goblet, cup’, угар. *ks* ‘id.’ и т. д. (см. AHw: 454; DUL: 459). Ср. также хурр. (Bogh.) *kaz(z)i* / *kaši* ‘goblet’ (Catsanicos 1996: 242 f.), которое предположительно сравнивается с сев.-кавк. ***gaǯinV*** ‘jar, jug’ в С. Старостин 1995/2007: 632, однако в действительности должно представлять собой тот же ареальный культурный термин (далее см. Soysal 1999: 164–165, сн. 7).

33’. LÚ*kiluḫ* ‘courier-spy’, ‘Läufer-Kundschafter’, ‘скороход-шпион’.

= Хет. LÚNÍ.ZU LÚKAŠ$_4$.E.

→Напоминает зап.-сем. формы со схожей семантикой: угар. *ḳl* ‘courier, messenger’, др.-евр. (библ.) *ḳal* ‘light, nimble, rapid (said of messengers); something speedy, fast riding animal, racer’ от семит. корня **ḳll* ‘to be

[37] Сойсал предполагает, что хаттское заимствование в хеттском É*kaškaštipa-* ‘gatehouse, portal’ является редуплицированным образованием **kas(k)-kas(k)-tipa* с суффиксом *-tipa* (известным из других хеттских основ как *-šepa*/*-zipa*), но я полагаю, что мы имеем здесь дело с простым словосложением: *kašku* + *štip* ‘ворота’ [49].

quick, rapid' (см. DUL: 700; KB). Таким образом, может быть зап.-сем. заимствованием, оформленным (хаттским?) суффиксом *-ḫ*.

Браун 1994: 22 предлагает типичную этимологию «*bringen-Sie*»: абхаз. *a-ḳ́ál-χ-ra* 'to take off, carry away', которое, по всей видимости, содержит корень *χa* (*á-χa-ra*) 'to pull, drag' с частотным превербом *ḳ́əl*. Абхаз.–абазин. **qV-* 'to pull, drag' происходит из сев.-кавк. ***=HīqV(r)** 'to pull, take out; to drag, carry'.

34'. *kinawar* 'copper', 'медь'.

= Хет. URUDU.

→Морфологически темная основа. Без сомнения, хаттское слово связано с др.-греч. κιννάβαρι 'cinnabar'. Бродячее слово ('минерал красного цвета')?

Soysal 2004: 365 осторожно сравнивает др.-греч. Κύπρος и хур. *kab(a)li* 'copper' с данным хаттским термином, предполагая фонетическое развитие *knwr* > *knpr* > *kpr*. У меня нет уверенности, что предположение о немотивированном падении *-n-* и колебании *l~r* может быть так легко принято, однако происхождение топонима Κύπρος заслуживает дополнительных комментариев. Κύπρος как название острова Кипр известно начиная с наиболее древних греческих авторов (Hom.+), а также, возможно, из текстов линейного B (*ku-pi-ri-jo/a*, см. обсуждение в Knapp 2008: 303 ff.). В классический и эллинистический периоды основа получила ряд производных с общим значением 'кипрский': Κύπριος 'Cyprian', κύπρῐνος '1. made from the flower of Cyprus; 2. made of copper', κύπριος 'of copper' и некоторые другие. Сходный семантический переход от топонима к обозначению металла засвидетельствован и в латинском: *cuprium* [*aes*] > *cuprum* (вероятно, под греческим влиянием). Греческое и латинское развитие 'кипрский' > 'медь' датируется очень поздним временем (нач. 1 тыс. н. э.?) и не помогает прояснить внутренний смысл обсуждаемого названия острова.

Могут быть предложены две простейшие гипотезы о происхождении Κύπρος:

1. *kupr-* было самоназванием обитателей Кипра, о чьем языке мы ничего не знаем. Однако эта основа не была известна на Ближнем Востоке, где название Кипра выглядело как *Alašiya (Alasiya)* — топоним/этноним, широко используемый хеттами, хурритами, семитами и египтянами с кон. 3 по 1 тыс. до н. э. (Knapp 1996). Некоторые авторы (Neu 1997: 4 с лит.) предполагают, что *Alašiya* являлось не эндонимом, а экзонимом, произведенным от названия металла, и связывают *Alašiya* с клинописной формой *alaš* 'copper'/'bronze', засвидетельствованной в словаре из Нузи[38]. В действительности же, шумерской формы *alaš* 'copper'/'bronze', видимо, не существует, см. Reiter 1997: 166 с лит.
2. *kupr-* — это слово «минойского» языка (значение данного слова могло быть любым), которое использовалось критянами как экзоним, обозначающий Кипр и впоследствии заимствованный в данной функции греками.

Тем не менее — особенно после открытия хурритского слова *kab(a)li* 'copper' — некоторые авторы (напр., Neu 1997, см. также Reiter 1997: 295 с предш. лит.) предприняли попытки истолковать Κύπρος как «медную (страну)», чье название продолжает вышеупомянутый хурритский термин. Я полагаю, однако, что в действительности ситуация является более сложной. На Древнем Ближнем Востоке зафиксировано три схожих звуковых сочетания, обозначающих «базовый» металл (медь, бронзу или железо).

1. *KPL* в северной зоне. Это сочетание представлено в хур. *kab(a)li* 'copper', эблаит. *ga-ba-lum* 'copper' (Neu 1997: 4) и в цезско-аваро-андийском **k^{w}ibV-l-* 'a k. of metal': ав.-анд. (только андийское) **k^{w}ibV* 'iron', цез. **k^{w}i̷bu* A 'lead', формы хорошо представлены как в цезской, так и в андийской группах, но не имеют внешней северокавказской этимологии

[38] Начало разработок медных месторождений на Кипре относится ко второй половине 3 тыс. до н. э. (Knapp 2008: 76). Самые ранние бесспорные свидетельства экспорта меди с Кипра в Левант, а также на Крит датируются началом 2 тыс. до н. э. (Knapp 2008: 76 ff., 356), и с этого момента на Ближнем Востоке остров начинает устойчиво ассоциироваться с медью.

(в Caucet.dbf их виртуальная сев.-кавк. праформа реконструируется как ***kwiwV** (~ **-ē-**, **-b-**)).[39]

2. *ZPR* в южной зоне: элам. *zabar* (ME), *zubar* (ME), шум. *zabar*, *zubar* (ED IIIb+), аккад. *siparru* (OAkk.+), см. Hinz & Koch EW: 1273, 1310; ePSD; CAD S: 296 ff.; Krebernik 2006: 83.
3. *PRZ* в центральной и северной зонах. Это лув. *parza-* 'iron (ore?)' (зафиксировано в производных) и различные семитские формы со значением 'железо': аккад. *parzillu* (OA, OB+), угар. *brḏl*, др.-евр. и финик. *brzl*, арам. *przl*, амор. /barzillu/, ESA *frzn*, араб. *firzil* (CAD P: 212 ff.; DUL: 236; Artzi 1969). Изолированное современное сванское *berež* 'iron', видимо, продолжает ту же древнюю основу. Данный комплекс форм был недавно проанализирован в Valério & Yakubovich 2010: авторы постулируют значение 'железо, железная руда' для лув. корня и предполагают, что именно лув. *parza-* послужило источником упомянутых лексем в остальных языках (лув. *parza-*, однако, не поддается этимологизации ни внутри лувийского, ни на индоевропейском материале). Также в это гнездо должны быть включены данные нахских языков: чечен., ингуш. *borza* 'bronze', чечен. *borzanan* 'of bronze' (корень не отмечен в бацбийском языке; виртуальная пранахская форма должна выглядеть как

[39] По глоттохронологии разделение цезско-аваро-андийского праязыка произошло ок. 2000 г. до н. э. Неясно, как соотносятся друг с другом хур. *kabali* и цез.-ав.-анд. **k^{w}ibV*. Морфема *-(a)l-i* является хурритским суффиксом, известным из некоторых именных основ. В свою очередь цез.-ав.-анд. корень **k^{w}ibV* образует косвенную основу на *-l* в современных цезских и андийских языках (напр., бежта и гунзиб *kobo-li-*, годобер. *kubi-la-*, карата *kuba-l-*), так что косвенная основа **k^{w}ibV-l-* может быть реконструирована на цез.-ав.-анд. прауровне. Если хур. *kabali* было заимствовано < цез.-ав.-анд. **k^{w}ibV-l-*, иноязычный косвенный показатель мог быть воспринят хурритами как их родной суффикс. Обратный сценарий аналогичен: хур. *kabali* > цез.-ав.-анд. **k^{w}ibV-l-*, где хур. *-ali* было переинтерпретировано как косвенный показатель. Вокалическое соответствие между хур. и цез.-ав.-анд. формами, однако, неясно: /a/ vs. /^{w}i/, что делает предположение о прямом заимствовании несколько спорным. Ср. также С. Старостин 1995/2007: 632, где сев.-кавк. ***kwiwV** (~ **-ē-**, **-b-**) и хур. *kabali* связываются этимологически, но я не уверен, что это оправдано для подобного культурного термина.

borza-n*).[40] Основной массив подобных форм был проанализирован Г. Рендсбургом (Rendsburg 1982), который, с одной стороны, добавил ряд вероятных европейских аттестаций (лат. *ferrum* ‘iron’, если < **fersum*, возможно OEng. *bræs* ‘bronze (also brass?)’ и некоторые другие), а с другой стороны, предположил о связи форм вида *PRZ* с семитскими формами вида *BRT* ‘iron’ или ‘a metal artefact’: аккад. (OB+) *bi/ertu* ‘Band, Fessel’, араб. *burt-* ‘hache; flèche’, *burat-* ‘anneau en fer qu’on passe dans la narine du chameau, et qui tient lieu du frein’, также в эфиосемитской группе — геез *bərt* ‘copper, brass’; *bərat* ‘iron’, тигре *brät* ‘iron’, амхар. *bərt* ‘metal basin’, *brät* ‘iron’, аргобба *bräd* ‘iron’, харари *brät* ‘iron’, гураге *brät*, *bräd* ‘iron’; см. Semet.dbf, где данные формы объединены под прасемитским ***bi/urt-. Однако, я полагаю, вопреки А. Ю. Милитареву (Semet.dbf), что мы имеем здесь дело с бродячим словом, хотя его географическая дистрибуция достаточно подозрительна, и вероятно, что аккадо-арабская изоглосса не связана с африканскими терминами (эфиосемитские слова могут быть коптским заимствованием, Takács, EDE 2, 124). Формы вида *BIRT* в значении ‘железо’ отмечены также в различных кушитских (и омотских?) языках (см. Afaset.dbf sub ***bir**- ‘metal’, Takács, EDE 2, 123 ff.); иногда они могут быть объяснены как эфиосемитские заимствования, но в других случаях могут представлять самостоятельную деривацию с суффиксом *-t* от корня *bir*. Сам по себе корень *bVr* (стандартно *bir*) со значением ‘металл’, ‘медь’, ‘бронза’ ‘железо’, ‘серебро’ широко отмечен во всех африканских семьях афро-азиатской макросемьи (египетский, чадский, кушитский, омотский), см. Afaset.dbf sub ***bir**- ‘metal’ и Takács, EDE 2, 123 ff. sub *bjʔ* (с более аккуратным анализом и обсуждением). К сожалению, современное состояние афро-азиатских исследований не позволяет с уверенностью различать между межъязыковыми заимствованиями и исконными когнациями. Я склоняюсь к мнению, что корень *bVr* (*bir*) ‘a default metal’ не может быть реконструирован на праафро-азиатском уровне, напротив, данный корень представляет собой африканское бродячее слово

[40] Распад чечено-ингушского праязыка датируется нач. 2 тыс. н. э.

(фактическое отсутствие корня *bVr* в языках семитской семьи поддерживает такое решение). В любом случае, шум. BAR ‘metal’, видимо, представляет собой тот же самый культурный термин. Возвращаясь к семитскому *PRZ*: Valério & Yakubovich 2010 предлагают значение ‘iron (ore?)’ для лув. *parza-* и утверждают, что именно лув. основа послужила источником аккад. термина *parzillu*, который, в свою очередь, был заимствован в остальные семитские языки, в которых мы находим формы вида *PRZL*. Лув. *parza-*, однако, остается без какой-либо этимологии внутри лувийского или, шире, индоевропейского (хотя суффикс *-l* может быть легко объяснен в рамках лувийской морфологии). Также отметим, что идея именно аккадского источника для угаритской, финикийской и других форм сталкивается с серьезными фонетическими трудностями.

Другие сочетания вроде *KNBR* (хат. *kinawar* ‘copper’ выше) или *KBR* (шум. KA.BAR = /zabar/ ‘a metal’/‘bronze’, Reiter 1997: 294 сл. с лит.) более маргинальны.

Ни одна из этих звуковых комбинаций напрямую не совпадает с др.-греч. Κύπρος. Единственный сценарий, который можно тут подозревать, — это заимствование одной из вышеперечисленных основ в «минойский» язык в значении ‘медь’, где слово подверглось определенным фонетическим преобразованиям, а затем было заимствовано греками как название страны — экспортера меди. Пока, однако, такому сценарию нет никаких подтверждающих фактов.

35’. *kitat* и? *kišat* или просто *tat* / *šat* ‘to be(come) arrogant’, ‘вести себя заносчиво’.

= Хет. *šullai-*.

36’. *kuka* в композите *zifi-kuka* ‘потомство, потомки’ (< **zifin-kuka* с регулярным упрощением *nk* > *k*), где *zifin* [121’] значит ‘внук, правнук’.

√ Сино-кавк. ***ġwāġwV́(-ɬV)** ‘grain, seed; egg; hail’ >

Сев.-кавк. ***ḳwāḳwV(-łV)*** ‘seed, grain, egg’ > ав.-анд. **ḳʷaḳʷal* ‘nut, walnut’, цез. **ḳuḳV-LV* ‘nut, walnut; small stone’, даргин. **ḳIʷaḳI* ‘grain’, лезг. **ḳoloḳ* ‘egg; fried eggs; testiculus’.

Сино-тиб. ***kōk*** ‘grain’ > кит. 穀 **kōk* ‘grain’, бирм. *kauk* ‘a k. of rice’, лушаи *kok* ‘grain’.

Енис. ***qoK-*** (~ **χ-**) ‘hail’ > кет. *qɔgdəm*[5], юг. *xɔksl*[5] / *xɔksɨl*[5], пумп. *xoxdámon*.

→Хат. *kuka*, вероятно, значило ‘семя’.

37’. *kunkuḫu, kukkuḫu* (also *kunkun*[?]) ‘to be alive (intr.); to keep alive (trans.)’, ‘быть живым; поддерживать жизнь’.

= Хет. *ḫušuwant- eš-*.

→Морфологически неясное образование. Ср. сино-кавк. ***=HixqwV́*** ‘to bear; to be born’ > сев.-кавк. ***=HiqwĀ(n)*** ‘to bear, give birth’ ~ сино-тиб. ***Ki(j)*** (~ ***-e(j)***) ‘bear, give birth’ ~ енис. ***kej-*** (~ **q-**, **g-**) ‘to bear; to be born’ ~ буруш. ***-ʻk*** ‘children’.

38’. *kur* ‘to stay; to stand[?]’, ‘стоять’.

= Хет. *ar-*.

→Ср. сино-кавк. ***HrāgwV́*** ‘to stay, leave’ > сев.-кавк. ***=argwV-n*** ‘to stay’ ~ сино-тиб. ***rak*** ‘to lay, place’ ~ енис. ***ʔākV-*** ‘to stay’.

Метатеза в хаттском?

39’. *kurkupal* ‘peg’, ‘Pflock, Nagel’, ‘колышек’.

= Хет. $^{(GIŠ)}$GAG.

→Ср. *kurkufenna* [40’].

40’. *kurkufenna* (also *kurkupun*?) ‘wooden stand (vel sim.) in rituals’, ‘подставка для различных объектов во время ритуала’.

= Хет. ^{GIŠ}*arimpa-*.

→Образовано от *kurkupal* ‘peg’ [39’]? Если так, то основа содержит суффикс *-na* (*-al-na* > *-enna*).

41’. *kurtapi* ‘foliage[?]’, ‘листва[?]’.

=? Хет. ^{GIŠ}*ḫappuriya-*.

42’. *kusim, kušim* ‘throne’, ‘трон’.

→Давно распознанное семитское заимствование: аккад. *kussû-m*, *kussiu-m* ‘chair, throne’, угар. *ksu* ‘seat, throne’ и т. д. (см., напр., DUL: 460). В свою очередь, семитский термин, по всей видимости, был заимствован из шумерского *gu.za* ‘chair, stool, throne’. Необходимо отметить, что это единственное хаттское слово, которое может рассматриваться как заимствование именно из аккадского, а не из западносемитских диалектов ввиду хат. *-m*, вероятно, отражающего аккадскую мимацию.

43’. *kut* ‘soul’, ‘душа’.

= Хет. ZI.

→Заманчиво сравнить хат. *kut* со следующей енисейской основой, предполагая упрощение *KT* > *T* в хаттском:

Енис. ***koqtV** (~ **g-**) ‘the inside; temper, disposition’ > кет. *kōqt* ‘das Innere; Gemüt’, юг. *kɔxtɨ*^{6} ‘das Innere’ (Werner 2002 1: 441, 446).

Этимология предложена в Иванов 1985: №22. В действительности же енис. основа имеет нестандартный вид и должна скорее анализироваться как суффиксальное образование ***koq-tV** с неясным дентальным суффиксом; таким образом, хат.–енис. сравнение выглядит спорным. Дальнейшие этимоны, предлагаемые Ивановым (зап.-кавк. **ǵ^{w}ə* ‘heart’ < сев.-кавк. ***jĕrḳwĭ** ‘heart’), неудачны. Chirikba 1996: 426 следует сев.-кавк. этимологии Иванова и добавляет в сравнение абхаз. **g^{w}ə-ta* ‘centre, core’ (**g^{w}ə-* ‘heart’ + *-ta* ‘place of’).

44’. *kuzan, kuzzan*, также *ḫuzza* ‘hearth’, ‘очаг, жаровня’, *tete-kuzzan* ‘big hearth’, ‘большая жаровня’.

= Хет. *ḫašša-*, GUNNI.

→Иванов 1985: №22 & 79 безосновательно раскладывает хаттскую основу как *ku-zan*, предлагая некоторые неубедительные зап.-кавк. этимологии для *ku-* и сев.-кавк. ***ç̣ăjĭ** ‘fire’ для *-zan*.

45’. *lianu* или *elianu* ‘implement?, utensil?”, ‘утварь?”.

= Хет. *UNŪTE*^{MEŠ}.

46’. *lin* ‘to drink? (vel sim.)’, ‘пить?”.

→Ср. сино-кавк. ***=V̌ɣ̱̣Vŋ** ‘to wash’ (> сев.-кавк. ***=Vɣ̱̲Vn** ‘to wash, pour; to weep’ ~ сино-тиб. ***ƛ̌ēŋ** (~ **-ā-**) ‘to wash (by pouring water over), to spill’ ~ буруш. *-**hálṭ-** ‘to wash’). Семантический переход ‘to pour’ > ‘to drink’ типологически возможен.

47’. *ma*, также *fa*, союз ‘and’, ‘и’; *mane*, союз ‘then?, and so?”, ‘dann?, so daß?”, ‘тогда?, итак?”.

48’. *mai(u)* ‘a valuable cloth, linen cloth’, ‘дорогая материя, льняная ткань’.

= Хет. GADA.

49’. *malḫip* ‘good, favorable’, ‘хороший, благоприятный’.

= Хет. *aššu, aššiyant-*, SIG$_5$*-ant-*, SIG$_5$*-in*.

→Морфологически неясное образование.

Как было указано в Chirikba 1996: 428, очень похоже на зап.-кавк. **maƛ́^{w}V* ‘good, luck’. Вероятно, зап.-кавк. заимствование, где палатализованный лабиализованный латерал *ƛ́^{w} передается хаттским *lḫip*, ср. хат. *ḫapalki* [12’] с хат. *lki*, репрезентирующим зап.-кавк. *ƛ́.

Невероятно Браун 1994: 20 (хат. + арабское заимствование в адыгейском[41]).

50’. *mar* или *kamar* ‘to slit, slash’, ‘раскалывать, разбивать’.

= Хет. *iškalla-*.

51’. ^{LÚ}*maššel* (or ^{LÚ}*paršel*) ‘comedian, performer’, ‘клоун, актер’.

= Хет. ^{LÚ}ALAN.ZU$_9$.

→Если первый знак имеет фонетическое значение MAŠ, а не PÁR, тогда основа является зап.-сем. заимствованием: угар. *mṣl* ‘cymbal player’, аккад.

[41] Адыг. *məλk^{w}* ‘имущество, состояние’ < араб. *milk* ‘владение’ (Шагиров 1: 272).

(RS) *māṣilu* ‘(a musician, performer)’, далее ср. др.-евр. (библ.) *məṣiltajim*, угар. *mṣltm* ‘cymbals’ от семит. *ṣll* ‘to clink, tinkle’ (см. DUL: 586; KB).

52’. *milup* (also *milip*ʔ, *millaw*ʔ, *milluw*ʔ) или *lup*ʔʔ ‘bull, ox’, ‘бык’.

= Хет. GU_4.

→Морфологически неясное образование. Исключительно теоретически может быть семитским заимствованием, если предположить *m*-префиксацию (нигде не зафиксированную) от семит. ***ʔalp*** ‘cattle’: аккад. *alpu* ‘bull, ox’, угар. *ʔalp* ‘(head of) cattle; bullock’ и т. д. (SED 2: #4). Вяч. Вс. Иванов защищает семитское происхождение хаттского термина.

53’. *miš, mis, meš*, также *mit*ʔ, *piš*ʔ ‘to take (for oneself)’, ‘брать (себе)’, imp. *miša* ‘take (for yourself)!’.

= Хет. *-za da-* ‘to take (for oneself)’, *dai-* (!) ‘to put’.

→Ср. енис. ***ma(ʔ)*** ‘take!’ (> кет. *maʔ* / *ma*, юг. *ma*, арин. *ma* ‘tribute’ [значение, видимо, искажено]); исключительный случай сохранения начального *m-* в экспрессивной лексеме. Хат.-енис. сравнение возможно, если мы предположим сокращение (утрату конечного согласного) в енисейской аллегровой форме.[42]

Браун 1994: 22 привлекает странную абхаз. форму.

54’. *mu*, также *fu* ‘motherʔ, ladyʔ, mistressʔ (vel sim.)’, ‘матьʔ, госпожаʔ’.

55’. *muḫa* и *muḫal* ‘hearth’, ‘очаг’.

= Хет. *ḫaššа-*.

→Анлаутное *m-* должно указывать на неисконное слово.

Конечно, хат. *muḫal* весьма похоже на шум. (ED IIIa+) *muḫaldim* ‘cook’ (вероятно, заимствовано с серьезным фонетическим искажением в аккад. *nuḫatimmu* ‘cook’), где можно вычленять элемент *-dim* (< *dím* ‘to fashion,

[42] С другой стороны, енис. ***ma(ʔ)*** ‘take!’ может быть ареальной формой, ср. *ma, me, mä* ‘take!’ в монгольских и тюркских языках.

create’), обычно образующий названия профессий: ср. *kug.dím* ‘gold or silver smith’ (*kug* ‘silver’), *ğiš.dím* ‘wood carver’ (*ğiš* ‘wood’), *pana.dím* ‘bow maker’ (*pana* ‘bow’) и т. д. Тем не менее, идея хаттско-шумерских лексических контактов сегодня представляется слишком фантастичной, чтобы всерьез ее обсуждать.

56’. **muna* в редуплицированной основе *muna-muna* ‘foundation, base, bed stone’, ‘основание, фундамент’.

= Хет. *šamana-*.

57’. *muš* или *muša* ‘smth. relating to tree, fruit?’, ‘нечто, относящееся к дереву, плод?’.

58’. *nimaḫ* и в результате контактной диссимиляции *lmaḫ* ‘eye(s)’, ‘глаз(а)’.

= Хет. *šakuwa*.

→Вряд ли можно сопоставлять с сино-кавк. ***wĕmq̇V́** (~ **-xq̇-**) ‘eye; witness’ (> сев.-кавк. ***wĭmq̇V** ‘witness; true’ ~ сино-тиб. ***mjV̆k** ‘eye’ ~ енис. ***ʔəqa-** (~ **-χ-**) ‘to be visible’ ~ буруш. ***-moq-** ‘face; cheek’).

Элемент *ni-* не может быть объяснен как хаттский посессивный префикс *le-/li-* (> *ni-)* ‘his’, т. к. известные фиксации эксплицитно содержат эту посессивную морфему: *li-nimaḫ*, *ḫa-le-lmaḫ* и т. д.

59’. *nif* (и *nf*) или *nifaš*, *nfaš* ‘to sit’, ‘sitzen; sich setzen’, ‘сидеть, садиться’.

= Хет. *eš-*.

→Chirikba 1996: 421 предлагает монофонемное сопоставление с зап.-кавк. **sə* ‘to sit’, что неубедительно.

60’. *ntel* ‘shape, form; body, body-frame’, ‘образ, вид; тело, телосложение’. Известны следующие фиксации: *le-ntel*, *zi-ntil(-)*.

= Хет. *ešri-*.

√ Сев.-кавк. ***ʔĕndū** ‘forehead’ > ав.-анд. **hondV* (~ *ħ-*), даргин. **ʔant:a*.

Или же к сев.-кавк. ***nHāṭV** ‘forehead, face’ > цез. **maṭa* ‘forehead’, лак. *niIṭa* ‘face’, лезг. **näṭ(a)* ‘forehead; eyebrow; eyelash’, зап.-кавк. **naṭa* ‘forehead’.

→Хаттская основа содержит «мужской» суффикс *-l*. Корень может быть *nte*, *ente* или (с редукцией срединного гласного в префиксальных формах) *nite*.

Семантический переход ‘face’ <> ‘forehead’ и ‘face’ <> ‘body(-frame)’ хорошо зафиксирован в языках мира.

61’. *fa* (*pa, wa*$_a$) ‘to put, lay, stand’, ‘класть, ставить’.

= Хет. *dai-*.

62’. *fae* (*wa*$_a$*e*, also *pae*$^?$) ‘podium, pedestal’, ‘пьедестал, подножие’.

= Хет. *paššu-*.

63’. **faku* в редуплицированной основе *pakku-paku*, *wakku-pakku* ‘hammer’, ‘молот’.

= Хет. ^{GIŠ}NÍG.GUL.

→Если предположить редукцию срединного гласного и странное упрощение *lK* > *K*, хаттское *faku* может представлять собой праязыковое бродячее слово, отмеченное как сев.-кавк. ***bɨ̆lVgwi** ‘hammer’ (> нах. **barVg*, лак. *burg*, даргин. **barγ*^{w}*i*, лезг. **p:ul[k]*; нерегулярные соответствия между языками в культурном термине), и.-е. ***peleḱu**- ‘axe’ (> др.-инд. *paraśú-* m. ‘axe, battle-axe’ [RV+], др.-греч. πέλεκῠς ‘two-edged axe, battle-axe’ [Hom.+], иранский материал см. в Абаев I: 451) и алт. ***pə̀lukˊV** ‘hammer’ (> тунг. **paluka*; монг. **haluka*; тюрк. **bAlka*, см. Altet.dbf). NB: сюда не относятся шум. *balak* ‘spindle’, аккад. *pilakku* (~ *-qq-, -gg-), palakku* (OB+) ‘spindle’.

Маловероятно Иванов 1985: №61, который сравнивает хаттский корень с зап.-кавк. **ḳ*^{w}*ə* ‘handle’ (< сев.-кавк. ***ḳŭnʔV** ‘handle’).

64’. **fal* в редуплицированной основе *wa*$_a$*l-wa*$_a$*l* или *wa*$_a$*l-wa*$_a$*l-at* ‘(verbum dicendi)’.

=$^?$ Хет. *mema-*.

→Ономатопоэтическое образование?

65’. *fala*, союз ‘and, so, then’, ‘и, так, затем’; *fama*, союз.

= Хет. *-(y)a*, *-ma*, *nu*, *namma*.

66’. **fafaḫ* ‘eagle’, ‘орел’ в *wapaḫ-šul*, *wa$_a$wa$_a$ḫ-šul* ‘по-орлиному’.

= Хет. *ḫaranili*.

→Вероятно, ономатопоэтическое образование. Ср. сев.-кавк. ***u̯ħālGV** ‘a bird of prey; big bird’ > нах. **mħāqqVl* ‘kite’, лак. *waIrq:u* ‘magpie’, даргин. **waIrq:-* ‘magpie’, зап.-кавк. **bəʁIa* ‘eagle; kite’.

67’. *fafaya* (*wa$_a$ppaya, wa$_a$wa$_a$ya, papaiya*[?]) ‘father’, ‘отец’.

= Хет. *atta-*.

→Ср. сев.-кавк. ***babajV** ‘father, grandfather’ > нах. **babV* (~ *-ā-*) ‘grandfather’, цез. **babVju* ‘father’, лезг. **babaj* ‘father; grandfather’, зап.-кавк. **baba* (~ *p:*) ‘grandfather’.

Универсальное детское слово *PaPa* ‘отец/мать’. Бросающееся в глаза сходство между сев.-кавк. ***babajV** и хат. *fafaya* может говорить о заимствованном характере хаттской осовы.

68’. *parnulli* ‘a k. of aromatic woody plant or its product’, ‘растительный ароматический продукт’.

= Хет. ^{GIŠ}*parnulli-*.

69’. **faš(i)* в ^{D}*wa$_a$šul*, ^{D}*wa$_a$šil*, ^{D}*wa$_a$šiul* ‘(deified) fecundity, abundance, plenty’, ‘(обожествленное) плодородие, изобилие’.

= Хет. *iyatar tametar* ‘fecundity and abundance’, ? *aššu-* ‘good’.

→В хаттской основе выделяется «мужской» суффикс *-l*.

Иванов 1985: №44 выделяет хаттский корень *šul*, сравнивая его с абхаз.–абазин. прилагательным **pəśə-la* ‘fat, thick’ от существительного **pəśə-* ‘fat’ (< сев.-кавк. ***=HrV̆jǵ̲Ē** ‘thick, dense, fat’ с частотным зап.-кавк. суффиксом **pə-*). Маловероятно.

70’. *paštae, pšatae* (*pšattai*) ‘cudgel, bludgeon (vel sim.)’, ‘дубина’.

71’. *pašun*, *pšun*, *fašun*[?] ‘breath[?]; soul[?]; lung[?]’, ‘дыхание[?]; душа[?]; лёгкое[?]’.

=[?] ZI.

→К сожалению, значение хаттской основы надежно не устанавливается. Если *f(a)šun* действительно значит ‘breath/soul/lung’, то интересная параллель находится в енисейских языках: кет. *beńśiŋ*[5] ‘lung’, которое, однако, обычно объясняется как позднее сложение енис. **beʔjiŋ* ‘light’ + енис. **seŋ* ‘liver’.

С другой стороны, известны некоторые зап.-кавк. формы очень близкого фонетического облика:

1) зап.-кавк. **pəsA* ‘soul, spirit’, которое анализируется как *pə-sA*, где **pə-* — частотный зап.-кавк. префикс, а корень **sA* восходит к сев.-кавк. ***ʔămṯa*** (~ **-ə**,**-i̯**) ‘sky, cloud; soul, breath; god’;

2) зап.-кавк. **pəśʷA* ‘to breathe; to get tired; to die’, содержащее тот же префикс **pə-* и сев.-кавк. корень ***ṯ̲ĭHwV*** ‘breath, to breathe’ (нах. **sa* ‘soul’, ав.-анд. **s:uh-* ‘to get tired’, лак. *s:iħ* ‘breath, vapour’).

Поскольку хаттская морфологическая система не знает никаких соответствий зап.-кавк. префиксу **pə-* (старый классный показатель?), в данном случае можно говорить только о гипотетическом заимствовании зап.-кавк. > хат.

См. Браун 1994: 20 & Chirikba 1996: 424 (хат. + зап.-кавк. **pəsA*). Ср. также хат. *puš-an* ‘to blow on, fan’ [43].

72’. *fin, fen* (*pin, pen, wi*$_i$*n, we*$_e$*n*) ‘child, son’, ‘ребенок, сын’.

= Хет. DUMU.

→Ср. сино-кавк. ***pV́HV*** ‘son, daughter’ (> зап.-кавк. **pa* ‘son’, сино-тиб. ***Poj*** (~ **-u-**) ‘to bear; child’), от которого образованы енис. ***puʔn*** ‘daughter’, ***puʔb*** ‘son’ и сино-тиб. ***PVn*** (> тиб. *dbon* ‘grandson, nephew’).

С другой стороны, в этом слове можно видеть старое семитское заимствование (так предлагает Вяч. Вс. Иванов): семит. ***bin*** ‘son’ (аккад. *bīnu*, угар. *bn* и т. д.), однако идея заимствования подобного базисного термина из семитских языков выглядит очень неправдоподобно исходя из общих соображений.

Ср. Браун 1994: 19 & Chirikba 1996: 424 (хат. + зап.-кавк.).

73’. **fintu* ‘?’ в LÚ*wi$_i$ntu-kkaram*, *pintu-kkaram* ‘cupbearer’, ‘кравчий’.

= Хет. LÚSAGI.

→Сложение с *karam* ‘wine’ [27’].

74’. *pip* ‘stone’, ‘камень’.

= Хет. NA_4.

→Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

75’. *witanu* ‘cheese’, ‘сыр’.

= Хет. GA.KIN.AG.

→Вероятно, произведено от корня *wet, wit* ‘to be(come) sour/bitter’ [34].

Иванов 1985: №67 в качестве этимологической параллели приводит без ссылок загадочное вост.-кавк. **uintV* ‘кислое молоко’.

76’. *pu* ‘to do’, ‘делать’.

= Хет. *iya-*.

√ Сино-кавк. ***=ăhwV*** ‘to do’ >

Сев.-кавк. ***=ăhwV(r)*** ‘to do’ > нах. **=a-*, ав.-анд. **-ih-*, цез. **=Vw-*, лак. *=a-*, даргин. **∅/-i-r-*, лезг. **ʔaʔa(r)-*, хинал. *=ar*, зап.-кавк. **wə*, урарт. *u/or-* ‘to make, to work’.

Сино-тиб. ****q^{w}[i]ăj*** (~ ***ʔ^{w}***-) ‘to make; to divide, distribute’ > кит. **為** **waj* ‘to make, do, act’, тиб. *bgjid* ‘to make, to manufacture; to do, to act’, бирм. *wij* ‘to divide, to distribute’.

Енис. ****wV̄ʒ-*** (~ **b-**) ‘to do, make’ > кет. *bɛ:ŕi*^{4}, юг. *bɛ:hŕ*, котт. *ba-paj-aŋ*, арин. *ša-pi-te* ‘I make’.

→Фонетически неясно. Можно отметить сходство зап.-кавк., некоторых сино-тиб., енис. и хаттской форм.

Ср. Иванов 1985: №4 & Chirikba 1996: 419 (хат. + зап.-кавк. **wə*).

77’. *pule, puli, pwu$_u$li*ʔ ‘to become, happen’, ‘случаться, происходить’.

= Хет. *kiš-*.

78’. *pupišet* ‘fire…’, ‘огонь…’.

= Хет. INIM.IZI[…] или, скорее, KA.IZI ‘mouth of fire’ = ‘fire pit/location’, см. Süel & Soysal forthcoming.

79’. *put* и *putu*$^{?}$ ‘to be’, ‘быть’.

= Хет. *eš-*.

→Ср. сино-тиб. ***phɨw*** (~ **-i-**) ‘to appear’ > бирм. *paw* ‘to appear’, качин *po*^{1} ‘to appear’, киранти **b(h)ó(-ks)* ‘to be’.

Суффиксация в хаттском?

80’. *putu* или *put*$^{?}$ ‘to stretch (a sheep, lamb, kid) out (on a flat surface for sacrifice)’, ‘раскладывать на алтаре жертвенное животное’.

= Хет. *palzaḫai-*.

81’. *šaḫ* (также *taḫ*$^{?}$) ‘bad, evil’, ‘плохой, злой’.

= Хет. *idalu-*, ḪUL-*lu-*.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + абхаз.–абазин. композит).

82’. *šaip* (или даже *aip*) ‘to make good’, ‘делать хорошим’.

= Хет. SIG$_5$-*aḫḫ-*.

83’. *šafat* (*šāwa$_a$t*) или просто *fat* ‘apple-tree’, ‘яблоня’ или ‘apricot-tree’, ‘абрикосовое дерево’.

= Хет. ^{GIŠ}HAŠHUR ‘apple(-tree)’ или ‘apricot(-tree)’.

→Ср. сино-кавк. ***ʕämćő*** ‘a k. of fruit’ >

Сев.-кавк. ***ʕämćō*** ‘apple; medlar’ > нах. **ħamc* (~ *-ā-*) ‘medlar’, ав.-анд. **ʔimči* ‘apple’, цез. **ʔēš:* A ‘apple’, лак. *hiwč* ‘apple’, даргин. **hinc* ‘apple’, лезг. **ħämč* ‘apple’, хинал. *mɨč* ‘apple’, зап.-кавк. with *b*-prefix **bVc:^{w}V* ‘medlar’, хурр. *hinz-uri* ‘apple’/‘apricot’.

Сино-тиб. ***ćh(r)iəH*** (~ **ʑh-**) > кит. 柿 **ʑhrəʔ* ‘Diospyros, persimmon’, бирм. *ćhih* ‘the jujube, Zizyphus jujuba’.

Буруш. ***mićíl*** / ***bićíl*** ‘pomegranate’.

Баск. ***mahanć*** ‘grape’.

Несмотря на смысловое сходство, фонетическое соотношение между хаттской основой и сино-кавк. праформой остается совершенно неясным. Иванов 1985: №6 сравнивает хат. *fat* с некоторыми восточнокавказскими формами. В действительности же цитируемой Ивановым аварской формы *weč* ‘apple’, вероятно, не существует (правильная форма: *ʕeč*), а табасар. *wič* ‘apple’ является результатом позднего фонетического преобразования с лабиализацией начального ларингала < **ħäwč* < пралезгинское **ħämč*, и следовательно, не может быть сопоставлено с хаттским *fat* никаким образом.

Представляется более вероятным, что *šafat* было произведено от глагола *wet* ‘to be(come) sour/bitter’ [34], о префиксе *ša-* см. HWHT: 238. С другой стороны, можно подозревать и заимствование из зап.-кавк. **bVc:^{w}V* ‘medlar’, но хаттский префикс *ša-* остается в таком случае без объяснения.

Неубедительно Браун 1994: 20 (to зап.-кавк. **ç^{w}a* ‘apple’).

84’. $^{(D)}$*šaru*, $^{(D)}$*taru* ‘Storm-god’, ‘бог Грома’ (стандартное написание: *ša-a-ru* и *ta/da-a-ru*).

= Хет. ^{D}IM, ^{D}U.

→Выглядит странно, но данное имя божества может быть семитским заимствованием: семит. ***ŝaʕar*** > аккад. *šāru* (OAkk.+) ‘wind (also mythologized or even deified); air; breath’, др.-евр. (библ.) *ŝaʕar* ‘heavy gale’, *ŝəʕārā* ‘high wind’, *ŝʕr* ‘to be stormy’ (CAD Š2: 133 ff.; KB).[43] Теоретически хаттское написание плене может отражать зап.-сем. ʕ, а хаттское чередование *t~š* передавать сибилянтный латерал.

Альтернативное сравнение с семит. ***t̲awr-*** ‘bull, ox’ (аккад. *šūru*, угар. *t̲r*, др.-евр. *šōr* и т. д., см. SED 2: #241), о чем см. Klinger 1996: 147_{81} и Schwemer 2001: 126_{871}, менее удачно фонетически.

[43] Деир Алла *šr* ‘heavy rain’ (HJ: 1191), вероятно, этимологически относится к араб. *šrr* ‘to pour’.

85’. *šḫaf, šaḫaf* (*šḫap, šḫaw, šaḫap, šaḫaw*) ‘god’, ‘бог’.

= Хет. DINGIR(-*u*-).

→Иванов 1985: №37 & Chirikba 1996: 425 принимают старое (предложенное еще фон Месарошем) сравнение хаттской формы мн. ч. *fa-šḫaf* ‘боги’ с адыг.–кабард. и убых. композитами, образованными сложением зап.-кавк. **wa* ‘sky; god’ + **šʷəχʷa* ‘grey; powder’: адыг.–кабард. **wa-šχʷa* ‘небо’, убых. *wa-šχʷa* ‘гром и молния’ < *‘божественный порох’ (убых. слово не значит ‘бог’, см. Шагиров 2: 89 f.). Явно неудовлетворительно.

Иначе и неубедительно Браун 1994: 19.

86’. *šḫezni* ‘fox’, ‘лиса’.

= Хет. KA_5.A.

→Сино-кавк. ***chwōlə́** ‘fox’ (> сев.-кавк. ***chwōlə̆** (~ **-ă**) ‘fox, jackal’, сино-тиб. ***Criə̄** ‘leopard’, буруш. ***hal** ‘fox’) интересно, но соотношение сино-кавк. **l* ~ хат. *zn* необъяснимо.

87’. **šep* в редуплицированной основе *šep-šep* ‘footwear, shoes’, ‘обувь’.

= Хет. ^{KUŠ}E.SIR.

→Напоминает некоторые формы из семитских языков с «обувным» значением: сир. *šēpā* ‘scapus (caligae); mucro nasi’ и араб. *šabāt-* ‘chaque côté de la chaussure’, которые могут восходить к семит. ***ŝayṗ** ‘foot’ (аккад. *šēpu* ‘foot’ ~ сокотри *ŝab, ŝaf* ‘foot’ и другие языки MSA), см. SED 1: #269 с обсуждением.

С другой стороны, хат. *šep* напоминает сев.-кавк. ***māčVj** ‘boot, shoe’ (> нах. **māčVj*, ав.-анд. **maču(jV)* (~ *-o-*), лезг. **šʷVm(a)*) и осет. *mest-* ‘soft morocco footwear, чувяк’, турец. *mest*, груз. *mesṭi* и т. д. (см. Абаев 2: 112) — бродячее слово. Если этимология правильна, метатеза в хаттском (тот же процесс, что и в пралезгинском) произошла после регулярной анлаутной деназализации **m-* > **p-*.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + зап.-кавк.).

88’. *šezzit* ‘a k. of stone?’, ‘особый камень’.

=? Хет. *alḫari-* ‘(a k. of stone?)’.

89’. **(a)šne* ‘offering’, ‘жертвование’.

→Вычленяется из композитов *fula-šne* ‘bread offering’ и *tefu-šne* ‘libation’. Ср. также *fapu-šne* или *pu-šne* ‘etwas Nützliches’, *para-šni* ‘ein Gegenstand, der den Göttern zugeeignet ist’, *taḫafaiu-šni* или *faiu-šni* ‘etwas Nützliches’.

90’. *šul* ‘to let, to let in’, ‘пускать, впускать’.

= Хет. *tarna-*.

→Иванов 1985: №45 членит хаттскую основу как *š-u-l*, вычленяя гипотетический корень **-u-* и сравнивая хат. *šul* с убых. *čə̆a-wə-la* ‘to let, release exhaustively’, где *čə̆-* является превербом при глаголах движения (Vogt 1963: 104), *wə* — частотный глагольный корень ‘to enter, go’ (< зап.-кавк. **Ł^{w}V* ‘to enter’ < сев.-кавк. ***=ərɬ̲Ŭ** ‘to go, walk, enter’), а *-la* — регулярный суффикс окончательности действия. Вряд ли оправдано.

Неубедительно Браун 1994: 22: к зап.-кавк. глагольному корню **Ł^{w}V* ‘to enter’ (< сев.-кавк. ***=ərɬ̲Ŭ** ‘to go, walk, enter’), который отмечается в современных языках с различной превербацией.

91’. *šuf* (*šup*, *šuw*) ‘ox’, ‘бык’.

= Хет. GU_4.NITA.

→Напоминает некоторые семитские формы: аккад. *ṣuppu* ‘white sheep’ (OA+, OB+), угар. *ṣp* ‘white sheep’ (AHw: 1113; DUL: 787).

92’. *taḫalai*[*n*…] ‘liver’, ‘печень’.[44]

= ^{UZU}NÍG.GIG ‘печень’ или же *ḫuišu-* ‘сырой’.

→Формально сходно с семит. ***ṭiḥāl** ‘spleen’ (угар. *ṭḥl*, др.-евр. пост-библ. *ṭəḥōl* и т. д., см. SED 1: 248).

Иванов 1985: №49 сравнивает хаттскую основу с сев.-кавк. ***HläɁ̣V** ‘liver’, что неубедительно.

[44] Я предпочитаю здесь традиционный перевод ‘liver’ (см., напр., HEG T: 11), в то время как Сойсал (HWHT: 728) интерпретирует эту форму как прилагательное ‘raw, fresh’.

93’. ^{LÚ}*tagulrunail* ‘tent-man’, ‘шатерщик’.

= Хет. LÚ ^{GIŠ}ZA.LAM.GAR.

→Морфологически неясное образование.

94’. *talfit* (*talwi̯t*) ‘(a wooden part of building)’, ‘определенная деревянная часть постройки’.

= Хет. $^{(GIŠ)}$*ḫuimpa-*.

→Значение ‘засов’ представляется наиболее подходящим кандидатом для перевода $^{(GIŠ)}$*ḫuimpa-*, судя по известным нам хеттским контекстам (ср., напр., KBo 24.45 Vs. 22 ‘further they spray the temple top to bottom from the *ḫuimpa*’). Хаттская основа должна анализироваться как *talfi-* с суффиксом *-t*. Этот же корень *talf-* содержится в хаттском заимствовании в хеттском: *ḫattalu-* ‘bolt, lock’, где вычленяется хаттский именной префикс *ḫa-* (*ḫa-talu-)*.

Иванов 1985: №51 сравнивает хаттский корень с сев.-кавк. ***daro** ‘tree; conifer’ и с сев.-кавк. ***ṭwēlʔe** (~ **-ʔ-**) ‘stick; beam, cross-beam’. Оба сравнения недоказуемы.

95’. ^{LÚ}*tanišawa* ‘sceptre-bearer, herald’, ‘глашатай’.

= Хет. LÚ ^{GIŠ}GIDRU.

96’. *tariš* ‘horse$^{?}$’, ‘лошадь$^{?}$’.

=$^{?}$ ANŠE.KUR.RA.

97’. *tataet* или просто *taet* ‘new’, ‘новый’.

= Хет. *newa-*, GIBIL.

98’. *teatanna* ‘hit$^{?}$, broken$^{?}$’, ‘бить$^{?}$, ломать$^{?}$’.

=$^{?}$ Хет. *walḫant-*.

→Морфологически неясное образование.

99’. *tiuz, ziuz* ‘rock, stone block’, ‘скала’.

= Хет. ^{NA4}*piruna-*.

→Ср. *ziš* ‘mountain’.

100’. *tuḫul* ‘four pillars construction (an element of house)’, ‘четырехколонная конструкция’.
= Хет. 4-*aš šarḫuliuš*.

101’. *tuntu* ‘to bewitch’, ‘заколдовывать’.
= Хет. *uddaniya*-.

102’. *tufi* (*tupi*, *tuwi*$_i$) ‘fear, fright’, ‘страх’.
= Хет. *naḫšaratt*-.
→Тот же корень, что и *tafa* ‘fear’ [53]?

103’. *tur* ‘to hit, strike’, ‘ударять’.
= Хет. *walḫ*-.

104’. ^{LÚ}*tušḫafadun tanišawe* ‘(ein Angestellter bei Hofe)’, ‘определенная должность при дворе’.
= Хет. ^{LÚ}GAD.TAR.
→Ср. ^{LÚ}*tanišawa* ‘sceptre-bearer, herald’ [95’].

105’. ^{LÚ}*tuttušḫiyal* ‘(ein Angestellter bei Hofe)’, ‘определенная должность при дворе’.
= Хет. ^{LÚ}*duddušḫiyalla*-.

106’. *tuwaḫši* ‘wall?’, ‘стена?’.
=? Хет. *kutt*-.

107’. *uk*, союз ‘as, just as’, ‘как только’, возможно, также и относительное местоимение ‘what’, ‘что’.
= Хет. GIM-*an*, ? *kuit*.

108’. *upala* ‘cut of cloth’, ‘отрез материи’.

= Хет. ^{TÚG}*kureššar*.

109’. *ur* or *uri* ‘spring, well’, ‘ключ, родник’.

= Хет. PÚ.

→Ср. сино-кавк. ***ħwirɨ́*** ‘water, lake’ >

Сев.-кавк. ***ħwirɨ*** ‘lake, pond’ > ав.-анд. **ʔin-ħ^{w}VrV* ‘lake, pond’, лак. *baIr* ‘lake, pond’, даргин. **ħeru-ķ* > **ħerķ^{w}* ‘river’, лезг. **ʔ^{w}ir* ‘lake, pond’.

Сино-тиб. ***ri(a)j*** ‘water’ > бирм. *rij* ‘water’, качин (H) *numra* ‘water’.

Енис. ***xur***$_1$ ‘water’ > кет. *ūĺ*, юг. *ur*, котт. *ūl*, арин. *kul*, пump. *ul*.

Буруш. ***hurV́-*** ‘wet; becoming wet, overripe; juice of overripe fruits; wave, stream, whirlpool’.

Хотя судьба сино-кавк. анлаутного **ħw-* (как, впрочем, и **ħ-*) в хаттском неизвестна, исходя из общих соображений можно было бы ожидать в данном случае хат. *ḫu-* (виртуальное хат. ***ḫVr*) — ср. енис. **x-*.

С другой стороны, ср. сино-тиб. ***[Pŭ]r*** ‘to gush forth, jet’ (> кит. **瀆** **bər* ‘gush forth’, **濮** **pərs* ‘source, spring, gush forth’, бирм. *panh* ‘to jet, gush forth’, качин *прип*[1] ‘a spring’, (H) *kəpun* ‘to spring, well’), но утрата **P-* в хаттском остается без объяснения.

Chirikba 1996: 426 альтернативно сопоставляет хат. *ur* с зап.-кавк. **ɤ́I^{w}arə* ‘stream, torrent’ (абхаз.–абазин. **ʕ^{w}arə*, адыг.–кабард. **ɯarə*), что фонетически не лучше, здесь следовало бы ожидать хат. *ḫ-*. Вост.-кавк. этимоны зап.-кавк. **ɤ́I^{w}arə* не ясны (Caucet.dbf и Abadet.dbf не включают данной зап.-кавк. праформы), но можно было бы подумать о связи с сев.-кавк. ***ʁHwadVrV*** ‘river, stream’ (> нах. **ʔadurV*, ав.-анд. **ʁador(V)*, лак. *aItara*, даргин. **q:I(^{w})art:*), если предположить нерегулярное выпадение срединного шумного в зап.-кавк. форме.

Неубедительно Браун 1994: 20 (хат. + абхаз.).

110’. *urana* ‘angular?’, ‘угловатый?’.

=? Хет. *tatrant-*.

111’. *ure, uri* ‘strong, forceful, vigorous’, ‘сильный, мощный’.

= Хет. *innarawant-*.

→Напоминает хет. *ura/i-* ‘great’, иер.-лув. *u-ra/i-* ‘great’, клин.-лув. *ura-nnu-* ‘to make great’, *ura-zza-* ‘great’; таким образом, теоретически может быть хаттским заимствованием в анатолийских или же наоборот — анатолийским заимствованием в хаттском.

112’. *zar* ‘sheep’, ‘овца’.

= Хет. UDU(-*u*).

√ Енис. ***sēr$_1$e*** ‘deer’ > кет. *śɛ́l*[4], юг. *sɛːʰr*, котт. *šeli*, **šele*, **šeĺe*,[45] арин. *sin*, пумп. *sálat*.

→Не слишком надежное сравнение. Хотя семантический сдвиг ‘овца’ > ‘олень’ представляется естественным для культуры енисейских народов, у нас нет никаких свидетельств, что оленеводство было исконно у енисейских племен. По крайней мере относительно кетов мы знаем, что оленеводство было ими заимствовано у селькупов и ненцев только в недавнем прошлом (*Долгих* 1934: 78 ff.), до этого же кеты представляли собой общество охотников-собирателей. Во-вторых, если коттское значение действительно ‘wild animal’, этот факт может может вскрывать другой процесс семантического развития в енисейской семье.

Ср. Sccet.dbf #697 ***s̲VrV́** (?), где енис. форма сравнивается с сев.-кавк. ***mus̲VrV** ‘goat (wild or domestic)’. Семантически удовлетворительно, но статус элемента **mu-* неясен.

Неубедительно Иванов 1985: №69, который сопоставляет хат. *zar* с неясным нах. **ʔustiʁ-* ‘ram’ (чечен. *üstaʁ* ‘ram (one and more years)’ и т. д.), не имеющим сев.-кавк. этимологии.[46]

---

[45] Castrén 1858: 213 переводит эту коттскую форму на немецкий как ‘Wild’ (повторено в Werner 2002 2: 183 и Yenet.dbf: ‘wild animal’), что выглядит как ошибочная интерпретация русского ответа информанта, т. к. во многих русских диалектах Сибири прилагательное *дикий* субстантивируется со значением ‘олень’ (как дикий, так и одомашненный). Это касается и русского языка современных кетов (А. *Давлетшин*, устное сообщение).

Chirikba 1996: 426 сравнивает хаттскую форму мн. ч. *fa-zar* с зап.-кавк. **wasa* ‘price; bride price; sheep’, что неприемлемо. Традиционно зап.-кавк. **wasa* ‘price’ рассматривается как индоевропейское заимствование (С. Старостин 1988/2007: 334 f. предполагает противоположное направление заимствования: зап.-кавк. > и.-е., что менее правдоподобно, с моей точки зрения).

Браун 1994: 20 (поддержан в Chirikba 1996: 426) неубедительно сравнивает хат. *zar* с абхаз.–абазин. **ʒ́ə-* ‘goatling’ (sg. **ʒ́ə-śə,* collect. plur. **ʒ́a-ra*), которое происходит из зап.-кавк. **ź*^{w}*ə* (его адыг.–кабард. этимон: **źa-jə* ‘young, small’, используется только как элемент композитов) < сев.-кавк. ***ç̆ŭhnV̄*** ‘goat’. Хотя абхаз.–абазин. суффикс коллективной множественности **-ra* имеет очевидные вост.-кавк. параллели (нах. plur. **-r*, ав.-анд. plur. **-r-* и т. д.), сравнение хат. *zar* с абхаз.–абазин. **ʒ́a-ra* ‘goatlings’ выглядит типичной этимологией «bringen Sie» (см. 2.1.2 выше).

113’. *zar* or *zaraš* ‘to exclaim, cry out’, ‘восклицать, выкрикивать’.

= Хет. *ḫalzai-, kalleš-*.

→Браун 1994: 21 & Chirikba 1996: 422 сравнивают хат. *zar(aš)* с зап.-кавк. **ç̣ərə* ‘to chirp, squeak, cheep, peep’ и абхаз.–абазин. **ç̣arə*/**ç̣ərə* ‘to shout, yell, howl’, что теоретически возможно, но не обязательно ввиду слишком общей семантики.

114’. *zari*, *zari-l*, *zare-l*, ‘mortal, human being’, ‘смертный, человек’.

= Хет. *dandukeššar*.

→Иванов 1985: №70 сравнивает хат. *zari* с пранахским композитом **sṭ-aḳ* ‘person, man’ (< сев.-кавк. ***ćwĭjo*** ‘man, male’ + ***HĭrḳwĔ*** ‘man, person’), что неубедительно.

---

[46] Связь нах. **ʔustiʁ-* с зап.-кавк. **wasa* ‘price; sheep’, принимаемая, напр., в С. Старостин 1988/2007: 334 f., весьма сомнительна; при публикации NCED эта сев.-кавк. этимология была отброшена.

115’. *zel, zil* ‘to cry[?], wail[?]’, ‘плакать[?], стенать[?]’.

=[?] Хет. *wai-*.

116’. *zi* ‘?’, в композите *zi-fin* ‘grandchild, descendant’, ‘внук, правнук’ (см. *fin* ‘child, son’ [72’]).

117’. *zilat* (возможно, также *dilat, tilat, zelaš, zilas*) ‘chair; throne[?]’, ‘кресло; трон[?]’.

= Хет. ^{GIŠ}ŠÚ.A.

→Оба сравнения, предлагаемые в Иванов 1985: №74, неубедительны: кабард. *ṣa-t* ‘support, stand, prop’ (вероятно, от корня *ṣa-* ‘bottom; under (preverb)’ < зап.-кавк. **ʎV* ‘bottom, lower part; under (preverb)’ < сев.-кавк. ***Нʎŏnŭ*** ‘bottom’) и загадочное вост.-кавк. **ʔV̄ḳ:V* ‘prince’ (приводимое без ссылок).

118’. *zinar, zinir* ‘a k. of musical instrument, lyre’, ‘лира определенного типа’ (“Ištar-instrument”); также функционирует как команда ‘Музыка!’

= Хет. $^{GIŠ(.D)}$INANNA.

→Заимствовано в хеттский как *zinar* ‘a k. of lyre’, аккад. *zannaru* (почти исключительно только в OB/NB лексических списках) ‘a k. of lyre’, армян. *ǰnar* ‘harp’.

Связь этого термина с широко распространенным ближневосточным культурным словом *kin(n)ar* ‘a k. of harp’ дискуссионна (ср. Иванов 2009: 8 слл. с лит.; о *kin(n)ar* см. Franklin 2006 с лит.). Наиболее древние фиксации *kin(n)ar* отмечаются в западносемитских языках: эбл. *gi-na-rúm* = шум. BALAG, др.-евр. (библ.) *kinnōr* ‘staff-zither’, др.-арам. *knr* ‘lyre’, угар. *knr, kinaru* ‘harp, lyre’ и т. д. (см. KB; HJ: 520; DUL: 450 f.). Из этого источника термин был заимствован в аккад. (Mari, RS) *kinnāru* ‘a k. of lyre’, хет. ^{LÚ}*kinar-talla-* ‘singer, musician’, хурр. (Bogh.) ^{LÚ}*kinnaruḫuli* ‘musician’, егип. (Новое царство) *knnr* ‘lyre’, др.-греч. (LXX) κἰνύρα [ŭ] ‘a stringed instrument played with the hand’, армян. *k‘nar* ‘a musical instrument played by plucking’, вероятно, др.-инд. (очень поздно) *kiṁnarā* ‘a k. of stringed instrument’, ср.-тамил. *kiṇṇaram* ‘a k. of lute’ и т. д. Конечно,

очень похоже на то, что хат. *zinar* продолжает то же бродячее слово, однако переход *ki* > *zi* невозможно объяснить внутри хаттского.[47] В сущности, единственный территориально близкий язык, который может подозреваться в таком фонетическом переходе, это лувийский, где и.-е. **k'* > анатол. **k'* > лув. *z*. Таким образом, хат. *zinar* может рассматриваться как лувийское заимствование. Ряд соображений, однако, противоречит такой интерпретации. Во-первых, *zinar* оказывается единственным известным надежным лувийским заимствованием в хаттском (о *tafarna* [52] см. выше). Во-вторых, мы не обнаруживаем никаких следов виртуального лув. ***zinar* (равно как и ***kinar*) в известном лувийском корпусе. В-третьих, виртуальная лув. форма ***zinar* оказывается единственным примером, где заимствованное *ki* палатализуется в лув. *zi*.[48]

Иванов 1985: №75 (поддержан в Chirikba 1996: 427) сравнивает хат. *zinar* с адыг.–кабард. **pč̌:əna* 'non-percussion musical instrument (in general)'[49] (адыг. *pšəna*, кабард. *pšəna* 'accordion; kinds of stringed, bow and wind instruments (in compounds)'), чьи внутренняя структура и зап.-кавк. этимология неясны. Хотя это хат.–зап.-кавк. сравнение является одним из главных аргументов Иванова в пользу хат.–зап.-кавк. генетического родства,[50] очевидно, что генетическое родство не может устанавливаться на подобной культурной лексике. Можно, однако, предположить, что адыг.–кабард. **pč̌:əna* отражает этот же бродячий термин, оформленный частотным зап.-кавк. префиксом **pə-* (старый классный показа-

[47] Вопреки Иванов 2009, фонетическая и морфонологическая системы хаттского языка не имеют никаких указаний на подобный процесс палатализации.

[48] За исключением еще более сомнительного лув. *parza* 'iron ore', о котором см. *ḫapalki* [12'] выше.

[49] К инвариантному значению **pč̌:əna* ср., напр., Paris & Batouka 1/1: 631 ('musical instrument (in general)').

[50] В своей недавней статье Иванов 2009: 8 ссл. соглашается с миграционным характером адыг.–кабард. основы.

тель?) с падением ауслаутного *-r*[51]. Противоположное направление заимствования (празападнокавказский > хаттское *zinar*) невероятно:

a) и адыг.–кабард. **pčˇ:əna*, и адыг.–кабард. падежный показатель абсолютива **-r* не имеют зап.-кавк. (равно как и сев.-кавк.) этимологии;

b) суффикс *-r* не является продуктивным в хаттском, он отмечен только в нескольких застывших основах (*ḫukur* ‘to see’ [13], *zeḫar* ‘wood’ [64], возможно, *tafarna* ‘lord’ [52]).

Далее Иванов 1985: №9 сравнивает хат. композит *ḫun-zinar* ‘great? lyre’ (см. *ḫun* [16’] выше) со стандартным староадыгским композитом *pšˇəna-šx*^{w}*a* ‘a k. of big musical instrument’, предполагая обратный порядок элементов в хаттской форме, однако адыг. *-šx*^{w}*a* ‘big’ (< адыг.–кабард. **-čx*^{w}*a* < зап.-кавк. **č*^{w}*əχ*^{w}*a* ‘big; strong’ < сев.-кавк. ***ç̣̆HəqwV*** ‘big’) не может быть сопоставлено с хат. *ḫun* никаким образом. Во-вторых, известный хаттский композит *ippi-zinar* ‘small? lyre’ сопоставляется в Иванов 1985: №13 с адыг.–кабард. **ʔapa-pčˇ:əna* ‘a k. of hand musical instrument’ ((ст.-)адыг. *ʔapa-pšˇən*, кабард. *ʔapa-pšəna* ‘a k. of lyre or accordion’), где адыг.–кабард. **ʔa-* — первый элемент адыг.–кабард. **ʔa-pa* ‘hand, finger’ — восходит к зап.-кавк. **q̇́Ia* (~ **q́:Ia*) ‘hand’ (< сев.-кавк. ***q̣w[ā]ɬʔV̆*** ‘arm; bosom, armpit’)[52]. Сопоставление хат. *ippi* и адыг.–кабард. *ʔa-pa* остроумно, но неудовлетворительно фонетически.

119’. *zipaḫ* ‘a k. of knife?’, ‘нож определенного типа?’.
=? GÍR.

---

[51] Последний согласный в хат. *zinar* мог быть при заимствовании интерпретирован как адыг.–кабард. окончание абсолютива **-r*.

[52] Вопреки Caucet.dbf & Abadet.dbf, адыг.–кабард. **ʔa-pa* ‘hand, finger’ вряд ли может быть отделено от убых. *q̇ā-ṗá* ‘hand’ и таких композитов, как зап.-кавк. **ƛ̀a-ṗV* ‘foot’, абхаз.–абазин. **na-ṗə* ‘hand’. Далее к зап.-кавк. **ṗV* ‘extremity’ (< сев.-кавк. ***HaṗV̆*** ‘paw, extremity’), несмотря на нерегулярное развитие зап.-кавк. **ṗ* > адыг.–кабард. **p* (вероятно, вторичная диссимилятивная деглоттализация ***ʔa- ṗa* > **ʔa-pa*, как и в некоторых других похожих случаях).

120’. *zifi-kuka* (*zipikuka, ziwe̯kuka*) ‘posterity, descendants’, ‘потомство, наследники’.

= Хет. *ḫašša- ḫanzašša-*.

→Сложение основ *zifin* ‘grandchild’ [121’] + *kuka* ‘seed?’ [36’] с регулярным упрощением *nk* > *k*.

121’. *zifin* (*zipin, zipen, ziwi̯n*) ‘grandchild, descendant’, ‘внук, правнук’.

→Сложение *zi* ‘?’ + *fin* ‘child, son’ [72’].

122’. *zizintu, zizentu* ‘posterity?, seed?’, ‘Nachfolger?; Samen?’, ‘потомство?, семя?’.

= Хет. ÉRIN.MEŠ UZU.GÉŠPU ‘Truppen der Körperstärke’.

123’. *zuḫ* ‘clothing, garments’, ‘одежда, платье’.

= Хет. TÚG.

→Иванов 1985: №78 приводит загадочное сев.-кавк. ***čoqajV*** ‘clothing, garments’ без ссылок.

124’. *zulufe* (LÚ*zuluwe*$_e$) ‘table man’, ‘стольник’.

= Хет. LÚ GIŠBANŠUR.

6. Хаттско–сино-кавказские сравнения грамматических морфем

6.1. Хаттские грамматические морфемы с надежными сино-кавказскими этимонами

69. *-a*, императив (слот 1).

√ Сев.-кавк. *-**V**, императив > нах. *-*V*, *-∅*, ав.-анд. *-*o*, цез. *-*V*, лак. *-∅*, *-a, -i, -u*, даргин. *-*V*, лезг. *-*V*, хинал. *-∅*, *-ä, -i*, зап.-кавк. *-∅*.

70. *aš-/iš-*, мн. ч. в аккузативе.

√ Сев.-кавк. ***-š:w**, мн. ч. > нах. *-*ši* ‘plural’, цез. *-*š(:)* ‘plural direct stem marker’, лезг. *-*š* ‘oblique stem plural’, хурр.-урарт. *-aš* ‘plural suffix’.

71. *ḫa-*, именная и глагольная (слот −3) морфема с локативным (‘в, к’) и дативным значением.

√ Сев.-кавк. ***-χV**, ad series > нах. *-*x* ‘inessive I, (adj.) comparative’, ав.-анд. *-*χ* ‘ad series’, цез. *-*χV* ‘ad series’, хинал. -*χ* ‘inessive 1 (“about”)’.

Альтернативно к сев.-кавк. ***-G̲V** ‘ad close / in series’ > нах. *-*в* ‘terminative (causative) case; inessive I, (adj.) comparative’, цез. *-*qV* ‘ad close/vertical series’, даргин. *-*вI* (~ -ʕ-) ‘ad series’, лезг. *-*q:I* ‘in filled series’, зап.-кавк. **q:Ia-* ‘lative preverb (towards the speaker)’. Так Браун 2002: 55 (хаттский + зап.-кавк.).

Альтернативно к зап.-кавк. **xa-*, preverb ‘super; inter’ (так Иванов 1985: 33; Браун 2002: 55; Chirikba 1996: 413).

72. *ka-*, именная и глагольная (слот −2) морфема с локативным, аблативным и дативным значением.

√ Сев.-кавк. ***-k-** / ***-g-** ‘some locative series’ > нах. *-*go* ‘ad series’, ав.-анд. *-*g* (= *-*k*?) ‘elative; super series’, лезг. *-*k* ‘lateral series’, хинал. -*ko-li* ‘lative’, урарт. -*kai*, -*kā* ‘prelative’, зап.-кавк. ***ḱ**^{w}*ə-* / ***ǵ**^{w}*ə-* preverb ‘super; ad, close to’. Вероятно, две разные морфемы (***-k-** vs. ***-g-**), но трудноразличимые в современных языках.

Енис. ***-ka** ‘locative case’ > кет. -*ka*/-*ga*/-*γa* ‘locative’, юг. -*kej*/-*gej* ‘locative’ (Werner 2002 1: 402 f.), котт. -*ga* ‘dative’ (Castrén 1858: 34 ff.). Енис. ***k-** ‘verbal preverb’ > кет.–юг. *k(i)-*, котт. *h-* (Г. Старостин 1995: 168; Решетников 1999: 471 f.). Хотя синхронное значение преверба в описанных енисейских языках не устанавливается, этимологическое сравнение глагольного преверба и локативного суффикса выглядит надежным.

→Chirikba 1996 и Браун 2002: 55 предлагают некоторые альтернативные зап.-кавк. этимоны для хаттской морфемы.

73. *le-* ‘his’, притяжательное проклитическое местоимение 3-го лица ед. ч. (видимо, одушевленный посессор муж. пола, что противопоставлено проклитическому местоимению *še-/te-* ‘ее, этого’).

√ Зап.-кавк. **l-* (только абхаз.-абазин.), классный показатель женской принадлежности ‘ее’ и показатель женского субъекта ед. ч.

Енис. ***da*** ‘his’, ***di*** ‘her’, притяжательное местоимение 3-го лица ед. ч.; *-***du** ‘he’, *-***də** ‘she’, субъект ед. ч. (см. Г. Старостин 1995: 148, 153; Решетников 1999: 348, 462 f.).

→Иванов 1985: 29 (хат. + зап.-кавк.).

Енис. **d-* в проклитических посессивных формах может объясняться как **l-* с регулярным анлаутным развитием **l-* > **d-*. Энклитический статус субъектных показателей, по всей видимости, вторичен.

74. *-n*, генитив. Дативное значение стандартно выражается предлогами вроде *ḫa-* и под. + опционально генитивное окончание *-n* (подробнее см. Soysal 2010).

√ Сев.-кавк. *-**nV** ‘genitive’ > нах. *-*n* ‘genitive; adjective and participial suffix; infinitive’, ав.-анд. *-*nV* ‘ablative; translative’, лак. *-n* ‘dative I, lative, infinitive’, лезг. *-*n* ‘genitive; elative; temporal; suff. of adjectives and participles; terminative; ergative’, зап.-кавк. *-*nə* ‘ergative and general indirect case; possessive case; transformative case’.

75. *fa-*, глагольная морфема (слот −7), 1-е лицо ед. ч. субъекта, ‘я’.

√ Сино-кавк. ***ŋV*** ‘I’ >

Сев.-кавк. ***nǐ*** ‘I’ (1st pers. pronoun) > лак. *na*, даргин. **nu* (не очень надежная изоглосса).

Сино-тиб. ***ŋā-*** ‘I, we’ > кит. 吾 **ŋhā* ‘I, we’, 我 **ŋhājʔ* ‘my, me’, 言 **ŋhan* ‘I, we’, 卬 **ŋhāŋ* ‘I, me’, тиб. *ŋa* ‘I, we’, *ŋan* ‘we’ (C), *ŋed* ‘I, we’, (*d*)*ŋos* ‘I, we, self’, *ŋaŋ-ma* ‘self, own’, бирм. *ŋa* ‘I’, качин *ŋai*[1] ‘I’, лушаи *ŋei* ‘self’, лепча *kă* ‘I’, киранти **ʔòŋ* / **gòŋ* ‘I’.

Енис. ***b-*** (***ʔab-***) / ***aŋ*** ‘my’ (attr.) > кет. *āp*, юг. *ap*, котт. *m-inšo*, *an-še*, арин. *b(i)-*; ***ba-*** / *-***aŋ** 1-е лицо ед. ч. объекта > кет. *b-*, котт. *-aŋ* (Решетников 1999: 357, 461 ff.).

Буруш. ***a-** ‘I’, 1st p. sg. pronominal prefix.

Баск. ***ni** ‘I’.

→По всей видимости, хаттский показывает то же развитие анлаутного **ŋ-*, что и праенисейский: **ŋ- > *m- > *P-*.

76. *fa-/fi-*, мн. ч. номинатива и косвенных падежей.

√ Сев.-кавк. ***-bV** (~ **-i**, **-e**, **-a**), plural > нах. **-bi*, ав.-анд. **-b-*, цез. **-bV*, даргин. **-bi*, лезг. **-b-*, хинал. *-be-r*.

→Альтернативно хат. проклитика *fa-/fi-* может сопоставляться с енис. показателем мн. ч. **-ŋ-* (как в имени, так и в глаголе), если для хаттского принимать развитие **ŋ- > *m- > *P-*.

В. А. Дыбо (устное сообщение) предложил сравнивать хат. *fa-* с убыхским *w-*, именным проклитическим показателем мн. ч. объекта, который появляется только в комбинации с проклитическими посессивными местоимениями: *ɣa-čʼə* ‘его лошадь’ ~ *ɣa-w-čʼə* (> *ɣō-čʼə*) ‘его лошади’, *sə-tʷ* ‘мой отец’ ~ *sa-w-čʼə* (> *sō-čʼə*) ‘мои лошади’, *šʼə-tʷ* ‘наш отец’ ~ *šʼa-w-čʼə* (> *šʼō-čʼə*) ‘наши лошади’ и т. д. (Vogt 1963: 175, 189, 223). Конечно, морфосинтаксически убыхская цепочка POSS-PL-ROOT идентична хаттским посессивным конструкциям вроде *te-fa-katti* ‘ее <страны́> цари’ (3SG.POSS-PL-царь), однако эта черта убыхского языка, кажется, не находит никаких параллелей внутри западнокавказской семьи, следовательно, вряд ли может привлекаться как надежная этимология.

Дьяконов 1967: 173 (поддержан в Chirikba 1996: 415) некорректно сравнивает хат. *fa-/fi-* с абхаз. *-wa* (показатель мн. ч. одушевленного класса). В действительности же абхаз. *-wa* образует названия племен, причем как в ед. ч., так и во мн. ч., см. Hewitt 1979: 149.[53]

77. *we* ‘ты’ (личное местоимение 2-го лица ед. ч.), *u-* ‘твой’ (притяжательное местоимение 2-го лица ед. ч.), *u-p-* ‘ваш’ (притяжательное местоимение 2-го лица мн. ч.), *u-* ‘ты’ (2-е лицо ед. ч. субъекта).

[53] Как было справедливо указано Чирикбой, эта абхаз. морфема восходит к зап.-кавк. корню **wV* ‘person; people, persons’.

√ Сино-кавк. *__wV__ ‘thou’ >

Сев.-кавк. *__uō__ ‘thou’ (2nd p. pr.) > нах. **waj* ‘we (incl.)’, ав.-анд. **mi-n* ‘thou’ (2nd p. pr.), цез. **mə* ‘thou’ (2nd p. sing. pronoun), лак. *wi-* ‘thou’ (obl. stem), лезг. **uo-n* ‘thou’ (2nd p. pr.), хинал. *wɨ* ‘thou’ (2nd p. pr.), зап.-кавк. **wA* ‘thou’ (2nd p. pr.), хурр. *we* ‘thou’.

Енис. *__ʔaw__ (/*__ʔu__) ‘thou’ > кет. *ū*, юг. *u*, котт. *au*, арин. *au*, пумп. *úe*.

Буруш. *__u-n__ ‘thou’.

78. *ta-*, глагольная морфема с локативной семантикой ‘в’ (слот −4).

√ Зап.-кавк. преверб **tV-* ‘in; super’.

→Сравнение предложено в Иванов 1985: 33; Браун 2002: 55; Chirikba 1996: 413.

79. *te-*, глагольная морфема (слот −8), оптатив.

√ Сев.-кавк. *__-dV__ ‘conditional, desiderative’ > ав.-анд. **-dV-* ‘desiderative; conditional’, цез. [**-da*] ‘conditional’, лезг. **-da*, **da-ħVnV* ‘concessive; temporal gerund; past conditional; conditional; future; desiderative’, зап.-кавк. **-da* ‘desiderative; real conditional’.

80. *tu- ~ šu-*, глагольная морфема, вероятно, косвеннообъектный рефлексив (‘для себя’), а не интенсив. Слот −6.

√ Сино-кавк. *__[č]V__ (~ __št-__) ‘self’ >

Сев.-кавк. *__č[ŭ]__ ‘self, oneself (3rd–4th class)’ > лак. *cu* ‘self, oneself’, даргин. **če-* / *ču-* ‘(one)self (reflex. pronoun)’, лезг. **-ič(ʷ)* ‘self, oneself (reflexive pronoun)’, зап.-кавк. **čʷə-* ‘for oneself (prefix of the subject version)’.

Сино-тиб. *__śəj__ ‘private, oneself’ > кит. 私 **səj* ‘private, oneself’, тиб. *śe*, *śe-dag*, *śa-sdag* ‘for oneself only, only, privately’.

6.2. Некоторые хаттские грамматические морфемы с сомнительными сино-кавказскими этимонами

В данном разделе не приводятся все хаттские служебные морфемы, не имеющие надежной сино-кавказской этимологии. В частности, список не включает в себя морфемы-фантомы[54] и морфемы, чье значение или функция были неправильно поняты предшествующими этимологистами.

125'. *-(a)ḫ*, именной суффикс, вероятно, обозначающий лиц женского пола (отмечен в *katta-ḫ* 'queen' [17], в двух эпитетах богини Солнца *ka-aš-paru-ya-ḫ* 'source of light' [33] & *leli-ya-ḫ* 'source of light' [23] и, возможно, в имени богини ^{D}*zintuḫi*; далее см. HWHT: 208; представляется, что сойсаловский суффикс *-aḫ*$_2$ репрезентирует ту же морфему со значением женского рода).

→Иванов 1985: 37 (поддержан в Chirikba 1996: 415) сравнивает хат. *-aḫ* с зап.-кавк. **χ́^{w}A* 'woman' (вычленяется из таких сложных основ, как зап.-кавк. **pə-χ́^{w}A* 'daughter' и под.; восходит к сев.-кавк. ***qwă̈nV*** 'woman'), что выглядит весьма искусственно.

126'. *-i*, местный падеж.

√ Сев.-кавк. *-**Hi**, dative(?) > ав.-анд. *-*jV* 'dat.; dat. anim.; infinitive', цез. *-*V(j)* 'erg.; dat.; infinitive', лак. *-j-nu*, *-ija* 'instrumental; deverbative nominal suffix', даргин. *-*Hi* 'ergative; instrumental', лезг. *-*i* (*-Vj*) 'deverbative nominal; masdar', хинал. *-i(j)* 'ergative / genitive; infinitive'.

→Сравнение возможно, но не обязательно.

---

[54] Пример. Иванов 1985: 34 постулирует хаттский каузативный префикс *ka-*, обнаруживающийся в хат. *ḫakazuel* 'кравчий' (по Иванову: *ḫa-ga-zu-el* от корня *zu* 'to drink', который, однако, не зафиксирован в каких-либо других образованиях), и сравнивает *ka-* с абхаз.–абазин.–убых. каузативным префиксом **ʁa-*. В действительности же *ḫakazuel* 'кравчий' [6'] произведено от хат. существительного *kazue* 'bowl' [32'], которое в свою очередь было заимствовано из аккадского (аккад. *kāsu* 'bowl' с надежной семитской этимологией). Фонетически сравнение хат. *k* с зап.-кавк. **ʁ* также неудовлетворительно.

127’. *la-*, неясная именная морфема, вероятно, с локативной семантикой (‘на’), часто употребляется с локативной морфемой *ka-*: *ka-la-* (HWHT: 228).

√ Сев.-кавк. ***ƛ̲i*** ‘below, down’ (наречная основа) > нах. **ḳa-l(e)* ‘down, below’, ав.-анд. **-ƛ̣:i* ‘locative suffix (series Sub)’, цез. **ƛɨ-*, **-ƛ* ‘down, below; locative suffix (series Sub)’, лак. *luw*, *-l-* ‘down, below’, даргин. **-γ(u)-* ‘sub series’, лезг. **ƛ̣:i-*, **-ƛ̣:* ‘below, down; locative suffix (Sub series)’.

→Можно отметить сходство между хат. *ka-la-* и нах. **ḳa-l(e)*.

Альтернативные сопоставления с локальными превербами в зап.-кавк. языках (убых. и/или абхаз.–абазин.) см. Chirikba 1996: 414, Браун 2002: 55. Нужно иметь в виду, что Чирикба и Браун предлагают свои этимологии не для именного *la-*, а для глагольной морфемы ***li-* (некритически следуя старой интерпретации Форрера), которой в хаттском не существует.

128’. *fe-*, именной префикс с аллативным/иллативным значением.

→Chirikba 1996: 414 сравнивает хат. *fe-* с убых. превербом *wa-* ‘in(to) the mass, amidst smth. to smbd.’, однако убых. морфема обладает надежными этимонами: абхаз.–абазин. **la-* / **lə-* < зап.-кавк. **Ł^{w}a-* ‘preverb inter’ < сев.-кавк. **-**ƛ̲**-* ‘in filled series’, что делает хат.–зап.-кавк. сравнение фонетически непремлемым.

Браун 2002: 56 сравнивает хат. *fe-* с зап.-кавк. **p^{w}A* ‘nose’ (< сев.-кавк. ****pŭrV*** ‘part of face under the nose; nose’), имеющим дополнительное значение ‘front’ в некоторых зап.-кавк. языках и функционирующим как преферб ‘before, in front of’. Маловероятно как семантически, так и фонетически.

129’. *t-*, может являться показателем прямого объекта мн. ч.(?) в глагольной словоформе (слот −5), однако, в реальности статус и функция этой морфемы не установлены.

√ Зап.-кавк. **d-*, показатель одушевленного объекта ед. ч. (реконструируется только для абхаз.–абазин. уровня).

130’. **tV ~ šV* в *taš- ~ šaš-* и *teš- ~ šeš-*, глагольный показатель прохибитива (слот −9).

√ Сев.-кавк. ***ʒ́ə̆** / ***ʦ́ə̆**, negative particle >

Сино-кавк. ***ʒ́ə̆** / ***ʦ́ə̆**, negative particle > нах. **ca* ‘not’, ав.-анд. **-ʦ̌i*, цез. **-ʦ̌*, лезг. **č:V*.

Баск. ***es** ‘not’.

→Природа второго элемента (*-š*) хаттской морфемы неясна. Фонетическое соответствие сино-кавк. **ʒ́*/**ʦ́* ~ хат. /č/ кажется несколько странным.

131’. *zi-*, именной показатель с аблативной семантикой (напр., ‘сверху вниз’), *za-* глагольная морфема (слот −4) с каким-то локативным значением.

→Ср. зап.-кавк. **ʎ̣V* ‘bottom, lower part; under (preverb)’ (> абхаз.–абазин. **ʦa-* ‘under’, **ʦə-* ‘from down’, адыг.–кабард. **ʦ̌a-* ‘under’, убых. *-ʦ́a* ‘bottom, lower part’ и т. д.), происходит из сев.-кавк. ***Hʎ̣ŏnŭ** ‘bottom’. Сравнение предложено в Браун 2002: 55 и Chirikba 1996: 414. Фонетически неприемлемо.

7. Контакты с соседними языками

Как хорошо известно, хаттский был донором нескольких десятков терминов, связанных с институтом царской власти, отправлением культа и технологией производства, для хеттского (см. Goedegebuure 2008: 146 f. с предыдущей литературой) и палайского, однако не для известного лувийского. Напротив, ни одного бесспорного анатолийского заимствования в хаттском до сих пор не обнаружено: наиболее подходящий кандидат здесь — это хат. слово *zinar* ‘a k. of lyre’ [118’], которое теоретически может быть заимствовано из не дошедшего до нас центрально- и североанатолийского диалекта лувийского языка. Вторым кандидатом является широко обсуждаемый хаттский термин *tafarna* ‘lord (vel sim.)’ [52] вместе с параллельным женским титулом *tawananna* ‘lady’ [52], однако я утверждаю, что у нас нет никаких указаний на то, что эти слова представляют собой лувийские или хеттские образования.

Кроме лексических заимствований, необходимо упомянуть о двух фонетических процессах, разделяемых хаттским и хеттским языками. Первая такая изоглосса — это ассибиляция /ti/ > /t͡si/, см. выше 4.2.2.2–3. Вторая изоглосса — это диссимиляция /uu̯/ > /um/, см. выше 4.2.2.1.

В отличие от индоевропейских языков Анатолии, хурритский не показывает практически никаких следов лексических контактов с хаттским, что достаточно удивительно. Ср. хат. *ḫapalki* ‘iron’ [12’] > хурр. *ḫabalgi* / *abalgi* ‘iron’; хат. *ḫamuruwa* ‘beam, rafter’ [7’] > аккад. (OB, Nuzi) *amrû* ‘beam, timber (in construction of house, ship)’, вероятно, через хурритов; и, возможно, хат. *zipina* ‘sour’ [66] >? хурр. (Bogh.) ^{NINDA}*zippinni* ‘(a k. of pastry used in rites)’

В одном случае можно подозревать заимствование из хурритского в хаттский: хур. *kade* ‘grain, barley’ > хат. *kait* ‘grain, corn’ [26’].

Хаттский обладает рядом заимствований из семитских языков. Неожиданным является то, что в списке превалируют западносемитские лексемы, а не аккадские.

Аккадское или западносемитское заимствование:

kazue ‘goblet, cup’ [32’] < аккад. *kāsu-m* ‘goblet, cup’, угар. *ks* ‘id.’ и т. д.

Аккадское заимствование:

kusim, kušim ‘throne’ [42’] < аккад. *kussû-m*, *kussiu-m* ‘chair, throne’ (далее к угар. *ksu* ‘seat, throne’ и т. д.), где хаттское *-m*, видимо, отражает аккадскую мимацию.

Западносемитские заимствования:

karam ‘wine’ [27’] < зап.-сем. **karm* ‘vineyard, vine’.

maššel ‘comedian, performer’ [51’] < угар. *mṣl* ‘cymbal player’, угаритский аккад. *māṣilu* ‘(a musician, performer)’.

? ^{LÚ}*kiluḫ* ‘courier-spy’ [33’] < угар. *ḳl* ‘courier, messenger’, др.-евр. (библ.) *ḳal* ‘light, nimble, rapid (said of messengers)’ с (хаттским?) суффиксом *-ḫ*.

? $^{(\text{D})}$*šaru*, $^{(\text{D})}$*taru* ‘Storm-god’ [84’] < др.-евр. (библ.) *ŝaʕar* ‘heavy gale’, *ŝəʕārā* ‘high wind’, *ŝʕr* ‘to be stormy’ (далее к аккад. *šāru* ‘wind; air; breath’).

? *šep* ‘footwear’ [87’] < сир. *šēpā* ‘scapus (caligae); mucro nasi’ и араб. *šabāt-* ‘chaque côté de la chaussure’ (далее, возможно, к аккад. *šēpu* ‘foot’ ~ сокотри *ŝab, ŝaf* ‘foot’).

? *taḫalai*[*n*…] ‘liver?’ [92’] < зап.-сем. **ṭiḥāl* ‘spleen’.

Вопреки Вяч. Вс. Иванову, семитское происхождение двух следующих хаттских слов маловероятно по ряду причин: *milup* ‘bull, ox’ [52’] ~ семит. ***ʔalp** ‘cattle’ и *fin* ‘child, son’ [72’] ~ семит. ***bin** ‘son’. Фонетическое сходство между хат. *šam(a)* ‘to hear, listen (vel sim.)’ [48] ~ семит. ***šVmaʕ-** ‘to hear’ и хат. *šuf* ‘ox’ [91’] ~ аккад. *ṣuppu* ‘white sheep’, угар. *ṣp* ‘white sheep’, по всей видимости, также вторично.

Не известно ни одного надежного примера на обратное направление заимствования (хаттский > семитские). Аккад. (MAss.) *ḫabalginnu* ‘a k. of metal’ и (OB, Nuzi) *amrû* ‘beam’ были восприняты, видимо, через хурритское посредство (см. выше *ḫapalki* ‘iron’ [12’] и *ḫamuruwa* ‘beam, rafter’ [7’]). Аккад. *zannaru* ‘a k. of lyre’ могло быть заимствовано не из хаттского, а из какого-либо лувийского диалекта.

Исключительно важен факт лексических контактов между хаттским и западнокавказским праязыком. По крайней мере, две хаттские основы могут быть достаточно надежно распознаны как зап.-кавк. заимствования:

ḫapalki ‘iron’ [12’] < зап.-кавк. **ӷIʷə-χ̣ʷV* ‘iron’ или скорее **ӷIʷə-pəʎə* ‘copper’.

malḫip ‘good, favorable’ [49’] < зап.-кавк. **maʎʷV* ‘good, luck’.

? *pašu-n* ‘breath?’ [71’] < зап.-кавк. **pəśʷA* ‘to breathe’.

? *ḫamuruwa* ‘beam, rafter’ [7’] < ахаз.-абаз. **qʷə(m)bələra* ‘cross-beam’.

В одном случае мы должны подозревать заимствование хаттского термина в западнокавказский:

zinar ‘a k. of lyre’ [118’] > адыг.–кабард. **p-č́:əna* ‘non-percussion musical instrument (in general)’.

Факт хат.–зап.-кавк. контактов весьма интересен, т. к. все известные зап.-кавк. языки принадлежат к синтаксическому типу SOV и это же следует реконструировать и для зап.-кавк. праязыка. Хотя я в целом согласен со схемой хаттско-хетто-лувийского взаимодействия в начале 2-го тыс. до н. э.,

предложенной в Goedegebuure 2008, факт хат.–зап.-кавк. контактов добавляет некоторые новые опции в социолингвистические сценарии, обсуждаемые П. Гудегебюре[55].

Сходство между хат. *muḫ(al)* ‘hearth’ [55’] и шумерским *muḫal-dim* ‘cook’ не поддерживается никакими положительными свидетельствами и должно рассматриваться как случайное совпадение.

Древнегреческие диалекты обладают рядом заимствований из западнокавказских прадиалектов, см. Николаев 1985 (некоторые этимологии Николаева спорны, но часть представляется весьма вероятной). Ввиду этого следует отметить хаттский термин *kinawar* ‘copper’ [34’], чье фонетическое сходство с др.-греч. κιννάβαρι ‘cinnabar (a bright red or brownish-red mineral form of mercuric sulphide)’ вряд ли может быть случайным. К сожалению, *kinawar* не этимологизируется на хаттском материале, таким образом, это сопоставление может толковаться как общее хаттско-древнегреческое бродячее слово неизвестного происхождения.

8. Заключение

8.1. Лингвистическая классификация

Выше приведено около 70 надежных хаттско–сино-кавказских корневых сравнений и около 10 надежных хаттско–сино-кавказских сравнений служебных морфем (необходимо иметь в виду, что в сумме нам известно всего лишь около 200 хаттских лексем, чье значение установлено). Бóльшая часть

[55] *malḫip*, видимо, является основным хаттским словом со значением ‘хороший’, т. е. входит в наиболее базисную и устойчивую часть словаря (100-словный список Сводеша). Если *malḫip* действительно заимствовано < зап.-кавк. **maχʷV* ‘good, luck’, это предполагает, что хаттский и празападнокавказский языки взаимодействовали намного интенсивнее, чем нам сейчас представляется, исходя из имеющихся хаттских данных.

проэтимологизированных хаттских слов относится к слою базисной лексики языка. Система хаттско–сино-кавказских фонетических соответствий весьма проста и логична. Таким образом, в соответствии с общей компаративистской процедурой гипотеза о сино-кавказской атрибуции хаттского языка может рассматриваться если не как доказанная, то как весьма вероятная (и точно как самая вероятная из всех предлагаемых пока генетических аффилиаций хаттского языка).

Местоположение хаттской ветви на генеалогическом дереве сино-кавказской макросемьи — более сложный вопрос. Прежде чем приступать к обсуждению вариантов дерева, следует подчеркнуть два момента.

1) По причине реликтового характера енисейской лингвистической семьи (праенисейская реконструкция базируется в основном на трех языках: кетском, югском и — в меньшей степени — коттском) ее праязыковой словник оказывается относительно небольшим. Текущая версия Yenet.dbf включает в себя около 1050 вокабул, что контрастирует с 2300 вокабулами в сев.-кавк. этимологической базе данных (Caucet.dbf) и 2800 вокабулами в сино-тиб. этимологической базе данных (Stibet.dbf). Это означает, что в общем случае енисейский праязык должен показывать меньшее количество изоглосс с хаттским, нежели северокавказский и сино-тибетский праязыки.

2) Я допускаю, что некоторые из вышеприведенных сино-тибетских этимологий хаттских лексем могут оказаться ложными в ходе дальнейших изысканий, т. к., во-первых, сино-тибетская реконструкция в ее сегодняшнем состоянии носит достаточно предварительный характер (работа по составлению сино-тибетского этимологического словаря всё еще продолжается), в отличие от северокавказской и енисейской реконструкций, имеющих достаточно законченный вид; во-вторых, редукция корневых структур в прасино-тибетском открывает исключительно широкие возможности для внешней этимологизации. Относительно высокое число хаттско–сино-тибетских изоглосс (см. ниже) должно объясняться этими факторами.

Как было указано в 4.1, ядерное лексикостатистическое дерево сино-кавказской макросемьи выглядит следующим образом:

сино-кавк.

/ \

сино-тиб. **сев.-кавк.–енис.**

/ \

сев.-кавк. **енис.**

Главный встающий перед нами вопрос: к какой ветви ближе хаттский язык — к сино-тибетской или же к северокавказско-енисейской? Корневые сравнения из п. 5.1 могут быть суммированы следующим образом.

Хат. — сев.-кавк. & сино-тиб. & енис.: 15 этимологий.

alef ‘tongue’ [1] ~ сев.-кавк. ***ƛ̣ānpV*** ‘lip’ ~ сино-тиб. ***ƛ̌ep*** ‘tongue, to lick’ ~ енис. ***ʔalVp*** ‘tongue’. Первичное значение пракорня было, видимо, ‘лизать’.

anna ‘when’ [2] ~ сев.-кавк. ***h[ä]nV*** ‘now’ ~ сино-тиб. ***n[ə]*** ‘time or place of, when’ ~ енис. ***ʔen*** ‘now’.

eštan ‘sun’ [5] ~ сев.-кавк. ***=HuʒV-n*** (~ ***-ʑ́-***) ‘to clear up (of weather)’ ~ сино-тиб. ***Ćāj*** (~ ***-l***) ‘clear (of weather)’ ~ енис. ***ʔēʒ-*** ‘clear (of weather)’, ***ʒin*** ‘bright day’ ~ буруш. ***ṣāŋ*** ‘clear (of sky)’.

ḫan ‘sea’ [7] ~ сев.-кавк. ***x̱ǎnńɨ̌*** ‘water’ ~ сино-тиб. ***χǐw(s)*** ‘water, moisture’ ~ енис. ***xäń*** (~ ***ʔ-***) ‘wave’ ~ буруш. ***hán-chil*** ‘water from a wound; watery (tea, soup)’ ~ баск. ***u-hin*** ‘wave’.

ḫarki- ‘to be(come) wide’ [9] ~ сев.-кавк. ***ɦărq̇[w]Ĕ*** ‘wide’ ~ сино-тиб. ***qʷāŋH*** ‘wide, broad’ ~ енис. ***χiGV-Í*** ‘wide, broad’.

ḫukur ‘to see, look’ [13] ~ сев.-кавк. ***H[o]kV*** ‘to look, search’ ~ сино-тиб. ***ku*** ‘to seek, choose, understand’ ~ енис. ***b-[ə]k-*** ‘to find’.

kun ‘to see’ [21] ~ сев.-кавк. ***=agwV*** ‘to see’ ~ сино-тиб. ***kʷēn*** ‘to glance at; to regard’ ~ енис. ***qo*** ‘to see’.

luizzi-l ‘runner, messenger’ [26] ~ сев.-кавк. ***hilčwĒ*** ‘to run (away)’ ~ сино-тиб. (кит. **ćhoʔ*, **ćhōʔ*, **ćōʔ* ‘to run’) ~ енис. ***tut-*** ‘to flee, hide’.

fa- ‘I’ [75] ~ сев.-кавк. ***nɨ̌*** ‘I’ ~ сино-тиб. ***ŋā-*** ‘I, we’ ~ енис. ***b-*** (***ʔab-***) / ***aŋ*** ‘my’ (attr.) ~ буруш. ***a-*** ‘I’ ~ баск. ***ni*** ‘I’.

šaki- ‘heart’ [47] ~ сев.-кавк. ***jěrḳwǐ*** ‘heart’ ~ сино-тиб. ***ʔrə̌ŋ*** / ***ʔrə̌k*** ‘breast’ ~ енис. ***tə(ʔ)ga*** ‘breast’ ~ буруш. ***dak*** ‘hope, belief’.

te ‘great, big’ [54] ~ сев.-кавк. (зап.-кавк. **dA* ‘big’) ~ сино-тиб. ***tajH*** ‘big, much’ ~ енис. ***tɨʔj-*** ‘to grow’.

ti ‘to lie; to lay?’ [55] ~ сев.-кавк. ***=ătV-r*** ‘to let, leave; to stay’ ~ сино-тиб. ***dhăH*** ‘to put, place’ ~ енис. ***di(j)*** ‘to lie down, put down’ ~ буруш. ***-t-*** ‘to do, make, set up’.

tefu ‘to pour’ [57] ~ сев.-кавк. ***=a̋wčĂ*** ‘to emit, pour; to vomit’ ~ сино-тиб. ***ćəw*** ‘water, wet; to scoop’ ~ енис. ***ʔa-č-*** ‘to pour’ ~ буруш. ***ṣáo*** ‘to wash’.

tu ‘to eat’ [59] ~ сев.-кавк. ***=VçV*** ‘to drink; to gulp, to eat’ ~ сино-тиб. ***ʒhaH*** ‘to eat’ ~ енис. ***sī-*** ‘to eat’ ~ буруш. ***śi*** / ***ṣi*** / ***ṣu*** ‘to eat’.

tumil ‘rain’ [62] ~ сев.-кавк. ***çōjwīlɦV*** ‘rainy season’ ~ сино-тиб. (кит. **ćhiw* ‘autumn’) ~ енис. ***sir$_1$-*** ‘summer’ ~ баск. ***asaro*** ‘November; autumn’.

Хат. — сев.-кавк. & сино-тиб.: 15 этимологий.

ɣalu ‘bolt, lock’ [6] ~ сев.-кавк. ***ḳuɬī*** / ***ɬīḳu*** ‘lock, bolt; key’ ~ сино-тиб. ***kălH*** ‘bolt, lock’.

ɣel, ɣil ‘to grow, ripen’ [11] ~ сев.-кавк. ***=ĭrġwĂ*** ‘to ripen’ ~ сино-тиб. ***grĭ*** ‘old, large’

ɣer ‘to hide’ [12] ~ сев.-кавк. ***=igwVɬ*** ‘to lose; to steal’ ~ сино-тиб. ***koj*** (~ ***-l***) ‘to hide’ ~ баск. ***gal-*** ‘to lose’.

kaiš ‘horn’ [14] ~ сев.-кавк. ***ḳəlčwi*** ‘forelock, plait; horn’ ~ сино-тиб. ***khaj*** ‘horn, a pair of horns’ ~ буруш. ***ɣuɣ*** ‘hair’.

ku ‘to seize’ [19] ~ сев.-кавк. ***=a̋ḳĂw*** ‘to put (together), take’ ~ сино-тиб. ***Khu*** (~ ***-ua***, ***-əw***) ‘take out, extract’.

(a)ku ‘soldier, escort (vel sim.)’ [20] ~ сев.-кавк. ***HŭqwĂ*** ‘to graze, guard, preserve’ ~ сино-тиб. ***kŭ*** ‘to help; friend, companion’.

liš ‘year’ [24] ~ сев.-кавк. ***ƛăjV*** ‘year, day’ ~ сино-тиб. ***ləH*** ‘year, season’.

(a)nti ‘to stand; to stay’ [28] ~ сев.-кавк. ***=Vmć́Vr*** ‘to stand (up)’ ~ сино-тиб. ***ćhiəH*** ‘be at, sit, stay’.

paru ‘bright, shining’ [33] ~ сев.-кавк. ***pārē*** ‘lightning’ ~ сино-тиб. ***prɨăŋH*** ‘bright; morning’

wet ‘to be sour/bitter’ [34] ~ сев.-кавк. ***ɦmVjć́wĂ*** ‘sour’ ~ сино-тиб. ***[ʒh]ɨam*** ‘salt’ ~ буруш. ***ćhémil*** ‘poison’.

pezi-l ‘wind’ [35] ~ сев.-кавк. ***mɬlćwV*** ‘wind’ ~ сино-тиб. ***mŭt*** ‘to blow’.

puluku ‘foliage’ [39] ~ сев.-кавк. ***ʕapālġwĔ*** ‘burdock; leaf(?)’ ~ сино-тиб. ***phak*** ‘leaf’ ~ буруш. ***bilágur*** ‘a k. of weed’.

take-ɣa ‘lion’ [51] ~ сев.-кавк. ***ç̄ănġV*** ‘lynx, panther’ ~ сино-тиб. ***chi(ə)k*** ‘leopard’.

tafa-r-na ‘lord’ [52] ~ сев.-кавк. ***çəmbi*** ‘god; mercy’ ~ сино-тиб. ***ćūm*** ‘honour, authority’

zuwa-tu ‘wife’ [68] ~ сев.-кавк. ***ҫwŏjV*** ‘woman, female’ ~ сино-тиб. (кит. **ćhej* ‘female’) ~ баск. ***a-ćo*** ‘old woman’.

Хат. — сев.-кавк. & енис.: 5 этимологий.

eš ‘to put’ [4] ~ сев.-кавк. ***=iҫĂ*** ‘to give, compensate; to put’ ~ енис. ***ʔes-*** ‘to put’ ~ баск. ***ecan*** ‘to lie down, rest (tr.) to put down’.

p(a)raš ‘leopard’ [37] ~ сев.-кавк. ***bħĕrҫĭ*** ‘wolf’ ~ енис. ***pe(ʔ)s-tap*** ‘wolverine’ ~ баск. ***oćo*** ‘wolf’.

we ‘thou’ [77] ~ сев.-кавк. ***uō*** ‘thou’ ~ енис. ***ʔaw*** (/***ʔu***) ‘thou’ ~ буруш. ***u-n*** ‘thou’.

taḫa-ya ‘barber’ [50] ~ сев.-кавк. ***ҷ̆VqV*** / ***qVčV*** ‘to scratch, rub’ ~ енис. ***ǯ[e](ʔ)χV*** ‘to shave’ ~ буруш. ***qhaṣ*** ‘to rub’.

tera-ḫ ‘leather covering’ [58] ~ сев.-кавк. ***ҷ̆ɦārV*** ‘skin, shell’ ~ енис. ***təʔrap-*** ‘bread crust’.

Хат. — сино-тиб. & енис.: 4 этимологии.

kip ‘to protect’ [18] ~ сино-тиб. ***Gāp*** ‘to cover’ ~ енис. ***qepVn-*** ‘to close (door)’.

fara-ya ‘priest’ [32] ~ сино-тиб. ***p(r)īwH*** ‘speak’ ~ енис. ***baŕ-*** ‘to pray’ ~ буруш. ***bar*** ‘speech, word’.

fun ‘mortality’ [40] ~ сино-тиб. ***māŋ*** ‘to die’ ~ енис. ***boŋ*** ‘dead man’.

tuk ‘to step’ [61] ~ сино-тиб. ***ćek*** ‘to tread, trample’ ~ енис. ***čɔʔq-*** ‘to run’.

Хат. — сев.-кавк.: 6 этимологий.

ḫan ‘to open’ [8] ~ сев.-кавк. ***=aχwVn*** ‘to open’.

nimḫu- ‘woman’ [27] ~ сев.-кавк. ***ƛɨnɦV*** (~ ***-i̱-***) ‘woman, female’.

fel ‘house’ [30] ~ сев.-кавк. ***bēŁ̆Ў*** ‘cattle-shed’.

šaḫḫu / *taḫḫu* ‘earth, ground’ [45] ~ сев.-кавк. ***ҷ̆Häłu***/***ҷ̆ałHu*** ‘earth, ground, sand’ ~ баск. ***śorho*** ‘meadow; field’.

šam(a) ‘to hear, listen’ [48] ~ сев.-кавк. ***=a(m)sV*** ‘to be silent, listen’.

zeḫar, ziḫar ‘(building) wood, timber’ [64] ~ сев.-кавк. ***ҫwēχV*** ‘stick, chip; piece of wood, beam; timber’.

Хат. — сино-тиб.: 16 этимологий.

ḫel ‘to strew, pour’ [10] ~ сино-тиб. ***q(h)^{w}ār*** ‘throw (into water), scatter’

(a)le ‘to envy (vel sim.)’ [22] ~ сино-тиб. ***re*** ‘to dislike’

leli ‘source of light’ [23] ~ сино-тиб. ***rołH*** ‘light’

lu ‘to be able’ [25] ~ сино-тиб. ***lə̆w*** ‘to be able’

nu ‘to come, go’ [29] ~ сино-тиб. ***nŭ*** ‘to tread, trace’

far ‘thousand’ [31] ~ сино-тиб. ***bhăr*** ‘abundant, numerous’

pnu ‘to observe, look’ [36] ~ сино-тиб. ***mVn*** ‘to perceive; to think’

fula ‘bread’ [38] ~ сино-тиб. ***mor*** ‘grain’

fur ‘country; population’ [41] ~ сино-тиб. ***PrV̄ŋ*** ‘country’

puš ‘to devour, swallow’ [42] ~ сино-тиб. ***mV̄t*** ‘to eat, swallow’

puš- ‘to fan (a fire or burning materials)’ [42] ~ сино-тиб. ***bŭ***, ***bŭt*** ‘to blow; to fan’ (further to onomatopoeic сев.-кавк. ***pūHV*** ‘to blow, blowing’ ~ енис. ***pV(j)*** ‘to blow’ ~ буруш. ***phu*** ‘to blow’).

šai-l / *tai-l* ‘lord, master’ [46] ~ сино-тиб. ***ćīH*** ‘to govern; lord’

tafa ‘fear’ [53] ~ сино-тиб. ***tĕp*** ‘fear, to be confused’

teŋ ‘to build’ [56] ~ сино-тиб. ***ćə̆H*** ‘to work; to build’

tuŋ ‘to take’ [60] ~ сино-тиб. ***ĆŏH*** ‘to seize’ (further to сев.-кавк. ***=ăc̨wV̆*** ‘to take, carry’ ~ баск. ***eućі*** ‘to take, hold, seize, grasp’).

zipi-na ‘sour’ [66] ~ сино-тиб. ***cV̄p*** ‘bitter, pungent’

Хат. — енис.: 9 этимологий.

aš ‘to come (here)’ [3] ~ енис. ***ʔēč-*** ‘to let come, let enter’

kaš ‘head’ [16] ~ енис. ***ʔa-KsV-*** ‘temple (part of head)’

katte ‘king’ [17] ~ енис. ***kaʔt*** ‘old (attr.)’

fute ‘long (in temporal meaning)’ [44] ~ енис. ***bot-*** ‘often’

štip ‘gate’ [49] ~ енис. ***ǯīp*** ‘to cover; to plug; to close’

tup ‘root’ [63] ~ енис. ***t[e]mb-VÍ-*** ‘root’

zik ‘to fall’ [65] ~ енис. ***də(ʔ)q-*** ‘to fall’

ziš ‘mountain’ [67] ~ енис. ***čɨʔs*** ‘stone’ ~ буруш. ***ćhiṣ*** ‘mountain’

kap ‘moon’ [15] ~ енис. ***q[e]p*** (~ χ-) ‘moon’

Бросается в глаза явный подскок в количестве эксклюзивных хаттско–сино-тибетских изоглосс (16 гнезд), хотя некоторые из этих этимологических

сближений, конечно же, не выглядят как обязательные.[56] Ситуация меняется, если мы предпримем анализ хаттской лексики, входящей в список Сводеша.

Нижеприведенная таблица включает в себя стандартный сводешевский 100-словный список (в том виде, в котором он принимается в работах С. А. Старостина) с 10 дополнительными словами из списка С. Е. Яхонтова (см. подробнее Бурлак & Старостин 2005: 12–13). Яхонтовские вхождения отмечены знаком «+».

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
1.	все (omnis)	all (omnis)		
2.	зола	ashes		
3.	кора	bark		
4.	живот	belly		
5.	большой	big	*te* ‘great, big’ [54]	NCauc. (WCauc. **dA* ‘big’) ~ STib. ***tajH** ‘big, much’ ~ Yen. ***tɨʔj**- ‘to grow’.
6.	птица	bird	*ašti* or *šti* ‘bird’ [3’]	
7.	кусать	to bite		
8.	черный	black		
9.	кровь	blood		
10.	кость	bone		
11.	грудь	breast		
12.	жечь, сжечь	to burn (trans.)		
13.	облако	cloud		
14.	холодный	cold		

[56] Ср., напр., такие этимологии, как хат. *(a)le* ‘to envy (vel sim.)’ [22] ~ сино-тиб. ***re** ‘to dislike’ или хат. *leli* ‘source of light’ [23] ~ сино-тиб. ***rołH** ‘light’, которые формально удовлетворительны, но вряд ли могут подтверждать какое-либо специфическое родство.

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
15.	прихо-дить	to come	*aš* ‘to come (here)’ [3]	Yen. ***ʔēč-*** ‘to let come, let enter’
			an ‘to come (here[?])’ [2’]	
16.	умирать	to die		
17.	собака	dog		
18.	пить	to drink	*lin* ‘to drink[?] (vel sim.)’ [46’]	
19.	сухой	dry		
20.	ухо	ear		
21.	земля	earth, soil	*šaḫḫu* / *taḫḫu* ‘earth, ground’ [45]	NCauc. ***ç̲Häłu/*ç̲älHu*** ‘earth, ground, sand’ ~ Basque ***śorho*** ‘meadow; field’.
			ištarrazi-l ‘(dark/black) earth, soil; terrestrial, earthly(?)’ [22’]	
22.	есть	to eat	*tu* ‘to eat’ [59]	NCauc. ***=VçV*** ‘to drink; to gulp, to eat’ ~ STib. ***ʒhaH*** ‘to eat’ ~ Yen. ***sī-*** ‘to eat’ ~ Burush. ***śi*** / ***ṣi*** / ***ṣu*** ‘to eat’.
			puš ‘to devour, swallow’ [42]	STib. ***mV̄t*** ‘to eat, swallow’
23.	яйцо	egg		
24.	глаз	eye	*nimaḫ*, *lmaḫ* ‘eye(s)’ [58’]	
25.	далеко +	far +		
26.	жир	fat		
27.	перо	feather		
28.	ноготь	nail		
29.	огонь	fire		
30.	рыба	fish		

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
31.	лететь	to fly		
32.	нога	foot		
33.	полный	full		
34.	давать	to give	*yay* ‘to give’ [25’]	
35.	идти	to go	*nu* ‘to come, go’ [29]	STib. ***nŭ*** ‘to tread, trace’
36.	хороший	good	*malḫip* ‘good, favorable’ [49’]	(a loan)
37.	зеленый	green		
38.	волосы	hair		
39.	рука	hand		
40.	голова	head	*kaš* ‘head’ [16]	Yen. ***ʔa-KsV***- ‘temple (part of head)’
41.	слышать	to hear	*šam(a)* ‘to hear, listen’ [48]	NCauc. ***=a(m)sV*** ‘to be silent, listen’
42.	сердце	heart	*šaki*- ‘heart’ [47]	NCauc. ***jĕrḳwĭ*** ‘heart’ ~ STib. ***ʔrəŋ*** / ***ʔrək*** ‘breast’ ~ Yen. ***tə(ʔ)ga*** ‘breast’ ~ Burush. ***dak*** ‘hope, belief’.
43.	тяжелый +	heavy +		
44.	рог	horn	*kaiš* ‘horn’ [14]	NCauc. ***ḳəlčwi*** ‘forelock, plait; horn’ ~ STib. ***khaj*** ‘horn, a pair of horns’ ~ Burush. ***ɣuɣ*** ‘hair’.
45.	я	I	*fa*- ‘I’ [75]	NCauc. ***nĭ*** ‘I’ ~ STib. ***ŋā***- ‘I, we’ ~ Yen. ***b***- (***ʔab***-) / ***aŋ*** ‘my’ (attr.) ~ Burush. ***a***- ‘I’ ~ Basque ***ni*** ‘I’.
46.	убивать	to kill		
47.	колено	knee		
48.	знать	to know		
49.	лист	leaf	*puluku* ‘foliage’ [39]	NCauc. ***ʕapālḳwĔ*** ‘burdock; leaf(?)’ ~ STib. ***phak*** ‘leaf’ ~ Burush. ***bilágur*** ‘a k. of weed’

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
50.	лечь	to lie	*ti* ‘to lie; to lay?’ [55]	NCauc. ***=ătV-r*** ‘to let, leave; to stay’ ~ STib. ***dhăH*** ‘to put, place’ ~ Yen. ***di(j)*** ‘to lie down, put down’ ~ Burush. ***ʻ-t-*** ‘to do, make, set up’.
51.	печень	liver	*taḫalai*[*n*…] ‘liver?’ [92’]	(a loan?)
52.	длинный	long		
53.	вошь	louse		
54.	мужчина	man		
55.	много	many		
56.	мясо	meat		
57.	луна	moon	*kap* ‘moon’ [15]	Yen. ***q[e]p*** (~ ***χ-***) ‘moon’
58.	гора	mountain	*ziš* ‘mountain’ [67]	Yen. ***čɨʔs*** ‘stone’ ~ Burush. ***ćhiṣ*** ‘mountain’.
59.	рот	mouth		
60.	имя	name		
61.	близко +	near +		
62.	шея	neck		
63.	новый	new	*tataet* or *taet* ‘new’ [97’]	
64.	ночь	night		
65.	нос	nose		
66.	не	not		
67.	один	one		
68.	человек	man		
69.	дождь	rain	*tumil* ‘rain’ [62]	NCauc. ***c̱ōjwɨlḥV*** ‘rainy season’ ~ STib. (Chin. **ćhiw* ‘autumn’) ~ Yen. ***sir*$_1$**- ‘summer’ ~ Basque ***asaro*** ‘November; autumn’.
70.	красный	red	? *kazza* ‘blood red?, red?’ [31’]	

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
71.	дорога	road (way)		
72.	корень	root	*tup* ‘root’ [63]	Yen. ***t[e]mb-Vĺ-*** ‘root’
73a.	круглый (3D)	round (3D, as a stone)		
73b.	круглый (2D)	round (2D, as a dish)		
74.	соль +	salt +		
75.	песок	sand		
76.	сказать	to say		
77.	видеть	to see	*ḫukur* ‘to see, look’ [13]	NCauc. ***H[o]kV*** ‘to look, search’ ~ STib. ***ku*** ‘to seek, choose, understand’ ~ Yen. ***b-[ə]k-*** ‘to find’
			kun ‘to see’ [21]	NCauc. ***=agwV*** ‘to see’ ~ STib. ***kʷēn*** ‘to glance at; to regard’ ~ Yen. ***qo*** ‘to see’.
			pnu ‘to observe, look’ [36]	STib. ***mVn*** ‘to perceive; to think’
78.	семя	seed		
79.	короткий +	short +		
80.	сесть	to sit	*nif* or *nifaš* ‘to sit’ [59’]	
81.	кожа	skin	*tera-ḫ* ‘leather covering’ [58]	NCauc. ***čʹḥārV*** ‘skin, shell’ ~ Yen. ***təʔrap-*** ‘bread crust’.
82.	спать	to sleep		
83.	малень-кий	small, lit-tle		
84.	дым	smoke		
85.	змея +	snake +		
86.	стоять	to stand	*(a)nti* ‘to stand; to stay’ [28]	NCauc. ***=VmćVr*** ‘to stand (up)’ ~ STib. ***ćhiāH*** ‘be at, sit, stay’.

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
87.	звезда	star		
88.	камень	stone	*pip* ‘stone’ [74’]	
89.	солнце	sun	*eštan* ‘sun’ [5]	NCauc. ***=HuʒV-n*** (~ ***-ʒ́-***) ‘to clear up (of weather)’ ~ STib. ***Ćəj*** (~ ***-l***) ‘clear (of weather)’ ~ Yen. ***ʔēʒ́-*** ‘clear (of weather)’, ***ʒ́in*** ‘bright day’ ~ Burush. ***ṣāŋ*** ‘clear (of sky)’.
90.	плавать	to swim		
91.	хвост	tail		
92.	тот	that		
93a.	тонкий +	thin + (2D, as a dish)		
93b.	тонкий +	thin + (1D, as a stick)		
94.	этот	this	*imallen, imallin* ‘this (demonstrative pronoun)’ [18’]	
95.	язык	tongue	*alef* ‘tongue’ [1]	NCauc. ***ƛ̣ānpV*** ‘lip’ ~ STib. ***ƛep*** ‘tongue, to lick’ ~ Yen. ***ʔalVp*** ‘tongue’.
96.	зуб	tooth		
97.	дерево	tree		
98.	два	two		
99.	теплый	warm		
100.	вода	water		
101.	мы	we		
102.	ветер +	wind +	*pezi-l* ‘wind’ [35]	NCauc. ***mĭlćwV*** ‘wind’ ~ STib. ***mŭt*** ‘to blow’
103.	что	what		
104.	белый	white		
105.	кто	who		

#	RU	ENG	Hattic	Sino-Caucasian
106.	женщина	woman	*nimḫu-* ‘woman’ [27]	NCauc. ***ƛɨnɦV** (~ **-i̲-**) ‘woman, female’ (это не основное сев.-кавк. слово для ‘женщины’)
107.	червь +	worm +		
108.	год +	year +	*liš* ‘year’ [24]	NCauc. ***ƛ̆ăjV** ‘year, day’ ~ STib. ***lə̆H** ‘year, season’
109.	желтый	yellow		
110.	ты	you	*we* ‘thou’ [77]	NCauc. ***uō** ‘thou’ ~ Yen. ***ʔaw** (/***ʔu**) ‘thou’ ~ Burush. ***u-n** ‘thou’.

Эксклюзивные лексические изоглоссы между хаттским и северокавказско-енисейской ветвью и между хаттским и сино-тибетской ветвью могут быть суммированы следующим образом:

Хат. — сев.-кавк. — енис.

tera-ḫ ‘leather covering’ [58] ~ сев.-кавк. ***c̱ɦārV** ‘skin, shell’ ~ енис. ***təʔrap-** ‘bread crust’.

we ‘thou’ [77] ~ сев.-кавк. ***uō** ‘thou’ ~ енис. ***ʔaw** (/***ʔu**) ‘thou’ ~ буруш. ***u-n** ‘thou’.

Хат. — енис.

aš ‘to come (here)’ [3] ~ енис. ***ʔēč-** ‘to let come, let enter’

kaš ‘head’ [16] ~ енис. ***ʔa-KsV-** ‘temple (part of head)’

ziš ‘mountain’ [67] ~ енис. ***čɨʔs** ‘stone’ ~ буруш. ***ćhiṣ** ‘mountain’

tup ‘root’ [63] ~ енис. ***t[e]mb-VÍ-** ‘root’

kap ‘moon’ [15] ~ енис. ***q[e]p** (~ **χ-**) ‘moon’

Хат. — сев.-кавк.

šaḫḫu / *taḫḫu* ‘earth, ground’ [45] ~ сев.-кавк. ***c̱̆Häɬu**/***c̱̆äɬHu** ‘earth, ground, sand’ ~ баск. ***śorho** ‘meadow; field’.

šam(a) ‘to hear, listen’ [48] ~ сев.-кавк. ***=a(m)sV** ‘to be silent, listen’

nimḫu- ‘woman’ [27] ~ сев.-кавк. ***ƛɨnɦV** (~ **-i̲-**) ‘woman, female’

Хат. — сино-тиб.

puš ‘to devour, swallow’ [42] ~ сино-тиб. ***mV̄t*** ‘to eat, swallow’

nu ‘to come, go’ [29] ~ сино-тиб. ***nŭ*** ‘to tread, trace’

pnu ‘to observe, look’ [36] ~ сино-тиб. ***mVn*** ‘to perceive; to think’.

Как можно видеть, эксклюзивные хат.–сино-тиб. схождения достаточно слабы. Строго говоря, хат. *puš* ‘to devour, swallow’ и *pnu* ‘to observe, look’ должны быть вообще исключены из хаттского списка Сводеша. В свою очередь, хат. *nu* ‘to come, go’ [29] не совпадает по значению со своим сино-тиб. этимоном.

Напротив, енисейский и северокавказский праязыки обладают определенным количеством надежных схождений с хаттской базисной лексикой. Наиболее примечательными из них являются, на мой взгляд, хат. *we* ‘thou’ [77] ~ сев.-кавк. ***uō*** ‘thou’ ~ енис. ***ʔaw*** (/***ʔu***) ‘thou’ ~ буруш. ***u-n*** ‘thou’, хат. *ziš* ‘mountain’ [67] ~ енис. ***čɨʔs*** ‘stone’ ~ буруш. ***ćhiṣ*** ‘mountain’ и хат. *kap* ‘moon’ [15] ~ енис. ***q[e]p*** (~ ***χ***-) ‘moon’.

Я полагаю, что вышеприведенные статистические данные однозначно свидетельствует в пользу специфического хаттско-северокавказско-енисейского родства, причем примыкание хаттского языка именно к северокавказской семье маловероятно ввиду минимального числа эксклюзивных хат.–сев.-кавк. лексических схождений (6 этимологий относительно всего корпуса, см. список выше).

В такой ситуации возможны два дерева:

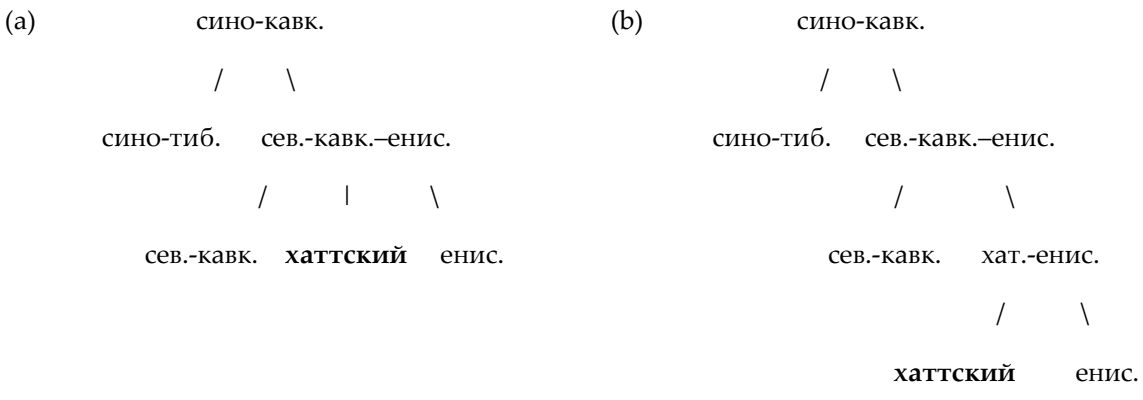


Схема (b) может быть более приближенной к реальности ввиду некоторых специфических фонетических процессов, общих для хаттского и праенисейского (см. более подробно выше п. 4.2.2):

1) Деназализация анлаутного *m-* (**m- > P-)*.
2) Анлаутное **ŋ- > *m- > P-*.
3) Фрикативизация сибилянтных аффрикат в неначальной позиции.
4) Этимологические кластеры *ST > t*.
5) Утрата и сохранение ларингальных фонем в одних и тех же корнях.[57]
6) Утрата сонанта в сочетаниях **l* + сибилянтная аффриката, **n*/**m* + губной взрывной, **n*/**m* + велярный/увулярный взрывной (общая черта хаттского, праенисейского и прасино-тибетского).

При этом, конечно, в некоторых пунктах хаттский (2-е тыс. до н. э.) оказывается более архаичным, чем енисейский праязык (распад в середине 1-го тыс. до н. э.). В отличие от праенисейского, хаттский язык показывает:

1) Сохранение **w*.
2) Сохранение в анлаутной позиции латеральных фонем и **n-*.
3) Сохранение сонанта в сочетаниях **r*/**l* + велярный/увулярный, **m* + сибилянтная аффриката.

Некоторые частные случаи семантического развития, общего для хаттского и праенисейского, также могут говорить в пользу теории единого хаттско-енисейского праязыка. Ср., напр.:

alef ‘tongue’ [1] ~ енис. ***ʔalVp** ‘tongue’ vs. сев.-кавк. ***χ̣̄anpV** ‘lip’.

ḫan ‘sea’ [7] ~ енис. ***xäń** (~ **ʔ-**) ‘wave’ vs. сев.-кавк. ***x̲ă̄nɦĭ** ‘water’.

fara-ya ‘priest’ [32] ~ енис. ***baŕ-** ‘to pray’ vs. сино-тиб. ***p(r)īwH** ‘speak’

---

[57] Утрата: *anna* ‘when’ [2] ~ енис. ***ʔen** < сино-кавк. ***hV̆nV́**; *praš* ‘leopard’ [37] ~ енис. ***pe(ʔ)s-tap** < сино-кавк. ***bɦĕrc̣ḯ**; *eštan* ‘sun’ [5] ~ енис. ***ʔēʒ-**, ***ǯin** < сино-кавк. ***=HV́ǯV̄(-n)**; *te* ‘big’ [54] ~ енис. ***tɨʔj-** < сино-кавк. ***dV́HV**; *fun* ‘mortality’ [40] ~ енис. ***boŋ** < сино-кавк. ***HmoŋV**; *ḫan* ‘sea’ [7] ~ енис. ***xäń** < сино-кавк. ***x̲ă̄nɦĭ** и т. д.

Сохранение: *ḫarki-* ‘wide’ [9] ~ енис. ***χiGV-Í** ‘wide’ < сино-кавк. ***ɦV̆rq̇wĚ**.

Возможное исключение: *ur(i)* ‘spring, well’ [109’] ~ енис. ***xur**$_1$ ‘water’ < сино-кавк. ***ɦwirɨ́**.

taḫa-ya ‘barber’ [50] ~ енис. ***ǯ[e](ʔ)χV*** ‘to shave’ vs. сев.-кавк. ****č̲VqV*** ‘to scratch, rub’.

Эти примеры противопоставлены следующим этимологиям, где хаттская семантика совпадает с северокавказской, а не с енисейской:

šaki- ‘heart’ [47] ~ сев.-кавк. ***jěrḳwǐ*** ‘heart’ vs. енис. ***tə(ʔ)ga*** ‘breast’ (ср. сино-тиб. ***ʔrəŋ** / ***ʔrək*** ‘breast’). Переход ‘сердце’ < > ‘грудь’ типологически достаточно обычен, и мы можем здесь предполагать или развитие ‘сердце’ > ‘грудь’ независимо в енис. и сино-тиб. праязыках, или развитие ‘грудь’ > ‘сердце’ независимо в сев.-кавк. праязыке и хаттском.

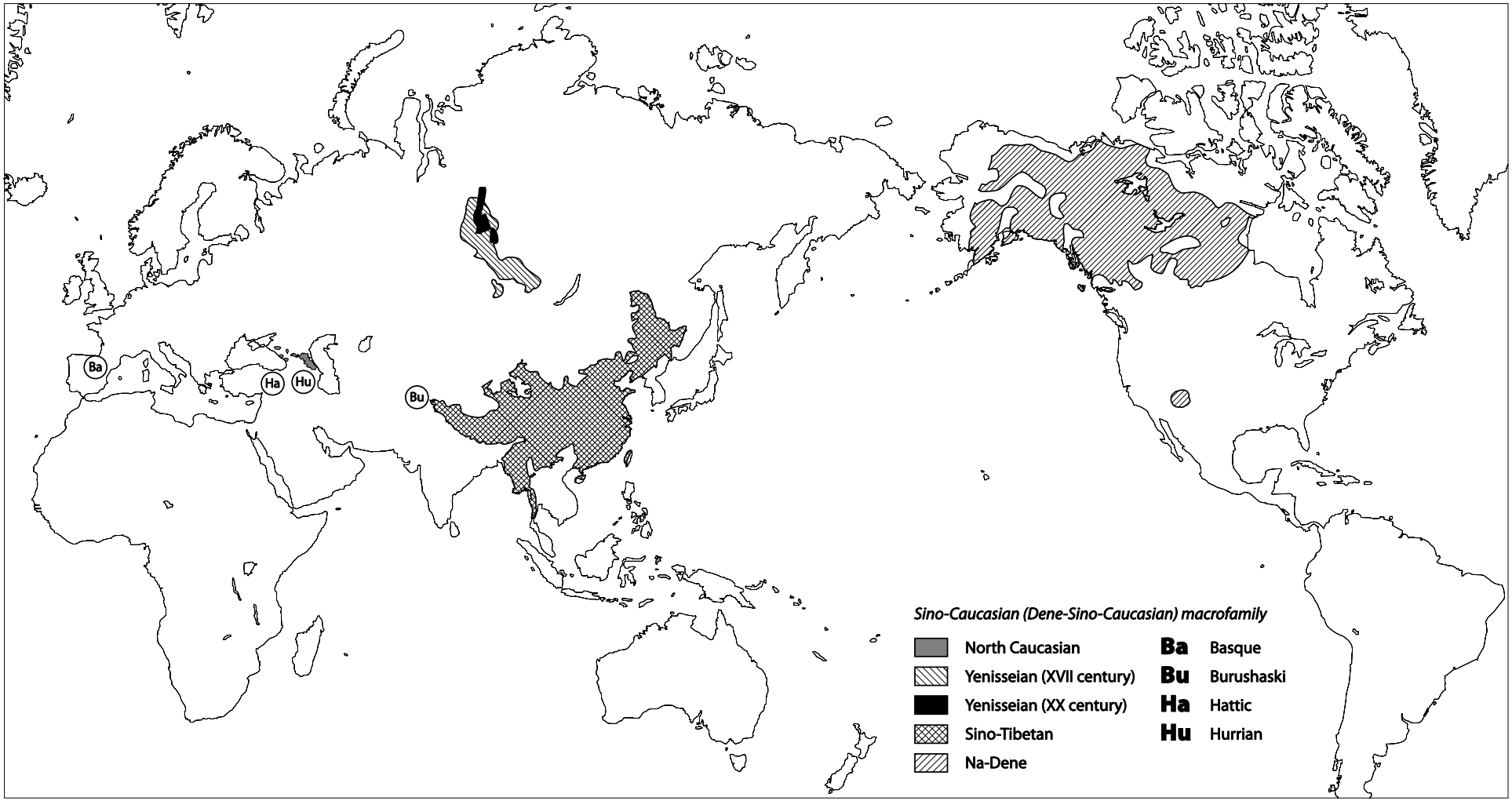
tera-ḫ ‘leather covering’ [58] ~ сев.-кавк. ***č̲ḥārV*** ‘skin, shell’ vs. енис. ***təʔrap-*** ‘bread crust’. Может объясняться как дальнейшая спецификация значения в праенисейском.

8.2. Географическая проблема[58]

8.2.1. Вопрос о местоположении сино-кавказской прародины и путях доисторических миграций сино-кавказских племен и народов является совершенно неисследованным. В данном разделе я могу только наметить основные моменты дискуссии и предложить один из возможных исторических сценариев.

Исторически засвидетельствованные регионы сино-кавк. языков иллюстрируются следующей картой. Для северокавказской, сино-тибетской, надене, баскской и бурушской семей показаны границы распространения на конец XX в. н. э. Приблизительные границы енисейской семьи на XVII в. н. э. даются по Pakendorf 2007: 4 с пред. лит.

[58] Кроме специализированных работ, упоминаемых в данном разделе, необходимо сказать и об отечественной традиции реконструкции этноязыкового состояния древнего Средиземноморья. Это в первую очередь монографии Гиндин 1967; Нерознак 1978; Откупщиков 1988 и некоторые другие.


Ba
Ha
Hu
Bu
Sino-Caucasian (Dene-Sino-Caucasian) macrofamily
North Caucasian
Yenisseian (XVII century)
Yenisseian (XX century)
Sino-Tibetan
Na-Dene
Ba Basque
Bu Burushaski
Ha Hattic
Hu Hurrian

Территориальное покрытие и высокая дисперсность известных сино-кавк. языков позволяет нам предположить, что в течение тысячелетий сино-кавк. племена постепенно вытеснялись с места своего обитания и/или ассимилировались соседними народами.[59]

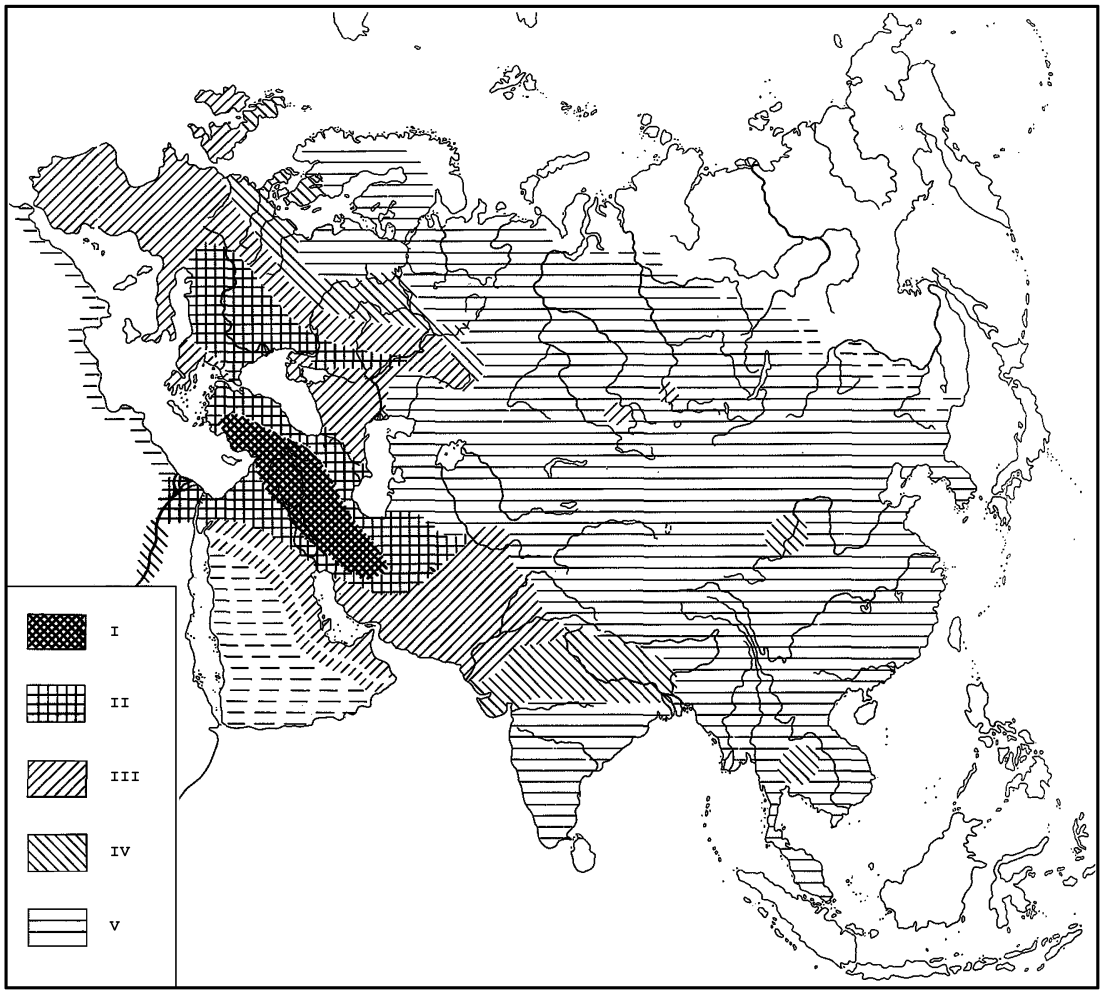
8.2.2. Сев.-кавк. праязык обладает наиболее богатой фонетической системой среди известных сино-кавк. (пра)языков. Сино-тибетский, енисейский, бурушаски, баскский и на-дене показывают более тривиальные системы.[60] Подобное фонетическое упрощение должно объясняться как результат влияния несино-кавказских языков, с которыми сино-кавк. племена контактировали в течение своих переселений. Эти же соображения могут быть применены и к морфологии. Сино-тибетский, енисейский, бурушаски, баскский и на-дене демонстрируют явные морфологические следы контактов с соседними несино-кавказскими языками. Всё это должно указывать на то, что сев.-кавк. праязык имел минимальные контакты с несино-кавказскими диалектами и относительно короткий миграционный путь от сино-кавк. прародины к современному ареалу сев.-кавк. языков.

8.2.3. Карта последовательных стадий распространения медных и бронзовых артефактов, составленная Е. Черных, ясно демонстрирует, что в 7–4 тыс. до н. э. путь с Ближнего Востока в Европу шел на Балканы через Западную Анатолию и Босфор, но не через Северный Кавказ.

---

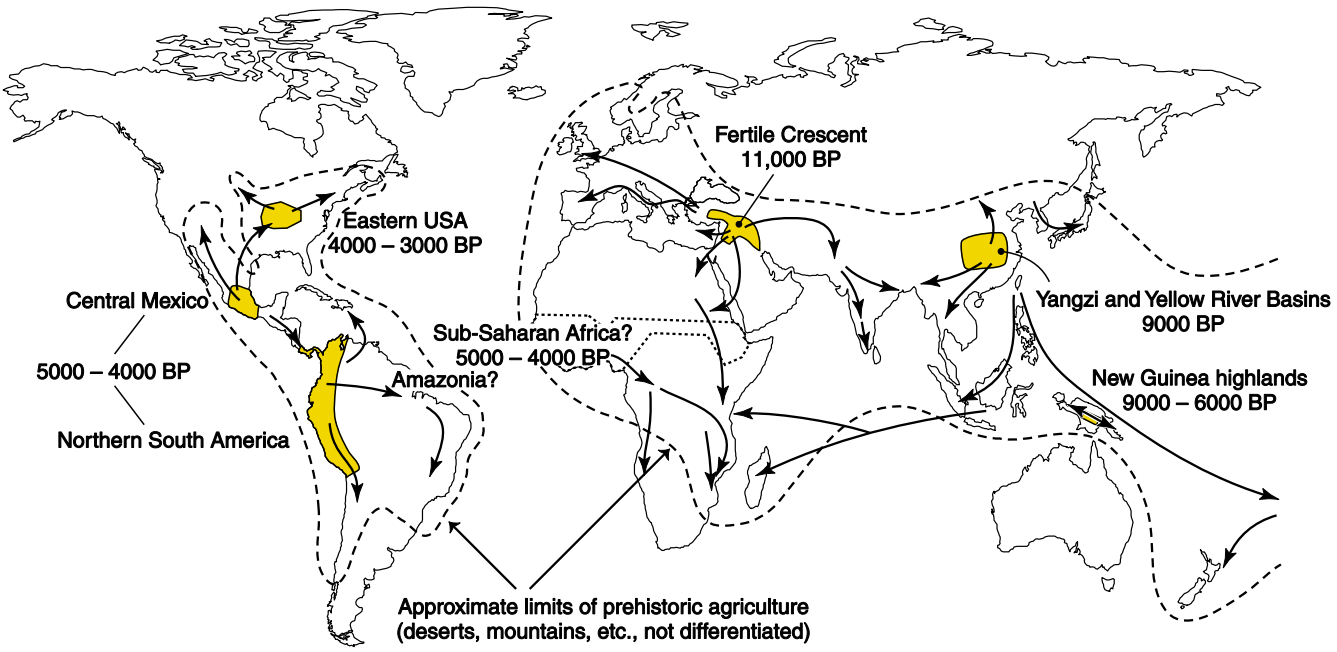
[59] Насколько мы можем судить, основные конфронтации у сино-кавказцев происходили с различными ностратическими племенами (распад ностратического праязыка датируется 2-й пол. 12 тыс. до н. э.).

[60] Мы не можем обсуждать хурритский и хаттский фонетические инвентари по причине их упрощенной клинописной передачи.



Распространение медных и бронзовых находок.
I = 7–6 тыс. до н. э.; **II** = 5 — первая пол. 4 тыс. до н. э.; **III** = сер. 4 — первая пол. 3 тыс. до н. э.; **IV** = сер. 3 тыс. до н. э. —XVIII/XVII вв. до н. э.; **V** = XVI/XV вв. до н. э. —IX/VIII вв. до н. э. (цит. по: Chernykh 1992: 2).

Это же представляется верным и для более ранней неолитической агрокультурной эпохи: пути агрокультурной экспансии шли в Европу через Западную Анатолию и в Азию через Иран, но не через Северный Кавказ (см., напр., Diamond & Bellwood 2003, Bellwood & Oxenham 2008: 17 ff., Bar-Yosef 1998, Bar-Yosef 2002).



Древнейшие агрокультурные центры эпохи неолита с приблизительными радиоуглеродными датировками (цит. по: Diamond & Bellwood 2003, Bellwood & Oxenham 2008: 17 ff.)

Как указано в Kohl 2007: 29–30: “the general spread of the Neolithic food-producing economy from Anatolia into southeastern Europe is accepted by all scholars, even those with a penchant for emphasizing autonomous evolutionary processes”.

8.2.4. Одним из ключей к реконструкции социолингвистической ситуации на доисторическом Ближнем Востоке является майкопская археологическая культура (ранний бронзовый век).

Связанные с Майкопом культуры можно разделить на три фазы: энеолитическая культура Мешоко (4500–3850 до н. э.), майкопская культура (включающая Майкопский курган и связанные комплексы; 3850–3300 до н. э.) и продолжающая ее новосвободненская культура (3300–2500 до н. э.), см. Lyonnet 2007a: 13, Kohl 2009: 243 о периодизации и датировании, сходно в Trifonov 2004: 170; см. Мунчаев 1994, Kohl 2007: 73 о более подробном анализе. Важно, что, согласно Трифонов 2009, северозападные районы Кавказа были необитаемы в эпоху неолита, и только в энеолитическое время регион был заново заселен носителями культуры Мешоко.

Культура Мешоко скорее ассоциируется с северными / северо-западными степями и Балканами (это касается керамики, некоторых других типов артефактов и металла, импортированного с Балкан), см. Lyonnet 2007b: 135 с лит. С другой стороны, также могут быть прослежены и некоторые связи с южными регионами: в Трифонов 2001: 194 утверждается, что керамика Мешоко близка керамике энеолитической Восточной Анатолии; ср. также каменные орудия Мешоко, сделаные из обсидиана, импортированного из Закавказья (Мунчаев 1994: 189 с лит.).

Феномен резкого возникновения майкопской культуры более важен для нас. Современное радиоуглеродное датирование переносит майкопскую культуру из 3-го тыс. до н. э. (традиционная датировка) в начало 4-го тыс. до н. э., т. е. в переходный период между поздним Убейдом и ранним Уруком (Kohl 2007: 73) или, скорее, в раннеурукский период.

Такая датировка делает проблематичным традиционный сценарий, в соответствии с которым майкопская культура происходит с юга (т. е. из Анатолии и/или Месопотамии). Очевидно, что майкопская керамика весьма схожа с керамикой фазы Amuq F культур южной Анатолии и северной Сирии (Андреева 1977: 50–55, Мунчаев 1994: 169, Lyonnet 2007b: 148). Период Amuq F сейчас считается хронологически совпадающим с майкопской культурой: 3850–3000 до н. э. (Lyonnet 2007a: 13, Kohl 2009: 243). Традиционно керамика Amuq F выводится из более ранней культуры Тепе Гавры (северная Месопотамия; Gawra XII–IX,[61] см. Андреева 1977: 53–54). С другой стороны, имеется и ряд свидетельств северных/северо-западных источников майкопской культуры.

[61] Слой Gawra XII представляет собой промежуточную фазу между эпохами Убейда и Урука. К датировке см. Rothman 2002: 51: «Unfortunately, only one C^{14} date exists for Levels XII to VIII of Gawra, and an attempt to run bone dates failed. Four C^{14} dates were run from the site of Tepe Gawra <…>. Using the Clark calibration, the samples from Level XII yielded a date of 3837 + 72 years B.C. <…> Aurenche and Hours <…>, using another calibration, got dates of 4920–4450 B.C. for XII. The new OxCal calibrations should yield a date of somewhere between 4700–4400 B.C.».

— Следы торговых путей между Балканами и Северным Кавказом известны уже с домайкопской фазы, т. е. в культуре Мешоко (см. выше).

— Ранние майкопские комплексы распложены скорее на северо-западной территории, в то время как более поздняя новосвободненская культура распространяется на юго-восток (Мунчаев 1994: 171–173).

— Захоронения в виде курганов не типичны для ближневосточной традиции. Несколько погребальных холмов, схожих с майкопскими, были недавно открыты в культуре *Л*ейлатепе на Южном Кавказе — северо-западный Азербайджан и центральная Грузия (Kohl 2009: 242 с лит.; Ахундов & Махмудова 2008; Akhundov 2007); для культуры *Л*ейлатепе нет радиоуглеродных датировок, но хронологически эти комплексы должны быть современны майкопской фазе. Позднее ряд схожих с майкопским курганов в северо-западном Иране (2-я пол. 4-го тыс. до н. э.) позволяет проследить миграцию майкопцев с севера на юг, которая имела место до начала экспансии куро-аракской культуры в конце 4-го тыс. до н. э., см. Kohl 2007: 85, Kohl 2009: 245 с лит. (вопреки Трифонов 2000). С другой стороны, домайкопские курганы известны из центрального Предкавказья, Прикубанья, с нижней Волги и нижнего *Д*она, некоторые характеристики которых явно параллельны майкопскому кургану (Мунчаев 1994: 178–179, Kohl 2007: 59, Kohl 2009: 244 с лит.). Ср. Manzura 2005, где предполагается, что курганная погребальная традиция происходит из культуры Триполья (энеолитическая фаза Tripolye C1, которая синхронна или немного древнее майкопской фазы).

— Внезапное появление металлургической майкопской культуры хронологически коррелирует с угасанием древнейшего европейского очага металлообработки — карпато-балканского металлургического центра (Kohl 2009: 244, Lyonnet 2007a: 17, Lyonnet 2007b: 150).

— Так называемая «проблема золота» (“problem of gold”), см. подробнее Chernykh 1992: 142–144, Kohl 2007: 78–79. Археологические комплексы с золотым инвентарем известны с энеолитических Балкан (2-я пол. 5-го тыс. до н. э., варнский некрополь), далее из майкопской культуры (3750–3500 до н. э., ранний бронзовый век), затем в среднем бронзовом веке они распространяются по Закавказью, Анатолии и Месопотамии: куро-аракская куль-

тура, хаттское городище Аладжа-Хююк, Троя II–III, царские гробницы Ура (сер. 3-го тыс. до н. э.) и т. д. Это позволяет проследить доисторические миграции групп людей, использовавших и ценивших золото.

— Краниологические исследования (Герасимова и др. 2007) показывают, что мужские черепа из майкопских погребений принадлежат к степным типам.[62]

См. в Kohl 2007: 57 ff. (особенно 75–86) с лит. общее обсуждение возможных северо-западных корней майкопской культуры. [63]

Для наших дальнейших рассуждений важно, что для периода 4–3 тыс. до н. э. мы должны предполагать определенные миграции и/или торговые пути из майкопского региона на юг, в Анатолию, Месопотамию и т. д. См. выше о пост-майкопских курганах в северо-западном Иране. Lyonnet 2007b: 150 предполагает, что месопотамская керамика определенного лощенного типа могла быть заимствована с Кавказа ("<…> l'apparition de la céramique grise polie et lissée, ou l'introduction du décor peigné en Mésopotamie sont, eux, très probablement d'origine caucasienne"). Подобным посредником между месопотамской убейд-урукской традицией и майкопской культурой можно рассматривать южнокавказскую культуру Лейлатепе (см. Ахундов & Махмудова 2008, ср. Akhundov 2007). Некоторые дополнительные примеры на подобные связи майкопской культуры с южными регионами приводятся в Kohl 2007: 75. Напр., хорошо известная раннемайкопская цилиндрическая

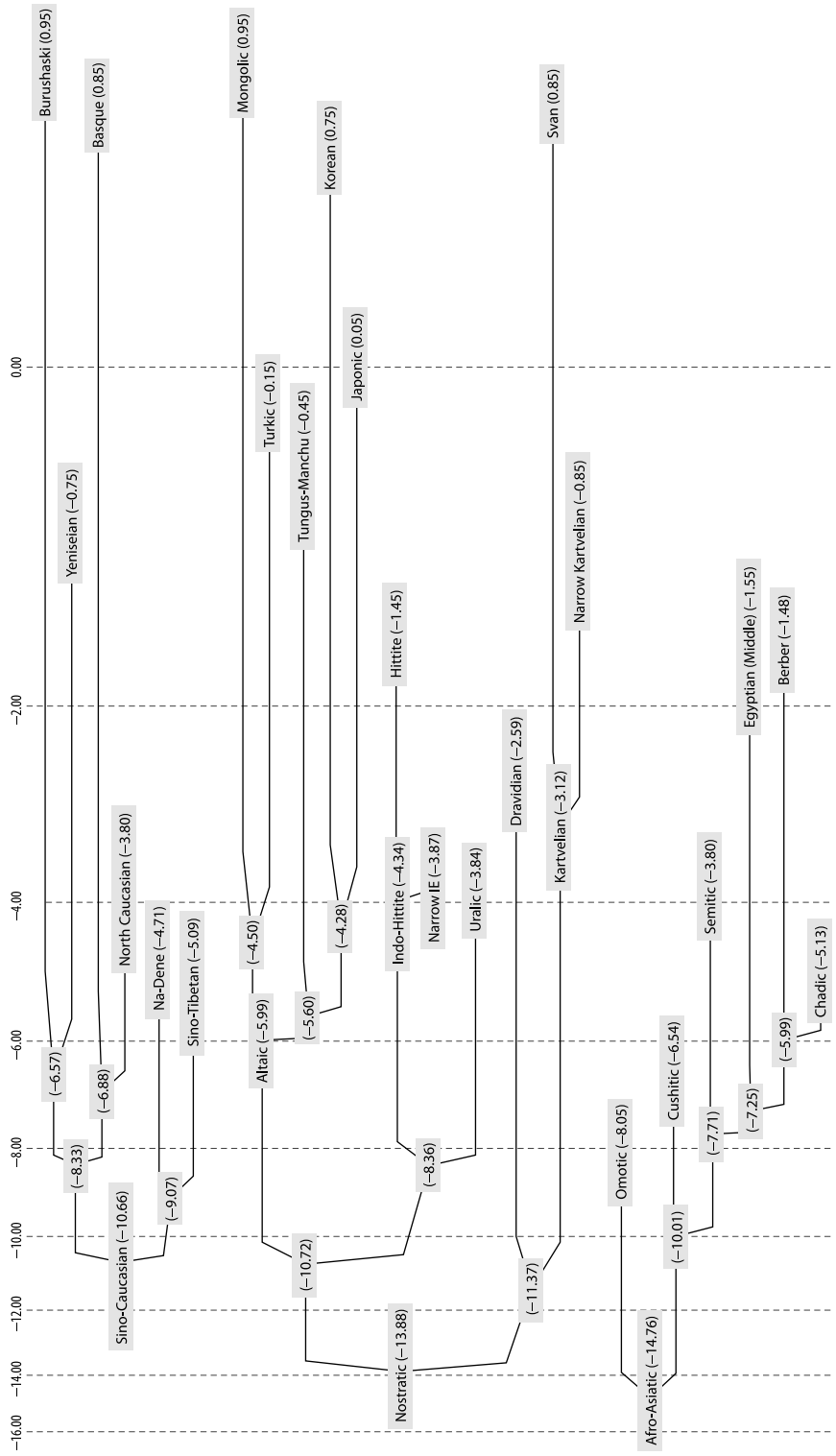
---

[62] Интересно, что майкопские женские черепа, напротив, близки к ближневосточному типу.

[63] Необходимо иметь в виду, что традиционный аргумент в пользу южного происхождения майкопской культуры — медленный гончарный круг, известный как майкопцам, так и носителям новосвободненской культуры (Мунчаев 1994: 219), — не представляется убедительным. В самом деле, медленный гончарный круг известен, напр., из переходной фазы между поздним Убейдом и ранним Уруком культуры Тепе Гавры — слой Gawra XII (Rothman 2002: 54; Charvát 2002: 59), что хронологически раньше майкопской культуры. Однако подобная технология зафиксирована и с начала позднетрипольского периода (Tripolye CI: 4000–3300 до н. э.; Kohl 2007: 74–75, Zbenovich 1996: 230). Альтернативным решением является предположение, что мы имеем дело с местной майкопской инновацией.

печать с оленем и «древом жизни», имеющая прямые аналоги среди печатей поздних слоев Тепе Гавры и Дегирментепе (восточная Анатолия), и майкопская булавка с трехгранной головка, аналогичная более поздним булавкам из Арслантепе. Ср. также утверждение Черных (Chernykh 1992: 72): “<…> the various analogies for the gold ornaments and for some of the bronze tools, lead us to ancient Mesopotamia, to sites of the late fourth and third millennia BC — Uruk, Jemdet Nasr — and even as far away as Early Dynastic Ur”.

8.2.5. Ниже я привожу предварительное глоттохронологическое дерево, составленное Г. С. Старостиным (о процедуре см. выше 4.1), трех макросемей Евразии: афразийской, ностратической и сино-кавказской (дене-сино-кавказской).



Глоттохронологические деревья сино-кавказской, ностратической и афро-азиатской макросемей (50-словные списки)

Носители майкопской культуры вряд ли могли быть прасемитскими или реннесемитскими племенами (вопреки Сафронов 1989): (a) Нет никаких указаний на то, что в 5–4 тыс. до н. э. имели место масштабные миграции семитов так далеко на север; (b) металлургическая терминология не рекон-

струируется для прасемитского. Это же касается и остальных афразийских прязыков: праберберского, пракушитского и т. д. (вопреки некоторым исследованиям А. Ю. Милитарева).

Майкопцы не могли быть и прахеттами (вопреки курганной теории М. Гимбутас), т. к. нам ничего неизвестно о каком-либо индоевропейском культурном влиянии в Анатолии и/или Месопотамии раннего и среднего бронзового века. Не говоря уж о том, что гипотеза о раздельной миграции хеттов (через Северный Кавказ) и лувийцев (через Босфор) — что предлагает, напр., Сафронов 1989 — в Анатолию представляется фантастичной с лингвистической точки зрения.

Майкопцы не могут идентифицироваться с пракартвелами, т. к. у нас нет никаких лингвистических следов тесных контактов картвельских племен с семитскими в доисторическую эпоху.[64] Пракартвелы (распад праязыка в конце 4 тыс. до н. э.) надежно привязываются к протоколхской археологической культуре (с кон. 4 тыс. до н. э., средний бронзовый век), см. Микеладзе 1994.

Как предполагается многими учеными, прахурриты (прахурриторарты) достаточно достоверно идентифицируются с куро-аракской культурой (сер. 4 тыс. — сер. 3 тыс. до н. э.).[65] Археологические данные подкрепляют движение куро-аракцев с севера на юг/юго-запад с конца 4 до сер. 3 тыс. до н. э. (см. Kohl 2006: 22 ff.), северные границы куро-аракской примерно совпадают с исторически зафиксированным ареалом хуррито-урартских диалектов. О хуррито-урартской атрибуции куро-аракской культуры см.,

---

[64] Ср. очень короткий список предполагаемых семитских заимствований в пракартвельском, приводимый в S. Starostin 2007a: 817 f. (некоторые из этих основ проникли в картвельский через вост.-кавк. или хурр. посредство).

[65] Вопреки пионерской работе Diakonoff & Starostin 1986, где хурро-урартский включается в вост.-кавк. ветвь сев.-кавк. семьи, очень похоже на то, что данный кластер представляет собой отдельное образование внутри сино-кавк. макросемьи (в начале 2000-х С. А. Старостин сам склонялся к такому заключению). О некоторых деталях см. Kassian 2010b.

напр., Diakonoff 1990, Burney 1997, Kelly-Buccellati 2004, Buccellati & Kelly-Buccellati 2007 (ср. также намного более осторожно Kohl 2009: 252).

В виду изложенного я настаиваю на том, что единственный возможный лингвистический претендент на майкопскую культуру — это носители сев.-кавк. праязыка.[66]

8.2.6. Распад баскско-северокавказского праязыка глоттохронологически датируется началом 7 тыс. до н. э. Обосновано предложить однозначную локализацию баскско-северокавказской прародины затруднительно (южная Анатолия или Балканы, см. ниже п. 8.2.7), однако первая прародина северокавказцев располагалась в какой-то части карпато-балканского металлургического региона (ср. выше о культуре Варны). Иная локализация баскско-северокавказсой прародины менее вероятна по бритве Оккама. См. в С. Старостин 1985/2007 реконструкцию прасеверокавказской культурной лексики. В соответствии с этими списками сев.-кавк. праязык обладал весьма развитой агрокультурной и скотоводческой терминологией, и, вероятно, наиболее богатой металлургической терминологией среди других реконструируемых языков сравнимой хронологической глубины[67]. С. А. Старостин постулирует шесть прасев.-кавк. названий различных металлов, что резко контрастирует, напр., с и.-е. праязыком, где восстанавливается лишь один узко-и.-е. термин **aḭ-es* ‘медь > бронза > железо’[68], или со схожей ситуацией

---

[66] Ср. также Anthony 2007: 297, который принимает эту же лингвистическую атрибуцию майкопской культуры.

[67] ***ɦĕrVcwĭ*** ‘silver’, ****lŏʒV̄*** ‘a bright metal’, ****rĕwc̱wi*** ‘red copper; gold’, ****riƛ̱(w)e*** ‘brass; gold’, ****ṭĭš(w)i*** ‘lead’, ****ṭV̆tV(wV)*** ‘silver; gold’. Однако, ни для одного из этих терминов пока не предложено баскской параллели. Сев.-кавк. слово ‘железо(?)’, приводимое в С. Старостин 1985/2007: 304 исходно значило ‘голубой, синий’, см. Caucet.dbf sub ****nHāƛ̱wV̆*** ‘blue; blue metal > iron’.

[68] Остальные и.-е. квази-пратермины или имеют явный миграционный характер, или же произведены от цветообозначений, что может быть поздним независимым развитием. Напр., и.-е. **Hr̥ĝ-ent-* / **Harĝ-ent-* ‘серебро’, видимо, является заимствованием из сев.-кавк. ****ɦĕrVcwĭ*** ‘silver’, вторично сконтаминировавшимся с и.-е. **Hr̥ĝ-* / **Harĝ-* ‘white, light’ (см. Caucet.dbf, С. Старостин 1988/2007: 334).

в прасемитском. Следовательно, ряд энеолитических культур Карпато-балканской металлургической провинции 5-го тыс. до н. э. следует связывать с ранней фазой сев.-кавк. праязыка. Т.к. возникновение Карпато-балканской металлургической провинции является следствием экспансии производящей экономики и медной металлургии из северной Месопотамии и Анатолии в юго-восточную Европу в течение кон. 7-го — 6-го тыс. до н. э. (Kohl 2007: 29 сл.), некоторые анатолийские металлургические города этого периода, такие как Чатал-Хююк, могут гипотетически быть следом миграции прабаскско-северокавказских племен с сино-кавказской прародины на Балканы.

Существенный лингвистический вопрос, который должен быть здесь обсужден, — это контакты индо-хеттского и сев.-кавк. праязыков. С. Старостин 1988/2007 предлагает объемный список индо-хет.– сев.-кавк. лексических параллелей, бóльшая часть которых должна быть объяснена как заимствования в индо-хеттский. Как было справедливо указано С. А. Старостиным (1988/2007: 356 ff.), источником заимствований был не сам сев.-кавк. праязык: во-первых, мы не наблюдаем лексических проникновений в обратном направлении (и.-е. > сев.-кавк.), во-вторых, что более важно, язык-источник демонстрирует ряд фонетических инноваций по сравнению с реконструированным сев.-кавк. праязыком (утрата **n* в сочетании с аффрикатами, **l* > *r* в некоторых позициях и т. д.). Старостин предполагает, что данные индо-хеттские основы были заимствованы из какого-то отдельного сев.-кавк. диалекта после распада сев.-кавк. праязыка. Однако подобный сценарий хронологически не представляется реалистичным: по глоттохронологии, распад индо-хет. праязыка произошел ок. 4400 г. до н. э., в то время как сев.-кавк. праязык распадается ок. 3600 г. до н. э. Исходя из этого, я полагаю, что источником обсуждаемых заимствований был какой-то вымерший член баскско-северокавказской ветви, который соседствовал с индо-хеттским регионом энеолитических Карпато-Балкан.

З а м е ч а н и е. Обсуждение проблемы локализации индоевропейской прародины не является целью данного раздела; см. обзор существующих гипотез в Mallory 1997. Я разделяю ту точку зрения, согласно которой неолитическая/энеолитическая прародина индо-хеттов должна располагаться на Карпато-Балканах (ср., напр., Diakonoff 1985, В. Ды-

бо 1994, 1999, 2002, 2006, где перерабатывается концепция Сафронов 1989). Модель причерноморско-каспийских степей М. Гимбутас (курганная теория) отклоняется в виду существенного количества и.-е. корней и основ, обозначающих горы/холмы, лес, различные виды деревьев и т. д. Иногда предлагаемый аргумент в пользу курганной теории — индоевропейско-уральские лексические контакты, однако эти контакты должны датироваться индо-иранской эпохой, не ранее (праиндоевропейско-уральские изоглоссы, которые принадлежат по большей части к базисной лексике, представляют собой ностратическое наследие). Различные анатолийские/южнокавказские модели расселения отражают скорее ностратическую экспансию, нежели последующие индо-хеттские миграции. Главным аргументом в пользу анатолийской локализации и.-е. прародины являются лексические заимствования между праиндоевропейским и прасемитским, но в действительности эти изоглоссы представляются фикцией. См., напр., список традиционных прасемитских заимствований в праиндоевропейский (Dolgopolsky 1989 с лит.) и суровую критику этих сближений в Дьяконов 1982a, Дьяконов 1982b. Наиболее вероятным прасемитским заимствованием в индоевропейский является числительное ‘7’ (Blažek 1999: 246 ff.), но, во-первых, в данном регионе эта основа являлась бродячим словом (ср. картв. ***šwid-** ‘7’ и, возможно, хурр. *šitta-* ‘7’), во-вторых, я полагаю, что данное числительное проникло в и.-е. диалекты уже после распада праязыка (см. ниже, разд. III). Второй возможный кандидат — это узко-индоевропейская основа **taur-os* ‘aurochs’ < семит. ***ṯawr-** ‘bull, ox’ (аккад. *šūru*, угар. *ṯr*, др.-евр. *šōr*, офф. арам. *twr* ‘bull, ox’ и т. д., см. SED 2: #241), однако и в этом случае возможен сходный сценарий: слово было заимствовано в прагреческий из какого-либо семитского диалекта, в котором семит. **ṯ* имело тенденцию переходить в [t], а затем распространилось по западноевропейским диалектам — ср. сходную лингвистическую судьбу наименований ‘льва’, ‘леопарда/пантеры’, ‘обезьяны’ или ‘слона/верблюда’, которые являеются бродячими словами и не могут быть реконструированы на праиндоевропейский уровень. S. Starostin 2007b пытается вдохнуть жизнь в теорию праиндоевропейско-семитских контактов и предлагает внушительный список лексических единиц, заимствованных из и.-е. в семитский; я не буду обсуждать данный вопрос здесь, но полагаю, что указанные изоглоссы являются или случайными совпадениями, или общим ностратическо-афразийским наследием.

Следует подчеркнуть, что если мы примем господствующую степную модель и.-е. прародины, это никак не повлиет на предлагаемую нами концепцию праиндоевропейско-прасеверокавказских языковых контактов.

С Балкан прабаски начали двигаться в сторону центральной и западной Европы, где они, видимо, заняли достаточно обширные территории, однако позднее (в течение 4–2 тыс. до н. э.) оказались вытесненными и/или ассимилированными различными и.-е. племенами. Конечно, нынешние теории о прабаскском субстрате западных и.-е. языков (ср., напр., Mailhammer 2011 с лит.) должны быть пересмотрены с позиций современного сравнительно-исторического языкознания и макрокомпаративистики, но я полагаю, что принципиальная идея о каком-то баскско-северокавказском субстрате в Европе может оказаться правильной.

Напротив, прасеверокавказцы направились с Балкан на север, обогнули Черное море и создали майкопскую культуру, чья датировка (3850–3300 гг. до н. э.) точно соответствует глоттохронологическому распаду сев.-кавк. праязыка (ок. 3800 г. до н. э.). Затем (2-я пол. 4 тыс. до н. э.) празападнокавказские и правосточнокавказские племена спустились на юг: в Анатолию и Месопотамию (где мы обнаруживаем культуры с явным влиянием майкопской, см. выше), но позднее они оказываются оттесненными обратно на север в свой исторический ареал на Северном Кавказе или ассимилированными семитами, хурритами и другими обитателями соответствующих регионов.

Как показано в С. Старостин 1988/2007: 310 f., прасеверокавказцам было известно скотоводство (в частности коневодство), агрокультура, текстильное производство и металлургия, что в точности соответствует майкопской культуре (см. Мунчаев 1994: 224; Kohl 2007: 77 f.).

Пракартвелы не показывают надежных лексических следов контактов с прасеверокавказцами. Как отмечено в S. Starostin 2007a: 819, язык — источник заимствований в пракартвельский словарь напоминает скорее пранахский (что соответствует позднему характеру протоколхской культуры).

Милитарев & Старостин 2007: 876–881 предлагают ряд некоторых лексических культурных заимствований между сев.-кавк. диалектами и афразийскими языками. Важно, что подавляющая часть этих изоглосс не может быть истолкована как заимствования между прасеверокавказским и прасемитским или пракушитским и т. д. языками. Напротив, указанный список иллюстрирует межъязыковые интерференции *после* распада основных пра-

языков. Таким образом, эти контакты должны датироваться 2-й пол. 4 — 3 тыс. до н. э., что хронологически очень хорошо соответствует проникновению празападнокавказских и правосточнокавказских племен в Анатолию и Месопотамию.[69]

Как было указано в 2.2.3 выше, вост.-кавк. ветвь сев.-кавк. семьи показывает сдвиг от префиксальной морфологии в сторону суффиксальных систем (в отличие от более архаично зап.-кавк. ветви, сохраняющей префиксацию в качестве основного морфологического принципа). Этот процесс морфологической перестройки должен объясняться контактами с прахурритами (куро-аракская культура, 4–3 тыс. до н. э., которая взаимодействовала с позднемайкопской, т. е. новосвободненской культурой), демонстрирующими этот же сдвиг от прасино-кавказской префиксации к суффиксации.

В конце 3 — начале 2 тыс. до н. э. вост.-кавк. и зап.-кавк. диалекты были источником ряда лексических заимствований в хаттский (см. выше), хеттский (Николаев 1985[70]) и даже древнегреческий (Николаев 1985).[71]

8.2.7. Один из возможных сценариев сино-кавказской (дене-сино-кавказской) экспансии может быть проиллюстрирован таким образом. NB:

---

[69] Восемь изоглосс, озаглавленных как “Proto-Afrasian–Proto-North Caucasian isoglosses” А. Ю. Милитаревым и Г. С. Старостиным (Милитарев & Старостин 2007: 879 f.) должны отражать не праафразийско-прасеверокавказские контакты (что невозможно хронологически), а праафразийско-прасино-кавказское взаимодействие.

[70] Некоторые сопоставления С. *Л*. Николаева спорны, но некоторые вполне доказательны. О. А. Мудрак (уст. сообщ.) предлагает ряд дополнительных весьма вероятных пранахских этимологий для хеттской культурной лексики, напр., хет. *muḫ(ḫa)rai* ‘fleshy part of sacrificial animals’ < нах. **moħ*, косв. осн. **maħar-* ‘fat (n.)’, хет. *mariš* (“From the mou[th(?) …] evil saliva […] evil *m*. […]”) < нах. **marš* ‘snot’ и т. д.

[71] Исходя из общих соображений, племена «каска», котрые начали беспокоить хеттское царство в сер. 2 тыс. до н. э., должны быть атрибутированы как северокавказцы. К сожалению, до сих пор не открыто никаких археологических коррелятов каскам эпохи позднего бронзового века, что приводит Й. Якара (Yakar 2008) к выводу, что эти племена представляли собой полукочевые образования. Другую точку зрения см. в Singer 2007, где предполагается, что каски представляли собой остатки автохтонного хаттского населения.

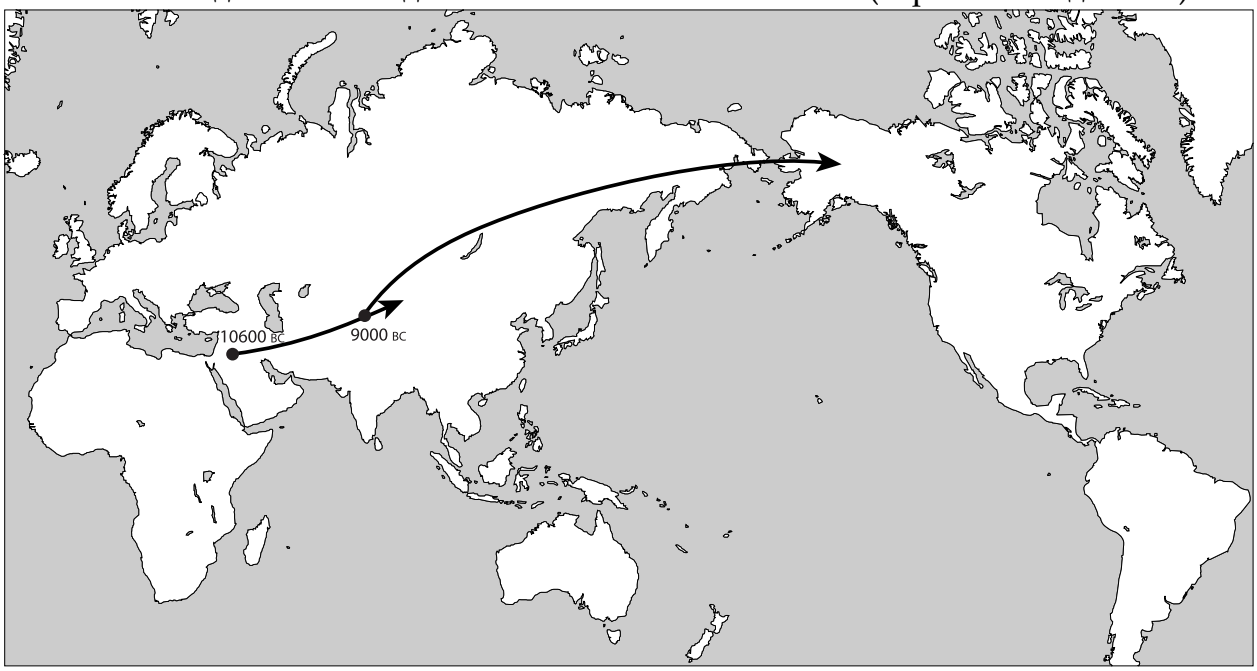
условно я помещаю сино-кавк. прародину в Сирию, однако мне не известны никакие серьезные аргументы ни за, ни против подобной локализации. Могут быть, однако, выдвинуты несколько соображений, по которым мы не должны помещать сино-кавказскую прародину слишком далеко от Плодородного полумесяца.

a) Глоттохронологический распад основных лингвистических макросемей, чьи прапродины могли бы теоретически располагаться на Ближнем Востоке — афразийская (нач. 13 тыс. до н. э.), ностратическая (кон. 12 тыс. до н. э.) и сино-кавказская (нач. 12 тыс. до н. э.), — совпадает с переходом к неолиту в Леванте, т. е. к оседлости и производящему хозяйству (калиброванные радиоуглеродные даты ранней натуфийской фазы: 12450–11000 до н. э., Guerrero et al. 2008 w. lit.). См. Diamond & Bellwood 2003 и различные статьи в Bocquet-Appel & Bar-Yosef 2008 об общем демографическом подъеме с началом неолита и о последующем разделении языков.

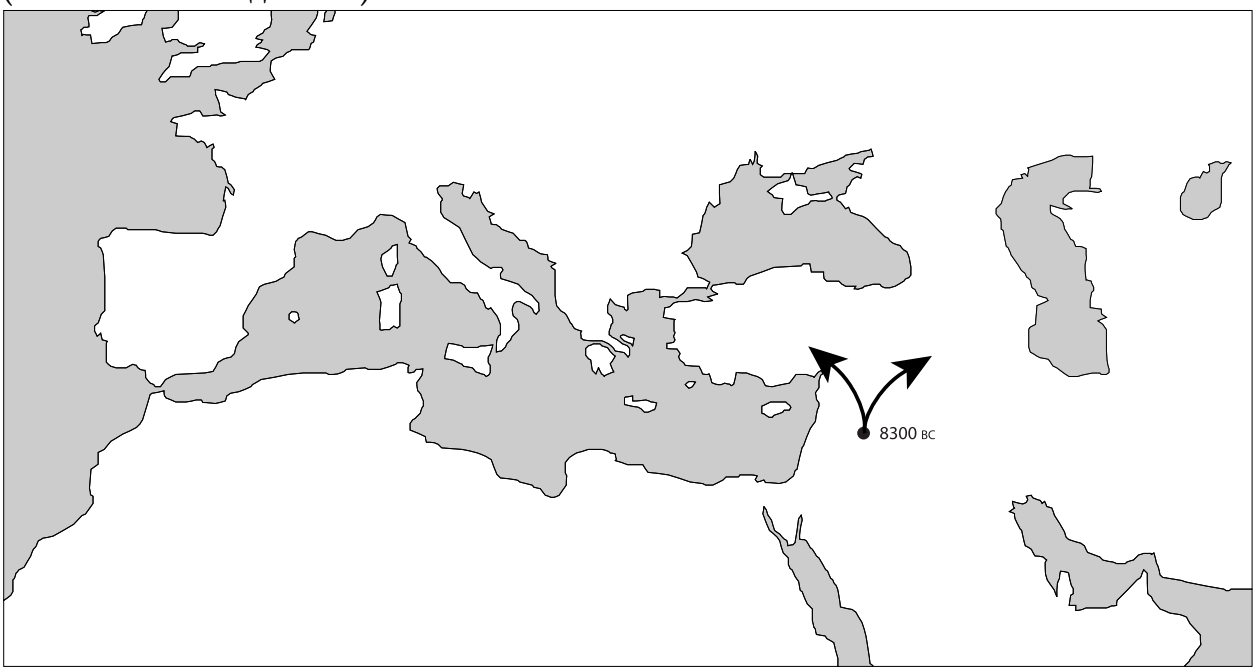
b) А. Ю. Милитаревым и Г. С. Старостиным (Милитарев & Старостин 2007: 879 f.) предполагают восемь культурных лексических заимствований между праафразийским и прасино-кавказским языками (заголовок “Proto-Afrasian–Proto-North Caucasian isoglosses” в статье является опечаткой).

c) Как было отмечено выше (8.2.6), анатолийские металлургические города кон. 7-го — 6-го тыс. до н. э. (Чатал-Хююк и др.) могут свидетельствовать о миграции прабаскско-северокавказских племен с сино-кавказской ближневосточной прародины на Балканы.

Фаза 1. Отделение на-дене—сино-тибетской ветви (сер. 11 тыс. до н. э.).



Фаза 2. Разделение на северокавказскую и енисейско-бурушскую ветви (2-я пол. 9 тыс. до н. э.).

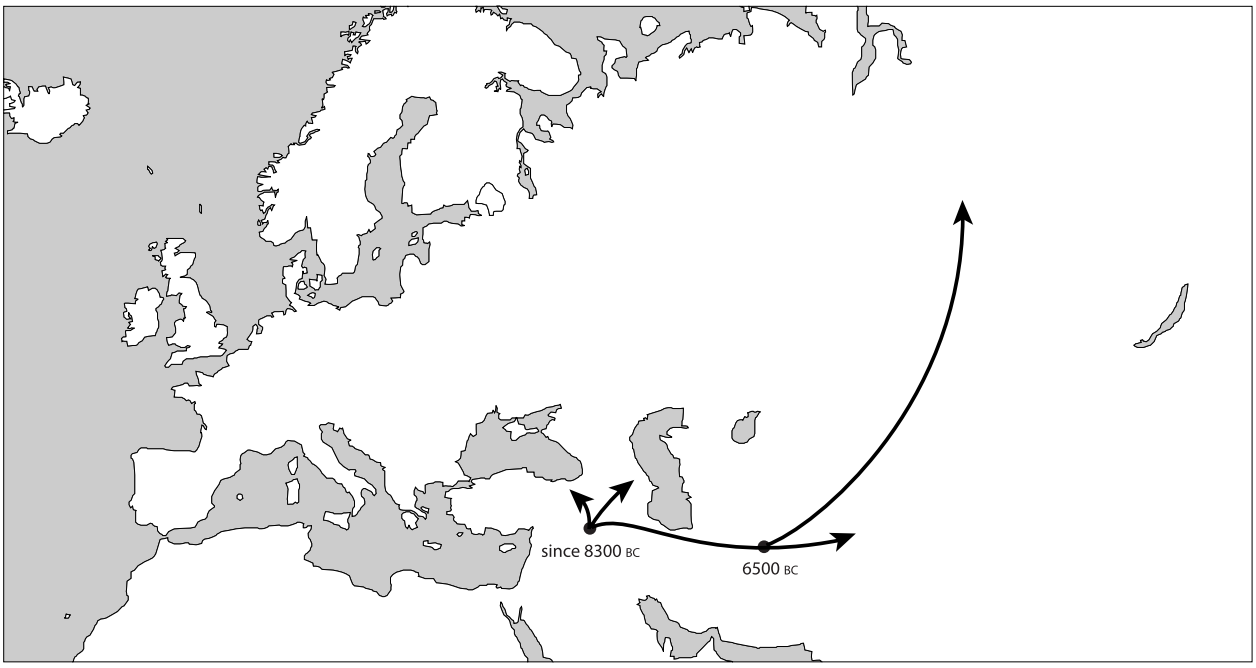


Фаза 3. Разделение енисейско-бурушскую (нач. 7 тыс. до н. э.). Условно я включаю хаттский и хуррито-урартский языки в эту ветвь, хотя формальные лексикостатистические данные слишком скудны (см. выше пп. 4.1 и 8.1). Прахурриты начинают продвижение в сторону Каспия, где позднéе создают куро-аракскую культуру (2-я пол. 4 — 3 тыс. до н. э.). Теоретически более ранние (поздненеолитические) культуры этого региона могут также идентифицироваться с хурритами. Прахатты перемещаются в восточную Анатолию (царские гробницы Аладжа-Хююка сер. 3 тыс. до н. э. требуют хаттской атрибуции), в то время как прабурушаски-енисейцы держат свой путь на восток. Глоттохронологически бурушско-енисейский праязык распался в сер. 7 тыс. до н. э., таким образом, карасукская археологическая культура (поздний бронзовый век; ок. 1500–800 до н. э.) точно не может быть идентифицирована с бурушско-енисейским праязыком как таковым (ср. van Driem 2001: 1186 ссл.), но могла бы представлять енисейский праязык, который распадается в сер. 1 тыс. до н. э. (см. взвешенное обсуждение в Makarov & Batashev 2004).[72] Janhunen 1998: 204 предлагает енисейскую атрибуцию таштыкской культуры (район Минусинска, нач. 1 тыс. н. э.), что представляется спорным. Таштыкская культура скорее представляет собой раннюю тюркскую миграцию в район скифской тагарской культуры[73]. Для этой поздней эпохи намного более естественным выглядит связь енисейцев с «лесной» валиковой керамикой (чешуйчато-ленточной, обмазочно-валиковой и защипно-пальцевой), известной от среднего Енисея до Мину-

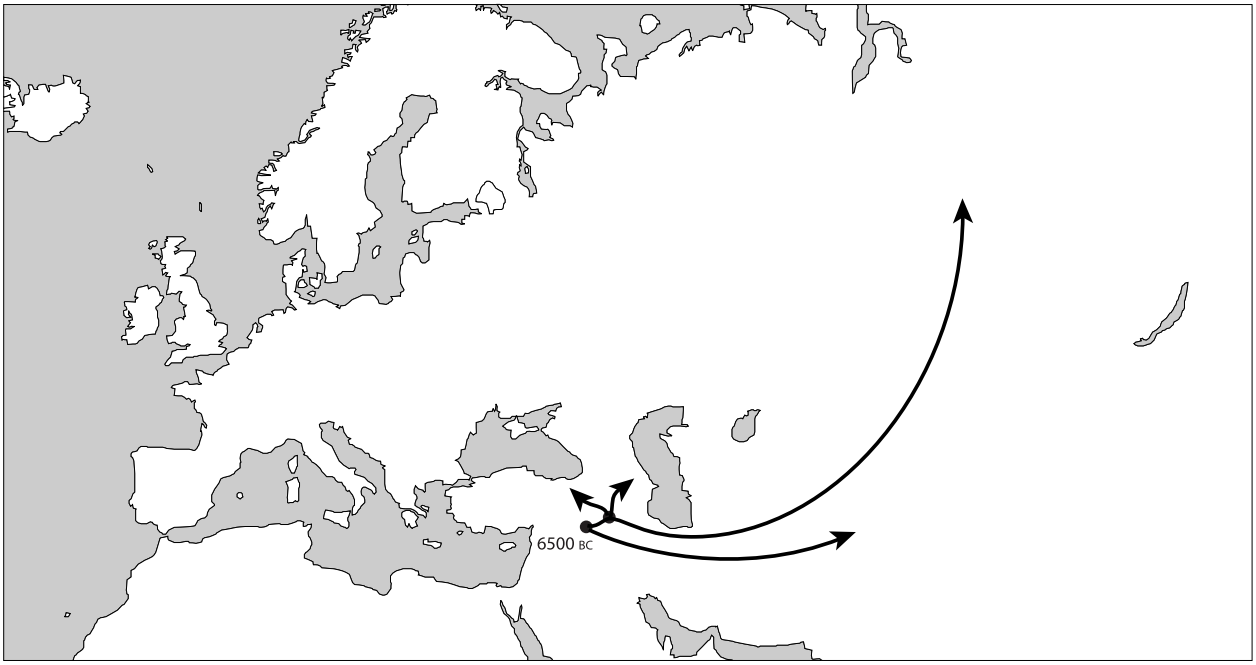
[72] Некоторые авторы отвергают енисейскую атрибуцию карасукской культуры. Напр., Legrand 2006: 858: “It shows that this transformation [from Andronovo culture into Karasuk culture. — *A. K.*] did not result from the arrival of a new culture group, but from changes in the local economy and way of life that occurred in the particular geographic and climatic context of the Minusinsk Basin”. Ср. также Клейн 2000, где карасукская культура связывается с прато-харами (однако, фатьяново-карасукская концепция Клейна представляется весьма спорной).

[73] Насколько мы можем судить по данным хроник Хань и Тан, так называемые енисейские кыргызы, с которыми традиционно идентифицируется таштыкская культура, являлись тюрками по своему языку, см. Ligeti 1950; о енисейско-кыргызском термине *kaša* ‘железо(??)’ см. А. Дыбо 2007: 97.

синской котловины в течение 1-го тыс. до н. э.; см. *Леонтьев & Леонтьев* 2009: 67, 76–83 с лит.[74]

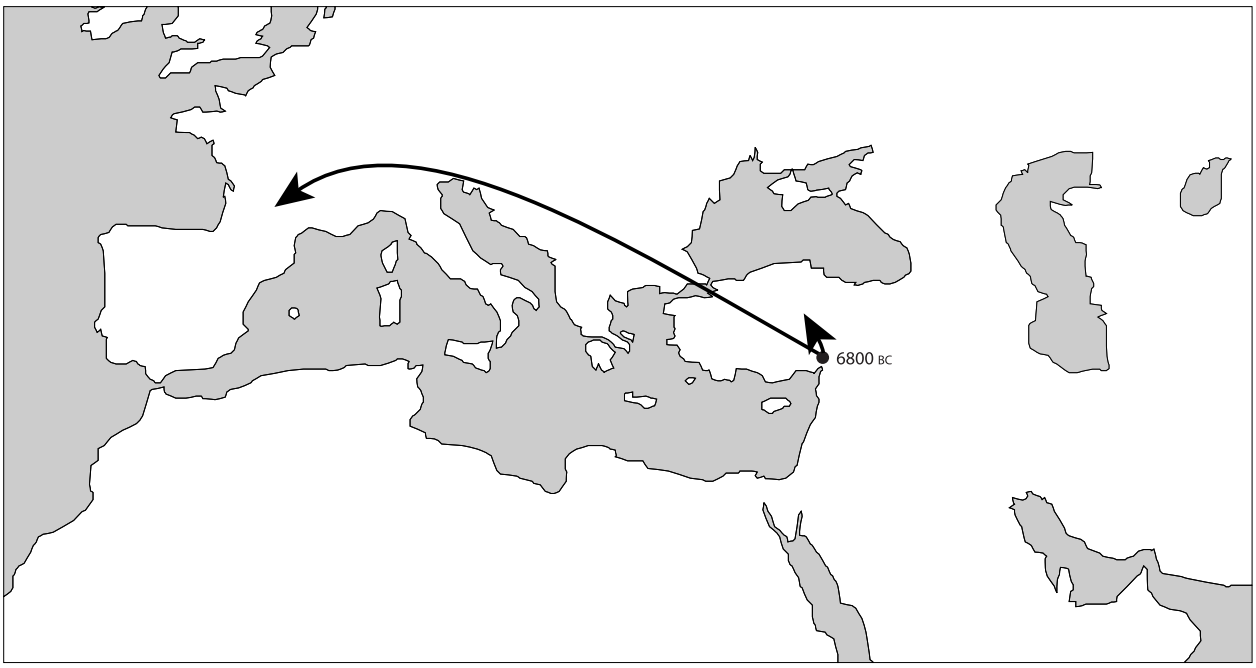


Альтернативный, теоретически возможный сценарий — это раздельные миграции прабурушских и праенисейских племен:

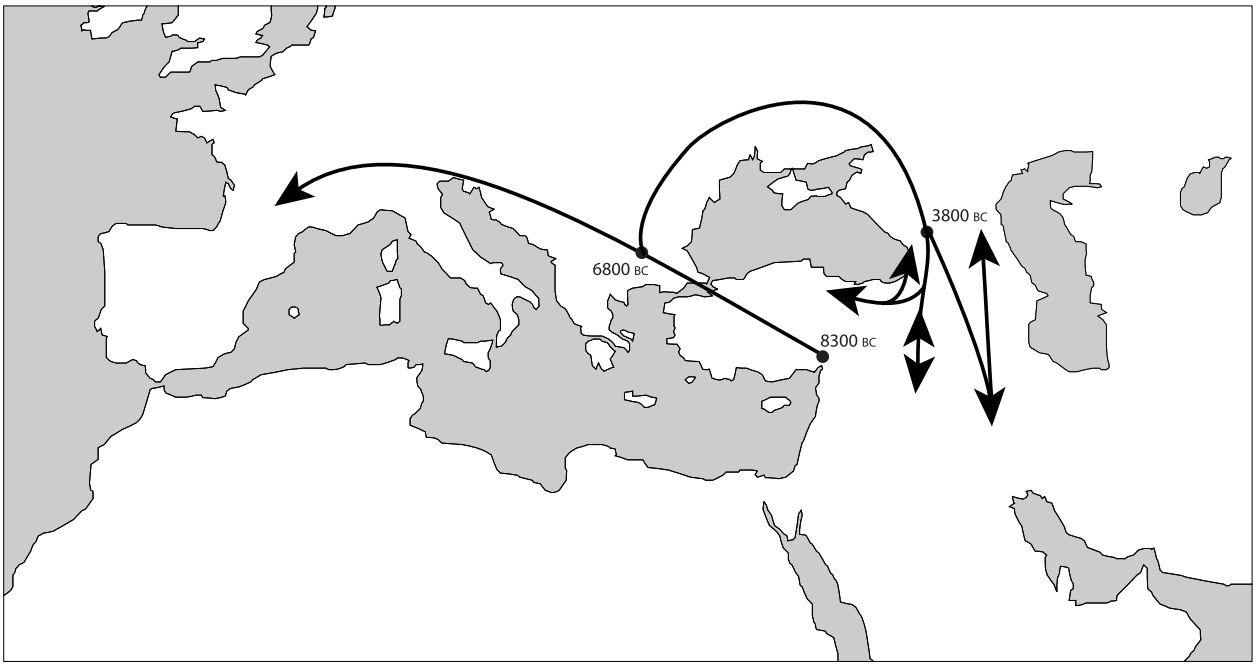


[74] Необходимо иметь в виду, что, согласно *Леонтьев & Леонтьев* 2009, енисейская валиковая керамика зарождается под влиянием соответствующего гуннского стиля.

Фаза 4. Разделение на прабасков и прасеверокавказцев (1-я пол. 7 тыс. до н. э.). Прабаски продвигаются в Европу.



Альтернативный сценарий — помещать баскско-северокавказскую прародину на Балканах. В 1-й пол. 7 тыс. до н. э. прабаски мигрируют на запад, в то время как прасеверокавказцы остаются на Балканах (Карпато-Балканская металлургическая провинция, 5 тыс. до н. э.), но затем перемещаются в сторону Северного Кавказа. Северокавказский праязык разделяется на зап.-кавк. и вост.-кавк. в 1-й пол. 4 тыс. до н. э., что соответствует ранней стадии майкопской культуры.



РАЗДЕЛ II

ХУРРИТО-УРАРТСКИЕ ЯЗЫКИ

Глава 1
ХУРРИТО-УРАРТСКИЕ ЯЗЫКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ *ЛЕКСИКОСТАТИСТИКИ*

1. Введение. Хуррито-урартская (далее — ХУ) языковая семья состоит из двух близких языков: хурритского (с несколькими диалектами)[1] и урартского.[2] Несмотря на хронологическое расстояние между засвидетельствованным хурритским и урартским, представляется ясным, что урартский не потомок хурритского. Напротив, хурритский и урартский представляют собой две отдельные ветви, являясь потомками прахуррито-урартского языка.[3] ХУ племена дописьменного периода естественно ассоциировать с куро-аракской археологической культурой (Kassian 2010a, 423 ff. с дальнейшей литературой).

Внешние связи ХУ языков затемнены. Наиболее естественным решением (ввиду географической близости и некоторой типологической схожести) было бы включать ХУ языки в восточнокавказскую (нахско-дагестанскую) ветвь северокавказской языковой семьи. Это предлагалось отдельными исследователями по крайней мере со второй половины XIX в., а в дальнейшем таковая идея получила развитие в публикациях советских и польских авторов: — Я. Брауна, Г.П. Климова, Ю.Д. Дешериева, И.М. Дьяконова и неко-

[1] Клинописные и угаритские алфавитные памятники в период примерно с XXIII в. до конца 2-го тыс. до н. э. (Salvini 1998a, Wegner 2007, 21 ff.) на территории юго-востока современной Турции, севера Сирии и севера Ирака.

[2] Клинописные (и, видимо, иероглифические) памятники 1-й пол. 1-го тыс. до н. э. (см. сводные корпусы урартских текстов: КУКН и CdTU) на территории современной Армении и прилегающих юго-западных областей.

[3] Напр., абруптивная серия шумных была утрачена в хурритском, но сохраняется в урартском (Khachikyan 2009); о некотором синтаксическом архаизме урартского см. Хачикян 2010a, 119 f.; еще один урартский архаизм — сохранение отрицательной морфемы **mV* в прохибитивной функции (см. комм. к 62. ‘not$_1$’ ниже). Также ср. следующий пример: старохурритск. *peli ~ pili* ‘canal’ (Bo.Bil.) > новохурритск. *pala* ‘id.’ (Ugar.C.) vs. урарт. *pili* ‘id.’ с сохранением архаичного вокализма.

торых других (см., например, Браун & Климов 1954; Дешериев 1963, 41–51; Diakonoff 1971, 157–171; Дьяконов 1978), после чего появилась отдельная монография «Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language» И.М. Дьяконова и С.А. Старостина (Diakonoff & Starostin 1986; русская версия: Дьяконов & Старостин 1988). Однако в последние десятилетия, по сравнению с 1980-ми гг., были достигнуты существенные успехи как в северокавказской лингвистике, так и в дешифровке ХУ языков. В результате гипотеза восточнокавказской аффилиации ХУ языков начала выглядеть значительно менее привлекательной (ср., например, ее критику у Patri 2009b) и в настоящее время, видимо, не имеет убежденных пропонентов.[4]

Имеется и альтернативная гипотеза, высказываемая некоторыми авторами, о тесном родстве ХУ и индоевропейских языков, что должно предполагать включение ХУ семьи в ностратическую макросемью. Таковая индоевропейско-ХУ теория, восходящая к некоторым идеям Хольгера Педерсена, развивалась в публикациях армянского автора Г. Джаукяна (см., напр., Jahukyan 1961; Джаукян 1967) и затем в книге Fournet & Bomhard 2010. Критику данной гипотезы см. в Kassian 2010b; Kassian 2011a.

Т.к. ни восточнокавказская, ни, тем более, индоевропейская атрибуция ХУ языков не кажется вероятной на нынешнем этапе исследований, имеет смысл предпринять более формальный анализ ХУ языковых данных.

2. Лексикостатистический метод. Последние десятилетия мировая лингвистика демонстрирует повышенный интерес к различным статистическим методам сравнения языков, см. обзоры в Nichols & Warnow 2008; McMahon & McMahon 2005. Можно утверждать, что формальные методы становятся основным инструментом генеалогической классификации языков и диалектов.

Языковые данные, используемые при таком анализе, могут быть нескольких типов.

---

[4] В начале 2000-х и сам С. А. Старостин в беседе с коллегами признавал спорность отнесения ХУ к восточнокавказским языкам и склонялся к концепции более широкой синокавказской атрибуции ХУ.

1) Лексическая информация, т. е. списки базисной лексики (т. н. лексикостатистика). В зависимости от методологии, при дальнейшем сравнении матриц двух языков «плюс» могут получать слова, являющиеся этимологическими родственниками, или же слова, обладающие схожим фонетическим обликом (без отсылки к этимологическим обстоятельствам).
2) Грамматические морфемы и структурные грамматические черты, являющиеся ретенциями или инновациями по отношению к реконструированному праязыку семьи, для которой делается классификация (напр., общие фонетические переходы, синкретизм падежей и т. п.).
3) Общетипологические (универсальные) грамматические признаки, формулировка которых не зависит от специфики конкретных языков (например, базовый порядок слов в предложении VS/SV или наличие передних огубленных гласных).

Наиболее часто встречается классификация по лексическим признакам, т.е. лексикостатистика. Ср. масштабные проекты группы С. Вихманна «Automated Similarity Judgment Program» (напр., Wichmann et al. 2010), и группы Г. С. Старостина «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database» (Г. Старостин 2013, а также см. ниже). Лексикостатистика широко применяется и при исследовании конкретных языковых семей и групп, напр., Gray & Atkinson 2003; Nakhleh et al. 2005; Bouckaert et al. 2012 для индоевропейской семьи; Kitchen et al. 2009 для семитской семьи; Gray et al. 2009 для австронезийской семьи; Dunn et al. 2007 для папуасских языков; Rice 2012 для атапаскской группы; и т. п.

Лексикостатистический метод в настоящее время принят в международном проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database»[5]. В качестве шаблона мы используем 110-словный список, который состоит из 100 «классических» сводешевских понятий плюс 10 дополнительных слов из списка С. Яхонтова, взятых из второй половины

[5] См. http://starling.rinet.ru/new100/main.htm, а также недавнюю монографию Г. Старостин 2013.

первоначального 200-словного списка Сводеша (см. подробности в Бурлак & Старостин 2005, 12–13). Среди важных нововведений проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» нужно упомянуть строгий семантический стандарт, который теперь применяется вместо «слепого» списка английских дефиниций, предложенных Сводешем в середине XX в. (см. Kassian et al. 2010).

Об общих принципах лексикостатистической процедуры, о способах ее применения к конкретным языкам и о разнице между *предварительной* (preliminary) лексикостатистикой и *классической* (classical) лексикостатистикой см. G. Starostin 2010a; Г. Старостин 2013. Как указывалось ранее (в частности, см. Kassian 2010b, 200 ff.; Kassian 2011a, 142 f.), факт, существенный для дальнейшего обсуждения, состоит в том, что любые два языка, которые в рамках научного консенсуса родственны друг другу на разумной временной глубине, обладают значимым количеством этимологических схождений в базисном лексике и, что важнее, в ядерной части базисной лексики, т. е. в сводешевском списке.[6] Это значит, что лексикостатистика представляет собой надежный инструмент для проверки генеалогического родства и, что более значимо, наличие этимологических схождений в сводешевском списке с очно совпадающими значениями между двумя языками (или протоязыками) является *необходимым условием* установления генеалогического родства языков.[7]

---

[6] Точнее: ни мне, ни моим коллегам по т. н. Московской школе компаративистики не известно ни одного исключения из этого феноменологического правила.

[7] Следует эксплицитно указать, что два этимона, чьи значения в сравниваемых языках различаются, оказываются положительной парой в *этимостатистике* (фактически неразработанный формальный метод сравнения языков, который вряд ли применим на серьезной хронологической глубине), но не в *лексикостатистике*. По своему определению лексикостатистика учитывает только пары этимонов с прямым семантическим соответствием. Таким образом, латинск. *nox* ‘night’ ~ др.-греч. νύξ ‘night’ или сокотри *ʔed* ‘hand’ ~ арабск. *yad-* ‘hand’ является положительными лексикостатистическими парами, а латинск. *nox* ‘night’ ~ хет. *neguz* ‘evening, nightfall’ или сокотри *ʔed* ‘hand’ ~ аккадск. *idu* ‘arm’ — нет.

Ниже я привожу 110-словный список для хурритского и урартского языков в том виде, в котором он может быть составлен на основе наших нынешних знаний. Ок. 65 из 110 слотов заполняются для хурритского и всего лишь ок. 22 — для урартского. Несмотря на такую скудность, имеющиеся данные достаточны для некоторых выводов.

Т.к. генеалогическая аффилиация ХУ семьи пока не установлена, возможна только *предварительная лексикостатистическая* (preliminary lexicostatistical, по терминологии из G. Starostin 2010a) верификация/фальсификация. Это значит, что, не имея установленных *регулярных* фонетических соответствий между ХУ и другими языковыми семьями, мы вынуждены прибегнуть к принципу фонетической схожести между ХУ формами и словами других (прото)языков, вовлеченных в сравнение.

В данном исследовании фонетическая схожесть оказывается не полностью формализованным концептом. Ниже, как и в случае с этимологическим разбором хаттского языка (разд. I, глава 2), я предпочитаю использовать консонантные классы (ср. подробнее в Долгопольский 1964; Dolgopolsky 1986; Turchin et al. 2010 с лит.),[8] с одной стороны, и более сложные (хотя типологически нормальные) фонетические переходы[9] — с другой. В отличие от Baxter & Manaster-Ramer 2000 и некторых других схожих публикаций, где учитывается только начальный согласный корня, я вслед за Turchin

[8] Мое разбиение согласных на классы более дробное, чем у Долгопольского. Напр., я рассматриваю фонемы типа *r* и типа *t* как два разных класса; это же касается фонем типа *∅/ʔ*, *y*, *w*, которые аналогично попадают в разные классы. Обычно при таком анализе качество гласных игнорируется (т. е. все гласные сегменты трактуются как один класс) по причине крайней нестабильности гласных в человеческом языке (так, например, между столь близкородственными языками, как современные английский и немецкий, насчитывается более 220(!) рядов вокалических соответствий, см. A. Dybo & G. Starostin 2008, 145 ff.). Необходимо отметить, что в соответствии с таким подходом корни вида *ta* или *at* обладают нормальной структурой *CVC*, а именно: *TV∅* и *∅VT* соответственно. Таким образом, мы можем сопоставлять гипотетический корень *ta* (из языка L_1) с t^ha (из языка L_2), но при этом сравнение корней *ta* (язык L_1) и at^h (язык L_2) оказывается менее оправданным.

[9] Такие, например, как упрощение консонантных кластеров вроде *ns* > *s*, *rč* > *č* и ослабление типа *ʒ* > *z*.

et al. 2010 подхожу к анализу более строго и принимаю, что *оба* согласных (начальный и конечный) сравниваемых корней *CVC* должны удовлетворять принципу фонетической схожести.

Используя данные проектов «Global Lexicostatistical Database» и «Tower of Babel», я сопоставил ХУ список с формами, которые могут быть реконструированы с той же сводешевской семантикой для некоторых языковых семей Старого Света: индоевропейской, картвельской, уральской, алтайской, дравидийской, семитской, египетской, чадской, берберской, кушитской, омотской. Итоговый результат был близок к нулю. Действительно, некоторые ХУ корни показывают сходство с формами из указанных семей, но эти малочисленные и спорадические случаи выглядят как вероятностно обусловленные, т. е. случайные[10].

Ср. следующие обнаруженные схождения:

- хур. *šini* ‘2’ ~ семитск. ***t̲Vny** ‘2’ (семитское заимствование в хурритском? См. ниже комм. к №91. ‘two’);
- хур. *šimi*(=)*gi* ‘солнце’ ~ семитск. ***ŝ$_x$Vmŝ$_x$** (< редупликация ***ŝ$_x$Vm-ŝ$_x$Vm** ?) ‘солнце’.
- хур. *tari* ‘огонь’ ~ уральск. ***tule** ‘огонь’;
- урарт. *šiwi*(=)*ni* ‘солнце’ ~ и.-е. ***sāw-el**- / ***sūl**- / ***sw-en**- ‘солнце’;
- хур. *tali* ‘дерево’ ~ и.-е. ***doru** ‘дерево’;
- хур. *šiwe* / *šiye* ‘вода’ ~ алтайск. ***si̯uba** ‘вода’ (один из двух эквивалентных кандидатов на статус праалтайск. слова для ‘воды’);
- хур. *uzi* ‘мясо’ ~ омотск. ***ʔač**- ‘мясо’.

Однако, забегая вперед, укажем, что сравнение с языковыми семьями, составляющими сино-кавказскую макросемью[11] (а именно: северокавказ-

[10] Ср. Ringe 1999 о теоретической легкости обнаружения отдельных изолированных этимонов для любого корня вида CVC, если в сравнение одновременно вовлечено значительное число языков. Также надо отметить, что соответствие *r ~ l* (как принимается ниже для скудных гипотетических ХУ–и.-е. и ХУ-уральск. схождений) неполностью соответствуют принципу фонетической схожести.

[11] О сино-кавказской гипотезе см. разд. I, гл. 2, п. 4.1.

ской[12], енисейской[13], сино-тибетской[14] вместе с баскской[15], бурушаски[16] и, видимо, на-дене[17]), дает более многообещающие результаты. Ниже я привожу возможные сино-кавказские когнаты в комментариях к ХУ сводешевским единицам; более подробное обсуждение см. ниже в п. 5.

3. Корпус. Не вызывает сомнения, что хурритские памятники, фиксируемые на отрезке примерно в тысячу лет, отражают несколько диалектов, которые должны были иметь различия в базисном словаре.[18] Однако по причине скудости хурритских данных не представляется возможным выдержать принцип хронологической и диалектной идентичности (о чем см. Kassian 2011b, 66 f.). Приводимый ниже хурритский список является кумулятивным, т. е. включает в себя все известные формы из любых диалектов. Хурритские памятники обозначаются следующими сиглами.

Т.н. старо-хурритский период: **Tišatal** (царская надпись Тишаталя, эндана г. Уркеш), **OBab.** (ок. 10 табличек с заклинаниями; вероятно, все из *Л*арсы в южной Вавилонии), **Mari** (6 табличек из Мари), **Bo.Bil.** (хуррито-хеттская билингва «Песнь освобождения»).

Т.н. ново-хурритский период: **Mit.** (митаннийское письмо), **Bogh.** (тексты из хеттских архивов Богазкёя, помимо Bo.Bil.), **Ugar.A.** и **Ugar.C.** (тексты из

---

[12] См. NCED и этимологическую базу данных Caucet.dbf.

[13] См. С. Старостин 1982/2007 и этимологическую базу данных Yenet.dbf, основанную на С. Старостин 1995 и Werner 2002 с дополнениями и исправлениями.

[14] См. этимологическую базу данных Stibet.dbf, основанную на Peiros & Starostin 1996, но серьезно переработанную.

[15] См. этимологическую базу данных Basqet.dbf и соответствующие разделы в Bengtson 2008.

[16] См. этимологическую базу данных Buruet.dbf и некоторые недавние публикации, напр., Bengtson 2008a; Bengtson & Blažek 2011.

[17] Полноценная на-дене реконструкция еще не сделана (или, по крайней мере, не опубликована). Ср. некоторые весьма предварительные статьи, обосновывающие вхождение семьи на-дене в сино-кавк. макросемью: Nikolaev 1991; Bengtson 2008b. Критику т. н. дене-енисейской гипотезы см. в G. Starostin 2010b.

[18] Ср. комм. к 34. ‘good’, 62. ‘not’, 92. ‘to go’ ниже.

архивов Угарита, выполненные алфавитным и клинописным письмом соответственно), **Nuzi**, **Qatna**, **Msk.**, **Ort.**, **Tell Brak** (тексты из Нузи, Катны, Тель-Мескене [Эмара], Ортакёя и Тель-Брака соответственно), **Subar.** («субарейские» глоссы в ассиро-вавилонских источниках).

Хурритские и урартские формы приводятся в традиционной клинописной нотации, напр., основной хурритский и урартский сибилянт транскрибируется как *š*, геминированные согласные как двойные (*tt*, *kk* и т. д.),[19] велярные фрикативные как *ḫ*/*ḫḫ*, сибилянтные аффрикаты как *z*/*zz* и т. д.. Я не делаю различия между двумя хурритскими *u*-фонемами (*u* и *o*), т. к. эта оппозиция не существенна для моего анализа. Проблема инвентаря и фонетической реализации хурритских губных согласных пока не решена; ниже обозначения *p*, *f* и *w* в хур. формах используются в соответствии с хурритологической традицией. Как принято у востоковедов, знак «=» разделяет морфемы в ХУ формах, а дефис «-» используется при познаковой транслитерации клинописных форм.

Сино-кавказские формы в общем случае цитируются по этимологическим базам данных проекта «Tower of Babel» (Sccet.dbf, Caucet.dbf, Stibet.dbf, Yenet.dbf, Basqet.dbf, Buruet.dbf — см. список литературы).[20] Шумерские формы цитируются по ePSD.

В нижеприводимом списке в начале словарной статьи дается *хурритская* сводешевская форма без каких-либо специальных помет, урартская лексическая единица (если известна) разбирается в отдельном абзаце и эксплицитно помечается как «урарт.».

4. Список Сводеша для хурритского и урартского языков

1. **all** (omnis): *šua=lla*

Sg. *šue ~ šua=nna* ‘all (totus)’ [Mit., Bogh.] / pl. *šua=lla* ‘all (omnis)’ [Mit.].

GLH, 240; Dietrich & Mayer 2010, 204, 261; Wegner 2007, 84; Girbal 1994, 175.

[19] О реконструкции ХУ серий шумных см. Khachikyan 2009.

[20] Система фонетической транскрипции та же, что и в Kassian 2010a, 433 f.

Форма pl. *šua=lla*, видимо, не отмечена в Bogh., однако в Bogh. имеется другое слово для ‘all’: *šummi* ‘all (totus/omnis)’ (Girbal 1994; Wegner 2007, 84), сочетания “all deities”, “whole sin”, “whole body”. Разница между Bogh. *šue* и *šummi* неясна, но местоимение *šummi* менее частотно в текстах и, видимо, более маргинально в языке. Ср. также глагольную основу *šumm-*, которая, возможно, значит ‘to assemble’ и в таком случае родственна *šummi*, Campbell 2007, 171. Вероятно, оба местоимения (*šua=lla* и *šu=m=mi*) этимологически связаны; двойное *mm* может происходить из чего-нибудь типа *n-m*.

Третье слова для ‘all’, фиксируемое в Bogh., — это *ḫeyari*, pl. *ḫeyar=unna* (GLH, 101), но данное местоимение контекстуально обусловлено, т. к. в нормальном случае оно применяется только к божествам (“all gods”).

Урарт.: sg. *šui=ni-* ‘totus’ / pl. *šuy=a-* ‘omnis’ (КУКН, 465; CdTU 2, 200; André-Salvini & Salvini 2002, 14 f.). Этимон главного хурритского термина.

√ Возможно, что ХУ **šu-i* ‘all’ содержит тот же корень, что и хур. числительное *šukki* ‘1’ (No. 63 ниже), если членить *šu-kki*, но следует сказать, что деривация ‘all’ > ‘1’ типологически проблематична (в отличие от обратного направления ‘1’ > ‘all’).[21]

2. **ashes**: *šal=mi*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 15, Huehnergard 1987/2008, 378.

Конечное *=mi* — именной суффикс, о чем см. Wegner 2007, 59. Ср. глагольный корень *šalm-* (Msk.) ‘to burn(?)’ (André-Salvini & Salvini 1998, 15). Ср. также существительное *šulli* (Ugar.C.) ‘уголь’ (André-Salvini & Salvini 1998, 17).

√ Семантически и фонетически хур. *šal-* может быть сравнено с синокавк. ***ч̲Hału**/***ч̲ałHu** ‘dirt, dust, earth, ground’ > сев.-кавк. ***ч̲Hału**/***ч̲ałHu** ‘dirt, dust, earth, ground, sand’ (> нах. **č(ʰ)il* (~ *-ī-*) ‘ashes, dust’, ав.-анд. **š:VlV* ‘silt, slime’, лак. *š:allu* / *š:aI-* ‘earth, ground’, лезг. **č:il* ‘earth; floor’), баск. ***śolho**

[21] В Diakonoff & Starostin 1986, 38 ХУ **šu-i* сопоставляется с некоторыми вост.-кавк. формами, значащими ‘every, everything, all’, — производными от соответствующих лезг., андийск. и цез. числительных ‘1’ (все в конечном итоге к сев.-кавк. ***cHə** ‘1’).

‘meadow; field; field (prepared for sowing)’. См. подробнее в Kassian 2010a, 355 (со включением сюда хаттск. *šaḫḫu* / *taḫḫu* ‘ground, bottom’). Лексикостатистических совпадений нет.

3. **bark**: не засвидетельствовано.

4. **belly**: не засвидетельствовано.

Слово *karši* переводится как ‘belly’ в GLH, 137, но дальнейший текстуальный анализ не оправдывает такую интерпретацию, см. Girbal 1994, 173 (глоссируется ‘lip(s)?’ в Wegner 1995a, 118, 119). Если часть, обозначаемая хур. *karši*, — это действительно живот, само слово оказывается аккадским заимствованием (< аккад. *karšu* ‘belly’).

5. **big**: *tal=mi*, *tal=a=mi*

Mit., Ugar.C., Bogh.

GLH, 253; Wegner 2007, 282; Dietrich & Mayer 2010, 263; Huehnergard 1987/2008, 381; André-Salvini & Salvini 1998, 18.

О других основах с корнем *tal-* и предполагаемой семантикой ‘большой’ см. Wegner 1995b, 119; Catsanicos 1996, 210, 214, 274, 256. Об именном суффиксе *=mi* см. Wegner 2007, 59.

Вторым кандидатом на значение ‘big’ является *šawoši*, единожды засвидетельствованное в Bo.Bil. (Wegner 1995b, 118; Neu 1996, 254; Catsanicos 1996, 281), но данное слово слишком маргинально и должно скорее переводиться как ‘great’ (контекст “great Teššob”), а не общее ‘big’.

Ср. глагол *te-* ‘to be many’ (Mit.), см. 52. ‘many’. Ср. также глагол *alš-* (Mit.) ‘to be marvelous (*vel sim.*?)’ (Dietrich & Mayer 2010, 234),[22] который может этимологически соответствовать урарт. *al*(*a*)*sui* ‘great’ (КУКН, 433; Dietrich & Mayer 2010, 280).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии хур. *tal=* нет. Ср. сино-тиб. ***t[ɨ]r** ‘numerous’ (> кит. 振 **tər* ‘numerous, in a flock’, тибет. *ther-ābum* ‘1,000,000,000’,

[22] Такая интерпретация контекстно возможна, но не обязательна. Глагол *alš-* оставлен без перевода в Wilhelm 1992b, 66; Giorgieri 1999, 382; Wilhelm 2006, 184.

лушаи *tuar* ‘in great quantities, in large numbers’), которое в Sccet.dbf сравнивается с буруш. ***tVrap*** ‘full’.

6. **bird**: *eradi*

Ugar.C., Bogh.

Wegner 2007, 255; André-Salvini & Salvini 1998, 13; Haas & Wegner 2004, 341; Görke 2010, 336.

Основа может анализироваться как *er=adi* с именным суффиксом (так в Wegner 2007, 53).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет.

7. **to bite**: не засвидетельствовано.

8. **black**: *time=ri ~ tima=ri*

Bo.Bil., Bogh.

Neu 1996, 246; Catsanicos 1996, 227; Wegner 2007, 53, 285.

Фиксируется в выражении *timeri eše* = хет. *tankui tegan* ‘the Underworld’, букв. ‘черная земля’, не ‘темная земля’, т. к. первичное и основное значение хет. *tankui-* (= Sum. GIGGI/GE_6 = аккад. *ṣalmu*) — это ‘черный’, а не просто ‘темный’. Кроме того, эпитет ‘black’ более естествен для поэтического выражения, чем более нейтральная характеристика ‘dark’. Элемент *-ri* выглядит как синхронный суффикс.

√ Хур. *tim-* может быть сопоставлено с основным енисейск. термином ***tum-*** ‘black’ (> кет. *tūm* ‘black’, юг. *tum* ‘black’, котт. *thum* ‘black’). Далее вслед за Sccet.dbf (sub сино-кавк. ***rVmV́*** ‘black, dark’) сюда можно добавить слабо фиксируемый сино-тиб. корень ***rVm*** ‘dark’. И в праенисейском, и в прахуррито-урартском начальное *r-* было запрещено, переход сино-кавк. **r-* > енисейск. **t-* регулярен (SCC, 26).

Лексикостатистическое соответствие: енисейск.

9. **blood**: *zur=gi*

Bogh., Msk.

GLH, 309; Haas 1998a, 254.

Конечный элемент *=gi* может рассматриваться как именной суффикс *=ki*, о котором см. Wegner 1988, 149 f.; Wegner 2007, 56–57, 59; Diakonoff &

Starostin 1986, 69. Вегнер анализирует *=ki* как инструментальный и результативный показатель, а *=ka* как диминутив, в то время как Дьяконов и Старостин рассматривают и *=ki*, и *=ka* как диминутив («общемировой» уменьшительный суффикс *-k*, фиксируемый во многих языковых семьях мира).

√ Хур. *zur-* может быть сопоставлено с основным енисейск. термином ***sur** ‘blood’ (> кет. *śūĺ*, юг. *sur*, котт. *šur*, арин. *sur* ‘blood’). Далее в Sccet.dbf (sub сино-кавк. ***ć̣āŁwV̆**) сюда же привлекаются сев.-кавк. ***ć̣āŁwV** ‘vital force (*vel sim.*)’ (> нах. **ć̣ēgi* ‘blood’, ав.-анд. **č̣agV-* ‘alive’, лезг. **č̣VƛːʷV-* ‘alive; lively, animated’) и баск. ***i-seŕdi** ‘sweat; sap’. Необходимо иметь в виду, что это не является основным корнем для ‘крови’ в прасеверокавказском, равно как и в прасино-тибетском, хотя в праенисейском и в пранахском эти формы вторично и независимо приобретают сводешевское значение ‘blood’.[23]

Лексикостатистическое соответствие: енисейск.

10. **bone**: не засвидетельствовано.

11. **breast**: *neɧer=ni*

Bo.Bil. (‘brisket’), Ugar.C. (‘chest’). Ранее это слово неточно читалось как *aɧerni*.

Catsanicos 1996, 280; Huehnergard 1987/2008, 382; André-Salvini & Salvini 1998, 14; Wegner 1995a, 121; Wegner 2007, 269; Haas 1993, 268.

Ср. также детское слово *zizzi* ‘female breast’ (GLH, 306). Анатомический термин *irde* значит ‘язык’ (No. 88 ниже), а не ‘грудь’ вопреки GLH, 125. Слово *ɧuri* (Ugar.C.) значит ‘лоно, промежность’ (André-Salvini & Salvini 1998, 12), а не ‘грудь’ вопреки Patri 2009b, 347.

√ Как отмечено в С. Старостин 1998/2007, 749, хур. *neɧer* напоминает сев.-кавк. ***mōnqī** (~ **-ē**) ‘breast’ (> нах. **nāqa* ‘breast’, ав.-анд. **niqi* (~ *-χ-*) ‘breast’, цез. **χɨmVrV* (~ *-i-*) ‘breast’, лак. *quru* ‘brisket’, дарг. **miqiri* ‘breast’, лезг. **moχor* ‘breast’, зап.-кавк. **mVq̇ːa* ‘arm; bosom’; видимо, основной сев.-кавк. корень

[23] В Diakonoff & Starostin 1986, 44, 69 хур. *zur-* сравнивается напрямую с сев.-кавк. ***ć̣āŁwV**.

для ‘груди’).[24] Фонетические детали сопоставления хур. и сев.-кавк. форм, однако, неясны.

12. **to burn** (trans.): *am-*

Bo.Bil.

LHL 1, 70; Wegner 2007, 246; Catsanicos 1996, 232.

Список различных производных основ, напр., *am=b-* ‘to burn (intr.)’ и *am=b=a=nni* ‘firewood’, см. в LHL 1, 70.

Урарт: хорошим кандидатом на базисную семантику является глагол *am-*, *am=ašt-*, фиксируемый со значением ‘to burn off, down’ (КУКН, 434; CdTU 2, 43–44; André-Salvini & Salvini 1999b, 272–273). Этимон хурритского глагола.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **am-* ‘to burn’ нет. Корень напоминает не очень надежный сино-тиб. корень ***ʔʷVm** ‘to blaze, glow (*vel sim.*)’ (> кит. 炎 **wam*(?) ‘to blaze, burn’, бирм. *ʼum* ‘to glow, smoulder’, лушаи *vām* (*vam*) ‘to be in a red-hot glowing condition (as fire)’, лепча *om* ‘to shine’, киранти *[*w*]*èm* (*/-p*) ‘to burn’). С. Старостин 1998/2007, 746 сопоставляет ХУ **am-* с сомнительным сев.-кавк. корнем ***mhălV-** ~ ***mhănV-** ‘warm’, что не кажется удачным.

13. **fingernail**: не засвидетельствовано.

14. **cloud**: не засвидетельствовано.

15. **cold**: не засвидетельствовано.

Вопреки Дьяконову (Diakonoff & Starostin 1986, 60) и некоторым другим авторам, хур. *egi* значит ‘inside, interior’, а *eg=ušši* значит ‘pure’ (см., напр., Wegner 2004, 19; Trémouille 2005, 314). Фонетическое совпадение с хет. *ega-* ‘cold (n.), frost, ice’, *eguna-* ‘cold (adj.)’ случайно.

16. **come**: *un-*

Bogh., Mit., Ugar.A.

---

[24] Далее в Sccet.dbf сев.-кавк. основа ***mōnqī** сопоставляется с сино-тиб. ***niŋ** (~ **-iə-**) (**s-**) ‘heart (*vel sim.*)’ и енисейск. ***ʔan[i̯]ŋ** ‘mind’, что кажется сомнительным.

GLH, 282; Wegner 2007, 289 f.; Dietrich & Mayer 1994, 87, 90; Dijkstra 1993a, 160; Strauß 2001, 414; Görke 2010, 342.

Полисемия: ‘to come (intr.) / to bring (tr.)’. Глагол противопоставляется *itt-* ‘to go (away)’ (No. 92 ниже), GLH, 282. Хур. *un-* может быть связано с урарт. *nun=a-* ‘to go ~ to come’ (см. ниже), но подробности не ясны (редупликация *n=un* < **un-un*, как предлагается в Diakonoff & Starostin 1986, 32?).

Вторым кандидатом оказывается *amm-* (Bo.Bil., Bogh., Mit.) (LHL 1, 76; Neu 1996, 118; Catsanicos 1996, 228, 278; Wegner 2007, 247), но его основное значение скорее ‘to arrive’ (он соответствует хет. *ar-* ‘to arrive’ in Bo.Bil.); ср. его перевод ‘werden zu’ в Dietrich & Mayer 2010, 234.

Урарт.: сделать обоснованный выбор из известных урартских глаголов движения не очень просто. Главными кандидатами на общую семантику ‘to go’ и ‘to come’ являются следующие три частотных глагола:

1) *nun=a-*, КУКН, 456 (‘to come, arrive’); CdTU 2, 163–164 (‘venire’);
2) *ul-*, *ul=a-*, КУКН, 471 (‘to go’); CdTU 2, 227, 229 (*uladi*, *uli* ‘andare’);
3) *uš-*, *uš=t=a-* (этимон хур. *ušš-* ‘to go’ q.v.), традиционно переводится как ‘to depart, take the field’, Дьяконов 1963, 92; Haas & Wegner 2010, 101; КУКН, 474; CdTU 2, 239 ff. (‘partire (in guerra)’).

Глаголы *nun=a-* и *ul=a-* в билингвах соответствуют основному ассирийскому глаголу ‘to go / to come’: *alāku*. В свою очередь *uš=t=a-* является близким синонимом *ul=a-*, оба глагола могут употребляться в одной и той же надписи в идентичных контекстах.

В некоторых пассажах любой из этих глаголов может быть в равным успехом переводиться и как ‘to come’, и как ‘to go’, но в ряде контекстов одно из двух значений оказывается явно предпочтительнее.[25] Исходя из этого, я считаю *nun=a-* основным урартским глаголом ‘to come’, а *ul-*, *ul=a-* и *uš-*, *uš=t=a-* рассматриваю как технические синонимы с общей семантикой ‘to go’ (q.v.).

[25] Собственно, ‘to come’ для *nun=a-* (напр., КУКН 30 Ur. 17 = CdTU A 3-11 obv. 17); ‘to go, to go away’ для *ul-*, *ul=a-* (напр., КУКН 173 VIII 8 = CdTU A 8-3 VIII 8); ‘to go, to go away’ для *uš-*, *uš=t=a-* (напр., КУКН 56 6 = CdTU A 5-5 6; КУКН 446 10 = Haas & Wegner 2010, 101).

Ср. также некоторые другие урартские глаголы движения, которые менее частотны или же обладают более специализированными значениями:

1) *ši=a-*, КУКН, 463 (‘to go, come’), CdTU 2, 189 (‘andare’, ‘venire’).
2) *aš=a-*, КУКН, 437 (‘to go(?)’), CdTU 2, 51–52 (*ašadi* ‘ripartire, andare, intraprendere una campagna militare’), Diakonoff & Starostin 1986, 38 (‘to flee, leave’).
3) *kuṭ=u-*, КУКН, 452 (‘to reach’), CdTU 2, 140 f. (‘pervenire’).

√ хур. *un-* ‘to come’ (и урарт. *nun*?) может быть сопоставлено с сино-кавк. ***=V?wV́ŋ** ‘to go’ > сев.-кавк. ***=V?wVn** ‘to go (*vel sim.*)’, сино-тиб. ***ʔʷă** (**s-**, **-ŋ**) ‘to go’, енисейск. ***he-jVŋ** ‘to go’, буруш. ***né-** ‘to go’, ? баск. ***e-oHa-n** ‘to go’.[26] Этот корень, видимо, может быть восстановлен как основное выражение семантики ‘to go’ в енисейском и бурушаски, возможно, в сино-тибетском и теоретически в северокавказском, таким образом ***=V?wV́ŋ** оказывается хорошим кандидатом на статус основного сино-кавк. глагола ‘to go’. Несмотря на то, что значение ‘to come’ спорадически встречается у данного корня в дочерних языках, оно не может быть спроецировано на прауровень.

√ Что касается урарт. глагола *aš-* (*aš=a-*), в Diakonoff & Starostin 1986, 38 и С. Старостин 1995/2007, 630 он сопоставляется с сев.-кавк. ***=iš̲A** ‘(a verb of movement)’, что в принципе допустимо.

17. **to die**: не засвидетельствовано.

18. **dog**: *erwi ~ erbi*

Bo.Bil., Bogh. Ugar.C.

GLH, 83; Wegner 2007, 255; Catsanicos 1996, 279; André-Salvini & Salvini 1998, 11.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. Напоминает шумерское слово для ‘собаки’: UR.

[26] В Diakonoff & Starostin 1986, 32 хур. *un-* и урарт. *n-un* сопоставляются напрямую с сев.-кавк. ***=V?wVn** (> нах. **ʔo-* ‘to go (*vel sim.*)’, ав.-анд. **=V?Vn-* ‘to go’, цез. **=ə̃?-* ‘to come’, лакск. *na-* ‘to go (*vel sim.*)’).

19: **to drink**: *al-*

Bogh.

LHL 1, 51.

Урарт: Дьяконов (Diakonoff & Starostin 1986, 60) постулируют урарт. корень **ḫur-* ‘to drink’ на основе неясного существительного *ḫurišḫi* (КУКН, 447 ‘one who irrigates, moistens(?)’; CdTU 2, 103 ‘abundance, fertility(?)’), что вряд ли оправдано.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *al-* нет.

20. **dry**: не засвидетельствовано.

Ср. причастие *šib=a* (Bo.Bil.; об измученном боге Грозы), которое значит что-нибудь вроде ‘ruined’ (так CHD P, 62a) или ‘exhausted’, но теоретически может переводиться более конкретно как ‘dried up, dried out’, см. Neu 1996, 316–319; Catsanicos 1996, 275 fn. 220 (с сопоставлением с аккад. *šabābu* ‘to burn (of eyes, lips, etc.)’); Hoffner 1998, 74–75 (“dried out(? from the heat of the day)”).

21. **ear**: *nui ~ nuḫi*

Bo.Bil. (*nui*), Bogh. (*nui ~ nuḫi*), Tell Brak (*nui*).

Wegner 1995a, 121 f.; Catsanicos 1996, 273; Görke 2010, 71 f.; Wilhelm 1991a, 166.

Полисемия: ‘ear / understanding, mind’. Фонетически вероятно /nuHi/, см. комм. к 25. ‘eye’ о графическом варианте *nuḫi*.

Противопоставлено существительному *ḫazzizzi* ‘inner ear, hearing, intelligence’ (GLH, 100) < аккад. *ḫasīsu* ‘ear (anatomic); wisdom’.

Значение хур. *leli-* (Bogh.) неясно; выражение *leli ḫašari* явно обозначает какой-то обожествленный объект (со словом *ḫašari* ‘oil’ или *ḫašari* ‘strength’[27]?), но *leli* в этом словосочетании вряд ли значит ‘ear’ вопреки Diakonoff & Starostin 1986, 53. Данное слово не выглядит исконным ввиду начального *l-*.

[27] Так в Wegner 1981, 107.

√ Может быть сопоставлено с сино-тиб. основным термином ***nəH** ‘ear’ > кит. 耳 **nhəʔ*, тибет. *r-na*, бирм. *nah*, качин. *na*[1], лушаи (KC) **k-Na*, лепча *njor*, киранти **ńə* ‘ear’.[28]

Лексикостатистическое соответствие: сино-тиб.

22. **earth** (soil): *eše*

OBab., Bo.Bil., Ugar.A. (*eḏ*), Ugar.C., Mit., Bogh., Ort.

Wegner 2007, 256; Catsanicos 1996, 230 f.; Dietrich & Mayer 2010, 240; Dietrich & Mayer 1994, 87; Prechel & Richter 2001, 359; Ünal 1998, 60; Wilhelm 1993, 111 ff.; Görke 2010, 336; GLH, 83 f. (ошибочно переводится как ‘sky’).

Полисемия: ‘earth (world) / earth (soil) / position / place’. Специализированное значение ‘soil’ может быть выведено из выражения *timeri eše* = хет. *tankui tegan* ‘the Underworld’, букв. ‘черная земля’. Пассаж из старовавилонского заклинания (Prechel & Richter 2001, 347 ff.), видимо, также подтверждает значение ‘earth, soil’. Хурритское слово может быть сопоставлено с урарт. *esi* ‘place’ (КУКН, 443). Необходимо, однако, отметить, что соответствие хур. *š* ~ урарт. *s* очень редко, если вообще не уникально. Помимо достаточно надежной пары *eše* ~ *esi* можно привести всего два, более сомнительных, примера: хур. *šali* ‘daughter’ ~ урарт. *sila* ‘wife’[29] (параллельное семантическое развитие из чего-нибудь вроде *‘lady’ теоретически возможно, но разница в вокализме подозрительна; Сальвини (Salvini 1998b, 98–99) может быть прав, предполагая здесь два этимологически не связанных слова) и хур. *alš-* ‘to be marvelous (*vel sim.*?)’ ~ урарт. *al*(*a*)*sui* ‘great’ (если хур. глагол действительно имеет такое значение, см. комм. к 5. ‘big’ выше). Однако на-

[28] В Sccet.dbf sub ***ʃwănʃV̆** сюда добавляются енисейск. ***ʔɔ-gde / *ʔɔ-qtV** ‘ear’ и сев.-кавк. ***ʃwănʃV** ‘ear (*vel sim.*)’. Таковой этимологический анализ енисейск. основы представляется слишком искусственным, видимо, его следует отвергнуть. Однако сев.-кавк. ***ʃwănʃV** может действительно быть связанным с сино-тиб. ***nəH** (надо упомянуть, что ***ʃwănʃV** не является основным сев.-кавк. корнем для ‘ear’, скорее празначение ***ʃwănʃV** было что-то вроде ‘inner ear / hearing’). В таком случае метатеза *n~w* может быть приписана или сев.-кавк. праформе, или сино-тиб. и ХУ праформам.

[29] Как показано в Salvini 1998b, 98–99, урарт. *sila* должно переводиться как ‘wife’, а не как ‘daughter’ (ср., однако, Wilhelm 2008b, 112 с традиционным переводом ‘daughter’).

бор хуррито-урартских лексических сопоставлений слишком мал для каких-либо далеко идущих выводов.[30]

С другой стороны, М. Хачикян (личное сообщ.) предполагает, что можно было бы постулировать урартское слово *eši* ‘earth’: ср. CdTU A 12-8 17–22 = КУКН 421 17–22 *aše pili nikiduli … aše* A^{MEŠ} *ešia ṣiuli* “when the canal overflows[?], … when the waters flow[?] upon the earth[?]”, частично повторяется в CdTU A 11-1 rev. 25 = КУКН 407 rev. 25.[31]

Ср. также *umi=ni* ‘country, land’ (GLH, 281).

Урарт.: *ḳiura- ~ ḳira-* ‘earth (world); earth (soil); land’ (КУКН, 459; CdTU 2, 178). См. также выше о гипотетическом урарт. *eši* ‘earth’.

√ Прахуррито-урартская основа ‘earth (soil)’ была, по всей видимости, **eSi*, т. к. семантическое развитие ‘earth (soil)’ > ‘ground’ > ‘place’ нормально, в то время как ‘place’ > ‘earth (soil)’ типологически странно.

Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **eSi* нет. Ср. следующие пракорни:

1) сино-кавк. ***jV́mćV** ‘soil (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***jōmc̱V** (> нах. **jobsṭ* (~ *-ō-*) ‘earth’, дарг. **ʕanč꞉i* ‘earth’, лезг. **jo*(*m*)*čV* (~ *ʔ-*) ‘dirt’, хиналуг. *inč꞉i* ‘earth’; вероятно, это не главное сев.-кавк. слово для ‘земли’), енисейск. ***ʔeʔǯ-** (~ **x-**, **-ʒ-**) ‘damp sand’, баск. ***hauć** ‘ashes’;
2) сев.-кавк. ***ɦen**(**V**)**s̱w̌ĭ** ‘soil, clay (*vel sim.*)’ (> ав.-анд. **ʔonš꞉*^{w}*i* ‘earth; mud’, лак. *aIrš꞉i* ‘earth’, дарг. **heš*(*꞉*) (~ *ɦ-*) ‘dust (of rotten wood)’, зап.-кавк. **nəš*^{ǵw}*ə* ‘clay’; вероятно, это не главное сев.-кавк. слово для ‘земли’); сравнение с ХУ предложено в С. Старостин 1995/2007, 631.

Менее надежно сопоставление с лезгинским **jis*^{w} ‘place; near’ (предложено в Diakonoff & Starostin 1986, 39 для урарт. *esi* ‘place’), т. к. этот лезгинский корень изолирован в сев.-кавк. семье.

---

[30] См. Wilhelm 2008b, 121 f. о наиболее бесспорных лексических этимологиях между хурритским и урартским.

[31] О традиционном чтении *ešiaṣiuli* в цитированных пассажах см. КУКН, 443 с лит.; Salvini 2002, 143 (‘to decrease[?]’). В действительности, предполагаемая глагольная форма *ešiaṣiuli* выглядит не очень типичной для урартской морфологии, так что идея разделения *ešiaṣiuli* на две словоформы привлекательна само по себе.

√ Для урарт. *ḳiura- ~ ḳira-* в Diakonoff & Starostin 1986, 58 предлагается следующая, теоретически возможная, этимология: сев.-кавк. ***qwɨ̌ʔrV̄** / ***rʔɨ̌qwV̄** ‘field, arable land’ (> нах. **qaw* ‘arable land, field’, ав.-анд. **qurHV* ‘field’, цез. **ʁи-* (~ **ʁ:-*) ‘field’, лакск. *qu* ‘field’, дарг. **qu* ‘field’, лезг. **χuj* ‘field’, зап.-кавк. **rəq:(ʷ)a* ‘(arable) field’).[32]

23. **to eat**: *ul-*

Bo.Bil.

Catsanicos 1996, 216.

Хур. глагол засвидетельствован применительно к собаке (*ul=an=u=m* ‘(the dog) began to eat (the bread)’) и, таким образом, может значить ‘to devour’, а не нейтральное ‘to eat’. Но т. к. в билингве *ul-* переводится основным хетт-ским глаголом *ed-* ‘to eat (of humans)’, а не хет. *karap-* ‘to eat (of animals)’, я предварительно рассматриваю *ul-* как основной хур. глагол ‘есть’.

Ср. также скудно засвидетельствованный корень **aš-* ‘to eat(?)’, LHL 1, 117.

√ Вслед за С. Старостин 1998/2007, 751, хур. *ul-* может быть сопоставлено с сино-кавк. ***=íʔwVl-** ‘to feed on (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***=iʔwVl** ‘to feed on’, ени-сейск. ***ʔir-** (~ **x-**) ‘to eat (*vel sim.*)’, баск. ***ałha** ‘to feed, graze’, ? сино-тиб. ***q(h)ʷiər** ‘present of food; appetite’. Однако ни в одной из семей этот корень не является основным для значения ‘есть’.

√ Что касается хур. *aš-* ‘to eat(?)’, С. Старостин 1998/2007, 746 предлагает его сравнивать с сев.-кавк. ***=VC̣V** ‘to drink; to gulp, to eat’ (с дальнейшими сино-кавк. этимонами), что теоретически возможно.

24. **egg**: не засвидетельствовано.

25. **eye**: *ši ~ šiɣi*

Bo.Bil. (*ši*), Bogh. (*ši ~ šiɣe*).

Catsanicos 1996, 231, 270; Wegner 1995a, 124 f.; Wilhelm 1998a, 174; Görke 2010, 71, 76.

[32] В Sccet.dbf (sub ***qwə̌ʔrV̄́**) сюда добавляются некоторые относительно сомнительные сино-тиб. и баск. этимоны.

Природа графического варьирования *∅ ~ ḫ* неясна, ср. аналогичное варьирование в основах *nui ~ nuḫi* ‘ear’ (q.v) и *tae ~ taḫe* ‘man’ (q.v.). Вильгельм (Wilhelm 1998a, 174) может быть прав, подозревая здесь двусложные основы с особой ларингальной фонемой в интервокале: /siHi/ и соответственно /nuHi/, /taHi/ (также ср. обсуждение в Giorgieri 2000, 188 fn. 50; Wegner 2007, 49).

Ранее значение ‘eye’ приписывалось хур. слову *paši-*, которое в действительности значит ‘mouth’. Существительное *furi* (← *fur-* ‘to see, to look’, см. No. 72 ниже) скорее значит что-то вроде ‘взгляд’, не ‘глаз’ как таковой (Wegner 2007, 274; Wilhelm 1998a, 174; Dietrich & Mayer 2010, 272), хотя *furi* переводится как ‘eye’ в лексическом списке из Угарита (André-Salvini & Salvini 1998, 22). Слово *aye* [Mit.] переводится как ‘Auge; Gesicht’ в Dietrich & Mayer 2010, 233, но на самом деле ‘Auge’ является вольным переводом лексемы *awi* [Bo.Bil., Bogh., Msk.] ~ *aye* [Mit.] ‘face; in front of’ (Wegner 2007, 248; GLH, 34, 40; Catsanicos 1996, 200, 278).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *ši ~ šiḫi* нет. С. Старостин 1995/2007, 632 сопоставляет с сев.-кавк. ***=VrλwEn** (~ -**λ̲**-) ‘to look’, однако фонетические детали неясны.

26. **fat** (noun): *aše*

Bo.Bil.

Catsanicos 1996, 278; Neu 1996, 115; Haas 1998b, 143; Wegner 2007, 250; LHL 1, 117.

Используется применительно к жиру убитого оленя. Хур. слово соответствует шумерограмме ì ‘fat, oil’ в хеттской версии билингвы, таким образом буквальный перевод ‘meat’ невозможен (см. Haas 1998b).

Ср. глагол *šed=u-* ‘to fatten (trans.), make fat’ (Bo.Bil.), Catsanicos 1996, 282; Neu 1996, 112. Также ср. существительное *ḫaš=ar=i* ‘(fine) oil’ (Bo.Bil., Bogh.) с глагольным корнем *ḫaš-* ‘to oil, smear’ (Wegner 2007, 259; Catsanicos 1996, 279).

√ С. Старостин 1998/2007, 746 сравнивает хур. *aše* со следующим сев.-кавк. корнем: сино-кавк. ***=ŭćĔ**(**rV**) ‘thick’ > сев.-кавк. ***=ŭćĔ**(**rV**) ‘thick, fat (adj.)’, енисейск. ***bV-sVr** ‘thick (of paper, skin, cloth etc.)’, буруш. ***be-s** ‘fat (n.)’. Та-

кая этимологизация представляется теоретически возможной (также см. комм. к 53. ‘meat’ ниже).

27. **feather**: не засвидетельствовано.

28. **fire**: *tari*

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C.

Catsanicos 1996, 231; GLH, 257; Huehnergard 1987/2008, 378; André-Salvini & Salvini 1998, 18.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет.[33]

29. **fish**: не засвидетельствовано.

30. **to fly**: не засвидетельствовано.

31. **foot**: *uri ~ ur=ni*

OBab., Bo.Bil., Bogh., Ugar.C.

Wegner 2007, 291; Wegner 1995a, 125 f.; Catsanicos 1996, 204; Huehnergard 1987/2008, 379; André-Salvini & Salvini 1998, 21; André-Salvini & Salvini 1999, 272; Prechel & Richter 2001, 356.

Полисемия: ‘foot / leg’; соответствует аккад. *pēnu ~ pēmu* ‘thigh’ и шумер. UR_2 ‘thigh’ в лексических списках из Угарита.

Фонетически похожее слово *ugri-* (Bogh.) фиксируется со значением ‘leg of the table’ (GLH, 277). Также ср. анатомический термин *ziyan=ni* ‘lap, hip, crotch (vel. sim)’ (Ugar.C.), André-Salvini & Salvini 1998, 24.

Урарт.: *kuri* (КУКН, 452; CdTU 2, 137); фиксируется несколько раз в однотипных контекстах “he embraced ruler’s feet and prostrated himself”. Соотношение между хур. *uri*, хур. *ugri* и урарт. *kuri* неясно.[34] В Wilhelm 2008b, 106 предполагается, что урарт. написание *ku-ri-…* может скрывать фонетическое *ukri…*, т. к. знак UK не использовался в урартской клинописи.[35]

---

[33] Идея Вяч. Вс. Иванова (Ivanov 1998, 148 fn. 17) о том, что хур. *tari* представляет собой иранское заимствование (< иранск. **ātr ~ *ātar* ‘fire’) вряд ли оправдана.

[34] О хур. *uri* vs. *ugri* ср., напр., Neu 1996, 355.

[35] Другим случаем такого орфографического приема может быть имя урартского царя Rusa (урарт. *ru-sa*), которое в ассирийских источниках выписывается и как *ru-sa-a*, и как *ur-*

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *uri* нет. Напоминает шумер. UR_2 ‘thigh; loin, lap; base, legs of a table’.

√ Урарт. *kuri* (и хур. *ugri*?) может быть сопоставлено с сино-кавк. ***ḳwĭrV́** ‘a part of the leg’ > сев.-кавк. ***ḳwĭrV** ‘a part of the leg’ (> нах. **ḳurV-m* ‘bone for playing dice’, лезг. **ḳ*^{w}*ir*(*a*) ‘hoof; leg (of animal)’), сино-тиб. ***k**(**h**)**rej** (~ **-əj**) ‘a part of the leg’, буруш. ***kur**- ‘joint of finger or toe’. Однако данные пракорни достаточно скудно фиксируются в соответствующих семьях, что делает этимологическое гнездо сомнительным. Сравнение между ХУ сев.-кавк. формами было предложено в Diakonoff & Starostin 1986, 57.

32. **full**: не засвидетельствовано.

Ср. глагол *kapp*- (Bo.Bil.) ‘to fill’ (Catsanicos 1996, 215; Wegner 2007, 261).

33. **to give**: *ar*-

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C., Tell Brak.

LHL 1, 96; Wegner 2007, 248; GLH, 52; Huehnergard 1987/2008, 34–35, 70; Catsanicos 1996, 245; Görke 2010, 335.

Урарт.: лучшим кандидатом представляются основы *ar*-, *ar=u*- и, видимо, *ar=d=u*- (КУКН, 435, 436 ‘to give, grant, present’; CdTU 2, 46, 50 ‘dare, concedere’), которые в билингвах соответствуют основным аккад. и шумер. словам для ‘давать’ (*nadānu* и SUM соответственно). Второй кандидат — это основа *ušḫan=u*-, КУКН, 473 f. (‘to grant(?)’); CdTU 2, 235 (‘conferire’).

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 51 ХУ **ar*- ‘to give’ сопоставляется с сев.-кавк. ***=ĭĻV** ‘to give’ (хороший кандидат на статус основного сев.-кавк. глагола для ‘давать’), что фонетически не очевидно.

34. **good**: *waḫri ~ waḫr=uši*

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C., Ugar.A., Qatna, Msk.

GLH, 292; Wegner 2007, 270; André-Salvini & Salvini 1998, 22; Catsanicos 1996, 281; Salvini & Wegner 2004, 177; Richter 2005, 27.

---

sa-a (КУКН, 487; Salvini 2007, 464a). Здесь нужно указать, что, с одной стороны, ХУ фонотактика запрещала [r] в начальной позиции, а с другой — клинописный знак UR (в отличие от знака UK) присутствовал в инвентаре урартских писцов. Неясная ситуация (в Wilhelm 2008b, 108 предполагается, что имя Rusa на самом деле произносилось как Ursa).

Это частотное слово представляется основным и наиболее нейтральным выражением для семантики ‘good / to be good’. В лексическом списке из Угарита соответствует основному аккад. термину *ṭābu* ‘good’.

Второй кандидат — это *niri* (Mit., Bogh., Ugar.C., Msk.) ‘good / to be good’ (GLH, 185; Wegner 2007, 269), чье значение представляется более абстрактным (напр., в выражении “good price”), однако *niri* может быть основным словом для ‘good’ в митаннийском диалекте (Dietrich & Mayer 2010, 252; GLH, 185; Wegner 2007, 269), ср. Mit. “good legate”, “good dowry”.

√ С. Старостин 1995/2007, 630 сопоставляет хур. *waḫri* со следующим сев.-кавк. корнем: сино-кавк. ***HV́[q]wV** ‘good (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***HVχ̱wV** (~ -**q**-) ‘good (*vel sim.*)’ (> лакск. *χ:uj-* ‘good’, лезг. **HVχ:ʷV* ‘good (*vel sim.*)’; скудно засвидетельствованный корень), сино-тиб. ***xūH** ‘good (*vel sim.*)’ (может быть основным сино-тиб. корнем для ‘good’), енисейск. ***haq-** ‘good’ (основным енисейск. корень для ‘good’), буруш. ***qha** ‘good’ (может быть основным буруш. корнем для ‘good’). Это сопоставление привлекательно семантически, но не очевидно фонетически.

35. **green**: не засвидетельствовано.

36. **hair**: не засвидетельствовано.

37. **hand**: *šu=ni ~ šummu=ni*

Bo.Bil. (*šuni*), Bogh. (*šuni*, *šummuni ~ šumuni*), Ort. (*šuni*), Ugar.C. (*šumuni*).

Wegner 2007, 219, 281; Wegner 1995a, 125; Girbal 1994, 171–173; Catsanicos 1996, 200; GLH, 242, 243; Görke 2010, 340; Ünal 1998, 59, 64.

Вероятно, с полисемией ‘hand / arm’.[36] Ввиду урартского этимона хур. основа *šuni* должна члениться как *šu=ni* с частотным именным суффиксом *-ni*. Двойное *mm* в *šum*(*m*)*u=ni*, видимо, указывает на старый кластер, тогда *šummu-* может быть производным от *šuni* с именным суффиксом *-mi* (о ко-

[36] Представляется, что контекстов, однозначно требующих перевода ‘arm’, в хурритском корпусе пока нет, но ввиду полисемии *ur*(*n*)*i* ‘foot / leg’ (No. 31 выше) естественно предположить того же рода полисемию и для *šu=ni ~ šummu=ni* (семантическая типология подсказывает, что обычно язык имеет или один общей термин для ‘hand / arm’ и один для ‘foot / leg’, или же четыре разных термина для каждой из частей тела).

тором см. Wegner 2007, 59), если *mm* < *nm*, хотя изменение вокализма **min* > *mun* кажется странным.

Ср. слово *ḫerari* (Bo.Bil., Bogh.), которое обозначает или ‘sinew, biceps’ или ‘upper arm’ (Catsanicos 1996, 201; Wegner 1995, 118 f.; Salvini & Wegner 2004, 173; Görke 2010, 74).

Урарт.: *šu-*, см. Girbal 2004, 26 f. (принимается в CdTU A 14–1 obv. 10) и CdTU A 10–5 obv. 19’ (*šú-ú-kiʔ-eʔ* ‘myʔ hand’ = ассир. *ḳātu* ‘hand’). Против такой интерпретации см. Khachikyan 2006, 145 f.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **šu-* ‘hand’ нет; корень напоминает шумер. ŠU ‘hand’. Diakonoff & Starostin 1986, 23 сравнивают хур. *šummu-* с сев.-кавк. ***mă̈r**[**ƛ̈**]**ə** (~ **-o**) ‘handful, armful’, что представляется необоснованным по ряду причин.

38. **head**: *paḫi*

Mari, Bogh., Ort., Ugar.C., Ugar.A.

GLH, 192; Wegner 2007, 270; André-Salvini & Salvini 1998, 14; Salvini & Wegner 2004, 177; Ünal 1998, 64; Görke 2010, 138 f.

Слово также встречается несколько раз в Mit., где оно традиционно переводится как ‘head’ (ср. Wilhelm 1992b, Giorgieri 1999, Wilhelm 2006, или же оставляется без перевода), но как ‘news, message’ в Dietrich & Mayer 2010, 253.

√ Фонетически и семантическим удовлетворительным этимоном может быть сино-кавк. ***ṗVHV** ‘top’ > сино-тиб. ***piw** (~ **b-**, **-iw**) ‘top, upper part’ (> тибет. *phu* ‘the upper part’, бирм. *ɔpaw* ‘top, upper part, above’, качин. *bo*[1] ‘the head’, киранти **ʔp*[*ú*]-*jV* ‘head’), буруш. *-**phó** ‘top, tip’.

39. **to hear**: *ḫaš-*

Tišatal, Bo.Bil., Bogh., Mit., Tell Brak, Subar.

Wegner 2007, 258; GLH, 95; Catsanicos 1996, 267, 272; Dietrich & Mayer 2010, 242; Wilhelm 1991a, 166; Wilhelm 1998c, 140; Campbell 2008, 283; Hrůša 2010, 92 [l. 12], 239.

Второй кандидат, глагол *šalḫ-* (Mari, Bo.Bil., Bogh., Ugar.A.; Wegner 2007, 275; Catsanicos 1996, 267; Lam 2007, 400), скорее обозначает контролируемое действие ‘to listen (to), hearken’.

Урарт.: *ḫaš=i-*, *ḫaš=u-* ‘to hear; to listen(?)’ (КУКН, 446; CdTU 2, 97, 98). В билингвах соответствует основному ассир. глаголу *šemû* ‘to hear; to listen’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **ḫaš-* нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 46 сопоставляется с нахским **χaç-* ‘to hear’. Нахская основа, однако, изолирована внутри сев.-кавк. семьи и явно не может претендовать на статус основного сев.-кавк. корня ‘to hear’ (возможно ХУ заимствование в пранахский, см. § 6.4 ниже, а также Касьян 2011).

40. **heart**: *tiša*

Mari, Bo.Bil., Bogh., Mit., Ugar.C.

GLH, 266; Wegner 2007, 286; Catsanicos 1996, 199 f.; Dietrich & Mayer 2010, 265.

Урарт.: *tiš=ni-* (КУКН, 469; CdTU 2, 217).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **tiš-* нет. Ср. сино-кавк. ***rHǎčV** ‘stomach, intestines (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***čĂrHV** (~ ***rHǎčV**) ‘stomach, intestine (*vel sim.*)’ (> нах. **čVwV* ‘in, inside; belly’, ав.-анд. **rVčV-l* ‘intestine’, слабо фиксируемый корень), буруш. ***-rić** ‘kidney; testicle’, баск. ***ħerce** / ***ħeśte** ‘intestine’. В таком случае следует предположить переход **r-* > ХУ **t-*.[37] Надо отметить, что какого-либо очевидного кандидата на статус прасино-кавк. корня для ‘сердца’ нет.

В Diakonoff & Starostin 1986, 53 ХУ **tiš-* сопоставляется с сев.-кавк. ***riṣwĔ** ‘throat (*vel sim.*)’ (> ав.-анд. **ris:V* ‘throat; gullet’, цез. **rɨs:* ‘throat’, лезг. **s:ʷir*(*a*) ‘throat; gullet’, зап.-кавк. **pə-śʷa* (~ *-śˀʷ-*) ‘neck (*vel sim.*)’), что семантически вряд ли является более удачным.

41. **horn**: не засвидетельствовано.

---

[37] Сегмент *r* в начальной позиции был запрещен пра-ХУ (о некоторых недавних заимствованиях на *r-* в хурритском см., напр., Dietrich & Mayer 1994, 107). Такой запрет представляет собой широкую ареальную изоглоссу, захватывающую в 3–2 тыс. до н. э. многие языки от некоторых восточнокавказских идиомов (собственно, пранахский, прадаргинский и ранний пралезгинский) до древнегреческого.

42. **I**: *iš-* / *šu-*

Парадигма: *iš-* [абс. *=te*, эрг.] (Mari, Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C.) / *šu-* [косв.] (Mit., Bogh.).

Wegner 2007, 82 f.; Wilhelm 2008a, 95; Giorgieri 2000, 219; GLH, 126, 127, 237; Dietrich & Mayer 2010, 193; Neu 2003, 297.

Урарт.: *iš-*, *ieš-* [абс. *ištidi*, эрг. *ieši*] / *šu=ke-* [косв.]; Хачикян 2010c, 157–158; Wilhelm 2008b, 114; Girbal 2001; КУКН, 448 (*ieši*). Ср. также КУКН, 328, 450, 465 с переводом *ištidi* 'here' и *šuki* 'as(?)'.

√ Очевидным этимоном является сино-кавк. супплетивное местоимение 1 л. ед. ч. с двумя основами: на *z* (прям. и косв.) и на *ŋ* (косв.). Первая реконструируется на основе сев.-кавк. ***zō*** [абс.?] / ***ʔez*(V)** [эрг.?] / ***ʔiz*(V)** [ген.?] (см. Caucet.dbf sub ***zō***) 'I', енисейск. ***ʔaʒ*** 'I', буруш. ***ʒ́a*** 'I'.[38]

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.-енисейск.-буруш.

43. **to kill**: общий глагол неизвестен.

Возможным кандидатом является глагол *mar=al-* (Bogh.), для которого в Görke 2010, 89, 92, 338 предлагается предположительный перевод 'to kill', ср. без перевода и с немного другим грамматическим анализом в Campbell 2007, 438 f.

Ср. также *uw-* (Bo.Bil., Ugar.A.) 'to slaughter (ox etc.)' и *šur-* (Bo.Bil.) 'to slaughter (small cattle)', Catsanicos 1996, 234; Dietrich & Mayer 1994, 88, 93. Bo.Bil. *uw-* может каким-либо образом быть связанным с третьим глаголом: хур. *urb-* 'to slaughter (cattle)' (Nuzi; GLH, 285) = урарт. *urb=u-* 'id.' (КУКН, 473).

Урарт.: ср. глагол *zašg=u-* 'to kill (humans), annihilate (enemy troops), etc.', отмеченный только со множественным объектом (КУКН, 475; CdTU 2, 248 ff.).

√ Как указано в С. Старостин 1995/2007, 632, хур. *uw-* напоминает нах. **-ħēw-* 'to kill' (основная нахская основа для этого значения). Однако нах. **-ħēw-* изолировано внутри сев.-кавк. семьи, не имея какой-либо этимологии; о таких ХУ-нах. схождениях см. § 6.4 ниже и Касьян 2011.

[38] Diakonoff & Starostin 1986, 81 с ХУ–сев.-кавк. сравнением.

44. **knee**: не засвидетельствовано.

Ср. анатомические термины *ziyan=ni* (Ugar.C.) ‘lap, hip, crotch (vel. sim)’ (André-Salvini & Salvini 1998, 24) и *ḫuri* (Ugar.C.) ‘lap, crotch (*vel sim.*)’ (André-Salvini & Salvini 1998, 12).

45. **to know**: *pal-*

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C.

GLH, 194; Wegner 2007, 270; Dietrich & Mayer 2010, 253; Dijkstra 1993b, 167; Catsanicos 1996, 281.

Употребление этого глагола в лексическом списке из Угарита как перевод шумер. DUG_4 и аккад. *ḳabû* ‘to say’ — явно писцовая ошибка (вероятно, хур. форма должна читаться *kul-* ‘to speak’; см. комм. к 71. ‘to say’ ниже).

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 17 сопоставляется с сев.-кавк. ***mĕƛ̲V** (~ **-ǐ-**, **-x-**) ~ ***bĕnƛ̲V** ‘to study, teach’ (> ав.-анд. **moλ꞉-* ‘to teach’, цез. **mɔL(꞉)-* (~ *-λ-*, *-λ꞉-*) ‘to teach’, лакск. *max(꞉)-* ‘tame (adj.)’, хиналуг. *mux-* ‘to know’), что теоретически возможно.

46. **leaf**: не засвидетельствовано.

47. **to lie**: не засвидетельствовано.

48. **liver**: *urmi*

Ugar.C., Bogh.

André-Salvini & Salvini 1998, 20; André-Salvini & Salvini 1999a; Görke 2010, 76 f.

Видимо, должно членится как *ur=mi* с именным суффиксом *=mi*, о котором см. Wegner 2007, 59.

Урарт.: *zeldi*, видимо, значит ‘small, little’ (No. 77 ниже), а не ‘liver’ (как предполагается в КУКН, 476 вслед за предложением Дьяконова;[39] без перевода в CdTU 2, 251).

[39] В Diakonoff & Starostin 1986, 48 урарт. *zeldi* (*zel=di*) сравнивается с сев.-кавк. ***HläχV** (один из двух кандидатов на статус основного сев.-кавк. термина ‘liver’), что в любом случае сомнительно фонетически.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *ur=mi* нет. Напоминает шумер. слово для ‘liver’: UR$_5$.

49. **long**: *keri ~ ker=aššі*

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C.

Wegner 2007, 263; GLH, 143; Catsanicos 1996, 204; Dietrich & Mayer 2010, 242.

Полисемия: ‘long (spatial) / long (temporal)’ (значение ‘far’, предлагаемое в Diakonoff & Starostin 1986, 59, недостоверно).

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 59 сопоставляется с сев.-кавк. ***qāʔVrV** (/ ***ʔārVqV**) ‘far’ (видимо, лучший кандидат на это значение в сев.-кавк.), что вероятно.

50. **louse**: *apḫe*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 9; André-Salvini & Salvini 1999a; LHL 1, 93.

Хур. слово фиксируется в лексическом списке, где оно переводит шумер. EH (т. е., UH) и аккад. *kalmatu*. И шумер., и аккад. термины могут обозначать не только ‘louse’, но и других насекомых-паразитов. Однако вши являются основным паразитами человека, поэтому естественно предположить, что это вхождение в трехъязычном лексическом списке (который охватывает бытовую и каждодневную часть лексического фонда) обозначает именно ‘louse’. Ср. следующее вхождение в том же списке: хур. *tame* ‘flea’ (André-Salvini & Salvini 1999a).

√ Представляется, что подходящим этимоном здесь будет сино-кавк. ***ʔəmkV́** ‘louse, small insect’ > сев.-кавк. ***ʔəmkV** ‘a k. of insect, vermin, worm’ (> ав.-анд. **ʔunka* ‘name of a vermin, harmful insect; beetle’, лезг. **kamk* ‘worm’), сино-тиб. ***mōŋ** / ***mōk** (~ **-ū-**) ‘midge, moth’, енисейск. ***ʔəke** (~ **x-**) ‘louse’ (> кет. *ʌːɣə*[4], юг. *ʌːhk*, котт. *iki*; основной енисейский корень для ‘louse’). Однако предполагаемая хурритская деназализация **mk* > **pk* требует дополнительных примеров. Надо отметить, что синхронный кластер *mK*, видимо, не отмечается в собственно хурритских формах.[40] Интересной параллелью является имя шумерской богини ^{d}*damkina*, которое в хурритских контекстах

[40] Ср. хур. *tamgari* ‘merchant’ < аккад. *tamkāru* ‘id.’ > шумер. DAM.GÀR ‘id.’ (GLH, 254).

иногда может выписываться как ^{d}*tap-ki-in-na* (GLH, 70; van Gessel 1998 1: 438). Кроме того, представляется возможным принять дальнейшую фрикативизацию **pk* > *ph*, т. к. и кластер *pk*, видимо, не отмечается в исконных хурритских словах.[41]

Лексикостатистическое соответствие: енисейск.

51. **man**: *taḫe ~ tae*

Bo.Bil. (*taḫe*), Bogh. (*taḫe*), Ugar.C. (*taḫe ~ tae*).

GLH, 251; Wegner 2007, 282; Catsanicos 1996, 198; Huehnergard 1987/2008, 381; André-Salvini & Salvini 1998, 17; Dijkstra 1993b, 168; Görke 2010, 80.

Вероятно, /taHi/, см. комм. к 25. ‘eye’ о графическом варьировании *taḫe ~ tae*. Соответствует хет. LÚ-*n*- (т. е., *pesn*-) ‘man (male human being)’ в Bo.Bil. & Bogh.

Ср. прилагательное *tur=u=ḫḫi* ‘male (adj.)’ (Bo.Bil., Bogh., Ugar.C., Ugar.A.), GLH, 274; Wegner 2007, 288; Catsanicos 1996, 198; André-Salvini & Salvini 1998, 20.

Урарт.: ср. существительное *ʔaše*-, т. е., фонетически *waše*-, ‘man’ (КУКН 439; CdTU 2, 64 f.), которое принимает морфологические формы ед.ч., но, видимо, отмечено только в значении мн.ч. ‘men’ (тот же случай, что 64. ‘person’ и 99. ‘woman’). Без хур. этимонов.

√ Хур. *ta*(*ḫ*)*e* сопоставляется в Diakonoff & Starostin 1986, 26 с сев.-кавк. ***dVrq̇wV** ‘he-goat’, что недоказуемо (надо отметить, что у нас недостаточно данных, чтобы реконструировать ***dVrq̇wV** как полноценный сев.-кавк. корень, в действительности это всего лишь ав.-анд.-цез. изоглосса: ав.-анд. **dVq̇*(^{w})*V-n* ‘he-goat’, цез. **ṭɬq̇^{w}V* A ‘kid about 1 year old’).

√ Вероятный этимон урарт. *waše*- был предложен в Diakonoff & Starostin 1986, 20 — сев.-кавк. ***wĕršē** ‘bull-calf, male’ > нах. **borš* ‘bull-calf’, ав.-анд. **biš^{w}a* ‘bull-calf’, лезг. **wV*(*r*)*š*- ‘man, husband’.

√ Что касается хур. *tur=u=ḫḫi* ‘male (adj.)’, этот корень сравнивается в Diakonoff & Starostin 1986, 52 с сев.-кавк. ***lĭwŁĔ** / ***ŁĭwlV̆** ‘man, male (*vel sim.*)’ (> нах. **-law* ‘a suffix denoting profession’, ав.-анд. **lV* ‘address to a man’, лакск.

[41] Но ср. хур. *tupki* ‘?’ (GLH, 272; Wegner 2007, 22; Görke 2010, 54 f.).

lak:- ‘Laki (ethnonym)’, дарг. **gal*(*i*) ‘son, boy’, лезг. **ƛ:ilV*- ‘male; man; men’, хиналуг. *lɨgɨld* ‘man’, зап.-кавк. **ŁA* ‘male; testiculus’).[42] Фонетически сомнительно.

52. **many**: *te=u=na*(*i*)

Mit., Bogh., Ugar.C.

Wegner 2007, 285; GLH, 260, 264; Dietrich & Mayer 2010, 265; Dijkstra 1993b, 169; Trémouille 2005, 325.

Наиболее общие и частотные выражения для ‘many’ произведены от глагольного корня *te*- ‘to be much, be many, be lot, be numerous’ (Dietrich & Mayer 2010, 265): наречие *te=u=na*(*i*) и прилагательное *te=a* ‘numerous’ (оба слова: Mit., Bogh., Ugar.C.). Наречие *tiššan* ‘very’ (Mit.), Giorgieri 2000, 245, вероятно, содержит этот же корень.

Ср. неясный акефалос […]*ši* ‘many, much’ в угаритском лексическом списке (Huehnergard 1987/2008, 40–41, 87, 381).

Урарт.: ср. чтение Дьяконова *ṭé*ˡ*-a-e* ‘many’ (Diakonoff 1971, 46 fn. 42; КУКН, 469). Совершенно иначе читается в CdTU 1, 343.

√ Очевидным этимоном является сино-кавк. ***dV́HV** ‘to grow; big’ > сев.-кавк. (> зап.-кавк. **dA* ‘big; most, at all; much, very’), сино-тиб. ***tajH** ‘big, many (*vel sim.*)’ (> кит. 多 **tāj* ‘much, many’, бирм. *taj* ‘very’, *təiʔ* ‘sign of the plural’, качин. *theiʔ*[2] ‘and’, лушаи *teʔ* ‘much, very much’, *-te* ‘suffix denoting plurality’, лепча *tí*, *tɬ́-m* ‘to be great, large, big’, киранти **dV* ‘big’; один из двух главных кандидатов на сино-тиб. значение ‘many’), енисейск. ***tɨʔj**- ‘to grow’. Также хаттск. *te*-, *ti*- ‘great, big’ (Kassian 2010a, 363).

Лексикостатистическое соответствие: сино-тиб.?

53. **meat**: *uzi*

Bogh., Ugar.C.

GLH, 291; Huehnergard 1987/2008, 24–25, 46.

Урарт.: ср. *ḫušu* ‘meat(?)’ в КУКН, 127, 447; без перевода в CdTU 2, 103.

---

[42] Далее, как предлагается в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***ɬĭwŁĚ**, можно привлекать к сравнению сино-тиб. ***lĭk** ‘testicle; glans penis’, буруш. ***lei** (< ***leli**), ***lal** ‘addressing a man; free man, great man’, баск. *-**le** ‘agent suffix’.

√ Хур. *uzi* может быть сопоставлено с енисейск. ***ʔise*** ‘meat’ (> кет. *īś* ‘meat, fish’, юг. *īs* ‘meat, fish’, котт. *īči* ‘meat’, арин. *is* ‘meat’; основное енисейск. слово для ‘meat’). Далее енисейск. корень должен сравниваться с сино-тиб. ***śa*** ‘meat’ (основное слово для ‘meat’ тибето-бирманской ветви, вытесненное неясным 肉 *nhuk* ‘meat’ в китайском) и, может быть, похожим словом для ‘meat’ в на-дене, что делает соответствующий сино-кавк. пракорень лучшим кандидатом на статус сино-кавк. формы с этой семантикой.[43]

Напротив, С. Старостин 1995/2007, 631 объединяет хур. *uzi* с сев.-кавк. ***=ŭćĚ(rV)** ‘thick, fat (adj.)’. Несмотря на совпадение в вокализме (*u-*), такая этимология представляется более проблематичной. Во-первых, мы можем сопоставлять сев.-кавк. ***=ŭćĚ(rV)** с хур. *aše* ‘fat (n.)’ (No. 26 выше). Во-вторых, семантический переход ‘fat (adj.)’ > ‘fat (n.)’ возможен, а вот ‘fat (n.)’ > ‘meat’ менее типичен для языков мира.

Хур. *uzi* напоминает основное шумер. слово UZU ‘meat’.

Лексикостатистическое соответствие: енисейск.—сино-тиб.

54. **moon**: *kušuḫ*

Mari, Nuzi, Ugar.C., Ugar.A., Bogh., Msk.

GLH, 156; Wegner 2007, 265.

Имя лунного божества. Морфологически может анализироваться как *kuš=u=ḫ*. Другое имя бога Луны — *umbu* (GLH, 280), хотя это менее надежно.

Урарт.: *šelardi* ‘бог Луны’ (КУКН, 490). И в КУКН, и в CdTU A 3-1 41 первый знак читается как ŠI; см. КУКН, 51 об иногда предлагаемом чтении ME (т. е., *melardi*, ср. загадочный армянский гапакс *meɫard*, переводимый как ‘луна’ в Ačaṙyan HAB 3: 299).

√ Неясно, как надо надо реконструировать ХУ корень для ‘луны’, ср. комм. к 82. ‘sun’.

√ В Sccet.dbf под сино-кавк. ***QVČV**(?) осторожно объединяются хур. *kušuḫ*, енисейск. ***qɨʔ** (~ **χ**-) ‘skewer, spit; (sun-)beam’ и буруш. ***ɣuha** (< ***ɣuṣá**?)

[43] В Sccet.dbf (sub ***Hɨmcṓ**), енисейск. ***ʔise** ‘meat’ сопоставляется с хорошо зафиксированым сев.-кавк. ***jəmcō** ‘bull, ox’ и скудно зафиксированым сино-тиб. ***chu** (~ **-ū**, **-ŏ**, **-ăw**) ‘cow, bull’, что представляется менее удачным решением.

‘new moon, time without moon; time of waning moon’, что не кажется оправданным.

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 37 урарт. *šelardi* (т. е. *šel=ardi*) сопоставляется с сев.-кавк. ***śVl?V*** (~ **ś̲**-, **-ɬ-**, **-ɦ-**) ‘light, ray’ (> нах. **sa* ‘light; eye-sight; dawn; to dawn’, цез. **riš(ː)V* (~ *l-*, *i̯*, *u*) ‘sun ray’, дарг. **šːala* ‘light’, зап.-кавк. **P-sV* ‘to shine’), что семантически возможно.[44]

55. **mountain**: *pab=ni ~ pab=a=ni*

OBab., Mari, Bo.Bil., Bogh., Ugar.A.

GLH, 190 f.; Wegner 2007, 271; Catsanicos 1996, 231; Görke 2010, 85, 336; Prechel & Richter 2001, 357.

Вопреки *Л*арошу (GLH, 190), корень скорее имеет вид *pab-* (с частотным именным суффиксом *-ni*), а не трехсогласный *paban-*, см. Richter 2007, 110.

Урарт.: *bab=a=ni-*, КУКН 440; CdTU 2, 65 f.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **pab-a-ni* нет; корень напоминает хаттск. *pip* ‘stone’. В Diakonoff & Starostin 1986, 19 ХУ формы анализируются как восходящие к ХУ **fan-fan-*, с предположением о редупликации хорошо представленного сев.-кавк. корня ***fănV*** ‘shady slope of a mountain (*vel sim.*)’ (> нах. **ħun* ‘forest’, ав.-анд. **xan-dV* (~ *-o-*) ‘shady side, slope; hill; meadow; haying place’, цез. **χʷen* A ‘a part of mountain’, лакск. *han* ‘shady slope of a mountain’, дарг. **xːVna* ‘northern slope’, лезг. **χːʷ*[*a*]*na* ‘northern slope of a mountain’, зап.-кавк. **xʷA* ‘mountain’), что не очень удачно по указанным морфологическим причинам.

56. **mouth**: *faši*

Mari, Bogh., Ort., Ugar.C., Ugar.A.

Wegner 2007, 272; Wegner 1995a, 123; GLH, 197; André-Salvini & Salvini 1998, 22; Ünal 1998, 58; Lam 2007, 401.

Ранее переводилось как ‘eye’.

---

[44] В Sccet.dbf (sub ***śHVl?V***) сев.-кавк. ***śVl?V*** объединяется с сино-тиб. и буруш. основами для ‘moon’, что, как я полагают, неправомерно.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. Ср. сино-кавк. ***mɦw[ɬ́]lči** (~ **-e**) ‘face, cheek, jaw’ > сев.-кавк. ***mɦwɬ̄lč̣i** (~ **-e**) ‘edge, tip’, енисейск. ***binč-** ‘chin, cheek’, буруш. ***melç̣** ‘jaw’.

57. **name**: *tiye*

Bogh.

Giorgieri 2001, 144 f.

Единожды засвидетельствовано в значении ‘name’, соответствуя шумерограмме *ŠUM-an* в параллельном хеттском тексте. Сама по себе эта лексема хорошо представлена в двух фонетических вариантах со следующей полисемией: *tiwe* [OBab., Bo.Bil., Bogh., Ort., Mit.] ~ *tiye* [Bogh.] ‘word / speech, word(s) / name / thing’, см. Wegner 2007, 285; GLH, 267 f., Giorgieri 1998, 71, 77 ff.; Giorgieri 2001, 144. *Джорджери предполагает, что *tiwe* и *tiye* различаются по значению, а именно: *tiye* ‘speech’ vs. *tiwe* ‘word; thing’, и далее предлагает считать элемент *w* в *tiwe* именным суффиксом с неясной семантикой. Однако я думаю (вслед за Г. Й. Тилем), что скорее мы имеем дело со спорадическим процессом ассимиляции глайда *EwE* > *EyE*. Такую же глайдовую вариативность мы наблюдаем в парах *šiwe* ~ *šiye* ‘water’ (см. No. 94 ниже) или *awi* [Bo.Bil., Bogh., Msk.] ~ *aye* [Mit.] ‘face; in front of’ (Wegner 2007, 248; GLH, 34, 40; Catsanicos 1996, 200, 278).

Урарт.: *ti=ni* КУКН, 468; CdTU 2, 215 f. Этимон хур. слова с падением интервокального *-w-*, оформленный частотным именным суффиксом *=ni*.

√ ХУ **tiwi*(*=ni*) ‘word / name’ очевидным образом связано с ХУ глаголом **tiw-* ‘to say’, подробнее см. этимологическое обсуждение sub 71. ‘to say’.

58. **neck**: *kudu=ni*

Bogh.

Wilhelm 1998b, 180; Campbell 2007, 418; Görke 2010, 72. С оговорками в Wegner 1995a, 120.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. Теоретически может восходить к метатезированному варианту сино-кавк. ***dHāqwĀ** ‘nape of the neck (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***dHāqwĀ** ‘back of head’ (> лезг. **t:aqI*^{w} ‘back of head’, зап.-кавк. **t:*^{w}*əq:A* / **q:*^{w}*ət:a* ‘neck; back of neck’), сино-тиб. ***tūk** ‘neck’ (возможный

кандидат на основное сино-тиб. слово для ‘neck’), енисейск. ***tuGV** (~ **-ū-**) ‘back, behind’.

59. **new**: *šuḫe*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 17; Huehnergard 1987/2008, 378.

Урарт.: *šuḫi* (КУКН, 465; CdTU 2, 198 f.). Этимон хур. слова.

√ ХУ **šuḫi* ‘new’, вероятно, может быть сопоставлено с основным сино-кавк. корнем ***ṣ̌ə̌ŋʔV́*** ‘new’ > сев.-кавк. ***ṣ̌ə̌nʔV*** ‘new’ (> нах. **ṣ̌in-*, ав.-анд. **ṣ̌inhV-*, цез. **-iṣ̌Vn-* A, лакск. *ṣ̌u-*, дарг. **ṣ̌i-*, лезг. **ṣ̌enjä-* / **ṣ̌enwä-*, зап.-кавк. **ṣ́A* ‘new’, основной сев.-кавк. корень для ‘new’), сино-тиб. ***sĭn** / ***sĭŋ** ‘new’ (> кит. 新 **sin* ‘new’, тибет. *gśin* ‘good, fine’, Burmese *sać* ‘new’, основной сино-тиб. корень для ‘new’), енисейск. ***-saŋ** (~ **-ä-**) ‘to begin’.[45] ХУ **ḫ* в **šuḫi* может быть рефлексом **ŋʔ*. Альтернативное решение — трактовать конечное *=ḫi* в ХУ **šuḫi* как частотный ХУ адъективный суффикс (см. Wegner 2007, 54). В таком случае ХУ корень имеет вид **šu-* с утратой назального перед ларингалом (**ŋʔ* > **ʔ* > *∅*).

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.-сино-тиб.

60. **night**: не засвидетельствовано.

61. **nose**: *punḫi ~ puḫḫi*

Bogh. (*punḫi ~ wunḫi*), Ugar.C. (*puḫḫi ~ wuḫḫi*).

Wegner 1995a, 123; Huehnergard 1987/2008, 38–39, 82; André-Salvini & Salvini 1998, 22; Görke 2010, 72.

Видимо, диалектная ассимиляция *nḫ* > *ḫḫ*, ср. этот же процесс в *pabanḫi ~ pabaḫḫi* ‘mountainous; east’ (GLH, 191) < *pab=a=n=ḫi* ← *pab=a=n-* ‘mountain’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. С. Старостин 1995/2007, 630 сопоставляет хур. *puḫḫi* с цезск. **poro* ‘part of face under the nose’ ~ зап.-кавк. **p*^{w}*A* ‘nose’ (один из двух главных кандидатов на статус основного сев.-кавк. корня для ‘nose’), чья праформа в Caucet.dbf реконструируется как сев.-кавк.

[45] Сравнение между урартск. и сев.-кавк. формами предложено в Diakonoff & Starostin 1986, 34.

***pŭrV**, хотя варианты вида ***pŭlʔV**, ***pŭɦlV**, ***pŭɦrV** также возможны; хур. *-n-*, однако, остается неясным.

62. **not**$_1$: *=u= ~ =wa=*

Campbell 2007, 63 ff.; Wegner 2007, 94, 96, 136; Wilhelm 2008a, 97; Хачикян 2010b, 137; Giorgieri 2000, 233; Dietrich & Mayer 2010, 216.

Основным показателем отрицания в хурритском является суффикс *=u=*, фиксируемый как *=u= ~ =wa=* в эргативных индикативных формах 1 и 2 л. (Bo.Bil., Mit., Bogh.), *=u=d=* в эргативных индикативных формах 3 л. (Bo.Bil. и, вероятно, Ugar.C.), *=wu=r=* при бытийном корне *mann-* ‘to be’ (Bo.Bil.), *=wa=* в эргативных/абсолютивных неиндикативных (юссивных) формах 1 и 3 л. (Mit.).

Хотя в 3 л. морфемы на основе *=u=* активно вытесняются энклитикой *=ma* уже в Bo.Bil., архаичный язык памятника Bo.Bil. все еще сохраняет некоторые отрицательные эргативные формы 3 л. на *=u=d-*, Wegner 2007, 96 (отдельные лексикализованные отрицательные формы с *=ud=* также обнаруживаются в Bogh.).

Следует подчеркнуть, что энклитика *=ma ~ =mma*, используемая в отрицательных формах 3 л. (Bo.Bil., Bogh., Mit.), вряд ли может быть этимологически связана с отрицательным суффиксом *=u=*, обсуждаемым выше (вопреки Хачикян 1985, 95, Giorgieri 2000, 233, Wegner 2007, 96[46]). Намного вероятнее, что *=ma* представляет собой старую прохибитивную морфему **mV*,[47] т. н. «общемировой» прохибитив на *m*, отмечаемый во многих языковых семьях мира. При этом странно, что синхронный хурритский прохибитив (точнее, «ветитив», отрицательный юссив), фиксируемый только 1 и 3 л. (Mit., также Tišatal, Bogh. и, вероятно, Mari, Tell Brak), образуется с суффиксами на базе *=u=*: собственно *=wa=*, *=we=*, *=o=* (Campbell 2007, 241, 264 ff.; Wegner 2007, 108; Хачикян 2010b, 137; Giorgieri 2000, 233; Dietrich & Mayer 2010, 220; Wilhelm 1991a, 164). Собственно прохибитив 2 л., однако, видимо, до сих

[46] Обоснованные сомнения в Campbell 2007, 65 f.

[47] Морфосинтаксический статус *=ma* в синхронном хурритском (энклитика, размещаемая на конце глагольной словоформы) также должен указывать на то, что использование *=ma* для выражения отрицания утверждения — это недавняя инновация.

пор не отмечен в хур. текстах. Что касается урартского, в этом языке частица *mi* сохраняет прохибитивную функцию (Wilhelm 2008b, 119).

Ср. хур. частицу *u=ya* (Mit.) ‘no!’ (Dietrich & Mayer 2010, 267).

Урарт.: архаичность хур. отрицательной морфемы *=u=* подтверждается урартским, где частица *ui* (соответствует хур. *u=ya*) и суффикс *=u=ri* — основные показатели отрицания утверждения, см. Yakubovich 2010 [2011] с лит.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ морфемы **u* ‘not’ нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 91 она сопоставляется с одной из нескольких сев.-кавк. отрицательных морфем: ***ɦwV*** ‘not’ (> ав.-анд. *-*hi*, цез. *-*ʔ*(*V*), дарг. **ħe*, хиналуг. *-i-*). Таковая этимология теоретически возможна, но не обязательно правильна. Надо добавить, что сев.-кавк. ***ɦwV*** является достаточно маргинальный отрицательной морфемой, хотя она действительно стала основным отрицательным показателем в даргинском и хиналугском.

62. **not$_2$**: *=kkV=*

Campbell 2007, 35 f., 47 f.; Wegner 2007, 97, 137; Wilhelm 2008a, 97; Хачикян 2010b, 137; Giorgieri 2000, 233; Dietrich & Mayer 2010, 222; Huehnergard 1987/2008, 24–25, 48.

Суффикс *=kkV* является основным показателем отрицания утверждения в абсолютивных (т. е., непереходных и антипассивных) индикативных формах (Mari, Bo.Bil., Mit., Ugar.C., Bogh.). Эта морфема утрачена в урартской ветви.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 91 *=kkV* сопоставляется с сев.-кавк. ***-k-*** — маргинальной, скудно фиксируемой морфемой, выражающий некоторые типы отрицания в ряде сев.-кавк. групп. Это сравнение формально возможно, но явно ненадежно.

63. **one**: *šukki ~ šukku*

Bo.Bil., Mit., Bogh.

Wegner 2007, 81, 280; Wilhelm 2008a, 101; Giorgieri 2000, 222; Catsanicos 1996, 249; GLH, 241 (без перевода); Dietrich & Mayer 2010, 261 (с другим переводом: ‘weiter(hin); außerdem’).

Урарт.: вероятно, форма *šu=sini* значит ‘1’, так в КУКН, 466; CdTU 2, 205, 331; с некоторыми сомнениями в Wilhelm 2008b, 119 и Хачикян 2010c, 159; см. подробнее в Girbal 2001, 142.

√ Если возможно членение *šu=kk-*, где второй элемент — некий суффикс (ср. урарт. *šusini*), тогда ХУ корень **šu-* ‘1’ сопоставим с сев.-кавк. коренм ***cHə̆** ‘1’ (так уже в Diakonoff & Starostin 1986, 38) > нах. **cʰa*, ав.-анд. **ci-*, цез. **hə̃s:*, лакск. *ca*, дарг. **ca*, лезг. **s:a*, хиналуг. *sa*, зап.-кавк. **zV* ‘1’.[48]

Хурритское (хуррито-урартское?) числительное может содержать тот же корень, что и местоимение *šue* / *šua=lla* ‘all’ q.v.; надо, однако, упомянуть, что семантическое развитие ‘1’ > ‘totus’ (далее > ‘omnis’) типологически нормально, что в обратном направлении ‘totus’ > ‘1’ — нет.

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.

64. **person**: *taršuwa=ni*

Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C., Ugar.A.

Wegner 2007, 284; GLH, 258; Catsanicos 1996, 198; Huehnergard 1987/2008, 24–25, 47, 379, 381; Dietrich & Mayer 2010, 264; Görke 2010, 156.

Вероятно, с окказиональной полисемией ‘person, human being / man, male human being’, ср. Huehnergard 1987/2008, 47, 388; однако, основное слово для ‘man (male)’ — это *taḫe* q.v.

Хорошо засвидетельствованное существительное *edi* ‘body’ также может окказионально использоваться в значении ‘person’ (GLH, 73; Wegner 2007, 257). Также ср. нечитаемую форму [x]-*lu-ʔa*-[x] ‘people’ в угаритском лексическом списке (Huehnergard 1987/2008, 38–39, 77, 386).

---

[48] В текущей версии Sccet.dbf сев.-кавк. ***cHə̆** ‘1’ объединяется со следующими формами: сино-тиб. ***ʔĭt** (~ **ɣ-**) ‘1’, енисейск. ***χu-sa** ‘1’, буруш. ***he-** ‘1’ < сино-кавк. ***HVcə̀**. Однако на самом деле связь между сев.-кавк., сино-тиб. и буруш. праформами сомнительна по фонетическим причинам. При этом в сино-тиб., кроме ***ʔĭt**, имеется еще один кандидат на статус числительного ‘1’ (собственно ***djiə̆k**), а в енисейск. форме ***χu-sa** ‘1’ главным смысловым элементом должен быть ***χu**, т. к. ***-sa** — всего лишь сингулятивный суффикс (впрочем, этот суффикс ***-sa** действительно вполне может быть этимоном сев.-кавк. ***cHə̆** ‘1’).

Урарт.: ср. *taršua=ni* ‘person’ (КУКН, 467; CdTU 2, 209; Wilhelm 1981), прозрачный этимон хур. термина, однако урарт., видимо, фиксируется только во множественном/коллективном значении ‘persons, people’ (тот же случай, что и с 51. ‘man’, 99. ‘woman’). Ср. также слово *nara*, чье значение не устанавливается (без перевода в CdTU 2, 161 f.; Wilhelm 1981), хотя в КУКН, 456 для него предлагается перевод ‘people’.

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 39 ХУ **taršua* рассматривается как композит **tar-šua*, чья первая часть неясна (ср. хур. корень *tur-* в прилагательном *tur=u=ḫḫi* ‘male’), а второй элемент является этимоном сев.-кавк. ****ćwĭjo*** ‘person’ (> нах. **psṭu* ‘bull’, ав.-анд. **čVjV* ‘person; man’, цез. **ži-ḳʷə* A / **zi-ḳʷə* A ‘person; man’, лакск. *čuw* ‘man’, дарг. **sːub* ‘male (n.)’, лезг. **šːʷij* ‘man’, зап.-кавк. **ćə* / **ḉə* ‘person’, основной сев.-кавк. корень для ‘person’).[49] Теоретический такой анализ восможен.

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.(?)

65. **rain** (n.): *išena*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 13; André-Salvini & Salvini 1999a.

Урарт.: Дьяконов (Diakonoff 1971, 167; Diakonoff & Starostin 1986, 44) приводит загадочный глагол *ṣi-* ‘to flow, to rain’ без каких-либо ссылок.

√ Сино-кавк. корень для ‘rain, to rain’ — ****=ŭGwV́***, что явно не подходит в качестве этимона хур. формы. Представляется возможным сопоставить хур. *išena* с сино-кавк. ****Hə́rčwVŋ*** ‘to be cloudy, to rain (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ****Hərc̱wVn*** ‘to become cloudy (of weather)’ (> нах. **jāč-*, ав.-анд. **-irčʷ-*, лакск. *=ašːa-* / *=ašːi-*, лезг. **raIč*(ʷ)*Vn-* (~ *-š-*), во всех группах ‘to become cloudy’), синотиб. ****[ʒ́ā]ŋ*** ‘shower, rain’ (> качин. *caŋ*[2] ‘to fall, as a light, cooling shower, to squirt’, лушаи *čhēŋ* ‘to rain continuously’), баск. ****ɦorci*** / ****ɦośti*** ‘sky; storm; thunder; Thursday; rainbow; cloud’. Падение **r* в таком консонантном кластере может быть регулярным для ХУ.

[49] Ср. также сино-кавк. ****ćwĕjo*** ‘person’ > енисейск. ****ʒe?-ŋ*** ‘people’ (с показателем мн. ч. *-ŋ*), буруш. ****ses*** ‘person(s), people’.

Все эти формы также напоминают шумер. ŠEN$_3$ ‘to rain; rain (n.)’ (второе шумер. слово для ‘rain (n.)’ — это IM ‘rain; wind; storm’, видимо, с недавним семантическим развитием ‘wind’ > ‘storm’ > ‘rain’).

66. **red**: не засвидетельствовано.

67. **road**: *ḫari*

Mari, OBab., Bogh., Mit.

Wegner 2007, 258; GLH, 94; Dietrich & Mayer 2010, 242; Prechel & Richter 2001, 360, 362; Görke 2010, 337. Окказионально заимствуется в хеттский (HW^2 H, 275).

Урарт.: лучшим кандидатом является существительное *ḫari*, которое, видимо, значит и ‘road’, и ‘military campaign’ (КУКН, 445; CdTU 2, 97). Ср. слово *arḫe* (фиксируется несколько раз в непереводимой формуле), переведенное КУКН, 435 как ‘path’ (некритически следуя старой интерпретации Дьяконова), но благоразумно оставляемое без перевода в основном разделе КУКН; в CdTU также не переводится. Ср. существительное *uštipte* ‘military campaign; highway, road(?)’ (см. Salvini в Çavuşoğlu et al. 2010, 45; КУКН, 474; CdTU 2, 242 f.), образованное от глагола *uš-*, *uš=t=a-* ‘to go’ (см. No. 16. ‘to come’ и 92. ‘to go$_1$’).

√ ХУ *****ḫari* ‘road’ входит в группу фонетически схожих ближневосточных форм с семантикой ‘road’: лувийск. (клин.) *ḫaruwa-* ‘road’, аккад. *ḫarrānu* ‘road; journey’,[50] шумер. *ḫarran* (HAR-RA-AN) ‘route, passage; path’.[51] Шумер. слово является прозрачным аккадизмом, а источник лувийск. *ḫaruwa-* и аккад. *ḫarrānu* неясен, т. к. эти формы не имеют убедительной этимологии внутри своих семей (индоевропейской и семитской соответственно).

Несколько другой фонетический тип представлен сев.-кавк. ***ħarχi** (~ **-ē**) ‘trip, march’ (> лакск. *aIrχ:i* ‘trip, march, journey’, дарг. *****ʔarχIa* (~ *-χ:I-*) ‘road; journey’, лезг. *****ja*(*r*)*χI*(*a*) ‘foot-travelling’) и семитск. ***ʔurḫ-** ‘road (*vel sim.*)’ (> аккад. [OA+] *urḫ-* ‘road, way, path’, Aramaic Bibl. *ʔarḥā*, Pal. *ʔwrḥ*, Syr. *ʔurḥ-*,

[50] Конкурируя с другими аккадскими словами для ‘road’: *urḫu*, *girru*.

[51] Это, однако, не основной шумерский термин со значением ‘road’; основное слово — это, видимо, KASKAL ‘way, road; journey, caravan’.

Mand. *ʕuhr-*, Urm *ʔūrəḫ-*, все значат ‘road’; один из кандидатов на статус семитск. корня для ‘road’, Militarev 2012, 86 ff.).

Неясная ситуация.[52]

68. **root**: не засвидетельствовано.

69. **round**: не засвидетельствовано.

70. **sand**: не засвидетельствовано.

71. **to say**: *ḫil- ~ ḫill-*

Mari, Bo.Bil., Mit. Bogh., Ugar.C., Ugar.A., Tell Brak.

GLH, 105 f.; Wegner 2007, 259 f.; Catsanicos 1996, 256 ff.; Dietrich & Mayer 1994, 74, 77, 87, 88, 89, 93, 96; Dietrich & Mayer 2010, 243; Görke 2010, 107 f.

Непростой случай, т. к. в хур. корпусе фиксируется несколько *verba dicendi* и известные контексты не всегда позволяют определить основной и наиболее нейтральный глагол говорения (также возможно, что предполагаемая разница в семантических нюансах различных хурритских *verba dicendi* имеет диалектное происхождение). В качестве предварительного решения я выбирают глагол *ḫil- ~ ḫill-*. Он кажется основным глаголом в значении ‘to say’ в Mit. В Mari он так же используется в функции ‘to say (that)’ (Wegner 2007, 236–237), и это же, видимо, касается его употреблений в Bogh. (напр., Campbell 2008, 270; также Görke 2010, 107 f.). В Bo.Bil. *ḫil- ~ ḫill-* в основном встречается в сочетании с *al*(*u*)- (еще один *verbum decendi*), а общий смысл всего выражения — ‘to say (from smb.’s heart) that’. Ср. также *ḫill=uš=i=t=an* “I has informed” в Tell Brak, Wilhelm 1991a, 163.

Второй кандидат — это глагол *kad-* (Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.A.), GLH, 132; Wegner 2007, 262; Catsanicos 1996, 256 ff.; Wegner 1994; Girbal 1994, 173. Видимо, в Bo.Bil., Bogh., Mit., Ugar.A. нормальная функция *kad-* — это ‘to speak the word, pronounce the word’ (в комбинации с *tiwe* ‘word’), хотя в Mit. в некоторых контекстах *kad-* демонстрирует нейтральное значение ‘to say that’

[52] В Caucet.dbf ХУ **ḫari* ‘road’ сопоставляется с вышеупомянутым сев.-кавк. ***ħarχi*** (при допущении диссимиляции ***ḫarḫi* > **ḫari*), что сомнительно.

(переводится как ‘to report that’ и т.п. в Dietrich & Mayer 2010). О фиксациях в Ugar.A. см. Dijkstra 1993a, 158, 161.

Глагол *kul-* (Bo.Bil. Mit., Bogh.; см. GLH, 151; Wegner 2007, 264; Catsanicos 1996, 256 ff.; Dietrich & Mayer 2010, 242), видимо, схож с *kad-*. В Bo.Bil. и Mit., он значит ‘to speak/pronounce (the word/curse/etc.)’. Интересно, что этот глагол может быть засвидетельствован и в угаритском лексическом списке в качестве перевода шумер. DUG_4 и аккад. *ḳabû* ‘to say, speak, pronounce’ (GLH, 194 sub *pal-* ‘to know’), если *pa-li-šu* эмендировать в *ku$^{!}$-li-šu*, как было правдоподобно предложено в Wilhelm 2003, 342 fn. 8.

Четвертый глагол — это *al=u-* (Mari, Bo.Bil., Bogh.; см. LHL 1, 52; Wegner 2007, 246; Catsanicos 1996, 256 ff.; Wegner 1994; Salvini & Wegner 2004, 167), отмеченный с длительным значением ‘to speak’ в Mari (Wegner 2007, 236–237). В Bo.Bil. и Bogh., *alu-* в нормальном случае употребляется в комбинации с глаголом *ḫill-* (см. выше), а общий смысле всего выражения — ‘to say (from smb.’s heart) that’, или же в комбинации с глаголом *kad-* (см. выше) и общим значением выражения — ‘to speak the word’ (с *tiwe* ‘word’).

Ср. также более редкие глагольные основы: *tiw-* ‘to pronounce a word (*vel sim.*)’ (Dijkstra 2006, 319 w. lit.) и, может быть, *ti-* ‘to cry, exclaim (*vel sim.*)’, как предложено в Dietrich & Mayer 2010, 76, 265 (без перевода в Wilhelm 1992b, 69; Giorgieri 1999, 388; Wilhelm 2006, 188);[53] более частотным оказывается именное производное *tiwe ~ tiye* ‘word / speech, word(s) / name / thing’ (см. 57. ‘name’ выше).

Неожиданным образом в Bo.Bil., видимо, отсутствуют контексты с нейтральным глаголом говорения ‘to say (that)’. В этих билингвальных текстах наиболее нейтральным выражением для ‘to say (that)’ представляется сочетание *tiw*(=*šari*) *kad-* ‘to pronounce (the following) word(s)’ (= хет. *udar mema-*).

Урарт.: основной кандидат — это, видимо, глагол *ti=a-* / *ti=u-* (КУКН, 468; CdTU 2, 215 ‘dire’), чьи словоформы фиксируются в контекстах двух типов: “X says: (direct speech)” (в монументальных надписях) и “you (the

[53] Глагольный корень *ti-* также постулируется в Wegner 1988, 152 для некоторых контекстов в Bogh., но именная интерпретация формы *ti-i-e*, видимо, предпочтительнее (так Giorgieri 1998, 78; Görke 2010, 78, 152).

messenger), do say (to the addressee so and so)" (в письмах). В билингвах урарт. *ti-* соответствует основному аккад. глаголу *ḳabû* 'to say'.

Второй кандидат — это глагол *al-* (КУКН, 432; CdTU 2, 16 ff. 'dire'; Wilhelm 2008b, 117). Его единственная известная форма 3 sg. *al=i* (фиксации многочисленны) в нормальном случае используется для ввода прямой речи царя (напр., в шаблонном контексте "The ruler says: 'I did so and so'"). Видимо, *al-* лучше переводить как-нибудь вроде 'провозглашать'.

Ср. также редкий глагол *pal-*, для которого в Хачикян 1985, 48, 50 fn. 5–6; КУКН, 457 предлагается перевод 'to speak, tell(?)'.

√ Неясно, как мы должны реконструировать ХУ глагол 'to say'. ХУ корень **tiw-* имеет определенное преимущество перед хур. *ḫil*(*l*)-, потому что **tiw-* не только рефлексирует как основной глагол для 'to say' в урартском, но также и содержится в ХУ существительном **tiwi* 'word / name' (см. 57. 'name' выше), а также в маргинальном глаголе говорения в хурритском. Семантическое развитие 'verbum dicendi' ↔ 'word' типологически нормально; напротив, переход 'word' → 'name' явно менее частотен, но ср., напр., литовско-латышскую основу **waĩd-a-s* 'name; word', восходящую к и.-е. слову для 'word'. Таким образом пра-ХУ деривационная цепочка могла быть **tiw-* 'to say' → **tiwi* 'word' → **tiwi* 'name'. Также возможно и противоположное решение: ХУ **tiwi* 'word' приобрело значение 'name' (общий пра-ХУ процесс), с одной стороны, и послужило деривационной основой для основного урарт. глагола 'to say' и для хур. глагола 'to pronounce a word (*vel sim.*)' (независимые инновации в хур. и урарт.?) — с другой.

Фонетические детали также не до конца ясны. Представляется, что обсуждаемый ХУ корень может быть с достаточной уверенностью реконструирован как **tiw-* > хур. *tiwe ~ tiye* 'word; name' (о глайдовом варьировании см. комм. к 57. 'name' выше), урарт. *ti=ni* 'name' с регулярной(?) утратой интервокального **-w-* и урарт. *ti=a-* / *ti=u-* 'to say' с той же утратой *-w-*. С другой стороны, если хур. простой глагол *ti-* 'to cry, exclaim (*vel sim.*)' действительно существует, мы должны следовать предложению Джорджери и членить ХУ **tiwi* 'word; name' как *ti=w=i* с неясным суффиксом *-w-* (ср. комм. к 57. 'name' выше).

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 53 ХУ **tiw-* сопоставляется с сев.-кавк. ***lěHwV** (~ **ɬ-**) (> цез. **lɔje* (~ *r-*) ‘word, sound, voice’, дарг. **luʕi* ‘number’). Далее, как предложено в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***lVhwV** ‘word’, к баск. ***ełhe** ‘word, story’. Начальный *l-* действительно был запрещен в ХУ, и вся этимология выглядит весьма привлекательно как фонетически, так и семантически. Главная трудность в том, что сев.-кавк. корень крайне скудно представлен и это не сев.-кавк. слово для ‘word’;[54] связь между сев.-кавк. ***lěHwV** и баск. ***ełhe** также не кажется надежной фонетически.

√ Хур. *ḫil*(*l*)- может быть сопоставлено с сино-кавк. ***HíŁV̌** ‘to say (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***HiL̲V** (~ **-ä-**) ‘to say (*vel sim.*)’ (> нах. **lē-w-* / **ʔāƛ-* ‘to say’, ав.-анд. **hiƛ̣ː-* ‘to say’, цез. **ʔiƛ-* ‘to speak; to call’, один из нескольких кандидатов на статус основного сев.-кавк. глагола для ‘to say’), сино-тиб. ***lə̆** ‘to speak, speech’, енисейск. ***ʔV**(**ʔ**)**Í-** (~ **-r**$_1$-) ‘to speak’, буруш. ***lte-** ‘to swear; oath’.[55]

√ Что касается хур. *kul-* ‘to speak, pronounce’, в Diakonoff & Starostin 1986, 54 этот корень сравнивается с сев.-кавк. ***=algwĂn** (> ав.-анд. **g*^{w}*Vl-* ‘to speak, talk’, лакск. *=ukːi-* ‘to count; to read’, дарг. *=[*a*]*lgwVn* ‘to ask; to count, read’, лезг. **ʔalga*(*n*) ‘to talk, speak’, зап.-кавк. **ga* ‘to call; to be heard (of sound, voice)’), что возможно, т. к. редукция срединного гласного и метатеза *-CR-* > *-RC-* — регулярный морфологический процесс в сев.-кавк. глагольных корнях, происходящих из структур вида **CVRV*, см. SCC, 1 f.

72. **to see**: *fur-*

Mit., Bogh., Qatna.

GLH, 298; Wegner 2007, 274; Dietrich & Mayer 2010, 272; Richter 2005, 27.

Глагол также засвидетельствован в Bo.Bil., но в значении ‘to find’ (Catsanicos 1996, 271, 272).

Второй кандидат — это глагол *am-* (Bo.Bil., Bogh.?), хотя он значит скорее ‘to notice; to look’ (LHL 1, 72; Wegner 2007, 246; Catsanicos 1996, 263, 272).

---

[54] Сев.-кавк. ‘word’ — это ***rěšU**, которое сохраняется в таковом значении в основных сев.-кавк. группах.

[55] Хур.–сев.-кавк. сравнение предложено в Diakonoff & Starostin 1986, 51.

√ Как предлагается в Diakonoff & Starostin 1986, 64, хур. *fur-* может быть сопоставлено с сев.-кавк. ***ʔwerV*** ‘look (n.), sight’ (> нах. **bʔar* ‘look, sight; to meet, to look, to stare’, ав.-анд. **ħarV* (~ *-o-*) ‘to look’, лакск. *=uru-gʷa-* ‘to look’, дарг. **ħer* ‘look, sight’, лезг. **ʔwVr-* ‘to glance, peep; to visit’).

73. **seed**: не засвидетельствовано.

74. **to sit**: *naḫḫ-*

Bo.Bil., Bogh.

Wegner 2007, 268; Catsanicos 1996, 205 ff.; Trémouille 2005, 320; Salvini & Wegner 2004, 176; Campbell 2007, 335.

Основные пассажи в Bo.Bil. указывают на значения ‘to sit down (intr.) / to sit down (tr.) / to appoint, commission / to occupy, reside, dwell’ (Catsanicos 1996, 205 ff.), однако нейтральный перевод ‘to sit, be sitting’ вероятен для некоторых контекстов в Bogh. (напр., Campbell 2007, 335). Исходная семантика ‘to sit, be sitting’ такде подтверждается именными производными со значением ‘seat, chair’: *naḫḫ=idi* (Bogh.), *naḫḫ=u=tḫe* (Bogh.), Wegner 2007, 231, 268.

Глагол *aššˀ-* скорее значит ‘to wash’, а не ‘to be seated’ (LHL 1, 130; Haas & Wegner 2010, 102 ff.).

Урарт.: общего глагола не засвидетельствовано. Ср. глагол *naḫ=a-* ‘to mount (the throne)’ (КУКН, 455; CdTU 2, 159 ‘salire sul trono’). Такой этимон хур. корня должен указывать на то, что **naḫ*(*ḫ*)- был основным ХУ глаголом для ‘to sit’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **naḫ*(*ḫ*)- ‘to sit’ нет.

75. **skin**: *ašḫe*

Bo.Bil., Ugar.C.

GLH, 59; LHL 1, 121; Catsanicos 1996, 233; Huehnergard 1987/2008, 24–25, 47.

Предварительно я заполняю слот существительным *ašḫe*. В Bo.Bil. *ašḫe* фиксируется в значении ‘hide’ (“skin of the deer”). В угаритском лексическом списке это слово может переводиться и как ‘(human) skin’, и как ‘hide’ (оно соответствует шумер. KUŠ и аккад. *mašku* с той же полисемией). Однако общий контекст лексического списка говорит в пользу человеческого анатомического термина.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 47 хур. *ašḫe* сопоставляется с сев.-кавк. ***ʔwā̆rćwə̆*** ‘skin; colour’, но таковое сравнение не очевидно фонетически. Кроме того, сев.-кавк. праформа сама по себе сомнительна, потому что сопоставление нах. **ħārcu* ‘anxiety, alarm’ и ав.-анд. **ʔi*(*r*)*či* ‘anger, anxiety’ с лезг. **ʔwä*(*r*)*č*^{w} ‘skin (of cattle)’ и зап.-кавк. **c*^{w}*a* ‘skin’ фонетически проблематично.

76. **to sleep**: не засвидетельствовано.

77. **small**: не засвидетельствовано.

Возможным кандидатом является слово *zugi*, отмеченное в угаритском лексическом списке в значении ‘low (said of rate of exchange)’ = шумер. TUR ‘small, little’ (GLH, 306; Huehnergard 1987/2008, 77). О второй возможной фиксации *zugi* (в значении ‘young’?) в угаритских списках см. Huehnergard 1987/2008, 38–39, 77.

Ср. форму *kalgi* (по знакам: *ga*^{ʔ}*-al-gi*) — не очень надежную аттестацию в угаритском лексическом списке с возможным значением ‘small, little’ (Huehnergard 1987/2008, 38–39, 79).

Третий кандидат — это «субарейская» форма *ḫayani* = аккад. *ṣeḫru* ‘small; young’ (Hrůša 2010, 164 [l. 234], 286; Kilmer 1963, 437 [No. 234], GLH, 89), которая на самом деле представляет собой известное из других источников слово *ḫāni* ‘child’ (Ugar.C., Bogh.) ← *ḫan-* ‘to give birth’, André-Salvini & Salvini 1998, 11; Giorgieri 2001, 143; GLH, 93, хотя фонетические детали не полностью ясны.

Наконец, четвертый потенциальный кандидат — это *šiu*, еще одна глосса при аккад. *ṣeḫru* в том же списке синонимов (Hrůša 2010, 164 [l. 230B], 286; Kilmer 1963, 437 [No. 230a]; AHw, 1253b; CAD Š/3, 147a), однако субарейская атрибуция *šiu* совсем не обязательна. Ввиду этой формы в Dietrich & Mayer 2010, 260, 280 постулируется хур. глагол *ši-* ‘to be small, to make small’, отмечаемый в некоторых пассажах в Mit. (применительно к стране и к дарам), что текстуально возможно, но опять же не бесспорно.[56]

[56] Переводится как ‘to amaze, be amazed’ в Wilhelm 1992b, 64; Wilhelm 2006, 183 и, с оговорками, в Giorgieri 1999, 378.

Урарт.: хорошим кандидатом является *zeldi* в выражении “a little piece of…”, о чем см. Girbal 2010 (ранее *zeldi* интерпретировалось Дьяконовым как ‘liver’, повторено в КУКН, 476; без перевода в CdTU 2, 251). Также ср. форму *urdiali*, осторожно переводимую в КУКН, 353 fn. 31, 473 как ‘small’; совершенно другую и более правдоподобную интерпретацию см. в CdTU 1, 572.

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 41 хур. *zugi* сравнивается с сев.-кавк. ***ʒ̱ǐķwĂ** / ***ķ̱ǐʒwĂ** ‘short’ (> ав.-анд. **čiķ:ʷV-* ‘small, short (in height)’, лезг. **č:i[ķ]V-* ‘short’, зап.-кавк. **ķač̣ʷə* ‘short’), что теоретически возможно.

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 62 хур. *ḫayani* сопоставляется с сев.-кавк. ***=āhV** ‘little, few (*vel sim.*)’ (> нах. **=awi-n* (~ *-ā-*) ‘light (in weight)’, ав.-анд. **daha-* (~ *o*) ‘few (adv.)’, цез. **=ihV* ‘small, little’), что не кажется надежным.

√ Урарт. *zeldi* (if *zel=di*) теоретически может быть сопоставлено с сев.-кавк. ***s̱ɨlV** (~ **-ɬ-**) ‘light (of weight)’ (> лезг. **s:ɨlä-* ‘id.’, зап.-кавк. **Ɬʷa-sə* ‘id.’).[57]

78. **smoke**: *ḫiuri*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 12.

Хорошо засвидетельствованное *ḫubr=ušḫi* ‘incense burner’ (GLH, 109; Wilhelm 1972–1975; Dietrich & Mayer 1997, 86) может содержать тот же корень, хотя вокалическое чередование неясно.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. Ср. сино-кавк. ***hVɬʔV** ‘breath; spirit’ > сев.-кавк. ***h[ă]ɬʔa** (~ **-ʡ-**, **-e**) ‘steam’ (> нах. **ʔe* ‘steam’, ав.-анд. **halHV* (~ *ħ-*) ‘to boil; boiling; steam’, цез. **hel-* (~ *ħ-*) ‘to boil’, лезг. **hIela* ‘breath; steam’, зап.-кавк. **Ła* ‘smoke; god, spirit’), сино-тиб. ***lə̆** ‘spirit’, енисейск. ***ʔir**$_1$- (~ **x-**) ‘breath, spirit’.[58]

Хур. *ḫiuri* напоминает нах. **ķur* ‘smoke’ (так в Diakonoff & Starostin 1986, 57) — основной нах. корень для ‘smoke’, который, однако, не имеет сев.-кавк.

---

[57] Далее, как осторожно предлагается в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***s̱ɨlV** (~ **-ɬ-**), сев.-кавк. форма может быть связана с сино-тиб. ***lă** (**s-**) ‘easy, slow’ (> кит. 舒 **sla* ‘slowly, leisurely, easy, relax’, тибет. *sla* ‘easy’).

[58] В Diakonoff & Starostin 1986, 55 сев.-кавк. ***h[ă]ɬʔa** сопоставляется с хур. *aḫri* ‘incense’ (на самом деле глагольный корень *aḫr-* ‘to burn incense’, LHL 1, 41), что не представляется удачным.

этимологии и явно не может отражать сев.-кавк. корень для этого значения (скорее ХУ заимствование в нах., см. § 6.4 ниже и Касьян 2011).

79. **to stand**: не засвидетельствовано.

Ср. глагол *meḫ-* (Bo.Bil., Bogh.) ‘to go stand, place oneself, come to stand’, который соответствует хет. *tiya-* ‘to go stand, place oneself, come to stand’ и *sara ar-* ‘to stand up’ в Bo.Bil. (Neu 1996, 266, 405; Catsanicos 1996, 209 f.; Campbell 2007, 87; Wegner 2007, 267; Wilhelm 1991b, 45; Wilhelm 1992a, 132).

80. **star**: не засвидетельствовано.

Первым кандидатом является хур. *zuzuḫe* (Ugar.C.), однако более веротянным представляется интерпретация этого слова как ‘container, box, vessel’, а не ‘star’ (см. обсуждение в Huehnergard 1987/2008, 26–27, 54, особенно 377). В таком случае *zuzuḫe* может быть вариантом хур. термина *zizzuḫi* ‘cruche’, известного в качестве заимствования из хеттских текстов (GLH, 306). Однако в пользу перевода ‘star’ говорит тот факт, что шумерограмма ‘star’ один раз в хурритском контексте засвидетельствована с комплементом *-ḫi-*: MUL-*ḫi-* (Haas & Wegner 1996, 286).

Второй кандидат — это хур. *ilziri* (Bogh.), т. е., вероятно, морфологически *ilz=i=ri*, см. Haas & Wegner 1996, 285–287. Такой перевод контекстуально правдоподобен, но тем не менее не кажется полностью надежным и обязательным.

√ С. Старостин 1995/2007, 630 осторожно сравнивает хур. *zuzuḫe* с основным сев.-кавк. корнем для ‘star’: ***ʒwhărī** / ***ʒwăhrī** (~ **-ē**),[59] однако предлагаемое объяснение хурритского развития (редупликация и переход **ḫr* > **rḫ* > *ḫ*) выглядит несколько искусственно.

81. **stone**: не засвидетельствовано.

Урарт.: слово *kaḳuli* может значить ‘stone (in general)’, так в КУКН, 451 (вслед за Дьяконовым); ср. CdTU 2, 132 (без перевода?).

[59] Далее, как предлагается в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***ʒwhắrī**, к баск. ***isarī** ‘star’ и синотиб. ***cer** (~ **-iə-**) ‘shine’.

82. **sun**: *šimigi*

Mit., Ugar., Bogh., Msk.

GLH, 232; Wegner 2007, 277; Dietrich & Mayer 2010, 276.

Имя бога Солнца. Морфологически, вероятно, *šimi=gi* с частотным именным суффиксом *-k-*. Ср. также термин *šapši* (~ *ašapši*?) ‘sun-disk(?)’, Haas 1998a, 240.

Урарт.: *šiwini*, имя бога Солнца (КУКН, 490; CdTU 2, 290). Хачикян 1985, 48, 50 fn. 10 предполагает, что хур. *šimi*(*=gi*) и урарт. *šiwi*(*=ni*) этимологически связаны, хотя такое соответствие *w* ~ *m* ненормально. В свою очередь Дьяконов (Diakonoff 1971, 81) подозревает, что урарт. *šiwini* может быть заимствованием хеттского *siu*(*na*)- ‘god (in general)’. Оба объяснения не кажутся очень удачными.

√ Неясно, как мы должны реконструировать ХУ термин. В анатолийской и месопотамской традициях слова для ‘sun’ и ‘moon’ совпадают с именами солнечного и лунного божеств, таким образом при смене культа эти термины оказываются подверженными замещению иноязычными заимствованиями.[60] Ввиду этого подозрительно, что из 5 расхождений между хуррит-ским и урартским списками (см. § 5 ниже) два — это именно обозначения упомянутых небесных тел.

√ Хур. *šimi-* сравнивается в Diakonoff & Starostin 1986, 23 с сев.-кавк. ***mīλwĂ** (~ **-ē-**, **-ī-**) ‘day (*vel sim.*)’ (> нах. **mālχ* ‘sun’, андийск. **miλi* ‘sun’, зап.-кавк. **maλwV* ‘day’; несмотря на значение ‘sun’ в двух вост.-кавк. группах, это, видимо, не основной сев.-кавк. корень для ‘sun’[61]) при предположении метатезы в хур. корне и дальнейшего сдвига **λi* > *ši*, что не кажется самоочевидным.

Ср. основной семитск. корень ***ŝ**$_x$**Vmŝ**$_x$ (< редупликация ***ŝ**$_x$**Vm-ŝ**$_x$**Vm** ?) ‘sun’, SED 1: CI.[62]

---

[60] Как, напр., в хеттском, где ‘sun’ обозначается хаттским заимствованием.

[61] Ср. сев.-кавк. ***wirəq̣Ă** ‘sun’, который сохраняет свое значение во всех группах, кроме нахской и андийской.

[62] Фонетический статус *$\hat{s}_x$ на самом деле неясен (возможно, это вообще ложная фонема в прасемитской реконструкции).

√ Урарт. *šiwi=ni* может быть сопоставлено с сев.-кавк. ***ʒə̆wɨ̆*** ‘sky’ (> ав.-анд. **zibu* ‘sky; day’, лакск. *s:aw* ‘sky’, дарг. **c:ab* ‘sky; rain’, лезг. **c:aw* ‘sky’, хиналуг. $c:^{w}a$ ‘sky’, зап.-кавк. $*z^{w}V$ ‘sky’). Далее вероятно, как предполагается в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***ʒə̆wɨ́***, к буруш. ***sa*** ‘sun; day’.

Лексикостатистическое соответствие: урарт.-буруш.?

83. **to swim**: не засвидетельствовано.

84. **tail**: не засвидетельствовано.

85. **that**: *ani*

Wilhelm 2008a, 95; Wilhelm 1984; Giorgieri 2000, 221; Hazenbos 2005, 143; Хачикян 2010b, 137; LHL 1, 88.

Система хурритских указательных местоимений не полностью ясна. Обычно анализ строится на данных из Mit. Как предложено в Wilhelm 2008a, 95; Giorgieri 2000, 221; Hazenbos 2005, 143; Хачикян 2010b, 137, можно выделить следующий фрагмент системы: *an=ni* ‘this (demonstrative proximal)’ / *an=di* ‘this (anaphoric proximal)’ / *ani* ‘that (anaphoric distal)’.

Иначе в Wegner 2007, 84: *an=ni ~ ani* ‘this’ / *an=di* ‘that’.

Иначе в Dietrich & Mayer 2010, 201: *an=ni ~ ani* ‘this (article-like)’ / *an=di* ‘this (deictic)’.

Местоимение *an=di* (LHL 1, 87), однако, переводится как хет. *aba-* ‘that (esp. concerning the addressee)’ в Bo.Bil. (“that man”, “that story” и т. д.), см. Neu 2003, 304. Этот факт должен говорить в пользу анализа И. Вегнер. Но при этом в многочисленных контекстах из Mit. *an=di* лучше переводить как ‘this’, а не ‘that’ (Wilhelm 1984).

В качестве предварительного решения я следую анализу Г. Вильгельма и рассматриваю *an=ni* как сводешевскую единицу ‘this’ и *ani* — как ‘that’.

√ Хур. *ani* ‘that’ может быть почленена как *an*(*=i*) с дейктической морфемой *an*, которая также присутствует в *an=ni* ‘that’ (q.v.), *an=di* ‘this (anaphoric proximal)’ и т. д. Бесспорной сино-кавк. этимологии для *an* нет.

Если же хур. *ani* ‘that’ членится как *a=ni* (о втором элемента *-ni* см. комм. к ‘this’), тогда *a-* может быть сопоставлено со следующей сино-кавк. местоименной дейктической морфемой: сино-кавк. ***ʔ[a]*** > сев.-кавк. ***ʔŏ*** (> нах. **ʔo*

‘that’, лезг. *ʔa ‘a demonstrative stem of far deixis’, зап.-кавк. *a ‘a demonstrative stem’), сино-тиб. ***ʔa** / ***ha-** ‘a demonstrative pronoun’, баск. ***ha** ‘a demonstrative stem used in expressions for ‘this’ and ‘that’’.[63]

86. **this**: *an=ni*

Wilhelm 2008a, 95; Wilhelm 1984; Wegner 2007, 84; Giorgieri 2000, 221; Hazenbos 2005, 143; Хачикян 2010b, 137; Dietrich & Mayer 2010, 201; LHL 1, 89. См. комм. к ‘that’.

Урарт.: указательное местоимение ‘this’ — *ini*, ср. также анафорическое *an=a=ni* ‘this (anaphoric)’, Wilhelm 2008b, 114; КУКН, 448.

√ Естественно предположить, что хур. *an=ni* ‘this’ и урарт. *ini* ‘this’ имеют схожую структуру и что урарт. фому надо анализировать как *i=ni*.

О хур. *an* в *an=ni* см. комм. к ‘that’ выше.

Урарт. *i* в *i=ni* ‘this’ может быть сопоставлено со следующей сино-кавк. местоименной дейктической морфемой: сино-кавк. ***ʔi** > сев.-кавк. ***ʔi** ‘this’ (> нах. *ʔi ‘this’, Thsez. *ʔi-/*ji- ‘a demonstrative morpheme’, дарг. *ʔi- ‘this’, лезг. *ʔi ‘a demonstrative pronoun’, зап.-кавк. *jA ‘this’; лучший кандидат на статус сев.-кавк. местоимения ‘this’), сино-тиб. ***ʔi̯** (кит. 伊 *ʔij, бирм. *i*, лушаи *i*, киранти *ʔè, обычно указательная основа ближнего дейксиса), буруш. ***i-ne** ‘that’.[64]

Что касается ХУ дейктической морфемы *-*nV* (энклитическое местоимение 3 л., а также она используется как второй элемент различных местоимений, см. выше некоторые примеры), то ее естественно сравнивать с сино-кавк. ***nV** > сев.-кавк. ***nV** (> ав.-анд. *-*nV*- ‘a deictic particle used only in conjunction with other deictic stems’, цез. *nV ‘a deictic particle used only in conjunction with other deictic stems’, зап.-кавк. *nV ‘a demonstrative stem, primarily adverbial with far deixis’), сино-тиб. ***nV** (> кит. 那 *nāj ‘that (late)’, качин. *naŋ*^{4} ‘here’, *niŋ*^{4} ‘thus, in this manner’, киранти *na- ‘that, there’), буруш.

[63] Diakonoff & Starostin 1986, 82–83 с хур.–сев.-кавк. сравнением.

[64] Diakonoff & Starostin 1986, 83 с хур.–сев.-кавк. сравнением.

*-**ne** в *__i-ne__ ‘that’, *__khe-ne__ ‘this’.[65] Можно отметить морфосинтаксическую схожесть между ХУ, сев.-кавк. и буруш. морфемами.

Лексикостатистическое соответствие: урарт.-сев.-кавк.

87. **thou**: *fe-*

Bo.Bil., Mit., Bogh.

Wegner 2007, 82 f.; Giorgieri 2000, 219; GLH, 295; Dietrich & Mayer 2010, 193; Neu 2003, 298.

Загадочна форма *šiniam* (или *šinibi*?) ‘thou’ в угаритском лексическом списке (Huehnergard 1987/2008, 24–25, 47, esp. 376).

√ Очевидным этимоном для хур. *fe-* представляется сино-кавк. *__wV__ ‘thou’ (прямая основа?) > сев.-кавк. *__uō__ ‘thou’ (прямая основа), енисейск. *__ʔaw__ (/ *__ʔu__) ‘thou’, буруш. *__u-n__ ‘thou’.[66]

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.-енисейск.-буруш.

88. **tongue**: *irde*

Bogh., Ort.

Wegner 1995a, 117 f.; Girbal 1994, 173; Ünal 1998, 59, 64; .

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет.

89. **tooth**: *šeri ~ šir=ni*

Ugar.C., Bogh.

André-Salvini & Salvini 1998, 16 f.; Görke 2010, 72 f.

Угаритская фиксация *ši-*x*-ni* беспроблемна семантически, но не фонетически, т. к. чтение срединного поврежденного знака неясно: это может быть IR или NI, см. обсуждение в André-Salvini & Salvini 1998, 16 f. Исходя из аккад. *šinnu* ‘tooth’ (< семитск. *__šinn__- ‘tooth’), указанные авторы склоняются к чтению хур. формы как *šini=ni*, подозревая в ней семитское заимствование. Тем не менее представляется весьма сомнительным, что аккадское влияние на хурритский было достаточно сильным, чтобы сделать возможным заим-

[65] Diakonoff & Starostin 1986, 82 с хур.–сев.-кавк. сравнением.

[66] Diakonoff & Starostin 1986, 82 с хур.–сев.-кавк. сравнением.

ствование подобного базисного понятия (об аккад. заимствованиях в хурритский см. комм. к 91. ‘two’ ниже).[67]

Вторая засвидетельствованная форма *šeri* происходит из хурритохеттского ритуала Aštu, где этот анатомический термин обнаруживается в длинном, но частично поврежденном списке частей тела. Перевод *šeri* ‘tooth’ был осторожно и со многими оговорками предложен в Görke 2010, 72 f. При этом значение ‘tooth’ очень хорошо укладывается в контекст, т. к. *šeri* примыкает к группе частей тела, связанных с головой (обычно подобные списки организованы в соответствии с естественной анатомической последовательностью). Список выглядит следующим образом (см. издание в Görke 2010, 60 ff.): глаз, […], ухо, внутреннее ухо, нос, слюна(?), шея (т. е. горло?), язык(?), *šeri* ‘зуб(?)’, *fušši* ‘?’, *keraši* ‘?’, *fayari* ‘?’, *kelli* ‘?’, *ḫaripši* ‘?’, бицепс/плечо, *kušri* ‘?’, рука, *tatti* ‘?’, *puda*-x ‘?’ […].

Я полагаю, что этих данных достаточно для постулирования хурритского анатомического термина *šeri ~ šir=ni* ‘tooth’.

√ Приемлемым этимоном является основной сев.-кавк. корень ***cɨ̌ɬ́ɦV̄** ‘tooth’ (> нах. **ca*, ав.-анд. **colu*, цез. **s:ɨ́l* A (*~ s-*), дарг. **cula*, лезг. **sɨ́l:*, хиналуг. *culoz*, зап.-кавк. **c:A* ‘tooth’). Как предложено в Sccet.dbf (sub сино-кавк. ***śtɨ̌ɬ́ɦV̄**), далее можно привлекать сино-тиб. ***ĆVj** ‘fang’. Однако, видимо, это не основной сино-кавк. корень для ‘tooth’ (см. § 6.3 ниже).[68]

Лексикостатистическое соответствие: сев.-кавк.

90. **tree**: *tali*

Bo.Bil., Ugar.C., Bogh., Msk.

GLH, 253; Catsanicos 1996, 282; Wegner 2007, 282; Huehnergard 1987/2008, 26–27, 54.

---

[67] Хур. *šinniber=u=ḫḫe ~ šiniber=u=ḫḫe* ‘of ivory’ (Mit.) является стандартным прилагательным с адъективным суффиксом *=u=ḫḫe*, образованным от прозрачного, хотя и не зафиксированного напрямую аккадского заимствования (< аккад. *šinni pīri* ‘ivory’, букв. ‘tooth of elephant’). Эта форма вряд ли может прояснить чтение хур. слова для ‘tooth’.

[68] Напротив, для хур. формы ***šini=ni* не обнаруживается сино-кавк. этимонов.

Полисемия: ‘tree / wood (timber)’.[69] Вторым словом для ‘wood (timber)’ может быть *ḫere* (Campbell 2007, 158 ff.; Campbell 2008, 284).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 25 хур. *tali* сопоставляется с сев.-кавк. ***dwāɬī** ‘stick’ (> нах. **tāl* ‘poplar; chock, wedge’, ав.-анд. **dalV* ‘stick’, лакск. *t:ala* ‘log, cudgel, club’, дарг. **t:al* ‘post’,[70] лезг. **t:al* ‘branch; long stick, pole’).[71] Таковое сравнение фонетически возможно, но семантически не слишком удачно, т. к. развитие значения в направлении ‘tree’ > ‘wood (timber)’ типологически нормально, а в обратном направлении — нет.[72]

91. **two**: *šini*

Nuzi, Mari, Bo.Bil., Bogh., Mit., Ugar.A., Msk.

GLH, 234; Wegner 2007, 81; Wilhelm 2008a, 101; Giorgieri 2000, 222; Catsanicos 1996, 249; Dietrich & Mayer 2010, 191.

Урарт.: Дьяконов (Diakonoff 1971, 106; Diakonoff & Starostin 1986, 37) приводит форму *šiši* в качестве урарт. числительного ‘2’, что не представляется надежным. Фактическая урартская форма — это *šiši=ni*, которая ранее тем же автором переводилась как ‘3’ (Дьяконов 1963, 76, 91; повторено с оговорками в КУКН, 464), а в новом издании урарт. корпуса CdTU 2, 197 оставлена без перевода.[73]

---

[69] Значение ‘tree’, видимо, засвидетельствовано в RS h.2 obv. 12 (Laroche 1955, 330; Laroche 1968, 458).

[70] В Caucet.dbf сюда добавлено дарг. **t:ult:V* / **t:alt:V* ‘tree’ (реконструируется на основе форм чирагского, кубачинского и некоторых других диалектов), что крайне сомнительно. Даже если чирагско-кубачинская форма **t:ult:V* / **t:alt:V* ‘tree’ действительно является редупликацией обсуждаемого сев.-кавк. корня, то это явно очень поздняя и локальная инновация, т. к. прадаргинский корень для ‘tree’ — это **k:alk:V*.

[71] Далее, как предлагается в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***dwā́ɬī**, к сино-тиб. ***tul** ‘sharp wooden stick’, буруш. ***tol** ‘awl’, ? баск. ***i-dul-ki** ‘block of wood; pedestal’.

[72] Идея, что хур. *tali* отражает старое сино-кавк. слово для ‘tree’ (изменившее свое значение во всех остальных сино-кавк. (пра)языках), возможна только теоретически.

[73] Ср. также фонетический комплемент у идеограммы 3-*še* ‘3’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *šini* нет. Основа напоминает енисейск. **si-* ‘four’ (без сино-кавк. этимологии), но детали неясны.

В Diakonoff & Starostin 1986, 37 хур. *šini* ‘2’ сопоставляется с сев.-кавк. корнем ***nă̆wš̲i** > нах. **ši*, obl. **šina-* ‘2’, лакск. *nuwš:a* ‘ram (more than 2 years old)’, лезг. **nušaj* (~ *-iw-*) ‘sheep (about 2 years old)’ (отмечено только в рутульско-цахурском), зап.-кавк. **nəč̆ə* ‘a ram slaughtered in honor of the guest’. Бесспорный общесеверокавказский корень для ‘2’ — это ***q̇Hwā̆**, который сохраняет свое значение во всех группах, кроме нахской[74]. Авторы NCED предполагают исходную супплетивную парадигму числительного ‘2’: прям. основа ***q̇Hwā̆** / косв. ***nă̆wš̲i**, при этом косвенная основа повсеместно оказалась вытеснена прямой, сохранившись в своем исходном значении только в пранахском (где наоборот была элиминирована прямая основа). Вся конструкция представляется крайне гипотетичной, материал слишком скуден, да и наличие супплетивной парадигмы для такого числительного типологически нехарактерно. Фонетические соответствия между дочерними формами, объединяемыми в сев.-кавк. ***nă̆wš̲i** также нерегулярны, и я предполагаю, что скорее мы имеем дело с неверной этимологизацией. В частности нах. основу **ši*, косв. **šina-* ‘2’ следует считать изолятом. Нахское числительное представляет собой одно из нескольких слов, изолированных в сев.-кавк. семье, но при этом фонетически схожих с хурритскими формами, — может быть, старые ХУ заимствования в пранахском, см. § 6.4 ниже и Касьян 2011.

Фонетическое совпадение хур. *šin*(*i*) ‘2’ с нах. **ši* / **šina-* ‘2’ и с семитск. ***t̲Vny** ‘2’ (> аккад. *šinā*, Ugar. *t̲n*, Phoen. *šn* и т. д., т. е. формы вида *šin-*, широко распространенные в древних семитских языках Ближнего Востока), конечно, подозрительно.

Сходство между хур. и семитск. формами может быть случайным, но также можно предположить, что хур. числительное было заимствовано из аккадского в качестве торгового термина. Ср. хур. *šeše* ‘6’, которое, видимо, происходит из аккад. *šeššu* ‘6’ (далее к угарит. *t̲t̲* ‘6’ и т. д. < семитск. ***šdt̲** ‘6’), и другие аккадские заимствования в хурритском, о которых см. Diakonoff

[74] Далее, видимо, к енисейск. ***xi-na** ‘2’.

1971, 77 ff.; Wilhelm 2008a, 103; Dietrich & Mayer 1994, 109; Dietrich & Mayer 2010, 278 f.[75]

Что касается нахского, то эта группа языков не демонстрирует каких-либо контактов с семитскими, так что для объяснения нах. **ši* / **šina-* ‘2’ нужен язык-посредник, и здесь единственным кандидатом является хурритский (или его близкий родственник, напр., урартский). Также ср. нах. числительное **qoʔ* [прям.] / **qaʔa-* [косв.] ‘3’, которое не имеет сев.-кавк. этимологии, но зато напоминает хур. *kig-* ‘3’ (Diakonoff & Starostin 1986, 59; Blažek 2010, 118).

92. **to go$_1$**: *ušš-*

Haas & Wegner 2010, 97 ff.; Huehnergard 1987/2008, 65; Prechel & Richter 2001, 370.

Редкий случай, когда мы можем проследить диалектную разницу в хурритской лексике. Два основных глагола со значением ‘to go, walk’ — это:

1) *ušš-* (OBab., Mari, Bogh., Ugar.C.);

2) *itt-* (Mit.), см. ниже.

При этом в Bo.Bil., видимо, не употребляются глаголы с общей семантикой хождения. Ср. различные специализированные глаголы движения в Bo.Bil.: *far=iš-* (= хет. *iya-* ‘to go, walk’, хотя контекстное значение здесь скорее ‘to take the road’, нежели общее ‘to go’), Neu 1996, 228; Catsanicos 1996, 224, 228; *šeḫl-* ‘to go in’ (= хет. *anta iyanna-*), Catsanicos 1996, 228; *ḫab-* ‘to go forward’ (= хет. *para pai-*), Catsanicos 1996, 220, 228; и т. д.

Урарт.: *uš-*, *uš=t=a-*, видимо, один из двух общих глаголов для ‘to go’; см. комм. к 16. ‘to come’.

---

[75] Конечно, заимствование слова для двойки (самый стабильный сводешевский элемент после местоимения ‘мы’ по индексу стабильности, см. G. Starostin 2010a) — типологическая редкость. Обычно такое замещение исконного термина имеет место при комплексном заимствовании счетного ряда, ср. примеры в языках Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако бродячий характер именно числительного ‘2’ отмечен в некоторых африканских регионах у кушитских, омотских и сурмийских языков (Г. С. Старостин, устн. сообщ.).

√ ХУ корень ‘to go’ таким образом может быть постулирован как **uš*(*š*)-. Его фонетически лучший этимон — это сино-кавк. ***HuSV́** > енисейск. ***ʔus**- (~ **x**-) ‘away, asunder’, буруш. *-**us**- / *-**was**- ‘to go out, away’; формально ***HuSV́** — не общий сино-кавк. корень, а локальная енисейско-буруш. изоглосса. Лексикостатистических схождений нет.

√ В качестве этимона для хур. *ḫab*- С. Старостин 1998/2007, 747 предлагает сев.-кавк. ***=ixwV** ‘to go (*vel sim.*); to flow’, что, по моему мнению, неудачно (о гипотетической развитии $C^w > CVw$, см. комм. к 110. ‘year’ ниже).

92. **to go$_2$**: *itt*-

Wegner 2007, 257; GLH, 128; Haas & Wegner 2010, 97.

Надежно засвидетельствовано только в Mit., где, как отмечалось уже А. Гётце в 1930-х гг., глагол *itt*- ‘to go, go away’ противопоставлен глаголу *un*- ‘to come’ q.v.[76] Ср., напр., “And now I have given my brother’s wife, and she has gone (*itt*-) to my brother. When she comes (*un*-), my brother will see her” (Wilhelm 1992b, 66).

В Dietrich & Mayer 2010, 247 *itt*- переводится как ‘to depart’ (‘losgehen’), в то время как общая семантика ‘to go’ приписывается глаголу *i*-. Однако же даже из перевода митаннийского письма самих Дитриха и Майера не следует таковое общее значение для *i*-. Альтернативная трактовка глагола *i*- — это перевод ‘to be worth, valuable’, подходящий по крайней мере к некоторым контекстам в Mit. (так Girbal 1992, 164 f., поддержанный с оговорками в Giorgieri 1999 и Wilhelm 2006).

Урарт.: *ul*-, *ul=a*-, видимо, один из двух общих глаголов для ‘to go’; см. комм. к 16. ‘to come’.

√ Хур. *itt*- может быть сопоставлено с сино-кавк. ***=ətV** ‘to move (*vel sim.*)’ > сев.-кавк. ***=ətV** ‘to move, go (*vel sim.*)’ (> нах. **q-ēt*- ‘to get (somewhere)’, ав.-анд. **=ut*- ‘to reach’, цез. **=ot*- ‘to turn back, return’, лезг. **ʔata*- ‘to arrive, to walk’), сино-тиб. ***tiə** ‘to go (*vel sim.*)’ (> кит. 之 **tə* ‘to go, proceed’).

[76] Ситуация, когда значения ‘to go’ и ‘to go away’ выражаются одним общим глаголом, противопоставленным глаголу для ‘to come’, типологически нормальна.

√ В Diakonoff & Starostin 1986, 50 f. урарт. *ul-*, вероятно, справедливо сравнивается с сев.-кавк. ***=ərʔ̲ǏŬ** ‘to go (*vel sim.*)’ (> нах. *-*ēŁ-* ‘to walk, roam’, ав.-анд. *=*iƛ:u-* ‘to walk (*vel sim.*)’, цез. **ʔoλ:-* (~ *-λ-*, *-L-*) ‘to walk’, лакск. *=u=k:a-* ‘to go out’, лезг. **ʔarƛ:e-* ‘to come’, хиналуг. *ka-* ‘to come’, зап.-кавк. **Ł*^{w}*V* ‘to enter’). В принципе, ***=ərʔ̲ǏŬ** может являться основным это сев.-кавк. корнем для ‘to come’.

93. **warm**: не засвидетельствовано.

94. **water**: *šiwe ~ šiye*

Mari (*šiwe*), OBab. (*šiye*), Bo.Bil. (*šiye*), Ugar.A. (*ṯy*), Ugar.C. (*šiye*), Bogh. (*šiwe ~ šiye*), Ort. (*šiye*), Subar. (*šeu*).

GLH, 230; Wegner 2007, 276; Catsanicos 1996, 282; Dietrich & Mayer 1994, 75, 79, 82; Dietrich & Mayer 1997, 83; Görke 2010, 340; Prechel & Richter 2001, 358; Ünal 1998, 62; Hrůša 2010, 134 [l. 204], 547.

Полисемия: ‘water / river’. О вариации глайдов см. комм. к 57. ‘name’ (*tiwe ~ tiye*).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 49 хур. *šiwe ~ šiye* сопоставляется с сев.-кавк. ***=ăλV**(-)**r** ‘to wet; to be wet, soak’ (> нах. **=il-* ‘to wash’, ав.-анд. **=aλ-* (~ *-o-*, *-ƛ-*) ‘to become liquid (after shaking); to rain’, лезг. **ʔälar-* ‘to soak; to urinate; to melt; liquid’) при предположении перехода *λ > хур. *š* перед передними гласными. В качестве альтернативной этимологии в Diakonoff & Starostin 1986, 49 предлагается сев.-кавк. ***x̲ăn̓ħ̵** ‘water’ (> нах. **χi*, ав.-анд. **λ:inʔi*, цез. **λ:i̅* В, лакск. *š:in*, дарг. **xin*, лезг. **λ:än:*, хиналуг. *xu* ‘water’) с палатализацией **x* > *š* и упрощением **nh* > **h* > *∅* в хурритском. Оба решения фонетически не очевидны, и в обоих случаях хур. *-w-* остается без изменения.

95. **we**: *ša=tti*(*=lla*) / *šie=š-* / *ša=š-*

Bo.Bil., Bogh.

Wegner 2007, 83, 276; Wegner 1992; Wilhelm 2008a, 95; Giorgieri 2000, 219; Neu 2003, 298.

Paradigm: *ša=tti*(*=lla*) [abs.] / *šie=š-* [erg.] / *ša=š-* [obl.].

√ Стандартно хурритские личные местоимения мн. ч. ‘we’, ‘you’ и ‘they’ являются прозрачными производными от соответствующих форм ед. ч. ‘I’ (q.v.), ‘thou’ (q.v.) и ‘he’ с показателями плюралиса.[77] Ввиду этого сравнения хур. *ša=tti(=lla)* / *šie=š-* / *ša=š-* ‘we’ с сев.-кавк. местоимением ***ži** [абс.] / ***ža-** [косв.] / ***ʔižV** [ген.] ‘we (exclusive)’ представляется излишним. Я предполагаю, что в данном случае хурритский соответствует енисейской модели, ср. енисейск. ***ʔaʒ** ‘I’ ~ ***ʔaʒ-ŋ** ‘we’ (*-ŋ* — плюрализатор), хотя показатели мн. ч. в хур. и енисейск. основах разняться.

Лексикостатистическое соответствие: енисейск.

96. **what?**: *aw-*

Bogh.

Wegner 2010.

Полисемия: ‘who (interrog.) / what (interrog.)’.

Хур. вопросительная основа *iya* (Bo.Bil., Mit.) засвидетельствована в значениях ‘what (relative)’ и ‘why?’ (Neu 2003, 305; Wegner 2007, 84, 122; GLH, 118; Dietrich & Mayer 2010, 202; Campbell 2007, 76 ff.), но не ‘what? (interrog.)’ (вопреки Khačikyan 2010, 138).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *aw-* нет. Корень напоминает некоторые отдельные сино-кавк. формы со значением ‘what?’: вроде нах. **fu-(n)* ‘what?’ (без этимологии), буруш. ***be** ‘what (interrog.)’ или сино-тиб. ***Pa** (один из нескольких кандидатов на статус сино-тиб. местоимения ‘what?’).

97. **white**: не засвидетельствовано.

98. **who?**: *awi ~ abi*

Bo.Bil., Mit.

LHL 1, 6; Wegner 2007, 85; Neu 2003, 305; Wegner 2010, 406 ff.; Khačikyan 2010, 138; Dietrich & Mayer 2010, 238.

Полисемия: ‘who (interrog.) / what (interrog.)’.

---

[77] Абс. *ša=tti(=lla)* ‘we’ ← абс. *iš=te* ‘I’ с дополнительным изменением корневого варианта *iš* на *ša* (парадигматическое выравнивание по косвенной основе *ša=š-*?).

В Ugar.C. форма *awi*, вероятно, фиксируется с дополнительным значением ‘who (relat.) / what (relat.)’, Laroche 1968, 462; Huehnergard 1987/2008, 40–41, 86. Однако стандартное хурритское относительное местоимение ‘what’ — это *iya* (Wegner 2007, 84, 122; GLH, 118; Campbell 2007, 76 ff.).

√ См. комм. к 96. ‘what?’.

99. **woman**: *ašti ~ ašta*

Mari, Bo.Bil., Mit., Bogh., Ugar.C., Ugar.A., Subar.

LHL 1, 136; de Martino / Giorgieri 2007; GLH, 62; Wegner 2007, 250; Catsanicos 1996, 198; André-Salvini & Salvini 1998, 10; Dietrich & Mayer 2010, 236; Hrůša 2010, 152 (l. 75), 281; Krebernik 2001, 158.

Полисемия: ‘woman / wife / female (n.)’.

Урарт.: как и в случае 51. ‘man’ и 64. ‘person’, формы для ‘woman (sg.)’, видимо, не засвидетельствованы. Известны морфологически сингулярные лексемы со значением ‘women (pl.)’: *wediani* (КУКН, 470; CdTU 2, 223 f.) и *lutu* (КУКН, 453; CdTU 2, 142 f.). Они выглядят как полные синонимы и даже могут употребляться в одной надписи в идентичных контекстах. Разница между *wediani* и *lutu* в том, что фиксации *wediani* более ранние (слово известно начиная с надписей царей Ишпуини и Менуа, в то время как *lutu* первый раз фиксируется в надписях Аргишти I). Во-вторых, *lutu* по причине начального *l-* может рассматриваться как иноязычное заимствование (источник, однако, неизвестен). Урартских слов на *l-* известно мало (КУКН, 453; CdTU 2, 141–143), и только два из них фиксируются в стандартных контекстах и однозначно переводятся: ^{MUNUS}*lutu*$^{\text{(MEŠ)}}$ ‘women’ и ^{KUR}*lulue* ‘foreign/inimical land’. Из них ^{KUR}*lulue* вместе с хур. *lulaḫḫi* ‘a k. of barbarians (*vel sim.*)’ (GLH, 160), видимо, представляет собой заимствование из нах. **lōlu-χō*

‘neighbour (n.); in the neighbourhood’ (только чеченск. и ингушск.[78]); о ХУ-нахских связях ср. § 6.4 ниже и Касьян 2011.[79]

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *ašti* нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 39 хур. *ašti* сопоставляется со скудно зафиксированным даргинск. **cad-* ‘female (n.)’ и нах. **stVd-* (~ *-d-*, *-g-*, *-b-*, *-w-*, *-j-*) ‘female (n.)’ (звуковые соответствия между сев.-кавк. формами нерегулярны), что не выглядит удачным. С другой стороны, в Caucet.dbf предлагается объединять хур. *ašte* ‘woman’ с хур. *šid=u=ri* ‘young girl, maiden’ (GLH, 229, Catsanicos 1996, 275) и далее сравнивать с нах. **ʒʱuṭ* ‘bitch’ (нахская форма не имеет сев.-кавк. этимологии, гипотетическая сев.-кавк. праформа должны была бы быть ***ʒHV̆ṭV**),[80] но и это сомнительно.

√ Урарт. *wediani* также не этимологизируется.[81]

100. **yellow**: не засвидетельствовано.

---

[78] Как указывается в Caucet.dbf, нах. корень обладает надежной сев.-кавк. этимологией: сев.-кавк. ***Ɬ̄ōlV** ‘guest, neighbour’ (ав.-анд. **ƛ̣:irV* ‘person of the same age; parent-in-law’; цез. **ƛ̣ir* (~ *-e-*, *-ə-*, *-l*) ‘guest’; хиналуг. *ķijä* ‘guest’). В Diakonoff & Starostin 1986, 48 ХУ слово трактуется как прямой этимон сев.-кавк. ***Ɬ̄ōlV**, что менее вероятно.

[79] Хур. термин был заимствован как хет. (LÚ)*lulaḫ*(*ḫ*)*i-* ‘(generic designation of uncivilized mountain dwellers)’, лув. (клиноп.) *lulaḫi*(*ya*)- ‘of the mountain-dwellers’ (HEG L–M, 70 с. лит.). В Kassian 2010a, 428 fn. 74 я предположил, что в хеттском могут присутствовать некоторые прямые нахские заимствования, но, видимо, во всех таких случаях экономичнее считать, что нахское слово проникало в хеттский через хурритское посредство. Далее обсуждаемая форма проникла в юго-западную Анатолию, ср. др.-греч. Λέλεγες ‘одна из народностей, населявших в 1-м тыс. до н. э. юго-западную Анатолию (очень близкая к карийцам, согласно Геродоту)’.

[80] Сравнение хур. *šid=u=ri* ~ нах. **ʒʱuṭ* было еще раньше предложено в Diakonoff & Starostin 1986, 28.

[81] И. С. Якубович (устн. сообщ.) высказал предположение, что урарт. *wediani* может соотноситься с индо-иран. **vadhū* ‘wife (especially of the son, brother, etc.)’ в качестве митаннийского заимствования. Также ср. хур. *waduranni*, если это слово действительно значит ‘dowry’ (см. Dietrich & Mayer 2010, 267 с альтернативным переводом ‘plentiful (*vel sim.*)’ и обсуждением).

101. **far** (adv.): не засвидетельствовано.

Возможный кандидат — это *awattu-* (Mit.), Girbal 1992, 166 f.; Wegner 2007, 248; LHL 1, 152; совершенно иной перевод ‘word’ предлагается в Dietrich & Mayer 2010, 237 (< аккад. *awātu* ‘word’). Основа *šukku* должна анализироваться как числительное ‘1, one’ (q.v.), не наречие ‘far’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *awattu* нет.

102. **heavy**: не засвидетельствовано.

103. **near** (adv.): не засвидетельствовано.

Гипотетический кандидат — это глагол *ul=uḫ-* ‘to be near(?)’ (Mit.), Girbal 1992, 166 f.; Wegner 2007, 289; Campbell 2007, 304, 306; но переведено как ‘(ver)ändern’ в Dietrich & Mayer 2010, 268. Хур. *ul=uḫ-* соответствует аккад. *šanû* ‘to become different, change (intr.)’ в Qatna (в Richter 2005, 29 переводится более узкий значением ‘Koalition wechseln’).

Урарт.: ср. *salmatḫi* ‘near(?), in the neighbourhood(?)’ (КУКН, 460); переведено как ‘on the left(?)’ или ‘between(?)’ в CdTU 2, 181. Также ср. *limeye* ‘near(?), in the neighbourhood(?)’ (КУКН, 453), без перевода в CdTU 2, 141; основа *limeye* должна быть заимствованной по причине начального *l-*.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *ul-* нет.

104. **salt**: не засвидетельствовано.

105. **short**: не засвидетельствовано.

106. **snake**: *apši*

OBab., Bogh., Ugar.C.

LHL 1, 94; Huehnergard 1987/2008, 379; Salvini & Wegner 2004, 168; André-Salvini & Salvini 1998, 9; Prechel & Richter 2001, 359; Röseler 1999, 399 f.

О значении ‘(mythological) Serpent, (Sea)dragon’ см. Dijkstra 2006.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии нет.

107. **thin**: *nigale*

Ugar.C.

André-Salvini & Salvini 1998, 14.

Сочетаемость неизвестна. Также ср. *ḫaršai* ‘thin(?)’ в выражении *anui ḫaršai* ‘thin bread(?)’ (Bogh.), Campbell 2007, 202; GLH, 94.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для хур. *nigale* нет.

108. **wind**: не засвидетельствовано.

109. **worm**: не засвидетельствовано.

Вопреки некоторым авторам, слово *wali ~ weli* (Mari) вряд ли должно переводиться как ‘worm’, ср. Giorgieri 2002, 69 f.; Campbell 2007, 390.

110. **year**: *šawali*

Mit., Bogh., Ugar.C.

GLH, 221; Wegner 2007, 275; Dietrich & Mayer 2010, 257. Возможно, с синкопированным вариантом *šawli* (Haas 1998a, 240).

Урарт.: *šali* ‘year’ (КУКН, 462; CdTU 2, 186). Этимологически соответствует хур. слову (падение интервокального *-w-* может быть регулярным процессом в урартском).

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **šawal-* ‘year’ нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 30 предлагается сравнение с сев.-кавк. ***swĕrho** (~ **-ɦ-**) ‘old (*vel sim.*)’ (> нах. **šo* ‘year’, ав.-анд. **-asara-* (~ *-o-*) ‘old’, дарг. **dus:* ‘year’, лезг. **jis:V-* ‘old’, хиналуг. *üs* ‘year’, зап.-кавк. **$ẑ^{w}ə$* ‘old’),[82] что не кажется удачным (в частности потому что развитие $C^{w} > CVw$ типологически ненормально[83]).

[82] Основным кандидатом на статус сев.-кавк. корня для ‘year’ представляется ***śwänĭ** (> ав.-анд. **rišin* ‘year’, лакск. *šin* ‘year’, лезг. **s:än* ‘year’, зап.-кавк. **$š^{w}A$* ‘year’). Значение ‘year’ у некоторых форм, приведенных выше под праформой ***swĕrho**, является результатом или семантического развития ‘old’ > ‘year’, или контаминацией с корнем ***śwänĭ** ‘year’.

[83] Кластеры «шумный + *w*», условно реконструируемые для сев.-кавк. праязыка, на самом деле должны трактоваться как лабиализованные монофонемные элементы (*s^{w}, *t^{w} и т. д.).

5. Синхронная интерпретация

В вышеприведенном 110-словном списке заполняется около 65 хурритских и около 22 урартских слотов.[84] Имеющиеся данные слишком скудны для формальных лексикостатистических и глоттохронологических подсчетов, но в целом лексикостатистической сравнение между хурритским и урартским соответствует нашим интуитивным ожиданиям. Из 22 урартских единиц 15 или 16 слов оказываются этимонами соответствующих хурритских слов:

1. **all**: хур. *šua=lla* ~ урарт. *šui=ni-*
12. **to burn** (tr.): хур. *am-* ~ урарт. *am-*
?16. **to come**: хур. *un-* ~ урарт. *nun=a-*
33. **to give**: хур. *ar-* ~ урарт. *ar-*
37. **hand**: хур. *šu=ni* ~ урарт. *šu-*
39. **to hear**: хур. *ḫaš-* ~ урарт. *ḫaš-*
40. **heart**: хур. *tiša* ~ урарт. *tiš=ni*
42. **I**: хур. *iš-* / *šu-* ~ урарт. *iš-* / *šu-*
55. **mountain**: хур. *pab=ni* ~ урарт. *baba=ni*
57. **name**: хур. *tiye* ~ урарт. *ti=ni*
59. **new**: хур. *šuḫe* ~ урарт. *šuḫi*
62. **not**: хур. *=u* ~ урарт. *u=i*, *=u=ri*
63. **one**: хур. *šu=kki* ~ урарт. *šu=sini*
67. **road**: хур. *ḫari* ~ урарт. *ḫari*
92. **to go**: хур. *ušš-* ~ урарт. *uš-*
110. **year**: хур. *šawali* ~ урарт. *šali*

В 5 позициях хурритский и урартский различаются:[85]

22. **earth**: хур. *eše* ~ урарт. *ḳi*(*u*)*ra-*.
54. **moon**: хур. *kušuḫ* ~ урарт. *šelardi*.

---

[84] В одном случае урартский термин засвидетельствован, а хурритский — нет: 77. ‘small’.

[85] Но об особом статусе слов для ‘sun’ и ‘moon’ см. комм. к 82. ‘sun’ выше.

71. **to say**: хур. *ḫil-* ~ урарт. *ti-*.
82. **sun**: хур. *šimigi* ~ урарт. *šiwini*.
86. **this**: хур. *an=ni* ~ урарт. *i=ni*.

Если мы экстраполируем эти показатели на полный 110- или 100-словный список, то получим примерно 28–30 расхождений в базисной лексике между хурритским и урартским, что предполагает 2500 г. до н. э. как примерную дату начала распада ХУ праязыка. Конечно, по причине своей экстраполятивной природы такая датировка не является хоть сколько-нибудь надежной, однако и она вполне отвечает нашим интуитивным ожиданиям.

6. Диахроническая интерпретация

6.0. Внешние связи ХУ языковой семьи — более интригующий вопрос. Исходя из вышеописанного принципа фонетической схожести, можно выделить следующие 12 случаев, когда ХУ корень лексикостатистически соответствует сводешевскому корню по крайней мере одного из праязыков, составляющих сино-кавказскую макросемью.

Группа A: сев.-кавк. ~ сино-тиб.:
59. **new**: ХУ **šuḫe* ~ сев.-кавк. ***ɕə̆nʔV** ‘new’ ~ сино-тиб. ***sĭn** ‘new’ [~ енисейск. ***-saŋ** ‘to begin’].

Группа B: енисейск. ~ сино-тиб.:
53. **meat**: хур. *uzi* ~ енисейск. ***ʔise** ‘meat’ ~ сино-тиб. ***śa** ‘meat’.

Группа C: сев.-кавк. ~ енисейск. (~ буруш.):
42. **I**: ХУ **iš-* / **šu-* ~ сев.-кавк. ***zō** / ***ʔez(V)** / ***ʔiz(V)** ‘I’ ~ енисейск. ***ʔaʒ** ‘I’, буруш. ***ʒ́a** ‘I’.
87. **thou**: хур. *fe-* ~ сев.-кавк. ***uō** ‘thou’, енисейск. ***ʔaw** ‘thou’, буруш. ***u-n** ‘thou’.

Группа D: енисейск.:

8. **black**: хур. *time=ri* ~ енисейск. ***tum-** ‘black’ [~ сино-тиб. ***rVm** ‘dark’?].
9. **blood**: хур. *zur=gi* ~ енисейск. ***sur** ‘blood’ [~ сев.-кавк. ***ć̣āŁwV** ‘vital force (*vel sim.*)’ ~ баск. ***i-ser̄di** ‘sweat; sap’].
50. **louse**: хур. *apḫe* ~ енисейск. ***ʔāke** ‘louse’ [~ сев.-кавк. ***ʔămkV** ‘a k. of insect’ ~ сино-тиб. ***mōŋ** ‘midge’].
95. **we**: *ša=tti=lla* / *šie=š-* / *ša=š-* (‘I’-PL) ~ енисейск. ***ʔaʒ-ŋ** (‘I’-PL) ‘we’.

Группа E: сев.-кавк.:

63. **one**: ХУ **šu-* ~ сев.-кавк. ***cHă** ‘1’.
86. **this**: урарт. *i=ni* ~ сев.-кавк. ***ʔi** ‘this’ [~ сино-тиб. ***ʔĭ** (proximal deixis) ~ буруш. ***i-ne** ‘that’].
89. **tooth**: хур. *šeri* ~ сев.-кавк. ***cĭłɦV̄** ‘tooth’.

Группа F: сино-тиб.:

21. **ear**: хур. *nu*(*ḫ*)*i* ~ сино-тиб. ***năH** ‘ear’ [~ сев.-кавк. ***ʕwănʕV** ‘inner ear’?].

6.1. Прежде всего необходимо отметить следующее обстоятельство: число ХУ-енисейских (×7) или ХУ-северокавказских (×6) лексических изоглосс контрастирует с парой гипотетических и явно вероятностно обусловленных ХУ-индоевропейских или ХУ-семитских схождений, обсуждаемый выше в § 2.

6.2. Во-вторых, распределение этих 12 элементов по лексикостатистическому списку оказывается значимым.

Ядром базисной лексики является т. н. сводешевский 100-словный (в настоящей работе 110-словный) список. Сводешевский список не гомогенен, напротив, его элементы имеют разную степень устойчивости. С. А. Старостиным этот фактор был назван относительным индексом стабильности (index of stability). С. А. Старостиным подсчитал данный показатель для каждого элемента списка на основании данных из различных семей Старого Света (см. подробнее С. Старостин 2007a и G. Starostin 2010a). Например, десять типологически устойчивых единиц 100-словного списка — это we_1,

two$_2$, *I*$_3$, *eye*$_4$, *thou*$_5$, *who*$_6$, *fire*$_7$, *tongue*$_8$, *stone*$_9$, *name*$_{10}$; а десять наименее устойчивых — *big*$_{101}$, *bark*$_{102}$, *sand*$_{103}$, *short*$_{104}$, *good*$_{105}$, *many*$_{106}$, *mountain*$_{107}$, *wind*$_{108}$, *belly*$_{109}$, *small*$_{110}$. Как предлагается в G. Starostin 2010a, для исследования дальнего языкового родства методологически разумный шаг — это разделить сводешевский список на две части: 50 сверхустойчивых слов (см. их список в G. Starostin 2010a, 113) и 60 остаточных, т. е. менее устойчивых единиц.[86]

Все 12 ХУ слов с сино-кавказскими лексикостатистическими параллелями попадают сверхустойчивую половину сводешевского списка.[87] Т.к. вероятность такого распределения между двумя частями списка ничтожно мала (< 0.0003), наблюдаемая ситуация должна подтверждать, что мы действительно имеем дело с генетическим родством между ХУ и языками, входящими в сино-кавказскую макросемью. Иными словами, ХУ праязык сохранил некоторые наиболее стабильные единицы прасино-кавказского сводешевского списка, в то время как более слабые единицы (в частности вся вторая половина списка) оказались полностью вымытыми при естественном процессе обособленного языкового развития ХУ праязыка в течение тысячелетий.

6.3. В-третьих, распределение этимонов 12 вышеупомянутых ХУ корней по ветвям сино-кавказской макросемьи не равномерно. Напротив, можно попытаться проследить некоторые тенденции.

---

[86] Иное, частично отличающееся от старостиновского, ранжирование базисных лексических единиц по их устойчивости было предложено в Holman et al. 2008. Т.к. результаты группы Холмана—Вихманна серьезно противоречат моим типологическим представлениям и интуиции (напр., в Holman et al. 2008 утверждается, что самым стабильным словом человеческого языка является ‘louse’, sic!), я предпочитаю пользоваться данными С. А. Старостина.

[87] Указательное местоимение ‘this’ обладает индексом стабильности 28 (С. Старостин 2007a, 838), хотя в настоящее время ‘this’ вместе с ‘that’ исключены из 50-словного списка по некоторым причинам, о чем см. G. Starostin 2010a, 92.

Принципиальное лексикостатистическое дерево сино-кавказской макросемьи по нашим сегодняшним представлениям выглядит так (Bengtson & G. Starostin, forthc.; Kassian 2010a, 323, 405):

сино-кавказский

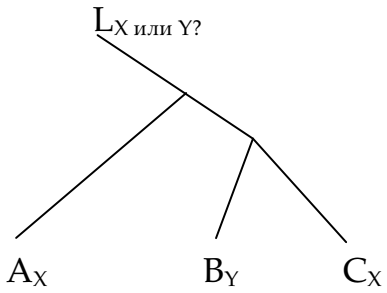
/ \

сино-тибетский–на-дене северокавказский-енисейский

/ \

северокавказский-баскский енисейский-бурушаски

Очевидно, что конфигурация генеалогического дерева крайне важна для семантической реконструкции (см. в частности Kassian 2011a, 143; Kassian 2013). В ситуации, когда пракорень или праслово демонстрирует несколько различных значений в дочерних языках, топологический критерий оказывается одним из основных для семантической реконструкции. Давайте представим себе генеалогическое дерево следующего вида, где *L* — праязык, а *A*, *B*, *C* — его дочерние (наблюдаемые нами) языки.



Некоторое слово в *A* значит ‘X’, его этимон в *B* имеет отличное значение ‘Y’, а их этимон в *C* опять значит ‘X’. При отсутствии дополнительных обстоятельств наиболее естественным решением было бы реконструировать для этого слова в *L* значение ‘X’, а не ‘Y’ (и не гипотетический ‘Z’), т. к. общие научные принципы предполагают, что мы должны предпочитать наиболее экономичные сценарии (в данном случае один семантический переход ‘X’ > ‘Y’ в *B* вместо двух независимых переходов ‘Y’ > ‘X’ в *A* и *C*).

Теперь можно проанализировать конкретные этимологии, приводимые выше в § 6.0.

Из трех главных ветвей сино-кавказской макросемьи (сев.-кавк., енисейск., сино-тиб.) максимальное количество лексикостатистических схождений у ХУ наблюдается с енисейским — семь этимологий (группы B, C и D выше).

Из них 1 этимология (группа B) базируется на основном сино-кавк. корне с соответствующим сводешевским значением:

53. **meat**: хур. *uzi* ~ енисейск. ***ʔise** ‘meat’ ~ сино-тиб. ***śa** ‘meat’. В соответствии с топологическим критерием совпадение между енисейск. и сино-тиб. делает этот корень лучшим кандидатом на статус сино-кавк. корня для ‘meat’.

2 этимологии (группа C) базируются на изоглоссах внутри сев.-кавк.–енисейск. ветви (хотя я полагаю, что на самом деле эти личные местоимения восходят к древнейшему сино-кавк. уровню, будучи утраченными в сино-тиб. ветви как один из результатов серьезной перестройки и упрощения сино-тиб. морфологии):[88]

42. **I**: ХУ **iš-* / **šu-* ~ сев.-кавк. ***zō** / ***ʔez**(**V**) / ***ʔiz**(**V**) ‘I’ ~ енисейск. ***ʔaʒ** ‘I’, буруш. ***ʒ́a** ‘I’.
87. **thou**: хур. *fe-* ~ сев.-кавк. ***uō** ‘thou’, енисейск. ***ʔaw** ‘thou’, буруш. ***u-n** ‘thou’.

2 эксклюзивных соответствия между ХУ и енисейск. (часть группы D) включают в себя корни, каждый из которых является одним из нескольких равноценных кандидатов на соответствующее сводешевское значение в сино-кавк.:

8. **black**: хур. *time=ri* ~ енисейск. ***tum-** ‘black’ [~ сино-тиб. ***rVm** ‘dark’?]. Цветообозначение ‘black’ крайне нестабильно и в сев.-кавк., и в сино-

[88] О типолого-этимологическом обзоре личных местоимений в сино-кавк. языках см. Starostin 2010b.

тиб. ветвях; с топологической точки зрения, никаких очевидных кандидатов на статус сино-кавк. термина нет.

95. **we**: *ša=tti=lla* / *šie=š-* / *ša=š-* (‘I’-PL) ~ енисейск. ***ʔaʒ-ŋ** (‘I’-PL) ‘we’. Однозначного сино-кавк. кандидата на местоимение ‘we’ нет. типологически деривация ‘we’ < ‘I’-PL и ‘you’ < ‘thou’-PL не так редка, эта модель отмечается в самых разных языках и семьях по всему свету (напр., тюркские, японский, дравидийские, древнеармянский, хоканские и т. д., см. WALS, 146, types 7 & 8; Siewierska 2004, 79 ff.). С другой стороны, очень вероятно, что в сино-тиб. праязыке не было корневого противопоставления между ‘I’ и ‘we’ (оба местоимения строятся на основе морфемы ***ŋā**), таким образом образование ‘we’ по модели ‘I’-PL может быть теоретически спроецирована на сино-кавк. прауровень.

Наконец, 2 эксклюзивных совпадения между ХУ и енисейск. (остаток в группе D) в принципе должны представлять из себя инновации в праенисейском, т. к. на соответствующие сводешевские значения в сино-кавк. имеются более сильные претенденты:

9. **blood**: хур. *zur=gi* ~ енисейск. ***sur** ‘blood’ [~ сев.-кавк. ***ć̣āŁwV** ‘vital force (*vel sim.*)’ ~ баск. ***i-seŗdi** ‘sweat; sap’]. Вполне надежным кандидатом на статус сино-кавк. корня для ‘blood’ является ***hwĭʔnV**, рефлексирующий как сев.-кавк. ***hwĕʔnV** ‘blood’ (сохраняет свое значение в вост.-кавк., но утрачивая его в зап.-кавк.) и сино-тиб. ***ʔʷīj** (**s-**) ‘blood’ (сохраняет свое значение в основных сино-тиб. ветвях).
50. **louse**: хур. *apḫe* ~ енисейск. ***ʔāke** ‘louse’ [~ сев.-кавк. ***ʔəmkV** ‘a k. of insect’ ~ сино-тиб. ***mōŋ** ‘midge’]. Достаточно надежный сино-кавк. кандидат на значение ‘louse’ — это ***ša̋rī** (~ **-ū**), рефлексирующее как баск. ***soŗi** ‘louse’ (в сев.-кавк. переход в ‘worm’) и сино-тиб. ***śar** ~ ***śrik** ‘louse’ (два варианта фиксируются по сино-тиб. языкам в дополнительном распределении).

Предполагаемых схождений между ХУ и сев.-кавк. обнаруживается чуть меньше — 6 этимологий (группы A, C, E). Из них 1 случай (группа A) представляет собой сино-кавк. наследие:

59. **new**: ХУ **šuḫe* ~ сев.-кавк. ***ṣ̌ə̆nʔV** ‘new’ ~ сино-тиб. ***sĭn** ‘new’ [~ енисейск. ***-saŋ** ‘to begin’]. Совпадение между сев.-кавк. и сино-тиб. дает нам сино-кавк. основу ***ṣ̌ə̆ŋʔV́** ‘new’.

2 местоименные этимологии (группа C) базируются изоглоссах, общих для сев.-кавк.–енисейск. ветви, см. о них выше комментарий к ХУ-енисейск. схождениям.

Еще в 2 случаях (группа E) сев.-кавк. корень в принципе может представлять собой старый сино-кавк. термин:

63. **one**: ХУ **šu-* ~ сев.-кавк. ***cHə̆** ‘1’. Однозначных претендентов на статус сино-кавк. числительного ‘1’, с топологической точки зрения, нет, но если енисейский сингулятивный суффикс ***-s(a)** действительно грамматикализовался из числительного, это делает данный корень хорошим кандидатом по крайней мере на статус сев.-кавк.–енисейск. ‘1’.
86. **this**: урарт. *i=ni* ~ сев.-кавк. ***ʔi** ‘this’ [~ сино-тиб. ***ʔĭ** (proximal deixis) ~ буруш. ***i-ne** ‘that’]. С топологической точки зрения, хорошие кандидаты на статус сино-кавк. местоимения ‘this’ отсутствуют.

Наконец, в 1 случае можно подозревать семантическую инновацию в ХУ и сев.-кавк.:

89. **tooth**: хур. *šeri* ~ сев.-кавк. ***cɨ̆ɬ̡V̄** ‘tooth’ [~ сино-тиб. ***ĆVj** ‘fang’]. Реконструкция сино-кавк. анатомического термина ‘tooth’ оказывается не такой тривиальной проблемой, т. к. имеются некоторые доводы в пользу того, что в сино-кавк. праязыке отсутствовало общее слово для ‘tooth’, вместо которого употреблялись два специализированных термина: ***HV̄dV** ‘incisor’ и ***HVʁwV́** ‘molar’ (эта оппозиция может быть прослежена в енисейск., сино-тиб. и баск.). Если сев.-кавк. ***cɨ̆ɬ̡V̄** ‘tooth’ действительно соответствует сино-тиб. ***ĆVj** ‘fang’ (так в Sccet.dbf sub сино-кавк. ***śtɨ̆ɬ̡V̄**), этот корень может представлять специализированный сино-кавк. термин ‘fang’, который в сев.-кавк. полностью вытеснил старые слова для ‘incisor’ и ‘molar’.

Количество ХУ–сино-тиб. схождений более скромно: могут быть упомянуты всего 2 этимологии (группы A и F). Из них 1 этимология (59. **new**) базируется на общем сино-кавк. корне, см. выше комм. к ХУ–сев.-кавк. схождениям. Вторая этимология также может представлять сино-кавк. наследие:

21. **ear**: хур. *nu*(*ḫ*)*i* ~ сино-тиб. ***nə̆H** ‘ear’ [~ сев.-кавк. ***ʕwə̆nʕV** ‘inner ear’?]. Выражения для ‘ear’ различаются в трех основных сино-кавк. ветвях, таким образом сино-тиб. ***nə̆H** оказывается одним из нескольких формально равных кандидатов.

Подытоживая. 12 разобранных выше ХУ–сино-кавк. этимологий включают в себя следующие типы:

- 2 случая общих сино-кавк. терминов (53. **meat**, 59. **new**);
- 2 случая общих сев.-кавк.–енисейск. и потенциально общих сино-кавк. терминов (42. **I**, 87. **thou**);
- 5 случаев потенциально общих сино-кавк. терминов (8. **black**, 21. **ear**, 63. **one**, 86. **this**, 95. **we**);
- 2 случая праенисейских семантических инноваций (9. **blood**, 50. **louse**).
- 1 случай прасеверокавказской семантической инновации (89. **tooth**).

Как видно из изложения, эти данные в принципе могут указывать на то, что ХУ является третьим членом енисейско-бурушаски ветви внутри сино-кавказской макросемьи.[89] С одной стороны, такой таковой результат оказывается интуитивно неожиданным по причине географической удаленности современных енисейских языков от Ближнего Востока (см. карту в разд. I, гл. 2, п. 8.2). Но с другой стороны — схожая ситуация наблюдается с еще одним вымершим малоазийским языком — хаттским, который также обна-

[89] Основной проблемой здесь оказывается хур. *šeri* ‘tooth’ (No. 89), которое формально сопоставимо с инновативным сев.-кавк. термином ***cɨ̆ɬ́hV̄** ‘tooth’ (см. выше). Если это сопоставление правомерно, то формы обоих праязыков (сев.-кавк. и ХУ) должны были независимо развить свое значение ‘tooth’ из семантики ‘fang’ (типологически нормальный переход).

руживает некоторые эксклюзивные сводешевские изоглоссы с енисейскими (см. разд. I, гл. 2), хотя никакой видимой связи между ХУ и хаттским нет.

6.4. Наконец, следует обсудить неожиданный феномен ХУ-нахских схождений в сводешевском списке. Как было уже указано в Касьян 2011, три ХУ базисных термина демонстрируют фонетическую схожесть с соответствующими единицами сводешевского списка нахского праязыка,[90] а именно:

39. **to hear**: ХУ **ḫaš-* ~ нах. **χaç-* 'to hear'.

78. **smoke**: хур. *ḫiuri* ~ нах. **ḳur* 'smoke'.

91. **two**: хур. *šini* ~ нах. **ši* [прям.], **šina-* [косв.] 'two'.[91]

Во-первых, приведенные выше нахские слова изолированы внутри сев.-кавк. семьи, т. е. не имеют надежных этимонов в других сев.-кавк. группах[92], а во-вторых, на каждое из этих сводешевских значений имеются надежные сев.-кавк. лексические кандидаты, отличающиеся от нахских корней: сев.-кавк. ***=ĭq̇Ē** 'to hear', сев.-кавк. ***ḳ̣wɨ̆nħV** 'smoke' и сев.-кавк. ***q̇Hwā̆** 'two'.

Для такой ситуации можно предположить несколько сценариев.

- Нулевая гипотеза: три ХУ-нах. фонетические совпадения случайны.
- ХУ входит в восточнокавказскую ветвь сев.-кавк. семьи и обладает специфически близким родством с пранахским языком. Три приведенные изоглоссы представляют собой совместные инновации после отделения ХУ-нахской ветви от вост.-кавк. ствола. Это гипотеза противоречит

---

[90] Нахская языковая группа засвидетельствована тремя языками: чеченским, ингушским и бацбийским. Группа входит в восточнокавказскую ветвь северокавказской языковой семьи, отделяясь от основного ствола около XXVIII в. до н. э. (предварительные глоттохронологические данные автора по 50-словным подсчетам). Распадается нахская группа на чечено-ингушскую и бацбийскую ветви ок. II в. н. э. (глоттохронологические данные по 110-словным подсчетам, см. G. Starostin 2011c). Таким образом, хурритский язык существовал синхронно пранахскому языку в течение всего периода своей фиксации.

[91] Все эти три слова сохраняют свое значение и базисный статус в современных нахских языках и таким образом могут быть надежно реконструированы для пранахского.

[92] О нах. **ši* / **šina-* 'two' см. этимологический комментарий к ХУ 'two' в § 4 выше.

всем имеющимся данным (как формальным лексикостатистическим, так и менее формальным традиционным компаративистским).

- ХУ и нах. слова представляют собой независимые параллельные заимствования в хурритский и пранахский из какого-то неизвестного языка. Такой сценарий требует слишком сильных допущений: существование в 3–2-м тысячелетиях до н. э. культурно доминирующего этноса, чей язык, с одной стороны, оказал столь сильное влияние на соседей (заимствования в 100-словник), а с другой стороны — не оставил никаких других следов. Кроме того, вероятность сепаратного заимствования одного и того же набора слов представляется слишком низкой.
- Три указанные изоглоссы являются заимствованиями в пранахский из хурритского или его ближайшего лингвистического родственника.

Последний сценарий наиболее вероятен,[93] хотя, принимая его, мы должны предположить *очень сильное культурное и языковое влияние* хурритов (или хуррито-урартов) на пранахов. Впрочем, последнему предположению пока нет никаких прямых противоречий. В таком случае — в соответствии с типологией лингвистических контактов — мы ожидаем обнаружить большой объем ХУ культурной лексики, заимствованный в нахские. Альтернативным же сценарием представляется гипотеза ХУ *субстрата* у пранахских племен (см. о похожей исторической ситуации в следующей главе).

[93] Схожие подозрения см. в Smeets 1989, 269.

Глава 2
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ХУРРИТО-УРАРТСКИМИ И ШУМЕРСКИМ: ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

1. Введение

1.1. Исторические сведения. В исторический период на шумерском языке говорило население южной Месопотамии (современный Ирак). Древнейшие клинописные фиксации шумерского можно датировать концом 4 или началом 3 тыс. до н. э., а в качестве живого языка общения шумерский функционировал до конца 3 или начала 2 тыс. до н. э. Позже, вплоть до конца 1 тыс. до н. э., шумерский оставался в ходу как язык науки и культа. Генеалогическая аффилиация этого языка неясна. Ниже чтения и значения шумерских форм даются по *Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary* (ePSD), *Cuneiform Digital Library Initiative* (CDLI) и *Electronic Text Corpus of Sumerian Literature* (ETCSL), а также по грамматике Jagersma 2010.

О хуррито-урартской (ХУ) языковой семье см. разд. II, гл. 1, п. 1.

1.2. Методологические положения. Я не буду обсуждать в деталях, при помощи какого рода фактов можно *доказать* генеалогическое родство между двумя языками. Согласно современным взглядам, два языка могут быть признаны родственными, если (1) существует достаточно количество (этимологических) схождений между базисной лексикой этих языков; (2) существует достаточно количество (этимологических) схождений между основными грамматическими показателями (число, падеж, лицо) этих языков; см. Campbell & Poser 2008: 4; Бурлак & Старостин 2005: 7–24. Вслед за Бурлак & Старостин 2005 и вопреки Campbell & Poser 2008 я полагаю, что условие (1) является действительно *обязательным*, а условие (2) скорее должно использоваться как *дополнительный* аргумент в пользу родства или отсутствия

родства. Эмпирически оказывается, что базисная лексика любой пары языков, о родстве которых на разумной временно́й глубине имеется научный консенсус, демонстрирует достаточное количество этимонов с совпадающими между языками значениями. Что самое важно: это правило касается и «ядра» базисной лексики — т. н. списка Сводеша. Таким образом, лексикостатистика оказывается надежным инструментом проверки наличия языкового родства, а этимоны с совпадающей семантикой из списка Сводеша — *обязательным* условием языкового родства.

В программной статье G. Starostin 2010a описаны две схожие по названию, но достаточно различающиеся по сути процедуры: *предварительная* (preliminary) лексикостатистика и *классическая* (classical) лексикостатистика. Классическая процедура используется в ситуации, когда уже имеется выделенная группа генетически родственных языков, между которыми уже выявлены регулярные фонетические соответствия. В таком случае классическая лексикостатистика применяется для установления внутренней филогении этой группы языков. Напротив, предварительная лексикостатистическая верификация/фальсификация используется, когда генеалогическая аффилиация исследуемого языка еще не известна. По причине невыявленности (или же отсутствия) регулярных фонетических соответствий, в предварительной лексикостатистике мы вынуждены оперировать *фонетической схожестью* между семантически совпадающими лексическими единицами сравниваемых языков.

Фонетическая схожесть может быть формализована как метод консонантных классов, который был предложен в Долгопольский 1964; Dolgopolsky 1986 и успешно апробирован лингвистами на различных языках и языковых семьях Старого Света, см., напр., Baxter 1995; Baxter & Manaster Ramer 2000; Kessler 2007; G. Starostin 2008b; Turchin et al. 2010. Названный метод предполагает разбиение фонетического алфавита, используемого в исследовании, на ряд непересекающихся подмножеств (классов) таким образом, что фонетические мутации между звуками внутри одного класса в процессе естественного языкового развития оказываются типологически более частотными, нежели мутации между звуками из разных классов. Типология фонетических изменений пока не исследованная область (хотя ср. шаг впе-

ред: Brown et al. forthc.), таким образом подобное разбиение может основываться только на интуиции и личном опыте конкретных лингвистов. Ниже я оперирую классами, принятыми в проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database»:[1]

P-класс (губные): p b ɓ β f v…
T-класс (зубные): t d ɗ θ ð…
S-класс (сибилянтные аффрикаты и спиранты): c ʒ č ǯ s z š ž…
Y-класс (палатальные глайды): y…
W-класс (губные глайды): w ʍ…
M-класс (губные носовые): m ɱ…
N-класс (негубные носовые): n ɳ ɲ ŋ…
Q-класс (латеральные аффрикаты): ƛ …
R-класс (плавные): r ɾ l ɭ ɬ ɮ…
K-класс (велярные и увулярные): k g x ɣ q χ ʁ…
нулевой класс или H-класс: ħ ʕ н ʢ ʡ h ɦ ʔ и все гласные.

Используя такую упрощенную транскрипцию (*P T S Y W M N Q R K H*) мы можем записать любую реальную словоформу или морфему, вовлеченную в сравнение. При этом, согласно выбранному алгоритму, элементы нулевого класса и характеристики вроде дополнительной артикуляции, просодии, фонации не отражаются. Исключение составляют вокалическое начало и вокалический исход, которые записываются как *H*. Таким образом, обе гипотетические формы *tasa* и *d^{h}üʒo* одинаково транскрибируются как *TSH*; *alaq* и *ʔärx* = *HRK*; *na* и *ŋoʔ* = *NH*; *pk^{h}ot* и *baqʾaθ* = *PKT*; *wahat* и *ɻad* = *WT*. Вне инициальной позиции *Y* и *W* (слабые глайды) трактуются как *H*, т. е. *ka*, *kay* и *kawa* = *KH*; *kat* и *kayat* = *KT*.

Как следует из вышесказанного, две формы, чья упрощенная транскрипция совпадает между сравниваемыми языками, имеют больше шансов оказаться этимонами друг друга, нежели формы, различающиеся транскрипцией.

[1] http://starling.rinet.ru/new100/sound.pdf [последнее посещение 25.12.2013].

2. Проблема генеалогической аффилиации шумерского языка

Касательно генетической аффилиации шумерского учеными и любителями выдвигалось и будет выдвигаться в будущем множество гипотез. Предположу, что это язык-чемпион по попыткам породниться с различными языковыми семьями Евразии. Среди озвученных предположений имеются два, по моему мнению, заслуживающих специального внимания. Это идея родства с семьей мунда, выдвинутая И. М. Дьяконовым, и включение шумерского в сино-кавказскую макросемью, как предложено Дж. Бенгтсоном.

2.1. Шумерско-мундская гипотеза И. М. Дьяконова (Diakonoff 1997).[2] Языковая семья мунда состоит из примерно 20 языков, распространенных в Центральной Индии и Бангладеш (видимо, мундская и мон-кхмерская семьи должны рассматриваться как две ветви единой австроазиатской (макро)семьи, см. Sidwell 2010 с лит.). Дьяконов высказал идею, что шумерский и мундские языки могут быть близкими родственниками, и предложил правдоподобный исторический сценарий миграции предков шумеров из Индии в Месопотамию.

Неявно используя тот же метод консонантных классов, что описан выше, Дьяконов предложил 34 шумерско-мундские корневые этимологии для структур вида *CVC* и несколько грамматических параллелей. Априорно основная проблема с дьяконовской концепцией в том, что автор в своем исследовании фактически ограничивается двумя мундскими языками — санталы и мундари, — которые образуют отдельную группу внутри северной ветви семьи мунда (Anderson 2008).

---

[2] Ниже я следую традиционной транскрипции шумерских шумных как звонких и глухих (т. е. *d* ~ *t*, хотя реальная оппозиция была скорее t^h ~ *t* или *t:* ~ *t*), не различаю хуррит-ские фонемы *u* и *o* (обе передаются как *u*) и так далее, потому что все эти частности нерелевантны для моих аргументов и выводов.

Ниже я применяю к данным Дьяконова лексикостатистический тест, а именно я отбираю из дьяконовских этимологий шумерские лексемы со сводешевскими значениями и проверяю, сопоставимы ли они со сводешевскими единицами, которые могут быть восстановлены для прамунда. Общая прамунда реконструкция в настоящий момент не сделана (или не опубликована), так что я в основном ориентируюсь на данные по языкам мунда и соответствующие праформы, собранные в Pinnow 1959 и некоторых других подобных публикациях. Мой основной критерий при реконструкции сводешевских единиц в прамунда — представленность тех или иных корней в синхронных языках. Фонетический облик прамундских форм, приводимых ниже, достаточно приблизительный.

Формально лучшее из шумерско-мундских схождений Дьяконова это:

1) шумер. *ku* ⟨KU_6⟩ ‘fish’. Видимо, главный кандидат на статус прамундского корня для ‘fish’ — это **qa* (Pinnow 1959: 77, 199).

Следующая этимология также выглядит убедительно, хотя формально она противоречит принципу консонантных классов:

2) шумер. *ŋa-* ⟨$ĜA_2$-⟩ ‘I’. Ср. прамундское личное местоимение **iŋ* ~ **iɲ* ‘I’ (Pinnow 1959: 186, 208).

Две следующие этимологии проблематичнее:

3) шумер. *gaʒ* ⟨GAZ⟩ с полисемией ‘to kill, strike dead, slaughter / to beat / to grind, grate / to thresh (grain) / to break’. Основной главный кандидат на статус прамундского корня для ‘to kill’ — это лабильный глагол **gOǯ-* ‘to die / to kill’ (Pinnow 1959: 203, 258). Шум.-мунд. сравнение удачно фонетически, но не семантически, потому что шумерская полисемия ‘to kill / to beat’ должна скорее указывать на исходное прашумерское значение ‘to beat’.[3]

[3] Семантическое развитие ‘to beat’ > ‘to kill’ типологически нормально, а наоборот ‘to kill’ > ‘to beat’, если и встречается, то очень редко. Также возможно, что более архаичное шумерское выражение для ‘to kill’ — это лабильный глагол ‘to die / to kill’, супплетивный по числу: *uš* ⟨$UŠ_2$⟩ (sg. subj./obj.) и *ug* ⟨UG_7⟩ (pl. subj./obj.).

4) шумер. *mu* ⟨MU⟩ ‘name’ (Дьяконов необоснованно читает как *ŋu* ⟨ĜU$_{10}$⟩). Ср. прамундское **ỹimu* (~ **yimu* ~ **ɲimu*) ‘name’ (Pinnow 1959: 141, 187, 189, 253; Sidwell 2010: 125).[4] Сравнение возможно, только если допустить редукцию начального слогового комплекса в шумерском.

Остальные шумер. слова со сводешевскими значениями, этимологизируемые Дьяконовым, не показывают семантических или фонетических схождений с мунда:

5) шумер. *gal* ⟨GAL⟩ ‘big’, сравнивается Дьяконовым с мунд. формами, значащими ‘10’. Один из хороших кандидатов на статус прамундского корня для ‘big’ — это **maraŋ*, который хорошо засвидетельствован в сев.-мунд. языках (Pinnow 1959: 73).

6) шумер. *giggi* или *gig* ⟨GE$_6$⟩ ‘black’, Дьяконов необоснованно читает как *ŋi(g)* и сопоставляет с сев.-мунд. формами, которые значат ‘night’. Один из возможных кандидатов на статус прамундского корня для ‘black’ — это **Kende ~ *hende*, засвидетельствованный в сев.-мунд. (Pinnow 1959: 103, 201, 294).

7) шумер. *ŋiri* ⟨ĜIRI$_3$⟩ ‘foot / leg’, сопоставляемое Дьяконовым с мунд. ‘to run’. Лучший кандидат на статус прамундского корня для ‘foot’ — это **ʒVŋ* (Pinnow 1959: 169, 218, 223; Sidwell 2010: 126; Anderson 2004: 163).[5]

8) шумер. *ur* ⟨UR⟩ ‘dog’, Дьяконов неверно читает как *sur* ⟨SUR$_x$⟩[6] и сопоставляет с некоторыми мунд. формами, которые происходят из прамундского **sV* ‘dog’ (обычно этот корень фиксируется с суффиксами или как первая часть композита; см. Pinnow 1959: 112, 210, 242, 242, 350; Anderson 2004: 163).

---

[4] Это широко распространенное в мунда языках слово действительно напоминает индо-арийск. **n'a:man-* ‘name’, но гипотеза о заимствовании этого термина из индо-арийских языков в мунда сталкивается с трудностями: во-первых, неясна палатализация начального сонанта, во-вторых, мунда **ỹimu* имеет хорошие этимоны в мон-кхмерских языках.

[5] Другое слово для ‘foot’, засвидетельствованное в некоторых языках мунда, — это **kaṭa* (Pinnow 1959: 72, 197, 285).

[6] См. критику такого фонетического чтения в George 2003, 1: 150 w. fn. 56.

Таким образом, предварительный лексикостатистический тест дал весьма скромные результаты: в данных Дьяконова не обнаруживается значимого количества схождений между шумерской и мундской базисной лексикой. Интуитивно представляется очевидным, что два лучших шумерско-мундских схождения ('fish' и 'I') можно считать вероятностно обусловленной случайностью. Значит ли это, что дьяконовская гипотеза шумерско-мундского родства несостоятельна? Ответ отрицательный, в связи с чем можно заметить следующее. Во-первых, для прояснения этого вопроса должны быть составлены и сравнены друг с другом полные 100- или 110-словники шумерского и прамундского. Также требуются статистические тесты (один из которых описан ниже). Во-вторых, фонетические соответствия между шумерским и мунда могут быть менее тривиальными, чем вышеприведенные консонантные классы. В-третьих, шумерский может являться отдельной ветвью в австроазиатской (макро)семье, и шумерско–монкхмерское сравнение может дать лучшие результаты.

2.2. Шумерско–сино-кавказская гипотеза Дж. Бенгтсона (Bengtson 1997). Бенгтсон выдвинул предположение, что шумерский является самостоятельным членом сино-кавказской макросемьи, т. е. оказывается родственником северокавказской, енисейской, сино-тибетской, а также баскской, бурушаски и, видимо, на-дене семей (подробнее о концепции сино-кавказской макросемьи см. разд. I, гл. 2, п. 4.1)[7].

Помимо некоторых типологических сходств, Бенгтсон предложил различные сино-кавк. этимоны для 41 шумерского слова из числа базисной лексики (в основном из списка Сводеша). Ниже я привожу шумерские слова, проэтимологизированные Бенгтсоном, которые удовлетворяют следующим условиям: (a) они входят в сводешевский 110-словный список, т. е. действительно являются основным выражением для соответствующего зна-

[7] Конечно, идея Бенгтсона не может быть признана совершенно новой, т. к. различные попытки найти связь между шумерским и отдельными языковыми группами, в настоящее время объединяемыми в сино-кавк. макросемью (напр., сино-тиб. или баск.), предпринимались учеными и любителями с начала XX в.

чения в шумерском; (b) их транскрипция (фонетическое чтение) соответствует современным представлениям; (c) они сопоставляются Бенгтсоном с корнями, которые могут быть реконструированы как сводешевские единицы по крайней мере для одного из праязыков, составляющих сино-кавк. макросемью (северокавказский, енисейский, сино-тибетский, баскский, бурушаски, на-дене). В списке Бенгтсона обнаруживаются четыре таковые этимологии, две из них особенно убедительны, т. е. в них используются общесино-кавказские корни[8]:

1) шумер. *ŋa-* ⟨ĜA$_2$-⟩ ‘I’. Сравнение с сино-кавк. **ŋV* ‘I’ представляется самоочевидным. **ŋV* — это одна из двух сино-кавк. основ местоимения 1 л. ед. ч., см. G. Starostin 2010b: 112 f.;
2) шумер. *изи* ⟨UZU⟩ ‘meat’,[9] сравнивается с енисейск. **ʔise* ‘meat’. В свою очередь енисейск. **ʔise* может быть сопоставлена с сино-тиб. **s^{y}a* (**śa*) ‘meat’ — один из двух равнозначных кандидатов на статус сино-тиб. корня для ‘meat’.[10] В совокупности енис.–сино-тиб. схождение должно указывать на основной сино-кавк. корень для ‘meat’, который фонетически совместим с шумер. *изи*.

Две оставшиеся шумерские этимологии Бенгтсона менее убедительны:

3) шумер. *наŋ* ⟨NAĜ⟩ ‘to drink’, сравниваемое с на-дене **naN* ‘to drink’, который действительно основной глагол с этим значением, отмеченный в атапаских, эяке и тлингите (ср. атапаск. **na:ŋ$_2$ ~ *na:ŋ^{w} ~ *na:m ~ *na:ɬ̃* ‘to drink’, Krauss & Leer 1981: 21, 39, 70, 133, 139, 151). Однако надо от-

[8] Ниже все реконструированные формы сино-кавк. языков приводятся по этимологическим базам данных проекта «Tower of Babel Project» (Sccet.dbf, Caucet.dbf, Stibet.dbf, Yenet.dbf, Basqet.dbf, Buruet.dbf — см. список литературы), если иное не указано. В качестве системы транскрипции принята система проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database», основанная на алфавите IPA (http://starling.rinet.ru/new100/UTS.htm).

[9] Видимо, *изи* — это основной шумер. термин для значения ‘meat as food’, а слово *su* ⟨SU⟩ значит ‘flesh’ и ‘body’.

[10] Отделять от сев.-кавк. **yəːmcoː* (**jə̄mcō*) ‘bull, ox’ и сино-тиб. **c^{h}u* ‘cow, bull’.

метить, что конечный носовой в атапаск. корне может быть застывшим (перфективным?) суффиксом, т. к. эякский (*la* ‘to drink’) и тлингитский (*na:* ‘to drink’) этимоны не показывают никаких следов назальности и/или лабиальности. Сино-кавк. этимология для на-дене **na(N)* неясна, но формально это один из нескольких равноценных кандидатов на статус сино-кавк. глагола ‘to drink’ (при аналогичном отсутствии надежных этимологических схождений между различными корнями для ‘to drink’ в остальных сино-кавк. семьях). Шумер.–на-дене сравнение формально допустимо;

4) шумер. *iʒi* ⟨IZI⟩ ‘fire’, сравнивается с сев.-кавк. **c̓ăy̆ˇ* (**c̣ăj̆ˇ*) ‘fire’ и баск. **sʸu* (**śu*) ‘fire’. Сев.-кавк.–баск. корень действительно является одним из нескольких эквивалентных кандидатов на статус сино-тиб. корня для ‘fire’, но сравнение с шумер. *iʒi* формально затруднено, т. к. начальный гласный в шумер. форме остается без объяснения.

Следует заключить, что введенные в оборот лексикостатистические доводы в пользу сино-кавк. аффилиации шумерского оказываются не сильнее аргументов в пользу шумер.-мундской гипотезы, рассмотренной выше (п. 2.1). Разумеется, вполне возможно, что дальнейшие исследования смогут выявить дополнительные этимологии, подтверждающие идею Бенгтсона.

3. Шумерский и хуррито-урартские

Неожиданно, но наилучший формальный результат дает сравнение шумерского 110-словника с материалом хуррито-урартских языков.[11] По причине скудости засвидетельствованного ХУ словаря в ХУ части списка заполняется порядка 65 слотов, для одного из которых нет шумерского аналога (собственно шумерское личное местоимение ‘we’, видимо, не засвидетель-

[11] ХУ сводешевский список подробно обсуждается в гл. 1 наст. раздела. Для составления шумерского списка Сводеша, помимо стандартных лексикографических и грамматических источников, также была использована предварительная неопубликованная версия списка, составленная В. В. Емельяновым (Санкт-Петербург).

ствовано). Мой шумерский список, представленный в данной главе, носит предварительный характер; вполне возможно, что дальнейшие изыскания позволят уточнить и заменить некоторые элементы списка (ср., напр., проблемное слово ‘blood’), но я не думаю, что такого рода правка серьезно повлияет на итоговую статистику. 65 сводешевских слотов, заполненных для шумерского и хурритского (скудно документированный урартский, конечно, не играет здесь большой роли), выглядят следующим образом:

№	Значение	Шумерский	Хурритский
1	all (omnis)	NOUN REDUPLICATION	sua-l:a ⟨šua-lla⟩
2	ashes	dedal ~ didal ⟨DE_3-DAL⟩	sal-mi ⟨šal-mi⟩
5	big	gal ⟨GAL⟩	tal-mi ~ tal-a-mi
6	bird	mušen ⟨MUŠEN⟩	eradi
8	black	giggi ⟨GE_6⟩	time-ri ~ tima-ri
9	blood	mud ⟨MUD⟩, umun ⟨U_3-MUN⟩	cur-gi ⟨zur-gi⟩
11	breast	gaba ⟨GABA⟩	neɣer-ni ⟨neŋer-ni⟩
12	to burn tr.	bil ⟨BIL_2 ~ BIL_3 ~ BIL⟩	am-
16	to come	ŋen ⟨ĜEN⟩ (perf.), du ⟨DU⟩ (imperf.)	un-
18	dog	ur ⟨UR⟩[12]	ervi ~ erbi
19	to drink	naŋ ⟨NAĜ⟩	al-
21	ear	ŋeštug- ⟨ĜEŠTUG_2 = ĜEŠTU_2 ~ ^{ĜEŠ}ĜEŠTUG⟩	nui ~ nuɣi ⟨nui ~ nuŋi⟩
22	earth	saxar ⟨SAĦAR⟩	ese ⟨eše⟩
23	to eat	gu ⟨GU_7⟩	ul-

[12] Из факта, что значение ‘dog’ нередко выражается и композитом *ur-gi* ⟨UR-GI_7⟩, букв. ‘domestic?? *ur*’, не следует, что исходно *ur* имеет общую семантику ‘animal’ или ‘beast’. Во-первых, собственно *ur* ⟨UR⟩ хорошо фиксируется в значении ‘dog’, в то время как, насколько мне известно, в шумерском корпусе нет контекстов, где *ur* ⟨UR⟩ требует перевода ‘animal’ или ‘beast’. Во-вторых, семантическая деривация ‘dog’ < ‘domestic beast’ кажется типологически необычной.

№	Значение	Шумерский	Хурритский
25	eye	igi ⟨IGI⟩	si ~ siɣi ⟨ši ~ šiḫi⟩
26	fat n.	i ⟨I_3⟩	ase ⟨aše⟩
28	fire	iʒi ⟨IZI⟩	tari
31	foot	ŋiri ⟨ĜIRI$_3$⟩	uri ~ ur-ni
33	to give	šum ⟨ŠUM$_2$⟩	ar-
34	good	dug- ⟨DUG$_3$ = DU$_{10}$⟩	faɣri ~ faɣr-usi ⟨waḫri ~ waḫr-uši⟩
37	hand	šu ⟨ŠU⟩	su-ni ⟨šu-ni⟩
38	head	saŋ ⟨SAĜ⟩	paɣi ⟨paḫi⟩
39	to hear	ŋeš tuku ⟨ĜEŠ TUKU⟩ ‘to acquire the ear(?)’	xas- ⟨ḫaš-⟩
40	heart	šag- ⟨ŠAG$_4$ = ŠA$_3$⟩	tisa ⟨tiša⟩
42	I	ŋe ⟨ĜE$_{26}$⟩	is- ⟨iš-⟩ (dir. stem), su- ⟨šu-⟩ (obl. stem)
45	to know	ʒu ⟨ZU⟩	pal-
48	liver	ur ⟨UR$_5$⟩, ba ⟨BÀ = EŠ⟩[13]	ur-mi

[13] Видимо, оба шумерских термина засвидетельствованы в анатомическом значении ‘liver’ (для *ur* ⟨UR$_5$⟩ ср. *Lugalbanda in the Mountain Cave*, 381: “He put the knife to the flesh of the brown goats, and he roasted the black livers (UR$_5$) there”). Однако, обычное значение ⟨UR$_5$⟩ в шумерских текста — это метафорическое ‘organ/center of feeling’ (в лексических списках ⟨UR$_5$⟩ переводится как аккад. *kabattu* ‘mood, temper, center of feeling’). Ввиду этого очень вероятно, что ⟨UR$_5$⟩ является исходным шумерским словом для ‘liver (anatomic)’, синхронно сохраняемым в качестве метафорического выражения, в анатомическом значении будучи вытесненным словом ⟨BÀ⟩ (чья первоначальная семантика не известна). Два факта говорят в пользу такого решения. Во-первых, семантическое развитие ‘liver’ > ‘organ/center of feeling’ в таком направлении типологически нормально, а в обратном заведомо нет. Во-вторых, предполагаемая эволюциях значения у шумер. ⟨UR$_5$⟩ оказывается параллельной изменению значения у аккад. лексемы *kabattu* ‘center of feeling’, которая этимологически восходит к главному кандидату на статус семит. корня для ‘liver’ (SED 1: 126), будучи в прямом анатомическом значении вытесненной аккад. *amuʿtu* (SED 1: 168).

№	Значение	Шумерский	Хурритский
49	long	gid ⟨GID$_2$⟩	keri ~ ker-as:i ⟨keri ~ ker-aššі⟩
50	louse	ex ⟨EḪ⟩	apxe ⟨apḫe⟩
51	man	lu ⟨LU$_2$⟩	taɣe ~ tae ⟨taḫe ~ tae⟩
52	many	šar ⟨ŠAR ~ ŠAR$_2$⟩	te-u-na
53	meat	uʒu ⟨UZU⟩	uʒi ⟨uzi⟩
54	moon	itid- ⟨ITID = ITI ~ I$_3$-TI⟩	kusuɣ ⟨kušuḫ⟩
55	mountain	kur ⟨KUR⟩	pab-ni ~ pab-a-ni
56	mouth	kag- ⟨KAG$_2$ = KA⟩	fasi ⟨faši⟩
57	name	mu ⟨MU⟩	tiye
58	neck	gu ⟨GU$_2$⟩	kudu-ni
59	new	gibil ⟨GIBIL ~ GIBIL$_4$⟩	suɣe ⟨šuḫe⟩
61	nose	kiri ⟨KIRI$_3$⟩	punɣi ~ pux:i ⟨punḫi ~ puḫḫi⟩
62	not	nu- ⟨NU⟩	=u-, =k:V-
63	one	diš	su-k:i ~ su-k:u ⟨šu-kki ~ šu-kku⟩
64	person	lu ⟨LU$_2$⟩	tarsuva-ni ⟨taršuwa-ni⟩
65	rain	šeŋ ⟨ŠEG̃$_3$⟩ ‘to rain; rain (n.)’	isena ⟨išena⟩
67	road	kaskal ⟨KASKAL⟩	xari ⟨ḫari⟩
71	to say	dug- ⟨DUG$_4$ = DU$_{11}$⟩ (perf.), e ⟨E⟩ (imperf.)	xil- ~ xill- ⟨ḫil- ~ ḫill-⟩
72	to see	igi du ⟨IGI DU$_8$⟩ ‘to spread the eye’	fur-
74	to sit	tuš ⟨TUŠ⟩ (perf.), dur ⟨DUR$_2$⟩ (imperf.)	nax:- ⟨naḫḫ-⟩
75	skin	kuš ⟨KUŠ⟩	asxe ⟨ašḫe⟩
78	smoke	ibi ⟨I-BI$_2$⟩	xivri ⟨ḫiuri⟩
82	sun	ud- ⟨UD = U$_4$⟩	simigi ⟨šimigi⟩

№	Значение	Шумерский	Хурритский
85	that	=še	a-ni
86	this	=e[14]	an-ni
87	thou	ʒe ⟨ZE_2⟩	fe-
88	tongue	eme ⟨EME⟩	irde
89	tooth	ʒu ⟨ZU_2⟩	seri ~ sir-ni ⟨šeri ~ šir-ni⟩
90	tree	ŋeš ⟨ĜEŠ⟩	tali
91	two	min	sini ⟨šini⟩
92	to walk (go)	ŋen ⟨ĜEN⟩ (perf.), du ⟨DU⟩ (imperf.)	us:- ⟨ušš-⟩
94	water	ay ⟨A⟩	sive ~ siye ⟨šiwe ~ šiye⟩
96	what	ana ⟨A-NA⟩	av-
98	who	aba ⟨A-BA⟩	ab-i ~ av-i
99	woman	munus ⟨MUNUS⟩	asti ~ asta ⟨ašti ~ ašta⟩
106	snake	muš ⟨MUŠ⟩	apsi ⟨apši⟩
107	thin	sal ⟨SAL⟩	niga-le
110	year	mu ⟨MU⟩	savali ⟨šawali⟩

Из 65 приведенных пар имеется 6 случаев, когда шумерская структура *CC*[15] фонетически совместима с хурритской формой (в таблице эти слоты выделены заливкой):

1) шумер. *ur* ⟨UR⟩ ~ хур. *ervi* ‘dog’ = *HR*.

Убедительной сино-кавк. этимологии для ХУ корня нет (Kassian 2011a: 393).

[14] Еще одно засвидетельствованное шумерское указательное атрибутивное местоимение ‘this’ — это *=be*. Синхронно распределение между *=e* и *=be* имеет диалектный характер (Jagersma 2010: 222). Видимо, указательное *=be* является вторичным, происходя из неодушевленного притяжательного местоимения *=be* ‘its, of it’, а *=e* представляет собой исконное указательное атрибутивное местоимение ‘this’ (Jagersma 2010: 224).

[15] Т.е. первые два согласных сегмента в форме.

2) шумер. *šu* ⟨ŠU⟩ ~ ХУ **su-* ‘hand’ (хур. *su-ni* ⟨šu-ni⟩, урарт. *su-* ⟨šu-⟩) = *SH*.

Убедительной сино-кавк. этимологии для ХУ корня нет (Kassian 2011a: 399).

3) шумер. *ur* ⟨UR$_5$⟩ ~ хур. *ur-mi* ‘liver’ = *HR*.

Убедительной сино-кавк. этимологии для ХУ корня нет (Kassian 2011a: 402).

4) шумер. *uʒu* ⟨UZU⟩ ~ хур. *uʒi* ⟨uzi⟩ ‘meat’ = *HS*.

Может быть сопоставлено с енисейск. **ʔise* ‘meat’ и сино-тиб. **sʸa* ‘meat’ (основной кандидат на статус сино-кавк. корня для ‘meat’), см. выше п. 2.2 и Kassian 2011a: 405.

5) шумер. *šeŋ* ⟨ŠEG$_3$⟩ ~ хур. *isena* ⟨*išena*⟩ ‘rain’ = *SN*. С формальной точки зрения, хурритская структура *CC* должна рассматриваться как *HS* (*is*[*ena*]), но в нашей ситуации представляется допустимым элиминировать начальное *i-* в хур. форме ([*i*]*sena*). Так или иначе, ниже все подсчеты продублированы для шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* в качестве положительной пары (*SN* = *SN*) и в качестве отрицательной пары (*SN* ≠ *HS*).

Как указано в Kassian 2011a: 410 f., хур. слово может быть сопоставлено с сино-кавк. **HˈəːrčʷVŋ* (**Hə́rčwVŋ*) ‘to be cloudy, to rain (vel sim.)’ > сев.-кавк. **HəːrčːʷVn* (**Hərc̲wVn*) ‘to become cloudy (of weather)’, баск. **ɦorci* / **ɦosʸti* ‘sky; storm; thunder; Thursday; rainbow; cloud’, сино-тиб. **ʒʸaːŋ* (*[*ʒ́ā*]*ŋ*) ‘shower, rain’.[16]

6) шумер. *aba* ⟨A-BA⟩ ~ хур. *ab-i* ~ *av-i* ‘who?’ = *HP*.

Убедительной сино-кавк. этимологии для ХУ корня нет (Kassian 2011a: 425).

Строго говоря, имеется и седьмой случай совпадения:

[16] Основной сино-кавк. корень для значения ‘rain’ — **=ŭG^{wˈ}V* (**=ŭGwV́*) > North Cauc. **=ŭG^{w}V* (**=ŭGwV*) ‘to rain; rain’, Yenis. **xu-r* ‘rain’, Sino-Tib. **q^{hw}ăH* ‘rain’.

7) шумер. *ŋen* ⟨ĜEN⟩, фонетическая совместимость с урарт. глаголом *nun* ‘to come’ = *NN*. Сложность состоит в том, что в хурритском глагол ‘to come’ выглядит как *un*, и остается неясным, связан ли он с урарт. *nun* или нет (уникальная модель редупликации **un-un* > *nun*?). При этом хур. *un* ‘to come’ может быть сопоставлено с сино-кавк. корнем **=V*ʔ^{w}*Vŋ* (**=V*ʔ*wV́ŋ*), который оказывается одним из возможных кандидатов на статус сино-кавк. глагола ‘to go’ (Kassian 2011a: 392 f.). По этим причинам и потому что мое статистическое сравнение формально является именно шумерско-хурритским, я предпочел исключить урартский глагол из анализа. Следует указать, что учет положительной пары *ŋen* ~ *nun* не только не противоречил бы общим выводам исследования, но, напротив, серьезно улучшил бы статистический результат.

4. Объяснение шумерско-хурритских схождений

В этом разделе обсуждаются четыре возможных объяснения вышеупомянутым шумерско-хурритским лексикостатистическим совпадениям: нулевая гипотеза (4.1), лексические заимствования (4.2), языковое родство (4.3), языковой сдвиг (4.4).

4.1. Нулевая гипотеза.

Очевидно, что фонетическая схожесть внутри шести (или пяти) шумер.-хур. пар на самом деле может объясняться случайным совпадением. Вопрос в том, какова же вероятность такого совпадения.

Следует упомянуть два алгоритма подсчета вероятности фонетических совпадений между формализованными лексическими списками.[17] Один из них был предложен в Ringe 1992, см. рецензию Baxter & Manaster Ramer

[17] Я не буду специально обсуждать статистические алгоритмы, предлагаемые Дж. Николс (см. резюмирующее изложение в Nichols 2010 применительно к дене-енисейской гипотезе), потому что подход Николс представляется, во-первых, недостаточно формализованным, во-вторых, содержащим определенный порочный круг. В результате ее подсчеты вероятностей не выглядят правдоподобными (по крайней мере, они серьезно противоречат моей лингвистической и математической интуиции).

1996 с кратким изложением и важными уточнениями (далее развитие метода см. в Ringe 1998 с критикой в Baxter 1998). Второй алгоритм — т. н. перестановочный тест — был изложен и протестирован в Baxter & Manaster Ramer 2000[18]. Ниже шумер.-хур. лексикостатистические схождения будут оценены с помощью перестановочного теста Baxter & Manaster Ramer 2000, который в настоящее время реализован в виде плагина к СУБД Starling.

Принцип перестановочного теста прост и элегантен. Если мы имеем два взаимно однозначных и унифицировано транскрибированных списка слов с совпадениями в X слотах, мы можем начать перемешивать один из списков, замеряя количество совпадающих слотов при каждой новой конфигурации. Если количество случайных конфигураций достаточно велико, мы можем, во-первых, установить какое количество совпадающих слотов статистически нормально для данных списков и, во-вторых, подсчитать вероятность получить X и более чем X совпадений между исходными «истинными» списками[19].

Для моего теста шумерский и хурритский 65-словники были транскрибированы в нотации консонантных классов, как описано в п. 1.2. Две формы образуют положительную пару, если первые два согласных (*CC*) шумерской формы совпадают с первыми двумя согласными хурритской формы. Для

---

[18] Общая идея восходит к Oswalt 1970, см. современное изложение в McMahon & McMahon 2005: 66–68. Примеры применения перестановочного теста при сравнении лексических списков конкретных языков см., напр., в Justeson & Stephens 1980; Baxter 1995; Kessler & Lehtonen 2006; Kessler 2007; Dunn & Terrill 2012. Очень похожая процедура бутстрепа была описана и успешно применена к различным языкам Евразии в Turchin et al. (2010).

[19] Примечателен в частности конкретный случай, разбираемый в Baxter & Manaster Ramer 2000. Авторы сравнивают лексические списки современного английского и хинди, состоящие всего из 33 сводешевских слов, а замер производился только по первому согласному сегменту основы с использованием довольно грубых (т. е. широких) консонантных классов. Несмотря на такие неправдоподобно суровые условия (напр., обычно при сравнении языков оперируют более объемными словниками), результат перестановочного теста подтвердил факт генеалогического родства английского с хинди: вероятность того, что наблюдаемые совпадения начальных согласных случайны, составила всего 1,1%.

каждого из случаев, описанных ниже, производилось 1 000 000 случайных (строго говоря, псевдослучайных) попыток.

Если мы примем шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’ как положительную пару (= *SN*), между исходными списками имеется 6 совпадений *CC*. Результаты теста таковы.

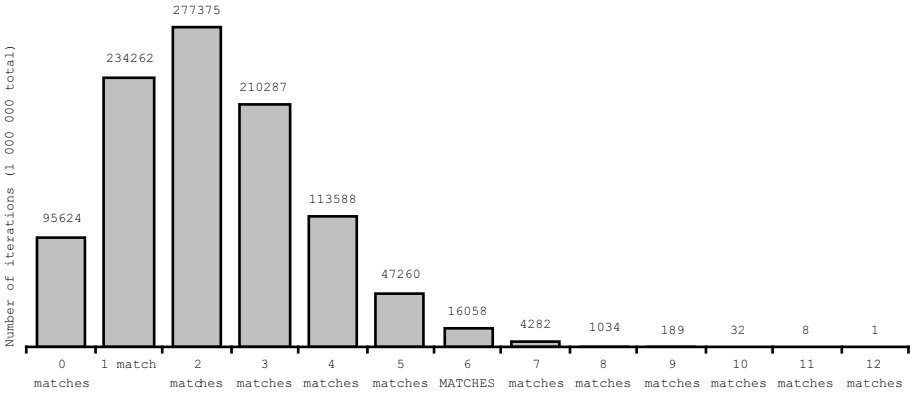


Рис. 1. Шум.-хур. перестановочное сравнение: консонантные классы GLD (см. 1.2); šeŋ ~ isena *рассматривается как положительная пара*

Статистически наиболее нормальные значения — это 1, 2 или 3 совпадения, их вероятность *P* составляет 0.234262, 0.277375 и 0.210287 соответственно, т. е. 23.4262%, 27.7375% и 21.0287% соответственно.

Суммарное количество попыток с 6 или более совпадениями: 16058 + 4282 + 1034 + 189 + 32 + 8 + 1 = 21604. Это значит, что вероятность *P* получить по меньшей мере 6 совпадений (как мы имеем в исходном шумерско-хурритском списке) составляет 0.021604, т. е. слегка выше 2%.

Наиболее часто принимаемый в естественных науках порог статистической значимости — это 5% (что значит, что нулевая гипотеза должна быть отвергнута, если $P < 0.05$); однако нередко используется и более строгий порог в 1% ($P = 0.01$). Вероятность шумерско-хурритских схождений (0.021604 = 2.1604%) ниже порога в 5%, хотя все-таки выше порога в 1%.

Картина, конечно же, меняется, если мы примем шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’ в качестве отрицательной пары ($SN \neq HS$), т. е. будем исходить всего из 5 шумер.-хур. схождений:

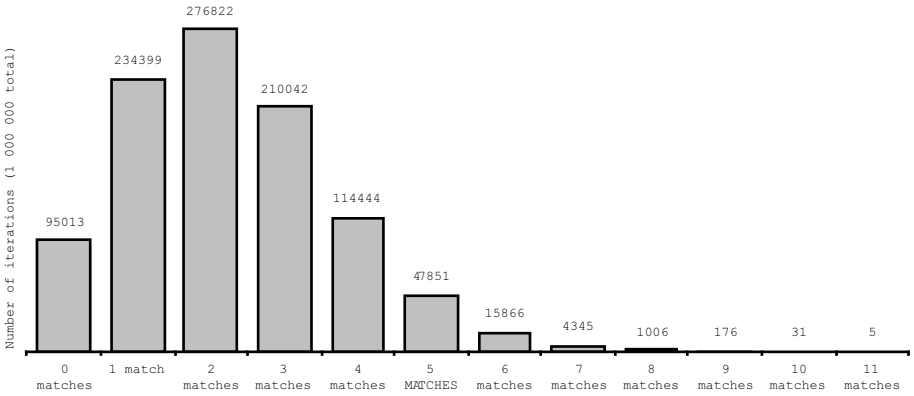


Рис. 2. Шум.-хур. перестановочное сравнение: консонантные классы GLD (см. 1.2); šeŋ ~ isena *рассматривается как отрицательная пара*

Суммарное количество попыток с 5 или более совпадениями: 47851 + 15866 + 4345 + 1006 + 176 + 31 + 5 = 69280. Это значит, что вероятность *P* получить по меньшей мере 5 совпадений составляет 0.06928 = 6.928%. Такое число действительно выше порога в 5%, т. е. пять шумер.-хур. схождений формально могут рассматриваться как случайные совпадения.

Следует обратить внимание, что шесть (или пять) обсуждаемых шумер.-хур. схождений демонстрируют весьма точные фонетические совпадения, причем не только консонантные, но и вокалические. Ср. шумер. *ur* ~ хур. *urmi* ‘liver’, шумер. *uzu* ~ хур. *uzi* ‘meat’, шумер. *aba* ~ хур. *ab-i* ‘who?’. Соответствие шумер. *š* ~ хур. *s* (шумер. *šu* ~ ХУ **su-* ‘hand’; шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’) легко объясняется тем, что в хурритском, равно как и в пра-ХУ имелся, видимо, только один сибилянтный ряд *s*[20] (в отличие от шумерского, в котором фонологически противопоставлялись ряды *s* и *š*). Это же касается соответствия шумер. *ŋ* ~ хур. *n* — в хурритском и пра-ХУ, в отличие от шумерского, не было противопоставления *n* ~ *ŋ*. Главные фонетические расхождения — это шумер. *ur* ~ хур. *ervi* ‘dog’ (но даже здесь хурритский демонстрирует лабиальный элемент) и разное начало в шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’.

Это предполагает, что упрощенная транскрипция, описанная в п. 1.2, может быть слишком грубой для наших целей. S-класс может быть разделен на собственно S-класс (сибилянтные спиранты: s z š ž…) и 3-класс (си-

[20] См. Yakubovich 2009a.

билянтные аффрикаты: c ʒ č ǯ…); в свою очередь R-класс может быть разделен на собственно R-класс (r ɾ…) и L-класс (l ɭ ɬ…). После этого разбиение инвентаря на консонантные классы выглядит следующим образом (новые классы отмечены астериском *):

P-класс (губные): p b ɓ β f v…
T-класс (зубные): t d ɗ θ ð…
S-класс (сибилянтные спиранты): c ʒ č ǯ s z š ž…
*Ʒ-класс (сибилянтные аффрикаты): c ʒ č ǯ…
Y-класс (палатальные глайды): y…
W-класс (губные глайды): w ʍ…
M-класс (губные носовые): m ɱ…
N-класс (негубные носовые): n ɳ ɲ ŋ…
Q-класс (латеральные аффрикаты): ʎ …
R-класс: r ɾ…
*L-класс: l ɭ ɬ ɬ…
K-класс (велярные и увулярные): k g x ɣ q χ ʁ…
нулевой класс или H-класс: ħ ʕ н ʢ ʔ h ɦ ʔ и все гласные.

При использовании такой более точной транскрипции перестановочный тест дает следующий результат (шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’ трактуется как положительная пара = *SN*; всего 6 схождений *CC* между исходными списками).

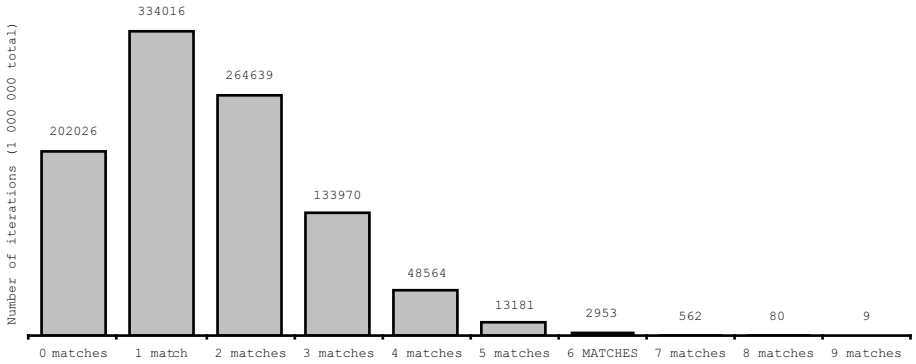


Рис. 3. Шум.-хур. перестановочное сравнение: точные консонантные классы; šeŋ ~ isena *рассматривается как положительная пара*

Суммарное количество попыток с 6 или более совпадениями: 2953 + 562 + 80 + 9 = 3604. Это значит, что вероятность *P* получить по меньшей мере 6 совпадений составляет 0.003604 = 0.3604% (ниже порога в 1%).

Если шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’ трактовать как отрицательныую пару (*SN* ≠ *HS*), т. е. между исходными списками всего 5 совпадений *CC*, результат таков:

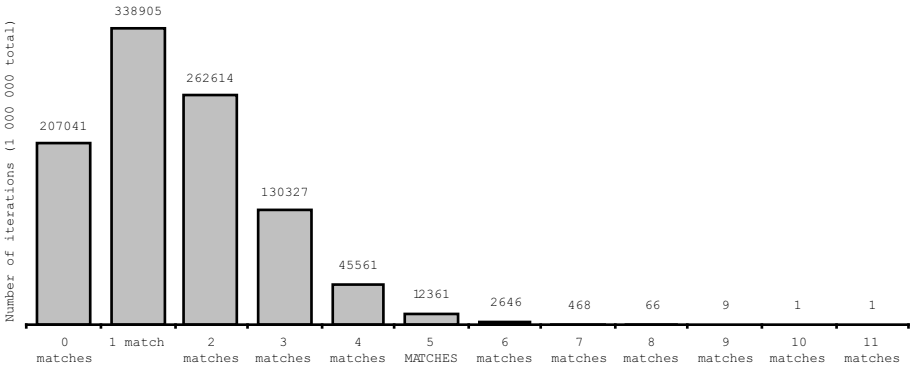


Рис. 4. Шум.-хур. перестановочное сравнение: точные консонантные классы; šeŋ ~ isena *рассматривается как отрицательная пара*

Суммарное количество попыток с 5 или более совпадениями: 12361 + 2646 + 468 + 66 + 9 + 1 + 1 = 15552. Это значит, что вероятность *P* получить по меньшей мере 5 совпадений составляет 0.015552 = 1.5552% (ниже порога в 5%, хотя и выше порога в 1%).

Следующим логическим шагом было бы включение в упрощенную транскрипцию гласных (напр., в виде таких классов: {o, u}, {i, e}, {a, ə} и т. д.) и сравнение цепочек *CVC* вместо *CC*. По причине технических ограничений такой тест не был проведен, однако очевидно, что шумерско-хурритское сравнение цепочек *CVC* дополнительно понизит вероятность того, что наблюдаемые схождения случайны.

Подытоживая: статистическая вероятность того, что наблюдаемые шумерско-хурритские схождения случайны, варьируется от 0.069280 = 6.9280% (грубый анализ) до 0.003604 = 0.3604% или меньше (более изощренный анализ). Это означает, что нулевая гипотеза не слишком правдоподобна.

4.2. *Лексические заимствования*.

Теоретически рассматриваемые шумер.-хур. схождения могут рассматриваться как относительно поздние заимствования из шумерского в пра-ХУ или же в обратном направлении.[21] Такое предположение, однако, серьезно противоречит типологии языковых контактов.

Общее правило гласит, что из лексических единиц первой заимствуется культурная лексика, а базисная часть словаря более устойчива к заимствованию и вытеснению через заимствование (Thomason & Kaufman 1988: 74 ff.; Thomason 2001: 70 f.). Точнее говоря, эта максима выполняется во всех случаях, когда нам известна социолингвистическая история соответствующих народов и языков. Сводешевский 100-словник[22] традиционно рассматривается как ядро базисной части лексики, таким образом ожидается, что сводешевские слова не только наиболее стабильны при естественном языковом развитии, но также и наиболее устойчивы к вытеснению через заимствование. Конечно, интуитивно кажется, что отдельные сводешевские единицы было бы лучше заменить на типологически более стабильные понятия (напр., мне представляются очень сомнительными такие слова из списка Сводеша как ‘seed’ или ‘person, human being’). Однако на нынешнем этапе исследований реформирование списка Сводеша вряд ли осмысленно.[23]

Если язык имеет заимствованные иноязычные элементы в списке Сводеша, этот язык обязан иметь заимствования из того же источника в других частях базисной лексики и особенно большое количество заимствований из того же источника в культурной лексике (ср., напр., современный английский, лексифицированный французским и скандинавскими, или различные

---

[21] Конечно, эти слова могли быть заимствованы не прямо из шумерского, а из незасвидетельствованного родственника шумерского языка, который контактировал с пра-ХУ (или, наоборот, не из собственно хурритского, а из языка, близкородственного ХУ и контактировавшего с шумерским).

[22] О строгом семантическом стандарте сводешевского 110-словного списка, принятом в проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database», см. Kassian et al. 2010.

[23] Ср. ниже п. 4.2. о т. н. «Leipzig-Jakarta wordlist».

лезгинские языки, лексифицированные азербайджанским). Однако это явно не шумерско-хурритский случай, т. к. мы не находим фактически никаких других кандидатов на лексические (или грамматические) заимствования между этими языками за исключением шести (или пяти) обсуждаемых сводешевских слов. В дополнение к ним можно привести один хурритский культурный термин, обнаруживаемый в шумерском: хур. *tab-i-ri* ‘caster, (copper)smith’ > шумер. *tibira*, *tabira* ‘sculptor’, *scil*. ‘metal furniture-maker / craftsman working in metal and wood’[24], и пару сомнительных созвучий шумер. *ur* ⟨UR_2⟩ ‘root, base; limbs; loin, lap’ ~ хур. *uri* (suffixed *ur-ni*) ‘foot; leg’[25], шумер. глагол ⟨NUD = NU_2 = NA_2⟩ ‘to lie, lie down (intr., subj. = person)’ с конверсионным существительным ⟨^{ĜEŠ}NUD = $^{ĜEŠ}NU_2$ = $^{ĜEŠ}NA_2$⟩ ‘bed’ ~ хур. *natxi* ⟨*naṯḫi*⟩ ‘bed’.[26] Также известен ряд хурритских культурных терминов шумерского происхождения (см., напр., Diakonoff 1971: 77 ff.; Wilhelm 2008a: 103), но все они, видимо, были заимствованы посредством аккадского, см. Kassian 2011a: 435 с дальнейшей литературой.[27]

---

[24] = аккад. *k’urk’urru* ‘metal-worker, esp. coppersmith’; см. Wilhelm 1988: 50–52 и, напр., Wilcke 2010: 10; против ср. Waetzoldt 1997; P. Attinger *apud* Hazenbos 2005: 135 fn. 6; Richter 2012: xxviii, 439.

[25] Также ср. хур. *ugri* ‘leg of table’ и урарт. *kuri* ‘foot (anatomic)’. Соотношение между *uri*, *ugri* и *kuri* неясно (Kassian 2011a: 397).

[26] Не вполне ясно, как следует читать шумерский корень: *nud-* (так, напр., в ePSD) или скорее *nu-* (так в Jagersma 2010: passim). Конечный элемент *-xi* в хурритской основе действительно может быть частотным именным суффиксом *-x(:)i* (о котором см. Wegner 2007: 54), оформляющим гипотетический корень **nat-*, но даже есть шумерский корень читать как *nud-*, соответствие гласных шумер. *-u-* ~ хур. *-a-* не объяснимо при предположении о заимствовании.

[27] В Fournet 2011: 56 f. предлагается список шумер.-хур. лексических схождений (шумерских заимствований в хурритском, согласно идее А. Фурне), состоящий частично из некоторых сводешевских элементов, обсуждаемых в Kassian 2011a: 434 f. и в настоящей главе, и частично из нескольких новых этимологий, которые выглядят очень сомнительными семантически и/или фонетически.

Подводя итог: отсутствие между шумерским и ХУ культурных заимствований в значимом объеме делает гипотезу о заимствованном характере обсуждаемых сводешевских элементов крайне неправдоподобной.

4.2.1. Замечания по поводу т. н. «Leipzig-Jakarta wordlist». Недавно М. Хаспельматом и У. Тадмором в рамках проекта «World Loanword Database» была предпринята попытка ревизии лексического списка Сводеша, особенно в связи с устойчивостью слов к вытеснению через заимствования, см. Haspelmath & Tadmor 2009; Tadmor et al. 2010, и сетевую версию: WOLD. Вместо традиционного списка Сводеша в Tadmor 2009: 68 ff. предлагается новый 100-словный список базисной лексики (т. н. «Leipzig-Jakarta wordlist»). Тадмор выделяет 100 наиболее устойчивых слов по «общему баллу» (“composite score”), который складывается из четырех показателей, определенных для каждой лексической единицы: устойчивость к вытеснению через заимствование (borrowability), морфологическая прозрачность (analyzability), представленность (representation) и возраст (age), см. Tadmor 2009: 68. Последний показатель — возраст — наиболее проблематичен. Эта характеристика определяется как время наиболее ранней фиксации рассматриваемой лексемы или же дата, когда рассматриваемая лексема может быть реконструирована для предшествующего состояния языка (“the earliest time at which it [the lexeme in question. — *A. K.*] was attested or could be reconstructed in the language”), Haspelmath & Tadmor 2009a: 13. В лучшем случае, этимологический возраст может быть определен для языков хорошо изученной индоевропейской семьи (а индо-уральской?), но вряд ли для менее разработанных семей за пределами Европы. Что касается даты первой фиксации, то в случае большинства языков она будет падать на XIX—XX вв. н. э. Однако главная проблема нового списка базисной лексики статистическая. Опубликованная версия базы данных WOLD насчитывает крайне небольшое число языков: 41 единица (включая такие особые идиомы как сейшельский креол на французской основе и сарамаккáнский креол на анг-

лийской основе), и неясно, будет ли эта база расширяться в будущем.[28] В этой ситуации итоговый результат сильно зависит от правильности и точности конкретных списков, однако, к сожалению, 41 лексический список в Haspelmath & Tadmor 2009 и WOLD серьезно различаются по своему качеству. Давайте рассмотрим конкретные примеры.

В Tadmor 2009: 74 утверждается, что анатомический термин 'heart' был исключен из нового списка по причине своего низкого балла. В WOLD приводятся 55 различных слов со значением 'heart (anatomic)' в 41 языке (по мнению авторов WOLD, некоторые идиомы имеют по несколько синонимов для этого значения, см. ниже).[29] Из них 9 слов в конкретных языках помечены как «точно заимствовано» ("1. clearly borrowed"), а 3 слова — как «вероятно заимствовано» ("2. probably borrowed"). На самом деле только 2 из этих слов для 'heart (anatomic)' могут быть надежно идентифицированы как заимствования: японское (< китайского) и вьетнамское (< китайского).[30] Остальные 10 случаев или неясны, или просто ошибочны.

1) Два кильдинских саамских (< саамская группа < уральская семья) слова для 'heart' приводятся в списке Rießler 2009[31] — одно исконное, второе заимствованное. В действительности только исконное слово является базисным кильдинским термином для 'heart'; второе же слово (*sārr't*), как указано самим М. Рисслером,[32] имеет специализированное значение 'reindeer heart (as food)'. Такое толкование может быть как полевыми данными Рисслера, так

[28] В Haspelmath 2008: 45 при этом эксплицитно указывается, что 30–40 идиомов — достаточный объем для задач проекта WOLD ("a reasonably representative and reasonably large set of languages"). Такой подход к статистике, на мой взгляд, не оправдан.

[29] http://wold.livingsources.org/meaning/4.44 [последнее посещение 02.06.2012].

[30] И японский, и вьетнамский языки захвачены ареальной, вызванной китайской экспансией изоглоссой лексического противопоставления между 'heart (anatomic)' и 'heart (organ of feeling)', где метафорический концепт неожиданным образом может трактоваться как базисный, в частности он выражается исконным словом, а для анатомического значения нередко существует китаизм.

[31] http://wold.livingsources.org/vocabulary/14 [последнее посещение 02.06.2012].

[32] http://wold.livingsources.org/word/74261616841884348 [последнее посещение 02.06.2012].

и ошибочным цитированием источников, потому что в Itkonen 1958: 474 кильдинское *sə̄ə̑r̄ᵈt̮* объясняется как ‘breites geschnittenes fleischstück’, а значение ‘animal heart’, видимо, фиксируется только в южных саамских. Это слово действительно заимствовано, но не из литовского *širdìs* ‘heart (in general)’ в кильдинский, а скорее из раннего балтийского в прасаамский (см. Álgu database[33]). Так или иначе, но обсуждаемое балтийское заимствование должно быть вычеркнуто из анатомического раздела кильдинского саамского списка.

2) Восемь иноязычных слов для ‘heart’ приводятся в тайском (< камтайская группа < тай-кадайская семья) списке. Всего в Suthiwan & Tadmor 2009[34] тайский слот ‘heart’ насчитывает 10(!) различных слов — два однокоренных термина, которые исконны, и восемь заимствованных. Разумеется, невозможно представить себе язык с таким количеством синонимов для значения ‘heart (anatomic)’. На самом деле базисный термин литературного тайского языка — это исконный композит *hŭa-cay*, букв. ‘head-heart’ (ср. простое *cay* с абстрактным значением ‘heart, soul, sense’). Восемь оставшихся тайских слов, приводимых в Suthiwan & Tadmor 2009, действительно заимствованы из пали или санскрита, но они в общем случае выражают метафорическое значение ‘heart as an organ of feeling’ (с полисемией ‘soul’, ‘sense’, ‘mind’, ‘desire’ и т. д.) и являются стилистически возвышенными. Таким образом восемь вышеупомянутых заимствований надо исключить из тайского списка.

3) В списке языка такиа (< океанийская группа < австронезийская семья) слово для ‘heart’ толкуется как заимствование из соседнего баграмского языка (< трансновогвинейская фила), см. Ross 2009.[35] В Ross 2009 и WOLD из приводимых 1329 лексических единиц такиа ок. 20–25 терминов интерпретируются как баграмизмы. Их список таков. “1. clearly borrowed”: ‘water; to drink; river’, ‘heart’, ‘dry’ (сводешевские единицы), ‘sky’, ‘tide’, ‘hard’ (базис-

[33] http://kaino.kotus.fi/algu/index.php?t=sanue&lekseemi_id=7233&sanue_id=3510&kkieli=en [последнее посещение 02.06.2012].

[34] http://wold.livingsources.org/vocabulary/23 [последнее посещение 02.06.2012].

[35] http://wold.livingsources.org/vocabulary/29 [последнее посещение 02.06.2012].

ная лексика), а также ‘spider’, ‘earthquake’, ‘fowl; cock; hen; chicken’, ‘bat’, ‘scale’, ‘soup’, ‘beam’, ‘basket’, ‘fan’, ‘demon’. “2. probably borrowed”: ‘foam’, ‘scorpion’, ‘sandfly’. “3. perhaps borrowed”: ‘moon, month’ (сводешевская единица), ‘wing’ (базисная лексика). Как можно видеть, никакого ошеломляющего лексического влияния со стороны баграма на такиа нет. С другой стороны, почти половина предполагаемых заимствований принадлежит к базисной лексике. Такая ситуация типологически весьма необычна. Здесь возможны два сценария. Первый сценарий: язык такиа на самом деле пронизан папуасскими заимствованиями, воспринятыми из языка типа баграма, но еще не выявленными лингвистами. Второй сценарий: нынешние носители языка такиа на самом деле исторически являются баграмцами (или близкородственным племенем), перешедшими на океанийский язык, но сохранившими некоторые баграмские лексические единицы (ср. п. 4.4 о прерванном языковом сдвиге). При втором сценарии лексические изоглоссы между такиа и баграмом действительно синхронно являются заимствованиями в такиа, но исторически они оказываются наоборот ретенциями. См. также Ross 2001: 139 ff. о синтаксической метатипии между такиа и соседними папуасскими языками.

Как продемонстрировано выше, двенадцать случаев заимствованных слов со значением ‘heart’, предлагаемых в таком статусе в WOLD, должны быть сокращены до двух (или трех, если учитывать такиа) примеров. Можно ожидать, что такая ревизия резко увеличит общий балл понятия ‘heart’ в списке, предлагаемом на замену списку Сводеша.[36] Итак, несмотря на при-

[36] Также ср. следующие данные. На июнь 2012 г. проект «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database» включал в себя высококачественные 110-словные списки для 119 языков, относящихся к 42 языковым группам из различных регионов земного шара (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=new100&morpho=0). В этих 119 случаях имеется ровно один пример на заимствованное слово для ‘heart’ — это вымерший койсанский язык ǁXegwi, испытавший сильнейшее лингвистическое влияние соседних банту. В целом, я считаю, что ни набор из 119 языков в нашем проекте, ни 41 язык в WOLD не являются репрезентативной выборкой.

влекательную теоретическую концепцию, реальные результаты проекта WOLD, к сожалению, не представляются очень надежными.

4.3. Языковое родство.

Если между базисной лексикой двух языков наблюдается ряд фонетически схожих форм, резонно предположить, что эти языки родственны друг другу. Таким образом, мы можем рассмотреть гипотезу, что шумерский и ХУ генеалогически связаны, что они восходят к шумеро-ХУ праязыку и что обсуждаемые сводешевские совпадения представляют собой сохраненные пра-шумеро-ХУ архаизмы. В известном смысле любые два человеческих языка родственны друг другу (если мы исходим из концепции моноглоттогенеза), вопрос в том, как глубока дата распада предполагаемого праязыка этой пары языков.

Текущая версия СУБД Starling (May 2012) дает 12 000 г. до н. э. в качестве примерной глоттохронологической датировки распада шумерско-хурритского праязыка (учтены 65 имеющихся шумер.-хур. пар; шум. список был датирован 2000 г. до н. э., хур. список — 1500 г. до н. э.). Мы имеем дело с чрезвычайно дальней дистанцией — десять тысячелетий отделяют шумерский и хурритский от их гипотетического предка.[37] Разумеется, такое временно́е расстояние между эмпирическими данными и реконструированным праязыком делает дальнейшие рассуждения весьма неопределенными, но, тем не менее, некоторые выводы могут быть сделаны.

---

[37] Например, эта глоттохронологическая процедура дает конец 5-го тыс. до н. э. как дату индоевропейской (индо-хеттской) бифуркации, т. е. ок. 2500 лет отделяют индо-хеттский праязык от засвидетельствованных хетто-лувийских языков (временна́я дистанция между индо-хеттским праязыком и «узкоиндоевропейским» праязыком еще короче). Таксон более глубокого уровня — это индо-уральский праязык, распад которого относится к началу 9-го тыс. до н. э., т. е. расстояние между индо-хеттским и индо-уральским составляет менее 5 тысячелетий.

Во-первых, пять из шести шумер.-хур. сводешевских схождений попадают в устойчивую половину 110-словного списка Сводеша:[38] ‘dog’, ‘hand’, ‘liver’, ‘rain’, ‘who?’. Только шестое слово — ‘meat’ — находится во второй части списка, хотя индекс стабильности этого элемента все равно высокий: 61. Вероятность подобного распределения (5 : 1) относительно низка: 0.1478 = 14.78% (здесь и ниже используется биномиальное распределение). Если шумер. *šeŋ* ~ хур. *isena* ‘rain’ рассматривать как отрицательную пару, вероятность распределения 4 : 1 составляет 0.2239 = 22.39%.[39] Тот факт, что бóльшая часть гипотетических шумер.-хур. когнатов оказываются в устойчивой части списка, может рассматриваться как случайность (обе вероятностные величины превышают порог статистической значимости в 0.05) или же может являться аргументом в пользу гипотезы шумерско-хурритского родства: менее стабильные корни были элиминированы из сводешевского списка в процессе независимого развития прашумерского и прахурритоурартского языков, а более стабильные корни сохранились. Однако надо подчеркнуть, что альтернативно такое распределение можно принять в качестве столь же сильного аргумента в пользу конкурирующего сценария — языкового сдвига (см. п. 4.4 ниже).

---

[38] Об индексе стабильности и разбиении 100-словного списка Сводеша на типологически более стабильные 50 слов и менее стабильные 50 слов (для 110-словника: менее стабильные 60 слов) см. гл. 1 п. 6.2.

[39] Нам известны 37 шумер.-хур. пар из стабильной 50-словной части списка: ‘two’, ‘I’, ‘eye’, ‘thou’, ‘who’, ‘fire’, ‘tongue’, ‘name’, ‘hand’, ‘what’, ‘heart’, ‘drink’, ‘dog’, ‘louse’, ‘moon’, ‘blood’, ‘one’, ‘tooth’, ‘new’, ‘liver’, ‘eat’, ‘this’, ‘water’, ‘nose’, ‘not’, ‘mouth’, ‘ear’, ‘that’, ‘bird’, ‘sun’, ‘smoke’, ‘tree’, ‘ashes’, ‘give’, ‘rain’, ‘neck’, ‘breast’. Также известны 28 шумер.-хур. пар из менее стабильной 60-словной части списка: ‘come’, ‘foot’, ‘sit’, ‘*thin*’, ‘hear’, ‘skin’, ‘long’, ‘meat’, ‘road’, ‘know’, ‘say’, ‘black’, ‘head’, ‘burn tr.’, ‘earth’, ‘*year*’, ‘fat n.’, ‘man’, ‘person’, ‘all’, ‘*snake*’, ‘see’, ‘walk (go)’, ‘woman’, ‘big’, ‘good’, ‘many’, ‘mountain’ (10 яхонтовских слов, которые в московской школе принято использовать как дополнение к традиционному 100-словнику, даны курсивом; в нашем случае таковых слов известно 3). Таким образом, мы должны подсчитать вероятность распределения 5 : 1 (или 4 : 1) между двумя подмножествами 37 : 28.

Во-вторых, против гипотезы шумер.-ХУ праязыка можно выдвинуть аргументы.

1) Несмотря на серьезный временно́й период (10 тысячелетий) между засвидетельствованными языками и их гипотетическим общим предком, мы ожидаем обнаружить в базисной лексике шумерского и ХУ ряд этимонов (в нашем случае фонетических совпадений по консонантным классам) и за пределами списка Сводеша. Однако мне не известны убедительные примеры такого рода гипотетических этимологических архаизмов между шумерским и ХУ, за исключением единичных случаев вроде шумер. *ur* ‘root, base; limbs; loin, lap’ ~ хур. *uri* ‘foot; leg’ и шумер. ⟨NUD = NU_2 = NA_2⟩ ‘to lie (down)’, ⟨^{ĜEŠ}NUD = $^{ĜEŠ}NU_2$ = $^{ĜEŠ}NA_2$⟩ ‘bed’ ~ хур. *nat-xi* ‘bed’, обсуждаемых в п. 4.2.

2) *Л*огично предположить, что прашумерский и пра-ХУ языки в течение тысячелетий независимого развития подвергались самым различным фонетическим изменениям. Таким образом, этимологические когнаты между засвидетельствованными шумерским и ХУ уже не вычленимы невооруженным глазом. Это рассуждение, однако, явно противоречит отмеченному в п. 4.1 обстоятельству: формы в шести (или пяти) обсуждаемых шумер.-хур. лексических парах демонстрируют крайнюю степень фонетической близости (за исключением *š* и *ŋ*, присутствующих в шумерском и отсутствующих в ХУ), обычно совпадают даже огласовки. *Л*ингвистическая типология знает языковые группы со сверхустойчивыми консонантными системами: лучший пример из известных мне — это семитские языки. Глоттохронологический распад семитского праязыка датируется началом 4-го тыс. до н. э.[40], т. е. временная дистанция между современными семитскими и их предком составляет ок. 6 тысячелетий. Несмотря на это, беглое пролистывание семитского этимологического словаря (SED) позволяет легко найти большое количество фонетически схожих этимонов, например, между современными южноаравийскими и эфиосемитскими языками.[41] Очевидно, что это не

[40] *Д*атировка получена в СУБД Starling, она совпадает с датой в Kitchen et al. 2009.

[41] Или — если исходить из альтернативной бифуркации семитского дерева — между современным арабским и любым другим современным семитским языком (см. такое лек-

случай шумерского и ХУ. Тому, кто возьмется отстаивать шумерско-ХУ генетическое родство, придется сделать методологически невозможное предположение, что несколько шумер.-ХУ базисных терминов сохранились в нетронутом фонетическом облике, в то время как остальная часть базисной лексики серьезно мутировала, что привело к утрате фонетического сходства между шумерскими и ХУ формами.

Подытоживая, гипотеза об общем шумерско-ХУ праязыке оказывается неправдоподобной. Во-первых, из-за фактического отсутствия убедительных этимологий, относящихся к базисной лексике (не обязательно с прямым семантическим совпадением). Во-вторых, из-за подозрительной фонетической близости между шумерскими и ХУ формами в обсуждаемых сводешевских парах.[42]

4.4. Прерванный языковой сдвиг.

Четвертый сценарий, который следует рассмотреть, — это прерванный языковой сдвиг. Как было указано выше, при языковом контакте культурная лексика всегда заимствуется первой, а сводешевские слова (ядро базисной лексики), наоборот, наиболее устойчивы к заимствованию и вытеснению через заимствование. Логично предсказать, что это правило касается

сикостатистическое дерево в Kitchen et al. 2009 и критический отзыв в Militarev 2010: 44 fn. 2).

[42] Чтобы в СУБД Starling получить глоттохронологическую дату шумерско-ХУ распада, процент шумер.-ХУ положительных пар (6 или 5 единиц) в имеющемся 65-словном списке был экстраполирован на стандартную 100-словную матрицу. Однако предположение, что на самом деле в полном 100- или 110-словном списке доля совпадений будет отличаться, не меняет картины. Если мы предположим, что оставшиеся 35 (или 45) хурритских слов в списке Сводеша (будучи открытыми в новонайденных текстах) дадут значительное количество новых фонетических совпадений с соответствующими шумерскими данными (это будет значить, что датировка распада шумерско-ХУ праязыка сдвинется в сторону омоложения), первый контраргумент станет сильнее. Если оставшиеся 35 (или 45) хурритских слов, напротив, не дадут новых схождений с шумерским (датировка распада шумерско-ХУ праязыка дополнительно удревнится), второй контраргумент станет сильнее.

не только тривиального языкового контакта, но также и применимо к некоторым ситуациям языкового сдвига, когда культурно зависимая группа отказывается от своего языка и переходит на язык культурно доминирующей группы. Если языковой сдвиг протекает не резко (в 1–2 поколения), а представляет собой постепенное замещение унаследованных языковых черт заимствованными, можно предположить, что на предпоследней стадии сдвига словарь зависимой группы в качестве остатков старого языка сохраняет только несколько сводешевских (или близких по статусу) единиц, вся остальная лексика представляет собой заимствования. Теоретически, если контакт между доминирующей и зависимой группами оказывается прерван (в силу каких-либо исторических причин), язык зависимой группы должен стабилизироваться в очень необычном состоянии: грамматически и лексически он является языком доминирующей группы, в то время как несколько сохраненных базисных терминов синхронно выглядят как лексические заимствования.

Таковой прерванный или просто еще не завершенный языковой сдвиг редко фиксируется лингвистами, что связано с естественными причинами: во-первых, языковой сдвиг в нормальном случае проходит через все стадии до конца, во-вторых, история, наверное, большей части этнических групп по всему миру нам не известна (особенно это касается периода до XIX в. н. э.). Тем не менее, некоторые вероятные примеры на прерванный или незавершенный языковой сдвиг, когда базисная лексика оказывается фрагментарно сохраненной, могут быть выявлены. Два из них рассматриваются ниже.

1) Как описывается в Laycock 1973: 252 и Ross 1991: 124, язык малол (< океанийская группа < австронезийская семья) очень близок к языку сиссано, на котором говорят в той же и в соседней деревне на тихоокеанском побережье Папуа — Новой Гвинеи (обычно малол и сиссано рассматриваются как диалекты друг друга). Однако из устной истории известно, что малольцы исходно были одним из кланов онэ (папуасские языки, семья торричелли), каковой клан в первой половине XIX в. по причине вражды с соседями переселился с территории племен онэ внутри острова на побережье. В настоящее время лексический состав сиссано и малола совпадает за исключе-

нием нескольких слов, для которых в малоле сохранены старые формы языка онэ. Два таких термина приводятся в Laycock 1973 и Ross 1991: ‘dog’ (сводешевская единица) и ‘coconut’ (относится к базисной лексике для данного региона).

2) Другим примером может быть язык населения полинезийского острова Ниуафооу. Как указано в Collocott 1922; Dye 1980; Беликов 1989: 49, синхронно ниуафооу следует рассматривать как диалект тонганского языка (< тонганская подгруппа < полинезийская группа < австронезийская семья), являющегося доминирующим языком в регионе, однако некоторые особенности местоименной системы (не тонганские личные местоимения ‘we [excl.]’, ‘you [du.]’, ‘you [pl.]’, вопросительное ‘when, where’) и базисного словаря указывают на то, что исторически ниуафооу относился к ядерно-полинезийской подгруппе (вместе с тонганской подгруппой составляющей полинезийскую группу), однако был почти полностью замещен тонганским языковым материалом. Коллокотт приводит следующие слова ниуафооу, которые этимологически родственны соответствующим тонганским словам, но демонстрируют ядерно-полинезийское фонетическое развитие: ‘to come’, ‘road’, ‘what?’ (вместе с вышеупомянутым местоимением ‘we’ это всё сводешевские единицы), ‘sea’ и наречные ‘up’, ‘down’. Как замечено в Collocott 1922: 189: «диалектные особенности ниуафооу быстро исчезают в силу политического и культурного влияния королевства Тонга». Позднéе в Dye 1980: 350 сообщается, что по крайней мере некоторые из вышеприведенных слов ниуафооу за последние десятилетия уже приобрели тонганский фонетический облик.

Вероятно, такие «переплетенные» языки, как айнийский (персидский язык под влиянием уйгурского) или ма’а (кушитский язык под влиянием банту) следуют по тому же пути, хотя пока они сохраняют основную часть исконной базисной лексики (персидской и кушитской соответственно).

Как можно видеть, симптомы прерванного или незавершенного языкового сдвига очень похожи на шумерско-хурритскую ситуацию, когда мы имеем два языка со совершенно разной грамматикой и совершенно разной лексикой, но с несколькими сводешевскими словами, общими для обоих языков. Иначе говоря, соотношение между исторически засвидетельство-

ванными шумерским и хурритским языками формально такое же, как между, например, рассмотренными выше языками онэ (семья торричелли) и современным малолом (австронезийская семья).

Другой случай сохранения определенной части исконной лексики — это удержание т. н. местного культурного словаря (native cultural vocabulary). Таковой сценарий обычно ожидается в ситуации, когда языковой сдвиг происходит без культурного сдвига. Ниже рассматриваются два примера.

1) Как описано в Dimmendaal 1989: 21 f., 27 и Heine 1980: 175 ff., народ эльмоло — это небольшое рыбацкое племя, живущее на территории Кении и подвергающееся сильному влиянию соседних земледельцев, говорящих на языке нилотской группы. В 1-й пол. XX в. эльмоло еще говорили на своем собственном языке, входящим в кушитскую семью, однако постепенно они начали переходить на нилотский язык самбуру. В настоящее время эльмоло представляет из себя диалект самбуру. Однако этот недавно появившийся диалект сохраняет исконную кушитскую лексику, касающуюся озерного биоценоза и рыбной ловли.

2) Другой вероятный пример — это языки двух пигмейских племен: яка (ака) и бака, живущих в тропических лесах Центральной Африки. Яка и бака — соседи, хотя контакты между двумя народами минимальны. Данные языки имеют совершенно различную генеалогическую аффилиацию: яка относится к группе банту C10, бака — к убангийской группе. Несмотря на это, пигмеи яка и бака близки не только физиологически, но и культурно и социоэкономически: оба племени — это охотники-собиратели, чей образ жизни резко отличается соседних земледельческих не пигмейских племен. Как описано в Bahuchet 1992; 1993; 2012: 28 ff., словари языков яка и бака совпадают более чем на 20%, в основном это лексика, касающаяся собирательства и прочих аспектов жизнедеятельности в тропических лесах (также некоторые общие термины относятся к социальной сфере, музыке и религии). Важный факт состоит в том, что эта общая лексика, видимо, не этимологизируется на материале банту и убангийских языков. В оставшейся части словари яка и бака различаются в соответствии с генеалогической аффилиацией (банту C10 и убангийская группа). Также присутствуют отдельные

грамматические элементы и черты, общие для яка и бака, которые не могут быть объяснены через банту или убангийские, напр., особые указательные местоимения (Duke 2001: 74 ff.). В такой ситуации наиболее привлекательное решение — рассматривать общую культурную лексику в качестве остатков пигмейского праязыка (так называемый «proto-Baakaa»), которые были удержаны в силу социоэкономических факторов после того, как племена яка и бака перешли на языки соседних земледельцев (так предполагает С. Бауше). Альтернативное, более сложное и потому менее вероятное решение — считать, что яка и бака исконно говорили на банту и убангийском соответственно, а обсуждаемые общие слова представляют собой параллельные заимствования в яка и бака из какого-то языка вымерших обитателей тропических лесов. О третьей, еще более сложной интерпретации см. Blench 1999; 2006: 173 ff.

Несмотря на типологический интерес примеров эльмоло и яка-бака, такой сценарий явно не подходит для шумерского и ХУ по причине фактического отсутствия культурной лексики, общей для шумерского и ХУ.

5. Выводы

Шумерский и хурритский языки демонстрируют несколько элементов списка Сводеша, фонетически очень близких друг к другу, и фактическое отсутствие лексических совпадений той же степени фонетического сходства в других частях словаря и отсутствие грамматических параллелей.

Обсуждаются четыре возможных объяснения такой ситуации. Два из них — лексические заимствования (4.2) и генетическое родство (4.3) — маловероятны и должны быть отвергнуты с типологическими возражениями.

Нулевая гипотеза, гласящая, что шумер.-хур. схождения являются случайными созвучиями (4.1), проблематична. Как следует из перестановочного теста, вероятность случайных совпадений в наблюдаемом случае лежит в промежутке от 0.069280 = 6.9280% (грубый анализ) до 0.003604 = 0.3604% или даже менее (более изощренный анализ). По моему мнению, наиболее корректная оценка вероятности — это 0.015552–0.003604, т. е. 1.5552%–0.3604% (с использованием более дробных консонантных классов, см. п. 4.1, рис. 3–4),

однако в любом случае бóльшая часть полученных вероятностных значений ниже порога статистической значимости в 0.05.

Значит ли это, что нулевая гипотеза *должна* быть отброшена? Конечно, нет, т. к. природа на самом деле полна различными феноменами, вероятность появления которых низка. В рамках проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database» нашей группой собрано значительное число высококачественных 110-словников для языков различных групп и семей мира.[43] Подавляющее большинство пар неродственных языков успешно проходит перестановочный тест, т. е. количество и вероятность фонетических совпадений укладывается в статистическое ожидание. Однако обнаруживается небольшое число случаев явно не родственных языков с большим количеством фонетических совпадений и низкой вероятностью такой конфигурации. В настоящее время нами выявлено два таковых примера.

1) Первая рассматриваемая пара — это абиджи (< группа ква, Африка)[44] и майду (< семья пенути, США)[45]. 110-словники этих языков показывают 7 схождений *CC*, если исходить из консонантных классов проекта GLD, описанных в 1.2 (первая форма — абиджи, вторая — майду):

- *tì ~ ɗo-* ‘to bite’ = *TH*
- *hí ~ ʔɨ-yˈe-* ‘to come’ = *HH*
- *ínè ~ ʔonˈo* ‘head’ = *HN*
- *pì ... été ~ bɨ-ɗoy-* ‘to sit’ = *PH*
- *bɔ̀-dí ~ pɨ-yˈeto-* ‘to swim’ = *PH*
- *ḭ́né ~ ʔˌen-ˈi* ‘tongue’ = *HN*

---

[43] http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=new100&morpho=0 [последнее посещение 02.06.2012]

[44] См. G. Starostin 2011a, http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\kwa\agn&limit=–1 [последнее посещение 02.06.2012].

[45] См. Zhivlov 2012, http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\pen\mai&limit=–1 [последнее посещение 02.06.2012].

- *ʔà ~ ʔɨ-kʲoy-* ‘to go’ = *HH*

Вероятность того, что данные схождения абиджи-майду являются случайными созвучиями, составляет 0.036136, т. е. 3.6136% (1 000 000 случайных попыток). Картина фактически не меняется, если использовать более точные консонантные классы (см. 4.1): мы имеем те же 7 схождений с вероятностью 0.032043 = 3.2043%.

2) Второй случай еще более интересен: совр. английский (< германская группа < и.-е. семья) и ари (< южноомотская группа < омотская семья, Африка)[46] дают 8 схождений *CC* между своими 110-словниками:

- [daɪ] ~ *deʔ-* ‘to die’ = *TH*
- [händ] ~ *ʔaːni* ‘hand’ = *HN*
- [aɪ] ~ *ʔi* ‘I’ = *HH*
- [neɪm] ~ *naːmʲi* ‘name’ = *NM*
- [gəu] ~ *kay-* ‘to go’ = *KH*
- [wiː, wi] ~ *wo^{h}, woː^{h}* ‘we’ = *WH*
- [huː] ~ a^{h}y ‘who?’ = *HH*
- [šɔːt] ~ *cʼeːdʲi* ‘short’ = *ST*

Вероятность того, что данные схождения являются случайными созвучиями, чрезвычайно низка: 0.00044 = 0.044% (1 000 000 случайных попыток). И опять картина не меняется принципиально, если мы используем более точные консонантные классы (см. 4.1): в этом случае у нас 7 схождений ([šɔːt] ~ *cʼeːdʲi* теперь отрицательная пара), но общая вероятность составляет 0.000945 = 0.0945%.

Тем не менее, несмотря на такие уникальные примеры как абиджи-майду и английский-ари, низкая вероятность шумерско-хурритских схождений заставляет нас искать им более подходящее объяснение, чем случайные созвучия.

---

[46] См. G. Starostin 2011b, http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\omo\som&limit=–1 [последнее посещение 02.06.2012].

Четвертая решение — это гипотеза прерванного языкового сдвига (п. 4.4), которая предполагает один из двух эквивалентных сценариев.

1) В дописьменную или раннюю письменную эпоху (скажем, 2-я пол. 4-го тыс. до н. э.), племя, говорившее на языке ХУ семьи (не обязательно на собственно хуррито-урартском), мигрировало с Южного Кавказа на юг Месопотамии, где вступило в контакт с шумерским сообществом. Шумеры оказались доминирующей группой, и ХУ мигранты начали постепенно утрачивать свой язык, переходя на шумерский. На предпоследней стадии языкового сдвига процесс был по каким-то причинам прерван, а собственно шумерское население элиминировано. Если дело обстояло действительно так, то исторические шумеры — это родственники хуррито-урартов, перешедшие на шумерский язык, но сохранившие несколько ХУ сводешевских слов.[47]

2) Второй сценарий зеркально повторяет первый. Шумеры или их близкие родственники мигрировали на Южный Кавказ и там восприняли пра-ХУ язык. В таком случае исторические хурриты и урарты — это шумеры или их близкие родственники, перешедшие на ХУ язык, но сохранившие несколько сводешевских слов шумерского происхождения.

Мне не известны какие-либо исторические или археологические аргументы против концепции прерванного языкового сдвига между шумерскими и хуррито-урартскими племенами в дописьменный или ранний письменный период по сценарию, описанному выше. Надо указать, что если ХУ действительно может рассматриваться как отдельная ветвь сино-кавказской макросемьи (см. лексикостатистическое обсуждение в гл. 1 наст. раздела и Kassian 2011a) и если такие слова как ‘meat’ и ‘rain’, общие для шумерского и хуррито-урартского, действительно обладают сино-кавк. этимологией, то первый сценарий (ХУ язык, не до конца вытесненный шумерским) пред-

[47] Полной аналогией был бы гипотетический сценарий, при котором племя малол (п. 4.4 выше) ассимилировало бы или истребило всех соседних сиссано. В результате мы бы имели малол как единственный известный диалект языка сиссано, а папуасские «заимствования» в малоле представляли бы собой типологическую загадку.

почтителен. Т.к. куро-аракская культура представляется наилучшим археологическим коррелятом пра-ХУ языку (и наоборот: пра-ХУ язык представляется наилучшим лингвистическим коррелятом куро-аракской археологической культуре), гипотетическая миграция хуррито-урартов в Южную Месопотамию может быть сопоставлена с быстрым распространением куро-аракской культуры по восточным склонам Загроса по крайней мере вплоть до западной части Центрального Ирана в конце 4-го тыс. до н. э. (об археологическом аспекте см. Kohl 2009: 245 f., 252 ff.).[48]

С другой стороны, звуковые соответствия вида шумер. *ŋ* — ХУ *n* и шумер. *š* — ХУ *s* легче объяснить исходя из второго сценария (шумерский, не до конца вытесненный хуррито-урартским).

[48] А. А. Немировский (личн. сообщ.) предположил, что в таком случае дошумерский субстрат (т. н. протоевфратский или банановый язык, хотя см. критику идеи субстрата в Rubio 1999; 2005) мог принадлежать к хуррито-урартской языковой семье.

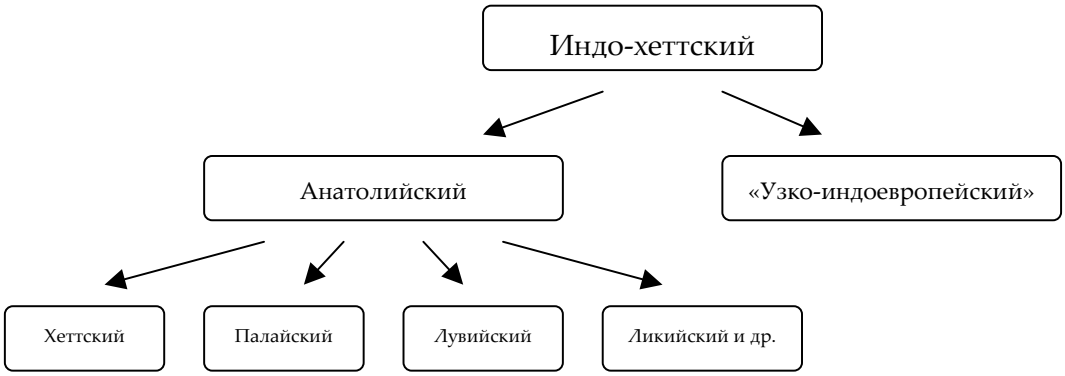
РАЗДЕЛ III

ХЕТТСКИЙ ЯЗЫК

1. Анатолийские лексические изоляты и данные ностратического сравнения

1.1. Предпосылки исследования

Бифуркация, т. е. ранее бинарное разделение индоевропейского (индо-хеттского, используя термин Э. Стертеванта[1]) праязыка на анатолийскую и собственно индоевропейскую или «узко-индоевропейскую» (Narrow Indo-European) ветви, сейчас принимается подавляющим большинством ученых, см. обзор в Blažek 2007.



Одним из следствий такой древесной классификации является факт, что корни и служебные морфемы, известные только из анатолийских языков, по шансам оказаться протоязыковыми ретенциями почти сравнимы с морфемами, восстанавливаемыми на основании данных «узко-индоевропейских» языков.[2]

Ниже я разбираю около сорока анатолийских основ, относящихся к т. н. базисной лексике (это слова из списка Сводеша, термины родства и т.п.), которые не могут быть идентифицированы как заимствования, не имеют

[1] Следует оговориться, что я понимаю термин «индо-хеттский» в несколько более техническом смысле, чем Э. Стертевант.

[2] См. аналогичный подход в Kloekhorst 2008, который анализирует некоторый интересный морфосинтаксический феномен, общий для уральского и анатолийского праязыков.

хороших и.-е. этимонов, однако обладают убедительными ностратическими параллелями.

Терминологические уточнения.

1) Tower of Babel Project объединяет индоевропейский, алтайский, уральский, картвельский и дравидийский праязыки в евро-азиатскую макросемью (Eurasiatic macrofamily), оставляя термин «ностратический» (Nostratic) для следующего уровня, на котором евро-азиатская семья объединяется с афразийской. Т. к. термин «евро-азиатский» не является общеупотребительным, в данной работе я использую более привычный термин «ностратический» по отношению к праязыку, давшему индоевропейский, алтайский, уральский, картвельский и дравидийский праязыки. Как показано на генеалогическом дереве (starling.rinet.ru/images/globet.png), которое составлено по 35-словным спискам и некоторым морфологическим изоглоссам, ностратическая семья распалась примерно в 10–9 тысячелетии до н. э., т. е. в период мезолита или раннего неолита.

2) Традиционное сокращение «и.-е.» относится к индо-хеттскому праязыку, в то время как для собственно индоевропейского («узко-индоевропейского») праязыка я использую аббревиатуру «узко-и.-е.».

Базовый список соответствий между ностратическими праязыками см. в ОСНЯ 1: 147 ссл. и Dolgopolsky ND: 9 ff. По сравнению с Иллич-Свитычем, Долгопольский постулирует ряд дополнительных соответствий, из которых наиболее важным для нас является утрата ностр. фонем типа **z* в и.-е., т. е. ностр. **z*/*ź*/*ž* > и.-е. **∅* (или и.-е. **H*, по нотации Долгопольского).

Формы из ностратических языков, в общем случае, даются по этимологическим базам данных проекта Tower of Babel Project. Использовались следующие базы. Ностратическая: Nostret.dbf (компиляция публикаций Иллич-Свитыча и словаря Dolgopolsky ND плюс ряд новых сравнений; незавершенный проект). Индоевропейская: Piet.dbf (автор — С. *Л.* Николаев). Алтайская: Altet.dbf (= EDAL). Уральская: Uralet.dbf (= Rédei UEW плюс многочисленные дополнения и исправления ряда авторов; незавершенный проект). Картвельская: Kartet.dbf (компиляция словарей Климов ЭСКЯ и

Klimov EDKL плюс некоторое число дополнений). *Дравидийская*: Dravet.dbf (автор — Г. С. Старостин).

Анатолийские формы приводятся по основным лексикографическим источникам — CHD, HEG, HED, EDHIL, Melchert 1993 (в общем случае без специальных ссылок). *Датировки* клинописных текстов даются по каталогу Košak Konkordanz.

Формы «узко-индоевропейских» языков цитируются по стандартным словарям (др.-греч. — LSJ; др.-инд. — BR, Mayrhoffer EWA; лат. — OLD и т. д.).

Список предлагаемых этимологий разделен на две части. Подраздел 5.2 включает надежные этимологии (регулярные фонетические соответствия и тривиальные семантические переходы; № 1–41). Подраздел 5.3 описывает спорные этимологии (нерегулярные фонетически или слишком далекие семантически; № 42–56).

Вокабулы организованы следующим образом.

Заголовочное слово: анатолийская форма (хет. формы специально не помечаются).

◊ Виртуальная и.-е. реконструкция, как она может быть предположена по имеющимся анатол. данным[3].

≠ Спорные или маловероятные узко-и.-е. этимоны анатол. формы.

√ Предлагаемая ностратическая этимология.

→ Комментарии и ссылки.

[3] ***P** — любой и.-е. губной (**p, *b, *bh*); ***T** — любой и.-е. зубной (**t, *d, *dh*); ***K** — любой и.-е. нелабиализованный велярный (**k/k̂, *g/ĝ, *gh/ĝh*).

***B** — любой и.-е. звонкий губной (**b, *bh*); ***D** — любой и.-е. звонкий зубной (**d, *dh*); ***G** — любой и.-е. звонкий нелабиализованный велярный (**g/ĝ, *gh/ĝh*).

1.2. Надежные этимологии

1. *ayimpa-, aimpa-, impa-* c. ‘weight, burden (literal and figurative)’, *impai-* ‘to be depressed’. MS+. Вокалические колебания напоминают аблаут в основе *ayis* (nom.-acc) ~ *iss-* (obl.) ‘mouth’ (к др.-инд. *ās-*, лат. *ōs* ‘mouth’ и т. д.).

◊ И.-е. ***VmPo-*.

≠ Ср. др.-греч. ἶπος ‘weight, press’ (Pi. и др.), aor. ἴψασθαι, fut. ἴψεται (Hom.+) ‘to bear down on, oppress’. Я. Пухвел (HED A: 14) предполагает параллельное заимствование в хет. и др.-греч из неизвестного источника.

Hsch. ἰμφθείς · βλαφθείς, λωβηθείς, νυχθείς ‘oppressed, maltreated’ (если сюда!), видимо, представляет собой малоазийское слово.

√ Алт. ***ámbe*** ‘heavy, big’: тунг. **amba-* ‘1 big; 2 many; 3 very’; монг. **amban* ‘big, large, heavy; minister, official’; япон. **ám(p)á-* ‘heavy’; кор. **mì-* ‘heavy’.

? Урал. ***umpe*** ‘whole, complete’: эст. *umb, umbes* ‘ganz, durchaus, über und über’, саам. *obbâ, obâ, oabâ* (N) ‘whole, in its entirety, all; only, rather, pretty’. Видимо, следует отделять от омонимичной прауральской основы ‘closed; closed state’.

→ Консонантные соответствия регулярны; вокалические соответствия неясны ввиду неоднозначности хет. огласовки. См. Nostret.dbf #1950 (алт. + урал.).

2. **alwanz(a)-* ‘witchcraft, sorcery’ в производных *alwanz-adar* ‘witchcraft, sorcery’, *alwanz-essar* ‘witchcraft, sorcery’, *alwanz-aḫḫ-* ‘to bewitch’ и т. д. (OS+). Суффикс *-anza-* этимологически неясен, однако засвидетельствован в ряде основ, см. Kronasser EHS: 198 ссл.

◊ И.-е. ***olu̯o-* (*~ a-*).

≠ Э. Рикен (см. Yakubovich 2008a: 17) связывает с лув. **aliwanna/i-* ‘inimical’, далее к индо-хет. **ali̯o-* ‘other’ (лат. *alius* ‘other’, лид. *αλα* ‘other’) с лувийским суффиксом *-wanna/i-*. Проблематично как фонетически (не-

мотивированное падение *-i-* в хет. основе), так и семантически (переход ‘враг’ > ‘колдовство’ недоказуем).

√ Алт. ***ziə̯̆lVbi*** ‘sorcery, witchcraft; to investigate (by magic power)’: тунг. **silba-* ‘to promise, warn, report’; монг. **silbe-*, **silmo* ‘1 to behave indecently, glance around; 2 devil’; тюрк. **jẹlbi-* ‘sorcery, witchcraft’; япон. **sìrà(m)p-* ‘1 to tune, adjust to rhythm, play rhythmical music; 2 to investigate’; кор. **sjārb-* ‘to be annoyed, vexed, sad’.

→ Соответствия регулярны (ностр. **z* > и.-е. *∅*; ностр. **-w-* > алт. *-b-)*.

Иначе и неубедительно Dolgopolsky ND #2661 ‘sorcery, witchcraft’: алт. + и.-е. **Hel-* ‘to destroy’ + афраз.

3. *anku* adv. ‘fully, quite, really, absolutely, unconditionally’. MS+.

◊ И.-е. ***onKu-*, ***onK^{u}-* *(~ an- ~ n̥-)*.

√ Алт. ***ə̀ŋo*** ‘right’: тунг. ***āŋ(gi)-*** ‘right’; монг. ***eŋge-*** ‘1 South; 2 front (of cloth)’; тюрк. ***oŋ*** ‘1 right; 2 good, lucky; 3 West’.

4. *ekt-, ikt-* c. ‘(catch-)net’, клин.-лув. *akkat(i)-* ‘hunting net’ (со вторичным анаптиксом, ср., напр., Melchert AHP: 277). MS+.

◊ И.-е. ***eKT-*.

≠ Традиционно анализируется как образование на *-t* от и.-е. **i̯ēk-* ‘to throw’ (лат. *iacīō* ‘to throw’), но, согласно известным нам хет. контекстам, слово *ekt-/akkat(i)-* обозначало не метательную сеть, а тенета, которые расстилали, напр., по земле.

Сопоставление с зап.-германской основой **jagōn* ‘to drive, chase, hunt’ (имеющей крайне проблематичные этимоны в других и.-е. языках: тох. **yokai-* ‘thirst, desire’, др.-инд. *yáhu-*, *yahvá-* ‘restless, swift, active’, см. Pok.: 502, Adams 1999: 510) также не слишком удачно. Во-первых, образование отглагольного nomen instrumenti с суффиксом *-t* не является нормальной морфологической моделью; во-вторых, падение анлаутного **i̯-* в лувийской форме необъяснимо.

Ср. также др.-инд. *ákṣu* ‘net’ (AV+) — корень этой основы может прямо соответствовать хетто-лув. форме, если мы предположим консонант-

ную метатезу в праиндийском или праанатолийском (так называемый спирант Бругманна: хет. *tk* ~ др.-инд. *kṣ*).

√ Урал. ***śäktV*** ‘to plait (e.g., net)’;

Алт. ***zaktʻi*** ‘cushion, mat’ (тунг. **sakta(n)* ‘mat’; тюрк. **jaŕtuk* / **jaṭŕuk* ‘1 pillow; 2 to prop on a pillow’; япон. **sitənia* ‘cushion’; кор. **sàt* ‘thin mat’;

? Картв. ***sḳw-*** ‘to tie (lace, etc.)’: груз. *sḳ(v)-*, мегр. *sḳ(u)-, sḳv-, sku-, skv-*, лаз. *sḳv-, skv-*, сван. *le-sḳw-er* ‘rope’.

→ Соответствия между и.-е. ~ урал. ~ алт. регулярны. Переход ностр. **ź* > и.-е. *∅* регулярен.

См. Nostret.dbf #1542 (урал. + алт. + картв.).

5. *ektu-, iktu-* с. ‘leg’. MH/NS.

◊ И.-е. ***eKTu-* или **VḭKTu-*.

≠ Традиционно к и.-е. **eḭ-gh-* ‘to go’ (лит. *eigà* ‘a going’, др.-греч. οἴχομαι ‘to go off’, тох. B *yku* ‘gone’) с дополнительным суффиксом *-tu* неясной природы.

√ Алт. ***ziḭőgtu*** ‘thigh, shank’: тунг. **sigdi-pu* ‘metatarsus’; монг. **seγüži* ‘hip, thigh’; тюрк. **jo(g)ta* ‘1 thigh, shank; 2 body, stature’.

→ Соответствия регулярны (ностр. **z* > и.-е. *∅*). Хет. основа была корректно проэтимологизирована в Dolgopolsky ND #2661 (хет. + алт. + афраз.).

С другой стороны, Nostret.dbf #913 объединяет алт. форму с и.-е. **soK*ᵘ*t-*: хет. *sagutta-* ‘thigh, hip (vel sim.)’, др.-инд. *sákthi* n. (гетероклиза: косв. формы с *-n-)* ‘thigh, thigh-bone’, авест. *haxti-* ‘thigh’, предположительно слав. **stegno* ‘бедро’, если < **sedgn-* < **setk-n-* < **sekt-* (см. Nikolaev, Piet.dbf #3022 с неправильной и.-е. реконструкцией, без хет. данных, но с сомнительной тох. B параллелью). По всей видимости, и.-е. **soK*ᵘ*t-* содержит суффикс *-t* (тот же суффикс, что выделяется и в **neK*ᵘ*-t-* ‘night’), а исходный индо-хет. корень был **soK*ᵘ*-*.[4]

[4] В связи с которым ср. алт. ***sajkʻV*** ‘knucklebone’: тунг. **sajKa* ‘knucklebone’; тюрк. **siaka* ‘shin-bone’.

6. *istam-ass-*[mi] ‘to hear’, *istam-ana-/istam-ina-* ‘ear’ (OS+), клин.-лув. *tumm-ant-* ‘ear’.

◊ И.-е. ***stom-* (*~ -a-*).[5] Соответствие хет. *st-* ~ клин.-лув. *t-* может указывать на и.-е. *s*-mobile. Клин.-лув. *u* < *a*, возможно, под влиянием лабиального *m*.

≠ Традиционно объединяется с др.-греч. στόμα(τ-) ‘mouth’ (далее к авест. *staman-* ‘maw’) как ‘орган восприятия’, что семантически явно неудовлетворительно (это же касается и предлагаемого иногда инварианта ‘дырка в голове’).

√ Картв. ***śtVm-** ‘ear’, реконструируется на основании сван. *šdim, šṭim* ‘ear’ и, вероятно, на ***(s)a-(s)tum-al-*** или ***(s)a-(s)tu-n-al-*** ‘head of the bed’[6]: груз. *sastumal-* ‘head of the bed’, мегр. *ortumel-* ‘head of the bed’, лаз. *omtunal-* [< *ontumal-]* ‘bearing log of the fire’ (Klimov EDKL: 175). Сван. *-i-* в *šdim* может быть объяснено как результат парадигматического выравнивания по форме номинатива с *i*-ассимиляцией **šdum-i* > **šdüm-* > *šdim-*. Сохранение анлаута *ST* в груз. основе *-stumal-* остается без объяснения. Ср. также формы с *-n-*, а не *-m-*, приводимые в Климов ЭСКЯ: 170. Альтернативно ***(s)a-(s)tu-n-al-*** можно анализировать как производное от картв. ***(ś)taw-** ‘head’.

→ Анатолийский корень был правильно проэтимологизирован в Dolgopolsky ND #2133 **sVTimV* ‘to hear’: хет. + картв. + егип. (*sḏm* ‘to hear’, если *ḏ* < **Ty*??) + некоторые другие афраз.

7. *yaya-*[hi] ‘отхаркивать (мокроту)’. Скудные фиксации в медицинских текстах (NS). О значении корня см. Kassian 2009.

◊ И.-е. ***i̯oi̯-* (*~ -a-*).

√ Алт. ***ni̯àji** ‘pus; snot’: тунг. **ńā-* ‘1 to rot; 2 pus’; монг. **nij-* ‘1 snot; 2 to blow nose’.

Драв. ***nej-*** ‘oil, ghee’: юж.-драв. **nej-* ‘butter, ghee, oil, grease, fat, honey’; телугу **nej-* ‘ghee, oil’; колами-гадаба **nej* ‘oil, ghee’; гонди-куи **nij* ‘oil,

[5] О хеттском орфографическом *iš-ta-*, отражающем фонетическое /st-/, см. Kassian & Yakubovich 2002.

[6] Если < ‘подушка’; ср. рус. *под-ушка*.

ghee’. Первичное анатомическое значение сохраняется в сложении с глаголом ***tōr-** ‘to flow’ — драв. ***nej-tor** ‘blood’: юж.-драв. **nej-tŏr*; телугу **nettur-*; колами-гадаба **netur*; гонди-куи **nej-tor*; брахуи *ditar*.

→ Ностр. **ń-* > и.-е. **i̯-* ~ алт. **ni̯-* ~ драв. *n-* регулярно.

Ср. Nostret.dbf #1046 (алт. + драв. + сомнительное и.-е. ***laḭ-** ‘fat’ + фонетически малоудовлетворительное картв. ***laɣw-** ‘fig’).

8. *ḫaruwa-* ‘road’, редкое слово (MH/NS), может быть лувизмом. Иер.-лув. *ḫarwa-* ‘road’, *ḫarwa-ni-* ‘to send, dispatch’.

◊ И.-е. ***Horu-* (*~ -a-*) или ***Hru̯-*. Если хет. основа — лув. заимствование, тогда праанатолийская форма может теоретически восходить к и.-е. ***HorKʷ-* (с **kʷ*/*gʷ*/*ghʷ* > *u̯*).

√ *Драв.* ***ār-** (***ḏ-**) (только юж.-драв.: **ār-)* ‘way, road, path’.

Картв. ***xer-** ‘to lead, to make way’: груз. *m-xer-v-al-* ‘leading’, *sa-xer-v-el-* ‘rudder, steering oar’, мегр. *xar-* ‘to make way in the snow’, лаз. *xar-* ‘step’.

→ Анатол. **ḫ-* ~ картв. **x-* ~ драв. *∅* регулярно. *Драв.* **r*, однако, указывает на ностр. передний гласный во втором слоге.

Ср. также схожий корень на *и-*: урал. ***ura** ‘way, path’, драв. ***vaṛ-** ‘road’, ***oṛ-uŋk-** ‘lane, path’ (Nostret.dbf #1205 + алт.).

9. *kam(m)ars-*^{mi} ‘to shit, defecate (of human and animal)’, *kammaraš-niya-* ‘to befoul(?)’, *kamars-uwant-* c. ‘defecation’. MS+.

◊ И.-е. ***Kom…* (*~ -a-*).

≠ Традиционно хет. основа анализируется как **kad-mar-s-*, т. е. и.-е. **ĝhod-* (др.-греч. χέζω, др.-инд. *hádati* ‘to defecate’ и т. д.) + хорошо засвидетельствованный хеттский гетероклитический суффикс *-mar* + дополнительный суффикс *-s*. Такое предположение базируется на трех фактах:

1) удвоенное *-mm-*, указывающее на исходный кластер (**-Tm-* или **-mn-)*;

2) прямая морфологическая параллель в виде тох. В *kenmer* ‘excrement’ (< **ĝhod-mor*);

3) уникальная лувоидная форма с сохраненным кластером: prs. 3 pl. *katmarsitti*.

В действительности же написание с удвоенным *-mm-* отмечено только дважды (iter. 3 pl. imp. *kammarseskiddu* в позднем NS KUB 17.27 и суффигированная основа *k*]*ammarasniyattat* в битом MS? KBo 38.188), стандартная же орфография — это *-m-* (MS+). В свою очередь, тох. В *kenmer* не существует (*pit=kenmer* должно читаться как *pitke-enmer* 'spittle' + '(a medical ingredient)', см. Adams 1999: 193). Что касается лувоида *katmarsitti*, перевод 'they defecate' крайне маловероятен для ритуального контекста KUB 30.31 1–8, мы должны признать, что значение этого слова остается неизвестным, см. CHD, Š: 47 (это же решение поддержано и в Rieken // HS 116 (2003): 308).

Итак, постулирование анатол. корня ***kam**- 'dung' вполне надежно; второй элемент хеттской основы (*-ars-)* не до конца ясен — скорее всего, это результат двойной суффиксации (напр., гетероклитический суффикс *-ar* и деноминативный *-s-*, как в *istam-a(-)ss-* 'to hear'). В любом случае гипотеза Пухвела о композите {*kad-mar*} + глагол *sai-/siya-* 'to press' или *suwai-* 'to fill' кажется неправдоподобной.

√ Алт. ***k̓amo** 'dung, faeces': тунг. **[x]amū-* '1 faeces, dung; 2 to defecate; 3 snuff, thief (in a pipe)'; монг. **komu-* 'horse dung'; тюрк. **Kom-* '1 horse dung; 2 sheep dung balls; 3 round, spheroid'.

10. *kappuwai-*^{mi} 'to count, tally, calculate; to take into account' (OS+). Хет. глагол представляет собой прозрачное отыменное образование, хотя производящая *u*-основа **kappu-* и не засвидетельствована в текстах. Значение 'to tally' является первичным, т. к. семантический переход 'to tally' > 'to take into account' широко засвидетельствован, противоположный же переход или крайне редок, или вообще невозможен.

◊ И.-е. ***Кори-* (~ *-a-)*.

≠ Поверхностное сходство с лат. *com-putāre* 'to calculate' (ср. *putāre* 'to make clean or tidy, prune', вероятно, от *paviō* 'to thump, pound') гипнотизирует некоторых индоевропеистов и провоцирует их на рискованные этимологические выкладки, в которых хет. *kappuwai-* анализируется

как образование от хет. глагола *puwai-* ‘to pound, grind (a medical ingredient)’ (может быть лув. заимствованием; этимон латинского *paviō*) с несуществующим анатолийским наречием/превербом **kam-* или **kat-*. Очевидно, однако, что лат. *com-putāre* произведено не от terminus technicus *putāre* ‘to prune, cut back (trees, bushes); to scour (wool), etc.’, а от омонимичного ему глагола *putāre* ‘to think, suppose; to consider, regard’ (с широко распространенным семантическим переходом ‘to think’ > ‘to calculate’); таким образом, предположение о хет. глаголе *puwai-* ‘to grind’ как о гипотетической базе для *kappuwai-* оказывается несостоятельным.[7]

Альтернативно С. *Л.* Николаев (Piet.dbf #1629) связывает *kappuwai-* со слав. **zob-/žeb-* [рус. *заб-ота* и т. д.], балт. **geb-* [лит. *gebė́ti* ‘pflegen, gewohnt sein, vermögen’, *gebùs* ‘fleissig, begabt’], герм. **kōpjan-* ‘to stare, to gape; to observe’ [Orel 2003: 219], **kapēn-* [др.-в.-нем. *kapfēn* ‘schauen, spähen’; Köbler GWb s.v. **kapp-]*. Фонетически неудовлетворительное сравнение, т. к. хет. указывает на и.-е. **-p-*, балтослав. — на и.-е. **-bh-*, герм. — на и.-е. **-b-*.

√ Алт. ****k̓èpù*** ‘price; to transform(?)’: монг. **kubil-* ‘to transform, take another form’ [если сюда!]; тюрк. **Kẹ̈bi-Ĺč-* ‘1 a gift of food to someone who comes to stack the crop after the fields are clear; 2 harvest tax in favour of the poor or the clergy; 3 debt’; япон. **kupua-* ‘profit’; кор. **káps* ‘price’.

Драв. ****kap-*** ‘tribute’: юж.-драв. **kap-am* ‘tribute’, телугу **kapp-* ‘tribute, tax, subsidy’.

---

[7] Не слабее и формальные внутрихеттские трудности. Предполагаемый композит **kam-puwai-* должен быть определенно отвергнут, т. к. в анатол. языках нет никаких наречных этимологических соответствий и.-е. **k̂om-* ‘with’, не говоря о том, что кластер *-mP-* сохраняется в хеттском. Что же до предполагаемого **kat-puwai-*, наречия *katta* и *katti* ‘down, above’ (= др.-греч. κάτα, κατά) хорошо известны с древнейших хет. текстов, однако вариант *kat-* нигде не зафиксирован и композит **kat-puwai-* остается без каких-либо параллелей в хет. морфологической системе (упрощение **-TP-* > *-PP-* в прахеттском также является всего лишь предположением без доказательств, синхронно же кластеры *TP* были возможны, по крайней мере, в заимствованиях, ср. теонимы: *katpazzizzi, putpar,* топонимы: *kutpina, ḫutpa, kutpa*).

→ Соответствия регулярны. Видимо, следует восстанавливать ностр. именную основу ***ḳ̣Vpu** ‘number’ или ‘count’ с естественными семантическими переходами в ‘price’ (алт.) и ‘tribute’ (драв.).

Алтайская глагольная основа ***kʻápa** ‘to buy, pay back’ [тунг. **xab-* ‘1 to buy; 2 to complain, start a lawsuit’; япон. **káp-* ‘to buy, (ex)change’; кор. **kàphí-* ‘to compensate, pay back’] не может быть отделена от этого этимологического гнезда (семантический переход ‘count’ > ‘recount’ > ‘to pay’ тот же, что и в, напр., др.-в.-нем. *zalōn* ‘to count’ > NHG *zahlen*).

Ср. также крайне сомнительное и.-е. ***ka(u̯)p-** ‘merchant’: др.-греч. κάπηλος [ă] (Hdt., Plato и др.) ‘retail-dealer, huckster, tavern-keeper’, лат. *caupō* / *cōpō, -ōnis* (Plautus, Horatius и др.) ‘shop-keeper, tavern-keeper’, *cōpa* f. ‘woman who provides entertainment in taverns’. Кажется, что мы имеем дело с бродячим словом неизвестного происхождения с нерегулярными фонетическими соответствиями.

См. Nostret.dbf #1032 (алт. + драв. + спорное и.-е. ‘merchant’).

11. *karuss-iya-*^{mi} ‘to be/fall silent; to keep quiet (about)’. MS+.

◊ И.-е. ***Kor…* (*~ -ar- ~ -r̥-*).

≠ Традиционно объединяется с хет. *kariya-* ‘to stop, pause (intr.)’, что семантически возможно, однако деривационная модель совершенно неясна. Сравнение с балтослав.-герм. ономатопоэтическим корнем **(s)kreu̯st-* (герм. **kreustanan* ‘to gnash teeth’, латв. *skraustêt* ‘to crackle’, слав. **xrustěti*), предложенное Г. Айхнером, неубедительно.

√ Картв. ***q̇urs-** ‘to be silent, become silent’: груз. *q̇urs-*, мегр. *ʼurs-*.

→ Правильно проэтимологизировано в Dolgopolsky ND #1942 (хет. + картв. + афраз.).

12. *kasa* ‘look here, lo, behold’ (см. Hoffner & Melchert: 323 f. о нюансах английского перевода). OS+. Хет. *kasa* может являться застывшей формой imv. 3 sg. от незафиксированной основы *ḫi*-глагола.

◊ И.-е. ***Kos-* (*~ -a-*).

≠ Традиционно *kasa* производят от местоименной основы **ka-* ‘this’ (< и.-е. **k̂e/o/i-*) по совершенно неясной морфологической модели.

√ Урал. ***kaće*** ‘to see, look, notice’.

→ Соответствия регулярны. Далее, вероятно, к алт. ***káče*** ‘wish, intent’ (так Nostret.dbf #1706: урал. + алт.).

13. *kist-, kest-* ‘to be extinguished, die out’, каузатив *kis(ta)nu-*. Пал. *kist-* ‘id.’. OS+.

◊ И.-е. ***KVi̯st-* или ***Kest-* (~ *-zd-*).

≠ Традиционно относят к и.-е. **g^{w}es-*: др.-инд. *jásate* ‘to be exhausted’, рус. *гаснуть* и т. д. Хеттская форма, однако, должна была бы иметь *ku-* как рефлекс и.-е. **g$^{u̯}$-*, в то время как суффиксация *-t* маловероятна для подобной первичной основы.

Далее ср. хет. *kast-* (в производных корень имеет вид *kist-)* ‘hunger’ и тох. A *kaṣt*, B *kest* ‘hunger, famine’.

√ Алт. ***kíǯV*** ‘to lose, disappear’: тунг. *****kiǯ-*** ‘to lose’; япон. **kíjá-* ‘to disappear, be extinguished’.

→ NB: алт. **-ǯ-* ~ анатол. **-st-*.

Также ср. драв. ****k̂eḍ-*** ‘to perish’ и (как осторожно предлагается в Nostret.dbf #1945) урал. ***käčke*** ‘to hide’.

14. *kudur* n. *r*-основа ‘leg/shank (of animal: beef, lamb etc.)’, отмечено только? в «кулинарных» контекстах. OH/NS+.

◊ И.-е. ***KuD-, ***KVu̯D-* или ***K$^{u̯}$VD-*. Морфологический анализ *kud-ur* естествен.

≠ М. Поетто (с которым соглашается автор словаря HED) предлагает в качестве параллели др.-сканд. *kvett* ‘meat’, исл. *kvetti* ‘Fleischstück vom Wal’ (de Vries ANEW: 337), возможно, образование на *-t* от чрезвычайно неясного герм. корня root **kut-* ‘to cut’, нарушающего правила и.-е. фонотактики (т. е. ‘мясо’ как ‘отрезанное’): фарер. *kvetta* ‘hastig abschneiden’, швед. и исл. *kuta* ‘to cut with a knife’, швед. *kuta*, исл. *kuti* ‘knife’, ср.-анг. *cutten* ‘to cut’ (северогерманское заимствование?). С другой стороны, др.-сканд. *kvett* очень похоже на др.-сканд. *kjǫt* ‘meat’, которое должно происходить из чего-то типа виртуального и.-е. **ged̯uo* (также нарушающего правила и.-е. фонотактики); таким обра-

зом, *kvett* может являться той же герм. основой, но с метатезой *u̯*. Ср. также исконное ст.-фран. *couteau* ‘knife’ (источник заимствования?). Итак, реконструкция (северо)германского корня ‘to cut’ остается не до конца ясной, сам корень вряд ли может представлять и.-е. наследие в виду герм. структуры **k-t*, семантический сдвиг ‘to cut’ > ‘meat’ > ‘animal leg’ также не является самоочевидным и нуждается в типологических подтверждениях.[8]

√ *Драв.* ***kuḏuŋ***- ‘thigh’ (юж.-драв. **kUṟ-aŋ*- ‘thigh’, телугу **kuṟuv*- ‘thigh’, колами-гадаба **kuḏg*- ‘thigh’, гонди-куи **kuḏg*- ‘thigh’, сев.-драв. **qosg-ā* ‘thigh’).

→ Соответствия регулярны.

Далее ср. надежно реконструируемое ностр. *ḳudV*- ‘tail’ (Nostret.dbf #595): и.-е. (лат.) ***kaud***-, алт. ***kʻi̯údo(rgV)***, картв. ***ḳwad***-, возможно, урал. *****kuttV*** ‘back’.

15. *kuwattar* / *kuttar* n. *r*/*n*-основа (косв. основа: *kuttan-)* ‘nape of the neck, scruff, top of shoulders; mainstay, support’ (OS+), *kuttan-iya*- ‘herrisch behandeln’ (MS), *kuttan-alli* ‘necklace’ (NS). Я. Пухвел (HED) в заголовке статьи переводит *kuttar* как ‘strength, force, power’, однако при цитации контекстов дает корректный перевод ‘mainstay’. *Д*еноминативный глагол *kuttan-iya*- значит что-то вроде ‘herrisch behandeln’ (скорее, чем ‘to exert power’, как предлагает Пухвел).[9] Анатомическая семантика явно первична.

◊ И.-е. ***K*^{u}*ot-r̥* или **K*$^{u̯}$*ot-r̥*- (~ *-a-)*.

≠ Пухвел, исходя из значения ‘power’, связывает с и.-е. **ĥeu̯ə-*/**ĥu̯ā*- ‘schwellen’ (Pok.: 592 ff.), ср. особо др.-инд. (RV) *śvā-trá*- ‘strong; strength’. Морфологические трудности, однако, при таком подходе не слабее

---

[8] *Л*ат. *carn*- ‘meat’, приводимое в HED, восходит к и.-е. **karən*- ‘meat’ (герм. **xarun-d-a-n* ‘skin, body, flesh’), его связь с и.-е. **(s)kerə*- ‘to cut’ весьма гипотетична (возведение к и.-е. **(s)kerə*- ‘bark, skin’ представляется более предпочтительным решением).

[9] Семантический переход напоминает קְשֵׁה-עֹרֶף (Exodus 33:3) ‘σκληρο-τράχηλος, жестоковыйный’.

семантических, т. к. хет. абстрактный гетероклитический суффикс *-adar* имеет звонкий *-d-*, а не глухой *-tt-*, и косвенную основу на *-nn-* (< **-dn-)*, не на *-ttan-*. Таким образом, *kuwattar* / *kuttar* необходимо трактовать как первичную гетероклитическую основу *kuwatt-ar*.

Интересно лат. *guttur* ‘throat’, которое точно не является исконным.

√ Драв. ***kut**- ‘1 throat; 2 neck’ (юж.-драв. **kut*- ‘neck, throat’; телугу **kut-ik*- ‘throat’; гонди-куи **kut*- ‘neck, throat’).

→ Соответствия регулярны. Семантический переход ‘neck’ > ‘nape of the neck’ возможен, хотя переход в обратном направлении кажется маловероятным.

Далее ср. ‘stomach’ в Nostret.dbf #1311: и.-е. ***g^{w}et**- ‘stomach, abdomen, womb’ (тох., герм., сомнительное лат.), алт. ***gi̯odV** ‘belly, stomach’, урал. ***kütV** ‘middle, inside, interval’. Однако смысловое развитие ‘throat’ <> ‘stomach’ нуждается в типологических подтверждениях.

16. *le* ‘don’t (prohibitive, strong negative, usually expressing wish or command)’. Хет. *le* переводилось как аккад. *la* и было противопоставлено хет. *natta* ‘not (negative of assertion)’ = аккад. *ul*.

◊ И.-е. ***le* или **lVi̯*.

≠ Сравнение с и.-е. **ne* или же с **mē* фонетически невозможно. Не видя другого выхода, некоторые ученые предполагают, что *le* восходит к индо-хет. **ne*, претерпевшему «назальную диссимиляцию» в конструкции *ne=man* > *le=man* (‘don’t’ + частица оптатива *-man*), после чего вариант *le* распространился на другие синтаксические позиции, однако это крайне неубедительное объяснение, т. к., судя по известным хет. текстам, *le=man* отнюдь не являлось доминирующей по частотности конструкцией с *le* (см. CHD L–N); во-вторых, «назальная диссимиляция» — это окказиональный и весьма редкий фонетический феномен в хеттском языке.[10]

[10] Дж. Катц (Katz forthcoming) в попытке подтвердить свою оригинальную этимологию хет. *laḫḫanza* утверждает, что диссимилятивный процесс **n—N* > *l—N* был регулярен для прахеттского. Кроме *le* ‘don’t’, он рассматривает еще три примера, показывающих хет. *l*

√ Урал. ***älä** / ***ala** ‘don’t (prohibitive)’.

Драв. ***al-** ‘negative morpheme (negative of assertion)’.

→ См. Dolgopolsky ND #22, #1342 и Nostret.dbf #1193. *Давно предложенное сопоставление, принимаемое даже некоторыми индоевропеистами.*

На более глубоком уровне связывается с сем. **?al* ‘don’t; not’ и сем. **lā/la?* ‘don’t; not’ (см. Dolgopolsky, с дополнительным кушитским материалом). Вероятно, первичный вид частицы был **la* (сем., анатол.), расширенный с помощью **a-* (драв., урал.), а затем и с помощью **u̯-* (сем., урал., алт.).

17. *mai-/miya-*[hi] ‘to grow, ripen (act.); to be born (med.)’ (OS+), *may-ant-* ‘adult; young male; mighty male’, и другие производные. Пал. *may-ant-* ‘adult male’. *Иер.-лув.* **may-* ‘to grow’ в производных основах.

вместо ожидаемого *n*: 1) *laḫ(ḫ)anza* ‘a k. of duck’ ~ суффиксальное образование от и.-е. **snā-* [**sneH-*] ‘to swim, to wash oneself’ с неожиданным *s*-mobile, т. е. ‘duck’ как ‘swimming’; 2) *laman* ‘name’ ~ и.-е. **nōmn̥* ‘name’; 3) *lammar,* gen. *lamnas* ‘a small unit of time, moment; instantly, immediately’ ~ лат. *nŭmerus* ‘number’. Я. Пухвел (HED L: 50) добавляет четвертый пример: 4) *lam-* ‘to be mixed together’ (если чтение таблички корректно!) ~ и.-е. **nem-* ‘zuteilen; nehmen’ (Pok.: 763 f.). *Две из этих этимологий (laḫ(ḫ)anza и lam-)* весьма слабы и, следовательно, не могут подтверждать собой какие-либо нетривиальные фонетические законы. Сравнение *laman ~ *nōmn̥* бесспорно, однако родственные формы в других ностр. ветвях показывают ту же вариативность *l-/n-* (алт. ***l̓i̯o̯mo(ŋa)** ‘name; spell, divination’ и урал. ***lime** ‘name’ наряду с ***nime**); таким образом, альтернативным решением было бы индо-хет. **lōmn̥*, которое ассимилирует в **nōmn̥* в узко-и.-е. ветви (как и в некоторых урал. языках). Что же касается *lammar*, эта основа произведена от анатол. корня типа **lam-* или **laT-* (ср. геминату *-mm-)* с гетероклитическим суффиксом *-mar*; корневое(!) сравнение с лат. *nŭmerus* в самом деле правдоподобно, и окказиональная назальная диссимиляция *n-m > l-m* может быть принята для данной хеттской основы. Конечно же, в хеттском имеется значительное число слов и морфем с сохраняемой последовательностью *n—N*, как исконных, так и заимствованных. Напр., *namma* ‘then’, *nekna-* ‘brother’, каузативный суффикс *-nin-*, окончание prt. 1 sg. *-nun* и т. д. Для каждого из этих «исключений» Катц эквилибристически предлагает индивидуальные правила, препятствующие его диссимилятивному закону. Я полагаю, что нет необходимости дополнительно критиковать такой методологический подход.

◊ И.-е. ****mō(i̯)-* или ****mā(i̯)-*.

≠ Вряд ли к и.-е. ***mē(i̯)-* ‘to measure’ ввиду семантических трудностей.

*Л*ат. *mātūrus* ‘ripe (of fruit); fully grown, adult (of person); having gone full term, fully developed (of foetus)’, видимо, является неявным этимоном, т. к. его значения точно соответствуют семантике хет. глагола.[11]

√ *Д*рав. ***mā(j)***- ‘great’: юж.-драв. **mā-* ‘great, big’, гонди-куи **māj-* ‘big’.

18. *miyu-/meyu-* ‘4, four’, клин.-лув. *mawa-* ‘4, four’. From MS on.

◊ И.-е. ****mei̯u-*.

√ Алт. ***móju*** ‘all (totus), whole’: тунг. **muja-* ‘whole, all (totus)’, япон. **múina* ‘all (totus), all (omnis)’, кор. **măin* ‘most, extremely, very’.

→ Как подробно показывается ниже в п. 6 этой же главы, праностратическая система счета состояла из трех членов: «**1, 2, >2/несколько/много**». В праиндо-хеттском она была расширена до «**1, 2, 3, >3/ несколько/много**». При дальнейшем развитии системы для нового числового члена (**meyu-* ‘4’) в праанатолийском была использована ностр. основа, сохранившаяся в праалтайском **móju* **‘all (totus)’**.

Соответствия регулярны (за исключением вторичной индо-хет. апофонии **o/e*).

19. *nega-*, *niga-* с. ‘sister’ (OH/MS+), *nek-na-* с. ‘brother’ (гапакс в OS?). Также в композитах, напр., *pappa-nega-* ‘fraternal sister’ и т.п. Элемент *-niga* также известен из ряда каппадокийских женских имен (нач. 2-го тысячелетия до н. э.). Ср. также клин.-лув. *nani(ya)-* (adj.) ‘of a brother’, иер.-лув. *nana-sri-* ‘sister’ (+ *sri* ‘woman’), Lyc. A *nẽne/i-* ‘brother’, которые могут быть как детскими словами, так и этимологическим продолжением анатол. **neG-na-* ‘brother’.

◊ И.-е. ****neGo-* или ****nVi̯Go-*.

---

[11] В. В. Шеворошкин (устное сообщение) добавляет в сравнение и мил. *madr-ane* (inf.) ‘for prosperity/growth(?)’.

≠ Г. Нойманн (с которым соглашается автор словаря HED) сравнивает *nekna-* ‘brother’ с огамическим *ini-gena*, др.-ирл. *in-gen* ‘daughter; girl’, др.-греч. ἔγ-γονος ‘grandson; descendant’, ἐγ-γόνη ‘grand-daughter’, буквально ‘in-born’ (и.-е. **en(i) + *ĝenə-)*. Однако эта народная этимология никак не объясняет морфологию хеттских слов, не говоря о том, что внутрианатолийский анализ указывает на *nega-* ‘sister’ как на производящую основу, в то время как *nekna-* ‘brother’ является вторичным суффиксальным образованием.[12]

√ *Драв.* ***nāg-** ‘(young) female’: (юж.-драв. **nāg-* ‘young female’, телугу **nāg-* ‘damsel’, колами-гадаба **Nāg-v-* ‘female pig’).

→ *Драв.* **-g-* указывает на и.-е. **-gh-*.

Правильно проэтимологизировано в Dolgopolsky ND #1538a (хет. + драв. + афраз.).

Ср. ***nekʿV** ‘friend, younger relative’, однако соответствие алт. **-kʿ-* vs. драв. *-g-* ~ и.-е. **-g-/-gh-* не является регулярным (вынесено в отдельный корень в Dolgopolsky ND #1546: алт. + афраз. + спорный и.-е.).

Ср. также алт. ***ńi̯o̯gè** ‘son-in-law, nephew’.

Должно быть отделено от следующего ностр. гнезда: алт. ***nə́ŋu** ‘female relative (sister or brother’s wife)’ ~ урал. ***ńiŋV** ‘female’ ~ и.-е. ***i̯enH-ter-** / ***i̯nH-ter-** ‘die Frau des Bruders des Gatten’ ~ драв. ***nānḍ-** ‘female relative’.

20. *nink-*[mi] ‘to soak up, be saturated; to get drunk’ (OS[?] и MS+), каузатив *ninka-nu-* ‘to soak, drench; to make drunk’.

◊ И.-е. ***nenK- (~ -i- ~ -Vi̯-)*.

---

[12] Ср., напр., *pes(e)na-* ‘man’ : и.-е. *pes-* ‘penis’; *isna-* ‘dough’ (MS, позднéе *issana-/essana-)* : и.-е. **i̯es-* (др.-в.-нем. *jes-an* ‘to ferment’) и т. д. Что касается нечасто встречающейся деривации ‘sister’ > ‘brother’, ср., напр., тюрк. основу ***siŋil** ‘younger sister’ (известна из многих языков: др.-тюрк. *siŋil*, караханид. *siŋil*, туркм. *siŋli* и т. д.), которая в двух языках расширена суффиксальным *-m*: чулым. *siŋn-im* ‘younger brother’, чуваш. *šъll-ъm* ‘younger brother’ (EDAL: 1224 f.).

≠ Видимо, никак не связано с хет. *ninink-* (**nik-* с инфиксом *nin*) ‘to set in motion’, лит. *su-nìkti, su-ninkù* ‘to go at, assail, apply oneself to’, слав. **-niknǫti* вопреки Пухвелу, который предполагает, что «алкогольное» значение здесь первично (sic!).

√ Драв. ***ninḏ-*** ‘to be full’: юж.-драв. **nIṟ-ai-*, **ninṟ-* ‘to be full’, телугу **neṟ-*/**niṇḍ-* ‘to become full, be fulfilled or accomplished’, колами-гадаба **niṇḍ-* (**-nḏ-*) ‘to be full’, гонди-куи **niṇḏ-* ‘to be filled’, сев.-драв. **nind-* ‘to fill’.

→ Представляется, что драв. кластер **-nḏ-* является одним из возможных рефлексов ностр. **-nK-* (**-ŋ-*), ср. хорошо известное сравнение: алт. ***nə̋ŋu*** ‘female relative (sister or brother’s wife)’ ~ урал. ***ńiŋV*** ‘female’ ~ и.-е. ***i̯enH-ter-*** ‘die Frau des Bruders des Gatten’ ~ драв. ***nānḏ-*** ‘female relative’.[13]

Также ср. формы без носового: алт. ***nìkʿé*** ‘to become sour, ripen’ [тунг. **ńeK-* ~ **niK-* ‘to rot, become sour (of food)’; монг. **negsi-* ‘to rot, become sour’; япон. **nìnkà-* ‘bitter, sour’; кор. **nìk-* ‘to be boiled, ripen’]. Алт. корень хорошо соответствует хет. и драв. материалу семантически, но утрата носового представляется немотивированной.

21. *pak-nu-*mi ‘to defame, slander, denounce’. Редкий глагол, OH/NS. Ясный каузатив на *-nu-* с *a*-ступенью.

◊ И.-е. ***PeK-* (*~ -o- ~ -a-*).

√ Алт. ***pekʿa*** ‘to be confused, embarrassed’: тунг. **peku-* ‘to be confused, annoyed, to feel shy’; монг. **bakar-da-* ‘to be anxious, confused’.

→ Соответствия регулярны.

22. *palwa-* c. ‘vesicle, water blister’ или, скорее, ‘watery fluid of blister’. Известно из одного NH лексического списка, где переводит аккад. *bubuʾtu*

[13] Далее алт. ***ńéŋńi*** ‘East or South (wind), warm season’ ~ драв. ***ńēinḏ-*** ‘day’ (Nostret.dbf #1054).

‘vesicle, water blister’[14]. Т. к. этот словарик выделяет *palwas*, *esḫar* ‘blood’ и *manis* ‘pus’ в отдельную секцию (телесные жидкости?), кажется вероятным, что *palwa-* значит именно ‘watery or serous fluid of blister’, а не собственно ‘water blister’.

◊ И.-е. ***Polu̯o-* (*~ -a-*).

≠ Возможно, но не обязательно связывать с лат. *palūd-* ‘bog, pool’, др.-инд. *palvalá-* ‘pool’. Ср. также построения Я. Пухвела (HED M: 196), который исходит из неправильного чтения *mu-wa-* (вместо *pal-wa-*) и неправильного значения ‘sperm’.

√ Алт. ***bi̯ùjlu (~ -i)*** ‘blood’: тунг. **boldu-* ‘pulse’; монг. **bülüŋ* ‘blood clot’; кор. **píh* ‘blood’.

→ Соответствия регулярны. Упрощение дифтонга в праиндо-хеттском (**ou̯lu̯* > **olu̯*) в соответствии с общими правилами фонотактики.

23. *pankur* n. *r/n*-основа ‘udder, teat’. Хет. *pank-ur* обозначает внешнюю часть тела млекопитающих; по известным контекстам, перевод ‘udder, teat’ представляется единственным осмысленным вариантом. Для некоторых ритуальных пассажей также можно предположить значение ‘milk’ или ‘foremilk’ как результат вторичного семантического значения.

◊ И.-е. ***PonK-* (*~ -an- ~ -n̥-*).

≠ Совершенно точно должно отделяться от омографичной лексемы *pankur* ‘group of related animals or persons; clan’.

√ Урал. ***poŋe(-sV)*** ‘breast, bosom’.

→ Соответствия регулярны. Далее ср. алт. ***pʻòme*** ‘breast, part of breast’ и драв. ***pom-*** ‘to embrace’ (Nostret.dbf #1068).

24. *puss-*^{mi} ‘to be (partly) eclipsed’. Глагол описывает некий неблагоприятный астрономический феномен, связанный с солнцем и луной («the king will die», «the land will become small» и т. д.). Перевод ‘to be (partly)

[14] О значении аккад. *bubuʾtu* ‘vesicle with clear fluid, water blister’ (противопоставленного нарыву с мутным гноем) см. Scurlock & Andersen: 222 ff., 719 fn. 58.

eclipsed’ кажется единственным претендентом, несмотря на тот факт, что более часто затмение обозначается глаголом ‘умирать’.

◊ И.-е. ***Pus-, **PVu̯s-* или ***Pu̯Vs-*.

≠ Традиционно к и.-е. **pau̯-* ‘small’ с расширением *-s*.

√ Алт. ***bi̯ùsí (~ p-)** ‘to hide (intr.)’: тюрк. **bus-* ‘to hide (intr.), lay an ambush’; япон. **pìsə́-ka* ‘hidden, secret’; кор. **pskɨ́-* ‘to extinguish, go out (of fire)’.

→ Соответствия регулярны.

В Nostret.dbf #1502 предлагается сравнивать алт. основу с урал. ***pise** ‘to remain, be stuck’, что семантически крайне спорно.

25. *sarḫuwant-* c. ‘internal organs, intestines, womb; foetus’. OS+. Морфологически может анализироваться как *sarḫu-ant-* или же *sarḫ-want-*.

◊ И.-е. ***sorHu̯- (~ -ar- ~ -r̥-)*.

≠ Ср. армян. *argand* ‘venter, uterus’ (< и.-е. **sr̥Hwn̥t*?? или же скорее заимствование) и тох. AB *sāry* ‘Samen’.

Ср. также др.-греч. ὀρύα (name of a play of Epicharmus), ὀρούα (Hsch.) ‘sausage’; крайне маловероятно, что это слово является исконным.

√ Картв. ***ʒ́arɣw-** ‘sinew’: груз. *ʒarɣv-*, мегр. *ǯerɣw-*, сван. *ǯärɣw*.

→ Хорошее четырехконсонантное сопоставление с регулярными фонетическими соответствиями (в Dolgopolsky ND #2802 для картв. формы предлагаются альтернативные и весьма сомнительные урал. и афраз. этимоны).

Семантический переход ‘gut’ <> ‘intestines’ тривиален. Развитие же ‘sinew’ <> ‘gut’ более интересно, оно может быть проиллюстрировано, напр., семитским материалом: харари *wɔtär* ‘nerve, vein, gut, sinew’ < сем. **wat(a)r-* ‘tendon’ (SED 1: #290); в противоположном направлении: угар. *ksl* ‘lomo, espalda; tendón, nervio; lado, sector’ < сем. **kVs(V)l- ~ *kVc(V)l-* ‘(area between) loins and genitals’ (SED 1: #111).

26. *sasa-* c. ‘(a wild member of the goat family)’, ‘antelope (vel sim.)’. OH/MS+.

◊ И.-е. ***soso- (~ -a-o-)*.

≠ Точно не к др.-инд. *śaśá-* ‘hase’ < и.-е. **k̂aso-* ‘grey’.

√ Алт. ***sési*** ‘deer, wild animal’: тунг. **sesi-n* ‘herd (of deer, wild animals)’; тюрк. **sạs-na-* ‘pig’ (??); япон. **sisi* ‘deer’; кор. **sàsắm* ‘deer’.

Урал. ***ćačV*** ‘herd’.

→ Соответствия регулярны. Nostret.dbf #1682 (алт. + урал.)

27. *sēr* наречие/преверб/послелог ‘above, over’, наречие/преверб/послелог *sarā* ‘up, upwards; above, on top’. OS+. Клин.-лув. *sarra* ‘(up)on; thereon’, *sarri* ‘above; up’. Внутренняя реконструкция говорит в пользу анатолийской именной консонантной основы ***ser*** ‘top’ с аблаутом *e*/∅ (*ser* — это номинатив или «endingless locative», *sara* — застывшая форма аллатива, *sarri* — локатив).

◊ И.-е. ***ser*, ***sr-/sᵛr-*.

≠ Сравнение с др.-греч. ῥίον [ĭ] ‘any jutting part of a mountain, whether upwards or forwards: peak, headland’ (оба значения Hom.+) возможно, если семантика ‘peak’ является первичной. Попытки разделить др.-греч. ῥίον на две лексемы ‘peak’ и ‘headland’ с разной этимологией явно не оправданы.

√ Алт. ***sira (~ -u)*** ‘hill, high mountain’: тунг. **sirk-* ‘1 a small hillock; 2 cape’; монг. **siru-* / **siro-* ‘1 rock, cliff; 2 high mountain’; тюрк. **sɨrt* ‘1 back, spine (of animal); 2 tableland, mountain ridge’.

? Урал. ***śarma*** ‘hole in tent roof’, весьма спорная этимологическая параллель. Более перспективными представляются мордовские формы: E *seŕ(e)*, M *śeŕ* ‘Höhe; Wuchs, Statur’, E *seŕej, seŕev, seŕeŋ, särij*, M *śeŕi* ‘hoch, tief’ (Rédei UEW: 761).

Картв. ***ser-*** ‘hill’: груз. *ser-* ‘hill’ (Чубинашвили), лаз. *sirt-* ‘hill’ (Климов & Халилов). Не включено в Klimov EDKL.

→ Соответствия регулярны.

Правильно проэтимологизировано в Dolgopolsky ND #2104a (и.-е. + урал. ***śarma*** + картв. + афраз.) и Nostret.dbf #1555 (и.-е. + алт. + урал. ***śarma***? + картв.).

28. *sissur* n. *r*-st. ‘irrigation’ (OH/NS+), деноминатив *sissur-iya-* ‘to supply with water, irrigate’ (MS+; с вторичным искажением корня в *ske*-итеративе:

sissiur-i-ske-). Морфологический анализ *siss-ur* наиболее вероятен (девербативный суффикс *-ur*).

◊ И.-е. ***sVi̯s-* или ***ses-*.

≠ Традиционно рассматривается как редуплицированная основа *si/e-sur-* от предполагаемого корня **sur-*, далее к и.-е. **sur-/sou̯r-* ‘sour’, что, вероятно, возможно морфологически, но не очень удачно семантически. Другие предлагаемые ранее этимологии (и.-е. **sei̯-* ‘tröpfeln’ [Pok.: 889] или и.-е. **seso-/*sasi̯o-* ‘Feldfrucht’ [Pok.: 880]) неубедительны фонетически или семантически.

√ Урал. ***śäčä*** ‘flood, high water level in lakes/rivers’ (финно-угор.): саам. *čacce -āʒ-* ‘water; level of water in a river or lake’, хант. *seč* ‘Steigen, Zunahme des Wassers, Überschwemmung’.

→ Соответствия регулярны.

Ср. Dolgopolsky ND #2016 ***Sačу/*śäču*** ‘to scatter, spread about, pour’: афраз. + алт. ***šéčo*** ‘to scatter, pour out’ + урал. (обско-угор.) ***čačV-*** ‘to pour out, sweep’ или ***śäčä*** ‘flood’ + и.-е. (с неправильным хет. этимоном ‘to filter; sieve’). По всей видимости, несколько отдельных корней. В любом случае, очевидно, что хет. *sies(s)ar-iya-* ‘to filter, strain’, *sesar-ul* ‘sieve’, приводимые Долгопольским, произведены от незафиксированного **sie-ssar* ‘sifting’, которое восходит к и.-е. **sēi̯-* ‘to sift’ с хорошо известным хеттским абстрактным суффиксом *-ssar*.

29. *siwi-* ‘sour’ (о хлебе). Гапакс в OS ритуале, соответствующий аккад. *emṣu* ‘sour’ в дубликате.

◊ И.-е. ***seu̯i-*, ***siu̯i-* или ***sVi̯u̯i-*.

√ Алт. ***sìbi*** ‘bitter, bitter plant’: тунг. **sipa* (~ *-b-)* ‘garlic’; монг. **sibag* ‘Artemisia, wormwood’; тюрк. **sibüt* ‘dill, coriander’; япон. **sìmpù-* / **sìpə̀-* ‘1 astringent, tart; 2 salt’; кор. **psɨ́-* ‘1 liver / gall-bladder, gall; 2 bitter’.

Урал. ***šOwV*** ‘to sour’ или же ***čawV*** ‘sour; to become sour’

Картв.: груз. *m-žav-e* ‘sour’ (Климов & Халилов: 318).

→ Соответствия регулярны (возможно, кроме вокализма в урал. и картв. формах).

Правильно проэтимологизировано в Dolgopolsky ND #2788 (картв. + хет. + алт. + сомнительный афраз.).

Ср. также в ностратических семьях корни с исходом на *-r* и близкой семантикой: алт. ***čị̂obeŕV** ‘salt; bitter, acid’, алт. ***sùre** ‘sour, acid, stinking’, и.-е. ***sūr-** ‘sour; raw; damp’ (также и.-е. ***sour-** ‘wet, damp’), драв. ***suvar** ‘salt, brackishness; salty’, картв. ***ć̣ar-** ‘bitter’. Ср. Nostret.dbf #662.

30. *-t*, окончание инструментального падежа.[15] По всей видимости, изначально атематическая морфема, в более поздних текстах приобретает анаптиксис *-i-*: *-it*. В новохеттскую эпоху вытесняется окончанием аблатива *-(a)z*; полностью утрачено в лувийском и остальных анатолийских ветвях.

◊ И.-е. ***-T*.

---

[15] Исходя из интервокального написания с одиночным, а не удвоенным согласным (напр., OS KBo 17.17+ IV 12' *g*)]*i-nu-ta-at-kán*, т. е. *ginut=at=kan* ‘(let him take) it by the knee(s)’, et passim в этом тексте; OS HT 95 5' *ku-un-ni-ta*, т. е. *kunnit=a* ‘but by right (…)’ и т.п.) можно было бы утверждать, что это окончание восходит к индо-хет. **d* или **dh*, не **t*. В действительности же имеются определенные свидетельства, что в хеттском языке конечная позиция была позицией нейтрализации, где все шумные согласные озвончались. Ср. *pa-i-ta-aš* (OH/NS KUB 28.4 obv. 11b, 22b), *pa-a-i-ta-aš* (pre-NH/LNS KUB 24.8 i 29) vs. более редкое *pa-it-t*[(*a-aš*)] (OH/NS KUB 28.5 obv. 15b) = prt. 3 sg. *pait=as* ‘he went’, где окончание *-t* соответствует и.-е. 3 sg. **-t* из вторичной серии. Такая ситуация немедленно заставляет вспомнить хурритский язык, для которого озвончение конечных шумных устанавливается по данным алфавитных текстов из Угарита. Kimball 1999: 302 же, напротив, утверждает, что конечные взрывные в хеттском оглушались, однако ее немногочисленные примеры не слишком убедительны, т. к. во всех этих случаях мы можем предполагать сочетание с энклитикой *-ya* ‘and’, геминирующей конечный согласный. Хеттские слова в угаритских и египетских текстах, к сожалению, никак не помогают в решении данной фонетической проблемы, см. Patri 2009a.

≠ Совершенно неясно, должны ли мы этимологически объединять эту инструментальную морфему с индо-хет. окончанием аблатива *-*d*.[16]

√ Драв. ***-(a)ṭ**, показатель инструментального падежа в группе колами-гадаба (колами *-aḍ*, парджи *-oḍ* < **-aṭ*, салур гадаба *-āṭ*) и брахуи (*-aṭ*); см. Андронов: 144, 148–149, Zvelebil 1977: 19, 32. Окончание инструменталя ***-(a)ṭ** должно отделяться от показателя социатива (комитатива), который имеет вид *-oṭV* или *-oḍV* (Zvelebil 1977: 33) и восходит к корню ***oḍ-** (юж.-драв. **oḍ-* 'together with', телугу **oḍ-* 'to consent, agree'); вариативность *ṭ ~ ḍ* в социативной морфеме, видимо, является результатом позднейшей контаминации с инструменталем на ***-(a)ṭ**.

Картв. ***-(i)t**, показатель инструментального падежа (груз., мегр., лаз.).

→ Ностратический источник хет. окончания был предложен еще А. А. Королевым (Королев 1976: 20). Далее см. Dolgopolsky ND #2651, где объединяются в одно этимологическое гнездо грамматические аффиксы и служебные слова (крайне сомнительная алтайская параллель: тунг. инструментальное окончание должно реконструироваться как *-*ǯi*, см. EDAL: 221).

31. *tagi-* 'another, foreign; alien(?)'. OS+.

◊ И.-е. ***ToGi-* (*~ -a-*).

≠ Традиционно как *ta-* (хет. *ta-* '2, two' или и.-е. **to-* 'that') с суффиксом *-gi-*, однако подобный суффикс неизвестен хеттской морфологической системе.

√ Алт. ***dăgì** 'enemy, alien': тунг. **dagu-r* '1 friend; 2 Daghur; 3 allied kin'; монг. **dajin* 'war; enemy'; тюрк. **jagɨ* 'enemy, war'; япон. **(d)ìkùsà* 'warrior, war'; кор. **tōi* 'barbarian'.

→ Соответствия регулярны. Алт. *-*g-* указывает на и.-е. *-*gh-*.

---

[16] Хет. морфема *-ed(a)-* в аблативных формах личных местоимений: *amm-eda-z* 'from me', *tu-eda-z* 'from thee', *anz-eda-z* 'from us', *sum(m)-eda-z* 'from you'. В узко-и.-е.: др.-инд. *-āt*, авест. *-āṯ, -āδa*, лат. *-ēd, -ōd*, оск. *-úd* (оскские данные однозначно указывают, что этот согласный восходит к **d*, не к **dh* и точно не к **t*).

32. Клин.-лув. *tapp-ani-* c. ‘hair’. MS²+.

◊ И.-е. ***Top-* (*~ -e- ~ -a-*).

√ Алт. ***t'ĕp'á*** ‘tuft (of hair)’: тунг. **teb-* ‘1 rags; 2 tail on shaman’s belt’; монг. **tab*, **tebeg* ‘1 tuft of hair attached to a metal ring (for play); shuttlecock; 2 long hair on back of head’; тюрк. **tepö (-ü)* ‘hill, top; top of head’ [if here]; япон. **tampua* ‘knot of hair on back of head’; кор. **tapar* ‘bundle, bunch’.

→ Соответствия регулярны.

33. *tabus* n. *s*-st. ‘rib; body side; side’; падежные формы используются как локальные наречия. OS+. *Л*ексема представляет собой образование с суффиксом *-s* от незасвидетельствованной *u*-основы (см. Rieken 1999: 197 ff.).

◊ И.-е. ***ToBu-* (*~ -a-*).

√ Алт. ***tèbú*** ‘pelvis, lower part of body’: тунг. **debu(kī)* ‘1 pelvis; 2 lower part of back; 3 side’, япон. **tùmpì* ‘1 vulva; 2 arse’.

? Урал. ***tuppV*** ‘back, spine’.

→ Соответствия регулярны. Хет. показывает то же семантическое развитие, что и некоторые тунгусо-маньчжурские языки.

См. Nostret.dbf #1578 (алт. + урал.).

Ср. также два разных корня в Dolgopolsky ND: #499 ***dubʔV*** ‘back, hinder part, tail’ (афраз. + урал. + алт.); #2286 ***tupʕV*** ‘tail, back’ (афраз. + этот же урал. + сомнительный алт. + сомнительный и.-е.).

34. Анатол. **ti-* (номинатив), **tu-* (косв. падежи) ‘thou’, личное местоимение 2 sg.: хет. *zi-g* (номинатив), *tu-* (косв. падежи), пал. *ti-* (номинатив), *tu-* (косв. падежи), иер.-лув. *ti-* (номинатив), *tu-* (косв. падежи).

◊ И.-е. ***ti-* и ***Tu-*.

≠ В узко-и.-е. языках не обнаруживается никаких следов номинативной основы **ti*, см. Бабаев 2008: 186 ff.[17]

[17] Вопреки Бабаев 2008, алб. nom. *ti* ‘thou’ закономерно восходит к и.-е. **tū*, аналогично алб. *mi* ‘mouse’ < и.-е. **mū-s* и под. (Orel 2000: 11).

√ Алт. личное местоимение * **tʻi** ‘thou’ (sg.) vs. **tʻa** ‘you’ (pl.): только в монг. ветви.

Драв. личный аффикс 2 sg. именного сказуемого ***-ti**.

Ср. урал. (только финно-волжское) **ti* ‘thou’: фин., саам., мар. (Rédei UEW: 539).

→ См. полное обсуждение проблемы в Бабаев 2008: 191 ff. Основа **ti* как ностратическая ретенция в анатолийском была правильно объяснена еще А.А. Королевым (Королев 1976: 20). Основа **tu* не имеет параллелей в других ностр. ветвях и кажется индо-хет. инновацией.

См. Dolgopolsky ND #2312; Kloekhorst 2008: 93 (анатол. + урал.).

35. *tukk-* (med.-pass.) ‘to be visible; to be appointed, defined; to be important, respected’. MS и OH/NS+.

◊ И.-е. ***TVu̯k-*, ***Tuk-* или теоретически ***Tu̯Vk-*.

≠ В и.-е. языках не обнаруживается явных этимонов за исключением формы из Гесихия δεύκω · βλέπω ‘to see’, δεύκει · φροντίζει ‘to consider, reflect’, источник которой неизвестен.

Алб. *duk-et* ‘to appear’ кажется заимствованием из ср.-греч./н.-греч. δοκεῖ ‘to seem’ (Orel 1998: 78).

Хет. хорошо зафиксированная лексема *tuekka-* ‘body (sg.); limbs (pl.)’ может быть этимологически связана с *tukk-* ‘to be visible’, т. к. семантический переход ‘to be visible’ > ‘body’ имеет многочисленные типологические параллели (однако обратное направление развития ‘body’ > ‘to be visible’ кажется невозможным). С другой стороны, несмотря на вокалическую нерегулярность, *tuekka-* ‘body’ может быть сопоставлено с и.-е. ***tu̯ak-*** ‘skin’ (др.-инд. *tvác-* ‘skin’, др.-греч. *σάκος* ‘Schild (aus Leder)’), чье первичное значение было ‘кожа’ (ср. подтверждающие ностр. параллели: алт. ***tʻi̯ű́kʻe*** ‘hair [on body]’, ? картв. ***ṭq̇aw-*** ~ ***ṭq̇eb-*** ‘to skin, flay; hide’ с метатезой; см. Nostret.dbf #208).

Точно не относится к хет. форме и.-е. **dheu̯gh-* ‘berühren, drücken, melken’ (Pok.: 271).

√ Алт. ***tű̯jkʻú*** ‘to make a sign’: тунг. **duKū-* ‘to write’; монг. **doki-* ‘to make a sign’; тюрк. **Tūkrag* ‘symbol of kingship’ [если сюда!]; япон. **túnká-* ‘to

let know, inform'; кор. **tjək-* 'to note down, to write' (дифтонг **ūj* вместо монофтонга *ū* реконструируется на основании дифтонга **jə* в кор.).

? Картв. ***tkw-*** 'to speak, say' или ***ṭq̇w-*** 'to recognize, notice'; метатеза *w* и ассимиляция в консонантном кластере.

→ Хет. ауслаут *-kk-* вместо ожидаемого ***-kku-* (и.-е. ***-kᵘ* в соответствии с алт. **-kʻu*) не должен нас смущать, т. к., по всей видимости, последовательность **V̯uK̯ᵘ* диссимилировала в **V̯uK̯* в индо-хеттском праязыке: кажется, нет ни одного надежного индо-хет. или узко-и.-е. корня с сочетанием **V̯uK̯ᵘ*, за исключением ***auk*ʷ-** (~ ***-kh*ʷ-**) 'oven, cooking pot' (Piet.dbf #17; Pok.: 88).

Ср. Nostret.dbf #760 ***tVjḳV*** 'show, point at' (и.-е. ***deiK̂-*** 'to show', алт. ***tű̯jkʻú*** 'to make a sign', урал. ***täkkV*** 'to look, observe', ? картв. ***ṭq̇w-*** 'to recognize, notice') и Dolgopolsky ND #2257 ***tiḳ[ü]*** 'to show' (и.-е. ***deiK̂-*** + картв. ***tkw-*** 'to speak, say' + очень спорное алт. + афраз.). По всей видимости, более чем два разных ностратических корня. Ср., напр., многообразие и.-е. корней сходного вида: ***deK̂-*** 'to acquire, gain; respect, thank' [Piet.dbf #1879, некоторые формы должны быть исключены; WP I: 782]; ***dok-*** 'to teach, to show' [Piet.dbf #1881; WP I: 782]; ***deḭK̂e-*** (~ ***-ĝ-***?) 'to show' [Piet.dbf #1869; WP I: 776].

Огласовка *u* в анатол. форме вынуждает нас трактовать хет. *tukk-* и алт. ***tű̯jkʻú*** как отдельный ностратический корень ***tu(i̯)ḳV-*** 'to make visible; to be visible (med.-pass.)'.

36. Иер.-лув. *uni-* 'to know; to recognize', каузатив *uni/a-nu-* 'to cause to know'. Ср. также клин.-лув. *unai-* 'to know(?)'.

◊ И.-е. ***u̯Vn-* или ***un-*.

√ Драв. ****un-*** 'to think, consider': юж.-драв. **un-* 'to think, consider', телугу **uŋ-k-* 'to consider', брахуи *hunn-ing* (*hur-*, *hutt-*) 'to look, look at, look for, wait for, consider'.

→ Соответствия регулярны.

37. *wakk-, wakk-ar-* ‘to be absent, lack; to defect’. MH/NS+. Ср. *waks-iya-*[mi] ‘to be scanty, scarce’ с неясной суффиксацией *-s-*, если основа восходит к этому же корню.

◊ И.-е. ***û̯ok-* или ***û̯ak-* (~ **-k̂-*).

≠ Сравнение с лат. *vacō, vacāre* ‘to be empty’, предложенное Н. Эттингером, никак не может быть отвергнуто (несмотря на ларингалистские возражения в EDHIL: 941).

√ Алт. ***ukʿi (~ -e)*** ‘to die, be hungry’: тунг. **(x)uk-ti-* ‘to be hungry’; монг. **ükü-* ‘to die’.

→ Соответствия регулярны.

38. **wanta-* ‘heat; hot’ в производных *want-ai-*[mi] ‘to heat, warm; to be angry’, *want-ess-*[mi] ‘to become hot’, *want-emma-* c. ‘heat’, редупл. *wante-want-* ‘lightning’ и др. MH/NS+. Ср. также клин.-лув. *wantaniya-* ‘flaming, blazing(?)’. В EDHIL: 954 ff. предлагается перевод ‘to glow, to light’, однако я полагаю, что даже контексты, приводимые в EDHIL, говорят в пользу старого перевода ‘to heat, warm’.

◊ И.-е. ***û̯onTo-* (~ *-a-*) или теоретически ***û̯n̥To-*.

√ Урал. ***onta*** (***Onta***) ‘warmth, heat’.

Картв. ***ɣwent-*** ‘to melt’: груз. *ɣvent-* ‘to melt’, мегр. *ɣvant-* ‘to melt’, сван. *ɣwēnt(il)* ‘drop’.

? Драв. ***vanḏ*** ‘to cook’: телугу **vanḍ-* ‘to cook, dress, boil, prepare’, коламигадаба **vanḏ-* ‘to cook’, гонди-куи **vanḏ-* ‘to cook’.

→ Соответствия стандартны, за исключением картв. **ɣw-* ~ анатол. **û̯-*, где можно было бы ожидать анатол. ***ḫû̯-*. Это же соответствие ср. в картв. ***ɣwer-*** ‘to pour’ ~ анатол. **wer*/**wor* ‘water’ (клин.-лув. *war* ‘water’ ~ узко-и.-е. ***(e)wer-*** ‘water’): фонетический закон?

Ср. также другую хеттскую лексему с близким значением, но отличным анлаутом: архаичная *s*-основа *ḫantais* {ḫanta-i̯-es} n. ‘heat’ (OS+), связываемая с др.-ирл. *and-* ‘to kindle’.

Dolgopolsky ND #738 (урал. + картв. + неправильно хет. *ḫantais*).

39. *warḫui-* (*i*-основа) ‘overgrown (of road, mountain), hairy (of skin), with thick leaves (of tree)’. MS и OS/NH+.

◊ И.-е. ***u̯orHu-* (*~ -a-)*.

√ Алт. ***ŭ́ro (~ -u)*** ‘to grow’: тунг. **ure-* ‘1 to grow; 2 sprout; 3 bush’; монг. **urgu-* ‘to grow’; тюрк. **ur* ‘growth, excrescence’; япон. **úrá-* ‘to ripen’; кор. **ōr* ‘early ripening’.

→ Соответствия регулярны. Монг. форма на **-rg-* (*-g-* трактуется как суффикс в EDAL) исключительно интересна в виду хет. *-rḫ-*. Dolgopolsky ND: 11 предполагает монг. **-g-* и **-g-*(?) как возможные соответствия индо-хет. **-H-*, однако мне не удалось найти ни одного надежного примера на подобное соответствие в материалах Долгопольского.

40. **warka-* с. ‘fat’ в производных *wark-ant-* ‘fat (adj.)’, *wark-es-* ‘to become fat’, *warka-nu-* ‘fatten (tr.)’. OH/MS+.

◊ И.-е. ***u̯orK-* (*~ -a-)* или теоретически ***u̯r̥K-*.

≠ Иногда хет. корень сопоставляют с и.-е. **wer(ə)ĝ-* ‘strength, force’: др.-инд. *ū́rj-*, *ūrjā́* f., *ūrjá-* m. ‘power, strength, vigor, sap’, *ūrjá-* ‘strong, powerful, eminent’, др.-греч. ὀργή ‘seelischer Trieb, Sinnesart, Charakter, (heftige) gemütsbewegung, Leidenschaft, Zorn’, др.-ирл. *ferc, ferg* ‘Zorn’ (Pok. 1169, WP I 289, Piet.dbf #1226, Nostret.dbf #1162). Однако же лувизм *:warku(i)-* ‘wrath, anger (vel sim.)’, снабжаемый в хет. текстах глоссовым клином, является намного более вероятным анатолийским этимоном и.-е. **wer(ə)ĝ-*.

√ Алт. ***i̯ŭ́rgi*** ‘fat; brain’: тунг. **irg[ü]* ‘1 brain; 2 head’; тюрк. **ūŕ* ‘fat’.

→ Соответствия регулярны. Тунг. показывает семантическое развитие ‘fat’ > ‘bone marrow’ > ‘brain’.[18]

[18] Полисемия ‘bone marrow’ ~ ‘brain’ часта в языках мира. К более редкому переходу ‘fat’ ~ ‘bone marrow’ ср., напр., аккад. *lipû* ‘1. adipose tissue, fat, tallow; 2. bone marrow; 3. pitch’ < сем. **li/apV*ʔ- ‘fatty, fleshy tissue’ (SED 1 #180); или же в другом направлении: сем. **muḫḫ-* ‘brain’ (SED 1 #187) > др.-евр. *mōăḥ* ‘bone-marrow’, финик. *mḥ* ‘fat, rich’ (adj.), др.-евр. *mēăḥ* ‘fatling’.

41. *warra/i-* c. ‘aid, help; auxiliary’, деноминатив *warrai-*^{mi} / *urrai-*^{mi} ‘to help’, *warr-essa-* ‘to provide aid’ (MS+). Клин.-лув. *warraḫit-* ‘aid, help’

◊ И.-е. ***u̯orH…* (*~ -a-)* или теоретически ***u̯r̥H…*

Анатол. *-rr-* указывает на исходный кластер, который мог содержать **ḫ*, т. е. **rḫ* > *rr* в интервокальной позиции *a_a*(?), ср. Melchert AHP #4.1.6.1.1.3.

≠ Вероятным соответствием является узко-и.-е. корень ***u̯erŭ-* (**u̯erHu-)** ‘to defend, to guard; to cover, to close’ (др.-инд. *varū-tar* ‘defender’ и т. д.; WP I: 280; Pok.: 1161).[19]

Видимо, хет. *warra/i-* не связано с и.-е. ***u̯er-*** ‘to observe, watch’ (WP I: 284; Pok.: 1164). К ***u̯er-*** ‘to observe’ ср. хет. *werida-* ‘fear’ (особенно лат. *vereor* ‘to show reverence or respect for; to fear’).

√ Драв. ***ūṛ-i-*** ‘service; to serve’: юж.-драв. **ūṛ-i-* ‘service’, телугу **ūḍ-i-* ‘service, drudgery, slavery’.

Урал. ***warV*** ‘to guard; to wait’: отмечен только в угорских языках (манси *ōr-*, *ūr-*, *ur-* ‘warten, sich hüten; hüten’ и т. д., венг. *vár-* ‘warten, erwarten, harren’).

→ Соответствия регулярны. Хет. значение почти точно совпадает с драв., в то время как урал. и узко-и.-е. показывают семантическое развитие ‘to help’ > ‘to protect’.

Nostret.dbf #1621 (драв. + урал. + необоснованно и.-е. ***u̯er-*** ‘to observe’).

---

[19] Если так, то фонетическое развитие в хет. **u̯erHu̯o-* > *warra-* напоминает хет. атематический глагол *tarḫ(u)-*^{mi} ‘to conquer, to be able, etc.’:

1) *tarḫu-* в древнейших текстах (OS),

2) вторичное *tarḫ-* в более поздних текстах как результат унификации типов атематического спряжения (*-rḫ-* сохраняется, т. к. в основных парадигматических формах интервокальная позиция не представлена) и, наконец,

3) тематический med.-pass. *tarra-* (MH/NS+) ‘to be able’ с геминатой *-rr-*.

Глагольная основа *tarḫ(u)-*/*tarra-* восходит к и.-е. ***terHu-***, особенно ср. др.-инд. реликтовое *taru-te* (prs.) ‘to pass’ и другие аналогичные формы с *-u-*.

1.3. Спорные этимологии

42. **ḫassu-* с. ‘king’ в различных производных. OH+.

◊ И.-е. ***Hosu- (~ -a-)*.

≠ Традиционно **ḫassu-* производится от хет. *ḫass-* ‘to born’ и *ḫassa-* ‘progeny’. Типологически ср. герм. **kuninʒaz* ‘king’ и **kunjan* ‘clan, tribe, race, generation, etc.’, которые, как считается, восходят к и.-е. **ĝn̥i̯o-* от корня ‘рождать’.

√ Драв. ***aǯǯ-** ‘father, ancestor’.
Алт. ***ačV** ‘elder relative, ancestor’.
Урал. ***äćä** ‘father’.

→ Этимология предложена в Dolgopolsky ND #797 (драв. + алт. + урал. + хет.); Nostret.dbf #984. Ностратическая основа является очевидным детским словом.

43. *ḫe(y)u-* с. ‘rain’ (OS+), также в ряде производных. Морфологически, вероятно, тот же тип основы, что и *meyu-* ‘4’ < Anat. **me̯i̯u-* (см. выше №18).

◊ И.-е. ***He̯i̯u-*, ***He̯i̯u̯-*.

≠ Традиционно пытаются связать с тох. AB *su*, *swā-s-* ‘to rain’, др.-греч. ὗει ‘to rain’, предполагая и.-е. **sH-* с неожиданным *s*-mobile. Альтернативная этимология: и.-е. **ĝhe̯u̯-* ‘to pour’ с нерегулярной фрикативизацией **ĝh* > *h* в анатолийском.

√ Картв. ***ɣiw-** ‘to cry, weep’: груз. *ɣiv-*, мегр. *ɣi-*.

→ Хет. основа имеет любопытные афраз. этимоны: егип. *ḥw.t* ‘rain’ и чадские формы (сири *hwíí*, сомри *ʔwā* и т. д.) с той же семантикой (Takács EDE I: 46). Этот факт указывает на то, что значение ностр. основы было именно ‘rain’. Что касается картв. ‘to weep’, то фонетическое сопоставление картв. ***ɣiw-** и хет. *ḫeyu-* идеально, но семантическое соответствие не является самоочевидным. Лингвистической типологии известно много случаев, когда слова ‘rain’ и ‘to cry’ происходят от одного и того же корня со значением ‘to pour’, однако же семантическая деривация ‘rain’ > ‘to cry’ нуждается в типологических параллелях. В качестве редкого примера ср. похожую деривацию в енисейских языках:

енис. основы *__xura__ ‘wet’ и *__xur(a)-gV__ ‘to wash’, видимо, восходят к енис. *__xur__ ‘rain’ (Yenet.dbf #772–774).

Ср. Dolgopolsky ND #2611 (хет. + афраз.).

44. *kaga-* с. ‘tooth’. MS+.

◊ И.-е. ***KoGo-* (~ *-a-*).

≠ Возможным этимоном является и.-е. **kŏgo-*, реконструируемое на основании герм. **xak-ōn* ‘hook; bolt’, **xōka-z* ‘hook; angle’ (Orel 2003: 154).[20] Оба направления предполагаемого семантического развития возможны: ‘hook’ > ‘fang’ > ‘tooth’ / ‘hook’ > ‘bolt’ > ‘tooth’ или же наоборот ‘tooth’ > ‘hook’. Исходя из общих соображений, первичным должно быть скорее хет. анатомическое значение.

√ Ср. алт. *__kʿi̯ù̯ge__ ‘palate, jaw’: тунг. **xūkte* ‘tooth’; монг. **köɣemej* ‘1 throat, pharynx; 2 chest part of animal skin’; тюрк. **Kögme* ‘gum (of tooth)’; япон. **k(ù)i* ‘fang’; кор. **kàhúm* ‘jaw’.

Или же алт. *__kekʿV__ ‘palate, throat’: тунг. **kexere* ‘hard palate’; монг. **kekü-* ‘1 throat cavity; 2 upper part of body, thorax’; тюрк. **gekir-dek* ‘throat, trachea, cartilage’.

→ Сравнение с алт. материалом семантически соблазнительно, однако фонетические соответствия между алт. и анатол. формами нерегулярны (нерегулярен вокализм в случае алт. *__kʿi̯ù̯ge__ и консонантизм в случае алт. *__kekʿV__).

Ср. также большое число корней вида *KVKV* со значением ‘hook’ или ‘peg’ в праязыках ностратической макросемьи.[21]

---

[20] Также ср. этимологически неясное слав. **kogъtь* / **kokъtь* (~ *-ъ*) ‘коготь (вост.-слав.); колючка, шип (зап.-слав.)’. Возможно, что вторичен вариант с **-g-*, произведенный по аналогии с **nogъtь*. Даже если первично **kogъt-*, корень не может быть напрямую сопоставлен с герм. формами по причине нарушения закона Винтера.

[21] Напр., алт. *__gékʿá__ ‘hook, bend’, *__gŭ̀kʿà (~ -o-)__ ‘curve, hook; to cling to’, *__kʿōkí__ ‘hinge, hook’; драв. *__kok-__ ‘beak, bill’ и т. д.

45. *kamm-ara-* c. ‘mist, fog; shade; swarm (of bees)’. OS+.

◊ И.-е. ***Ko/a…* Устойчивое написание через *-mm-* указывает на старый кластер **Tm* или **mn*.

≠ Традиционно связывают с и.-е. **k̂em-* ‘to cover, to hide’ или с и.-е. **kem-* ‘to compress’ (HED K: 36), что спорно семантически и не объясняет геминату *mm* в хет. форме.

√ Урал. ***kümtV-** ‘fog, smoke’ (ОСНЯ 1 #187; Dolgopolsky ND #1067; реконструируется как **küntV-* в Uralet.dbf #312)

→ Этимология предложена в Dolgopolsky ND #1067, где хет. *mm* < *Tm* < *mT* в результате метатезы. Далее см. формы с назализацией (Nostret.dbf #581): алт. ***kˈĕdò** ‘wind, fog’, спорное и.-е. ***k(ʷ)ed-** ‘smoke’. Долгопольский добавляет в сравнение картв. ***ḳwam-/ḳwm-** ‘to smoke (intr.)’ и афраз. материал.

46. *kutt-* с. ‘wall’. Клин.-лув. *kuttassar* ‘walling, wals’, иер.-лув. *kutasara/i-* ‘walls’.

◊ И.-е. ***KVu̯t-* или ***kᵘ̯Vt-*.

≠ Образование на *-t* от и.-е. **ĝheu̯-* ‘to pour’, т. е. ‘стена’ < ‘насыпь’? Вряд ли к и.-е. **kot-* ‘shed, hut; room’ ввиду анатол. огласовки **-u-*.

√ Драв. ***gōḍ-** ‘wall’: юж.-драв. **gōḍ-ai* ‘wall’, телугу **gōḍ-a* ‘wall’, коламигадаба **goḍ-* ‘wall’.

→ Соблазнительно, однако консонантное соответствие драв. **ḍ* ~ и.-е. **t* нерегулярно.

Возможный сев.-кавк. источник хет. слова был предложен в Николаев 1985: 63 — сев.-кавк. ***ɋwĭndə̆** ‘wall, fence’ > ав.-анд. **ɋ:ʷindV* ‘wall’, цез. **qɨd* (~ *-e-, -ə-)* ‘wall’, лак. *q:at:a* ‘house, room’, зап.-кавк. **ӄIʷV(n)da* ‘fence’. Предположение о заимствовании кажется весьма правдоподобным.

47. *mask-an* n. ‘bribe (given to officials); propitiatory gift (given to gods)’, итератив *maski-ske-* ‘to give presents to gods(?)’ (гапакс). MH/MS+.

◊ И.-е. ***mosK-* (~ *-a-)*.

≠ Я. Пухвел (HED) анализирует *mask-* как глагольную основу, содержащую застывший итеративный суффикс *-ske-*, т. е. **mag-ske-*, далее к и.-е. **mVgh-*, восстанавливаемому на основании др.-инд. *maghá-* ‘gift’, авест.

maga- ‘(sacrificial) offering(?)’. В действительности же прахеттский сохранял кластер *-ksk-*, который в дальнейшем разбивался анаптиксом: напр., *ḫueg-/ḫug-* ‘to say an invocation’[22] + *-ske-* > **ḫukske-* (с оглушением последнего согласного корня) > хет. *ḫukkiske-;* подробнее о морфонологии феномена см. Kassian & Yakubovich 2002: 37 ff. Таким образом, прахетт. **mag-ske-* должно было бы дать что-то вроде ***makkiske-*, а не *maske-*.

√ Урал. ***maksa*** ‘to give; to offer (a price)’ (только в финно-волжских): фин. *maksa-* ‘zahlen, bezahlen; kosten’, эст. *maks* ‘tax; toll’, саам. *mak’se-*, *maksē-* ‘to pay; payment’ (если не заимствование из фин.), морд. **maksu-* ‘geben; bieten (einen Preis)’.

→ Сравнение кажется приемлемым фонетически и семантически, если мы предположим метатезу в консонантном кластере для хеттского или прауральского.

48. *parstu-* c. ‘leaf, foliage’ (точно не ‘dub’, по всей видимости, и не ‘sprout/shoot’, см. контексты в CHD). OS+. Вероятно, основное слово для листа (ср. также скудно засвидетельствованное *ḫurpasta-/ḫurpusta-* ‘leaf, (onion) peel’).

◊ И.-е. ***PorsTu-* (*~ -a-*) или ***PṛsTu-*.

≠ Интересны слав. **brъstъ/ъ* ‘молодой побег, почка’, др.-сакс. *brust-ian* ‘aufbrechen, Knospen treiben’ (Heliand), нем. *Brust* ‘breast; rupture; dub’, если они не восходят к герм. **brust-* ‘to break’ (Köbler GWb, s.v. **brusti*–2; возможно, следует отделять от герм. **brust-z* ‘breast’). Слав. и герм. данные указывают на и.-е. ***bhrust***-.

В поисках альтернатив можно пытаться сравнить хет. основу с герм. **berst-* ‘to burst, break’, однако **berst-* кажется внутригерманским метатизированным вариантом герм. корня **brest-* (Köbler GWb, s.v. **brestan*).

√ Картв. ***purć***- ‘husks, foliage’ (Klimov EDKL: 207): груз. *purc-el-* ‘leaf, foliage’, мегр. *purča* ‘chaff, husk’, лаз. **purč-* ‘a k. of weed’: *purča* ‘sweet

[22] И.-е. **Hu̯egh(u̯?)-*, HED H: 327.

corn ear’ (Benli Laz), *purčumoli* ‘edible sloe’ (Mapp 1910: 180) и т. д. Ср. также картв. глагол ***prć-wn-*** ‘to peel’: груз. + мегр.

→ Не очень надежно ввиду двусмысленности картв. данных. Следует обратить внимание на соответствие картв. **-ć-* ~ хет. *-st-*.

Более рискованно Dolgopolsky ND: хет. корень *par-* к ностр. #1767 ***porV*** ‘leaf’ (и.-е. + алт. ***púre*** ‘leaf, bud’ + скудные драв. + афраз.) или #232 ‘bud, leaf’ (хет. + урал. ***pärV*** ‘bud’ + афраз.).

49. *pul* n. ‘lot, lottery, жребий’.

◊ И.-е. ***PVu̯l-* или ***Pu̯Vl-*.

≠ Возможно, должно рассматриваться как культурное слово. Ср. аккад. *pūru* ‘lot, portion, plot, parcel; lot, lottery’.

√ Алт. ***pʿŭle (~ -i)*** ‘to be left, surplus’: тунг. **pule-* ‘to be left, surplus’; монг. **hüle-* ‘1 surplus, to leave; 2 more than; 3 remain, get left’; тюрк. **üle-* ‘1 to divide, distribute, endow; 2 lot, endowment’.

→ Сомнительно.

50. *purutt* n. ‘1 mud, silt, sludge in its natural form; 2 finished mud ready to use for walls, roofs, etc., mudbrick; 3 dry earth, soil in its natural form’. MS и OH/NS+. Представляется темным с морфологической точки зрения и выглядит скорее как заимствование (лувизм или хурризм). Предположение о заимствовании особенно вероятно, если terminus technicus было первичной функцией *purutt*. Ср. Rieken 1999: 160 ff., где *purutt* рассматривается как исконно хеттское образование.

◊ И.-е. ***Purut-* или то же, но с ***Vu̯* / ***u̯V*.

≠ Наиболее приемлемая и.-е. этимология — это сопоставление с др.-греч. φύῤῥω ‘to mix smth. dry w. smth. wet’ (так Я. Пухвел).

√ Драв. **bu̲rad-* ‘mud’: юж.-драв. **burud-* (**-r̲-*) ‘mud’, телугу **burad-* ‘mud, mire’, колами-гадаба **burd-* (**-r̲-*) ‘mud’, гонди-куи **bu̲rd-* ‘mud’.

→ Ненадежно ввиду двусмысленности хет. основы.

В любом случае должно отделяться от Nostret.dbf #39 ‘dust, ashes’: драв. ****buṛud-*** ‘dust, ashes’ ~ алт. ****bŏ̋ru (~ -a, -o)*** ‘dust; smoke, whirlwind’ ~

урал. *__pora__ ‘dust’ (SKES 605) ~ картв. *__bur(ɣw)__- ‘dust’ ~ слав. **būrjā*, лат. *furō* ‘to be out of one’s mind; to rage with anger’.

51. *sanḫ*-^{mi} ‘to clean, sweep’. OS+.

◊ И.-е. ***sonH* (~ *-a-)* или ***sn̥H*.

≠ Швебеаблаутный вариант и.-е. **snaH*- (др.-инд. *snāti* ‘baden’, лат. *nāre* и т. д.)?

√ Алт. ***šàŋu** ‘clear, light’: тунг. **šā(ŋ)*- ‘white, become white’; монг. **čaŋ* ‘1 whitish, blond, grey (of hair); 2 white colour’; тюрк. **čAŋ* ‘1 morning dawn; 2 mist’; япон. **sùm*- ‘to become clear, limpid’.

→ Сравнение необязательно в силу слишком общей семантики. Необходимо отметить соответствие М. Живлова: алт. **ŋ* ~ индо-хет. **nH* (Живлов 2007). Следовало бы ожидать, однако, хет. *-ḫu*- в соответствии с алтайским исходом **-u*. Также ср. Dolgopolsky ND #323, где предлагается крайне маловероятное этимологическое решение.

52. ***-**sara*- ‘woman’ (в композитах; известно с каппадокийской эпохи), клин.-лув. **asra/i*- ‘woman’ (в производных).

◊ И.-е. ***sor/**osr*- (~ *a*).

√ Алт. ***sara (~ *sero, *sura, *si̯ora, *z-)** ‘monkey’: монг. **sar-magčin*, **sar-bačin* ‘monkey’; япон. **sàrû* ‘monkey’.

→ Семантический переход недоказуем: ‘woman’ < *’girl’ > ‘monkey’ или же ‘female’ > ‘female monkey’ > ‘monkey’, поэтому сравнение весьма сомнительно.

Альтернативно может быть сравнено с картв. ***zur**- ‘female’ — семантически точно, но фонетически неудовлетворительно, т. к. картв. **z*- должно соответствовать индо-хет. *∅-*.

53. *takkani*- ‘breast (human male, animal)’ (OS+). Вроятно, хет. *takkaliya*- ‘to embrace’ (OS+) содержит этот же корень **takk*- ‘breast’, оформленный другим суффиксом.

◊ И.-е. ***Tok*- (~ *-a*- ~ *-k̂-)*.

√ Драв. ***ḍok-*** (i.e. ****V̀ḍok-***?) ‘breastbone; chest; belly’: телугу **ḍokk-* ‘skeleton, belly’, колами-гадаба **ḍok-* ‘bone’, гонди-куи **ḍok-* ‘breastbone, chest’.

→ Вокалическое соответствие драв. **-o-* ~ индо-хет. **-o-* может быть регулярным, однако анлаут **ḍ-* в драв. форме должен указывать на неисконный характер корня или же на утрату начального гласного (****Vḍok-***).

Николаев 1985: 64 (повторено в Ivanov 1988: 140) трактует хет. *takkani-* ‘breast’ как сев.-кавк. заимствование: нах. **doḳ* ‘heart’ (< сев.-кавк. ****jĕrḳwĭ*** ‘heart’). Такая гипотеза привлекательна фонетически, однако не слишком вероятна по общим соображениям. Действительно, в хет. словаре находится небольшое количество пранахских заимствований, однако все они принадлежат к культурной лексике. Нам ничего не известно о пранахско-хеттских контактах, столь интенсивных, чтобы сделать возможным заимствование сводешевских слов.

54. (:)*tissai-, tessai-*^{mi} ‘to give right shape, to ready; to form up and march forth (e.g., troops)’. NH; иногда снабжается глоссовым клином, следовательно, должно оказаться лувийским заимствованием. Ср. клин.-лув. *tis(s)ai-* ‘id.?’

◊ И.-е. ***TVi̯s-*.

√ Алт. ****dasa*** ‘to regulate, govern’: тунг. **dasa-* ‘to govern, regulate’; монг. **das-* ‘to get accustomed’; тюрк. **jAsa-* ‘1 to determine, govern; 2 to create’; кор. **tàs-* ‘1 to govern, regulate; 2 to improve, order, correct’.

→ Вокалическое соответствие и.-е. **Vi̯* ~ алт. **a* нерегулярно.

55. *wag-*^{hi} ‘to bite, bite off’, также в ряде производных. OS+.

◊ И.-е. ***u̯oG- (~ -a-)*.

≠ Не может быть отделено от др.-греч. ἄγνῡμι ‘to break, shiver’ и тох. AB *wāk-* ‘burst (intr.), split apart’, каузатив ‘split, separate’ < и.-е. **u̯ag- (~ -ĝ-)*.

√ Алт. ****ágà (~ e-)*** ‘mouth, to open mouth’: монг. **ag-* ‘1 cave, grotte, pit; 2 crack’; тюрк. **Agɨ́ŕ* ‘1 mouth; 2 lip, lips; 3 mouth of a river, of a cleft’; япон. **ákúp-* ‘1 to yawn; 2 yawn’; кор. **hà-* ‘yawn’.

→ Заманчиво семантически, однако вокалические соответствия нерегулярны: можно было бы ожидать алт. **u-/o-* в случае и.-е. **u̯V-*.

56. *wattai-* c. ‘bird (in general?)’.

◊ И.-е. ***u̯ot- (~ -a-)*.

√ Драв. ***ōḍ-** ‘bird (in general); quail’: только сев.-драв. **ōṛ-ā*.

→ Соответствие и.-е. **-t-* ~ драв. **-ḍ-* нерегулярно.

2. Анатолийское числительное **meyu-* ‘4’, его этимология и реконструкция праиндоевропейской системы числительных

3.1. По всей видимости, архетипическая человеческая система счета имеет следующий вид:

- ‘этот один’, ‘>1, несколько/много’
- ‘1’, ‘2’, ‘>2, несколько/много’
- ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘>3, несколько/много’
- или, возможно, ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘4’, ‘>4, несколько/много’

Сегодня такие системы отмечаются в ряде традиционных культур Амазонии, Южной Африки, Папуа и подобных регионов (примеры см. в Greenberg 1990, с лит.). Когда изменившаяся экономическая ситуация диктует расширение системы счета, увеличение количества членов счетного ряда может идти тремя путями:

- использование нечисловых лексических единиц в числовом значении (напр., метонимия с частями тела[1] или редкая «братская» система [«fraternal» strategy][2]);
- заимствование числительных из соседнего языка или из *lingua franca*;
- построение новых числительных на базе первичных с помощью математических операций (сложение, более редко вычитание и умножение; 2-, 3-, 4-, 5-, 6-чные системы счета типологически хорошо засвидетельствованы, см. Lean 1992 с лит., Greenberg 1990 с лит.) или, как в эскимосских языках, с помощью слов/аффиксов со значением ‘вдобавок к’, ‘на другой руке’ и т.п.

---

[1] ‘Глаза’ > ‘2’ (в языках Dâw и Hupdë [= Hup], см. Epps 2006) или широко распространенный сдвиг ‘(левая) рука’ > ‘5’.

[2] Выражение «has a brother/sibling/companion» для четных числительных больше ‘3’ и «has no brother/sibling» для нечетных больше ‘3’ в некоторых языках семьи маку (Maku/Nadahup) или языке тукано (Epps 2006).

Конечно же, известны многочисленные случаи, когда эти методы сосуществуют внутри одного языка:

- В рамках единой системы счета. Напр., язык гадагу (Австралия) имеет непроизводные слова для ‘1’ и ‘2’, ‘3’ — это ‘2+1’, в то время как ‘5’ произведено от слова для ‘руки’ (Harvey 1992: §8.5.6). Наро (центральнокойсанская семья) имеет 10-чную систему, где ‘1’—‘3’ представлены непроизводными формами, ‘4’—‘10’ заимствованы из языка нама, но для ‘5’ и ‘7’ могут быть использованы и исконные слова ‘рука’ и ‘указательный палец’, параллельно с заимствованиями из нама (Visser 2001; более архаичный этап развития числительных в нама описан в Schniz 1891: 545);
- Как параллельные системы, распределенные, напр., прагматически. Хорошим примером служит язык харуаи (Haruai < Trans-New Guinea), где отмечены четыре системы счета (Comrie 1999):
  a) абстрактная система ‘1’, ‘2’, ‘2+1’, ‘2+2’, ‘>4, много’;
  b) система, основанная на частях тела, от ‘1’ до ‘18’ (или даже до ‘36’);
  c) чистая 10-чная система, заимствованная из ток-писина (англ. креол);
  d) система английского языка, адаптированная к местному произношению (т. е. современная система ток-писина).

Вопрос, какого рода нечисловые лексемы могут использоваться для расширения числового ряда, требует, однако, отдельного изучения. Хотя метонимия с частями тела (напр., с рукой или пальцами) и является наиболее распространенным методом, другие сценарии также возможны.

3.2. По материалам Tower of Babel Project, для праностратического языка можно реконструировать числительные ‘1’ и ‘2’.

Ностр. ***VrV** ‘1’ >
Урал. (финно-угорское): **erä* ‘part, single, 1’;
Картв.: **ert-* ‘1’;
Драв.: **or-* ‘1’.

Ностр. ***UdV*** ‘1’(?) >

И.-е.: **edh-* (> слав. **ed-inъ* ‘1’);

Алт.: **i̯ude* ‘to imitate, to simulate’;

? Урал. (финно-угорское): **ükte* ‘1’ (метатеза *kt* > *tk*?);

Картв.: **od-* ‘only, yet’;

Драв.: **ud-* ‘match, pair’.

Ностр. ****tuʔV*** (~ ****tuq̇V***) ‘2’ >

И.-е.: **dwo-* ‘2’;

Алт.: **t(i̯)ubu* ‘2’;

? Урал. (балто-финское): **toinen* / **toise-* ‘second’[3]

Картв.: **ṭq̇u-b-* ‘twins’.[4]

Ностр. ****jVŕV*** ‘2, pair’ >

Алт.: **ŏŕe* (~ **ŏŕi*) ‘other, one of two’

Урал.: **jOrtV* ‘friend’

Картв.: **jor-* ‘2’

Драв.: **ir-* ‘2’

Числительные ‘3’, ‘4’ и выше не восстанавливаются в качестве общеностратических, однако важно, что ‘3’ и ‘4’ могут быть реконструированы для дравидо-урало-алтайской ветви ностратической макросемьи:

Ностр. ****ŋü-*** ‘3’ >

Алт.: **ŋ[i̯u]* ‘3’;

Драв.: **mū-* ‘3’.

Ностр. ****ńVlV*** ‘4’ >

Алт.: **ńöl-* ‘4’ (тунг.-кор. изоглосса, Blažek 1999: 92, 130)

Урал.: **ńeljä* (~ **neljä*) ‘4’;

---

[3] Спорно. Произведение от дейктического **to* ‘that’ более вероятно с фонетической точки зрения.

[4] Если не сев.-кавк. заимствование; ср. зап.-кавк. **tq́I:ʷA* ‘2’, имеющее надежные вост.-кавк. параллели, NCED: 924.

Драв.: **nāl-* ‘4’.

Итак, исходя из приведенного материала, для ностр. праязыка может быть реконструирована следующая система числительных: «**1, 2, >2/несколько/много**». Дравидо-урало-алтайская ветвь расширила свой числовой ряд до «**1, 2, 3, 4, >4/несколько/много**», в то время как индоевропейский и картвельский праязыки развивали системы числительных самостоятельно. Так, следует обратить внимание на факт, что ни одно из общеиндоевропейских числительных не этимологизируется на ностратическом уровне, за исключением и.-е. **dṷo-* ‘2’.

3.3. Хорошо известно, что некоторые и.-е. языки показывают остатки старой 4-ричной системы счисления (Luján Martínez 1999; Гамкрелидзе & Иванов 1984: 846, 849 ссл. [= Gamkrelidze & Ivanov 1995: 744, 746 ff.]; Winter: 1992; Blažek 1999; Szemerényi 1960; и др.). Если быть более точным, то внутренняя и.-е. реконструкция приводит нас к простой системе **«1, 2, 3, 4, >4/несколько/много»** для ранней стадии развития и.-е. праязыка, которая в дальнейшем была развита в 4-ричную систему, а затем в 10-чную, которая и засвидетельствована известными и.-е. языками (за исключением анатолийской ветви, о чем см. ниже).

Высказанную гипотезу об исходной и.-е. системе **«1, 2, 3, 4, >4/несколько/много»** подтверждают следующие факты.

1. Числительные ‘2’—‘4’ являются непроизводными формами, в то время как относительно ‘5’—‘10’ можно строить различные гипотезы, связанные с их первичным значением и этимологической связью с нечисловыми корнями. Напр., **penkᵘe-* ‘5’, возможно, значило ‘кулак’, **dekm̥(t)* ‘10’ может быть старым сложением ‘правая рука’ или ‘две руки’, **septm̥* ‘7’, без сомнения, является сем. заимствованием (Иллич-Свитыч 1964: 7). Здесь же следует отметить, что для ‘6’ и ‘9’ невозможно реконструировать единые общеиндоевропейские праформы, несмотря на фонетическое сходство соответствующих основ в известных и.-е. языках. Далее см. Luján Martínez 1999; Mallory & Adams 2006: 308 ff.; Blažek 1999: 234 ff.; Bomhard 2008.

2. В ряде и.-е. языков числительные ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘4’ склоняются и грамматически согласуются с именем, а ‘5’—‘10’, напротив, несклоняемы и употребляются в аппозиции с именем. В языках мира встречается ситуация, когда младшие числительные обладают особыми морфологическими и/или синтаксическими характеристиками, а некоторые ученые пытаются объяснить данный феномен в терминологии частотности и «cognitive reference points» (см. Hammarström 2004 с обзором литературы и подробным обсуждением). Тем не менее, я должен отметить два обстоятельства. Во-первых, мы не знаем ни одного языка, на более ранней стадии развития которого числительные были бы синтаксически унифицированы, а на более поздней стадии младшие числительные показывали бы синтаксическую индивидуализацию. Во-вторых, представляется совершенно неясным, почему повышенная частотность младших числительных должна провоцировать синтаксическое и/или морфологическое усложнение всей системы в целом.
3. Иран. **ašti-* ‘(breadth of) four fingers’ (мера длины), сохраненное в некоторых авест. композитах, см. Henning 1942: 235[5]; Henning 1949; ЭСИЯ 1: 252; Emmerick 1992: 300, Edelman 1999: 226–227. Форма восходит к и.-е. **okˆt-*.
4. Окончание dual. (а не pl.) в форме nom.-acc. у и.-е. **okˆtō* ‘8’ (др.-инд. *aṣṭā́(u)* [RV+; косв. падежи с окончаниями pl.], др.-греч. ὀκτώ, лат. *octō*, Goth. *ahtau* и т. д.), что указывает на ‘8’ как на ‘удвоенное 4, 4×2’. Подобное числообразование имеет надежные типологические параллели.
5. Пракартвельское ‘4’, реконструируемое как **otxo-* в Klimov EDKL: 145–146, а ранее как **o(s$_1$)tx(w)* в Климов ЭСКЯ: 150 (груз. *otx-* ~ сван. *woštx(w)*). Будь **otxo-* ранним и.-е. заимствованием в пракартвельский

[5] *ašti-* = παλαστή ‘ладонь, 4 пальца как мера длины’, *uz-ašti-* ‘super-*ašti*’ = διχάς, т. е. ‘двойное *ašti*’.

(с метатезой в консонантном кластере[6]) или наоборот из пракартвельского в праиндоевропейский, эта форма не может быть отделена от иран. **ašti-* и и.-е. **okt̂ō*. Картв. **otxo-* надежно свидетельствует, что до появления загадочного **kᵘetu̯or* и.-е. корень ‘4’ был **okt̂-*.

6. И.-е. **neu̯(e)n* ‘9’ наиболее естественно производить от основы **neu̯-o-* ‘new’ (особо ср. префиксальные образования: др.-греч. ἐννέα и армян. *inn*, где первый элемент может быть идентифицирован как **en* ‘in’), что указывает на ‘девять’ как на ‘начало нового (разряда)’. Такой этимологический анализ подтверждается некоторыми эксклюзивными иранскими формами для ‘9’, собранными в Edelman 1999: осет. *far-ast* ‘beyond 8’ (**pāra-ašta*), хорезм. {*š’δ*} ‘increased’ (**frad-)* или ‘beyond 8’ (**fra-ašta*), пашто (диал.) *terai* ‘passed’, вазири *tār pa wōta* ‘passed beyond 8’. Эдельман предполагает, что вышеупомянутые формы имеют инновативный характер, т. к. эти основы не используются при образовании таких числительных, как ‘19’, ‘90’ или ‘900’, которые, напротив, производятся от иран. **nawa* ‘9’. Однако в данном регионе не отмечено языков с 8-ричной системой счисления, из которых перечисленные иранские диалекты могли бы заимствовать подобное описательное название ‘9’ как ‘следующее за 8’. С другой стороны, вполне естественно предположить, что как раз слова для старших числительных ‘19’, ‘90’, ‘900’, которые редко используются в естественной речи, могли быть заимствованы из соседних иранских языков, имеющих основу **nawa* для выражения ‘9’ (дополнительно о и.-е. ‘9’ см. ниже сн. 12).

3.4. Дж. Гринберг (Greenberg 1990: 276) сформулировал следующую универсалию (№6): «The largest value of L in system with only simple lexical representation is 5 and the smallest is 2».[7] Его пример на L=5 — это язык гуана (Guana < Arawakan), где описана следующая система счета: **«1, 2, 3, 4,**

[6] Акцессивные кластеры (типа *KT*) крайне нехарактерны как для известных картвельских языков, так и для пракартвельского, в отличие от частотных децессивных кластеров (типа *TK*).

[7] «L» — это «the next largest natural number after the largest expressible in the system».

много». Тем не менее, языки с L=5 весьма редки, и Гринберг специально указывает, что «the most common values for L are 3 and 4».

Как было показано выше в 6.3, для раннего и.-е. праязыка мы должны предполагать систему счета **«1, 2, 3, 4, много»**. Однако если спуститься на бóльшую хронологическую глубину к индо-хеттскому уровню (используя термин Э. Стертеванта, см., напр., Lehrman 2001 и другие работы А. Лермана, посвященные индо-хеттской проблематике), оказывается, что общее слово для ‘4’ реконструировано быть не может: праанатолийский имеет основу **meyu-* как ‘4’ и не показывает никаких следов и.-е. основ **ok̂t-* и **kʷetu̯or* в известном словаре.[8]

Как это обычно бывает в клинописных орфографиях, числительные в хеттских и лувийских текстах почти всегда записаны логографически (т. е. цифрами), а их фиксации в фонетическом написании весьма скудны. На сегодняшний день в анатолийских языках известны следующие порядковые числительные или их основы (Eichner 1992; Goedegebuure 2006; Hoffner & Melchert 2008: 153 ff.; Neumann 2007; HEG; HED):[9]

	хет.	**клин.-лув.**	**иер.-лув.**	**лик.**	**мил.**
‘1’	*šia-*		*s…* (?)		
‘2’	*ta-*		*tuwa/i-*	*kbi-*	*tbi-*
‘3’	*teri-*		*tara/i-*		*tri-*
‘4’	*miyu-/meyu-*	*mauwa-*	*mi… / mu…*(?)		
‘7’	*šiptam-*	*šaptam-*			
‘9’			*nuwa(n*ʔ*)*		

[8] Хет. *kutruwan-* с. ‘witness’ вряд ли может быть сравнено с **kʷetu̯or* ‘4’. О правдоподобной балтийской этимологии этого хеттского термина см. HED K: 298 ff.

[9] Необходимо отметить, что из ликийских текстов известны и другие числительные, но все без точно установленного значения и/или очевидной этимологии: *aitãta, mupm̃me* (‘4’, если к лув. *mauwa-*?), *nuñtãta* (‘19’/’90’, если к иер.-лув. *nuwa(n)*?), *qñnã-kba ~ qñnã-tba* (‘12’?), *sñta-* (не ‘100’), *tupm̃me* и, видимо, *km̃ma-*.

Все эти формы, за исключением хет. *šia-* ‘1’ и хет. *meyu-* ‘4’ (с лув. соответствием), имеют параллели в и.-е. системе числительных (**dṷo-* ‘2’,[10] **tri-* ‘3’, **septm̥* ‘7’, **newn̥* ‘9’).

Хет. основа *šia-* ‘1’ соответствует и.-е. указательному местоимению **so-*, fem. **sā/sī* (Pok.: 978–979), особенно ср. др.-инд. вариант *syá*, fem. *syā́* ‘jener, der’. Числовое значение *šia-*, кажется, не имеет параллелей в и.-е. языках (ср., однако, EDHIL: 751 о спорном др.-греч. ἴᾰ f. ‘one’), но семантический переход ‘this’ > ‘1’ типологически обычен.

Общеанатолийское числительное ‘4’ остается без каких-либо очевидных и.-е. этимонов. Зафиксированная парадигма хет. *miyu-*/*meyu-* приведена в HED M: 116 ff. Хотя графические репрезентации известных хет. форм обычно двусмысленны, анатолийская праформа может быть только **meyu-* в виду клин.-лув. *mauwa-* ‘4’.[11]

До сих пор для анатол. **meyu-* ‘4’ были предложены три взаимоисключающие и.-е. этимологии (см. HED M: 116 ff. со ссылками):

1) *u*-основа от и.-е. **meḭ-* ‘to diminish’ (Pok.: 711), т. е. ‘4’ как ‘little (hand)’, ‘hand without thumb’. Такая трактовка морфологически возможна, однако семантически, кажется, не находит себе параллелей в языках мира;
2) *u*-основа от корня **meḭ-*, того же, что содержится и в хет. глаголе *mai-* ‘to grow; to increase; to prosper’ (скорее к лат. *mātūrus*, не к и.-е. **mē-* ‘to measure’ [Pok.: 703]), т. е. ‘4’ как ‘grown’ (‘bigger then 3’). Такой семан-

[10] Хет. *ta-* ‘2’ не может быть отделено от и.-е. **dṷo-*, хотя утрата *ṷ* необъяснима. Это же развитие (индо-хет. **dṷ* > хет. **d*) наблюдается и в хет. *idalu-* ‘evil’ ~ лув. *attuwal* ‘evil’ (: др.-греч. ὀδύνη ‘pain of body’?), однако сонорная метатеза *ṷ~l* в хет. или лув. форме является эквивалентным объяснением для этой формы. Bomhard 2008 предполагает, что исконная индо-хет. основа ‘2’ была **do-*, в то время как **dṷo-* было позднее заимствовано из зап.-кавк. **tq́I:ʷA* ‘2’ (ср. выше сн. 4); это теоретически возможно, но не очень вероятно, исходя из общих соображений.

[11] Других надежных примеров, иллюстрирующих развитие сочетания **aḭu*, в лувийском нет, но аналогия с более или менее регулярным падением интервокального *ḭ* в сочетании с непередними гласными (ср. Melchert 1984: 164) не кажется рискованной.

тический переход также представляется типологически уникальным;[12]

3) *u*-основа от и.-е. **mē-* ‘to measure’, со сложным развитием значения: ‘measure’ > ‘(firmly) measure’ > ‘(four)square’. Это предположение эквивалентно попыткам связать **meyu-* с любым другим и.-е. корнем вида *mV(i̯)-;* семантические сдвиги, предполагаемые Я. Пухвелом, умозрительны и недоказуемы.

Я бы хотел подчеркнуть, что авторы трех перечисленных этимологий имплицитно исходят из той же схемы, что я обосновывал выше: индо-хет. имел систему счета **«1, 2, 3, >3/несколько/много»**, а слова для ‘4’ появились в анатолийской и индоевропейской ветвях уже после их разделения. Это соображение основано на том факте, что, насколько мне известно, в языках мира отмечено только два способа элиминирования старого слова для (младшего) числительного:

1) заимствование из соседнего языка или *lingua franca*;
2) использование математических операций. Напр., язык озерный мивок (Lake Miwok < Penutian) утратил старое слово для ‘4’ и теперь использует выражение *ʔoṭ-óṭ·a* = ‘2+2’ (подробнее о ситуации в этом языке см. ниже сн. 22); в древнеирландском имеется слово *mór-feiser* ‘семеро, group of 7 (people)’, букв. ‘big 6’, ‘bigger than 6 [by 1]’.

Наличие и.-е. **septm̥* ‘7’ и **newn̥* ‘9’ в анатолийской системе счета не должно удивлять нас. Волнообразные дивергентно-конвергентные процессы между близкородственными диалектами часто имеют место уже после собственно распада их праязыка. Я предполагаю, что анатол. основа **septam-* (хет. *šiptam-* ~ клин.-лув. *šaptam-)* была заимствована из какого-либо соседнего и.-е. диалекта сразу после того, как сам этот диалект заимствовал **sept-* из семитского. Ситуация с числительным ‘9’ более интересна: мы не можем реконструировать единую и.-е. форму для ‘9’, т. к. известные и.-е. указывают

[12] Модель ‘big(ger than) X’ для ‘X+1’ известна из языков мира, но простая модель ‘big(ger)’ — нет.

на **newen, *newn̥, *e(n)-nu̯n̥* или **en-neu̯n̥* (Pok.: 318 f.; Blažek 1999: 277). Фонетически ни одна из этих праформ не могла бы дать иер.-лув. *nuwa(n²)* с *u* вместо ожидаемого *a*. Таким образом, иер.-лув. *nuwa(n²)* является или заимствованием из близкого и.-е. диалекта, или калькой с того же источника.[13]

3.5. Можно было бы ожидать, что анатол. **meyu-* '4' аналогичным образом представляет собой иноязычное заимствование, однако в соседних афразийских, северокавказских и картвельских языках никаких вероятных источников заимствования не обнаруживается. Я предлагаю следующую внешнюю (ностратическую) этимологию для анатол. **meyu-* '4' — праалтайское ***móju** 'all (totus), whole': тунг. **muja-* 'whole, all (totus)', япон. **múina* 'all (totus), all (omnis)', кор. **mŏin* 'most, extremely, very' (EDAL: 939 f. с лит.).

Фонетически сравнение анатол. **meyu-* (виртуальное индо-хет. **meu̯-)* и алт. *móju* точно,[14] но семантический переход 'all' > '4' требует типологического подтверждения.

Выше в 6.1 было указано, что в ситуации, когда примитивная система счета начинает расширяться, для образования новых числительных воз-

---

[13] Это второе предположение представляется весьма вероятным. Во-первых, ностратическая основа **nVwV* 'новый' наличествует в анатолийском лексиконе (хет. *newa-* 'new, fresh'). Во-вторых, случаи заимствования именно *концепта*, а не *точной формы* нового (более старшего) числительного хорошо известны, особенно с ситуации близкородственных идиомов. Напр., аравакские языки используют 'hand' как '5', но слова для 'руки' могут различаться по диалектам, так что прааравакское или хотя бы праверхнеамазонское '5' не может быть реконструировано (см. пример 1 в §5); для праязыка семьи маку (Амазония) должна реконструироваться система счета «этот один, несколько, много», некоторые современные языки маку вводят числительное «2» как 'глаза', но корни и морфологическая структура этих выражений не идентичны (Epps 2006). Некоторые иранские слова для '9' показывают концепт 'beyond 8', который, однако же, выражается различными способами по отдельным языкам (см. выше §3). То же касается и и.-е. '9' в древнегреческом и армянском, где в соответствующих формах наличествует префикс **en-*, в отличие от остальных ветвей и.-е. семьи.

[14] Вторичная индоевропейская (индо-хеттская) апофония **o/e* нерелевантна для реконструкции ностратического вокализма.

можны не только метонимия с частями тела или же «fraternal» strategy (и т. д.), но и другие сценарии.

Пример 1. Аравакский праязык (Амазония) имел **pa-* для ‘1’ и **(a)pi-* или **yama-* для ‘2’; по всей видимости, числительное ‘3’ не может быть реконструировано как общеаравакское (см. Payne 1991). Прааравакская система счета должна была иметь следующий вид: «1, 2, >2/несколько/много».

Рассмотрим верхнеамазонскую (Inland) ветвь этой семьи, как она представлена в Ethnologue 15 (без учета ресигаро, где система числительных испытала сильное влияние соседнего уитото). Материал приводится по следующим источникам: Native American Number Worksheets; Aikhenvald 1998: 298–299; Aikhenvald 2003: 217–218; Schauer 2005. В нижеприведенной таблице «заимств.» означает испанский или португальский источник.

Язык	‘1’	‘2’	‘3’	‘4’	‘5’	‘6’ и выше
Achagua	*báque*	*chámai*	*matálii*	*kuátru* (заимств.)	*abakáahi* (< *káahi* ‘hand’)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями
Baniwa	*apada*	*dzamada*	*madariwa*	*wadaka* / *ri-kwa-da-ka* (‘it is enough’)	*apamawakaapi* (< *kaapi* ‘hand’)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями
Curripaco	*pada*	*yamada*	*madalida*	*li-kua-da-ka* (‘it is enough’)	*pemapakapi* (< *kapi* ‘hand’)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями
Guarequena (Warekena)	*pe-/pa-*	*-naba*	*te.lefi* (заимств.)	*kwatru* (заимств.)	*sinku* (заимств.)	заимств.
Piapoco	*abéíri*	*pucháiba*	*máisiba*	*báinúaka* (неясная структура)	*abéemàa wakáapi* (< *káapi* ‘hand’)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями
Tariana	*pa:* / *páada*	*ñama* / *yama* / *yamáda*	*madali* / *manalída*	*kephunipe* (< *ka-iphu-nipe* ‘somebody who has a companion’, калька с тукано)	*pa-kapi* / *peénkapi* (< *kapi* ‘hand’)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями

Язык	‘1’	‘2’	‘3’	‘4’	‘5’	‘6’ и выше
Yucuna	*pahluwá(ha)*	*iyamá*	*wéehi kéele*	*pa’ú kéele* (неясная структура)	*pahluwa té’ela kéele* (< *yáte’ela* ‘hand’), *sínku* (заимств.)	5-ричные композиты, вытесняемые заимствованиями

Праверхнеамазонское числительное ‘3’ может быть реконструировано (оно звучало примерно как **mata-;* форма юкуна *wéehi* неясна), в то время как числительное ‘4’ — нет. Формы числительного ‘5’ как ‘hand’ очевидным образом являются общей межкультурной инновацией, где корень может различаться, ср. юкуна ‘5’ от *yáte’ela* ‘hand’, а не от праверхнеамазонского **kāpi* ‘hand’, как в остальных языках. Итак, праверхнеамазонская система счета должна была бы быть такой: **«1, 2, 3, >3/несколько/много»**.

В процессе развития отдельных языков новое числительное ‘4’ могло образовываться различными способами. Для наших дальнейших рассуждений важна морфологически прозрачная форма **‘it is enough’** в соседних и близкородственных языках банива и куррипако.

Пример 2. Типичная койсанская (Южная Африка) система счета состоит из трех или четырех слов:

- ‘1’, ‘2’, ‘>2, много’
- ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘>3, много’

Конечно, в недавнем прошлом многие языки были вынуждены расширить свою систему числительных. Рассмотрим некоторые периферийно-койсанские системы. Ниже я принимаю глоттохронологическую классификацию койсанской семьи, предложенную Г. С. Старостиным (G. Starostin 2008a; Khoiet.dbf), которая в целом совпадает с классификацией Ethnologue 15. В таблице формы северокойсанских языков приводятся по следующим источникам:

!Kung Doke — Doke 1925: 154, 158, 159[15]; !Kung Wilhelm — J. Wilhelm 1922; !Kung Ekoka — König & Heine 2001; !Kung Weich — Weich 2004[16]; !Kung Angolan — Snyman 1979[17]; Ju|'hoan Snyman — Snyman 1970; Ju|'hoan Dickens — Dickens 1994; ǁKx'au‖'ein (ǂKx'au‖'ein, ǁAu‖en, Auen) — Bleek 1956.

Язык	'1'	'2'	'3'	'4'	'5'	'>3, несколько, много'	'all (omnis)'
!Kung Doke	*|nʔe*	*sã:*	*!!kao / !kao*	*sã: sa sã* ('2-and-2')	(нет данных)	*!kao*	
!Kung Wilhelm	*|nē*	*sa / sǎm*	(не используется)	(не используется)	(не используется)	*!gau*	
!Kung Ekoka	*n|è'è / n|è*	*tcā*	*!āō*	*k‖ǎ̀m̄* (loan?)	*g‖àò n|è'è* ('one hand')		
!Kung Weich	*|nehe*	*tsa*	*!ao, dri* (заимств.)	*firi* (заимств.)	*faifi* (заимств.)		
!Kung Angolan	*|nè'ė̀*	*tšà / tsà*	*!ȧ̀o*	(нет данных)	(нет данных)		
Ju|'hoan Snyman	*n|e'e*	*tsã*	*n!eni* (заимств.?)	(не используется?)	(не используется?)	*!xare, gesĩ*	
Ju|'hoan Dickens	*n|è'é*	*tsàn / tsàqn*	*n!ànì* (заимств.?)	*tsánkútsán* ('2+2')	(нет данных)		*wàqnsì* (также 'whole', т. е. 'totus'), *wècè*
ǁKx'au‖'ein	*|né / ne¯e*	*tša / tsa*	*!nan(n)i* (заимств.?)	*‖kai / ‖kei*	*!gou* ('hand')		*!kau*

NB: Авторы грамматик подчеркивают, что даже если язык имеет числительные '3' и выше, числительные выше '2' или '3' редко используются в естественной речи (König & Heine 2001: 70 про !Kung Ekoka; Bleek 1956: 473 s.v. *!nanni*).

[15] Кликсовая транскрипция Doke 1925 была переведена в современную нотацию, также были опущены некоторые диакритики при гласных, нерелевантные для наших рассуждений.

[16] По Khoiet.dbf, тот же язык, что и !O!Kung/!O!ung.

Т. к. семантический переход ‘2’ или ‘3’ > ‘несколько/много’ вряд ли типологически представим, единственная прасеверокойсанская система счета, которую мы можем реконструировать на основе вышеприведенной таблицы, имеет следующий вид:

‘1’ *ŋ|e?e

‘2’ *cq̃

‘>2, несколько/много’ **!au* (его этимоны выделены в таблице фоном)[17]

Эта система совпадает с зафиксированной системой языка !Kung Wilhelm.

Когда система числительных начинает расширяться, мы наблюдаем определенное многообразие методов образования новых числительных (‘3’, ‘4’ и т. д.). Это могут быть заимствования из африкаанса, как в !Kung Weich (а формы языков Ju|'hoan и ǁKx'au‖'ein *n!eni* / *n!àni* / *!nan(n)i* ‘3’, видимо, являются заимствованными из центральнокойсанских диалектов; это же может касаться и !Kung Ekoka *k‖àm̄* < центральнокойсанские?[18]), математические опе-

[17] Строго говоря, неясно, какой анлаутный кликс мы должны реконструировать в сев.-койс. **!au* ‘>2, несколько/много’. Doke 1925 приводит *!kao* с альвеолярным кликсом и параллельную форму *!!kao* с ретрофлексным кликсом. Неустойчивая артикуляция ретрофлексного *!!* и смешение его с альвеолярным *!* не так редки в сев.-койс. диалектах, сохраняющих ретрофлексные кликсы; с другой стороны, материалы К. М. Дока в принципе не очень надежны, и форма с *!!-* может быть просто ошибкой. Важно, что язык !Kung Angolan имеет альвеолярный анлаут *!-* в *!ao̰*, не латеральный *‖-* (регулярные этимологические соответствия — это Doke *!* ~ Angolan *!* и Doke *!!* ~ Angolan *‖*), таким образом, исконной формой языка !Kung Doke должно быть *!kao*, не *!!kao*. Подробнее о реконструкции ретрофлексных кликсов в сев.-койс. семье см. Г. Старостин 2005.

[18] Працентральнокойсанское слово для ‘4’ реконструируется как **haka* (Khoiet.dbf), однако в некоторых языках эта форма вытесняется математическим образованием ‘2+2’, напр., архаичный наро (Schniz 1891: 545) имеет *|gam* ‘2’ и *|gam tscha ra hi |gam tscha ra hi* ‘4’, где *|gam* регулярно восходит к ц.-койс. **|ám̀* ‘2’ (современный словарь наро — Visser 2001 — приводит только форму *hàka* для ‘4’, которая является заимствованием из нама). Теоретически можно предположить, что язык !Kung Ekoka заимствовал для ‘4’ первую морфему из этого ц.-койс. выражения. С другой стороны, Г. С. Старостин отвергает такую этимо-

рации (‘2+2’), части тела (‘hand’) или же старое слово для числительного **‘>2, несколько/много’** **!au*, используемое как следующий новый член числового ряда, т. е. ‘3’.

Промежуточная ситуация, видимо, отмечена в языке !Kung Doke начала XX века: *(!)!kao* сдвинулось в ‘3’, ‘4’ — это ‘2+2’, однако иногда *(!)!kao* может сохранять свое старое значение ‘много’.

Интересно также, что в языке ǁKx'auǁ'ein **!ao* сдвинулось в значение **‘весь (omnis)’**, ср. пример Д. Ф. Блик: «we are all sleepy».

В качестве возможной внешней этимологии для сев.-койс. **!au* ‘>2/несколько/много’ можно предложить лексему *!au* ‘4’ южнокойсанских языков[19]: масарва (диалект какия языка !Xóõ) *!kau* ‘4’, приводимое в Bleek 1956: 412 с примером: «they are four». Если эта форма надежна, то праси-стема языка масарва была «1, 2, 3, >3/несколько/много» с последующим сдвигом ‘несколько’ > ‘следующее новое числительное’, т. е. ‘4’ — процесс, аналогичный разобранному выше сев.-койс. примеру. Странно, однако, что параллельно Bleek 1956 по тому же источнику приводит и другие формы из языка масарва со значением ‘4’: *ǁgai* ‘4’ and *ǁkē* ‘3; 4’.

Пример 3 похож на пример 2, но касается формы *ǁkai ~ ǁkei* ‘4’ из сев.-койс. диалекта ǁKx'auǁ'ein (они приводятся в таблице в примере 2 выше).

Эта форма может быть этимологически сопоставлена с юж.-койс. числительным **ǁai* ‘>2, несколько/много’, реконструируемым на основе следующих данных из ветви таа юж.-койс. семьи:

Масарва *ǁkai* ‘3; 5’, *ǁgai* ‘4’ и *ǁkē* ‘3; 4’ (приводимые в Bleek 1956), вероятно, представляют собой разные транскрипции одного и того же слова *ǁkai* ‘>2,

---

логию !Kung Ekoka *kǁàm̄* (Khoiet.dbf: «cannot be easily identified as a borrowing from any known source») ввиду фонетически необъяснимой передачи ц.-койс. дентального / как латерального ǁ в !Kung Ekoka — что является серьезным контраргументом.

[19] Южнокойсанская ветвь соединяется с северокойсанской на следующем праязыковом уровне, который Г. С. Старостиным называется Proto-Peripheral Khoisan или Proto-Bushman (в литературе также встречается термин Ju-Taa).

несколько, много’ с окказиональным стяжением дифтонга. Ср. примеры Д. Ф. Блик на *‖kai*: «the flies are three», «in five days»; на *‖gai*: «four children»; и на *‖kē*: «they are three», «the stones here are three», «they are four»;

Система счета языка |Nu‖en показывает сходную ситуацию (как перечислено в Bleek 1956 s.v. *‖gai*): *!oe* ‘1’, *!num* ‘2’, *‖gaĩ* ‘>2’ (примеры на *‖gaĩ*: «three people», «the hoofs are four»);

Язык !Xoong (цит. по Traill 1994) имеет три числительных: *ǂ’ûã* ‘1’, *ǂnûm* ‘2’, *‖âe* ‘3’. Трейлл не приводит слов для ‘4’ и ‘5’, таким образом, остается неясным, значит ли *‖âe* именно ‘3’ или же скорее ‘>2, несколько’. Ср. примеры Трейлла: «we three», «three times», «make a threesome» (s.v. *‖âe*), «the three of them» (s.v. *ùh*).

Дополнительный пример предоставляет язык ‖Xegwi (Batwa), относящийся к подсемье !Wi юж.-койс. ветви: *‖kai* ‘much’ (Bleek 1956 с примером: «much food»).

Если так, то ‖Kx'au‖'ein *‖kai ~ ‖kei* ‘4’ показывает то же семантическое развитие, какое проиллюстрировано примером 2: **‘несколько’** > ‘следующее новое числительное’, т. е. ‘4’.

С другой стороны, однако же, транскрипцию Д. Ф. Блик ‖Kx'au‖'ein *‖kai ~ ‖kei* ‘4’ можно сравнить с ‖Kx'au‖'ein *‖kai* **‘all together’** (приводится тем же автором), которая восходит к сев.-койс. **‖kxae* ‘together’: Ju|'hoan Snyman *-‖x’ae* ‘together’; Ju|'hoan Dickens *‖káé* ‘to be together’; !Kung Weich *‖kae* ‘together (with); simultaneously’; !Kung Ekoka *‖x’āē* ‘to meet, find’, *-‖x’āē* глаг. суффикс ‘together’. Далее эти формы соотносятся с юж.-койс. **‖kxáe* ‘to join’ (см. Khoiet.dbf).

Г. С. Старостин (Khoiet.dbf) предлагает реконструкцию прапериферийнокойсанского **!$_1$a-* ‘3’ на основании сев.-койс. **!au* ‘3’ и пратаа (юж.-койс.) **‖âe* ‘3’. Это сравнение, однако, не очень вероятно, т. к. прасев.-койс. и праюж.-койс. системы счета не имели числительного ‘3’ (как было показано выше), а дифтонгическое соответствие сев.-койс. **au* ~ юж.-койс. **ae* кажется нерегулярным (хотя, конечно, соответствия в гласных между ветвями койсанской семьи нуждаются в дополнительном исследовании).

Пример 4. Следы старой 3-чной или 6-ричной системы счисления типичны для пенутианских языков Северной Америки (Beeler 1961; Callaghan 1990). Для костаноанской ветви этой семьи могут быть реконструированы общие числительные ‘1’, ‘2’, ‘3’ и ‘6’. Слово для ‘6’ (**ṣak·e-n*) не этимологизируется, однако некоторые костаноанские диалекты показывают другую основу для ‘6’: мутсун *nakči*, соледад *heme-noksi*. Эти формы, видимо, этимологически соотносятся с мивокским (ближайший родственник костаноанской ветви) **nake(ṣ)* **‘end, edge’** (в таком случае соледад *heme-noksi* ‘6’ имеет прозрачную структуру и значит ‘1 край’, ср. соледад *himič-ʔa* ‘1’); более подробно см. Callaghan 1990.

Пример 5. Для общедравидийского корня *nāl-* ‘4’ (Dravet.dbf; DEDR: #3655) в ряде языков отмечено параллельное значение ‘немного/несколько/много’. Некоторые ученые (напр., Blažek 2009: 71) утверждают, что это результат позднейшего семантического развития. В действительности же полисемия ‘4’ ~ ‘немного/несколько/много’ у **nāl-* отмечена во всех ветвях дравидийской семьи, за исключением центральнодравидийской (колами-гадаба и гонди-куи), где **nāl-*, по имеющимся источникам, значит только ‘4’, и брахуи, где этот прото-корень был утерян:

Сев.-драв.: курух *nāk̲h̲* ‘4; a few’ (Grignard 1924: 512);

Юж.-драв.: тамил. *nālu* ‘4; many, manifold; a few’ (Tamil lexicon), малаял. *nāl, nālu, nān* ‘4’ ~ *nālu* ‘several’, *nānā* ‘manifold’;

Телугу: *nālugu* ‘4; an indefinite number, a few, several, many’ (Gwynn 1991).

Поскольку сев.-драв. языки не контактируют с телугу и юж.-драв. диалектами, говорить об общей инновации в этом случае нельзя, и таким образом, для **nāl-* необходимо реконструировать полисемию ‘4’ ~ ‘немного/несколько/много’ на прадравидийском уровне.

Как было показано выше в 6.2, числительное ‘4’ надежно реконструируется для дравидо-урало-алтайской ветви ностратической макросемьи: алт. **ńöl-* ‘4’ ~ урал. **ńeljä* ‘4’ ~ драв. **nāl-* ‘4’. Конечно, мы можем предположить, что значение ‘несколько’ представляет собой результат вторичного семантического развития в драв. праязыке, однако и противоположная гипотеза

вряд ли слабее: первичное значение ностр. **ńVlV* было ‘несколько’, затем в дравидо-урало-алтайском праязыке этот корень был использован для образования следующего нового числительного, т. е. ‘4’. Эта гипотеза подтверждается и фактом, что семантический переход ‘3’/‘4’/’5’ > ‘несколько’, как кажется, не имеет типологических параллелей. Если так, то ситуация с дравидийскими диалектами, сохраняющими полисемию ‘4’ ~ ‘несколько’, в точности совпадает с ситуацией в языке !Kung Wilhelm (см. выше пример 2), где *!kau* значит и ‘несколько’ (старое значение), и ‘3’ (новое значение).

3.6. Заключение. Выше в 6.1–6.4 было показано, что ностратическая (ок. 10–9 тысячелетия до н. э.) система счета состояла из трех членов: **«1, 2, >2/несколько/много»**. Индо-хеттский (ок. 5 тысячелетия до н. э.) развил ее до **«1, 2, 3, >3/несколько/много»**. Для новообразованного числительного ‘4’ анатолийский праязык использовал ностр. основу, которая дала праалтайское **móju* **‘весь (totus)’**. В 6.5 приводится несколько примеров, типологически иллюстрирующих возможность такого семантического развития.

Пример 1 (аравакская семья) показывает, что слово ‘достаточно’ может быть использовано для расширения системы числительных; семантический переход между ‘достаточно’ и ‘весь (omnis)’ или ‘весь (totus)’ естествен.[20]

Примеры 2–3 (койсанская семья) показывают, что крайний член примитивной системы счета (‘>X/несколько/много’) может стать новым числительным ‘X+1’; семантический переход между ‘много’ и ‘весь (omnis)’ или ‘весь (totus)’ также естествен.[21]

Пример 4 (пенутианская семья) показывает, что основание примитивной системы счисления может выражаться словом ‘край, конец’. Семантическое развитие ‘край, конец’ > ‘весь (omnis)’ / ‘весь (totus)’ хорошо известно.[22]

---

[20] Напр., рус. восклицание *всё!* ‘достаточно, хватит’.

[21] Напр., ǁKx'auǁ'ein *!kau* ‘all (omnis)’, приводимое в примере 2, или тунг. **gere-n*, значащее ‘many’ и ‘all (omnis)’ в дочерних языках (Цинциус, 1: 182; Tower of Babel Project).

[22] Напр., тамил. *muṭi* ‘to end’ ~ *muṭiyal* ‘all, whole’.

Пример 5 (дравидийская семья) иллюстрирует синхронную полисемию ‘4’ и ‘несколько’, однако, строго говоря, направление семантического развития не может быть установлено в данном случае.

Ситуация, когда для языковой семьи определенного уровня глубины не удается восстановить числительные выше ‘3’, ‘4’ или ‘5’, достаточно обычна. Ср. обзор систем числительных в семьях Старого Света в Helimski 2000: 491–493 или же Sagart 2004 о числительных в таи-кадаи (австронезийская семья).

Что касается узко-индоевропейской ветви индо-хеттской семьи, я предполагаю, что раннее и.-е. слово для ‘4’ было **okʷ̂t-*, которое позднее оказалось вытесненным основой **kʷetu̯or* и сохранилось только в выражении для ‘8’ (**okʷ̂tō* ‘удвоенное 4’)[23] и в иран. **ašti-* ‘(breadth of) four fingers’. Когда в развитии числового ряда был преодолен порог ‘4’ и ‘5’, и.-е. система счисления стала четверичной (кроме ‘8’ как ‘удвоенное 4’, следы 4-ричной системы сохраняются в некоторых иранских диалектах, где ‘8’ понимается как круглое число).

Происхождение и.-е. **okʷ̂t-* и **kʷetu̯or* остается неизвестным.[24] С типологической точки зрения наиболее естественно было бы предположить, что **okʷ̂t-* представляет собой старое название ладони (ср. иран. **ašti-)* или указательного пальца, в то время как более позднее **kʷetu̯or* является иноязычным заимствованием. Впрочем, никаких свидетельств верности описанного сценария нет.

---

[23] Ситуация, когда язык приобретает новое выражение для числительного ‘4’, сохраняя старый корень ‘4’ в слове для ‘8’, имеет типологические параллели. Напр., озерный мивок (Lake Miwok < Western Miwokan < Utian < Penutian; Калифорния) для ‘4’ имеет новообразование *ʔoṭ-óṭ·a* (‘2+2’), в то время как ‘8’ — это *ʔóṭʰ-aja* < **ʔóṭ-haja* (‘2×4’), где *haja* соответствует *huja* ‘4’ в других западномивокских языках (Callaghan 1994: 167).

[24] Предлагаемое иногда сравнение между и.-е. *kʷetu̯or* ‘4’ и урал. **kutte* ‘6’ семантически неприемлемо.

3. Аннотированный 110-словный список базисной лексики хеттского языка с параллелями из других анатолийских

Предлагаемый 110-словный список базисной лексики хеттского языка составлен в рамках международного проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database» с опорой на публикацию Ivanov 2001 и следует принятым в этом проекте высоким лексикографическим стандартам.

Были использованы лексические данные древнехеттских памятников (как оригиналов, так и позднейших копий, т. к. для хеттской традиции не было характерно лексическое подновление при переписывании документов), что предполагает датировку списка в интервале 1650–1500 гг. до н. э. В крайне небольшом числе случаев слот вынужденно заполняется словом, засвидетельствованным только в среднехеттских (1500–1350 гг. до н. э.) или новохеттских текстах (1350–1200 гг. до н. э.).

Материал остальных языков анатолийской группы недостаточен для составления полноценного списка Сводеша, однако все релевантные лексикостатистические данные по палайскому, лидийскому, лувийскому и ликийскому приводятся в комментариях к хеттским вхождениям.

1. **all** (omnis): *xumant-* ⟨humant-⟩

HED H: 373; Weeks 1985: 169–170; Kloekhorst 2008: 361. Полисемия: ‘omnis / totus’. OH+. Наиболее вероятный морфологический анализ — это *ḫum-ant-*, хотя *ḫu-mant-* с адъективным суффиксом *-want-/-mant-* также возможно. Сам корень (*ḫu-* или *ḫum-)*, видимо, изолирован в анатолийском и и.-е. В лувийском ‘all’ выражается этимологически неясным прилагательным *punada/i-* (клиноп.) Melchert 1993: 178 (полисемия: ‘omnis / totus’). Второй лувийский кандидат — это также изолированное *tanim(m)a/i-* ‘all, every’ (клиноп., иерогл.), Melchert 1993: 205. *Лик. ḫuwedr(i)-* ‘all (omnis)’ и мил. *uwedr(i)-* ‘all (omnis)’ (Melchert 2004: 26, 134) восходят к анатолийск. **suwadr* ‘fullness’ (см. ниже ‘full’).

2. **ashes**: *xass- ~ xassa-* ⟨hass- ~ hassa-⟩

HW² H: 388; HED H: 210; Kloekhorst 2008: 318. Полисемия: ‘ashes / dust / soda ash / soap’. Общ. р. OH+. Консонантная основа *ḫass-*, видимо, более архаична. Внутрианатолийские этимоны не засвидетельствованы. Представляет собой основной и.-е. корень для ‘ashes’.

3. **bark**: не засвидетельствовано.

4. **belly**: *sarxuwant-* ⟨sarhuwant-⟩

CHD S: 253; HEG S: 893; Kloekhorst 2008: 733. Полисемия: ‘belly / innards / foetus’ (применительно к людям и животным). Общ. р. OH+. Наиболее вероятный морфологический анализ: *sarḫu-ant-*, но теоретически возможно и *sarḫ-want-* с адъективным суффиксом *-want-* / *-mant-*. Корень *sarḫ(u)*, видимо, изолирован в анатолийских и и.-е. (связь с армян. *argand* ‘womb’ фонетически проблематична, см. Martirosyan 2010: 131, а др.-греч. формы ὀρύα ‘название одной из пьес Эпихарма’, ὀρούα Hsch. ‘sausage’ вряд ли исконны). Хет. слово *pantuḫa-* (NH) вряд ли значит ‘belly’, ср. перевод ‘bladder (?)’ в CHD P: 95 с дальнейшим обсуждением (как ‘belly (?)’ или ‘bladder (?)’ в HEG P: 418).

5. **big**: *salli-*

CHD S: 92; HEG S: 767; Weeks 1985: 164; Kloekhorst 2008: 709. Широкая сочетаемость. OH+. Гемината *ll* указывает на старый кластер (**ln* или подобный, но вряд ли **lH*, как предполагают некоторые сторонники ларингальной теории). Без анатолийских когнатов, но со слабыми и.-е. этимонами (лат. *salvus* ‘complete, intact’, др.-греч. ὅλος ‘whole, complete’ и т. д.). В лувийском ср. этимологически неясную основу *ura/i-* (клиноп., иерогл.) Melchert 1993: 243, про которую непонятно, имеет ли она общее значение ‘большой’ или же только более узкое ‘великий’.

6. **bird**: не засвидетельствовано.

Хеттское фонетическое чтение хорошо фиксируемой шумерограммы MUŠEN ‘bird’ до сих пор не известно. Традиционное хеттское чтение MUŠEN

— это гапакс *suwai-*, общ. р. (см. HEG S: 1215 с лит.), однако в Cohen 2010 показано, что перевод *suwais* ‘rejection (vel sim.)’ так же хорошо подходит к контексту лексического списка, как и ‘bird’ (ср. более категорично в Kloekhorst 2008: 795). Нужно отметить, что фонетически хет. *suwai-* хорошо соответствует основному и.-е. термину для ‘bird’ — **(a)wey-* (с редким, но надежно устанавливаемым соответствием хет. *s-* ~ лув. *t-* ~ и.-е. *Ø-*, см. Ivanov 2001: 133; Иванов 2009: 5; Касьян & Якубович 2013: 22). Второй возможный кандидат — это хет. *wattai-*, тоже гапакс, см. подробнее в Kloekhorst 2008: 987. Убедительной этимологии для хет. *wattai-* нет. Третий кандидат — хет. *peri-* — явно менее вероятен, чем первые два, см. CHD P: 312 и ср. HEG P: 575.

7. **bite**: *wag- ~ wakk-*

Weeks 1985: 61; Kloekhorst 2008: 939. OH+. *ḫi*-спряжение. Природа парадигматического чередования *g* (sg.) ~ *kk* (pl.) не до конца ясна. Далее к тохар. AB *wāk* ‘to split’, др.-греч. *ἄγ-νυ-μι* ‘to break’.

8. **black**: *tankui-*

HEG T: 107; Weeks 1985: 188; Kloekhorst 2008: 829. OH+. Полисемия: ‘black / dark’, как обычно переводится в словарях. За исключением тематического гласного, точно соответствует герм. **dankwa-z* ~ **denkwa-z* ‘dark’. Ср. лув. (клиноп.) *takkui-* ‘black(?), dark(?)’.

9. **blood**: *esx-ar* ⟨esh-ar⟩

HED E-I: 305; Weeks 1985: 48; Kloekhorst 2008: 256. Сред. р., гетероклитическая парадигма: *esḫ-ar* / *isḫ-an-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *asḫar* ‘blood’ и основному и.-е. термину с этим значением.

10. **bone**: *xastai* ⟨hastai⟩

HW² H: 425; Weeks 1985: 49; HED H: 233; Kloekhorst 2008: 325. Сред. р.; парадигма: *ḫastai* / *ḫasti-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *ḫas* ‘bone’ (хотя упрощение *st* > *s* не ясно) и основному и.-е. термину с этим значением.

11. **breast**: *takk-ani-*

HEG T: 34. OH+. Этот же корень **takk-* ‘breast’ с другим суффиксом содержится в хет. глаголе *takk-aliya-* ‘to embrace’ (OH+). В Николаев 1985: 64 хет. *takk-ani-* ‘breast’ рассматривается как сев.-кавк. заимствование: нах. **dok*’ ‘heart’ (< сев.-кавк. **yĕrk’wĭ* ‘heart’). Такая этимологизация привлекательна фонетически, но не слишком вероятна по общим причинам. Действительно, в хеттском словаре наблюдается небольшое количество пранахских заимствований, но, видимо, все они относятся к культурной лексике. Нет никаких указаний на то, что хеттско-нахские контакты были достаточно сильными и интенсивными для возможности заимствования в список Сводеша. Также ср. выражение для ‘female breast’: *teda-n* HEG T: 343, Kloekhorst 2008: 875, которое является или детским словом, или редупликацией и.-е. корня **$d^{h}e$:-* ‘to suck’.

12. **burn**: *war-nu-*

Kloekhorst 2008: 924. Неправильно переведено Клукхорстом как ‘to kindle, to set fire to’. OH+. Каузатив от *ur-/war-* ‘to burn (intr.)’. Корень, вероятно, связан в балто-слав. **wĭr-* ‘кипеть, вариться’, слав. **war-* ‘тепло, жар’. Второй кандидат — это хет. *same-nu-, same-siya-*, но эти глаголы имеют скорее техническое значение ‘to burn smth. for fumigation, etc.’, см. CHD S: 122 ff. В лувийском, глагол для ‘to burn (tr.)’ — это, видимо, каузатив *ki-nu-* (используется с напоминающей пламя логограммой FLAMMAE(?)), далее к др.-греч. καίω ‘to burn (tr.)’.

13. **nail**: *sankuwai-*

CHD S: 180; HEG S: 837; Kloekhorst 2008: 723. Общ. р. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *tammuga-* ‘nail (fingernails and toenails)’ (Melchert 1993: 204) и основному и.-е. термину ‘nail’ (с редким, но надежно устанавливаемым соответствием хет. *s-* ~ лув. *t-* ~ и.-е. *Ø-*, см. Ivanov 2001: 133; Иванов 2009: 5; Касьян & Якубович 2013: 22). Лув. слово действительно известно только из одного ритуального контекста, где оно применяется к состриженным обрезкам ногтей, но идея Мелчерта, что в лувийском имелись два отдельных слова для ногтя и его обрезков типологически неудачна.

14. **cloud**: *alpa-*

HW² A: 60; HED A: 37; Kloekhorst 2008: 169. Общ. р. OH+. Изолировано в анатолийских, равно как и, вероятно, в и.-е. Сравнение с лат. *albus* ‘white’, герм. **alb-* ‘something white’ семантически не слишком убедительно, хотя и возможно.

15. **cold**: *eg-u-na-*

HED E-I: 258; Kloekhorst 2008: 234. OH+. Производное от существительного *ega-* ‘cold, frost, ice’. Этимологически связано с герм., кельт. и балт. словами для ‘icicle’ и ‘ice’.

16. **come**: *uw=a-*

HEG U: 156; Kloekhorst 2008: 992. OH+. *mi*-спряжение; парадигма: *uw=a-* / *u=e-*. Этимологически соответствует лув. (клиноп., иерогл.) *awi-* ‘to come’. Основа, видимо, состоит из центростремительного преверба **aw-* и основного и.-е. корня для **ey-* ‘to go’ (ср. схожую структуру у глагола *pa=i-* ‘to go’ q.v.). Второй кандидат — это частотный глагол *ḫi*-спряжения *ar-* (HW² A: 208, HED A: 108, Kloekhorst 2008: 196), но его основное значение скорее ‘to arrive (at)’, нежели более узкое ‘to come’.

17. **die**: *ag- ~ akk-*

HW² A: 51; HED A: 17; Kloekhorst 2008: 167. *ḫi*-спряжение. OH+. Природа парадигматического чередования *g* (sg.) ~ *kk* (pl.) не до конца ясна. Корень, видимо, изолирован в анатолийских и и.-е. Иногда глагол *ḫark-* ‘to get lost, lose oneself, disappear, perish’ (HED H: 157; Kloekhorst 2008: 306) может фигурально употребляться в значении ‘to die’ (thus polysemy: ‘to disappear / to die’). Это же касается и глагола *mer-* / *mar-* ‘to disappear, to vanish’ (HED M: 148; Kloekhorst 2008: 577). В лувической ветви ‘to die’ выражается корнем **wal-*: лув. (иерогл.) *wala/i- ~ wara/i-* ‘to die’ (Melchert 1993: 250). Таким образом, нужно считать, что **wel-* был основным индо-хеттским корнем для ‘to die’, вытесненным корнем **mer-* после отделения тохарского. Хет. *ag- ~ akk-* — этимологически неясная инновация.

18. **dog**: не засвидетельствовано.

Обычно пишет через шумерограммы UR, UR.GI$_7$. Общий и.-е. корень известен из хет. ^{LÚ}*kuwan- ~ kun-* ‘hound-man’ и лув. (иерогл.) *zwani-* ‘dog’.

19. **drink**: *egu-*

HED E-I: 261; Kloekhorst 2008: 236. OH+. *mi*-спряжение; парадигма: *egu- / agu-*. Анатолийские этимоны: палай. *aḫu-* ‘to drink’ и, возможно, лув. (клиноп.) *u-* ‘to drink(?)’. И.-е. этимоны: тох. A и B *yok-* ‘to drink’. После отделения тохарского корень был утрачен (возможная ретенция: лат. *ēb-rius* ‘drunk’).

20. **dry**: *xad-ant-* ⟨*ḫad-ant-*⟩

HW^2 H: 478; HED H: 247; Kloekhorst 2008: 328. OH+. Регулярное причастие от глагола *ḫad-* ‘to dry’. И.-е. этимон — др.-греч. *ἄζω* ‘to dry up’. Второй кандидат — это хет. *tars-ant-*, причастие от редкого глагола *tars-* ‘to become dry, make dry’ (HEG T: 219; Kloekhorst 2008: 848), однако *tars-ant-*, видимо, применяется только к пищевым продуктам.

21. **ear**: *istam-an- ~ istam-in-*

HED E-I: 458; Kloekhorst 2008: 411. Общ. р. OH+. Фонетически, видимо, /st.../ с графическим гласным. Анатолийский этимон — лув. (клиноп.) *tumm-ant-* ‘ear’ (Melchert 1993: 232) с лувийским упрощением начального кластера *st-*. Корень был утрачен в и.-е. (сравнение с др.-греч. и авест. формами с инвариантным значением ‘an organ of perception’ или же ‘a hole in the head’ семантически неудовлетворительно). Хет. глагол *istam-ass-* ‘to hear; to listen to’ q.v. содержит тот же корень.

22. **earth**: *tegan*

HEG T: 292; Kloekhorst 2008: 858. Сред. р.; парадигма: *tegan / takn-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *tiyamm(i)-* ‘earth’, (иерогл.) *takam-* ‘earth’. Общий и.-е. термин.

23. **eat**: *ed-*

HED E-I: 315; Kloekhorst 2008: 261. *mi*-спряжение; парадигма: *ed-* / *ad-*. OH+. Этимологически соответствует пал. *ad-* ‘to eat’, лув. (клиноп., иерогл.) *ad-* ‘to eat’. Общий и.-е. термин. Ср. хет. глагол *karap-* ‘to eat (of animals), devour’ (HED K: 72, Kloekhorst 2008: 442).

24. **egg**: не засвидетельствовано.

25. **eye**: *saguwa-*

CHD S: 65; HEG S: 731; Kloekhorst 2008: 704. Сред. р. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп., иерогл.) *tawa/i-* ‘eye’ и и.-е. *ok^{w}-* ‘eye’ (с редким, но надежно устанавливаемым соответствием хет. *s-* ~ лув. *t-* ~ и.-е. *Ø-*, см. Ivanov 2001: 133; Иванов 2009: 5; Касьян & Якубович 2013: 22), хотя т. н. анатолийская лениция **k^{w}* > /g^{w}/ требует дополнительного исследования. Хет. глагол *saguwa-ye-* ‘to see, look’ содержит этот же корень, хотя *saguwa-ye-* — это не основной хет. глагол для ‘to see’ q.v.

26. **fat$_1$**: *sagan*

CHD S: 35; HEG S: 717; Kloekhorst 2008: 698. Полисемия: ‘oil / fat’. Сред. р.; парадигма: *sagan* / *sakn-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *tain* ‘oil’, однако надежные и.-е. этимоны не известны.

В хет. засвидетельствованы два слова для ‘fat’: 1) *sagan*; 2) *app-uzzi*. По имеющимся контекстам не представляется возможным выявить разницу в значениях (к тому же обычно ‘fat’ выражается шумерограммой Ì), так что *sagan* и *app-uzzi* можно трактовать как лексикостатистические синонимы. Также ср. хет. корень **wark-*, фиксируемый в *wark-ant-* ‘fat (adj.)’, *wark-ess-* ‘to get fat’, каузатив *wark-nu-* ‘to make fat’ (Kloekhorst 2008: 963) и соответствующий пал. *waqqak-ant-* ‘fat (adj.)’.

26. **fat$_2$**: *app-ucci* ⟨*app-uzzi*⟩

HW^2 A: 193; HED A: 103; Kloekhorst 2008: 195. Многими авторами переводится как ‘animal fat, tallow’. Сред. р. OH+. Без анатолийской и и.-е. этимологии.

27. **feather**: *patt-ar ~ pitt-ar*

CHD P: 240; Kloekhorst 2008: 658. Полисемия: ‘wing / feather’. Сред. р.; гетероклитическая парадигма: *pVttar* / *pVttan-*. МН. Чтение первого гласного неизвестно: *a* или *i*. Изолировано в анатолийских, но может соответствовать основному и.-е. термину для ‘feather’.

Значение ‘feather’ редко упоминается в хеттских текстах, однако *pVttar* — явно основной кандидат (при этом в HEG P: 538, например, для *pVttar* вообще не дается перевода ‘feather’). Второй кандидат — это *part-awar* / *part-aun-* (CHD P: 198, HEG P: 508; Kloekhorst 2008: 646), чье основное значение — ‘wing’, а дополнительное значение ‘feather’ предлагается некоторыми исследователями для одного ср.-хет. ритуального контекста; на самом деле, в этом пассаже из ритуала *ḫišuwa* возможен и прямой перевод ‘wing’.

28. **fire**: *paxxur* ⟨*paḫḫur*⟩

CHD P: 12; HEG P: 366; Kloekhorst 2008: 613. Полисемия: ‘fire / campfire / embers / fever’. Сред. р.; гетероклитическая парадигма: *paḫḫur* / *paḫḫuen-*. ОН+. Возможный этимон — лув. (клиноп.) *paḫur* ‘fire(?)’. Этимологически соответствует основному и.-е. термину для ‘fire’.

29. **fish**: не засвидетельствовано.

Обычно пишется шумерограммой KU_6. Касательно иногда предполагаемого тождества шумерограммы KU_6 и фонетического гапакса *parḫuwaya-* ~ *mašḫuwaya-* см. CHD P: 148; HEG P: 458; Kloekhorst 2008: 635.

30. **fly**: *pa=i-* ~ *uw=a-*

Ünal 1973: 34; CHD P: 19, 35, 355. В хеттском идея полета обычно выражается различными общими глаголами движения: *pai-* ‘to go, go away’ q.v., *uwa-* ‘to come’ q.v., *ar-* ‘to arrive’ и т. д., см. Ünal 1973: 34; CHD P: 19, 35, 355. Я заполняю слот глаголами *pa=i-* и *uw=a-*, которые содержат и.-е. корень **ey-* ‘to go’ с различными направительными префиксами. Также ср. глагол *pittai-* ~ *pattai-* ‘to run; to flee’, который единожды фиксируется в значении ‘to fly’ применительно к богине Иштар (CHD P: 354; Kloekhorst 2008: 655); *pittai-* ~ *pattai-* является этимоном основного кандидата на статус и.-е. глагола ‘to fly’.

31. **foot**: *pada-*

CHD P: 231; HEG P: 531; Kloekhorst 2008: 653. Общ. р. OH+. В CHD P: 234 высказывается подозрение, что *pada-* может также значить ‘leg’, однако на самом деле во всех приводимых в словаре контекстах хет. слово скрыто за шумерограммой GÌR. Этимологически соответствует лув. (клиноп., иерогл.) *pada/i-* ‘foot’, лик. *pede/i-* ‘foot’ и основному и.-е. термину для ‘foot’. Ср. хет. *ektu* ‘leg’ (HED E-I: 260), хотя в засвидетельствованных контекстах *ektu* применяется только к зверям. Вторым кандидатом на значение ‘human leg’ может быть хет. (и, видимо, лув.) слово *talla-*, о котором см. Pecchioli Daddi 2010.

32. **full**: *suwu-*

HEG S: 1125; Kloekhorst 2008: 794. OH+. Этот же корень содержится в хет. глаголе *suw-a-* ‘to fill’, лув. (иерогл.) *suw-a-* ‘to fill’ и пал. *suw-a-ru-* ‘full’ (Kloekhorst 2008: 796). Без надежной и.-е. этимологии.

33. **give**: *pai-*

CHD P: 40; HEG P: 376; Kloekhorst 2008: 614. Полисемия: ‘to give / to pay / to grant / to hand over’. *ḫi*-спряжение; парадигма: *pai-* / *pi-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *pai-* ‘to give’, (иерогл.) *pia-* ‘to give’, лик. *piye-* ‘to give’, пал. итератив *pi-sa-* ‘to give’. И.-е. этимология не вполне ясна, ср. обсуждение в Kloekhorst 2008: 615.

34. **good**: *assu-*

HW² A: 492; HED A: 196; Kloekhorst 2008: 223. Полисемия: ‘good / dear / favourable’. OH+. Видимо, тот же корень содержится в хет. медиопассивном глаголе *ass- ~ ass-iya-* ‘to be good / loved’, которые соответствует лув. (иерогл.) *aza-* ‘to love’. Этимологически связано с др.-греч. ἐύς ‘good’, др.-инд. *sú* ‘good’. В пал. и лув. (клиноп.) используется иной корень: *wasu-* ‘good’ (Melchert 1993: 266).

35. **green**: *xaxxal-uwant- ~ xaxli-want- ~ xaxla-want-* ⟨*ḫaḫḫal-uwant- ~ ḫaḫli-want- ~ ḫaḫla-want-*⟩

HW² H: 12; HED H: 4; Kloekhorst 2008: 268. Видимо, с полисемией: ‘green / yellow’. Трудный случай. Во-первых, не до конца ясно, различает ли лексически хеттский язык понятия ‘green’ и ‘yellow’ или же оба цвета обозначаются общим словом (в соответствии с шумерской и аккадской стратегией). Во-вторых, почти во всех контекстах, где можно предположить цветовую семантику ‘green’ или ‘yellow’, хет. слово скрыто за шумерограммой SI_{12} или $SI_{12}.SI_{12}$ (= SIG_7, $SIG_7.SIG_7$) ‘(to be) green-yellow, pale’ или же за аккадограммой *ḫaṣartu* ‘(yellow-)green wool’. Наиболее вероятное чтение SI_{12} / $SI_{12}.SI_{12}$ и *ḫaṣartu* — это хеттская не зафиксированная напрямую основа **ḫaḫḫala/i-*, см. HW² H: 4, хотя имеются и другие однокоренные формы, засвидетельствованные в фонетическом написании со значением ‘green / yellow’: *ḫaḫḫal-uwant-*, *ḫaḫli-want-*, *ḫaḫla-want-* (HED H: 4, HW² H: 12, Kloekhorst 2008: 268). Сюда же относятся различные глагольные образования: *ḫaḫḫal-e-ske-* ‘to become yellow/green’, *ḫaḫl-aḫḫ-* ‘to make yellow/green’ и т. д. Все эти лексемы произведены от существительного *ḫaḫḫal* / *ḫaḫḫall-* ‘greenery, verdure, (wild) vegetation’ (HW² H: 3, HED H: 3, Kloekhorst 2008: 267), которое в свою очередь интерпретируется в Николаев 1985: 60 как сев.-кавк. заимствование (сев.-кавк. **qĕleqĭ* ‘a k. of tree or bush’). Действительно, хет. *ḫaḫḫall* выглядит как *Fremdwort*, однако предлагаемый сев.-кавк. источник выглядит сомнительным из-за разницы в значении и из-за гипотетической метатезы *l*, не засвидетельствованной ни в одной из известных сев.-кавк. форм-потомков.

36. **hair**: *teda-na-*

HEG T: 345. Полисемия: ‘head hair [pl.] / a single head hair [sg.]’. Общ. р. МН+. Неясно, применимо ли это слово только к волосам головы или же к любому волосяному покрову. Не имеет анатол. и и.-е. этимологии. Ср. основу *isḫiya-ni- ~ isḫie-ni-* ‘body hair’ (HED E-I: 400, Kloekhorst 2008: 392), ОН+, которая традиционно рассматривается как девербатив от *isḫiya-* ‘to bind; to wrap’. Лув. термин для ‘head hair’ — это, видимо, *tapp-ani-* (клиноп.), Melchert 1993: 206; также без и.-е. этимонов.

37. **hand**: *kessar*

HED K: 160; Kloekhorst 2008: 471. Полисемия: ‘hand / paw’. Общ. р. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *is(sa)ra/i-* ‘hand’, (иерогл.) *is-tra/i-* ‘hand’, лик. *izre/i-* ‘hand’. Далее к основному и.-е. термину для ‘hand’. Надежные хет. кандидаты на значение ‘arm’ отсутствуют. Ср. основу *iśḫu-nau-*, которая может значить ‘arm’ или хотя бы ‘upper arm’ (Kloekhorst 2008: 395 с лит.), однако, традиционный перевод ‘sinew’ представляется более удачным, особенно если предположить полисемию ‘sinew / biceps’ (так в HED E-I: 403; HED K: 321) и затем опциональный сдвиг ‘biceps’ > ‘upper arm’ в качестве конструкции *pars pro toto* (так в Catsanicos 1996: 201 с типологическими параллелями).

38. **head**: *xars-ar* ⟨*ḫars-ar*⟩

HW² H: 344; HED H: 187; Kloekhorst 2008: 314. Полисемия: ‘head / person / front / beginning’. Сред. р.; гетероклитическая парадигма: *ḫarsar* / *ḫarsn-*. OH+. Теоретически анатол. основу возможно анализировать как суффиксальную **xar-s-* и возводить к и.-е. **kʸr-s-* (один из двух основных кандидатов на статус и.-е. термина ‘head’) с нерегулярной фрикативизацией. Другие хет. лексемы с возможным значением ‘head’ — это этимологически неясное *ḫala-* (HW² H: 16; HED H: 11), а также *ḫuballas* (HW² H: 730; HED H: 386), оба слова очень редки, они точно не могут быть признаны основными терминами для данного анатомического значения. В лув. ‘head’ выражается основой *ḫarmaḫa/i-* (клиноп.) (Melchert 1993: 58), которая может содержать тот же корень, что и хет. *ḫar(-)s-ar*, например, если предположить упрощение консонантного кластера после прибавления суффиксального *-m-*.

39. **hear**: *istam-ass-*

HED E-I: 452; Kloekhorst 2008: 412. Полисемия: ‘to hear / to listen to / to perceive’. *mi*-спряжение. OH+. Этот же корень обнаруживается в хет. существительном *istam-ana-* ‘ear’ q.v., хотя морфологические детали не до конца ясны. Теоретически и *istam-ass-* и *istam-ana-* могут быть независимо произведенными от корня **stam-* при помощи разных суффиксов. Альтернативное и более привлекательное решение — трактовать *istam-ass-* как отыменное об-

разование < *istam-an-s-* (так в Kloekhorst 2008: 413), хотя следует подчеркнуть, что типологически семантическая деривация ‘ear’ > ‘to hear’ оказывается неожиданным образом очень редкой. Тем не менее, лувийский (клиноп.) глагол для ‘to hear’ — *tummant-iya-* — представляет собой морфологически прозрачный деноминатив от *tumm-ant-* ‘ear’ q.v.

40. **heart**: *kart-*

HED K: 189; Kloekhorst 2008: 469. Полисемия: ‘heart / center’. Сред. р.; парадигма: *kir* (< **kert#*) / *kart-* / *kart-i-*. OH+. Этимологически соответствует пал. *kart-* ‘heart’, лув. (клиноп., иерогл.) *zart-* ‘heart’. Далее к основному и.-е. термину для значения ‘сердце’.

41. **horn**: *karaw-ar*

HED K: 77; Kloekhorst 2008: 446. Сред. р.; гетероклитическая парадигма: *karawar* / *karaun-*. OH+. Этимологически соответствует лув. *zuran-* (иерогл.) ‘horn’, лув. прилагательному *zarwani*(*ya*)- (клиноп.) ‘of a horn’ и основному и.-е. термину для ‘horn’. Ср. хет. terminus technicus ‘hunting horn; drinking horn’: *sawitra-*, *sawadar* (CHD S: 317, HEG S: 961, Kloekhorst 2008: 740), без этимологии.

42. **I**$_1$: *uk*

Hoffner & Melchert 2008: 134; HEG U: 21; Kloekhorst 2008: 112, 912. Прямая основа. OH+. Изолировано внутри анатолийских, но соответствует прямой основе и.-е. местоимения 1 л. ед. ч. Огласовка *u* в хет. форме, вероятно, возникла под влиянием косвенной основы *tu-* местоимения 2 л. ед. ч. ‘thee’ (q.v.), хотя парадигматически это может показаться несколько необычным. Хет. супплетивная парадигма местоимения 2 л. ед. ч. ‘thou’ — это им. п. *zik* (< **tik*), акк.-дат. *tuk*, таким образом, *u* могло сначала проникнуть в акк.-дат. *ammuk* ‘me’ и оттуда распространиться на прямую основу *uk*.

42. **I**$_2$: *amm-*

Hoffner & Melchert 2008: 134; Kloekhorst 2008: 112, 912. Косвенная основа. OH+. Этимологически соответствует лув. (иерогл.) *amu* ‘I, me’, лид. *amu* ‘I,

me’, лик. *ẽtu* ‘I’, *et-* / *ẽt-* ‘me’, где старая прямая основа была вытеснена косвенной. Связано с и.-е. косвенной основой на *m-*, хотя анатол. протетическая гласная неясна, равно как и хет. геминированное *-mm-* (< **mn*?).

43. **kill**: *kuen-*

HED K: 206; Kloekhorst 2008: 485. Полисемия: ‘to kill / to slay / to ruin’. *mi*-спряжение; парадигма: *kuen-* / *kun-*. OH+. Лувийское соответствие можно видеть в писцовом титуле *kwananala-* (иерогл.), букв. ‘engraver’. Основной и.-е. корень для ‘to kill’.

44. **knee**: *kenu ~ kanu*

HED K: 146; Kloekhorst 2008: 467. Полисемия: ‘knee / penis, loins’. Сред. р. OH+. Этимологически соответствует пал. *kinu* ‘penis’ (Eichner 2010: 52). Основной и.-е. корень для ‘knee’.

45. **know**: *sakk-*

CHD S: 21; HEG S: 709; Kloekhorst 2008: 695. Полисемия: ‘to know (about) / to experience / to pay attention to / to recognize / to remember / to be expert in / to be acquainted with’. *ḫi*-спряжение; парадигма: *sakk-* / *sekk-*. OH+. Корень изолирован в анатолийских; и.-е. этимоном может являться лат. *sciō* ‘to know’, хотя семантические переходы между различными глаголами знания в и.-е. языках требуют отдельного исследования. Также ср. хет. *kan-ess-* ‘to know, recognize, acknowledge; to honor’ (HED K: 42, Kloekhorst 2008: 434), без анатол. этимонов, но с надежными и.-е. параллелями. В лув. глагол ‘to know’ — это этимологически неясная основа *uni-* (иерогл. и, возможно, клиноп.), Melchert 1993: 241.

46. **leaf**: *parstu-*

CHD P: 190; Kloekhorst 2008: 645. Полисемия: ‘leaf / foliage’. Общ. р. OH+. В HEG P: 446 неправильно переведено как ‘bud, shoot’. Без анатол. и и.-е. этимологии. В лувийском основа *tarsa-* (иерогл.) значит скорее ‘shoots’, а не ‘leaf’.

47. **lie**: *ki-*

HED K: 169; Kloekhorst 2008: 473. Медиопассивный глагол. OH+. Применяется и к людям, и к неодушевленным объектам. Этимологически соответствует пал. *ki-* ‘to lie’, лув. (клиноп.) *zi-* ‘to lie’. Далее связано с основным и.-е. кандидатом на значение ‘to lie’.

48. **liver**: *lessi*

CHD L-N: 72; HED L: 97; HEG L-M: 54; Kloekhorst 2008: 525. Сред. р. OH+. Без анатол. и и.-е. этимологии. В палайском термин для ‘liver’ — это этимологически темная основа *pannu-* (Eichner 2010: 52).

49. **long**: *talugi-*

HEG T: 61; Kloekhorst 2008: 819. Полисемия: ‘long (spatial) / long (temporal)’. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует основному и.-е. термину для ‘long’. В лувийском значение ‘long (spatial/temporal)’ выражается этимологически неясной основой *array(a)-* (клиноп.), *a+ra/i- ~ ara/i* (иерогл.).

50. **louse**: не засвидетельствовано.

51. **man**: *pesan-*

CHD P: 324; HEG P: 585; Kloekhorst 2008: 670. Общ. р.; парадигма: *pesan- / pisen- / pesn-*. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует лат. *pēnis* ‘penis’ и другим терминам для мужских гениталий. В лувийском значение ‘man’ выражается этимологически неясной основой *zida/i-* (клиноп.), Melchert 1993: 284.

52. **many**: *mekk-i*

CHD L-M: 245; HED M: 119; HEG L-M: 181; Kloekhorst 2008: 572. Слово *mekk- ~ mekki-* является прилагательным со значением ‘much, many, numerous, plentiful’, его форма ном.-акк. ед. ч. ср. р. *mekki* может использоваться как наречие с полисемией ‘many / much’. В лувийском ‘many, much’ выражается формой *ma* (иерогл.), которая этимологически может соответство-

вать хет. основе, см. van den Hout 2010a: 239. Этимологически связано с др.-греч. μέγας ‘big’, др.-инд. *máhi* ‘big’ и т. д., хотя соответствие хет. *-kk-* ~ др.-греч. *-γ-* ~ др.-инд. *h* нерегулярно.

53. **meat**: фонетическое написание не зафиксировано; обычно передается шумерограммой UZU.

54. **moon**: *arma-*

HW² A: 313; HED A: 151; Kloekhorst 2008: 206. Полисемия: ‘moon / Moon-deity / month’. Общ. р. OH+. Хет. слово *arma-* всегда записывается идеограммами (^{d}EN.ZU, ITU, ITU.KAM, ^{d}*SÎN*), однако однозначно реконструируется с помощью фонетических комплементов, ребусных написаний и различных производных. Общеанатолийский термин (лик. *arm̃ma-* ‘moon’ и т. д.) без дальнейшей этимологии.

55. **mountain**: фонетическое написание не зафиксировано; обычно передается шумерограммой HUR.SAG. *Л*увийский термин для ‘mountain’ — это, вероятно, **ariyatt(i)-* (букв. ‘elevation’), см. Melchert 1993: 27.

56. **mouth**: *ayis*

HW² A: 48; HED A: 15; Kloekhorst 2008: 166. Сред. р.; парадигма: *ayis* / *iss-*. OH+. Анатол. этимон: лув. (клиноп.) *aas-* ‘mouth’. Этимологически соответствует словам для ‘mouth’ в индо-иран., лат. и др. и.-е. языках и таким образом представляет основной и.-е. термин для этого значения.

57. **name**: *laman*

CHD L-N: 31; HED L: 51; HEG L-M: 27; Kloekhorst 2008: 517. Полисемия: ‘name / reputation’. Сред. р.; парадигма: *laman* / *lamn-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (иерогл.) *alaman-* ‘name’, Lyc. *alaman-* ‘name’. Одно из самых стабильных и.-е. слов.

58. **neck**: *kuwatt-ar*

HED K: 313. Полисемия: ‘neck / nape of the neck, scruff / top of shoulders / mainstay, support’. Сред. р., гетероклитическая парадигма: *kuwattar ~ kuttar* / *kuttan-*. ОН+. Без анатол. и и.-е. этимологии. Ср. пал. слово *kassu-* или *kassud-* ‘neck(??)’ (Eichner 2010: 52–53).

59. **new**: *newa-*

CHD L-N: 455; HED N: 95; HEG N: 320; Kloekhorst 2008: 605. Полисемия: ‘new / fresh’. ОН+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *nawa/i-* ‘new’. Одно из самых стабильных и.-е. слов.

60. **night**: *ispant-*

HED E-I: 431; Kloekhorst 2008: 404. Общ. р. ОН+. Должно анализироваться как *sp-ant-* с графическим протетическим гласным и частотным суффиксом *-ant-*. Хет. корень этимологически связан с индо-иран. термином для этого значения: др.-инд. *kṣáp-* ‘night’, авест. *xšapan-* / *xšafn-* ‘night’ < и.-е. **ksep-* / **ksp-* с упрощением кластера в хеттском. Узко-и.-е. термин для ‘night’, **neg^{hw}-t-* > **nek^{w}-t-*, соответствует хет. *negu-t-* ‘evening, nightfall’, деривату от хет. глагола *negu-* ‘to become evening’ (CHD L-N: 432; HED N: 79; HEG N: 302; Kloekhorst 2008: 602). Надо упомянуть, что корень в чистом виде без суффикса *-t* сохраняется и в некоторых др.-греч. формах, хотя и с семантикой ‘night’, а не ‘evening, dusk’.

61. **nose**: *tidida- ~ tittida-*

HEG T: 393. Полисемия: ‘nose / muzzle’. Вероятно, общ. р. ОН+. Без анатол. и и.-е. этимологии.

62. **not**: *na-tta*

Hoffner & Melchert 2008: 341; CHD L-N: 409; HED N: 68; HEG N: 284; Kloekhorst 2008: 597. ОН+. Отрицание утверждения. Этимологически соответствует основным показателям отрицания в остальных анатолийских языках: пал. *ni, nit*, лув. *nawa* (клиноп., иерогл.), *na* (иерогл.), лид. *ni, nit*, лик. *ne*. Хет. форма, видимо, содержит основную и.-е. морфему отрицания **ne*, хотя хет.

na- (вместо ожидаемого ***ne-/ni-)* указывает на праформу **no*. Прохибитив выражается хет. частицей *le* (OH+), Hoffner & Melchert 2008: 344, которая не имеет анатол. и и.-е. этимонов (иногда предлагаемое сопоставление с и.-е. **ne* не оправдано). Лув. показатель прохибитива — это частица *ni-s* с более поздним вариантом *ni* (иерогл.).

63. **one**: *si- ~ sia-*

Hoffner & Melchert 2008: 154; Kloekhorst 2008: 750. OH+. Видимо, соответствует тохарскому числительному (Pinault 2006), утраченному в и.-е. после отделения тохарской ветви (хотя ср. др.-греч. ж. р. ἴα ‘one’). Исходно может происходить от и.-е. местоименной указательной **so-*, ж. р. **sā/sī*, особенно ср. др.-инд. *syá*, ж. р. *syā́* ‘jener, der’. Необходимо иметь в виду, что сематический переход ‘this’ > ‘1’ типологически обычен, чего нельзя сказать о развитии в противоположном направлении. И.-е. корень *oy-* может теоретически содержаться в хет. *anki* ‘once’, *ant-* ‘equal’, лув. (клиноп.) *ayawala* ‘equal’.

64. **person**: *antuwaxxas* ⟨*antuwaḫḫas*⟩

HW² A: 109; HED A: 79; Kloekhorst 2008: 188. Общ. р.; вероятно, первоначальная парадигма *antuwaḫḫas* / *antuḫs-*. Без анатол. этимонов. Скорее всего, основу надо анализировать как архаичное образование *an-tuwaḫḫ-* ‘(having) breath inside’. Анатомические термины *ḫarsar* ‘head’ q.v. и *twekk-* ‘body’ также могут использоваться в значении ‘person’.

65. **rain**: *xeyu-* ⟨*ḫeyu-*⟩

HED H: 301; Kloekhorst 2008: 340. Общ. р. OH+. Основа выглядит архаичной, но оказывается изолированной в анатол. и и.-е.

66. **red**: фонетическое написание не зафиксировано.

Обычно передается шумерограммой SA_5. Основной кандидат на фонетическое чтение SA_5 — это хет. *mida- ~ midi- ~ mitta-* (CHD L-N: 301; HED M: 165; HEG L-M: 218; Kloekhorst 2008: 583), хотя во всех известных контекстах *mida-* применяется именно к шерсти, а не к каким-либо другим объектам, так что

возможно, что *mida-* представляет собой некий terminus technicus, а не общее цветообозначение ‘red’.

67. **road**: *palsa-*

CHD P: 69; HEG P: 398; Kloekhorst 2008: 621. Полисемия: ‘road / path / trail / campaign, military expedition / journey / caravan / time (occasion, occurrence)’. Общ. р. ОН+. Этимологически соответствует лув. *pars-* (иерогл.) ‘time (occasion, occurrence)’, если такой перевод правилен. Без и.-е. этимологии. *Л*ув. слово для ‘road’ — *ḫaruwa-* (клиноп.), Kloekhorst 2008: 317 (окказионально заимствуется в хеттский). *Л*ув. слово изолировано в анатол. и и.-е., однако фонетически напоминает хуррито-урарт. *ḫari* ‘road’ и аккад. *ḫarrānu* ‘road; journey’.

68. **root**: *surki- ~ surka-*

HEG S: 1209; Kloekhorst 2008: 792. Общ. р. ОН+. Без анатол. и и.-е. этимонов.

69. **round**: не засвидетельствовано.

70. **sand**: не засвидетельствовано. Может писаться шумерограммой SAHAR.HI.A.

71. **say**$_1$: *te-*

HED T: 140, 291; Kloekhorst 2008: 857, 870.

В архаичном хеттском присутствуют два фактически синонимичных глагола для ‘to say’:

1) *te-* / *tar-*. Глагол *mi*-спряжения с супплетивной парадигмой: *te-* [sg.] / *tar* [pl.]. ОН+. Первый корень соответствует слав. **dē-* ‘сказать’ (явно следует отделять от и.-е. корня *d^{h}ē-* ‘to put, lay’); второй корень *tar-* может быть сопоставлен с балт. **tar-* ‘to pronounce’ и другими и.-е. формами экспрессивного речепорождения (включая пал. *tar-ta-* ‘curse’, лув. (иерогл.) *ta-tar-iya* ‘to curse’ и т. д.).
2) *mema-*. Глагол *ḫi*-спряжения. ОН+. Без анатол. и и.-е. этимологии.

В позднем языке *te-* / *tar-* вытесняется глаголом *mema-*, который становится единственным основным verbum dicendi в новохеттском (CHD L-N: 263).

*Л*ув. глагол ‘to say’ — это *asaza-* (иерогл.), Kloekhorst 2008: 166, который, вероятно, произведен от существительного **as-* ‘mouth’ q.v., однако надо отметить, что семантическое развитие ‘mouth’ > ‘to say’ типологически редко.

71. **say$_2$**: *mema-*

CHD L-N: 254; HED M: 126; HEG L-M: 186; Kloekhorst 2008: 573.

72. **see**: *au- ~ au-s-*

HED A: 234; HEG U: 5, 116; Kloekhorst 2008: 227. Полисемия: ‘to see / to look / to watch / to read’. *ḫi*-спряжение (основа *au-/u-)* и *mi*-спряжение (основа *au-s-)*. OH+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *awa* ‘behold!’ и и.-е. корню восприятия: др.-греч. *ἀΐω* ‘to perceive (i.e. to hear, to see)’, др.-инд. *āvíṣ* ‘evidently, before the eyes’. Второй кандидат — это хет. отыменной глагол *saguwa-ye-* (произведенный от *saguwa-* ‘eye’ q.v.), но он, скорее, имеет значение ‘to have the faculty of sight’ и ‘to look’, см. CHD S: 55. В лувийском глагол для ‘to see’ — это, видимо, *mana-* (клиноп.), Melchert 1993: 135 (полисемия: ‘to look at / to see / to experience’).

73. **seed**: фонетическое написание не зафиксировано; обычно передается шумерограммой NUMUN.

74. **sit**: *es-*

HED E-I: 291; Kloekhorst 2008: 252. Полисемия: ‘to sit / to sit down / to reside / to settle, inhabit (trans.)’. Обычно медиопассивный залог; парадигма: *es-* / *as-*. OH+. Этимологически соответствует лув. (иерогл.) *as-* ‘to be seated, to dwell’ и т. д. Далее к др.-греч. ἡσ- ‘to sit; to stay’ (источник густого придыхания неясен), индо-иран. **ās-* ‘to sit; to dwell’.

75. **skin**: не засвидетельствовано.

Один из возможных кандидатов — это этимологически темная основа *miluli- ~ maluli-* (CHD L-N: 253; HED M: 124; HEG L-M: 210), но ее точный перевод неясен. Также ср. слово *kursa-* 'hide' (HED K: 270).

76. **sleep**: *supp-*

HEG S: 1175; Kloekhorst 2008: 787. Медиопассивный или активный (*mi*-спряжение) залог. OH+. Глагол не имеет анатол. этимонов, хотя и представляет основной и.-е. корень с этим значением. Второй хет. кандидат — это *ses-* / *sas-*, *mi*-спряжение, OH+ (HEG S: 1005; Kloekhorst 2008: 746), хотя его главное значение скорее 'to rest', нежели собственно 'to sleep'. Хет. *ses-* также изолирован в анатолийских, но соответствует индо-иран. **sas-* 'to sleep'.

77. **small**: *kappi-*

HED K: 61; Kloekhorst 2008: 439. OH+. Трудный случай, потому что обычно значение 'small, little' передается шумерограммой TUR. Известны три хет. прилагательных, могущих претендовать на статус общего термина. Из них *kappi-* представляется основным кандидатом. Хет. *kappi-*, вероятно, основное чтение шумерограммы TUR; в фонетическом написании это прилагательное засвидетельствовано применительно и к неодушевленным, и к одушевленным объектам. Возможный, хотя и не обязательный анатол. этимон — лид. καμβειν 'grandchild'. Без надежной и.-е. этимологии.

Второй кандидат — это хет. *amiy-ant- ~ ammiy-ant-* (HED A: 47; HW² A: 66; Kloekhorst 2008: 171), OH+. Однако представляется, что исходно это прилагательное сочеталось только с одушевленными объектами, хотя в новохеттском *am(m)iy-ant-* также применяется и к неодушевленным объектам. Традиционно *am(m)iy-ant-* рассматривается как и.-е. отрицание **n* плюс причастие от хет. глагола *mai-* / *miya-* 'to grow' (букв. 'non-grown').

Третье прилагательное — *tebu-* 'little, few', наречие *tebu* 'a few' (HEG T: 311; Kloekhorst 2008: 869), OH+, но значение этих форм скорее ближе к англ. 'few, a few'. Видимо, этимологически связано с др.-инд. *dabh-rá-* 'little, small, deficient'.

78. **smoke**: *tuxxui- ~ taxxui* ⟨*tuḫḫui- ~ taḫḫui*⟩

HEG T: 417; Kloekhorst 2008: 895. Общ. р.; парадигматически: *tVḫḫui-* и *tVḫḫuwai-*. OH+. Чтение первого гласного неясно: *a* или *u*. Основа изолирована в анатолийских, хотя представляет основной и.-е. корень для ‘to smoke (vb.); smoke (n.)’. В Kloekhorst 2008: 886 утверждается, что редкий и семантически темный хет. глагол *tuḫḫai-* значит ‘to produce smoke’, что не обязательно.

79. **stand**: *ar-*

HW² A: 194; HED A: 104; Kloekhorst 2008: 195. Полисемия: ‘to stand / to be present, occur’. Медиопассивный глагол. OH+. Применяется и к одушевленным, и к неодушевленным объектам. Глагол изолирован в анатол. и и.-е. (и.-е. **er-* ‘to move’ соответствует хет. *ar-* ‘to arrive’). Ср. хет. глагол *tiya-* ‘to step, go stand, place oneself’ (HEG T: 357; Kloekhorst 2008: 879), который, видимо, соответствует лув. (клиноп., иерогл.) *ta-* ‘to come to stand’.

80. **star**: *xaster-* ⟨*ḫaster-*⟩

HW² H: 434; HED H: 238; Kloekhorst 2008: 326. Гапакс в фонетическом написании (обычно это слово пишет шумерограммой MUL). Изолировано в анатол., но отражает основной и.-е. термин для ‘star’.

81. **stone**: не засвидетельствовано.

Обычно записывается через шумерограмму NA_4. Хет. *agu-* традиционно переводится как ‘stone’ (HW² A: 53; HED A: 24), но на самом деле перевод ‘seashell’ представляется правдоподобнее (CHD P: 73, 207; Kloekhorst 2008: 168). Также ср. *passi-la-*, чье основное значение — ‘small stone, pebble’ (CHD P: 206; HEG P: 520; Kloekhorst 2008: 650). Слово для ‘stone’, однако засвидетельствовано в лувийском: *asu-* ⟨á-su-⟩ (иерогл.) ‘stone’ (Payne 2010: 144), которое изолировано в анатол. и и.-е. (фонетически оно не может соответствовать хет. *agu-*).

82. **sun**: *istanu- ~ astanu-*

HED E-I: 465. В анатолийской и месопотамской традициях слова для ‘sun’ и ‘moon’ совпадают с именами солнечного и лунного божеств, таким образом при смене культа эти термины оказываются подверженными замещению через иноязычные заимствования. Хет. *istanu- ~ astanu-* с полисемией ‘sun / Sun-god(dess) / majesty’ заимствовано из хат. *estan* / *astan* ‘sun; Sun-goddess’. В других анатолийских наблюдаются основы, соответствующие хет. *siwatt-* ‘day’: пал. *tiyatt-* (или *tiyad-)* ‘Sun deity’, лув. *tiwad-* (клиноп.), *tiwad(i)-* (иерогл.) ‘Sun deity’ (Kloekhorst 2008: 766), произведенные от и.-е. корня **dyew-* ‘day-lit sky, sky-god’.

83. **swim**: не засвидетельствовано.

Как указано в Ünal 1973: 34, глаголы, применяемые к водяным змеям, — это *pai-* ‘to go, go away’ q.v. и *uwa-* ‘to come’ q.v., что идентично ситуации с выражениями для ‘to fly’ q.v. Также ср. *pai-* в значении ‘to go across the sea (said of persons)’, CHD P: 33.

84. **tail**: не засвидетельствовано.

Обычно записывается через шумерограмму KUN. Весьма вероятное хет. чтение шумерограммы KUN — это этимологически изолированная основа *sisai* (HEG S: 1008; Kloekhorst 2008: 757).

85. **that**: *aba-*

HW² A: 130; HED A: 86; Kloekhorst 2008: 191; Melchert 2009. Полисемия: ‘that; he, she, it’. OH+. Как указано в Hoffner & Melchert 2008: 142 ff., хеттская дейктическая система троична: *ka-* ‘this’ ~ *aba-* ‘that (concerning the addressee)’ ~ супплетивное *asi* / *uni* / *ini* / *ed-* ‘that (far or concerning the 3rd p.)’. Однако базовая хеттская оппозиция бинарна: *ka-* ‘this’ ~ *aba-* ‘that’, т. к. третий член (*asi* / *uni* / *ini* / *ed-)* в текстах статистически редок и маргинален.

Различные исторические сценарии развития дейктической системы в анатол. языках обсуждаются в Melchert 2009. Можно предположить, что бинарная система — наиболее вероятная реконструкция для праанатолийского (**k^{y}a-* vs. **aba-)*. Хеттский — единственный язык с засвидетельствованной

троичной системой. Третий член в хеттской оппозиции (супплетивное *asi* / *uni* / *ini* / *ed-* ‘that (far or concerning the 3rd p.)’) выглядит как композит некоей дейктической морфемы *a-* + местоименные окончания + некая дейктическая клитика *-i* (Hoffner & Melchert 2008: 145; Kloekhorst 2008: 191: 220). Представляется, что эта парадигма — внутренняя хеттская инновация, морфологическая структура которой была ясна еще носителям прахеттского, но на каком-то этапе она подверглась выравниванию по аналогии с основными дейктическими местоимениями *ka-* и *aba-*.

Данные по остальным анатол. языкам собраны в Melchert 2009. В лувийском бинарная система этимологически совпадает с хеттской: (клиноп., иерогл.) *za-* ‘this’ ~ (иерогл. и, возможно, клиноп.) *aba-* ‘that; he, she, it’. Это делает возможным праанатолийскую реконструкцию **k^{y}a-* ‘this’ vs. **aba-* ‘that’. В палайском местоимение *ka-* сохраняет исходное значение ‘this’, а для выражения дальнего дейксиса ‘that’ может использоваться морфологически неясное *anni-*, хотя это и не точно; пал. *aba-* засвидетельствовано в функции ‘that (anaphoric)’. В лидийском появляется местоимение ближнего дейксиса *es/eš* ‘this’ (видимо, *es* — им. п. общ. р., а *eš-* — косвенная основа), которое напоминает хет. им. п. *asi* ‘that (far)’, хотя если форма им. п. действительно *es*, а не *eš*, она должна восходить к чему-нибудь вроде **as*, а не **as-i*. В Melchert 2009 также предполагается, что лид. *oš* может значить ‘that’, но это не точно. Интересно (хотя типологически обычно), что в ликийском **aba-* перешло в ближний дейксис (лик. *ebe* ‘this’); лик. местоимение дальнего дейксиса не засвидетельствовано.

Анатол. **aba-* ‘that’ остается без надежной и.-е. этимологии, хотя некоторые монофонемные сопоставления возможны.

86. **this**: *ka-*

HED K: 3; Kloekhorst 2008: 425. OH+. См. комм. к ‘that’. Надежный праанатолийский этимон для и.-е. указательного местоимения ближнего дейксиса.

87. **thou**: *cik* ⟨*zik*⟩

Hoffner & Melchert 2008: 134; Kloekhorst 2008: 112, 1035. Прямая основа. ОН+. Закономерно происходит из **ti-k* и соответствует прямой основе местоимения 2 л. ед. ч. в остальных анатолийских: пал. *ti*, лув. (клиноп., иерогл.) *ti*. Конечное *-k* в хет. форме, вероятно, появилось под влиянием местоимения 1 л. ед. ч. *uk* 'I' q.v. И.-е. прямая основа **ti* была полностью вытеснена косвенной основой **tu* после отделения анатолийской ветви.

87. **thou**: *tu-*

Hoffner & Melchert 2008: 134; Kloekhorst 2008: 112, 1035. Косвенная основа. ОН+. Этимологически соответствует косвенной основе местоимения 2 л. ед. ч. в остальных анатолийских: пал. *tu*, лув. (иерогл.) *tu*. Этимон и.-е. **tu-* 'thou, thee'.

88. **tongue**: *lala-*

CHD L-N: 21; HEG L-M: 19; HED L: 40; Kloekhorst 2008: 515. Полисемия: 'tongue / speech / blade'. Общ. р. ОН+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *lala/i-* 'tongue; gossip'. Без и.-е. этимологии. Видимо, детское или звукоподражательное образование.

89. **tooth**: *kaga-*

HED K: 14; Kloekhorst 2008: 427. Общ. р. ОН+. Без анатол. параллелей и без надежной и.-е. этимологии.

90. **tree**: *taru*

HEG T: 230; Kloekhorst 2008: 849. Полисемия: 'tree / wood' (в Kloekhorst 2008: 849 некорректно переводится как 'wood'). Сред. р. ОН+. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *taru* 'wood'. Основной и.-е. термин для 'tree', хотя семантический переход в 'wood' засвидетельствован во многих языках.

91. **two**: *ta-*

HEG T: 5, 89; Kloekhorst 2008: 826. Обычно пишется через идеограмму, однако хет. чтение *ta-* устанавливается надежно. Этимологически соответствует лув. (иерогл.) *twa/i-* ‘2’, лик. *kbi* ‘2’, мил. *tbi-su* ‘twice’. Далее к основному и.-е. корню для ‘2’ (хотя хеттское развитие **dw* > *T* неожиданно). Этот же корень содержится в хет. титуле ^{LÚ}*duy-analli-* ‘second in rank’ (HEG T: 422; Kloekhorst 2008: 895).

92. **go**: *iya- ~ pa=i-*

HED E-I: 330; CHD P: 18; HEG P: 371; Kloekhorst 2008: 380, 616. Медиопассивный глагол *iya-*, глагол *mi*-спряжения *pa=i-*. Оба OH+. Этимологически соответствует лув. (иерогл.) *pa-* ‘to go’. Чистая основа *iya-* соответствует и.-е. **ey-* ‘to go’, а *pa=i-* содержит центробежный преверб **pV-* ‘away’ и тот же корень **ey-* (ср. такую же структуру у глагола *uw=a-* ‘to come’ q.v.). Видимо, исходное значение *pa=i-* было ‘to go away’, но в засвидетельствованных хет. текстах оба глагола *iya-* и *pa=i-* выступают как синонимы с общим значением ‘to go, walk’.

93. **warm**: *a-ant-*

HW^2 A: 44; HED A: 10; Kloekhorst 2008: 164. OH+. Регулярное причастие от глагола *ay-* ‘to be hot / warm’. Неясно, обозначает ли *a-ant-* только ‘warm’ или же ‘warm’ и ‘hot’ (другие хет. кандидаты на значение ‘hot’ не известны). Без анатол. и и.-е. этимологии. Ср. пал. *ḫa-* ‘to be warm’.

94. **water**: *wad-ar*

Kloekhorst 2008: 987. Сред. р.; гетероклитическая парадигма: *wadar / widen-*. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует основному и.-е. термину для ‘water’ (включая тохар. **wər* ‘water’). Иначе в лув.: *war* (клиноп.) ‘water’, Melchert 1993: 257, что не может фонетически соответствовать хет. основе. Лув. форма должна сопоставляться с др.-инд. *vār* ‘fine rain’ и т. д.

95. **we$_1$**: *wes*

Hoffner & Melchert 2008: 134; Kloekhorst 2008: 115, 1004. Прямая основа. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует прямой основе и.-е. местоимения ‘we’.

95. **we$_1$**: *anc-* ⟨*anz-*⟩

Hoffner & Melchert 2008: 134; Kloekhorst 2008: 115, 1004. Косвенная основа. OH+. Этимологически соответствует лув. косвенной основе *anz-* (клиноп., иерогл.). Восходит к и.-е. косвенной основе **ns-* ‘us’.

96. **what**: *kui-*

Hoffner & Melchert 2008: 149; HED K: 218; Kloekhorst 2008: 488. OH+. См. комм. к ‘who’.

97. **white**: *xarki-* ⟨*ḫarki-*⟩

HW^2 H: 307; HED H: 169; Kloekhorst 2008: 307. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует основному и.-е. термину для ‘white’.

98. **who**: *kui-*

Hoffner & Melchert 2008: 149; HED K: 218; Kloekhorst 2008: 488. Полисемия: ‘who (interrogative) / what (interrogative) / who (relative) / what (relative)’. OH+. Этимологически соответствует пал. и лув. (клиноп.) *kui-* ‘who, what (interrog. & rel.)’. Далее к основному и.-е. местоименному вопросительно-относительному корню.

99. **woman**: не засвидетельствовано.

Обычно пишется через шумерограмму MUNUS. О *kuin-* и *kuwan-* как о возможных, хотя и маловероятных фонетических чтениях шумерограммы MUNUS см. HED K: 306; Kloekhorst 2008: 501 с лит. Этот и.-е. корень, однако, надежно засвидетельствован в лув. *wana-* (клиноп., иерогл.) ‘woman’ и лид. *kana-* ‘wife’.

100. **yellow**: *xaxxal-uwant- ~ xaxli-want- ~ xaxla-want-* ⟨*ḫaḫḫal-uwant- ~ ḫaḫli-want- ~ ḫaḫla-want-*⟩

HED H: 4; HW² H: 12; Kloekhorst 2008: 268. Видимо, с полисемией: ‘green / yellow’. См. комм. к ‘green’.

101. **far**: *tuwa*

HEG T: 486; Kloekhorst 2008: 904. Наречие *tuwa* засвидетельствовано, видимо, только в новохеттском корпусе, но его различные производные, известные из более архаичных текстов, подтверждают его древность. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует др.-инд. *dūrám* ‘far away’, *dūrát* ‘from afar’ и т. д.

102. **heavy**: *tassu-*

HEG T: 259; Kloekhorst 2008: 853. Полисемия: ‘strong, powerful / heavy / well-fed / difficult / important’. В значении ‘heavy’ MH+. Не имеет анатол. этимонов, но, вероятно, соответствует др.-греч. δᾰσύς ‘thickly wooded’, лат. *dēnsus* ‘dense’ (несмотря на семантические трудности).

103. **near**: *maninkuwan*

CHD L-N: 171; HED M: 52; Kloekhorst 2008: 554. OH+. Форма ном.-акк. ср. р. от прилагательного *maninkuwant-* ‘short’ q.v. Морфологически и этимологически неясно.

104. **salt**: не засвидетельствовано.

Обычно пишется через шумерограмму MUN.

105. **short**: *maninkuwant-*

CHD L-N: 173; HED M: 52; HEG L-M: 123; Kloekhorst 2008: 554. Полисемия: ‘short (spatial) / short (temporal) / low / close’. OH+. Та же основа, что и ‘near’ q.v. Этимологически соответствует лув. (клиноп.) *mannakuna/i-* ‘short’. Морфологически неясно, и.-е. этимологии не имеет.

106. **snake**: *illuyanka- ~ illiyanku-*

HED E-I: 358; Kloekhorst 2008: 384. Предварительно слот можно заполнить основой *illuyanka-* (с различными фонетическими вариантами HED E-I: 358, Kloekhorst 2008: 384), хотя это и не вполне надежно. Значение ‘snake’ в хет. текстах обычно передается шумерограммой MUŠ. Фонетическое написание *illuyanka-*, видимо, встречается только в мифологических сочинениях, где это слово обычно обозначает хтоническое чудовище (‘Serpent’ и ‘(Sea-)dragon’). Однако, по крайней мере, в мифе о Солнце, корове и рыбаке мн. ч. *elliyankus* явно относится к змеям вообще.

Этимология Дж. Каца (Katz 1998), интерпретирующая *illuyanka-* как композит, состоящий из этимона герм. **ēla-z* ‘eel’ и и.-е. *ang^{hw}i-* ‘snake’ (возможно, основной термин для ‘snake’ в узко-и.-е.), формально допустима, однако представляется слишком искусственной. По всей видимости, *illuyanka- ~ illiyanku-* представляет собой субстратный термин, хотя его источник неясен (хаттский?).

107. **thin**: не засвидетельствовано.

Обычно пишется через шумерограмму SIG. Ср. *makl-ant-* ‘thin, emaciated (of animals)’ (CHD L-N: 121; HEG L-M: 98; Kloekhorst 2008: 544).

108. **wind**: *xuw-ant-* ⟨*ḫuw-ant-*⟩

HED H: 428; Kloekhorst 2008: 368. Общ. р. OH+. Не имеет анатол. этимонов, но соответствует основному и.-е. термину для ‘wind’.

109. **worm**: не засвидетельствовано.

110. **year**: *witt-*

Kloekhorst 2008: 1014. Общ. р. OH+. Теоретически может соответствовать лув. *ussa/i-* (клиноп., иерогл.) ‘year’, хотя фонетические детали неясны. Далее к др.-греч. Ϝέτος ‘year’ и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленную работу включены грамматический очерк хаттского языка и подробное этимологическое исследование хаттской лексики. Собран, прокомментирован и проэтимологизирован 110-словный список хуррито-урартских языков. На основании фонетических схождений между хуррито-урартской и шумерской базисной лексикой обосновано несколько возможных сценариев племенных миграций на Ближнем Востоке в дописьменную эпоху. Разработаны некоторые положения теории языковых контактов. Предпринят внешний (ностратический) этимологический анализ хеттской базисной лексики, а также составлен синхронный аннотированный сводешевский список для анатолийских языков. Общим выводом работы может служить утверждение о достаточно интенсивных контактах между основными этносами, населявшими Центральную Анатолию и Северную Сирию в бронзовом веке, т. е. в дописьменный и раннеписьменный периоды (4—2 тыс. до н. э.).

Раздел I диссертации посвящен хаттскому языку.

В **главе 1** публикуется грамматическое описание хаттского, несмотря на сжатость изложения, учитывающее все новейшие достижения в синхронном исследовании этого языка и оперирующее современной лингвистической методологией. Отправной точкой очерка в основном послужило недавнее развернутое исследование О. Сойсала (HWHT), однако учитывались и чрезвычайно плодотворные работы П. Гудегебюре и П. Тарахи, посвященные хаттскому морфосинтаксису. К достоинствам очерка следует отнести компактные и наглядные грамматические таблицы.

В фонетической части очерка следует отметить эксплицитное постулирование дополнительных согласных фонем, предполагаемых на основании графического варьирования (напр., /č/ для *t~š*).

В именном подразделе вместо сложной описательной конструкции из многих падежей, оперирующей циркумфиксами, предлагается стройная система из четырех падежей, а проклитические элементы трактуются как предлоги со значением места или траектории.

В глагольном разделе впервые в истории изучения хаттского языка предлагается единая сводная схема глагольной словоформы. Служебные морфемы распределены по слотам, ранжированным относительно корня словоформы. Дается относительно подробный разбор морфем из каждого слота, сопровождаемый соответствующими типологическими комментариями.

Общая схема глагольной словоформы хаттского языка:

–9 отрицание	–8 «оптатив»	–7 субъект	–6 «рефлексив»?	–5 прямой объект	–4 место	–3 место	–2 место	–1 ?	**0 корень**	1 время/ вид/ наклонение	2 частицы
taš/ šaš/ teš/ šeš	*ta/te*	*fa* *u, un* *a*? *ai, e, i*	*tu/šu*	*ḫ, k, m, n* *p, š, t, w*(*a*), *wa*$_a$	*ta, za, še, te, tu*	*ḫ*(*a*), *ḫaš, kaš, zaš*?, *pi, wa*	*k*(*a*), *zi*	*f*(*a*)	√	*u* *e* *a*	*ma, fa, pi* (=*fi*?), *aš/at*

В конце очерка затрагиваются вопросы словообразования и синтаксиса и приводятся глоссированные примеры хаттских фраз.

В **главе 2 раздела I** хаттский язык исследуется с этимологической точки зрения. Подробно рассматриваются как с методологической, так и с фактологической точки зрения, критикуются и в результате отвергаются две предлагавшиеся ранее теории о генеалогической атрибуции хаттского языка: западнокавказская и картвельская. В свою очередь автором выдвигается гипотеза о хаттском как об отдельной ветви внутри сино-кавказской макросемьи. В результате проверки данной гипотезы надежное этимологическое объяснение на сино-кавказском уровне получает примерно треть известных хаттских лексем с установленными словарными значениями и ряд грамматических морфем, что является статистически удовлетворительным результатом для обоснования генеалогической атрибуции.

Постулируется простая и логичная система фонетических соответствий между хаттским и реконструируемым сино-кавказским праязыком. Напр.,

сино-кавк. **t, ṭ, d* > хат. *t*, сино-кавк. **t, ṭ, d* > хат. *t*, сино-кавк. **ƛ, ƛ̣, Ł, λ, l* > хат. *t*, сино-кавк. **o, u* > хат. *u* и т. д. Выдвигаемое предположение об упрощении в хаттском консонантных кластеров определенных типов (напр., **mp* > *p*) не является сильным допущением, т. к. подобные процессы чрезвычайно характерны для сино-кавказских языков.

Пример словарной статьи:

ḫarki-maḫ ‘to be(come) wide’, ‘быть широким’.

= Хет. *palḫi- eš-*.

√ Сино-кавк. ****ɦĂrq̇wĚ*** ‘wide’ >

Сев.-кавк. ****ɦărq̇[w]Ĕ*** ‘wide’ > ав.-анд. **q̇a-b-*, цез. **q̇eq̇-*, лак. *u-t:a-*, даргин. **-aʕu-*, лезг. **hIarq̇i-*, зап.-кавк. **bəǩ(ʷ)V*.

Сино-тиб. ****qʷāŋH*** ‘wide, broad’ > кит. **廣** **kʷāŋʔ* ‘wide, broad, large’, качин *(ə)wuŋ²-waŋ²*, ‘be wide, ample’, лушаи *vāŋ* ‘be broad, wide’ и т. д.

Енис. ****χiGVÍ*** (~ ****χiχVÍ***) ‘wide, broad’ > кет. *qīĺ*, юг. *xe:ĺ / xejĺ*[3], котт. *hīgal*.

→ Енис. показывает суффикс *Í*. Элемент *maḫ* в хат. основе, видимо, та же морфема, что и *maḫ* в *kazue-maḫ* < *kazue* ‘cup, bowl’, *ḫikkir-maḫ* ‘?’, *ḫer-maḫ* ‘?’.

Особенно доказательно для выдвигаемой сино-кавказской гипотезы то, что проэтимологизированная лексика относится преимущественно к базисной части словаря. Также автор публикует хаттский 100-словник Сводеша (разумеется, заполненный лишь частично в силу скудости известного хаттского лексикона) в сопоставлении с другими сино-кавказскими языками. На основании показательных схождений в базисной лексике и в ряде грамматических морфем (скажем, в местоименных показателях лица) автор получает право утверждать, что хаттский ближе к северокавказско-енисейской ветви макросемьи, нежели к сино-тибетской. Ср. такие яркие изоглоссы, как хат. *we* ‘ты’ ~ сев.-кавк. ****uō*** ‘ты’ ~ енис. ****ʔaw*** (/****ʔu***) ‘ты’ ~ буруш. ****u-n*** ‘ты’ и хат. *ziš* ‘гора’ ~ енис. ****čɨʔs*** ‘камень’ ~ буруш. ****ćhiṣ*** ‘гора’. Также примечательны случаи хаттско-енисейских схождений в морфологическом оформлении конкретных корней, напр., хат. *alef* ‘язык (анатом.)’ ~ енис. ****ʔalVp*** ‘язык (анатом.)’ vs. сев.-кавк. ****ƛ̣ānpV*** ‘губа’.

Любопытно, что лексикостатистический анализ (в том объеме, в каком он возможен) показывает специфическую близость хаттского скорее к енисейской семье, чем к северокавказской, что несколько неожиданно в свете

географических параметров; с другой стороны, прародина сино-кавказского языка и пути отдельных миграций — вопрос совершенно не исследованный. Ряд эксклюзивных фонетических процессов также объединяет хаттский именно с енисейским праязыком. Особенно показателен процесс деназализации начального *m-*, общий для хаттского и праенисейского.

Кроме исконной лексики, в хаттском словаре удается выявить ряд заимствований из соседних языковых семей. В первую очередь вычленяется группа семитских заимствований, причем, что крайне любопытно, донором здесь были скорее западносемитские диалекты (угаритский, арамейский и др.), а не аккадский язык. Этот факт должен заставить исследователей пересмотреть ныне принятую теорию социолингвистической ситуации в Анатолии и Северной Сирии. Постулируются и несколько заимствований в обратном направлении: из хаттского в аккадский, но все они, видимо, шли через хурритское посредство и относятся к более поздней эпохе.

Важным и показательным является продемонстрированный в работе факт хаттско-западнокавказских лексических контактов при отсутствии ранних межъязыковых контактов хаттского и хурритского языков.

В конце главы автор разбирает вопрос о прародине сино-кавказцев и предлагает принципиальные схемы доисторических миграций сино-кавказских племен, которые наиболее полно соответствуют как лингвистическим данным (глоттохронологические датировки, реконструируемый прасловарь, межъязыковые заимствования), так и археологическим данным (распространение агрокультуры, металлургии и т. д.). Убедительно показывается, что знаменитая майкопская археологическая культура (майкопский курган; 1-я пол. 4 тыс. до н. э.) должна ассоциироваться именно с прасеверокавказцами, которые мигрировали с Балкан через северное Причерноморье.

Раздел II диссертации посвящен хуррито-урартским языкам.

В **главе 1** публикуется сводешевский список для хурритского языка с параллелями из урартского, составленный в соответствии с лексикографическими стандартами проекта «Лексикостатистическая база данных».

1) Отбор слов производился в соответствии с семантическими спецификациями сводешевского списка, предложенными в Kassian et al. 2010.

2) Были использованы фактически все релевантные источники по соответствующим языкам — словари, грамматики, собрания текстов.

3) Хурритский лексический список аннотирован. При языковых формах дается ссылка на источник, а в примечаниях эксплицитно обсуждаются существенные фонетические, морфологические и семантические особенности используемых форм и их синонимов. В примечаниях цитируются лексические урартские данные, т. к. урартский словник слишком мал для составления полноценного 110-словного сводешевского списка.

4) Список проэтимологизирован на основе лексических данных праязыков, составляющих сино-кавказскую макросемью: северокавказского, баскского, енисейского, бурушаски, сино-тибетского, на-дене. Также обсуждается заимствованный или же бродячий характер определенных хурритоурартских слов.

Пример словарной статьи:

39. **to hear**: *ḫaš-*

Tišatal, Bo.Bil., Bogh., Mit., Tell Brak, Subar.

Wegner 2007, 258; GLH, 95; Catsanicos 1996, 267, 272; Dietrich & Mayer 2010, 242; Wilhelm 1991a, 166; Wilhelm 1998c, 140; Campbell 2008, 283; Hrůša 2010, 92 [l. 12], 239.

Второй кандидат, глагол *šalḫ-* (Mari, Bo.Bil., Bogh., Ugar.A.; Wegner 2007, 275; Catsanicos 1996, 267; Lam 2007, 400), скорее обозначает контролируемое действие ‘to listen (to), hearken’.

Урарт.: *ḫaš=i-*, *ḫaš=u-* ‘to hear; to listen(?)’ (КУКН, 446; CdTU 2, 97, 98). В билингвах соответствует основному ассир. глаголу *šemû* ‘to hear; to listen’.

√ Бесспорной сино-кавк. этимологии для ХУ **ḫaš-* нет. В Diakonoff & Starostin 1986, 46 сопоставляется с нахским **χaç-* ‘to hear’. Нахская основа, однако, изолирована внутри сев.-кавк. семьи и явно не может претендовать на статус основного сев.-кавк. корня ‘to hear’ (возможно ХУ заимствование в пранахский, см. § 6.4 ниже, а также Касьян 2011).

По причине скудости известного хурритского корпуса в 110-словном списке заполняется около 65 хурритских слотов (из них чуть более 20 содержат урартскую параллель). Из 21 урартской единицы 15 или 16 слов оказываются этимонами соответствующих хурритских слов, а в 5 позициях

хурритский и урартский различаются. Если мы экстраполируем эти показатели на полный 110- или 100-словный список, то получим примерно 28–30 расхождений в базисной лексике между хурритским и урартским, что предполагает 2500 г. до н. э. как примерную дату начала распада ХУ праязыка, что вполне отвечает нашим интуитивным ожиданиям.

Из 65 хурритских (или хуррито-урартских) слов можно выделить 12 случаев, когда хуррито-урартский корень показывает фонетическое сходство с соответствующим сводешевским корнем по крайней мере одного из праязыков, составляющих сино-кавказскую макросемью.

Максимальное число схождений обнаруживается с енисейским (7 этимологий) и северокавказским (6 этимологий). При этом 12 потенциальных хуррито-урартско–сино-кавказских этимологий можно разбить на следующие типы:

- 2 случая общих сино-кавк. терминов (53. **meat**, 59. **new**);
- 2 случая общих сев.-кавк.–енисейск. и потенциально общих сино-кавк. терминов (42. **I**, 87. **thou**);
- 5 случаев потенциально общих сино-кавк. терминов (8. **black**, 21. **ear**, 63. **one**, 86. **this**, 95. **we**);
- 2 случая праенисейских семантических инноваций (9. **blood**, 50. **louse**).
- 1 случай прасеверокавказской семантической инновации (89. **tooth**).

Как видно, эти данные в принципе могут указывать на то, что ХУ является третьим членом енисейско-бурушаски ветви внутри сино-кавказской макросемьи.

Отдельно разбираются несколько случаев фонетической схожести между сводешевскими списками хуррито-урартских языков и нахского праязыка, когда нахский корень не имеет северокавказской этимологии. С точки зрения типологии языковых контактов, это могут быть или лексические заимствования из прахуррито-урартского в пранахский (принимая это, мы должны предположить очень сильное культурное и языковое влияние хуррито-урартов на пранахов), или же остатки хуррито-урартского субстрата в пранахском.

В **главе 2 раздела II** анализируются фонетические схождения между сводешевскими списками хурритского и шумерского языков. Из 65 хурритско-шумерских пар (ограниченный хурритский корпус не позволяет составить полный 110-словник) имеется 5 или 6 пар, в которых шумерское слово фонетически совместимо с хурритским по принципу консонантных классов (грубый вариант дистанций Левенштейна):

1) шумер. *ur* ⟨UR⟩ ~ хур. *ervi* ‘dog’ = *HR*.
2) шумер. *šu* ⟨ŠU⟩ ~ хур. *su-ni* ⟨šu-ni⟩ = *SH*.
3) шумер. *ur* ⟨UR_5⟩ ~ хур. *ur-mi* ‘liver’ = *HR*.
4) шумер. *изи* ⟨UZU⟩ ~ хур. *изі* ⟨uzi⟩ ‘meat’ = *HS*.
5) шумер. *šeŋ* ⟨$ŠEG̃_3$⟩ ~ хур. *isena* ⟨*išena*⟩ ‘rain’ = *SN*.
6) шумер. *aba* ⟨A-BA⟩ ~ хур. *ab-i* ~ *av-i* ‘who?’ = *HP*.

Анализируются четыре возможных объяснения:

1) нулевая гипотеза;
2) лексические заимствования;
3) языковое родство;
4) прерванный языковой сдвиг.

Из них гипотезы лексических заимствований и языкового родства уверенно отвергаются по типологическим соображениям.

Нулевая гипотеза (случайность наблюдаемых совпадений) проверяется при помощи перестановочного теста. Статистическая вероятность того, что наблюдаемые шумерско-хурритские схождения случайны, варьируется от 0.069280 = 6.9280% (грубый анализ) до 0.003604 = 0.3604% или меньше (более изощренный анализ). Это означает, что нулевая гипотеза не слишком правдоподобна.

Гипотеза прерванного языкового сдвига предполагает один из двух эквивалентных сценариев.

1) В дописьменную или раннюю письменную эпоху (скажем, 2-я пол. 4-го тыс. до н. э.), племя, говорившее на языке ХУ семьи (не обязательно на собственно хуррито-урартском), мигрировало с Южного Кавказа на юг Месопотамии, где вступило в контакт с шумерским сообществом. Шумеры оказались доминирующей группой, и ХУ ми-

гранты начали постепенно утрачивать свой язык, переходя на шумерский. На предпоследней стадии языкового сдвига процесс был по каким-то причинам прерван, а собственно шумерское население элиминировано. Если дело обстояло действительно так, то исторические шумеры — это родственники хуррито-урартов, перешедшие на шумерский язык, но сохранившие несколько ХУ сводешевских слов.

2) Второй сценарий зеркально повторяет первый. Шумеры или их близкие родственники мигрировали на Южный Кавказ и там восприняли пра-ХУ язык. В таком случае исторические хурриты и урарты — это шумеры или их близкие родственники, перешедшие на ХУ язык, но сохранившие несколько сводешевских слов шумерского происхождения.

Для обоснования гипотезы прерванного языкового сдвига нами предлагаются и типологически обосновываются некоторые новые положения теории языковых контактов.

Раздел III посвящен этимологической лексикографии хеттского и, более широко, анатолийских языков.

В **главе 1** предлагается исторический анализ более чем сорока анатолийских лексем, не имеющих удовлетворительных этимонов внутри индоевропейской семьи, что является существенным вкладом в хеттскую, а равно и в ностратическую этимологию. Показывается, что эти слова (относящиеся преимущественно к базисной части словаря) представляют собой ностратические реликты, утраченные в узкоиндоевропейской ветви индо-хеттской семьи, но сохраненные в анатолийском (хетто-лувийском) праязыке. Ср. такие примеры:

1) хет. *ektu-* ‘нога’ ~ алт. ***zi̯o̯gtu*** ‘thigh, shank’. Ранее предполагалась неубедительная деривация от и.-е. корня **e̯i̯-* ‘идти’;

2) хет. *kappu-ai-* ‘пересчитывать’ ~ алт. ***kʿèpù*** ‘price’, драв. ***kap-*** ‘tribute’. Ранее предлагалось морфологически неубедительное сравнение с лат. *computāre* ‘to calculate’;

3) хет. *kuwatt-ar* ‘загривок (у человека)’ ~ драв. ***kut-*** ‘1 throat; 2 neck’;

4) хет *nega-* ‘сестра’ ~ драв. ***nāg-*** ‘(young) female’. Ранее предполагалась неубедительная деривация от и.-е. **en(i)* + **ĝenə-* ‘в-рожденный’.

Этимологический анализ хетто-лувийского числительного ‘4’ (**глава 3**) позволил произвести пересмотр реконструкции индо-хеттской, а также и ностратической систем числительных. Этимологически доказывается и типологически обосновывается, что система числительных индо-хеттского праязыка имела вид ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘>3/несколько/много’. Числительное ‘4’ было независимо введено в анатолийский и узкоиндоевропейский праязыки уже после их разделения в 5 тысячелетии до н. э. (эпоха неолита или энеолита): **meu̯u-* в праанатолийском и **okt-* в узкоиндоевропейском. В ходе дальнейшего развития узкоиндоевропейская система стала четверичной и только в более позднее время приобрела привычный десятичный вид (старое **okt-* ‘4’ было вытеснено **kʷetu̯or* неясного происхождения и сохранилось только в дуальной форме **oktō* ‘8’).

В **главе 4 раздела III** предлагается 110-словный список базисной лексики хеттского языка, составленный в рамках международного проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database» в соответствии с принятыми в этом проекте высокими лексикографическими стандартами. Список прокомментирован (дан необходимый графический, фонетический, морфосинтаксический, семантический анализ) и проэтимологизирован.

Были использованы лексические данные древнехеттских памятников (как оригиналов, так и позднейших копий), что предполагает датировку списка в интервале 1650–1500 гг. до н. э. Материал остальных языков анатолийской группы недостаточен для составления полноценного списка Сводеша, однако все релевантные лексикостатистические данные по палайскому, лидийскому, лувийскому и ликийскому приводятся в комментариях к хеттским вхождениям.

Такого качества списки являются необходимым условием для точной филогенетической классификации языков индоевропейской семьи. Именно высокая степень очищенности входных данных должна служить защитой от ошибочных и ненадежных результатов филогенетического анализа (ср., напр., местами курьезное филогенетическое дерево индоевропейской язы-

ковой семьи в Bouckaert et al. 2013, базирующееся на весьма неаккуратно обработанных лексических списках).

Пример словарной статьи:

71. **say**$_1$: *te-*

HED T: 140, 291; Kloekhorst 2008: 857, 870.

В архаичном хеттском присутствуют два фактически синонимичных глагола для ‘to say’:

3) *te-* / *tar-*. Глагол *mi*-спряжения с супплетивной парадигмой: *te-* [sg.] / *tar* [pl.]. OH+. Первый корень соответствует слав. **dē-* ‘сказать’ (явно следует отделять от и.-е. корня *d^{h}ē-* ‘to put, lay’); второй корень *tar-* может быть сопоставлен с балт. **tar-* ‘to pronounce’ и другими и.-е. формами экспрессивного речепорождения (включая пал. *tar-ta-* ‘curse’, лув. (иерогл.) *ta-tar-iya* ‘to curse’ и т. д.).

4) *mema-*. Глагол *ḫi*-спряжения. OH+. Без анатол. и и.-е. этимологии.

В позднем языке *te-* / *tar-* вытесняется глаголом *mema-*, который становится единственным основным verbum dicendi в новохеттском (CHD L-N: 263).

Лув. глагол ‘to say’ — это *asaza-* (иерогл.), Kloekhorst 2008: 166, который, вероятно, произведен от существительного **as-* ‘mouth’ q.v., однако надо отметить, что семантическое развитие ‘mouth’ > ‘to say’ типологически редко.

71. **say**$_2$: *mema-*

CHD L-N: 254; HED M: 126; HEG L-M: 186; Kloekhorst 2008: 573.

Библиография

Абаев — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958–1995.

Андреева 1977 — М. В. Андреева. К вопросу о южных связях майкопской культуры // Советская археология, 1977, №1. С. 39–56.

Андронов — М. С. Андронов. Сравнительная грамматика дравидийских языков. 2-е изд., испр. и перераб. Ч. 1–2. М., 1994.

Ардзинба 1979 — В. Г. Ардзинба. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник 3. М., 1979. Р. 26–37.

Ардзинба 1982 — В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Ардзинба 1983 — В. Г. Ардзинба. Послесловие. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Дж. Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии. Москва, 1983. С. 152–180.

Ахундов & Махмудова 2008 — Т. Ахундов, В. Махмудова. Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку 2008.

Бабаев 2008 — К. В. Бабаев. Происхождение индоевропейских показателей лица. М.—Калуга, 2008.

Беликов 1989 — В. И. Беликов. Древнейшая история и реальность лингвогенетических дендрограмм // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Материалы к дискуссиям международной конференции). Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 44–54.

Браун & Климов 1954 — Браун, Я. Б. / Климов, Г. А.: Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков. In: IV (XI) научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР: План работы и тезисы докладов. Тбилиси.

Браун 1994 — Я. Браун (1994): Хаттский и абхазо-адыгский (Hattian and Abasgo-Kerketian) // Rocznik Orientalistyczny 49 (1994). P. 15–23.

Браун 2002 — Я. Браун (2002): Локальные префиксы хаттского глагола и те же морфемы в абхазо-адыгских языках // P. Taracha (ed.). Silva Anatolica. Anatolian studies presented to the Maciej Popko on the occasion of his 65th birthday. Warsaw, 2002. P. 55–56.

Бурлак & Старостин 2005 — С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Введение в сравнительно-историческое языкознание. 2-е изд. М., 2005.

Гамкрелидзе & Иванов 1984 — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Герасимова и др. 2007 — М. М. Герасимова, Д. В. Пежемский, Л. Т. Яблонский. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья //

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 7. М., 2007.

Гиндин 1967 — Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967.

Дешериев 1963 — Дешериев, Ю. Д.: Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный.

Джаукян 1967 — Джаукян, Г. Б.: Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван.

Долгих 1934 — Б. Долгих. Кеты. Иркутск—Москва, 1934.

Долгопольский 1964 — А. Б. Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания, No. 2. P. 53–63.

Дунаевская 1960 — И. М. Дунаевская. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.–Л., 1960. P. 73–77.

Дунаевская 1961 — И. М. Дунаевская. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола // Переднеазиатский сборник 1. М., 1961. P. 57–159.

Дунаевская, Дьяконов 1979 — Дунаевская И.М., Дьяконов И.М. Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. 3. М., 1979. С. 79–83.

А. Дыбо 2007 — А. В. Дыбо. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.

В. Дыбо 1994 — В. А. Дыбо. Язык — этнос — археологическая культура. Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. I // Язык — культура — этнос. М.: Российская Академия Наук, Научный совет по истории мировой культуры, 1994

В. Дыбо 1999 — В. А. Дыбо. Язык — этнос — археологическая культура. Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. II // Язык как транслятор культуры. М.: Российская Академия Наук, Научный совет по истории мировой культуры, 1999

В. Дыбо 2002 — В. А. Дыбо. Язык — этнос — археологическая культура. Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. III // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Российская Академия Наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2002

В. Дыбо 2006 — В. А. Дыбо. Язык — этнос — археологическая культура. Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. IV // Глобализация — этнизация. Этноязыковые и этнокультурные процессы. М., 2006.

Дьяконов 1963 — И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. Ленинград, 1963.

Дьяконов 1967 — И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов 1978 — И. М. Дьяконов. Хуррито-урартский и восточнокавказские языки. In: Древний Восток, вып. 3. Ереван, 1978. С. 25–38.

Дьяконов 1982a — И. М. Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // Вестник древней истории, №3 (1982). С. 3–30.

Дьяконов 1982b — И. М. Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // Вестник древней истории, №4 (1982). С. 11–25.

Дьяконов & Старостин 1988 — И. М. Дьяконов, С. А. Старостин. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток; этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–207.

Живлов 2007 — М. Живлов. Носовые и ларингалы в ностратическом инлауте. Доклад на Чтения памяти С. А. Старостина, Москва, РГГУ, 2007.

Иванов 1978 — Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3–8 // Этимология 1976. М., 1978. С. 153–162.

Иванов 1985 — Вяч. Вс. Иванов Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.

Иванов 2009 — Вяч. Вс. Иванов. К исследованию отношений между языками // Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship], №1. М., 2009. С. 1–12.

Иллич-Свитыч 1964 — В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964

Казанскене & Казанский 1986 — В. П. Казанскене, Н. Н. Казанский. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Ленинград, 1986.

Камменхубер 1980 — Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии / Пер. с нем. и предисл. И.М. Дунаевской. М., 1980.

Карданов 1957 — Кабардинско-русский словарь / Под ред. Б. М. Карданова. Москва, 1957.

Касьян 2011 — Касьян, А.: Некоторые соображения о лексических схождениях между хурритским и северокавказскими языками [Some considerations on Hurrian-North Caucasian lexical matches]. In: Н. Н. Казанский и др. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология XV. Санкт-Петербург. С. 252–258.

Касьян & Якубович 2013 — А. С. Касьян, И. С. Якубович. Анатолийские языки // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М.: Academia, 2013. С. 15–26.

Клейн 2000 — Л. С. Клейн. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. No. 2, 2000. P. 178–187.

Климов ЭСКЯ — Г. А. Климов. Этимологический словарь кавказских языков. М., 1964.

Климов & Халилов — Г. А. Климов, М. Ш. Халилов. Словарь картвельских языков. М., 2003.

Козлова 2008 — Н. В. Козлова. Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV—III тыс. до н. э. // Историография истории древнего Востока: В 2 т. Т. 1: Учебное пособие / В.И. Кузищин, М.А. Дандамаев, Н.В. Козырева и др.; под ред. В.И. Кузищина. М., 2008. С. 331–359.

Королев 1976 — А. А. Королев. Хетто-лувийские языки // Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976.

КУКН — Н. В. Арутюнян. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2003.

Леонтьев & Леонтьев 2009 — Н. В. Леонтьев, С. Н. Леонтьев. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово, 2009.

Марр 1910 — Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.

Микеладзе 1994 — Т. К. Микеладзе. Протоколхская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 67–74.

Милитарев & Старостин 2007 — А. Ю. Милитарев, С. А. Старостин. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика [Corrected and updated by A. Militarev & G. Starostin] // С. Старостин 2007. P. 256–264, 876–881.

Мунчаев 1994 — Р. М. Мунчаев. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 158–225.

Нерознак 1978 — В. П. Нерознак. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978.

Николаев 1985 — С. Л. Николаев. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // // Древняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский и др. М., 1985. С. 60–73.

ОСНЯ — *В. М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь. [*V. M. Illich-Svitych.* A Tentative Comparative Dictionary of the Nostratic Languages (Semito-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altaic)]. Москва, 1971–1984.

Откупщиков 1988 — Ю. В. Откупщиков. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: Издательство ЛГУ, 1988.

Решетников 1999 — К. Ю. Решетников. Морфология праенисейского глагола. Некоторые результаты грамматической реконструкции // Studia Linguarum 2 / Ред. А. С. Касьян, Ф. Р. Минлос. М., 1999. С. 304–480.

Сафронов 1989 — В. А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989.

Г. Старостин 1995 — Г. С. Старостин. Морфология коттского глагола и реконструкция праенисейской глагольной системы // Кетский сборник (Studia Ketica). Вып. 4. М., 1995. С. 122–175.

Г. Старостин 2005 — Г. С. Старостин. Некоторые аспекты исторического развития кликсов в койсанских языках // Аспекты компаративистики [Aspects of Comparative Linguistics]. Vol. 1. Moscow: RSUH Publishers, 2005. P. 281–299 [available online at Tower of Babel Project]

Г. Старостин 2013 — Г. С. Старостин. Языки Африки: Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Методология, койсанские языки. М., 2013.

С. Старостин 1982/2007 — С. А. Старостин. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // С. Старостин 2007. С. 147–246. [Впервые опубл. в: Кетский сборник. *Л*., 1982. С. 144–237]

С. Старостин 1985/2007 — С. А. Старостин. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // С. Старостин 2007. С. 289–311 [Впервые опубл. в: *Д*ревняя Анатолия / Ред. Б. Б. Пиотровский и др. М., 1985. С. 74–94. In English: The Cultural Vocabulary in the Common North Caucasian Lexical Stock // Russian Oriental Studies. Brill, Leiden, 2004. P. 211–245.]

С. Старостин 1988/2007 — С. А. Старостин. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // С. Старостин 2007. С. 312–358 [Впервые опубл. в: *Д*ревний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–163.]

С. Старостин 1995 — С. А. Старостин. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник (Studia Ketica). Вып. 4. М., 1995. С. 176–315.

С. Старостин 1995/2007 — С. А. Старостин. Несколько новых хурритских этимологий // С. Старостин 2007. С. 629–630. [Впервые опубл. в: Вестник древней истории. Вып. 2(213). М., 1995. С. 133–136]

С. Старостин 1998/2007 — С. А. Старостин. Hurro-Caucasica // С. Старостин, 2007. С. 745–751. [Впервые опубл. в: ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Москва, 1998. С. 90–99.]

С. Старостин 2000 — С. А. Старостин. Об одном новом типе соответствий шумных смычных в ностратических языках // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: *Д*оклады и тезисы международной конференции. М., 2000.

С. Старостин 2007 — С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М., 2007.

С. Старостин 2007а — С. А. Старостин. Определение устойчивости базисной лексики // С. Старостин 2007. С. 827–839.

Топоров & Цивьян 1968 — В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы) // Кетский сборник. *Л*ингвистика. М., 1968. С. 229–246.

Трифонов 2000 — В. А. Трифонов. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича *Л*атынина. СПб, 2000. С. 244–264.

Трифонов 2001 — В. А. Трифонов. *Д*аркети-мешоковская культура // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар—Анапа, 2001. С. 190–194.

Трифонов 2009 — В. А. Трифонов. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита—энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / Ред. В. А. Трифонов. СПб, 2009. С. 84–93.

Хачикян 1985 — Хачикян, М. *Л*.: Хурритский и урартский языки. Ереван.

Хачикян 2010a — Хачикян, М. *Л*.: Хуррито-урартские языки. In: Языки мира: *Д*ревние реликтовые языки Передней Азии. Москва: РАН, Институт языкознания. С. 118–126.

Хачикян 2010b — Хачикян, М. *Л*.: Хурритский язык. In: Языки мира: *Д*ревние реликтовые языки Передней Азии. Москва: РАН, Институт языкознания. С. 126–149.

Хачикян 2010c — Хачикян, М. *Л*.: Урартский язык. In: Языки мира: *Д*ревние реликтовые языки Передней Азии. Москва: РАН, Институт языкознания. С. 149–168.

Цивьян 1968 — Т. В. Цивьян. Материалы к сложным словам в кетском языке // Кетский сборник. *Л*ингвистика. М., 1968. С. 262–276.

Цинциус — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. Цинциус. В 2 тт. *Л*енинград, 1975–1977.

Чикобава 1960 — Арн. Чикобава. Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения в иберийско-кавказских языках // XXV международный конгресс востоковедов. *Д*оклады делегации СССР. М., 1960.

Чубинашвили — ნიკო ჩუბინაშვილი. ქართული ლექსიკონი რუსულის თარგმანითურთ, სისტემისაებრ საბა-სულხან ორბელიანისა. 1812–1825 წწ. [web.sanet.ge/meskhitb/lexicon].

Шагиров 1977 — А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. 2 т. М., 1977.

Шаов 1975 — Адыгейско-русский словарь / Под ред. Ж. А. Шаова. Майкоп, 1975.

ЭСИЯ — В. С. Расторгуева, *Д*. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Ред. О. Н. Трубачев. Т. 1—. Москва, 1974—.

Яцемирский 2009 — С. А. Яцемирский. Labyrinthos: суффикс *-nth-* в минойском и тирренских языках // Аспекты компаративистики 4 [Aspects of Comparative Linguistics 4] / Под ред. Г. С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2009. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXVIII.) С. 98–111.

Abadet.dbf — West Caucasian (Abkhaz–Adyghe) etymological database by S. A. Starostin (included in NCED) // Available online at Tower of Babel Project.

Ačaŕyan HAB — Ačaŕyan, H. H. Hayerēn armatakan baŕaran [Armenian Root Dictionary]. Reprinted in 4 vols. Yerevan: University Press, 1971–79. [The original edition: 7 vol. Yerevan: University Press, 1926–1935.]

Adams 1999 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1999.

Afaset.dbf — Afroasiatic etymological database by A. Militarev and O. Stolbova // Available online at Tower of Babel Project.

AHw — W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden: O. Harassowitz, 1965–1981.

Aikhenvald 1998 — A. Aikhenvald. Warekena // D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.). Handbook of Amazonian languages. Vol. 4. Walter de Gruyter, 1998. P. 225–440.

Aikhenvald 2003 — A. Aikhenvald. A Grammar of Tariana, from Northwest Amazonia. Cambridge University Press, 2003.

Akhundov 2007 — T. Akhundov. Sites de migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // B. Lyonnet (ed.). Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007. P. 95–122.

Álgu database — *The Álgu database. Sámegielaid etymologaš diehtovuođđu* [*The Etymological Database of the Saami Languages*]. Helsinki: Research Institute for the Languages of Finland. Updated continuously. Интернет-ресурс: http://kaino.kotus.fi/algu/ [последнее посещение 02.06.2012].

Altet.dbf — Altaic etymological database (= EDAL) // Available online at Tower of Babel Project.

Ancillotti 1975 — A. Ancillotti. Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // Acme, № 28/1–2 (1975). P. 27–48.

Anderson 2004 — D. S. Anderson. Advances in proto-Munda reconstruction. In: *Mon-Khmer Studies* 34 (2004). P. 159–184.

Anderson 2008 — D. S. Anderson. Introduction to the *Munda Languages*. In: D. S. Anderson (ed.). *The Munda Languages*. London / New York, Routledge, 2008. P. 1–10.

André-Salvini & Salvini 1998 — André-Salvini, B. / Salvini, M. Un nouveau vocabulaire trilingue sumérien-akkadien-hourrite de Ras Shamra. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 9. P. 3–31.

André-Salvini & Salvini 1999a — André-Salvini, B. / Salvini, M. La colonne I du vocabulaire S^a trilingue RS 94-2939. In: SMEA 41/1. P. 145–148.

André-Salvini & Salvini 1999b — André-Salvini, B. / Salvini, M. A new trilingual vocabulary from Ras Shamra and the relationship between Hurrian and Urartian. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 10. P. 267–275.

André-Salvini & Salvini 2002 — André-Salvini, B. / Salvini, M. The bilingual stele of Rusa I from Movana (West-Azerbaijan, Iran). In: SMEA 44/1. P. 5–66.

Anthony 2007 — D. W. Anthony. The Horse, the Wheel, and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton University Press, 2007.

Artzi 1969 — P. Artzi. On the Cuneiform Background of the Northwest-Semitic Form of the Word brdl, b(a)rz(e)l, 'Iron' // Journal of Near Eastern Studies 28/4 (1969). P. 268–270.

Bahuchet 1992 — S. Bahuchet. *Dans la forêt d'Afrique Centrale: les pygmées Aka et Baka*. Paris: Peeters-Selaf, 1992.

Bahuchet 1993 — S. Bahuchet. History of the inhabitants of the central African rain forest: perspectives from comparative linguistics. In: C. M. Hladik et al. (eds.). *Tropical forests, people, and food: Biocultural interactions and applications to development*. Paris: Unesco/Parthenon, 1993. P. 37–54.

Bahuchet 2012 — S. Bahuchet. Changing language, remaining pygmy. In: *Human Biology,* 84/1 (2012). P. 11–43.

Bar-Yosef 1998 — O. Bar-Yosef. The Natufian Culture in the Levant. Threshold to the Origins of Agriculture // Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews, vol. 6 (1998). P. 159–177.

Bar-Yosef 2002 — O. Bar-Yosef. The Natufian Culture and the Early Neolithic: Social and Economic Trends in Southwestern Asia // P. Bellwood & C. Renfrew (ed). Examining the Farming / Language Dispersal Hypothesis. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. P. 113–126.

Basqet.dbf — *Basque etymological database* by John Bengtson. Интернет-ресурс (Tower of Babel project): http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Baxter & Manaster Ramer 1996 — W. Baxter & A. Manaster Ramer. Review of: D. A. Ringe. *On Calculating the Factor of Chance in Language Comparison*. In: *Diachronica* 13 (1996). Pp. 371–384.

Baxter & Manaster Ramer 2000 — Baxter, W. / Manaster Ramer, A. Beyond lumping and splitting: Probabilistic issues in historical linguistics. In: C. Renfrew et al. (eds.). Time Depth in Historical Linguistics. McDonald Institute for Archaeological Research, Oxford Publishing Press. P. 167–188.

Baxter 1995 — W. H. Baxter. 'A stronger affinity … than could have been produced by accident': A probabilistic comparison of Old Chinese and Tibeto-Burman. In: W. S-Y. Wang (ed.). *The Ancestry of the Chinese Language*. Berkeley, 1995. P. 1–39.

Baxter 1998 — Baxter, William H. 1998. Response to Oswalt and Ringe. In: J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). *Nostratic: sifting the evidence*. Amsterdam: Benjamins. P. 217–236.

Beekes 2007 — R. S. P. Beekes. Pre-Greek. The Pre-Greek loans in Greek. 3rd version, Jan. 2007. Неопубл. рукопись // Available online at www.ieed.nl.

Beeler 1961 — M. S. Beeler. Senary counting in California Penutian // Anthropological Linguistics 3 (1961). P. 1–8.

Bellwood & Oxenham 2008 — P. Bellwood, M. Oxenham. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition // J.-P. Bocquet-Appel, O. Bar-Yosef (eds). The Neolithic Demographic Transition and its Consequences. Springer, 2008. P. 13–34.

Benedict 1972 — P. K. Benedict. Sino-Tibetan. A Conspectus. Cambridge, 1972.

Bengtson & Blažek 2011 — Bengtson, J. D. / Blažek, V. On the Burushaski–Indo-European hypothesis by I. Čašule. In: Journal of Language Relationship, No. 6. P. 25–63.

Bengtson & Starostin forthc. — Bengtson, J. / Starostin, G. The Sino-Caucasian (Dene-Caucasian) hypothesis: state of the art and perspectives. To appear.

Bengtson 1997 — Bengtson, J. D. The riddle of Sumerian: a Dene-Caucasian language? In: Mother Tongue 3. P. 63–74.

Bengtson 1997 — J. D. Bengtson. The riddle of Sumerian: a Dene-Caucasian language? In: *Mother Tongue* 3 (1997). P. 63–74.

Bengtson 2008 — Bengtson, J. D. Linguistic Fossils: Studies in Historical Linguistics and Paleolinguistics. Theophania Publishing.

Bengtson 2008 — J. D. Bengtson. *Linguistic Fossils: Studies in Historical Linguistics and Paleolinguistics*. Theophania Publishing, 2008.

Bengtson 2008a — Bengtson, J. D. The Problem of "Isolates" II: Burushaski. In: Bengtson 2008. P. 55–70.

Bengtson 2008a — J. D. Bengtson. The Problem of "Isolates" II: Burushaski. In: *Bengtson 2008*. P. 55–70.

Bengtson 2008b — Bengtson, J. D. Materials for a Comparative Grammar of the Dene-Caucasian (Sino-Caucasian) Languages. In: Aspects of Comparative Linguistics, vol. 3. Moscow: RSUH Publishers. P. 45–118.

Bengtson 2008b — J. D. Bengtson. Materials for a Comparative Grammar of the Dene-Caucasian (Sino-Caucasian) Languages. In: *Aspects of Comparative Linguistics*, Vol. 3. Moscow: RSUH Publishers, 2008. P. 45–118.

Benli Laz — F. Benli. Lazuri-Turkili / Turkili-Lazuri Ansiklopedik Laksiyoni. İstanbul, 2004.

Berger 1998 — H. Berger. Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. 3 Bd. Wiesbaden, 1998.

Blažek 1999 — V. Blažek. Numerals: Comparative-Etymological Analyses of Numerals Systems and Their Implications. Brno: Masarykova univerzita, 1999.

Blažek 2007 — V. Blažek. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages // JIES, Vol. 35, 2007. Pp. 82–109.

Blažek 2009 — V. Blažek. Dravidian numerals // Вопросы языкового родства [Journal of language relationship]. No. 1. 2009. Moscow. P. 69–80.

Blažek 2010 — Blažek, V. Hurrian numerals. In: Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. Москва: Языки славянских культур. С. 117–123.

Bleek 1956 — D. F. Bleek. A Bushman dictionary. New Heaven, 1956.

Blench 1999 — R. M. Blench. Are the African pygmies an ethnographic fiction? In: K. Biesbrouck, S. Elders & G. Rossel (eds.). *Central African hunter-gatherers in a multi-disciplinary perspective: challenging elusiveness*. Leiden: Centre for Non-Western Studies, 1999. P. 41–60.

Blench 2006 — R. M. Blench. *Archaeology, Language and the African Past*. AltaMira Press, 2006.

Bocquet-Appel & Bar-Yosef 2008 — J.-P. Bocquet-Appel, O. Bar-Yosef (eds). The Neolithic Demographic Transition and its Consequences. Springer, 2008.

Bomhard 2008 — A. Bomhard. Some thoughts on the Proto-Indo-European cardinal numbers // J. D. Bengston (ed.). In Hot Pursuit of Language in Prehistory. Essays in the four fields of anthropology. In honor of Harold Crane Fleming. Amsterdam—Philadelphia, 2008. P. 213–222.

Bouckaert et al. 2013 — 2012 R. Bouckaert, P. Lemey, M. Dunn, S. J. Greenhill, A. V. Alekseyenko, A. J. Drummond, R. D. Gray, M. A. Suchard, Q. D. Atkinson. Mapping the Origins and Expansion of the Indo-European Language Family // Science, Vol 337, 24 August 2012. P. 957–960.

BR —O. Böhtlingk, R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. St. Peterburg, 1855–1875.

Brown et al. forthc. — C. H. Brown, E. W. Holman, and S. Wichmann. *Sound Correspondences in the World's Languages*. A ms version is available at: http://wwwstaff.eva.mpg.de/~wichmann/SoundCorrespondUploaded.pdf

Bryce 2005 — T. Bryce. The Kingdom of the Hittites. New edition. Oxford: Clarendon Press, 2005.

Buccellati & Kelly-Buccellati 2007 — G. Buccellati, M. Kelly-Buccellati. Urkesh and the Question of the Hurrian Homeland // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences, 175, No.2 (2007). P. 141–151.

Burde 1974 — C. Burde. Hethitische medizinische Texte. Wiesbaden, 1974.

Burney 1997 — Ch. Burney. Hurrians and Indo-Europeans in their historical and archaeological context // Al-Rafidan, 18 (1997). P. 175–193.

Buruet.dbf — *Burushaski etymological database* by S. Starostin (based on H. Berger's data). *Интернет-ресурс* (Tower of Babel project): http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956—.

Callaghan 1990 — C. A. Callaghan. Proto-Costanoan Numerals // International Journal of American Linguistics. Vol. 56, No. 1 (1990). P. 121–133.

Callaghan 1994 — C. A. Callaghan. Proto-Miwok Numerals // International Journal of American Linguistics. Vol. 60, No. 2 (1994). P. 161–176.

Campbell & Poser 2008 — L. Campbell & W. J. Poser. *Language Classification: History and Method*. Cambridge University Press, 2008.

Campbell 2007 — Campbell, D. Mood and modality in Hurrian. Ph.D. diss., The University of Chicago.

Campbell 2008 — Campbell, D. Split ergativity in Hurrian. In: Zeitschrift für Assyriologie 98. P. 262–294.

Castrén 1858 — M. A. Castrén's Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre / Herausgegeben von A. Schiefner. St. Peterburg, 1858.

Catsanicos 1996 — J. Catsanicos. L'apport de la bilingue de Hattusa à la lexicologie hourrite // Amurru 1: Mari, Ébla et les hourrites. Paris, 1996. P. 197–296.

Caucet.dbf — *North Caucasian etymological database* by S. Starostin and S. Nikolayev (published as *NCED*). *Интернет-ресурс* (Tower of Babel project): http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Çavuşoğlu et al. 2010 — Çavuşoğlu, R. / Işık, K. / Salvini, M. New Urartian inscriptions from East Turkey. In: Or. NS 79. P. 36–54.

CDA — J. Black, A. George, N. Postgate. A Concise Dictionary of Akkadian. 2nd ed. Wiesbaden, 2000.

CDLI — *Cuneiform Digital Library Initiative*. Интернет-ресурс: http://cdli.ucla.edu/

CdTU — M. Salvini. Corpus dei testi urartei. Vol. 1–3. Roma, 2008.

Charvát 2002 — P. Charvát. Mesopotamia Before History. Routledge, 2002.

CHD — The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1980—.

Chernykh 1992 — E. N. Chernykh. Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Chirikba 1996 — V. A. Chirikba. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology (Research School CNWS. School of Asian, African, and Amerindian Studies). Leiden, 1996.

Cohen 2010 — Y. Cohen. Rara avis: A study of the HU section of the S^a vocabulary // H. D. Baker et al. (eds). Your praise is sweet. A memorial volume for Jeremy Black from students, colleagues and friends. London, 2010. P. 29–40.

Collocott 1922 — E. E. V. Collocott. The speech of Niua Fo'ou. In: *The Journal of the Polynesian Society*, Vol. 31, No. 4(124) (1922). P. 185–189.

Comrie 1999 — B. Comrie. Haruai numerals and their implications for the history and typology of numeral systems // J. Gvozdanović (ed.). Numeral Types and Changes Worldwide. Mouton de Gruyter, 1999. P. 81–94:

CTH — E. Laroche. Catalogue des textes hittites. Paris, 1971.

de Martino & Giorgieri 2007 — de Martino, S. / Giorgieri, M. Hurritisch *ašti* "(Ehe)frau". In: Altorientalische Forschungen 34/1 (Festschrift für I. Wegner). S. 126–148.

DEDR — T. Burrow, M. B. Emeneau. A Dravidian etymological dictionary. 2nd ed. Oxford, 1984.

Diakonoff & Starostin 1986 — I. M. Diakonoff, S. A. Starostin. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft, N.F. 12). München, 1986.

Diakonoff 1971 — I. M. Diakonoff. Hurrisch und Urartäisch (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft, N.F., 6). München.

Diakonoff 1985 — I. M. Diakonoff. On the original home of the speakers of Indo-European // JIES 13 (1985), 92–174.

Diakonoff 1990 — I. M. Diakonoff. Language contacts in the Caucasus and the Near East // T. L. Markey, J. A. C. Greppin (eds). When Worlds Collide. Indo-Europeans and Pre-Indo-Europeans. AnnArbor, 1990. P. 53–65.

Diakonoff 1997 — I. M. Diakonoff. External connections of the Sumerian language. In: Mother Tongue 3. P. 54–62.

Diamond & Bellwood 2003 — J. Diamond, P. Bellwood. Farmers and Their Languages: The First Expansion // Science, vol. 300, 25 April 2003. P. 597–603.

Dickens 1994 — P. Dickens. English—Ju|'hoan, Ju|'hoan—English dictionary. Köln, 1994.

Dietrich & Mayer 1994 — Dietrich, M. / Mayer, W. Hurritische Weihrauch-Beschwörungen in ugaritischer Alphabetschrift. In: Ugarit-Forschungen 26. P. 73–112.

Dietrich & Mayer 1997 — Dietrich, M. / Mayer, W. Ein hurritisches Totenritual für ʿAmmištamru III. (KTU 1.125). In: B. Pongratz-Leisten et al. (eds.). Ana šadî Labnāni lū allik: Beiträge zu altorientalischen und mittelmeerischen Kulturen: Festschrift für Wolfgang Röllig (= AOAT 247). Kevelaer / Neukirchen-Vluyn. P. 79–89.

Dietrich & Mayer 2010 — Dietrich, M. / Mayer, W. Der hurritische Brief des Dušratta von Mīttānni an Amenḫotep III. Text — Grammatik — Kopie (= AOAT 382). Münster: Ugarit-Verlag.

Dijkstra 1993a — Dijkstra, M. The Ugaritic-Hurrian sacrificial hymn to El (RS 24.278 = KTU 1.128). In: Ugarit-Forschungen 25. P. 157–162.

Dijkstra 1993b — Dijkstra, M. The Akkado-Hurrian bilingual wisdom-text RS 15.010 reconsidered. In: Ugarit-Forschungen 25. P. 163–171.

Dijkstra 2006 — Dijkstra, M. The myth of *apši* “the (sea)dragon” in the Hurrian tradition. In: Ugarit-Forschungen 37. P. 315–323.

Dimmendaal 1989 — G. J. Dimmendaal. On language death in eastern Africa. In: N. C. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*. Cambridge University Press, 1989. P. 13–32.

Doke 1925 — C. M. Doke. An Outline of the Phonetics of the Language of the ǁhũ: Bushmen of North-West Kalahari // Bantu Studies and General South African Anthropology. 1925, vol. 2 (3). P. 29–65.

Dolgopolsky 1986 — A. Dolgopolsky. A probabilistic hypothesis concerning the oldest relationships among the language families of northern Eurasia. In: V. V. Shevoroshkin / T. L. Markey (eds.). Typology, Relationship, and Time: A Collection of Papers on Language Change and Relationship by Soviet Linguists. Ann Arbor (MI): Karoma. P. 27–50.

Dolgopolsky 1989 — A. Dolgopolsky. Cultural contacts of Proto-Indo-European and Proto-Indo-Iranian with neighbouring languages // Folia Linguistica Historica, vol. 8, issue 1–2 (1989). P. 3–36.

Dolgopolsky ND — A. Dolgopolsky. Nostratic Dictionary. A preliminary publication. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2008. Available online: www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512.

Dravet.dbf — G. S. Starostin. Dravidian etymological databases // // Available online at Tower of Babel Project.

Duke 2001 — D. J. Duke. *Aka as a contact language: sociolinguistic and grammatical evidence*. University of Texas, Arlington, MA Thesis, 2001. Интернет-ресурс: www.sil.org/Africa/Cameroun/bydomain/linguistics/theses/Complete%20Thesis-DDuke.pdf

DUL — G. del Olmo Lete, J. Sanmartín. A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition. Leiden—Boston, 2003.

Dunn & Terrill 2012 — M. Dunn & A. Terrill. Assessing the lexical evidence for a Central Solomons Papuan family using the Oswalt Monte Carlo Test. In: *Diachronica* 29:1 (2012). P. 1–27.

Dunn et al. 2007 — M. Dunn, R. Foley, S. Levinson, G. Reesink, A. Terrill. Statistical Reasoning in the Evaluation of Typological Diversity in Island Melanesia // Oceanic Linguistics, Vol. 46, No. 2 (Dec., 2007). P. 388–403.

A. Dybo & G. Starostin 2008 — Dybo, A. / Starostin, G.: In defense of the comparative method, or the end of the Vovin controversy. In: Aspects of Comparative Linguistics, vol. 3. Moscow: RSUH Publishers. P. 119–258.

Dye 1980 — T. S. Dye. The linguistic position of Niuafo'ou. In: *The Journal of the Polynesian Society*, Vol. 89, No. 3 (1980). P. 349–357.

EDAL — S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003.

Edelman 1999 — Dž. I. Edelman. On the history of non-decimal systems and their elements in numerals of Aryan languages // J. Gvozdanović (ed.). Numeral Types and Changes Worldwide. Mouton de Gruyter, 1999. P. 221–243.

EDHIL — A. Kloekhorst. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Brill, 2008.

Eichner 1992 — H. Eichner. Anatolian // J. Gvozdanović (ed.). Indo-European Numerals. Mouton de Gruyter, 1992. P. 29–96.

Eichner 2010 — H. Eichner. Laudatio hostiae und laudatio victimae im Palaischen // Hethitica 16. Peeters, 2010. P. 39–58.

Emmerick 1992 — R. Emmerick. Iranian // J. Gvozdanović (ed.). Indo-European Numerals. Mouton de Gruyter, 1992. P. 289–346.

Epps 2006 — P. Epps. Growing a numeral system: The historical development of numerals in an Amazonian language family // Diachronica. Vol. 23(2). 2006. P. 259–288.

ePSD — *Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary Project*. Интернет-ресурс: http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html

ePSD — Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary Project: http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html

ETCSL — *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*. Интернет-ресурс: http://etcsl.orinst.ox.ac.uk

Ethnologue 15 — R. G. Gordon, Jr. (ed.). Ethnologue: Languages of the World. 15th ed. Dallas: SIL International, 2005. Online version: www.ethnologue.com.

Fähnrich 1980 — H. Fähnrich. Zur genealogischen Einordnung der hattischen und kassitischen Sprache // Georgica 3. 1980. P. 73–75.

Forrer 1921 — E. Forrer. Ausbeute aus den Boghazköi-Inschriften // MDOG 61. 1921. P. 20–39.

Forrer 1922 — E. Forrer. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG 76. 1922. P. 174–269.

Fournet & Bomhard 2010 — Fournet, A. / Bomhard, A. R. The Indo-European Elements in Hurrian. La Garenne Colombes / Charleston.

Fournet 2011 — A. Fournet. About some features of loanwords in Hurrian. In: *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies* 6/1 (2011). P. 43–59.

Franklin 2006 — J. C. Franklin. The Wisdom of the Lyre: Soundings in Ancient Greece, Cyprus and the Near East // E. Hickmann, A. A. Both, R. Eichmann (eds.). Musikarchäologie im Kontext: Archäologische Befunde, historische Zusammenhänge, soziokulturelle Beziehungen. Vorträge des 4. Symposiums der Internationalen Studiengruppe Musikarchäologie im Kloster Michaelstein, 19.–26. September 2004. Rahden (Westfallen), 2006. S. 379–397 [http://www.kingmixers.com/Franklin PDF files copy/WisdomLyre.pdf].

Gabeskiria 1998 —Ş. Gabeskiria. Hattiler, Hatti ve Hitit dilleri üzerine bazı düşünceler // Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology. Çorum, September 16–22, 1996. Ankara, 1998.

Gamkrelidze & Ivanov 1995 — Th. V. Gamkrelidze, Vjač. Vs. Ivanov. Indo-European and the Indo-Europeans. Mouton de Gruyter, 1995.

Garelli AC — P. Garelli. Les assyriens en Cappadoce. Paris, 1963.

Gell-Mann et al. 2009 — Gell-Mann, M. / Peiros, I. / Starostin, G. Distant Language Relationship: The Current Perspective. In: Journal of Language Relationship, No. 1. P. 13–30.

George 2003 — A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. 2 vols. Oxford, 2003.

Giorgieri 1998 — Giorgieri, M. Die erste Beschwörung der 8. Tafel des Šalašu-Rituals. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 9. P. 71–86.

Giorgieri 1999 — Giorgieri, M. La lettera in hurrita (EA 24). In: M. Liverani, Le lettere di el-Amarna, vol. 2. Brescia, Paideia Editrice. P. 374–391.

Giorgieri 2000 — Giorgieri, M. Schizzo grammaticale della lingua hurrica. In: S. de Martino et al. (eds.). La civiltà dei Hurriti (= La parola del Passato 55). Napoli, Macchiaroli Editore. P. 171–277.

Giorgieri 2001 — Giorgieri, M. Die hurritische Fassung des Ullikummi-Lieds und ihre hethitische Parallele. In: G. Wilhelm (ed.). Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 (= StBoT 45). Wiesbaden.

Giorgieri 2002 — Giorgieri, M. Hurritisch *tōb/v-* 'beschwören'. In: SMEA 44/1. P. 67–82.

Girbal 1992 — Girbal, Chr. Zum hurritischen Vokabular. In: SMEA 29. P. 159–169.

Girbal 1994 — Girbal, Chr. *šummi* im Boğazköy-Hurritischen. In: Altorientalische Forschungen 21/1. S. 171–175.

Girbal 2001 — Girbal, Chr. Selbständige Pronomina der ersten Person Singular im Urartäischen. In: Th. Richter et al. (eds.). Kulturgeschichten: Altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag. Saarbrücken. S. 139–144.

Girbal 2004 — Girbal, Chr. Notizen zum Urartäischen. In: SMEA 46/1. P. 25–28.

Girbal 2010 — Girbal, Chr. Urartäisch *barzani zelde*. In: Altorientalische Forschungen 37/1. S. 153–158.

Girbal 1986 — Girbal, Chr. Beiträge zur Grammatik des Hattischen (Europaische Hochschulschriften Reihe XXI, Bd. 50). Frankfurt am Main; Bern; New York, 1986.

GLD — G. Starostin (ed.). *The Global Lexicostatistical Database*. Интернет-ресурс: http://starling.rinet.ru/new100/main.htm [последнее посещение 02.06.2012].

GLH — E. Laroche. Glossaire de la langue hourrite. Paris, 1980.

Goedegebuure 2006 — P. M. Goedegebuure. A New Proposal for the Reading of the Hittite Numeral '1': šia- // The Life and Times of Ḫattušili III and Tutḫaliya IV: Proceedings of a Symposium held in Honour of J. de Roos, 12–13 December 2003, Leiden / Ed. by T. P. J. van den Hout & C. H. van Zoest. Leiden: 2006. P. 65–88.

Goedegebuure 2007 — P. Goedegebuure. The syntactic alignment of Hattian / Invited lecture at the Workshop "Limited Corpus Languages", July 25, 2007, Rencontre Assyriologique Internationale 53, Moscow.

Goedegebuure 2008 — P. Goedegebuure. Central Anatolian languages and language communities in the Colony period. The Luwian substrate of Hattian and the independent Hittites // PIHANS 11 (2008). P. 137–180.

Görke 2010 — Görke, S. Das Ritual der Aštu (CTH 490). Rekonstruktion und Tradition eines hurritisch-hethitischen Rituals aus Boğazköy-Ḫattuša. Brill.

Gray & Atkinson 2003 — Gray, R. D. & Q. D. Atkinson. 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature 426, 27 November 2003.

Gray et al. 2009 — R. D. Gray, A. J. Drummond, S. J. Greenhill. Language Phylogenies Reveal Expansion Pulses and Pauses in Pacific Settlement // Science, 323, 23 January 2009. P. 479–483.

Greenberg 1990 — J. H. Greenberg. Generalizations about numeral systems // On Language: Selected writings of Joseph H. Greenberg / Ed. by K. Denning and S. Kemmer. Stanford University Press, 1990. P. 271–309. [Originally published in: Universals of Human Language / Ed by J. H. Greenberg, Ch. A. Fergson, & E. A. Moravcsik. Vol 3. Stanford University Press, 1978. P. 249–295].

Grignard 1924 — A. Grignard. An Oraon-English Dictionary. St. Gabriel-Mödling, 1924 [reprint: 1986].

Guerrero et al. 2008 — E. Guerrero, S. Najiand, J.-P. Bocquet-Appel. The signal of the Neolithic demographic transition in the Levant // J.-P. Bocquet-Appel, O. Bar-Yosef (eds). The Neolithic Demographic Transition and its Consequences. Springer, 2008. P. 57–80

Gwynn 1991 — J. P. L. Gwynn. A Telugu-English dictionary. Delhi; New York: Oxford University Press, 1991 [available online: dsal.uchicago.edu/dictionaries/gwynn/]

Haas & Thiel 1976 — V. Haas, H.-J. Thiel (eds). Das hurritologische Archiv (Corpus der hurri(ti)schen Sprachdenkmäler) des Altorientalischen Seminars der Frein Universität Berlin. Berlin, 1976.

Haas & Wegner 1996 — V. Haas / I. Wegner. Stern, Tag und Segen(?) im Hurritischen. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 8. P. 285–290.

Haas & Wegner 2004 — V. Haas / I. Wegner. Das Gegenwortpaar ‘wahr’ und ‘falsch’ im Hurritischen. In: D. Groddek / S. Rößle (eds). Šarnikzel: Hethitologische Studien zum Gedenken an Emil Orgetorix Forrer. Dresden. P. 339–344.

Haas & Wegner 2010 — V. Haas / I. Wegner. Beiträge zum hurritischen Lexikon: Die hurritischen Verben *ušš-* ‘gehen’ und *ašš-* ‘abwaschen, abwischen’. In: J. Klinger et al. (eds.). Investigationes Anatolicae: Gedenkschrift für Erich Neu (StBoT 52). Wiesbaden. S. 97–110.

Haas 1993 — V. Haas. Hurritologische Miszellen. In: Altorientalische Forschungen 20/2. S. 261–268.

Haas 1998a — V. Haas. Die hurritischen Ritualtermini in hethitischem Kontext. 2 vols (ChS 1/9). Roma.

Haas 1998b — V. Haas. Der heilkundige Jäger. In: SMEA 40/1. P. 143–150.

Haas 2002 — V. Haas. *Рец. на* J. Tischler. Hethitisches Handwörterbuch // Orientalische Literaturzeitung. Bd. 97, Nr. 4–5 (2002). S. 499 ff.

Haas 2003 — V. Haas. Materia Magica et Medica Hethitica. Berlin, 2003.

Hammarström 2004 — H. Hammarström. Properties of Lower Numerals and their Explanation: A Reply to Paweł Rutkowski // Journal of Universal Language 5 (2), 2004. P. 1–20.

Harvey 1992 — M. Harvey. The Gaagudju people and their language. PhD at the University of Sydney, 1992.

Haspelmath & Tadmor 2009 — M. Haspelmath & U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook*. De Gruyter Mouton, 2009.

Haspelmath & Tadmor 2009a — M. Haspelmath & U. Tadmor. The Loanword Typology project and the World Loanword Database. In: *Haspelmath & Tadmor 2009*. P. 1–34.

Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Loanword typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability. In: Th. Stolz et al. (eds.). Aspects of Language Contact. New Theoretical, Methodological and Empirical Findings with Special Focus on Romancisation Processes. Mouton de Gruyter, 2008. P. 43–62.

Hazenbos 2005 — Hazenbos, J. Hurritisch und Urartäisch. In: M. P. Streck (ed.). Sprachen des Alten Orients. Darmstadt. S. 135–158.

HED — J. Puhvel. Hittite Etymological Dictionary. Berlin–New York–Amsterdam: Mouton Publishers. Vol. 1–2 (*a—e—i*), 1984; Vol. 3 (*h*), 1991; Vol. 4 (*k*), 1997; Vol. 5 (*l*), 2001; Vol. 3 (*m*), 2004.

HEG — J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977—.

Heine 1980 — B. Heine. *The Non-Bantu Languages of Kenya*. Berlin, 1980.

Helimski 2000 — E. Helimski. Early Indo-Uralic linguistic relationships: Real kinship and imagined contacts // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., Языки русской культуры, 2000. С. 489–501.

Henning 1942 — W. B. Henning. An astronomical chapter of the Bundahishn // Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 74, 1942. P. 229–248.

Henning 1949 — W. B. Henning. Oktō(u) // Transactions of the Philological Society 1948. London, 1949.

Hewitt 1979 — B. G. Hewitt, in collaboration with Z. K. Khiba. Abkhaz. Amsterdam, 1979.

Hinz & Koch EW — W. Hinz, H. Koch. Elamisches Wörterbuch. Berlin, 1987.

Hoffner & Melchert 2008 — H. A. Hoffner, H. C. Melchert. A grammar of the Hittite language. P.1. Reference grammar. Eisenbrauns, 2008.

Hoffner 1998 — Hoffner, H. A. Hittite Myths. Ed. by G. M. Beckman. 2nd ed. (= WAW 2). Atlanta.

Holman et al. 2008 — Holman, E. W. / Wichmann, S. / Brown, C. H. / Velupillai, V. / Müller, A. / Brown, P. / Bakker, D. Explorations in automated language classification. In: Folia Linguistica, 42. P. 331–354.

Holton 2000 — G. Holton. The Phonology and Morphology of the Tanacross Athabaskan Language. PhD, University of California, 2000.

Hrůša 2010 — Hrůša, I.: Die akkadische Synonymenliste *malku* = *šarru*. Eine Textedition mit Übersetzung und Kommentar (= AOAT 50). Ugarit-Verlag.

Huehnergard 1987/2008 — Huehnergard, J.: Ugaritic Vocabulary in Syllabic Transcription (Harvard Semitic Studies 32). 1st ed.: Atlanta, 1987; 2nd repr. ed.: Winona Lake, 2008, with addenda on pp. 375–406.

HW — J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952.

HW² — J. Friedrich, A. Kammenhuber. Hethitisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1975—.

HWHT — O. Soysal. Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung (Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. 74). Brill, 2004.

Itkonen 1958 — T. I. Itkonen. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja*. Helsinki, 1958.

Ivanov 1988 — Vjač. Vs. Ivanov. Relations between the ancient languages of Asia Minor // Šulmu. Papers on the Near East presented at the International conference. Prague, 1988. P. 133–144.

Ivanov 1998 — Vyač. Vs. Ivanov. Horse symbols and the name of the horse in Hurrian. In: G. Buccellati / M. Kelly-Buccellati (eds.). Urkesh and the Hurrians Studies in Honor of Lloyd Cotsen (Urkesh/Mozan Studies 3). Malibu. P. 145–166.

Ivanov 2001 — Vyač. Vs. Ivanov. Southern Anatolian and Northern Anatolian as Separate Indo-European Dialects and Antolian as a Late Linguistic Zone // Greater Anatolian and the Indo-Hittite Family / Ed. R. Drews (= Journal of Indo-European Studies. Monograph Series. № 38).Washington (D.C.): Institute for the Study of Man, 2001. P. 131–183.

Jacobsen 1960 — T. Jacobsen. Ittallak Niāti // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 19, No. 2 (1960). P. 101–116.

Jacobsen 1963 — T. Jacobsen. The Akkadian Ablative Accusative // Journal of Near Eastern Studies, Vol. 22, No. 1 (1963). P. 18–29.

Jagersma 2010 — A. H. Jagersma. *A Descriptive Grammar of Sumerian*. Ph.D. diss., Leiden University, 2010.

Jahukyan 1961 — Jahukyan, G. B.: The Hayaša language and its relation to the Indo-European languages. In: Archív Orientální, 29. P. 353–405.

Janhunen 1998 — J. Janhunen. Ethnicity and language in prehistoric Northeast Asia // R. Blench & M. Spriggs (eds). Archaeology and Language II. London: Routledge, 1998. P. 195–208.

Justeson & Stephens 1980 — J. S. Justeson & L. D. Stephens. Chance cognation: a probabilistic model and decision procedure for historical inference. In: E. C. Traugott, R. Labrum & S. C. Shepherd (eds.). *Papers from the Fourth International Conference on Historical Linguistics, Stanford, March 26–30 1979*. J. Benjamins, 1980. P. 37–45.

Kartet.dbf — Kartvelian etymology. DB compiled by Sergei Starostin // Available online at Tower of Babel Project.

Kassian & Yakubovich 2002 — A. Kassian, I. Yakubovich. The Reflexes of IE Initial Clusters in Hittite // Anatolian Languages / Ed. V. Shevoroshkin and P. Sidwell. Canberra, 2002 (AHL Studies in the Science and History of Language 6). P. 10–48.

Kassian 2009 — A. S. Kassian. Hittite *yaya*- “to expectorate (phlegm)” // Ugarit-Forschungen, Bd 40, 2009. P. 471–476.

Kassian 2010a — A. S. Kassian. 2011a: More about the theoretical foundations of lexicostatistics (An answer to A. Fournet & A. Bomhard). In: Journal of Language Relationship, No. 5. P. 142–145.

Kassian 2010a — A. S. Kassian. Hattic as a Sino-Caucasian language. In: Ugarit-Forschungen. Bd 41. P. 309–447.

Kassian 2010b — A. S. Kassian. Review of: The Indo-European Elements in Hurrian, by Arnaud Fournet & Allan R. Bomhard (2010) // Journal of Language Relationship, No. 4 (2010). P. 199–206.

Kassian 2011a — A. Kassian. Hurro-Urartian from the lexicostatistical viewpoint. In: *Ugarit-Forschungen*, Bd 42 (2011). P. 383–451.

Kassian 2011b — A. S. Kassian. Annotated 50-item wordlist of the basic lexicon of the Ancient Greek language (the idiolect of Herodotus). In: Journal of Language Relationship, No. 6. P. 65–100.

Kassian 2013 — A. S. Kassian. The Lezgian linguistic group within the framework of the Global Lexicostatistical Database. Talk at the conference «Comparative-Historical Linguistics of the 21st Century: Issues and Perspectives», Moscow, March 20–22, 2013. http://www.academia.edu/3040336/The_Lezgian_linguistic_group_within_the_framework_of_the_Global_Lexicostatistical_Database

Kassian et al. 2010 — A. Kassian, G. Starostin, A. Dybo, V. Chernov. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship, No. 4 (2010). P. 46–89.

Katz 1998 — J. Katz. How to be a Dragon in Indo-European: Hittite *illuyankas* and its Linguistic and Cultural Congeners in Latin, Greek, and Germanic // Jay Jasanoff et al. (eds.). Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, University of Innsbruck, 1998. P. 317–334.

Katz forthcoming — J. T. Katz. On the Regularity of Nasal Dissimilation in Anatolian [To appear in a forthcoming Festschrift].

KB — L. Koehler, W. Baumgartner. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Revised by W. Baumgartner and J. J. Stamm. Leiden-NY-Köln, 1994–2000.

KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig/Berlin, 1916—.

Kelly-Buccellati 2004 — M. Kelly-Buccellati. Andirons at Urkesh: New evidence for the Hurrian identity of the Early Trans-Caucasian culture? // A. Sagona (ed.). A view from the highlands. Archaeological studies in honour of Charles Burney. Louvain: Peeters, 2004. P. 67–89.

Kessler & Lehtonen 2006 — B. Kessler & A. Lehtonen. Multilateral comparison and significance testing of the Indo-Uralic question. In: P. Forster & C. Renfrew (eds.). *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archaeological Research, 2006. P. 33–42.

Kessler 2007 — B. Kessler. Word similarity metrics and multilateral comparison. In: *Proceedings of Ninth Meeting of the ACL Special Interest Group in Computational Morphology and Phonology*. Prague, 2007. P. 6–14.

Khachikyan 2006 — Khachikyan, M.: Notes on the Urartian verb. In: SMEA 48. P. 143–149.

Khachikyan 2009 — Khachikyan, M.: Notes on Hurro-Urartian Phonology and Morphology. In: Altorientalische Forschungen 36/2. S. 234–242.

Khoiet.dbf — G. S. Starostin. Khoisan etymological databases // Tower of Babel Project.

Kilmer 1963 — Kilmer, A.: The first tablet of *malku = šarru* together with its explicit version. In: Journal of the American Oriental Society, 83/4. P. 421–446.

Kimball 1999 — S. E. Kimball. Hittite Historical Phonology. Innsbruck, 1999.

Kitchen et al. 2009 — A. Kitchen, C. Ehret, Sh. Assefa & C. J. Mulligan. Bayesian phylogenetic analysis of Semitic languages identifies an Early Bronze Age origin of Semitic in the Near East. In: *Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences* 276 (2009). P. 2703–2710.

Klimov EDKL — G. A. Klimov. Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Walter de Gruyter, 1998.

Klinger 1996 — J. Klinger. Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht. 1996.

Klinger 2005 — J. Klinger. Hattisch // Sprachen des Alten Orients / Ed. M.P. Streck. Darmstadt, 2005.

Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. Some Indo-Uralic Aspects of Hittite // JIES 36/1–2 (2008). P. 88–95.

Knapp 1996 — A. B. Knapp (ed.). Near Eastern and Aegean Texts from the Third to the First Millennia BC. Altamont, 1996.

Knapp 2008 — A. B. Knapp. Prehistoric and Protohistoric Cyprus. Identity, Insularity, and Connectivity. Oxford, 2008.

Köbler 2007 — G. Köbler. Germanisches Wörterbuch. 3. Aufl. 2007. http://www.koeblergerhard.de/germwbhinw.html

Kohl 2007 — P. L. Kohl. The making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.

Kohl 2009 — P. L. Kohl. Origins, homelands and migrations. Situating the Kura-Araxes Early Transcaucasian ‘culture’ within the history of Bronze Age Eurasia // Tel Aviv 36 (2009). P. 241–265.

König & Heine 2001 — Chr. König & B. Heine. The !Xun of Ekoka. Germany, 2001.

Košak Konkordanz — S. Košak. Konkordanz der hethitischen Keilschrifttafeln (I—LXI), v.1.0. http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/hetkonk/ [посещение 06.2008].

Krauss & Leer 1981 — M. E. Krauss & J. Leer. *Athabaskan, Eyak, and Tlingit Sonorants*. Alaska Native Language Center Research Papers, No. 5, 1981.

Krebernik 2001 — Krebernik, M.: Tall Bi‘a / Tuttul. Bd 2: Die Altorientalischen Schriftfunde. Saarbrücker Druckerei und Verlag.

Krebernik 2006 — M. Krebernik. Philologische Aspekte elamisch-mesopotamischer Beziehungen im Überblick // Babel und Bibel. Annual of Ancient Near Eastern, Old Testament and Semitic Studies. Vol. 3. Eisenbrauns, 2006. P. 59–100.

Kronasser EHS — H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1963–1966.

KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1921—.

Kun Chang 1972 — Kun Chang. Sino-Tibetan ‘Iron’: *qhleks // Journal of the American Oriental Society, Vol. 92, No. 3 (1972). P. 436–446.

Lam 2007 — Lam, J.: The Hurrian Section of the Ugaritic Ritual Text RS 24.643 (KTU 1.148). In: Ugarit-Forschungen 38. P. 399–413.

Laroche 1955 — Laroche, E.: Textes hourrites. In: C. F.-A. Schaeffer (ed.). Le palais royal d’Ugarit. Vol. 3: J. Nougayrol. Textes accadiens et hourrites des archives est, ouest et centrales. Paris. P. 327–335, pl. CVIII–CIX.

Laroche 1968 — Laroche, E.: Documents en langue hourrite provenant de Ras Shamra. In: J. Nougayrol et al. (eds.). Ugaritica 5. Paris. P. 447–544.

Laycock 1973 — D. C. Laycock. Sissano, Warapu, and Melanesian pidginization. In: *Oceanic Linguistics*, Vol. 12, No. 1/2 (1973). P. 245–277.

Lean 1992 — G. A. Lean. Counting systems of Papua New Guinea and Oceania. Thesis submitted toward fulfilment of the degree of doctor of philosophy. December, 1992. With four appendices. Papua New Guinea, University of technology. [www.uog.ac.pg/glec/thesis/thesis.htm]

Legrand 2006 — S. Legrand. The emergence of the Karasuk culture // Antiquity 80 (2006). P. 843–879.

Lehrman 1998 — A. Lehrman. Indo-Hittite Redux. Moscow: Paleograph, 1998.

Lehrman 2001 — A. Lehrman. Reconstructing Proto-Indo-Hittite // Greater Anatolia and the Indo-Hittite language family. Papers presented at a colloquium hosted by the University

of Richmond, March 18–19, 2000 [The Journal of Indo-European Studies Monograph Series No. 38] / Ed. R. Drews. Washington, 2001. P. 106–130.

LHL 1 — S. de Martino, M. Giorgieri. Literatur zum hurritischen Lexikon. Bd 1: *A*. LoGisma editore, 2008.

LHL 1 — S. de Martino, M. Giorgieri. Literatur zum hurritischen Lexikon. Bd 1: *A*. LoGisma editore, 2008.

Ligeti 1950 — L. Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia Hungarica. T. 1, fasc. 1 (1950). P. 141–188.

LSJ — H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexicon. With a revised supplement. Oxford, 1996.

Luján Martínez 1999 — E. U. Luján Martínez. The Indo-European Numerals from '1' to '10' // J. Gvozdanovič (ed.). Numeral Types and Changes Worldwide. Mouton de Gruyter, 1999. P. 199–219.

Luwians 2003 — H. C. Melchert (ed.). The Luwians. Boston: Brill, 2003.

Lyonnet 2007a — B. Lyonnet. Introduction // B. Lyonnet (ed.). Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007. P. 11–20.

Lyonnet 2007b — B. Lyonnet. La culture de Maïkop, la Transcaucasie, l'Anatolie orientale et le Proche-Orient: relations et chronologie // B. Lyonnet (ed.). Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007. P. 133–162.

Mailhammer 2011 — R. Mailhammer. The prehistory of European languages // J. van der Auwera & B. Kortmann (eds.). The Languages and Linguistics of Europe. World of Linguistics 1. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2011. P. 671–682.

Makarov & Batashev 2004 — N. P. Makarov, M. S. Batashev. Cultural origins of the taiga-dwelling peoples of the Middle Yenisei // E. J. Vajda (ed.). Languages and Prehistory of Central Siberia (Current Issues in Linguistic Theory 262). John Benjamin Publishing Company, 2004. P. 235–248.

Mallory & Adams 2006 — J. P. Mallory & D. Q. Adams. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford University Press, 2006.

Mallory 1997 — J. Mallory. The homelands of the Indo-Europeans // R. Blench & M. Spriggs (eds). Archaeology and Language I. London: Routledge, 1997. P. 93–121.

Manzura 2005 — I. Manzura. Steps to the steppe: or, how the North Pontic region was colonised // Oxford Journal of Archaeology 24/4 (2005). P. 313–338.

Martirosyan 2010 — H. K. Martirosyan. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Brill, 2010.

Mayrhofer EWA — M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: C. Winter, 1992–2001.

McMahon & McMahon 2005 — McMahon, A. / McMahon, R.: Language Classification by Numbers. Oxford.

Melchert 1983 — H. C. Melchert. Pudenda Hethitica // Journal of Cuneiform Studies. Vol. 35, No. 3/4 (1983). P. 137–145.

Melchert 1984 — H. C. Melchert. Studies in Hittite historical phonology. Göttingen, 1984.

Melchert 1993 — H. C. Melchert. Cuneiform Luvian Lexicon. Chapel Hill, 1993.

Melchert 2003a — H. C. Melchert. Prehistory // Luwians 2003. P. 8–26.

Melchert 2003b — H. C. Melchert. Language // Luwians 2003. P. 170–210.

Melchert 2004 — H. C. Melchert. A Dictionary of the Lycian Language. 2nd ed. Ann Arbor / New York, 2004.

Melchert 2009 — H. C. Melchert. Deictic pronouns in Anatolian // K. Yoshida & B. Vine (ed.). East and West. Papers in Indo-European Studies. Bremen, 2009. P. 151–161.

Melchert AHP — H. C. Melchert. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam—Atlanta: Rodopi, 1994.

Melena 1987 — J. L. Melena. On the untransliterated syllabograms *56 and *22 // P. H. Ilievski & L. Crepajac (eds.). Tractata Mycenaea. Proceedings of the Eighth International Colloquium on Mycenaean Studies, Held in Ohrid (15–20 September 1985). Skopje, 1987. P. 203–232.

Militarev 2010 — A. Militarev. A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 1–34. In: *Journal of Language Relationship*, No. 3 (2010). P. 43–78.

Militarev 2012 — Militarev, A.: A Complete Etymology-based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 55–74. In: Journal of Language Relationship 7, 2012, 71–103.

Nakhleh et al. 2005 — Luay Nakhleh, Tandy Warnow, Donald Ringe & Steven N. Evans. A Comparison of Phylogenetic Reconstruction Methods on an IE Dataset // The Transactions of the Philological Society 103 (2005). P. 171–192.

Native American Number Worksheets (American Indian Numerals) (www.native-languages.org/numbers.htm) // “Native Languages of the Americas” project (www.native-languages.org) [последнее посещение: 01.2009]

NCED — S. L. Nikolayev, S. A. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994 [reprinted: 3 vols. Ann Arbor: Caravan Books, 2007]. Available online at the *Tower of Babel* project as Caucet.dbf: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Neu 1996 — E. Neu. Das hurritische Epos der Freilassung I: Untersuchungen zu einem hurritisch-hethitischen Textensemble aus Hattuša (Studien zu den Boğazköy Texten 32). Wiesbaden.

Neu 1997 — E. Neu. Zur Herkunft des Inselnamens Kypros // Glotta 73, 1995–96 (1997). P. 1–7.

Neu 2003 — E. Neu. Die hurritischen Pronomina der hurritisch-hethitischen Bilingue aus Hattuša. In: G. Beckman et al. (eds.). Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday. Eisenbrauns. P. 297–307.

Neumann 2007 — G. Neumann. Glossar des Lykischen. Überarbeitet und zum Druck gebracht von J. Tischler. Harrassowitz, 2007.

Nichols & Warnow 2008 — Nichols, J. / Warnow, T.: Tutorial on Computational Linguistic Phylogeny. In: Language and Linguistics Compass 2/5. P. 760–820.

Nichols 2010 — J. Nichols. Proving Dene-Yeniseian genealogical relatedness. In: *The Dene-Yeniseian Connection* (Anthropological Papers of the University of Alaska, Vol. 5 NS, No. 1–2, 2010). P. 299–309.

Nikolaev 1991 — Nikolaev, S.: Sino-Caucasian Languages in America. Preliminary report. In: Dene-Sino-Caucasian Languages: Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory, Ann Arbor, 8–12 November 1988. Bochum. P. 42–66.

Nikolaev 1991 — S. Nikolaev. Sino-Caucasian languages in America. Preliminary report. In: *Dene-Sino-Caucasian Languages: Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory, Ann Arbor, 8–12 November 1988*. Bochum, 1991. P. 42–66.

Nostret.dbf — Nostratic etymology. DB compiled by Sergei Starostin // Available online at Tower of Babel Project.

Oettinger 1979 — N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nuremberg: H. Carl, 1979.

OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.

Orel 1998 — Vl. Orel. Albanian Etymological Dictionary. Brill, 1998.

Orel 2000 — Vl. Orel. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Brill, 2000.

Orel 2003 — Vl. Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Brill, 2003.

Oswalt 1970 — R. L. Oswalt. The detection of remote linguistic relationships. In: *Computer Studies in the Humanities and Verbal Behavior* 3 (1970). P. 117–129.

Pagel et al. 2007 — M. Pagel, Q. Atkinson, A. Meade. Frequency of word-use predicts rates of lexical evolution throughout Indo-European history. In: *Nature* 449 (2007). P. 717–720.

Pakendorf 2007 — B. Pakendorf. Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. LOT, 2007.

Paris & Batouka — C. Paris, N. Batouka. Dictionnaire abzakh (tcherkesse occidental). T. 1–2. Peeters Publishers, 1988–2005.

Paris 1989 — C. Paris. West Circassian (Adyghe: Abzakh dialect) // B. G. Hewitt (ed.). The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 2: The North West Caucasian Languages. Delmar, N.Y.: Caravan Books, 1989.

Patri 2009a — S. Patri. La perception des consonnes hittites dans les langues étrangères au XIIIe siècle // Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 99 (2009). S. 87–126.

Patri 2009b — S. Patri. Aspects de la position génétique du hourrite. In: G. Wilhlem (ed.). General Studies and Excavations at Nuzi, 11/2: Studies in Honor of David I. Owen (Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians, 18). Bethesda: University Press of Maryland, CDL Press. P. 341–354.

Payne 1991 — D. L. Payne. A classification of Maipuran (Arawakan) languages based on shared lexical retentions // D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.). Handbook of Amazonian languages. Vol. 3. Walter de Gruyter, 1991. P. 355–499.

Payne 2010 — A. Payne. Hieroglyphic Luwian. An introduction with original texts. 2nd ed. Wiesbaden, 2010.

Pecchioli Daddi 2010 — F. Pecchioli Daddi. The Hittite word *talla-* // J. Klinger et al. (eds). Investigationes Anatolicae. Gedenkschrift für Erich Neu (StBoT 52). Wiesbaden, 2010.

Peiros & Starostin 1996 — I. I. Peiros, S. A. Starostin. A Comparative Vocabulary of Five Sino-Tibetan Languages. 6 vols. Melbourne, 1996.

Piet.dbf — Indo-European etymology. DB compiled by Sergei Nikolayev // Available online at Tower of Babel Project.

Pinault 2006 — G.-J. Pinault. Retour sur le numéral “un” en tokharien // Indogermanische Forschungen, 111 (2006). S. 71–97.

Pinnow 1959 — H.-J. Pinnow. *Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache*. Wiesbaden, 1959.

Pok. — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern—München: Francke, 1949–1959.

Prechel & Richter 2001 — Prechel, D. / Richter, Th.: Abrakadabra oder Althurritisch: Betrachtungen zu einigen altbabylonischen Beschwörungstexten. In: Th. Richter et al. (eds.). Kulturgeschichten: Altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag. Saarbrücken. S. 333–371.

Reiter 1997 — K. Reiter. Die Metalle im Alten Orient (AOAT 249). Münster, 1997.

Rendsburg, G. A., 1982: Semitic przl/brzl/br̲dl ‘iron’. In: Scripta Mediterranea. Bulletin of the Society for Mediterranean Studies, Toronto, Canada. Vol. 3. P. 54–71.

Rice 2012 — K. Rice. Linguistic Evidence Regarding the Apachean Migration // D. J. Seymour (ed.). From the Land of Ever Winter to the American Southwest. Athapaskan Migrations, Mobility, and Ethnogenesis. Salt Lake City, 2012. P. 249– 270.

Richter 2005 — Richter, Th.: Kleine Beiträge zum hurritischen Wörterbuch. In: Altorientalische Forschungen 32/1. S. 23–44.

Richter 2007 — Richter, Th.: Ergänzungen zum hurritischen Wörterbuch I. In: Altorientalische Forschungen 34/1. S. 78–115.

Richter 2012 — Th. Richter. *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden, 2012.

Rieken & Yakubovich 2010 — E. Rieken, I. Yakubovich. The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172 // I. Singer (ed.). *ipamati kistamati pari tumatimis*: Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of his 70th Birthday. Tel Aviv, 2010. P. 199–219.

Rieken 1999 — E. Rieken. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen. 1999.

Rieken 2003 — E. Rieken. Rev. of CHD Š1 // Historische Sprachforschung 116 (2003). S. 308–310.

Rießler 2009 — M. Rießler. Loanwords in Kildin Saami, a Uralic language of northern Europe. In: *Haspelmath & Tadmor 2009*. P. 384– 413.

Ringe 1992 — D. A. Ringe. *On Calculating the Factor of Chance in Language Comparison* (TAPS 82/1). Philadelphia, 1992.

Ringe 1998 — Ringe, Don. 1998. A probabilistic evaluation of Indo-Uralic. In: J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). *Nostratic: sifting the evidence*. Amsterdam: Benjamins. P. 153–197.

Ringe 1999 — Ringe, D.: How hard is it to match *CVC*-roots? In: Transactions of the Philological Society 97/2. P. 213–244.

Röseler 1999 — Röseler, I.: Hurritologische Miszellen. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 10. P. 393–400.

Ross 1991 — M. D. Ross. Refining Guy's Sociolinguistic Types of Language Change. In: *Diachronica* 8/1 (1991). P. 119–129.

Ross 2001 — M. Ross. Contact-induced change in Oceanic languages in North-West Melanesia. In: A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Areal Diffusion and Genetic Inheritance*. Oxford: Oxford University Press. P. 134–166.

Ross 2009 — M. Ross. Loanwords in Takia, an Oceanic language of Papua New Guinea. In: *Haspelmath & Tadmor 2009*. P. 747–770.

Rothman 2002 — M. S. Rothman. Tepe Gawra. The evolution of a small, prehistoric center in northern Iraq. University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2002.

Rubio 1999 — G. Rubio. On the alleged pre-Sumerian substratum. In: *Journal of Cuneiform Studies* 51 (1999), 1–16.

Rubio 2005 — G. Rubio. On the linguistic landscape of early Mesopotamia. In: W. H. van Soldt et al. (eds.). *Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre*

Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002 (PIHANS, vol. 102). Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2005. P. 316–332.

Sagart 2004 — L. Sagart. The higher phylogeny of Austronesian and the position of Tai-Kadai // Oceanic Linguistics 43. P. 411–444

Salvini & Wegner 2004 — Salvini, M. / Wegner, I.: Die mythologischen Texte (ChS 1/6). Roma.

Salvini 1998a — Salvini, M.: The earliest evidences of the Hurrians before the formation of the reign of Mittanni. In: G. Buccellati / M. Kelly-Buccellati (eds.). Urkesh and the Hurrians Studies in Honor of Lloyd Cotsen (Urkesh/Mozan Studies 3). Malibu. P. 99–115.

Salvini 1998b — Salvini, M.: Eine urartäische Felsinschrift in der Region Nachičevan. In: Zeitschrift für Assyriologie 88. S. 94–99.

Salvini 2002 — Salvini, M.: Una stele di Rusa III Erimenaḫi dalla zona di Van. In: SMEA 44/1. P. 115–143.

Salvini 2007 — Salvini, M.: Rusa I. II. III. In: Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie, Bd 11. Walter de Gruyter, 2006–2008. P. 464–466.

SCC — S. A. Starostin. Sino-Caucasian. Unfinished mss. (the middle of 2000's). Available online at Tower of Babel Project: http://starling.rinet.ru/Texts/scc.pdf

Sccet.dbf — Sino-Caucasian etymological database by S. A. Starostin // Available online at Tower of Babel Project: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Schauer 2005 — S. & J. Schauer, E. Yucuna, W. Yucuna. Diccionario bilingue yukuna-español, español-yukuna. Bogotá, 2005.

Schmidt 1962 — K. H. Schmidt. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962.

Schniz 1891 — H. Schinz. Deutsch-Südwest-Afrika. Forschungsreisen durch die deutschen Schutzgebiete Gross-Nama und Hereroland, nach dem Kunene, dem Ngami-See und der Kalahari 1884–1887. Oldenburg: Schulzesche Hof-Buchhandlung und Hof-Buchdruckerei (A.-Schwarz), 1891.

Schuster 1974 — H. G. Schuster. Die Hattisch-Hethitischen Bilinguen. I. Einleitung, Texte und Kommentar. Leiden, 1974, Teil 1.

Schuster 2002 — H. G. Schuster. Die Hattisch-Hethitischen Bilinguen. II. Textbearbeitungen. Leiden, 2002, Teile 2-3.

Schwemer 2001 — D. Schwemer. Wettergottgestalten. Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen: Materialien und Studien nach den schriftlichen Quellen. Wiesbaden, 2001.

Scurlock & Andersen — J. Scurlock, B. Andersen. Diagnoses in Assyrian and Babylonian Medicine: Ancient Sources, Translations, and Modern Medical Analyses. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2005.

SED — A. Militarev, L. Kogan. *Semitic Etymological Dictionary* (AOAT 278). Vol. 1: *Anatomy of Man and Animals*. Ugarit-Verlag, 2000. Vol. 2: *Animal Names*. Ugarit-Verlag, 2005.

Szemerényi 1960 — O. Szemerényi. Studies in the Indo-European System of Numerals, Heidelberg, 1960.

Semet.dbf — Semitic etymological database by A. Militarev // Available online at Tower of Babel Project.

Sidwell 2010 — P. Sidwell. The Austroasiatic central riverine hypothesis. In: *Journal of Language Relationship*, No. 4 (2010). P. 117–134.

Siewierska 2004 — Siewierska, A.: Person. Cambridge.

Singer 2007 — I. Singer. Who where the Kaška? // Phasis. Greek and Roman Studies. Vol. 10 (II), 2007. P. 166–181.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja, I—VII (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII, 1–7) / Ed. by Y.H. Toivonen et al. Helsinki, 1955 ff.

Smeets 1989 — Smeets, R.: On Hurro-Urartian as an East Caucasian language [a review of Diakonoff & Starostin, 1986]. In: Bibliotheca Orientalis 46/3–4. P. 259–279.

Snyman 1970 — J. W. Snyman. An introduction to the !Xũ (!Kung) language. Communications from the School of African Studies, No. 34. Cape Town, 1970.

Snyman 1979 — J. W. Snyman. The relationship between Angolan !Xũ and Žu|'hõasi // Bushman and Hottentot linguistic studies. Ed. by J. W. Snyman. University of South Africa (UNISA), Pretoria, 1979. P. 1–58.

Soysal 1989 — O. Soysal. Der Apfel möge die Zähne nehmen! // Orientalia 58/2. 1989.

Soysal 1999 — O. Soysal. Рец. на: Klinger 1996 // Kratylos 44 (1999). P. 161–167.

Soysal 2004 — O. Soysal. Review of H.-S. Schuster, Die hattisch-hethitischen Bilinguen II // BiOr 61/3–4 (2004). S. 355–377.

Soysal 2004a — O. Soysal. The Angry Priests in a Hattian-Hittite Narrative // Journal of Ancient Near Eastern Religions. Vol. 4, issue 1. 2004. P. 75–98.

Soysal 2005 — O. Soysal. On the origine of the royal title *tabarna/labarna*. Anatolica 31 (2005). P. 189–209.

Soysal 2006 — O. Soysal. Das hethitische Wort für »Zinn« // Historische Sprachforschung 119 (2006). S. 109–116.

Soysal 2010 — O. Soysal. Zum Namen der Göttin Katahzipuri mit besonderer Berücksichtigung des Kasussystems des Hattischen // Babel und Bibel 4: Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1, part 2. Winona Lake, 2010. P. 1041–1058.

G. Starostin 2008a — G. S. Starostin. From Modern Khoisan Languages to Proto-Khoisan: The Value of Intermediate Reconstructions // Аспекты компаративистики [Aspects of

Comparative Linguistics]. Vol. 3. Moscow: RSUH Publishers, 2008. P. 337–470 [available online at Tower of Babel Project].

G. Starostin 2010a — G. S. Starostin. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // Journal of Language Relationship, No. 3, 2010.

G. Starostin 2010b — G. S. Starostin. Dene-Yeniseian and Dene-Caucasian: Pronouns and other thoughts. In: Working Papers in Athabaskan Languages 2009: Alaska Native Language Center Working Papers, No. 8. Fairbanks, Alaska: ANLC. P. 107–117.

G. Starostin 2011c — G. S. Starostin. Annotated Swadesh wordlists for the Nakh group (North Caucasian family). Database compiled and annotated by G. S. Starostin (2011). Available at GLD: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\ncc\nah&limit=–1

G. Starostin 2008b — G. S. Starostin. *Making a Comparative Linguist out of your Computer: Problems and Achievements*. Presentation at the Santa Fe Institute, August 12, 2008. Available at: http://starling.rinet.ru/Texts/computer.pdf

G. Starostin 2010a — G. S. Starostin. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. In: *Journal of Language Relationship*, No. 3 (2010). P. 79–116.

G. Starostin 2010b — G. S. Starostin. Dene-Yeniseian and Dene-Caucasian: Pronouns and other thoughts. In: *Working Papers in Athabaskan Languages 2009: Alaska Native Language Center Working Papers*, No. 8 (2010). Fairbanks, Alaska: ANLC. P. 107–117.

G. Starostin 2011a — *Annotated Swadesh wordlists for the Agneby group (Kwa family)*. Database compiled and annotated by G. S. Starostin (last version: October 2011). Available at GLD: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\kwa\agn&limit=–1

G. Starostin 2011b — *Annotated Swadesh wordlists for the South Omotic group (Omotic family)*. Database compiled and annotated by G. S. Starostin (2011). Available at GLD: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\omo\som&limit=–1

G. Starostin 2012 — G. S. Starostin. Dene-Yeniseian: a critical assessment. In: *Journal of Language Relationship*, No. 8 (2012). P. 117–138.

S. Starostin 1989/1999 — S. A. Starostin. Comparative-historical Linguistics and Lexicostatistics // Historical Linguistics and Lexicostatistics. Melbourne, 1999: P. 3–50. Reprinted in: Time Depth in Historical Linguistics. McDonald Institute for Archaeological Research, Oxford, 2000. P. 223–259. In Russian: Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Л*ингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.: Наука, 1989. С. 3–39. Reprinted in: Старостин 2007. P. 407–447.

S. Starostin 1997/2007 — S. A. Starostin. A Review of V. A. Chirikba's «Common West Caucasian» [Chirikba 1996] // Старостин 2007. С. 682–744. [First publ.: Mother Tongue, vol. 3, 1997. P. 185–243.]

S. Starostin 2007a — S. A. Starostin. Indo-European among other language families: Problems of dating, contacts and genetic relationships // Старостин 2007. P. 806–820.

S. Starostin 2007b — S. A. Starostin. Indo-European glottochronology and homeland // Старостин 2007. P. 821–826.

Stibet.dbf — Sino-Tibetan etymological database by S. A. Starostin (= Peiros & Starostin 1996, but with serious improvement) // Available online at Tower of Babel Project: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Strauß 2001 — Strauß, R. Eine Rezeptur und Beschwörung für die Zubereitung von "Weihwasser" in dem Ritual CTH 471. In: Th. Richter et al. (eds.). Kulturgeschichten: Altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag. Saarbrücken. S. 405–416.

Süel & Soysal 2007 — A. Süel, O. Soysal. The Hattian-Hittite Foundation Rituals from Ortaköy (I) // Anatolica, 2007, vol. 33. P. 1–22.

Süel & Soysal forthcoming — A. Süel, O. Soysal. The Hattian-Hittite Foundation Rituals from Ortaköy (II—III) [в печати].

Suthiwan & Tadmor 2009 — T. Suthiwan & U. Tadmor. Loanwords in Thai. In: *Haspelmath & Tadmor 2009*. P. 599–616.

Tadmor 2009 — U. Tadmor. Loanwords in the world's languages: Findings and results. In: *Haspelmath & Tadmor 2009*. P. 55–75.

Tadmor et al. 2010 — U. Tadmor, M. Haspelmath, B. Taylor. Borrowability and the notion of basic vocabulary. In: *Diachronica* 27:2 (2010). P. 226–246.

Takács EDE — G. Takács. Etymological Dictionary of Egyptian. Brill, 1999–.

Tamil lexicon — Tamil lexicon. University of Madras, 1924–1936 [available online: dsal.uchicago.edu/dictionaries/ tamil-lex].

Taracha 1988 — P. Taracha. Zu den syntaktischen Verknüpfungen im Hattischen // AoF 15 (1988). S. 59–68.

Thomason & Kaufman 1988 — Thomason, S. G. / Kaufman T.: Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. University of California Press.

Thomason 2001 — S. G. Thomason. *Language Contact*. Edinburgh University Press, 2001.

Thompson DAB — R. C. Thompson. A Dictionary of Assyrian Botany. British Academy, 1949.

Tower of Babel Project — Etymological database project "The Tower of Babel", headed by S. A. Starostin. In affiliation with the Evolution of Human Languages (EHL) Project at the Santa Fe Institute. Available online: http://starling.rinet.ru/.

Tower of Babel project — Etymological database project *The Tower of Babel*, headed by S. A. Starostin. In affiliation with the *Evolution of Human Languages* (EHL) project at the Santa Fe Institute. Available online: http://starling.rinet.ru/

Traill 1994 — A. Traill. A !Xóõ dictionary. Köln, 1994.

Trémouille 2005 — Trémouille, M.-C.: Texte verschiedenen Inhalts (ChS 1/8). Roma.

Trifonov 2004 — V. Trifonov. Die Majkop-Kultur und die ersten Wagen in der südrussischen Steppe // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rheim, 2004. S. 167–176.

Turchin et al. 2010 — Turchin, P. / Peiros, I. / Gell-Mann, M.: Analyzing genetic connections between languages by matching consonant classes. In: Journal of Language Relationship, No. 3. P. 117–126.

Ünal 1973 — A. Ünal. Zum Status der "Augures" bei den Hethitern. In: *Revue hittite et asiatique*, tome 31, 1973. P. 27–56.

Ünal 1998 — A. Ünal. Hittite and Hurrian cuneiform tablets from Ortaköy (Çorum), Central Turkey. İstanbul, 1998.

Uralet.dbf — Uralic etymology. DB compiled by Sergei Starostin. Available online at Tower of Babel Project.

Vajda 2012 — E. Vajda. The Dene-Yeniseian connection: a reply to G. Starostin. In: *Journal of Language Relationship*, No. 8 (2012). P. 138–150.

Valério & Yakubovich 2010 — M. Valério, I. Yakubovich. Semitic word for 'Iron' as Anatolian loanword // Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. P. 108–116.

Valério 2007 — M. Valério. 'Diktaian master': A Minoan predecessor of Diktaian Zeus in Linear A? // Kadmos Bd. 46 (2007). P. 3–14.

van den Hout 2009a — Th. van den Hout. A century of Hittite text dating and the origins of the Hittite cuneiform script // Incontri Linguistici 32, 2009. P. 11–36.

van den Hout 2009b — Th. van den Hout. Reflection on the origin and development of the Hittite tablet collections in Hattusa and their consequences for the rise of Hittite literacy // Studia Asiana 5: Central-North Anatolia in the Hittite period. Acts of the international conference held at the University of Florence (7–9 february 2007). Roma, 2009. P. 71–96.

van den Hout 2010a — Th. van den Hout. The Hieroglyphic Luwian signs L. 255 and 256 and once again Karatepe XI // I. Singer (ed.). Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of his 70th Birthday. Tel Aviv, 2010. P. 234–243.

van den Hout 2010b — Th. van den Hout. The Rise and Fall of Cuneiform Script in Hittite Anatolia // Ch. Woods (ed.). Visible Language. Inventions of Writing in the Ancient Middle East and Beyond. Chicago, 2010. P. 99–108.

van Driem 2001 — G. van Driem. Languages of the Himalayas: An ethnolinguistic handbook of the greater Himalayan region. 2 vols. Brill, 2001.

van Gessel 1998 — van Gessel, B.: The Onomasticon of the Hittite Pantheon (HbOr I/33). Leiden, 1998–2001.

VBoT — A. Götze. Verstreute Boghazköi-Texte. Marburg, 1930.

Visser 2001 — H. Visser. Naro Dictionary. 4th ed. Gantsi, Botswana, 2001

Vogt 1963 — H. Vogt 1963. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963.

von Mészáros 1934 — J. von Mészáros. Die Päkhy-Sprache (The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization 9). Chicago, 1934.

Waetzoldt 1997 — Waetzoldt, H.: Die Berufsbezeichnung *tibira*. In: Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires, Nr. 96.

WALS — M. Haspelmath et al. The World Atlas of Language Structures. Oxford, 2005.

Weeks 1985 — D. M. Weeks. Hittite Vocabulary: An Anatolian Appendix to Buck's Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Ph.D dissertation, University of California, 1985.

Wegner 1981 — Wegner, I.: Gestalt und Kult der Ištar-Šawuška in Kleinasien (AOAT 36). Verlag Butzon & Bercker / Neukirchener Verlag.

Wegner 1988 — Wegner, I.: Grammatikalische und lexikalische Untersuchungen hurritischer Beschwörungsformeln aus Boğazköy. In: V. Haas (ed.). Hurriter und Hurritisch (= Xenia, 21). Konstanz. P. 145–155.

Wegner 1992 — Wegner, I.: Die selbständigen personalpronomina des Hurritischen. In: SMEA 29. P. 227–237.

Wegner 1994 — Wegner, I.: Hurritische Verba dicendi mit einfacher und doppelter Absolutiv-Rektion. In: Altorientalische Forschungen 21/1. S. 161–170.

Wegner 1995a — Wegner, I.: Die hurritischen Körperteilbezeichnungen. In: Zeitschrift für Assyriologie 85. S. 116–126.

Wegner 1995b — Wegner, I.: Der Name der Ša(w)uška. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 7. P. 117–120.

Wegner 2004 — Wegner, I.: Hurritische Opferlisten aus hethitischen Festbeschreibungen. T. 3: Das Glossar (ChS 1/3–3). Roma.

Wegner 2007 — Wegner, I.: Hurritisch. Eine Einführung. 2nd rev. ed. Wiesbaden.

Wegner 2010 — Wegner, I.: Das hurritische Fragepronomen *aunni* (*a-ú-u*(*n*)*-ni*) = hethitisch *kuit*. In: J. C. Fincke (ed.). Festschrift für Gernot Wilhelm anläßlich seines 65. Geburtstages am 28 Januar 2010. ISLET. P. 403–410.

Weich 2004 — F. Weich. San dictionary. Johannesburg, 2004.

Werner 2002 — H. Werner. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. 3 vols. Wiesbaden, 2002.

Wichmann et al. 2010 — Wichmann, S. / Holman, E. W. / Müller, A. / Velupillai, V. / List, J.-M. / Belyaev O. / Urban, M. / Bakker, D.: Glottochronology as a heuristic for genealogical language relationships. In: Journal of Quantitative Linguistics, 17/4. P. 303–316.

Wilcke 2010 — Wilcke, C.: Sumerian: What we know and what we want to know. In: L. Kogan et al. (eds.). Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale, vol. 1, part 1 (= Babel und Bibel 4). Eisenbrauns. P. 5–76.

Wilhelm 1970 — Wilhelm, G.: Ta/erdennu, ta/urtannu, ta/urtānu. In: Ugarit-Forschungen 2. P. 277–282.

Wilhelm 1972–1975 — Wilhelm, G.: Ḫubrušḫi. In: Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie, Bd 4. Walter de Gruyter, 1972–1975. P. 478.

Wilhelm 1981 — Wilhelm, G.: Der Komitativ des Urartäischen. In: SMEA 22. P. 133–136.

Wilhelm 1984 — Wilhelm, G.: Die Inschrift auf der Statue der Tatu-Hepa und die hurritischen deiktischen Pronomina. In: SMEA 24. P. 215–222.

Wilhelm 1988 — Wilhelm, G.: Gedanken zur Frühgeschichte der Hurriter und zum hurritisch-urartäischen Sprachvergleich. In: V. Haas (ed.). Hurriter und Hurritisch (= Xenia, 21). Konstanz. P. 43–67.

Wilhelm 1989 — Wilhelm, G.: The Hurrians. Warminster.

Wilhelm 1991a — Wilhelm, G.: A Hurrian Letter from Tell Brak. In: Iraq 53. P. 159–168.

Wilhelm 1991b — Wilhelm, G.: Zur hurritischen Gebetsliteratur. In: D. R. Daniels et al. (eds.). Ernten, was man sät: Festschrift für Klaus Koch zu seinem 65. Geburtstag. Neukirchener Verlag. S. 37–47.

Wilhelm 1992 — Wilhelm, G.: Hurritische Lexikographie und Grammatik. Die hurritisch-hethitische Bilingue aus Boğazköy. In: Orientalia NS 61. P. 122–141.

Wilhelm 1992b — Wilhelm, G.: EA 24. A letter in Hurrian about marriage and friendship. In: The Amarna Letters. Ed. and transl. by W. L. Moran. Baltimore/London. P. 63–71.

Wilhelm 1993 — Wilhelm, G.: Zur Grammatik und zum Lexikon des Hurritischen. In: Zeitschrift für Assyriologie 83. P. 99–118.

Wilhelm 1998a — Wilhelm, G.: Hur. *šinussi* ‘Scheuklappe’? In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 9. P. 173–176.

Wilhelm 1998b — Wilhelm, G.: Zur Suffixaufnahme beim Instrumental. In: Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians 9. P. 177–180.

Wilhelm 1998c — Wilhelm, G.: Die Inschrift des Tišatal von Urkeš. In: G. Buccellati / M. Kelly-Buccellati (eds.). Urkesh and the Hurrians Studies in Honor of Lloyd Cotsen (Urkesh/Mozan Studies 3). Malibu. P. 117–143.

Wilhelm 2003 — Wilhelm, G.: Bemerkungen zu der akkadisch-hurritischen Bilingue aus Ugarit. In: W. Sallaberger et al. (eds.). Literatur, Politik und Recht in Mesopotamien: Festschrift für Claus Wilcke (= OBC 14). Wiesbaden. P. 341–345.

Wilhelm 2006 — Wilhelm, G.: Der Brief Tušrattas von Mittani an Amenophis III. in hurritischer Sprache (EA 24). In: B. Janowski / G. Wilhelm (eds.). Texte der Umwelt des Alten Testaments, Neue Folge. Band 3: Briefe, Gütersloh, 2006. S. 180–190.

Wilhelm 2008a — Wilhelm, G.: Hurrian. In: R. D. Woodard (ed.). The Ancient Languages of Asia Minor. Cambridge. P. 81–104.

Wilhelm 2008b — Wilhelm, G.: Urartian. In: R. D. Woodard (ed.). The Ancient Languages of Asia Minor. Cambridge. P. 105–123.

J. Wilhelm 1922 — J. H. Wilhelm. Aus dem Wortschatz der !Kuŋ- und der Hukwe-Buschmannsprache // Zeitschrift für eingeborenen Sprache. Bd. XII. 1922. S. 291–304.

Winter 1992 — W. Winter. Some thoughts about Indo-European numerals // J. Gvozdanović (ed.). Indo-European Numerals. Mouton de Gruyter, 1992. P. 11–28.

WOLD — M. Haspelmath & U. Tadmor (eds.). *The World Loanword Database*. Available online at: http://wold.livingsources.org/ [последнее посещение 02.06.2012].

WP — A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny. Berlin—Leipzig: W. de Gruyter, 1927–1932.

Yakar 2008 — J. Yakar. The archaeology of the Kaška // A. Archi & R. Francia (eds). VI Congresso Internazionale di Ittitologia, Roma, 5–9 settembre 2005 (SMEA 50). Roma, 2008. P. 817–827.

Yakubovich 2002 — I. Yakubovich. Labyrinth for Tyrants // Studia Linguarum 3 (Memoriae A. A. Korolëv dicata) / Ed. A. S. Kassian and A. V. Sidel'tsev. Moscow, 2002. P. 93–116.

Yakubovich 2008 — I. Yakubovich. Hittite-Luvian bilingualism and the development of Anatolian hieroglyphs // Acta linguistica petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies. Vol. IV, part 1. Colloquia classica et indogermanica IV / Ed. N. N. Kazansky. Saint Petersburg, 2008. P. 9–36.

Yakubovich 2008a — I. Yakubovich. The Luvian enemy // Kadmos 47 (2008). P. 1–19.

Yakubovich 2009 — I. Yakubovich. Sociolinguistics of the Luvian Language. Brill, 2009.

Yakubovich 2009a — I. Yakubovich. Phonetic interpretation of Hurrian sibilants. Talk given at the conference *The Sound of Indo-European: Phonetics, Phonemics, and Morphophonemics*, Copenhagen, April 2009.

Yakubovich 2010 [2011] — I. Yakubovich. Morphological Negation in Urartian. In: A. Kosyan et al. (eds.). Urartu and its Neighbors. Festschrift in honor of Nicolay Harutyunyan in occasion of his 90th birthday (= Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies, No. 5). Yerevan. P. 141–165.

Yenet.dbf — Yenisseian etymological database by S. A. Starostin (= С. Старостин 1995 and Werner 2002 with additions and corrections) // Available online at Tower of Babel Project: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl

Yildirim & Zimmermann 2006 — T. Yildirim & T. Zimmermann. News from the Hatti Heartland — The Early Bronze Age Necropoleis of Kalınkaya, Resuloğlu, and Anatolian Metalworking Advances in the late 3rd Millennium BC // Antiquity 309 (2006). Available at: http://antiquity.ac.uk/projgall/zimmerman/

Zbenovich 1996 — V. G. Zbenovich. The Tripolye Culture: Centenary of Research // Journal of World Prehistory, vol. 10, No. 2 (1996). P. 199–241.

Zhivlov 2012 — *Annotated Swadesh wordlists for the Maiduan group (Penuti family)*. Database compiled and annotated by M. Zhivlov (March 2012). Available at GLD: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\pen\mai&limit=–1

Zimmermann 2009 — T. Zimmermann. Frühmetallzeitliche Eliten zwischen Ostägäis und Taurusgebirge im 3. Jahrtausend v.Chr. — Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme // M. Egg, D. Quast (eds.). Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes “Studien zu Genese und Struktur von Eliten in vor- und frühgeschichtlichen Gesellschaften”. Mainz, 2009. P. 1–32.

Zvelebil 1977 — K. Zvelebil. A Sketch of Comparative Dravidian Morphology. Part 1. Mouton, 1977.

Сокращения

а.п. — акцентная парадигма

абазин. — абазинский

абс. — абсолютив

абхаз. — абхазский

ав.-анд. — аваро-андийский

авест. — авестийский

адыг. — адыгский

аккад. — аккадский

алб. — албанский

алт. — (пра)алтайский

анатол. — (пра)анатолийский

англ. — английский

араб. — арабский

арин. — аринский

армян. — армянский

атапаск. — (пра)атапаскский

афраз. — (пра)афразийский

балт. — (пра)балтийский

балтослав. — (пра)балтославянский

баск. — баскский

библ. — библейский

бирм. — бирманский

болг. — болгарский

буруш. — бурушаски

в.-луж. — верхнелужицкий

венг. — венгерский

вост.-армян. — восточноармянский

вост.-кавк. — (пра)восточнокавказский

вост.-слав. — восточнославянский

герм. — (пра)германский

гот. — готский

груз. — грузинский

дарг. — даргинский

др.-анг. — древнеанглийский

др.-армян. — древнеармянский

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий

др.-греч. — древнегреческий

др.-евр. — древнееврейский

др.-инд. — древнеиндийский

др.-ирл. — древнеирландский

др.-исл. — древнеисландский

др.-рус. — древнерусский

др.-сакс. — древнесаксонский

др.-сканд. — древнескандинавский

др.-тюрк. — древнетюркский

др.-швед. — древнешведский

драв. — (пра)дравидийский

егип. — египетский

енис. — (пра)енисейский

зап.-кавк. — (пра)западнокавказский

зап.-сем. — западносемитский

зап.-слав. — западнославянский

и.-е. — (пра)индоевропейский

иер.-лув. — иероглифический лувийский

иерогл. — иероглифический (лувийский)

индо-иран. — (пра)индо-иранский

индо-хет. — (пра)индо-хеттский

иран. — (пра)иранский

исл. — исландский

исп. — испанский

кабард. — кабардинский

караханид. — караханидский

картв. — (пра)картвельский

кашуб. — кашубский

кет. — кетский

кит. — китайский

клин.-лув. — клинописный лувийский

клиноп. — клинописный (лувийский)

кор. — (пра)корейский

косв. — косвенная (основа)

котт. — котский

лаз. — лазский

лак. — лакский

лат. — латинский

лезг. — лезгинский

лид. — лидийский

лик. — ликийский (=ликийский A)

лит. — литовский

лтш. — латышский

лув. — (клинописный) лувийский

макед. — македонский

малаял. — малаялам

мар. — марийский

мегр. — мегрельский

микен. — микенский греческий

мил. — милийский (=ликийский B)

монг. — (пра)монгольский

морд. — мордовский

мунд. — (пра)мундский, мунда

н.-в.-нем. — нововерхненемецкий

н.-греч. — новогреческий

н.-луж. — нижнелужицкий

н.-перс. —новоперсидский

нах. — нахский

норв. — норвежский

ностр. — (пра)ностратический

обско-угор. — (пра)обско-угорский

осет. — осетинский

оск. — оскский

оф. арам. — официальный арамейский

пал. — палайский

пальмир. — пальмирский (арамейский)

пол. — польский

прям. — прямая (основа)

пумп. — пумпокольский

рус. — русский

саам. — саамский

сван. — сванский

сев.-драв. — (пра)северодравидийский

сев.-кавк. — (пра)северокавказский

сев.-койс. — (пра)северокойсанский

сев.-мунд. — (пра)северомундский

сем(ит). — (пра)семитский

серб.-хорв. — сербо-хорватский

сино-кавк. — (пра)сино-кавказский

сино-тиб. — (пра)сино-тибетский

слав. — (пра)славянский

словац. — словацкий

словен. —словенский

согд. — согдийский

ср.-анг. — древнеанглийский

ср.-асс. — среднеассирийский

ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий

ср.-греч. — среднегреческий

ср.-тамил. — среднетамильский

ст.-ассир. — староассирийский

ст.-болг. — староболгарский

ст.-вав. — старовавилонский

ст.-лат. — старолатинский

ст.-пол. — старопольский

ст.-рус. — старорусский

ст.-фран. — старофранцузский

табасар. — табасаранский

тайск. — тайский

тамил. — тамильский

тиб. — тибетский

тох. — тохарский

тунг. — (пра)тунгусо-маньчжурский

турец. — турецкий

туркм. — туркменский

тюрк. — (пра)тюркский

убых. — убыхский

угар. — угаритский

узко-и.-е. — узко-индоевропейский (и.-е. семья без анатол. ветви)

укр. — украинский

умбр. — умбрский

урал. — (пра)уральский

урарт. — урартский

фарер. — фарерский

фин. — финский

финик. — финикийский

хант. — хантыйский

хат. — хаттский

хет. — хеттский

хинал. — хиналугский

хорезм. — хорезмийский

ХУ — хуррито-урартский

хурр. — хурритский

ц.-койс. — (пра)центральнокойсанский

цез. — цезский

чечен. — чеченский

чеш. — чешский

чуваш. — чувашский

чулым. — чулымский

эбл. — эблаитский

эст. — эстонский

юг.— югский

юж.-драв. — (пра)южнодравидийский

юж.-койс. — (пра)южнокойсанский

япон. — (пра)японский

MH — Middle Hittite, текст, составленный в среднехеттскую эпоху, 1500–1350 гг. до н. э.

MS — Middle Script, среднехеттский пошиб, текст, записанный в 1500–1350 гг. до н. э.

NH — New Hittite, текст, составленный в новохеттскую эпоху, 1350–1200 гг. до н. э.

NS — New Script, новохеттский пошиб, текст, записанный в 1350–1200 гг. до н. э.

OH — Old Hittite, текст, составленный в древнехеттскую эпоху, 1650–1500 гг. до н. э.

OS — Old Script, древнехеттский пошиб, текст, записанный в 1650–1500 гг. до н. э.